Сергей Мирошниченко

перевод, комментарии, примечания

Стенограмма Нюрнбергского процесса 7

Нюрнбергские стенограммы: полный текст

Милитера 2020
Москва — Новочеркасск

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VII / Пер. с англ. и составление - Сергей Мирошниченко, 2020. — @Военная литература/Новочеркасск (Первопубликация)

Том седьмой стенограммы включает в себя расшифровку судебных заседаний с 20 февраля по 7 марта 1946. В ходе этих заседаний советское обвинение представило доказательства экономического разграбления, разграбления культурных ценностей, разрушении городов и сёл и преступлений против человечности в СССР и странах Восточной Европы. Участники процесса провели допрос свидетелей Григорьева, Орбели, Ломакина, Шмаглевской, Суцкевера, Ройзмана, Кивелиша. Обвинение завершило представление доказательств. Трибунал рассмотрел ходатайства защиты о свидетелях и документах.

Содержание

День шестьдесят третий

Среда, 20 февраля 1946

Утреннее заседание

Руденко[1]: Господин председатель, с разрешения трибунала, доказательства по разделу «разграбление и расхищение частной, общественной и государственной собственности» представит государственный советник юстиции второго класса, Л.Р. Шейнин.

Шейнин: Господа судьи! Моя задача заключается в том, чтобы представить суду доказательства преступных, грабительских мотивов гитлеровской агрессии и чудовищного ограбления народов Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР.

Мои коллеги уже доказали, что нападение на Советский Союз, как и на другие государства Европы, заранее планировалось и подготовлялось преступным гитлеровским правительством.

Я представлю суду ряд подлинных документов заговорщиков и их собственные высказывания и выступления, которые в совокупности своей докажут, что расхищение и разграбление частной, общественной и государственной собственности на оккупированных территориях также было заранее обдумано, запланировано и широко подготовлено и что, таким образом, наряду с заблаговременной разработкой чисто военных и стратегических планов нападения гитлеровцы также заблаговременно с хладнокровием и расчетливостью профессиональных грабителей, и убийц разработали и подготовили план организованного грабежа и мародерства, скрупулезно и точно подсчитав свои будущие «барыши», свою преступную наживу, свою разбойничью «добычу».

Международному военному трибуналу уже представлен официальный доклад чехословацкого правительства о преступлениях, совершенных гитлеровцами на территории Чехословацкой республики, явившейся первой жертвой германской агрессии. Этот документ представлен трибуналу под номером СССР-60.

В третий раздел этого доклада включена небольшая выдержка из статьи Лея, опубликованной 30 января 1940 г. в газете «Angriff[2]».

> «...Наше предназначение — принадлежать к высшей расе. Раса низшего уровня требует меньше места, одежды, меньше пищи и меньше культуры, чем раса высшего уровня...»

---

[1] Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

[2] «Атака» (нем.) — антисемитская и антикоммунистическая газета, издававшаяся в нацистской Германии в Берлине местным гау НСДАП.

Эта установка, эта программная линия нашла свое конкретное выражение в том, что все захваченные территории гитлеровские заговорщики подвергали безудержному ограблению, самому разнообразному в отношении форм и методов и совершенно бесстыдному по своим опустошительным результатам. В докладе чехословацкого правительства содержится большое количество примеров, подтверждающих соответствующие разделы обвинительного акта.

Я оглашаю эту часть доклада, начиная с первого абзаца страницы 72 русского перевода. Читаю:

> «...Немецкий план кампании против Чехословакии был направлен не только против республики как политического и военного целого, но и против самого существования чехословацкого народа, у которого были отняты не только политические права и культурная жизнь, но также и его благополучие, его финансовые и промышленные ресурсы.
>
> 1.Непосредственный грабеж.
>
> (а) После Мюнхена[3].
>
> Сразу же после Мюнхена немцы захватили все промышленные и коммерческие акционерные общества, принадлежавшие чехам и евреям, в районах, отнятых у республики, и все это без компенсации. У чехов и евреев было отнято их имущество, предприятия обычно путем кровавого насилия».

Далее в докладе приводится следующий характерный факт. Речь идет о том, с чего именно начал сам Гитлер[4] свое «знакомство» с только что захваченной им Чехословакией. Я оглашаю пункт «б» раздела доклада, озаглавленного «После вторжения 15 марта 1939 г.». Господа судьи найдут эту выдержку на страницах 3 и 4 тома документов. Читаю:

> «Гитлер вошел в Прагу поздним вечером 15 марта 1939 г. и провел ночь в знаменитой крепости Градчаны. На другой день он уехал, захватив с собой множество драгоценных гобеленов. Мы упоминаем об этом грабеже не ради ценности украденных вещей, но ради примера, показанного главой партии и немецкого государства в самый первый день вторжения.
>
> Немецкие отряды, наводнившие Прагу, привезли с собой целый штат немецких экономических экспертов, то есть экспертов экономического грабежа.

---

[3] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года иподписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области

[4] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основательтоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии(1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

Все, что представляло какую-либо ценность для Германии, было захвачено, особенно запасы сырья, меди, жести, железа, бумаги, шерсти и провианта.

Средства транспорта, вагоны, паровозы и т. д. были увезены в Рейх. Все рельсы в Протекторате[5], находившиеся в приличном состоянии, были сняты и посланы в Германию, а на их место были положены старые рельсы из Германии. Новые, только что изготовленные вагоны, которые были заказаны для пражских городских трамваев, были, вопреки их назначению, посланы в Рейх.

Пароходы, принадлежавшие чехословацкому обществу пароходного плавания по Дунаю (большинство акций принадлежало чехословацкому государству), были разделены между Германией и Венгрией.

Ценные художественные произведения и мебель исчезли из общественных зданий без всякой попытки какого-либо «законного» обоснования такого грабежа; картины, статуи, гобелены были увезены в Германию, а Чешский национальный музей, галерея современного искусства, общественные и частные собрания расхищены.

Германский имперский комиссар чехословацкого национального банка приостановил все переводные операции с заграницей и захватил золотой запас и валюту в Протекторате. Так, немцы взяли 23 тысячи килограммов золота в номинальной цене на 737 миллионов крон (5 265 тысяч фунтов стерлингов) и перевели золото из Банка международных операций[6] в Рейхсбанк».

Одним из способов тщательного, я бы сказал «тотального», ограбления являлась так называемая экономическая германизация. Я представляю трибуналу в качестве доказательства этих преступлений следующую выдержку из чехословацкого официального доклада. Эту выдержку господа судьи смогут найти на страницах 4 и 5 тома документов. Читаю:

«2. Экономическая германизация

(А). Земельная экспроприация

(аа) После Мюнхена

В областях, занятых германской армией, в октябре 1938 года, Германия начала налагать руку на все фермы, принадлежавшие чешским или еврейским собственникам, бежавшим из-за политических или расовых причин.

---

[5] Протекторат Богемии и Моравии — протекторат нацистской Германии, создан 16 марта 1939 после германской оккупации Чехословакии 15 марта 1939 года.

[6] Банк международных расчётов (БМР) — международная финансовая организация, в функции которой входит содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчётов; кроме того, это центр экономических и денежно-кредитных исследований. Основан в 1930.

Чехословацкая земельная реформа 1919 года, поскольку она была на пользу чехам, была объявлена недействительной, и чехи должны были сдать немцам скот, оборудование и мебель.

Формально чехи получили компенсацию; фактически же они были обложены пошлинами для того, чтобы покрыть расходы по так называемому «хладнокровному убытку», который они причинили якобы свом бегством. Эти пошлины далеко превосходили компенсацию.

Большие земледельческие государственные имения Чехословацкой республики сделались автоматически собственностью Рейха и попали под юрисдикцию соответствующих имперских министров.

(бб) После вторжения 15 марта 1939 года

После вторжения немецкие директора, надсмотрщики и мастера заменили чехов в государственных предприятиях Чехословацкой республики.

Германизация частной собственности началась, конечно, под лозунгом «аризации».

Германизация земледельческой Чехии и Моравии была поручена «Deutsche Siedlungsgesellschaft[7]» с центральным управлением в Праге.

Чешским земледельцам была предложена компенсация за их продукты, но по несоответствующим ценам.

Земледельческая германизация, кроме чистой и обыкновенной германизации, стремилась к тому, чтобы как можно больше чехов обнищало.

Нацисты делали все возможное, чтобы добыть как можно больше от чешского земледелия. Здесь тоже цель была двоякая: с одной стороны, добыть как можно больше продовольствия, а с другой — как можно глубже германизировать.

Сельские хозяева были изгнаны из своих владений для того, чтобы дать место немецким колонистам. Целые земледельческие районы были таким образом очищены от чехов. Хозяйственные кооперативы, которым был поручен контроль над производством продукции, были превращены в принудительные организации и также постепенно были германизированы.

Расхищение имущества сопровождалось грабежом продуктов земледелия. Большие штрафы, а часто даже смертная казнь ожидали чешских земледельцев за то, что они не соблюдали распоряжений о сдаче продуктов и пайков.

(В). Экспроприация банков и вкладов

---

[7] «Немецкое переселенческое общество» (нем.)

В Чехословакии промышленные предприятия непосредственно финансируются банками, которые часто владеют большинством акций или же контролируют их. Захватив контроль над банками, нацисты также захватили контроль над промышленностью.

(а) После Мюнхена.

После Мюнхена два крупных немецких банка — Dresdner Bank[8] и Deutsche Bank[9] — захватили филиалы пражских банков, находившихся на отнятой у Чехословакии территории. Так, Dresdner Bank захватил, между прочим, 32 отделения Богемского учетного банка[10], а Deutsche Bank — 25 отделений Богемского Union Bank.

Как только эти два банка получили контроль над судетскими[11] отделениями банков, они начали стремиться к тому, чтобы оказывать влияние и на пражские главные отделения соответствующих банков.

Чехословацкие банки были акционерными обществами. Каждое акционерное общество, в котором хотя бы один директор был евреем, стало считаться еврейским. Таким образом, и нееврейское имущество было захвачено.

(б) После вторжения 15 марта 1939.

После вторжения 15 марта 1939 г. несколько чехословацких банков в Чехии стали путем аризации имуществом Dresdner Bank; так немецкий банк захватил Union Bank Богемии. Таким образом, все финансовые интересы, которые эти банки имели в чешской промышленности, так же как и все акции, попали в германские руки.

С тех пор началось проникновение немецкого капитала в чешские банки, их экспроприация и слияние с немецкой банковской системой. Dresdner Bank (он был фактически предприятием, заведующим фондами национал-социалистской партии) и Deutsche Bank было поручено дело экспроприации фондов, принадлежащих чехословацким банковским концернам.

Различными «трансакциями», путем приобретения влияния через судетские филиалы на пражские главные отделения соответствующих банков, путем сокращения акций и увеличения их при помощи немецких акций, путем приобретения промышленных акций, путем

[8] «Дрезденский банк» — банковский концерн Германии. Основан в 1872 и просуществовавший до 10 мая 2009 года. Занимал третье место в Германии по балансовой сумме и численности персонала. С 2009 года «Dresdner Bank» является товарным знаком «Commerzbank». Исчез как название в конце 2010 года.

[9] «Немецкий банк» - крупнейший по числу сотрудников и сумме активов финансовый конгломерат Германии. Основан в 1870. Один из крупнейших банков Германии в период Третьего Рейха.

[10] Богемский учётный банк – чехословацкий банк. Основан в 1863. В 1939 поглощён Дрезденским банком.

[11] Судетская область, также Судетенланд — пограничный регион Чехии, промышленно развитая, богатаяполезными ископаемыми область на севере и северо-западе Чехии и сельская область на юго-западе и юге Чехии,получившая своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

лишения банков их промышленных интересов и т. д. оба берлинских банка добились полного контроля над банками Протектората. Им содействовал террор Гестапо».

Я пропускаю один абзац из этого доклада и перехожу к следующему разделу, озаглавленному.

«(С) Уничтожение национальной промышленности».

(а) Принудительная организация.

После вторжения немцы ввели в Чехии немецкий способ принудительной организации чешской промышленности в Протекторате.

Они назначили комитеты каждого нового общества и всех промышленных «групп», назначив хотя бы одного нациста председателем или товарищем председателя или же просто рядовым членом. Фактически все чешские члены правлений были бесправными фигурами.

(б) Оружейные заводы.

Dresdner Bank приобрел самые важные заводы в Чехословакии, то есть заводы Шкода[12] в Пльзене и чехословацкую «Збройовку[13]» в городе Брно. Частные акционеры должны были сдать свои акции по наименьшей стоимости; банк заплатил за эти акции купонами, изъятыми из оборота, или же купонами, конфискованными немцами в районах, захваченных ранее согласно Мюнхенскому договору.

(с) Концерн «Герман Геринг[14]».

Немецкий захват чехословацких банков, а таким образом и промышленности, посредством больших берлинских банков был осуществлен при содействии огромного концерна «Герман Геринг», который один за другим захватил самые большие чехословацкие промышленные предприятия под предлогом аризации, путем давления со стороны Рейха, путем финансовых «мероприятий» и, наконец, путем угроз Гестапо концентрационными лагерями.

Таким образом, все большие чехословацкие предприятия и оружейные заводы, угольная и металлургическая промышленность попали в немецкие руки. Огромная химическая промышленность была захвачена немецким концерном «I. G. Farben Industrie[15]».

---

[12] Шкода Холдинг — одна из крупнейших компаний Чехии, специализирующаяся на машиностроении. Основана в 1859 году графом Валленштейном-Вартенберком как литейная и машиностроительная фабрика в городе Пльзень. Концерн выпускал вооружение и технику, в том числе танки.

[13] Збройовка Брно — чешский производитель огнестрельного оружия, автомобилей, сельхозтехники, офисной и вычислительной техники. Штаб-квартира находилась в городе Брно.Существовала в 1918-2006.

[14] «Герман Геринг Верке» - государственный концерн , в ведение которого перешли многочисленные конфискованные у евреев заводы, а позже — заводы на оккупированных территориях.

[15] «Объединение интересов промышленности красильных материалов» — конгломерат германских концернов,

Я пропускаю абзац доклада, относящийся к тем же методам, применявшимся в отношении легкой промышленности, и перехожу к следующему разделу доклада, озаглавленному «Финансовый грабеж»:

> «После оккупации территории, отданной под предлогом Мюнхенского соглашения, немцы отказались принять на себя обязательства по чехословацкому государственному долгу, хотя приобрели весьма ценное государственное имущество в областях, отнятых у Чехословакии; 1600 миллионов крон государственными облигациями низкого знаменателя находились в обороте на занятой территории.
>
> Немцы оставили за собой право пользоваться ими, как законными денежными знаками».

Далее, господа судьи, в докладе подробно описывается разграбление гитлеровцами финансового хозяйства Чехословацкой республики. В целях сокращения времени я не буду оглашать эту выдержку, а просто представлю бухгалтерский баланс Национального банка Чехословакии.

> «Бухгалтерский баланс Национального банка Чехословакии демонстрировал следующие цифры «иных активов» в миллионах крон: 31 декабря 1938 – 845; 31 декабря 1939 – 3 576; 31 декабря 1942 – 17 366;
>
> Оглашу, далее, выдержку из раздела «Налоги»:
>
> «Когда началась война, нацисты наложили на Протекторат «военную контрибуцию» в размере 2000 миллионов крон (14 200 000 фунтов стерлингов) в год. Они утверждали, что они имеют на это право на том основании, что «чехи не воюют, а немцы воюют за них.
>
> Сразу после оккупации немцы захватили доходы с различных косвенных налогов и направили их в имперскую казну».

Таким образом, господа судьи, приведенные мною выдержки из доклада чехословацкого правительства дают ясное и точное представление о том, как, захватив Чехословакию, гитлеровцы подвергли ее самому разнузданному ограблению решительно во всех областях ее экономики — сельского хозяйства, промышленности и финансов.

Захватив в свои руки все народное хозяйство Чехословацкой республики, гитлеровское правительство поставило это хозяйство на службу своим преступным интересам, выкачивая из него все возможности для подготовки дальнейшей агрессии против народов Европы, для новых военных нападений, преследовавших чудовищную цель достижения мирового господства германской «высшей расы».

Я перехожу к оглашению четвертого раздела официального доклада польского правительства о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в оккупированной ими Польше. Этот доклад уже представлен трибуналу под номером

созданных в 1925 году и ранее во время Первой мировой войны. Ликвидирован в 1952.

СССР-93 и, согласно статье 21 устава, является бесспорным доказательством. Читаю выдержку из этого доклада, которую господа судьи могут найти на странице 14 тома документов.

«Экспроприация и грабеж общественной и частной собственности»

а) 27 сентября 1939 г. немецкие военные власти издали декрет о секвестре и конфискации польской собственности в западных провинциях. «На собственность Польского государства, польских общественных учреждений, муниципалитетов и союзов, лиц и корпораций может быть наложен секвестр, и оно, то есть это имущество, может быть конфисковано», — так гласит §1 упомянутого декрета.

б) Право военных властей распоряжаться польской собственностью в присоединенных провинциях перешло к особому «Haupttreuhandstelle Ost[16]» (установленному Герингом 1 ноября 1939 г.) с главным управлением в Берлине и отделениями в Польше. Ему была доверена администрация конфискованной собственности польского государства, а также экономическая политика в Польше, в согласии с планом, составленным правительством Рейха.

в) Согласно декрету от 15 января 1940 г. вся собственность польского государства была отдана «под охрану», что практически означало конфискацию всей государственной собственности на присоединенных территориях. Особый декрет от 12 февраля 1940 г. был посвящен земледелию и лесам с той же целью.

г) Конфискация частной собственности в западных провинциях была начата декретом от 31 января 1940 г. Приобретение собственности, а также изменение прав собственности на каждом предприятии требовало на присоединенных территориях особого разрешения. Дальнейшим декретом от 12 июня 1940 г. Геринг уполномочил «Haupttreuhandstelle Ost» захватить не только государственную собственность, но также и собственность граждан «бывшего польского государства».

д) Процесс конфискации, однако, подвигался далее. Собственность польских граждан могла быть захвачена и конфискована, если собственник не получал германского гражданства по декрету Гитлера от 8 октября 1939 г.

Дальнейшие декреты регламентировали вопросы уплаты долгов ввиду того, что секвестраторы были уполномочены платить долги только привилегированным кредиторам. Таковыми были члены «Deutsche

[16] «Главная служба доверительного управления «Восток» - учреждение в рамках четырёхлетнего плана занимавшиеся реализацией имущества конфискованного у поляков и евреев в Польше.

Volksliste[17]», поскольку дело касалось довоенных долгов, а также граждане Рейха или вольного города Данцига по отношению к долгам, возникшим после 1 сентября 1939 г.».

Я опускаю две страницы этого доклада, посвященные перечислению обществ, специально созданных для проведения этой грабительской деятельности, а также для ограбления польского еврейского населения, которое, как известно уже трибуналу, было в дальнейшем истреблено. Я перехожу к заключительной части доклада польского правительства. Господа судьи найдут эту выдержку на странице 17 тома документов.

Простые цитаты из этого и других декретов могут произвести совсем неправильное впечатление относительно средств, которые обвиняемые применяли к еврейской собственности в Польше. Но следует указать, что меры, касающиеся еврейской собственности, были лишь вступлением к гораздо большим преступлениям в будущем. В заключительной части этого раздела доклада справедливо указывается:

«Кроме преступлений, доказанных и представленных здесь, есть тысячи других, которые отошли в тень из-за размера массовых убийств, массового грабежа и массового разрушения».

Нет возможности перечислить все преступления, которые были совершены в Польше под непосредственным руководством подсудимого Франка, возглавлявшего всю власть в так называемом Генерал-губернаторстве[18].

Обнаруженные и приобщенные к материалам дела дневники Франка дают ясное и конкретное представление о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Польше под его руководством. В этих дневниках, господа судьи, содержатся также записи, непосредственно относящиеся к теме моего выступления.

Вот почему я, с вашего разрешения, приведу выдержки из дневника, которые ранее оглашены не были.

Из тома под названием «Заседания руководителей отделов 1939/40 гг.» страницы 11—12. В вашем томе документов, господа судьи, это находится на странице 21 — оборот. Читаю:

«...Мое отношение к полякам — это отношение между муравьем и тлей. Если я обрабатываю поляка и, так сказать, дружественно его щекочу, то я это делаю в ожидании того, что за это мне пойдет на пользу производительность его труда. Здесь речь идет не о политической, а о чисто тактической, технической проблеме. Там, где несмотря на все эти мероприятия не повышается производительность, или там, где самый незначительный акт дает мне повод принимать

---

[17] Фольксслист — специальный документ, выдававшийся властями Третьего рейха фольксдойче, прошедшим процесс натурализации, и игравший одновременно роль паспорта и удостоверения о «чистоте происхождения»

[18] Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

решительные меры, я не остановлюсь, конечно, и перед драконовскими мерами...»

Из тома с надписью «Дневник 1942 года».

«Доктор Франк: Если вспомнить, что 540 миллионов злотых Польского банка, распыленные в присоединенных восточных областях, были взяты Генерал-губернаторством без всякой оплаты со стороны империи, то это составит дань в сумме более полумиллиарда, которую Генерал-губернаторство уплатило Германии, не считая иных финансовых услуг».

Из того же тома, страница 1277. Речь идет о совещании губернаторов 7 декабря 1942 г. в Кракове. Там обсуждались мероприятия по повышению выпуска продукции в 1942— 1943 гг. Выступал некий доктор Фишер[19]. Читаю:

«Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек».

Из этого же тома, страница 1331. Выступает Франк. Читаю:

«Я постараюсь изъять из резервуара этой области все, что еще можно. Если вспомнить, что мне удалось отправить в Германию 600 тысяч тонн зерна и что к этому следует еще добавить 180 тысяч тонн для находящихся здесь войск, а также многие тысячи тонн посевного материала, жиров, овощей и отправку в Германию 300 миллионов яиц и т. д., то вы поймете, какое значение имеет эта область для Германии».

Тот же Франк (господа судьи найдут эту выдержку на странице 27 тома документов) говорил:

«Однако эти поставки империи имеют и свою значительную теневую сторону ввиду того, что возложенные на нас поставки превосходят продовольственные возможности области. Это ставит перед нами следующую проблему. Сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающие в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

В томе, озаглавленном «Рабочие заседания 1943 года», мы находим запись совещания от 14 апреля 1943 г., имевшего место в городе Кракове. На странице 28 тома документов господа судьи найдут выдержку, которую я намерен процитировать:

«Высказывается президент Науман[20]. Он приводит следующие цифры на 1943—1944 гг.:

[19] Людвиг Фишер (1905 – 1947) – немецкий юрист и политик. В 1941-1945 гражданский губернатор Варшавы. Казнён по приговору польского суда.

[20] Карл Науман (1905 – 1976) – немецкий чиновник и штандартенфюрер СС. В 1941-1945 председатель главного управления продовольствия и сельского хозяйства Генерал-губернаторства.

> 1500 тонн сладостей для немцев, 36 миллионов литров снятого молока для немцев, 15 100 тысяч литров цельного молока для немцев».

Он же продолжает – итоговые цифры на странице 28 документальной книги:

> «В прошлом году из поголовья скота Генерал-губернаторства было позаимствовано более 20 процентов наличного количества. При этом пошел на убой скот, необходимый для производства молока и масла. Это было осуществлено для того, чтобы более или менее обеспечить поставки для империи и армии. Для того чтобы изъять 120 тысяч тонн мяса, необходимо осуществить убой 40 процентов наличного поголовья скота».

И далее:

> «На вопрос господина генерал-губернатора президент Науман отвечает, что в 1940 году было изъято 383 тысячи тонн зерна, в 1941 году — 685 тысяч тонн зерна, в 1942 году — 1,2 миллиона тонн зерна. Из этого уже видно, что изъятие увеличивается с каждым годом и все более достигает пределов возможного. Теперь собираются увеличить изъятие на 200 тысяч тонн, и тем самым будет достигнут крайний предел. Голод польского крестьянина можно усилить лишь до такой степени, чтобы он все же был в состоянии обрабатывать свое поле и производить все те работы, которые от него требуются сверх того, как, например, поставка дров и т. д.».

Впрочем, то, о чем говорил Науман, никак не повлияло на политику беспощадного ограбления польского народа, судьба которого, по словам самого Франка, его интересовала лишь в определенном разрезе.

В томе под названием «С 1 января по 28 февраля 1944 г.» имеется следующее заявление Франка, цинично сделанное им на совещании руководителей германского сельского хозяйства 12 января 1944 г. Господа судьи найдут эту выдержку на странице 30 тома документов. Читаю:

> «...Если бы мы выиграли войну, тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что, околачивается вокруг, можно превратить в фарш. Пусть будет, что будет...»

Я думаю, господа судьи, что после этой цитаты мне как представителю советского обвинения нет нужды добавлять что-либо к разделу о злодеяниях, совершенных гитлеровскими преступниками на территории польского государства. Поистине одной приведенной фразы более чем достаточно для того, чтобы получить точное представление о режиме, созданном в Польше Франком, и о Франке, создавшем этот режим.

Переходя к разграблению и расхищению частного и общественного имущества, произведенным гитлеровцами в Югославии, я, господа судьи, должен

огласить соответствующий раздел официального доклада югославского правительства, уже представленного советским обвинением трибуналу под номером СССР-36. Этот доклад, в соответствии со статьей 21 устава, также является бесспорным доказательством.

Шестой раздел этого доклада, носящий наименование «Грабеж общественного и частного имущества», гласит нижеследующее. Этот раздел господа судьи найдут на странице 32 тома документов и дальше. Читаю:

«6. Грабеж общественного и частного имущества.

Вместе с эксплуатацией рабочей силы в Югославии происходил систематический грабеж общественного и частного имущества. Он проводился в различных формах и в рамках различных мероприятий. Во всяком случае, Германии удалось и этим путем выкачать из оккупированной Югославии все экономические силы и ценности и экономически почти совершенно уничтожить страну.

Здесь мы приведем только несколько примеров этого планомерного грабежа.

А. Мероприятия в области кредита и валюты.

Так же, как и во всех остальных оккупированных странах, немцы сразу же после вступления в Югославию провели целый ряд мероприятий в области валюты, которые позволили им массами и по дешевым ценам вывозить из Югославии товары и прочие ценности. Еще 14 апреля 1941 г., то есть до оккупации Югославии, главнокомандующий немецкими сухопутными войсками издал «Объявление для оккупированной югославской территории» со ссылкой, что он действует «на основании полномочий, полученных от фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами».

В пункте IX этого объявления назначается принудительный курс югославской валюты: за 1 германскую марку — 20 югославских динаров. Таким образом, искусственно и насильственно была снижена стоимость динара. Реальное соотношение динара и германской марки до войны было значительно более благоприятным для первого.

Это является неопровержимым доказательством нарушения положений Гаагской конвенции[21] по этому вопросу, а также доказательством заранее составленного плана обесценивания югославской валюты».

Я предъявляю трибуналу заверенную фотокопию этого объявления в качестве документа под номером СССР-140.

«Вторым грабительским мероприятием в области валюты было

[21] Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны – международно-правовое соглашение определяющее поведение воюющих сторон при ведении войны на суше. Принята в Гааге 18 октября 1907 г.

введение принудительного платежного средства в оккупированной Югославии: введение в оборот кредитных билетов Reichskreditkassenschein[22]. Об этом также говорится в пункте IX объявления, предъявленного трибуналу в качестве документа СССР-140. Эти так называемые «оккупационные марки» в самой Германии ничем не обеспечивались и не имели никакой цены. Они печатались в Югославии в соответствии с потребностями германских оккупационных войск и властей и играли роль принудительного средства для создания возможностей закупок по самым дешевым ценам.

30 июня 1942 г., то есть более чем через год, эти имперские кредитные билеты были изъяты. Это произошло после того, как немцы уже скупили в Югославии все, что только можно было скупить, когда был ликвидирован Югославский национальный банк и все его имущество было разграблено. Вместо него немцы в принудительном порядке создали так называемый «Сербский национальный банк».

С тем чтобы и в этом случае иметь возможность наживаться, немцы вменили в обязанность Сербскому национальному банку обмен изъятых имперских кредитных билетов на новые динары. Вымененные марки немцы затем изымали из Сербского национального банка в обмен на простые квитанции. Таким путем был произведен бесцеремонный грабеж, стоивший Югославии многих тысяч миллионов динаров.

Я представляю трибуналу закон об изъятии имперских кредитных билетов от 30 июня 1942 г. в качестве документа под номером СССР-194 и, кроме того, заверенную копию закона о «Сербском национальном банке» от 29 мая 1941 г. в качестве документа под номером СССР-135.

«Из этих документов явствует, что германские оккупационные власти насильственно и противозаконно ликвидировали Югославский эмиссионный банк и под предлогом, что Югославия более не существует, использовали эту ликвидацию в целях чудовищного ограбления страны.

Немцы создали так называемый «Сербский национальный банк» исключительно как орудие своей грабительской валютной политики в Сербии. Во главе банка стояли назначаемые немцами лица.

Показателен также пример с югославскими металлическими деньгами.

Они содержали известный процент серебра и латуни и поэтому были изъяты, а в обращение пущены значительно менее ценные

[22] Кредитные кассы Рейха – учреждения организованные Германией на оккупированных территориях в целях централизации денежного обращения.

металлические монеты. Немцы переправили в Германию, естественно, самые дорогие югославские металлические деньги.

В. Реквизиции и штрафы».

Трибунал найдёт этот фрагмент на странице 40 документальной книги:

«Имперский министр Шпеер как высший начальник управления вооружения заявил, что установленные цены являются «Великой хартией программы вооружения».

Приказом от 25 марта 1943 г. Геринг потребовал дальнейшего снижения цен на импортируемые из всех оккупированных стран товары.

«Такое снижение цен было достигнуто как путем валютных мероприятий, так и путем проведения реквизиций, конфискаций, взимания денежных штрафов и, в особенности, проведения политики цен.

Путем реквизиций, политики твердых низких цен и принудительных закупок правительству Рейха удалось полностью ограбить народы Югославии. Немцы зашли так далеко, что даже сотрудничавшие с ними квислинговские учреждения часто вынуждены были заявлять о невозможности обеспечения таких поставок для Германии.

Например, в отчете головы района Морава (квислинговская администрация Милана Недича[23]) от 12 февраля 1942 г. говорится:

«1. Если у них отобрать такое количество скота, то они не смогут обрабатывать поле. С одной стороны, власти требуют обработки каждого клочка земли, а с другой — бесцеремонно отбирают скот.

2. Закупочная стоимость скота так низка, что крестьянин воспринимает эту закупку как простую реквизицию.

Таких примеров из других районов Югославии очень много.

С целью ограбления страны немцы часто прибегали к систематическому взиманию всякого рода денежных штрафов. Денежные штрафы, установленные в 1943 году полевой комендатурой, только в одном городе Белграде достигли гигантских размеров — 48 818 068 динаров. В Нише за первые три с половиной месяца 1943 года было собрано денежных штрафов на 5 065 000 динаров.

В заключение мы хотим привести некоторые данные по клирингу[24].

---

[23] Милан Недич (1877 — 1946) — сербский военный и государственный деятель, генерал, министр обороны Югославии (1939—1940), в августе 1941 — октябре 1944 года премьер-министр марионеточного коллаборационистского «правительства национального спасения», созданного после оккупации Сербии немецкими войсками. По окончании войны отдан под суд по обвинению в государственной измене и покончил жизнь самоубийством.

[24] Клиринг — безналичные расчёты между странами, компаниями, предприятиями и банками за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путём взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей.

Расчеты при вывозе товаров в Германию из Югославии производились посредством клиринга. К 1 марта 1943 г. клиринг-сальдо составляло 219 миллионов германских марок, или 4380 миллионов динаров, в пользу Сербии. К концу оккупации Германия оставалась в долгу у Сербии более чем на 10 миллиардов динаров».

В остальных районах Югославии положение в основном было таким же, только формы грабежа страны менялись в зависимости от местных условий.

С. Конфискации.

Наиболее распространенным средством ограбления Югославии явилась система конфискаций.

Еще до полной оккупации Югославии в 1941 году на фронте был издан указ о конфискации. На основании этого указа было конфисковано огромное количество сельскохозяйственных продуктов, сырья, полуфабрикатов и иных товаров.

Я представляю трибуналу копию этого указа как документ СССР-206.

«Немедленно после завершения оккупации германские оккупационные власти посредством различных законов ввели в Югославии систему конфискации частной и общественной собственности.

Я опускаю в целях сокращения часть этого раздела, в котором излагаются конкретные примеры конфискации имущества у населения Югославии, и перехожу к следующему разделу, носящему наименование «Прочие виды грабежей». Господа судьи найдут этот раздел на странице 52 тома документов.

«Наряду с вышеупомянутыми формами грабежа, осуществляемого в рамках всевозможных законов, распоряжений и приказов, во всей Югославии практиковались и более грубые методы ограбления. Они не были случайным явлением и представляли собой неотъемлемую часть германской системы порабощения и эксплуатации.

Немцы грабили все, начиная с промышленных и хозяйственных предприятий, поголовья скота и продуктов питания и кончая предметами личного обихода.

Приведем несколько примеров:

1) Сразу же после своего вторжения в Югославию немцы разграбили все крупные торговые предприятия и товарные склады. Они производили грабежи по ночам, в особенности после так называемого «полицейского часа».

2) В приказе немецкого генерал-майора Кюблера[25] (приказ уже

[25] Йозеф Кюблер (1896 – 1947) – генерал-майор Вермахта. В 1943-1944 командир 118-й дивизии. Казнён по приговору югославского суда.

представлен трибуналу советским обвинением под номером СССР-132) имеются, между прочим, следующие слова:

«Войска обязаны беспощадно и с жестокой строгостью обращаться с враждебно настроенным населением. Они обязаны лишать неприятеля всякой возможности существования, разрушая оставленные населенные пункты и захватывая имеющиеся запасы».

На основе этого и подобных ему приказов немцы беспрерывно грабили страну под предлогом «контроля над имеющимися запасами» в связи с «разрушением покинутых населенных пунктов».

3) Карательные экспедиции, ставшие при оккупации обычным явлением, грабили имущество намеченных жертв. Таким же путем они грабили пленных и убитых бойцов национально-освободительной армии и сотни тысяч узников концентрационных лагерей».

4) Не щадили даже церкви. Таким образом, например, немецкая часть «Konrad-Einheit[26]» которая действовала в окрестностях Сибеника, разграбила церковь Святого Ивана в Забладе».

Имеются многочисленные примеры такого же рода.

«В течение четырех лет все районы Югославии подвергались систематическому разграблению. Это проводилось как путем многочисленных «узаконенных мероприятий», так и путем массовых грабежей со стороны немцев. Нацистские оккупанты проявляли большую изобретательность и использовали приобретенный в других оккупированных странах опыт.

Этой преступной деятельностью они нанесли югославскому государству и его гражданам такой большой ущерб, что его вообще можно рассматривать как экономическое уничтожение страны».

Таким образом, господа судьи, мы можем констатировать, что и разграбление общественной и частной собственности Югославии осуществлялось гитлеровцами по заранее обдуманному плану, что оно коснулось всех слоев населения и всех отраслей народного хозяйства страны и причинило огромный материальный ущерб югославскому государству и его гражданам.

Председатель: Мне кажется, будет уместно прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Шейнин: Следуя своей политике беспощадного разграбления оккупированных государств, гитлеровские заговорщики после захвата Греции начали грабить ее народное достояние. Суду уже был представлен официальный доклад греческого правительства о преступлениях, совершенных гитлеровцами в этой стране.

[26] «Отряд Конрада» (нем.)

В соответствующем разделе этого доклада, озаглавленном «Эксплуатация», приведены конкретные факты разграбления частной и общественной собственности Греции. Я цитирую выдержку из этого раздела, которую господа судьи найдут на странице 59 тома документов. Читаю:

> «Благодаря своему географическому положению Греция использовалась немцами как база для проведения операций в Северной Африке. Они также использовали Грецию как место отдыха для тысяч своих солдат из Северной Африки и с восточных фронтов. Таким образом, они концентрировали в Греции гораздо большие силы, чем это требовалось для целей оккупации.
>
> Большое количество местных запасов фруктов, овощей, картофеля, сливочного масла, мяса и молочных продуктов изымалось для удовлетворения нужд этих войск. Поскольку нормальной продукции не хватало для удовлетворения этих нужд, усиленно применялись реквизиции скота, что имело своим результатом серьезное уменьшение количества скота в стране».

Помимо реквизиций продовольствия для снабжения своих войск, гитлеровские захватчики взимали с Греции огромные суммы на покрытие так называемых «издержек по оккупации». В докладе греческого правительства по этому поводу указывается:

> «За период с августа по декабрь 1941 года немцам было выплачено 26 206 085 тысяч драхм, то есть на 60 процентов больше государственного дохода за этот же период. Действительно, по исчислению двух экспертов стран оси — доктора Барберина (немец) и доктора Бертони (итальянец) государственный доход за этот год равнялся лишь 23 миллиардам драхм. В следующем году, поскольку государственный доход уменьшился, немцы изымали средства за счет национальных сбережений».

Другим приемом разграбления Греции, широко применяемым гитлеровцами, явились конфискации и реквизиции. В целях экономии времени я, с разрешения суда, оглашу лишь короткую выдержку из греческого доклада, относящуюся к этому вопросу. Читаю:

> «Одним из первых мероприятий врага при оккупации Греции являлся захват путем реквизиции или прямой конфискации всех существовавших в стране запасов. В числе товаров немцы реквизировали из оптовой и розничной торговли 71 тысячу тонн коринки, 10 тысяч тонн прованского масла. Они конфисковали также 1435 тонн кофе, 1143 тонны сахара, 2525 тонн риса и корабль с пшеницей стоимостью в 530 тысяч долларов».

Поскольку страна была разделена между тремя оккупантами, гитлеровцы

блокировали ту зону Греции, которая была оккупирована их войсками. Запретив вывоз продовольствия из этой зоны, гитлеровские грабители начали конфисковывать все запасы продовольствия и других товаров и вызвали этим резкое обнищание и голод населения. Результаты этого грабежа оказались столь губительными для греческого народа, что в конечном счете даже немецкие власти были вынуждены признать, что они зашли слишком далеко. Конкретно это выразилось в том, что немецкие власти в конце 1942 года дали обязательство международной комиссии Красного креста вернуть населению все местные продукты, которые были изъяты оккупационными войсками и экспортированы ими в Германию. Немцы обязались взамен этих продуктов импортировать продукты такой же калорийности. Однако это обязательство выполнено не было.

Как и во всех захваченных ими странах, немцы выпускали в обращение неограниченное количество денежных знаков, причем в качестве денежных знаков выпускали так называемые оккупационные марки, которые решительно ничем обеспечены не были. Цитирую короткую выдержку из доклада греческого правительства, которую господа судьи найдут на странице 63 тома документов. Читаю:

> «С самого начала они (немцы) пустили в оборот 10 миллиардов оккупационных марок, сумму, равную половине денег, находившихся в обращении в тот момент. В апреле 1944 года денежное обращение достигло 14 миллиардов драхм, то есть выросло в 700 раз с момента оккупации».

Вызвав таким путем резкую инфляцию, немцы в то же время приобретали все товары по твердым ценам, существовавшим до оккупации. Все скупаемые ими товары, а также драгоценности, золотые изделия, домашнюю обстановку и т. п. немцы отправляли в Германию.

Наконец, как и во всех оккупированных ими странах, гитлеровцы применили и в Греции систему «клиринга». При этом товары, предназначенные для экспорта, сначала конфисковывались или подвергались эмбарго со стороны военных властей, а уже затем «скупались» немецкими фирмами по совершенно произвольно установленным ценам. После этого стоимость товаров, установленная таким односторонним образом, заносилась в счёт кредита Греции. Товары же, которые импортировались из Германии, оценивались на 200—500 процентов выше их нормальной стоимости. И, наконец, на дебет Греции заносилась и стоимость товаров, поступавших из Германии для нужд оккупационных войск. Этот циничный грабеж назывался у немцев «клирингом».

Цитирую короткую выдержку из доклада греческого правительства, которую господа судьи смогут найти на странице 64 тома документов. Читаю:

> «Вследствие этого, несмотря на тот факт, что Греция экспортировала в Германию все имеющиеся у нее запасы, после ухода германских войск

из Греции в клиринге кредит оставался в пользу Германии и исчислялся в сумме 264 миллиардов марок, тогда как кредитный баланс в пользу Греции в период вступления немецких войск исчислялся суммой в 4 миллиарда 353 миллиона 428 марок».

Таким образом, господа судьи, гитлеровские грабители разграбили достояние греческого народа.

Господин председатель, господа судьи! Я перехожу к изложению фактов чудовищного расхищения и разграбления, которым подверглась со стороны гитлеровских захватчиков частная, общественная и государственная собственность на временно оккупированных территориях Советского Союза. Неоспоримыми и подлинными документами, которые я буду иметь честь представить на ваше рассмотрение, господа, будет доказано, что фашистские заговорщики еще задолго до нападения на СССР преступно замыслили и подготовили план ограбления и расхищения его богатств, его народного достояния.

Как и все военные преступления, совершенные гитлеровцами на оккупированных ими территориях, так и расхищение и разграбление этих территорий были заранее намечены и организованы главными военными преступниками, которых воля и доблесть Объединенных Наций посадили на эту скамью подсудимых.

То, что было непосредственно совершено многочисленными исполнителями преступных планов заговорщиков на обширных территориях советской земли, в плодородных степях Украины, на полях и в лесах Белоруссии, на пышных нивах Кубани и Дона, в цветущих садах Крыма, на подступах к Ленинграду и в Советской Прибалтике — все эти чудовищные злодеяния, повальный грабеж, массовое и огульное расхищение священной собственности, созданной мирным и благородным трудом советских народов: русского, украинского, белорусского и других — все эти преступления были непосредственно намечены и обдуманы, подготовлены и организованы преступным гитлеровским правительством и верховным командованием германской армии — главными военными преступниками, сидящими на скамье подсудимых.

Я начну с доказательств преднамеренности этих преступлений, осуществленных на территории СССР. Я докажу, что массовое и огульное расхищение и ограбление частной, общественной и государственной собственности немецко-фашистскими захватчиками носило не случайный характер, что оно не было локальным явлением или результатом разложения и мародерства отдельных воинских соединений и групп, а, напротив, являлось существенной и неразрывной частью общего плана нападения на СССР и, более того, основным мотивом, центральной движущей силой этого преступного плана, этой преступной агрессии.

Я прошу извинить меня, господин председатель, за то, что при изложении фактов, относящихся к подготовке этой категории преступлений, буду вынужден в

2—3 случаях очень кратко ссылаться и на документы, которые уже были предъявлены трибуналу моими американскими коллегами. Я постараюсь, однако, избегать повторений и буду оглашать лишь те выдержки из этих документов, которые ранее не оглашались.

Одновременно с разработкой плана «Барбаросса», предусматривавшего всю сумму стратегических мер, связанных с нападением на СССР, были разработаны, как известно, и чисто экономические проблемы, вытекающие из этого плана.

В документе, известном под названием «Совещание с отделами вооруженных сил от 29 апреля 1941 г.», предъявленном трибуналу американским обвинением 10 декабря за номером USA-141, значится:

> «Цель совещания: Обсуждение организационной структуры хозяйственного сектора мероприятия Барбаросса — Ольденбург...»

Далее в этом документе указано, что «фюрер, в отмену прежней тактики подготовки данного мероприятия, распорядился о единой разработке всех экономических дел» и что таким центром должен явиться «экономический штаб особого назначения «Ольденбург» во главе с генерал-лейтенантом Шобертом[27] и что штаб этот будет подчиняться рейхсмаршалу, то есть Герингу. Таким образом, подсудимый Геринг уже в апреле 1941 года возглавил всю деятельность по подготовке ограбления СССР.

Чтобы закончить с этим документом, я хочу только напомнить, что в нем предусматривалась организация специальных хозяйственных инспекций и команд в Ленинграде, Мурманске, Риге, Минске, Москве, Туле, Горьком, Киеве, Баку, Ярославле и многих других советских промышленных городах. В задачи этих инспекций и команд, как указано в документе, входило «экономическое использование данной территории», то есть, как расшифровано ниже, «все вопросы продовольственного снабжения и сельского хозяйства, промышленная экономика, включая сырье и продовольственное снабжение, а также вопросы лесного хозяйства, финансовые и банковские, трофейные, торговли, товарооборота и рабочей силы». Как видите, господа судьи, задачи весьма обширные и чрезвычайно конкретные.

План «Барбаросса — Ольденбург» получил свое дальнейшее развитие в так называемых «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»), которые также были разработаны и секретно изданы перед нападением на СССР.

Но прежде чем перейти к «Зеленой папке», я хочу сослаться и частично огласить другой документ, а именно так называемую «Папку окружного сельскохозяйственного фюрера», представленную трибуналу моим коллегой полковником Смирновым за номером СССР-89.Эта также заблаговременно

---

[27] Вильгельм Шоберт (1879 – 1972) – немецкий генерал-лейтенант Люфтваффе. В 1941-1942 руководитель экономического штаба «Восток».

разработанная и изданная, очень подробная инструкция для будущих «окружных сельскохозяйственных фюреров» носила такое же наименование и датирована 1 июня 1941 г. Разумеется, и эта папка имеет гриф «совершенно секретно — секретное дело командования».

Инструкция начинается с «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими». Мой коллега полковник Смирнов огласил одну лишь из этих заповедей, вследствие чего я, с разрешения трибунала, буду вынужден огласить остальные. Первая «заповедь» гласит (господа судьи найдут это место на странице 69 тома документов):

> «Для вас, работников, посланных на Восток, главное заключается в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной работы.

О какой именно «работе» идет речь, дают ясное представление последующие «заповеди». Цитирую выдержки из них:

> «Чем упорнее вы будете, тем изобретательнее могут быть ваши методы достижения этой цели. Выбор методов представляется на усмотрение каждого из вас...» (пятая заповедь).
>
> Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи» (шестая заповедь).

Таким образом, будущие «сельскохозяйственные фюреры» не только инструктировались о необходимости быть жестокими и беспощадными в предстоящей им грабительской деятельности, но и прямо предупреждались о последствиях, которые они понесут, если окажутся недостаточно жестокими или обнаружат «отсутствие характера».

Эту же мысль развивают и дальнейшие «заповеди». Читаю:

> «...Не спрашивайте, какую пользу извлечет из этого крестьянство, а спрашивайте только: насколько полезно это для Германии» (седьмая заповедь).
>
> «Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик…(восьмая заповедь)
>
> Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля может быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне».

«...Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не в состоянии выполнить работу, ожидаемую от неё.

Разбор ходатайств отнимет у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача» (девятая заповедь).

«...Его (русского) желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему...» (одиннадцатая заповедь).

Таковы те заповеди для «сельскохозяйственных фюреров», которые точнее следовало бы назвать «заповедями для людоедов». Этими «заповедями» открывается «папка», после чего следует уже совершенно конкретная, детально разработанная программа ограбления сельского хозяйства СССР. В начале этой программы мы читаем:

«Основные хозяйственно-политические директивы для организации хозяйства Востока (группа сельского хозяйства).

Продовольственно-политической целью этого похода является:

1. Обеспечение продовольствием на многие годы вперед немецких вооруженных сил и немецкого гражданского населения».

Как видите, господа судьи, дана совершенно ясная и откровенная формулировка целей нападения на СССР. Разумеется, она далеко не исчерпывает этих целей. Не в одном лишь грабеже продовольствия заключалась эта цель и далеко не одним продовольствием ограничивался этот грабеж. Но ведь это выдержка из «папки сельскохозяйственных фюреров», а грабительские задания получали и выполняли не только они одни.

В целом «папка» содержит следующие разделы тщательно продуманной и весьма конкретной программы ограбления сельского хозяйства Советского Союза. Читаю оглавление. Господа судьи найдут этот документ на странице 67 тома документов.

«1. 12 заповедей. 2. Основные сельскохозяйственные директивы. 3. Схема организации. 4. Инструкция для окружных сельскохозяйственных фюреров. 5. Инструкция по обеспечению кадрами. 6. Совхоз: директивы о приемке совхозов и ведении хозяйства в них. 7. Колхоз: директивы о приемке колхозов и ведении хозяйства в них. 8. МТС (машинно-тракторные станции): директивы о приеме и ведении хозяйства. 9. Директивы об учете. 10. Продовольственное снабжение города. 11. Сроки сельскохозяйственных работ. 12. Таблица цен».

Я не стану, господа судьи, отнимать у вас время оглашением всего этого

документа, занимающего 98 страниц машинописного текста. Я представляю его полностью трибуналу для приобщения к материалам процесса.

Из документа, уже представленного трибуналу моими американскими коллегами 10 декабря 1945 г. под номером USA-147, я оглашу только несколько строк. Этот документ представляет собой запись выступления Розенберга на закрытом совещании 20 июня 1941 г., посвященном «вопросам Востока». Розенберг тогда, в частности, заявил:

> «...Немецкое народное питание в эти годы стоит, несомненно, во главе германских требований на Востоке, и в этом отношении южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения. Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, будет необходима весьма широкая эвакуация, и русским, определенно, предстоит пережить очень тяжелые годы...»

Так руководители гитлеровской Германии формулировали задачи, которые они ставили перед собой, готовя нападение на Советский Союз.

Уже позднее, в августе 1942 года, а именно 26 — 28 августа, на совещании в Ровно выступил только что прибывший из ставки Гитлера гауляйтер Кох[28]. В архиве Розенберга обнаружена запись этого совещания. Этот документ был передан нам американским обвинением, по регистрации которого он проходит под номером PS-264, но суду представлен не был.

Оглашаю выдержку из этой записи. Господа судьи могут ее найти на странице 72 тома документов. Читаю:

> «Он (Кох) следующим образом изложил политическую точку зрения и свои задачи как рейхскомиссара: «Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери...
>
> Фюрер потребовал от Украины три миллиона тонн зерна для Германии, и они должны быть поставлены...»

Позже я докажу, насколько эта первоначально намеченная цифра — три миллиона тонн зерна — была перевыполнена гитлеровскими грабителями, алчные аппетиты которых возрастали из месяца в месяц.

Все эти грабительские установки были заранее запланированы и

---

[28] Эрих Кох (1896 — 1986) — деятель НСДАП и Третьего Рейха. Гауляйтер (1 октября 1928 — 8 мая 1945) и оберпрезидент (сентябрь 1933 — 8 мая 1945) Восточной Пруссии, начальник гражданского управления округа Белосток (1 августа 1941—1945), рейхскомиссар Украины (1 сентября 1941 — 10 ноября 1944), рейхскомиссар Остланда (1944). Польским судом приговорён к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

продуманы преступным гитлеровским правительством, причем была разработана организационная схема специального аппарата для проведения организованного грабежа и намечены конкретные методы ограбления оккупированных территорий.

Сейчас я, с разрешения суда, оглашу выдержки из секретного документа рейхсмаршала Геринга. Документ этот был захвачен частями Красной Армии и носит наименование: «Директивы по руководству экономикой» («Зеленая папка») и частично уже упоминался здесь. Советским обвинением этот документ представлен трибуналу под номером СССР-10.

На титульном листе этого документа значится (господа судьи найдут этот документ на странице 76 тома документов):

> «Восточный штаб экономического руководства. Секретный документ командования.
>
> Примечание: Настоящие директивы до икс-дня следует рассматривать как секретный документ командования (документы государственной важности), а после икс-дня — как несекретный, предназначенный только для служебного пользования.
>
> Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях («Зеленая папка»).
>
> Часть 1. Задачи и организация экономики. Берлин, июнь 1941 г. Напечатано верховным командованием вооруженными силами».

Как явствует из текста документа, эти «директивы» изданы непосредственно перед нападением гитлеровской Германии на Советский Союз и предназначены «...для ориентации военного командования и военно-хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих оккупации восточных областях».

Излагаю «Главные экономические задачи» директивы:

> «1. Согласно приказам фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Все мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать достижению этой цели, должны быть отложены или вовсе отменены.
>
> 2. Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях».

Я опускаю дальнейшую часть этой выдержки и перехожу, в целях

сокращения времени, к оглашению следующей выдержки, которую господа судьи найдут в томе документов на странице 78. Читаю:

«Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти».

Я опускаю остальную часть цитаты в целях экономии времени.

Этот выработанный заранее план организованного ограбления Советского Союза далее подробно предусматривает вывоз в Германию из СССР всего сырья, всех обнаруженных товарных фондов и запасов, а также поголовное ограбление гражданского населения. В доказательство я цитирую выдержки из этого документа, чтобы не оглашать его целиком. Читаю:

«Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли. Это будет осуществлено IV Wi[29] и экономическими органами путем воззваний и приказов, путём приказов о конфискациях или путём военного надзора, или обеими способами».

Страница 88 – из раздела «Сырьё и эксплуатация коммерческих ресурсов».

«Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука».

Обратная сторона страницы 87:

«Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов...»

В разделе «директив» под наименованием «Организация экономики» приведена схема специально создаваемого и широко разветвленного аппарата, который должен был осуществлять это запланированное и организованное ограбление Советского Союза. Оглашаю ряд выдержек из этого раздела, которые господа судьи найдут на странице 79 тома документов.

«А. Общие вопросы.

Для обеспечения единого руководства экономикой на театре военных действий, а также в административных областях, которые были созданы, рейхсмаршал организовал «Восточный штаб экономического руководства», подчиненный непосредственно ему и возглавляемый представителем рейхсмаршала статс-секретарем Кёрнером[30].

---

[29] Аббр. с нем. Wirtschaft (Экономика) – имеются в виду экономические отделы полевых комендатур Вермахта.

[30] Пауль Кёрнер (1893 — 1957) — государственный деятель, государственный секретарь правительства Пруссии (11

Второй фрагмент:

«Указания рейхсмаршала распространяются на все области экономики, включая продовольствие и сельское хозяйство».

Обращая ваше внимание, господа судьи, на эти выдержки, я считаю установленным, что подсудимый Геринг не только лично возглавил подготовку ограбления частной, общественной и государственной собственности, но и в дальнейшем непосредственно руководил огромным, специально для этих преступных целей созданным аппаратом. О схеме построения этого аппарата вы можете судить хотя бы по следующим выдержкам из «Зеленой папки». Читаю:

«Организация экономики на театре военных действий.

1. Военно-хозяйственные учреждения восточного экономического штаба, поскольку их деятельность протекает на театре военных действий, входят в состав армейских штабов...

а) В тыловом районе: По одной хозяйственной инспекции при командующих тылом армейской группы. По одной или нескольку хозяйственных команд при охранных дивизиях. По одной хозяйственной группе при полевых комендатурах.

б) В административном районе армии: По одному хозяйственному отделу (или офицеру связи от Wi Ru Amt[31]) при главном командовании армией. По одной IV Wi группе при находящейся в районе армии полевой комендатуре, которая подчиняется командованию армией; кроме того, по мере надобности в район армии посылаются хозяйственные команды, подчиненные в военном отношении главному командованию армией».

Далее, в параграфе 4 этого же раздела под названием «Структура отдельных хозяйственных учреждений» приведена вся схема построения восточного экономического штаба. Я изложу ее своими словами в целях сокращения времени. Господа судьи найдут документ, на который я ссылаюсь, на обороте страницы 79 тома документов.

Начальник экономического штаба с группой по руководству; группа «Ia», ведающая продовольственным снабжением и сельским хозяйством, распоряжающаяся «всей сельскохозяйственной продукцией, а также заготовками припасов для войск»; группа «В», ведающая промышленностью, сырьем, лесным, финансовым и банковским хозяйством, имуществом и торговлей; группа «М», ведающая экономикой промышленности вооружений и транспортным хозяйством; хозяйственные инспекции при армейских группах, руководящие «экономической

апреля 1933 года — 1945) и постоянный заместитель уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга (22 октября 1936 года — 1945), обергруппенфюрер СС (30 января 1942 года). Американским военным трибуналом был осуждён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[31] Аббр. с нем. Wirtschafts-und Rüstungsamt (Экономика и вооружения) – управление экономики вооружений верховного главнокомандования Вермахта.

эксплуатацией тылового района»; хозяйственные команды, организуемые в районе расположения каждой охранной дивизии, состоящие из специальных офицеров и нескольких специалистов по отдельным отраслям работы, а также имеющие особые подразделения «по сохранению орудий производства» и «по сохранению сырья»; хозяйственные группы при полевых комендатурах, в обязанности которых входит (цитирую): «удовлетворение текущих потребностей войск, расположенных в районе деятельности полевой комендатуры, а также подготовка экономической эксплуатации страны для нужд военного хозяйства».

Этим хозяйственным группам придаются специалисты по использованию рабочей силы, продовольственному снабжению и сельскому хозяйству, промышленной экономике и общим экономическим вопросам; хозяйственные отделы при главном командовании армией со специальными техническими батальонами, взводами, а также с особыми «разведывательными подразделениями по промышленной экономике» (в особенности по сырью и нефти) и «подразделениями для выявления и охраны сельскохозяйственных продуктов и машин, включая и тракторы».

Эта же схема и структура предусматривает специальные технические подразделения по нефти (батальоны или роты), а также так называемые роты по горному делу и т. п.

Таким образом, под непосредственным руководством подсудимого Геринга была заранее предусмотрена, подготовлена, обучена и вымуштрована целая армия грабителей всех рангов и специальностей для организованного расхищения и разграбления народного достояния СССР.

Чтобы не отнимать у вас время, господа судьи, на оглашение всего текста «Зеленой папки», я ограничусь лишь перечислением ее остальных разделов, носящих следующие наименования:

«Проведение в жизнь отдельных экономических задач». «Хозяйственные перевозки». «Задачи военной охраны хозяйства». «Снабжение войск из ресурсов страны». «Использование рабочей силы, привлечение местного населения». «Военные трофеи, платные услуги, военная добыча, призовые суды[32]». «Экономические задачи в области военной промышленности». «Сырье и использование товарных ресурсов». «Финансы и кредитное хозяйство». «Внешняя торговля и взаимные платежи». «Регулирование цен».

Таким образом, было предусмотрено ограбление решительно всех

[32] Призовое право (от франц. prise — взятие, захват), совокупность международно-правовых норм, регламентирующих захват воюющими странами торговых судов и грузов в море. В отличие от правил сухопутной войны, согласно международным обычаям, а также решениям ряда конференций (Парижская декларация 1856, Гаагские конвенции 1907, Лондонская декларация 1909 и т.д.), признаётся правомерным захват военными кораблями в морской войне частной собственности неприятеля. Допускается также захват торговых судов нейтрального государства, если они перевозят контрабанду или оказывают противнику иные услуги. Имущество торговых судов — приз — объявляется собственностью захватившего его государства по решению особых судебных или административных органов (т. н. призовых судов), специально учреждаемых на время войны..

областей народного хозяйства СССР.

В заключение я оглашаю приказ Кейтеля, датированный 16 июня 1941 г., в котором он за шесть дней до нападения на СССР предписывал всем войсковым частям германской армии принять к исполнению все директивы «Зеленой папки». В вашем томе документов, господа судьи, он находится на обороте страницы 89. Цитирую:

> «По поручению фюрера рейхсмаршал издал «Директивы по руководству экономикой» в подлежащих оккупации областях.
>
> Эти директивы предназначены для ориентации военного руководства и хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих занятию восточных областях. Они содержат указания о снабжении войск из ресурсов страны и дают указание войсковым частям об оказании помощи хозяйственным органам. Эти указания и распоряжения должны выполняться войсковыми частями.
>
> Немедленная и полная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, имеет исключительное значение для дальнейшего ведения войны».

Я опускаю вторую часть этого приказа, в котором конкретно излагается, как должны выполняться директивы «Зеленой папки», и зачитываю последний абзац приказа Кейтеля.

> «При помощи полевых и местных комендатур, организованных в наиболее важных сельскохозяйственных и нефтяных районах, эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах.
>
> Кейтель».

Заключительная фраза этого документа о том, что «эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах», была принята к исполнению частями германской армии, и оккупированные области Советского Союза с первых же дней войны подверглись самому беспощадному ограблению. В подтверждение этого я позже представлю суду ряд подлинных немецких документов: приказов, инструкций, распоряжений и т. п., исходящих от различных немецких военных инстанций.

А пока, чтобы закончить с «Зеленой папкой», я могу в заключение констатировать, что этот разительный документ — убедительное свидетельство недюжинной грабительской квалификации и огромного разбойничьего опыта гитлеровских заговорщиков.

Широко задуманная и детально разработанная заговорщиками программа ограбления оккупированных территорий Советского Союза начала осуществляться гитлеровскими захватчиками буквально с первых же дней нападения на СССР.

Помимо организованного грабежа, осуществляемого специально для этой

цели созданным огромным аппаратом всевозможных «сельскохозяйственных фюреров», «инспекторов», «специалистов» по экономике, «технических» и «разведывательных» батальонов и рот, хозяйственных групп и отрядов, «военных агрономов» и т. п., широко поощрялась гитлеровским правительством и верховным командованием германской армии так называемая «материальная заинтересованность» немецких солдат и офицеров, получивших неограниченные возможности грабить советское гражданское население и отправлять свою «добычу» в Германию.

Всеобщее и поголовное ограбление городского и сельского населения оккупированных территорий и массовый вывоз в Германию личного имущества советских граждан, а также колхозного, кооперативного и государственного имущества проводились повсеместно, где только появлялись немецко-фашистские захватчики, по заранее обдуманному плану, заранее подготовленными методами.

Я перехожу, господа судьи, к оглашению отдельных документов советского правительства по этому вопросу. Уже через несколько месяцев после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР советское правительство получило ряд бесспорных данных о военных преступлениях, чинимых гитлеровскими войсками на захваченных ими советских территориях.

Трибуналу уже представлена моими коллегами под номером СССР-51 нота народного комиссара иностранных дел СССР Молотова[33] от 6 января 1942 г.

Чтобы избежать повторения, а также в целях сокращения времени я оглашу лишь некоторые выдержки из этой ноты, непосредственно относящиеся к теме моего выступления. Вы найдете цитируемые мною места на обороте страницы 99 тома документов.

> «Каждый шаг германо-фашистской армии и ее союзников на захваченной советской территории Украины и Молдавии, Белоруссии и Литвы, Латвии и Эстонии, карело-финской территории, русских районов и областей несет разрушение и уничтожение бесчисленных материальных и культурных ценностей.
>
> Последний абзац этой цитаты:
>
> «В занимаемых германскими властями деревнях мирное крестьянское население подвергается безудержному грабежу и разбою. Крестьяне лишаются своего имущества, нажитого упорным трудом целых десятилетий, лишаются избы, скота, хлеба, одежды — всего, вплоть до последней детской рубашонки, до последней горсти зерна. Во многих случаях сельское население, включая стариков, женщин и детей, сразу же после занятия села изгоняется немецкими оккупантами из своих

[33] Молотов Вячеслав Михайлович (1890 — 1986) — российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

жилищ и вынуждено ютиться в землянках, в земляных щелях, в лесу или просто под открытым небом. Оккупанты среди белого дня на дорогах раздевают и разувают первых встречных, в том числе и детей, жестоко расправляясь со всеми, кто пытается протестовать или оказывать грабежу какое-либо сопротивление.

В освобожденных Красной Армией селах Ростовской области и Ворошиловградской области, на Украине, крестьяне подвергались со стороны оккупантов неоднократному ограблению, когда через данную местность проходили разные немецкие воинские части и каждая из них возобновляла обыски, разбои, поджоги, расстрелы за несдачу продовольствия. То же самое имело место в Московской, Калининской, Тульской, Орловской, Ленинградской и других областях, откуда сейчас войсками Красной Армии изгоняются остатки войск немецких захватчиков».

В целях экономии времени я не буду оглашать дальнейшие абзацы этой ноты и лишь своими словами доложу суду, что в них приводится целый ряд совершенно конкретных фактов ограбления мирного населения различных районов, деревень и областей Советского Союза с упоминанием фамилий ограбленных и тех вещей и имущества, которое у этих мирных жителей было разграблено. Далее в ноте указывается:

«Грабительская оргия германских офицеров и солдат распространилась по всем захваченным ими советским районам. Германские власти узаконили мародерство в своей армии и поощряют эти грабежи и насилия. Германское правительство видит в этом осуществление провозглашенного им бандитского «принципа», согласно которому у каждого германского вояки должна быть «личная материальная заинтересованность в войне». Так, еще в секретной инструкции от 17 июля 1941 г., обращенной ко всем командирам рот пропаганды германской армии и обнаруженной частями Красной Армии при разгроме 68-й пехотной германской дивизии, прямо указывается на необходимость «воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне...» Такого же рода приказы, толкающие армию на массовые грабежи и убийства в отношении мирного населения, издаются и в других армиях, воюющих в союзе с Германией.

На германо-советском фронте, и в частности на подступах к Москве, все больше встречается офицеров и солдат, одетых в награбленную одежду, с ворованными вещами в карманах, везущих в танках содранную со своих жертв женскую и детскую одежду, обувь и белье.

> Германская армия все больше превращается в армию хищных грабителей и мародеров, которые разоряют и грабят цветущие города и села Советского Союза, расхищают и уничтожают имущество и всякое добро, нажитое трудовым населением наших сел и городов. Факты свидетельствуют о крайней моральной деградации и разложении гитлеровской армии, заслужившей за свои грабежи, воровство и мародерство гневное проклятие и презрение всего советского народа».

Через несколько месяцев, 27 апреля 1942 г., в связи с продолжающими поступать данными о преступлениях, чинимых немецко-фашистскими войсками, народный комиссар иностранных дел СССР вторично опубликовал ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». И эта вторая нота представлена трибуналу…

Председатель: Что вы имеете в виду, когда говорите «опубликовал»?

Шейнин: Это значит, что эта нота была, во-первых, послана всем правительствам, с которыми СССР находился в дипломатических отношениях, и, кроме того, текст этой ноты был напечатан в советской официальной прессе.

Суду этот документ уже представлен советским обвинением под номером СССР-51. Я также в сокращенном виде зачитаю несколько выдержек, относящихся к теме моего выступления.

Председатель: Наверно лучше прерваться, и вы сможете прочитать её после перерыва.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения суда, я хочу объявить о том, что подсудимый Штрайхер будет отсутствовать по болезни.

Шейнин: Я зачитаю фрагменты из ноты народного комиссара…

[*Слушания были прерваны в связи с техническими проблемами в системе перевода*]

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: В связи с задержкой, трибунал будет заседать до половины пятого вечера без перерыва.

Да, полковник.

Шейнин: Я оглашаю выдержки из ноты народного комиссара иностранных дел от 27 апреля 1942 г., причем в целях сокращения я, с разрешения господина председателя, постараюсь огласить лишь наиболее существенные и очень короткие извлечения из этой ноты. В этой ноте обращалось внимание на то, что новые данные, поступившие в распоряжение народного комиссариата иностранных дел, и документы, попавшие в руки советских властей, свидетельствуют о преднамеренном характере грабежей, учиненных гитлеровцами.

Цитирую следующие фрагменты; последний абзац на странице 44 моего выступления, русский текст:

> «В приложении к специальному приказу оперативного отдела генерального штаба германской армии за № 43761/41 указывается:
>
> Необходимо путем принудительного обложения населения занятых областей любыми способами добывать одежду. Прежде всего необходимо забирать шерстяные и кожаные перчатки, пальто, жилеты и шарфы, ватные жилеты и брюки, кожаные и валяные сапоги, портянки.
>
> В ряде освобожденных пунктов Курской и Орловской областей обнаружен приказ, которым предписывается:
>
> Имущество, как-то: весы, мешки, зерно, соль, керосин, бензин, лампы, кастрюли, клеенки, шторы, занавески, ковры, патефоны с пластинками — должно быть доставлено в комендатуру. Виновные в нарушении данного приказа будут расстреливаться.
>
> В городе Истре Московской области оккупанты «конфисковали» детские елочные украшения и игрушки. На станции Шаховская они организовали «сдачу» жителями детского белья, стенных часов, самоваров. В районах, еще находящихся во власти оккупантов, продолжаются обыски и ограбление населения, уже доведенного до нищеты разбоем, который не прекращается с первого же часа появления германских войск».

Я опускаю несколько абзацев и заканчиваю последним извлечением из этой ноты.

> «Повсеместный характер запланированного гитлеровским правительством разбоя, на котором германское командование стремится построить снабжение своей армии и тыла, характеризуется следующими фактами. Только по 25 районам Тульской области оккупанты отобрали у советских граждан 14 048 коров, 11 860 свиней, 28 459 овец, 213 678 кур, гусей и уток и уничтожили 25 465

пчелосемей».

Я опускаю дальнейшее перечисление имущества, скота и птицы, отобранных оккупантами в 25 районах Тульской области.

Господа судьи! В оглашенных мною нотах изложены лишь немногие факты бесчисленных злодеяний и грабежа, совершенных гитлеровцами на советской земле.

С разрешения суда я представляю теперь несколько немецких документов, из которых вы увидите, как характеризовали поведение своих солдат сами немецкие командиры и чиновники. Я оглашу позже откровенные высказывания немецко-фашистских главарей о том, что не следует мешать немецким солдатам и офицерам в их мародерской деятельности. Естественно, что при этих условиях моральное разложение немецко-фашистских войск достигло своего апогея. Дело доходило до того, что гитлеровцы стали уже грабить друг друга по известной русской поговорке «вор у вора дубинку украл».

Позвольте мне сейчас огласить несколько выдержек из документа, который я представляю трибуналу под номером СССР-285. Вот выдержка из донесения немецкого областного комиссара города Житомира генеральному комиссару Житомира от 30 ноября 1943 г. Вы найдете этот документ, на который я ссылаюсь, на странице 93 тома документов. Читаю:

> «...Еще до того, как германская администрация оставила Житомир, можно было наблюдать, как расквартированные здесь части взламывали квартиры имперских немцев и присваивали себе все сколько-нибудь ценное. При этом, похищался даже личный багаж тех немцев, которые еще работали в своих учреждениях. Когда город был снова захвачен, было установлено, что квартиры немцев почти не подвергались ограблению со стороны местного населения, но что войска, только что начавшие вступать в город, уже приступили к расхищению квартир и заводов...»

Оглашаю вторую выдержку из этого же документа:

> «Солдаты не довольствуются тем, что забирают себе все годное оборудование, но частично разрушают тот инвентарь, который остается, жгут ценную мебель несмотря на то, что имеется достаточно дров...»

Теперь я оглашу выдержку из донесения немецкого областного комиссара города Норостышева генеральному комиссару Житомира. Эту выдержку господа судьи найдут на странице 94 тома документов. Читаю:

> «...Поведение немецких солдат, к сожалению, было плохим. В отличие от русских они взламывали склады еще тогда, когда фронт был далеко. Зерно, в том числе семенной фонд, расхищалось в огромном количестве. Это еще можно допустить в отношении сражающихся

частей... После возвращения наших войск в Попельню склады были немедленно взломаны. Гебитс и крейсландвирт затем снова забили двери, которые, однако, снова были взломаны солдатами...»

Оглашаю другие выдержки из этого документа:

«...Крейсландвирт доложил мне, что молочная ферма разграблена отступающими частями: масло, сыр и т. д. солдаты унесли с собой».

И второй фрагмент:

«На глазах украинцев был разграблен кооператив, и солдаты прихватили с собой еще, между прочим, и кассу магазина».

Третий фрагмент:

«У кооператива 9-го и 10-го числа был выставлен пост полевой жандармерии. Пост не смог устоять против натиска солдат...»

Последняя выдержка.

«...Свиньи и птица самым безответственным образом закалывались и забирались солдатами... Войсковые части представляли собой катастрофическую картину».

Так, господа судьи, характеризует поведение немецких солдат немецкий же комиссар в своем официальном донесении.

В объективности этой характеристики можно не сомневаться, тем более, что она весьма красочно дополняется официальным донесением немецкого «Общества по хозяйственному освоению Украины», адресованным генеральному комиссару Житомира; вот как описывается в этом письме «результат» налета немецких солдат на служебное помещение общества. Читаю: «…Учреждение находилось в опустошенном и невообразимом состоянии». Второй фрагмент:

«Жилой дом по Хауптштрассе № 57 (20 комнат) имел устрашающий вид. Не хватало ковров, половиков, отсутствовали все мягкие кресла и кушетки, кровати с пружинными матрацами, стулья и деревянные кресла...»

Я пропускаю несколько строчек:

«Состояние, в котором находились эти жилые помещения, трудно описать».

Я пропускаю ещё два фрагмента из документа.

Таков, господа судьи, этот «крик души» немецких грабителей из «Общества по хозяйственному освоению Украины», жалующихся на грабителей из германской армии.

Чтобы показать, что такие факты имели место не только в городах Житомире и Коростышеве, я приведу вам еще одно донесение, на этот раз комиссара Казатинской области, в котором написано буквально следующее. Читаю: «...Немецкие солдаты воровали продукты, скот, повозки». После этого лаконичного, но выразительного вступления следуют не менее выразительные подробности.

Читаю:

> «Старший ефрейтор потребовал от комиссара области, угрожая пистолетом, отдать ключи от амбара.
>
> В ответ на мое заявление, что ключ в моем кармане, он заревел: «Отдай ключ!», — вытащил пистолет, приставил к моей груди и закричал: «Я пристрелю вас, вы — саботажник», — и при этом употребил еще другие ругательства. Он насильно залез ко мне в карман и выхватил ключ со словами: «Лишь я один могу распоряжаться. Вы — зондерфюрер, или как вас там... Можете только яйца и вещи отсылать на родину». Это произошло в присутствии большого числа немцев и украинцев».

Об этом же факте сообщается и в отчете доктора Мойзиха генеральному комиссару Житомира от 4 декабря 1943 г. Все эти документы представляются Трибуналу.

Сейчас, господа судьи, я перехожу к оглашению выдержек из актов и сообщений Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Я прошу суд разрешить мне, в целях экономии времени, оглашать лишь незначительные выдержки из этих актов, передавая остальное в свободном изложении.

Трибуналу уже представлено под номером СССР-45 сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях, учиненных гитлеровцами в городе Ровно и Ровенской области. В соответствующем разделе этого документа указывается:

> «В течение всего периода своего пребывания в Ровно и Ровенской области гитлеровские офицеры, солдаты и чиновники безудержно грабили мирных советских граждан и растаскивали имущество культурно-просветительных учреждений...»

В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, уже представленном трибуналу под номером СССР-9, указывается, что гитлеровцы в Киеве грабили мирное население. Цитирую краткую выдержку из этого сообщения: «Немецкие оккупанты в городе Киеве разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий».

Следуя указаниям преступного германского правительства и верховного командования германской армии, сателлиты гитлеровской Германии также принимали участие в грабеже и других злодеяниях. Румынские войска, временно оккупировавшие Одессу, в соответствии с установками своих немецких хозяев и совместно с немецкими военными подвергли ограблению этот цветущий город. В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в Одессе, наряду с прочим, указывается:

> «За время своего хозяйничания румыны причинили народному хозяйству Одессы большой ущерб...
> Немецко-румынские захватчики отобрали у колхозов и колхозников и вывезли в Румынию 1 042 013 центнеров зерна, 45 227 лошадей, 87 646 голов крупного рогатого скота, 31 821 свинью» и т. д.

В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии «О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области», уже представленном трибуналу под номером СССР-2, также приведены многочисленные факты разграбления и вывоза в Германию различного заводского оборудования этого крупнейшего промышленного района.

Я привел всего несколько сообщений Чрезвычайной государственной комиссии по некоторым областям Украины. Эта цветущая советская республика была подвергнута гитлеровцами самому безудержному разграблению. Гитлеровские заговорщики рассматривали Украину как один из самых лакомых кусков и обирали ее богатства с исключительной алчностью.

> «Злаковые 9 200 000 тонн; мясо и мясопродукты 622 000 тонн; масличные культуры 950 000 тонн; масло 208 000 тонн; сахар 400 000 тонн; объемный фураж 2 500 000 тонн; картофель 3 200 000 тонн и так далее».

Так рапортовал подсудимый Розенберг ближайшему помощнику Гитлера о своих «хозяйственных достижениях».

Следует заметить, что еще на первом году войны аппетиты гитлеровцев в части ограбления Украины были настолько велики, что вызывали сомнение даже в их собственной среде.

Я оглашу отрывок из письма инспектора по вооружению на Украине, адресованного начальнику управления военной экономики и вооружения ОКВ[34] генералу Томасу[35]. Письмо датировано 2 декабря 1941 г. Этот документ представлен моими американскими коллегами 14 декабря за номером PS-3257. Цитирую:

> «Изъятие из Украины сельскохозяйственных излишков в целях снабжения Рейха поэтому мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет доведено до минимума. Это будет достигнуто следующими мерами:
> 1) уничтожением лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия);
> 2) путем предельного сокращения продовольственной нормы

[34] ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.
[35] Георг Томас (1890 — 1946) — генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии.

украинцев — жителей других городов;

3) уменьшением продовольственного потребления крестьянского населения».

Изложив эту программу, автор далее впадает в размышления и пишет:

«Если украинец обязан работать, то мы должны обеспечить его физическое существование отнюдь не из сентиментальных чувств, а из трезвого хозяйственного расчета».

Я опускаю следующие абзацы этой цитаты.

Имперский комиссар Украины Кох неуклонно проводил политику беспощадного разграбления Украины. Позже я приведу вам ряд новых документов, также подлинных, в подтверждение вышесказанного. Политика Коха была полностью одобрена гитлеровским правительством.

Следует отметить, что в начале войны организация ограбления оккупированных территорий СССР проводилась в соответствии с указаниями, которые содержались в уже упомянутой «Зеленой папке». Я предъявляю трибуналу за номером СССР-13 письмо Геринга от 6 сентября 1941 г. по вопросу «Инспекция по охвату и использованию сырья». В этом письме Геринг, между прочим, писал. Следующий абзац – трибунал найдёт этот фрагмент на странице 131 документальной книги:

«Военное положение требует, чтобы найденные во вновь занятых восточных областях запасы сырья были переданы чрезвычайно срочно для использования немецкой военной промышленности. Определяющим для этого служит «руководство для ведения хозяйства в оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»).

Я опускаю последнюю часть цитаты.

Однако в дальнейшем, когда в ряде оккупированных областей, и в частности на Украине, гитлеровцы создали свою, так называемую гражданскую администрацию и организовали ряд специальных хозяйственных обществ, началась грызня между многочисленными немецкими военными и гражданскими органами и учреждениями, каждое из которых занималось ограблением оккупированных областей. Розенберг, как рейхсминистр оккупированных восточных областей, стал добиваться, чтобы на Украине были ликвидированы военно-хозяйственные организации с передачей их функций немецкой гражданской администрации.

Я предъявляю суду под номером СССР-180 конспект доклада для статс-секретаря Кёрнера по этому вопросу, датированный 3 декабря 1943 г. Читаю:

«Содержание: 1) Хозяйственная администрация в оккупированных восточных областях. 2) Общий хозяйственный штаб по делам оккупированных областей.

1. Министр Розенберг в письме от 20 ноября 1943 г., направленном рейхсмаршалу и доставленном в копии начальнику штаба ОКВ и

начальнику партийной канцелярии, поставил следующие требования:

1) Для Украины

а) Ликвидация еще существующих военно-хозяйственных организаций.

б) Отмена института начальников хозяйственных управлений групп армий, военные задачи которых должен снова принять на себя в дальнейшем оберквартирмейстер.

в) На случай оставления начальников хозяйственных управлений групп армий: упразднить работу по совместительству экспертов при рейхскомиссаре и одновременно при начальнике управления хозяйством группы армий».

Я опускаю дальнейшие выдержки из конспекта доклада для Кёрнера. Далее в этом же конспекте приведены подробные возражения генерала Штапфа[36], представленные им Кейтелю, в которых Штапф критикует предложения Розенберга и высказывается за сохранение хозяйственного штаба «Ост».

Теперь, с разрешения суда, я предъявляю под номером СССР-174 другой подлинный документ, представляющий собою сопроводительное письмо «Постоянного представителя имперского министра оккупированных восточных областей» в адрес статс-секретаря Кёрнера по тому же вопросу.

К этому письму приобщены письменные предложения Розенберга, в которых он снова настаивает, чтобы вся хозяйственная деятельность была передана его министерству. Поскольку это довольно большой документ и я его представил в подлиннике, прошу разрешения суда его не зачитывать, ибо существо его состоит именно в том, о чем я уже доложил суду, а именно в предложении Розенберга.

По-видимому, на предложения Розенберга желаемого ответа не было, и поэтому 24 января 1944 г. он вновь обратился к Герингу с письмом по этому же вопросу. Это письмо я представляю трибуналу за номером СССР-179. В этом письме Розенберг предлагает (оглашаю короткую цитату, она находится на странице 151 тома документов)

«...в целях проведения бесперебойной работы с меньшим количеством штатов упразднить экономический штаб «Ост» со всеми подчиненными ему учреждениями, а также передать подведомственной мне администрации хозяйственное управление оккупированными восточными областями».

Геринг ответил на это письмом от 14 февраля, которое я представляю Трибуналу под тем же номером СССР-179. Читаю:

«Дорогой товарищ по партии Розенберг.

Мною на днях получено ваше письмо от 24 января 1944 г.,

---

[36] Отто Штапф (1890 – 1963) – генерал пехоты Вермахта. С августа 1942 до роспуска начальник экономического штаба «Восток».

> касающееся хозяйственной администрации в оккупированных восточных областях. Ввиду того, что за это время рейхскомиссариат Украины почти полностью стал районом боевых действий, считаю целесообразным перенести совещание о проектируемой форме хозяйственного управления до окончательного выяснения оперативного положения».

Таким образом, господа судьи, притязания Розенберга встречали сопротивление других германских инстанций, упорно не желавших выпускать из своих рук столь лакомую «хозяйственную деятельность».

Но, в свою очередь, и Розенберг не сдавался и продолжал упорно настаивать на своем. Я предъявляю в подтверждение этого документ за номером СССР-173, представляющий собой письмо Розенберга Герингу от 6 марта 1944 г. В этом письме Розенберг, ссылаясь на опыт Белоруссии, лишний раз настаивает на своих предложениях. Я не стану оглашать длинного текста этого письма, поскольку оно целиком представляется трибуналу. Но Геринг продолжал сомневаться и так и не решил вопрос в пользу Розенберга.

Тогда последний ровно через месяц после отправки только что упомянутого письма, уже 6 апреля 1944 г., снова обратился к Герингу с очередным посланием. Этот документ я предъявляю трибуналу под номером СССР-176. Позвольте его также не оглашать, ибо содержание его сводится только к этому, но там дана довольно пространная мотивировка, которая нас в данном случае вряд ли интересует.

Таким образом, господа судьи, когда Красная Армия начала уже наносить последние сокрушительные удары по немецко-фашистским полчищам, гитлеровцы в азарте дележа продолжали еще этот затянувшийся спор. Я полагаю, мне нет нужды доказывать, что пока шел этот торг, оккупированные области лихорадочно разграблялись как военными, так и гражданскими немецкими органами.

Теперь, господа судьи, я вкратце приведу выдержки из сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской, Латвийской и Эстонской советских республиках, также подвергшихся беспощадному ограблению со стороны немецко-фашистских захватчиков.

Все эти сообщения уже представлены трибуналу советским обвинением. В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литовской ССР, наряду с прочим, указывается (цитирую):

> «В результате хозяйничания гитлеровских захватчиков по неполным данным лишь по 14 уездам Литовской ССР поголовье скота и птицы по сравнению с 1940—1941 гг. сократилось: по лошадям на 136 140 голов, по крупному рогатому скоту — на 565 995, голов, по свиньям — на 463 340 голов...»

В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях, совершенных немецкими захватчиками в Латвийской ССР, наряду с прочим, указывается. Для сведения переводчиков эта цитата на странице 68, второй абзац:

> «Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4057 плугов, 2815 культиваторов, 3532 бороны...»

Вторая цитата:

> «В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье скота: на 127 300 лошадей, на 443 700 голов крупного рогатого скота, на 318 200 свиней, на 593 800 овец».

Далее я зачитаю краткие выдержки из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по Эстонской ССР. Читаю:

> «Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взиманий с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.
>
> Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромны...»

Я опускаю часть цитаты и читаю второй абзац на следующей странице.

> «Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию лошадей 107 тысяч голов, коров — 37 тысячу голов, свиней — 214 тысяч голов, домашней птицы — 790 тысяч голов. Они разграбили около 50 тысяч пчелосемей.

Я опускаю ещё один абзац и читаю последнюю цитату из этого сообщения:

> «Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомобилей, 350 тракторов и 24 781 других сельскохозяйственных машин».

Господа судьи, такую же политику разграбления частной, общественной и государственной собственности немецко-фашистские захватчики проводили и в оккупированных областях Белоруссии, Молдавской и Карело-Финской союзных республик и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Различные воинские соединения и организации в разных районах Советского Союза и в разные периоды войны действовали, однако, одними и теми же грабительскими методами, по одному и тому же преступному плану, в одних и тех же преступных целях. Этот план разработали, эти цели определили, эти преступления организовали главные военные преступники, сидящие на скамье подсудимых.

В распоряжении советского обвинения имеются десятки тысяч документов по этому поводу. Предъявление все этой огромной документации трибуналу

потребовало бы столь большого количества времени, таких сроков, что крайне осложнило бы данный процесс. Поэтому, с разрешения трибунала, я не буду дальше оглашать отдельных актов и сообщений Чрезвычайной комиссии по отдельным республикам и областям, а перейду к оглашению итогового сводного сообщения Чрезвычайной государственной комиссии «О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР».

Этот документ я представляю трибуналу под номером СССР-35. Я оглашу лишь те разделы этого сообщения, которые непосредственно относятся к теме моего выступления. В них говорится – страница 71 выступления:

> «Немецко-фашистские захватчики ...разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций; зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы».

Чрезвычайная государственная комиссия определила ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям, в сумме 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года, из них:

> «Государственным предприятиям и учреждениям — 287 миллиардов рублей; колхозам —181 миллиард рублей; сельским и городским жителям — 192 миллиарда рублей; кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям — 19 миллиардов рублей.

Я опускаю последующие разделы этого сообщения. В них говорится о том, как этот ущерб распределяется по отдельным союзным республикам. Перехожу к параграфу, в котором говорится о разрушениях колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций. Для сокращения я приведу из этого раздела лишь отдельные выдержки:

> «Сжигая села и деревни, немецкие фашисты производили всеобщее ограбление граждан этих деревень. Крестьян, сопротивлявшихся ограблению, они зверски убивали».

Дальше приводятся конкретные данные об ограблениях населения в Каменец-Подольской области, в Курской области, в колхозе «За мир и труд» Краснодарского края, в колхозе «За темпы» Сталинской области, а также в Могилевской, Житомирской и других областях. Немецко-фашистские захватчики причинили огромный ущерб совхозам СССР. Они вывезли из них запасы сельскохозяйственной продукции, разрушали хозяйственные и другие совхозные постройки.

Другая выдержка:

> «Конный завод № 62 Полтавской области в результате немецкой

оккупации лишился племенного маточного поголовья русско-американских рысаков. До войны в этом конном заводе было 670 племенных лошадей. Так немцы поступили и с другими племенными совхозами».

Я опускаю остальные выдержки из этого раздела и перехожу к параграфу 6 сообщения, который посвящен массовому ограблению немцами советских граждан:

«Во всех республиках, краях и областях Советского Союза, подвергавшихся оккупации, немецко-фашистские захватчики грабили сельское и городское население, отбирали имущество, ценные вещи, одежду, предметы домашнего обихода, облагали мирных жителей штрафами, налогами, контрибуциями».

Далее в этом разделе приводится целый ряд конкретных фактов ограбления советских граждан в Смоленской, Орловской и Ленинградской областях, в Днепропетровской области, в Сумской области и т. д. С разрешения трибунала я опускаю две страницы цитируемого текста и читаю последний абзац на странице 76:

«Ограбление советского населения немецкие захватчики производили на всей территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации.

Чрезвычайная государственная комиссия произвела учет ущерба, причиненного оккупационными властями советским гражданам, и установила, что немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили около 4 миллионов жилыхдомов, составлявших личную собственность колхозников, рабочих и служащих, конфисковали у них 1,5 миллиона лошадей, 9 миллионов голов крупного рогатого скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец и коз, а также отобрали громадное количество всякого домашнего имущества».

То обстоятельство, что Геринг как рейхсмаршал и уполномоченный гитлеровского правительства по четырехлетнему плану непосредственно возглавлял всю деятельность немецких военных и гражданских оккупационных властей по подготовке и осуществлению ограбления оккупированных территорий, явствует из уже представленных мною документов. Тем не менее, я прошу мне разрешить огласить еще один последний документ по этому вопросу, а именно указ Гитлера от 29 июня 1941 г.

Ранее он не представлялся, и поэтому я представляю его трибуналу под номером СССР-287. В этом указе значится дословно следующее:

«1. Во вновь оккупированных восточных областях рейхсмаршал Герман Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану распоряжается в рамках присущих ему в качестве такового полномочий любыми мерами, необходимыми для максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей и для развития хозяйственных сил на пользу германской военной

экономики.

2. Для этого он также может отдавать непосредственно распоряжения органам вооруженных сил во вновь оккупированных восточных областях».

3. Указ вступает в силу с сегодняшнего дня. Он должен быть опубликован по особому распоряжению».

Однако, господа судьи, исключительные полномочия, которые были предоставлены Герингу, отнюдь не означают, что другие подсудимые пассивно участвовали в организации грабежа оккупированных территорий. Все они вместе и каждый из них в отдельности развивали лихорадочную деятельность в этом направлении. Франк обирал польский народ, Розенберг орудовал на Украине и в других оккупированных районах СССР, Заукель и Зейсс-Инкварт — и тут и там, Шпеер и Функ продумывали и проводили грабительские мероприятия по линии министерств хозяйства и вооружения и т. д. Кейтель действовал по линии вооруженных сил.

В связи с этим я хочу предъявить еще два документа, относящиеся к «хозяйственной деятельности» Кейтеля, которые представляю под номером СССР-175. 29 августа 1942 г. Кейтель как начальник штаба верховного командования вооруженных сил издал следующий секретный приказ за номером 002865/42-g.Kdos «Об обеспечении вооруженных сил продовольствием». Я оглашаю лишь две короткие выдержки из этого приказа. Господа судьи найдут этот документ на странице 181 тома документов. Читаю:

«...Продовольственное положение германского народа требует, чтобы вооруженные силы, насколько это только возможно, делали все для облегчения его. Предпосылки для этого имеются также теперь в полном объеме в операционных и оккупированных областях Востока и Запада.

Прежде всего в оккупированных восточных областях должно обеспечиваться в будущем гораздо большее количество продовольствия и фуража, чем до сих пор...»

Читаю вторую выдержку:

«Достижение во что бы то ни стало этой цели, чтобы и в этой области вооруженными силами были созданы решающие предпосылки для завоевания победы, должно быть гордостью и почетной обязанностью всех ведомств».

В справке референтов Кларе и доктора Бергмана, датированной 19 ноября 1942 г., с заголовком «Совершенно секретно. Содержание: Снабжение вооруженных сил продовольствием» (эту справку в подлиннике я представляю трибуналу под тем же номером СССР-175), мы находим следующую оценку результата, который дал упомянутый выше приказ Кейтеля. Оглашу только первый абзац этой справки:

«По распоряжению фюрера начальник штаба верховного командования вооруженных сил разъяснил в прилагаемом приказе от 29 августа 1942 г., что вооруженные силы должны, насколько это возможно, внести вклад для обеспечения продовольственного положения германского народа, и поэтому также со своей стороны должны заботиться в оккупированных областях, чтобы не только обеспечивать войска продовольствием из этих областей, но также и заготовить массу его для империи.

Согласно этому приказу, взаимодействие между армейскими и хозяйственными организациями, к счастью, стало теснее...»

Теперь, с вашего разрешения, я позволю себе огласить еще один документ, а именно — телеграмму Кейтеля от 8 сентября 1944 г. Этот документ я представляю трибуналу под номером СССР-286. Читаю:

«...1) Генеральному штабу сухопутных сил (генерал-квартирмейстеру) Бюро начальника.

2) Генеральному штабу сухопутных сил (генерал-квартирмейстеру) Адм. отдел.

3) Командующему группой армий «Север».

4) Командующему группой армий «Центр».

5) Экономическому штабу «Ост».

6) Командующему 1-м военным округом.

Читаю следующий текст:

«1. Фюрер уполномочил гауляйтера Коха заняться использованием местных ресурсов в занятых войсками группы армий «Центр» частях имперского комиссариата Остланд. Фюрер далее дал указание, чтобы все германские и местные административные власти подчинялись распоряжениям гауляйтера Коха. При конфискации экономических ценностей гауляйтер Кох должен поддерживать контакт с соответствующими высшими имперскими органами.

2. Все органы вооруженных сил должны самым широким образом поддерживать гауляйтера Коха в выполнении этого задания».

Таким образом, господа судьи, даже в конце 1944 года, когда под ударами Красной Армии и ее союзников гитлеровская Германия стремительно катилась к своему окончательному поражению и оставалось всего несколько месяцев до ее полного военного и политического краха, Гитлер, Кейтель, Кох и многие другие все еще тянулись уже костенеющими пальцами к чужой собственности, к чужому добру.

Таковы данные о грабеже и мародерстве, которые совершали гитлеровские полчища на оккупированных территориях Советского Союза. Но они грабили не только живых, они грабили и мертвецов. Мой коллега полковник Смирнов уже

привел исчерпывающие данные по этому вопросу. Я не стану их повторять и напомню об этом только с целью показать, насколько замкнут и всеобъемлющ был круг этих преступлений.

По свидетельству Раушнинга[37], приведенному в его книге, которая уже представлена советским обвинением трибуналу, Гитлер как-то сказал:

> «Мне нужны люди с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности, — плевать мне на это».

И Гитлер нашел таких людей в лице подсудимых и их многочисленных сообщников.

Из них, как это установлено предъявленными мною документами, подсудимый Геринг в силу положения, которое он как рейхсмаршал и уполномоченный по четырехлетнему плану занимал в гитлеровском правительстве, являлся лицом, возглавлявшим всю систему преступлений, направленных на ограбление оккупированных территорий.

Вот почему представляет особый интерес стенограмма секретного совещания рейхскомиссаров оккупированных стран и областей. Это совещание было проведено 6 августа 1942 г. под председательством Геринга. Этот документ, как и другие подлинные документы, которые я имел сегодня честь предъявить трибуналу, были обнаружены советскими военными властями в сентябре 1945 года в Тюрингии, в городе Иене, запрятанными в одном из городских зданий.

Содержание этого разительного документа — подробное выступление Геринга и реплики гитлеровских властей, оккупированных стран (в этом совещании, господа судьи, принимали участие многие из лиц, сидящих на скамье подсудимых) — таково, что мне нет нужды снабжать его какими бы то ни было комментариями. Позвольте поэтому приступить к оглашению ряда выдержек из этой стенограммы. Читаю:

> «Совещание состоялось в четверг, 6 августа 1942 г., в 4 часа дня в зале Германа Геринга в министерстве авиации.
>
> Рейхсмаршал Геринг: Вчера здесь выступали гауляйтеры. Если даже их тон и манеры были различны, то все же из выступлений всех гауляйтеров ясно следовало, что немецкому народу не хватает еды. Господа, фюрер предоставил мне генеральные полномочия в таком размере, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане.
>
> В настоящий момент Германия владеет от Атлантики до Волги и Кавказа самыми плодородными землями, какие только вообще имелись в Европе; страна за страной, одна богаче и плодородней

[37] Герман Раушнинг (1887 — 1982) — немецкий политический деятель, музыкальный критик и плодовитый писатель-политолог.

другой, завоеваны нашими войсками. Если при этом имеются отдельные страны, которые не могут быть рассматриваемы в качестве житниц, то я вспоминаю только непревзойденную плодородность Нидерландов и Франции; Бельгия является также чрезвычайно плодородной; плодородна также Познаньская провинция, потом основной житницей Европы является Генерал-губернаторство, к которому принадлежат такие неслыханно плодородные области, как Лемберг и Галиция, урожай в которых достигает неслыханных размеров. Потом идет Россия, чернозем Украины по ту и по эту стороны Днепра, излучина Дона с ее неслыханно плодородными и лишь незначительно разрушенными областями. Теперь наши войска уже оккупировали частично или полностью все плодородные области между Доном и Кавказом...»

Перечислив это, Геринг, обращаясь к участникам совещания, воскликнул (читаю):

«Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чобы выкачать все возможное с тем, чтобы мог жить немецкий народ. Этого я ожидаю от вас. Должна, наконец, прекратиться эта вечная забота об иностранцах.

Я должен здесь иметь отчеты о том, что вы предполагаете поставить. Передо мной ваши отчеты о намеченных вами поставках. Когда я рассматриваю ваши страны, то мне эти цифры представляются совершенно недостаточными. При этом совершенно безразлично, скажете ли вы или нет, что ваши люди умирают с голоду.

Я сделаю одно: я заставлю выполнить поставки, которые я на вас возлагаю, и если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравится вам это или нет.

У ворот Рурской области лежит богатая Голландия. Она могла бы послать в этот момент значительно больше овощей в эту измученную область, чем это делалось раньше. Что об этом думают господа голландцы, мне совершенно безразлично.

Вообще же в оккупированных областях меня интересуют только те люди, которые работают на вооружение и на обеспечение продовольствием. Они должны получать столько, чтобы они только смогли выполнять свою работу. Являются ли господа голландцы германцами или нет, мне это полностью безразлично; если они ими являются, то тем они большие глупцы, а как следует поступать с глупыми германцами, уже показали в прошлом великие личности. Если во всех странах будет слышаться ругань, то все же вы

действовали правильно, так как дело идет единственно о Германии».

Следующая выдержка:

«Я остановлюсь на западных областях. Бельгия чрезвычайно позаботилась о себе. Это было очень благоразумно со стороны Бельгии. Но также и здесь, господа, я мог бы разгневаться. Если в Бельгии вокруг каждого дома растут овощи, то для этого они должны были иметь семена овощей. Германия, когда мы в прошлом году хотели провести крупное мероприятие по обработке земли, не имела и приблизительно того количества овощных семян, в котором нуждалась. Они не были поставлены ни Голландией, ни Бельгией, ни Францией, хотя я сам только на одной улице Парижа смог насчитать более чем 170 мешков с овощными семенами. Очень хорошо, что французы возделывают овощи для себя. Это для них привычно. Но, господа, эти народы являются враждебными нам, и вы своими гуманными мероприятиями друзей среди них не завоюете. Люди очень милы в отношении нас, потому что они должны быть милыми, но стоит там только появиться англичанам, и вы увидите настоящее лицо французов. Тот самый француз, с которым вы попеременно друг у друга бываете в гостях, быстро втолкует вам, что француз ненавидит немцев. Таково положение повсеместно.

Мне также безразлично, сколько блюд подается на королевский бельгийский стол. Король является военнопленным, и если с ним не обращаются как с военнопленным, то об этом я позабочусь. Он будет переведен в такое место, где ему это будет понятно. Мое терпение лопается...

Я забыл одну страну, потому что оттуда ничего не возьмешь, кроме рыбы. Это — Норвегия.

Что касается Франции, то я утверждаю, что земля там обрабатывается недостаточно. Франция может обрабатывать землю совсем иначе, если крестьяне там будут несколько иначе принуждаться к работе. Во-вторых, в этой Франции население обжирается так, что просто стыд и срам.

Кроме того, господа, если перед французским ресторанчиком в Париже стоит немецкая телега, она записывается. Но если там стоит целая очередь французских автокаров, то это никому не мешает.

Я ничего не скажу, напротив, я обиделся бы на вас, если бы мы не имели в Париже чудесного ресторанчика, где мы могли как следует поесть. Но мне не доставляет удовольствия, чтобы французы шлялись туда. Для нас «Maxim[38]» должен иметь лучшую кухню...»

[38] «Максим» — ресторан в Париже. В июле 1979 года внесён в список исторических памятников Парижа. Находится в

Господин председатель, как я вижу один из немецких защитников хочет выступить. Поэтому, я предоставляю ему такую возможность.

Тома: Я хотел бы только задать небольшой вопрос.

Обвинитель не сообщил, где можно найти этот документ, в какой книге документов и какой номер этот документ имеет. Он только сказал, на какой странице суд может найти этот документ.

Шейнин; Этот документ представлен трибуналу под номером СССР-170. Защите переданы фотостаты этого документа.

Позволите продолжать, господин председатель?

Председатель: Да, продолжайте. Этот документ был в личном архиве подсудимого Геринга? Вы так сказали?

Шейнин: Да.

> «Для немецких офицеров и немцев, а отнюдь не для французов должны иметься три, четыре первоклассных ресторана».
>
> Далее:
>
> «Вы должны быть, как легавые собаки, там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ. Это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда. Когда я отдавал распоряжение, я не раз говорил: солдаты могут закупать, сколько они хотят, что они хотят и что они смогут утащить.
>
> Теперь вы скажете мне: внешняя политика Лаваля[39]. Господин Лаваль успокаивает господина Абеца[40], и господин Лаваль, уходя от меня, может пойти в закрытый ресторан «Максим». Но французы это очень скоро поймут. Как они наглы, об этом вы не имеете понятия. Когда эти друзья слышат, что дело касается немца, они начинают лихоимствовать, они взвинчивают цены втрое, а если хочет что-либо купить рейхсмаршал, то и в пять раз. Я хотел купить гобелен; за него было запрошено два миллиона франков. Женщине сказали, что покупатель хочет видеть гобелен. Она ответила, что не может доверить его другому лицу. Тогда она должна была поехать сама. Ей объяснили, что она поедет к рейхсмаршалу. Когда она приехала, гобелен стоил уже три миллиона франков... Я обратился во французский суд, и тот втолковал донне, что такое лихоимство в

VIII округе по адресу: улица Royale, дом № 3

[39] Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнён по приговору французского суда.

[40] Отто Абец (1903 — 1958) — нацистский дипломат, бригадефюрер СС (чин был получен 30 января 1942 года), один из руководителей оккупационной администрации Третьего Рейха на территории Франции. Осуждён французским судом к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

отношении меня неуместно.

Меня особенно интересует, что можно выжать из находящихся в настоящее время в наших руках земель при крайнем прилежании и с использованием всех сил и что из этого может быть отправлено в Германию. На прежнюю статистику ввоза и вывоза мне наплевать.

Теперь о поставках в Германию. За последний год Франция поставила 550 тысяч тонн хлеба, а теперь я требую 1,5 миллиона. В 14 дней представить предложение, как это будет производиться. Никаких дискуссий! Что произойдет с французами, — безразлично: 1,5 миллиона тонн хлеба должно быть поставлено. Фураж — в прошлом году 550 тысяч тонн, теперь — 7 миллион тонн; мясо — в прошлом году 135 тысяч, теперь — 350 тысяч; жиры — в прошлом году 23 тысячи, теперь 60 тысяч».

Следующая выдержка из этого выступления касается разверстки поставок продовольствия по Нидерландам, Бельгии, Норвегии и Генерал-губернаторству. Причем присутствовавшие на совещании в соответствии с вопросами Геринга и его установками называли определенные цифры. Я пропускаю одну страницу и читаю дальше:

«Рейхсмаршал Геринг: Это все, что касалось Запада. В результате работы скупщиков, которые скупают одежду, обувь и вообще все, что имеется, создастся особый фонд.

Теперь идет Восток. Тут у нас с армией полная договоренность. Армия отказывается от претензий, которые она предъявляла к родине. Как было в отношении сена?

Бакке[41]: 1,5 миллиона тонн, соломы свыше 1 миллиона, овса 1,5 миллиона тонн.

Геринг, продолжая, говорит: «Итак, господа, к этому обеспечению армии нечего добавить, разве только одно: в дальнейшем я ничего не хочу слышать от вас, никаких претензий. Итак, эта страна со сметаной, яблоками и белым хлебом сможет прокормить нас. Излучина Дона сделает остальное...»

Следующая цитата:

«Геринг: Армия во Франции, само собой понятно, будет снабжаться продовольствием Франции. Это само собой разумеется, и об этом я совсем не распространялся.

Но теперь о России. В плодородности не возникает никаких сомнений. Как там хорошо, действительно трудно представить».

---

[41] Герберт Бакке (1896 — 1947) государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства продовольствия и сельского хозяйства (октябрь 1933 года — 1 апреля 1944 года), рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства (23 мая 1942 года — 23 мая 1945 года (и. о. — 23 мая 1942 года — 1 апреля 1944 года), обергруппенфюрер СС (9 ноября 1942 года). Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом.

Геринг, продолжая выступление, говорит:

«С радостью я услышал, что у рейхскомиссара в Прибатике также хорошо и богато и что люди от полноты страдают легкой одышкой, когда выполняют свою работу. Во всяком случае, при всем моем заботливом обращении, известные группы должны узнать об этом, я все же позабочусь, чтобы из бесконечного плодородия этой области кое-что могло быть отдано».

После этого слово взял Лозе[42], который являлся рейхскомиссаром Белоруссии. Читаю:

«Лозе: Могу я коротко высказать свое мнение? Я хочу вам дать больше, но для этого должны быть созданы предпосылки. Действительно, урожай у меня хорош. С другой стороны, на большей части территории Белоруссии, где хорошо проведены посевные работы, вряд ли может быть убран урожай, если теперь, наконец, не будет покончено с бандитскими и партизанскими бесчинствами. Я четыре месяца кричу о помощи».

Дальше Лозе говорит о действиях советских партизан, в связи с чем его перебивает Геринг и говорит ему следующее:

«Дорогой Лозе, мы знакомы уже давно, вы являетесь большим сочинителем».

Лозе отвечает:

«Я отказываюсь от этого эпитета, я никогда не сочинял».

В заключение я оглашу последние три цитаты из выступления Геринга. Он говорит:

«...Мы должны на Украине и кое-где в других областях иметь скупщиков из министерства хозяйства Функа. Мы их должны послать в Венецию с тем, чтобы они закупили безделушки, гнусные вещи из алебастра, низкопробные украшения и т. д. Я думаю, едва ли где в другом месте, кроме Италии, можно получить так много дряни.

Теперь посмотрим, что может поставить Россия. Я думаю, Рикке[43], что со всей русской территории можно взять два миллиона тонн хлеба и фуражного зерна.

Рикке: Они будут получены.

Геринг: Тогда мы должны получить три миллиона, кроме армии.

Рикке: Нет, что находится в прифронтовой полосе, то идет только армии.

Геринг: Тогда доставьте два миллиона.

---

[42] Генрих Лозе (1896 — 1964) — высокопоставленный деятель НСДАП и Третьего Рейха, один из организаторов и руководителей оккупационного режима на территории СССР, рейхскомиссар рейхскомиссариата Остланд.

[43] Ганс-Йоахим Рикке (1899 – 1986) – немецкий политик и группенфюрер СС. С 1942 исполняющий обязанности; с 1944 государственный секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии.

Рикке: Нет.

Геринг: Тогда полтора миллиона.

Рикке: Да».

Рейхсмаршал Геринг: Хорошо.

В том же духе идет обсуждение этого вопроса и дальше на этом совещании. Свое выступление Геринг закончил следующей фразой:

> «Господа, я должен заявить следующее: я имею чрезвычайно много работы и несу большую ответственность. Я не имею времени читать письма и записки, в которых вы мне сообщаете, что вы не можете выполнить то, что я потребовал. У меня только есть время, чтобы при помощи краткого отчета Бакке устанавливать время от времени, выполняются ли требования. Если нет, тогда мы будем вынуждены встретиться с вами в другом месте».

Как вы слышали, господа судьи, на этом совещании, кроме Геринга, присутствовали подсудимые Розенберг, Заукель, Зейсс-Инкварт, Франк, Функ и другие. Как вы слышали, Геринг закончил свою речь прямой угрозой участникам совещания, сказав, что «мы встретимся на другом уровне». Эта угроза воплотилась в жизнь. Этот вопрос во всех смыслах оказался на другом уровне – на уровне скамьи подсудимых.

Таким образом, совокупностью всех приведенных доказательств устанавливается, что:

1. Преступное гитлеровское правительство и верховное командование германской армии, наряду с заблаговременной подготовкой военной агрессии против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР, также заблаговременно разработали план массового расхищения и разграбления частной, общественной и государственной собственности на территориях этих государств.

2. Разработав этот преступный план, заговорщики заранее провели все подготовительные мероприятия для его осуществления, а именно, подготовили специальные кадры офицеров и чиновников для ограбления намеченных к захвату территорий, разработали и издали специальные инструкции, справочники и указания, а также создали особый широко разветвленный аппарат в виде всевозможных «хозяйственных инспекций, отрядов, групп, акционерных обществ, уполномоченных» и т. д. с привлечением огромного количества всякого рода «специалистов», «военных агрономов», «сельскохозяйственных фюреров», «экономических разведчиков» и т. п.

3. В соответствии с этим заранее разработанным планом они в дальнейшем осуществили чудовищное расхищение и разграбление частной общественной и государственной собственности на оккупированных территориях и поголовное ограбление мирного населения этих территорий, применяя при этом исключительные зверства, насилия и произвол.

4. В целях так называемой «материальной заинтересованности» солдат и офицеров германской армии в войне заговорщики не только оставляли безнаказанными факты мародерства и грабежей со стороны немецких солдат и офицеров, но, напротив, широко поощряли эти преступления и подстрекали к их массовому совершению.

5. Совокупностью этих преступлений заговорщики причинили огромный материальный ущерб народам оккупированных территорий, обрекая на голод и страдания эти народы и используя результат своей преступной деятельности для личной наживы и обогащения как себя, так и своих приверженцев.

6. Таким образом, планируя, подготовляя и развязывая агрессивные войны против миролюбивых народов, заговорщики преследовали цели разбойничьего ограбления этих народов и в дальнейшем осуществляли эти преступные цели столь же преступными и разбойничьими методами.

В силу этого подсудимые преднамеренно и сознательно нарушали статью 50 Гаагских правил 1907 года, законы и обычаи войны, общие принципы уголовного права, принятым уголовными законами всех цивилизованных наций, а также национальное право тех стран, в которых эти преступления были совершены.

Эти преступные деяния, господа судьи, каждое в отдельности и все в совокупности своей предусмотрены статьей 6 «в» устава Международного военного трибунала, в чем все подсудимые должны быть признаны виновными и за что все без исключения должны индивидуально и как участники заговора понести ответственность.

Господа судьи! Документы, предъявленные мною трибуналу и оглашенные на суде, — это «немые свидетели» преступлений, организованных и совершенных подсудимыми.

Но совесть судей услышит этих «немых свидетелей», правдиво повествующих о произволе и злодеяниях гитлеровских грабителей и о безмерных страданиях их бесчисленных жертв.

Председатель: Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 21 февраля 1946*]

День шестьдесят четвёртый

Четверг, 21 февраля 1946

Утреннее заседание

Пристав: Подсудимый Гесс будет отсутствовать на сегодняшнем заседании по болезни.

Руденко: Я хочу сообщить господам судьям, что в соответствии с планом советского обвинения, мы, с разрешения трибунала, начнём представлять доказательства по разделу под названием «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей, культурных, бытовых учреждений, монастырей, церквей и других учреждений религиозных культов, а также разрушению городов и сёл.

Доказательства по этому разделу будут представлены государственным советником юстиции второго класса Рагинским.

Рагинский: Господа судьи! Среди многочисленных и тягчайших военных преступлений, совершенных гитлеровскими заговорщиками, преступлений, подробно перечисленных в третьем разделе обвинительного акта, особое место занимают преступления против культуры. В этих преступлениях сказались мерзость и вандализм германского фашизма.

Культуру разума и человечности гитлеровские заговорщики рассматривали как препятствие к выполнению своих чудовищных замыслов против человечества. И они устраняли это препятствие со свойственной им жестокостью. Разрабатывая свои безумные планы мирового господства, гитлеровские заговорщики наряду с развязыванием и осуществлением грабительских войн готовили поход против мировой культуры. Они мечтали вернуть Европу ко временам господства гуннов и тевтонов. Они пытались повернуть человечество вспять.

Нет надобности приводить многочисленные по этому поводу высказывания фашистских главарей. Я позволю себе лишь сослаться на одно высказывание Гитлера, приведенное на странице 80 книги Раушнинга, которую советское обвинение уже представило трибуналу. «Мы, — говорил Гитлер, — варвары, и мы хотим быть варварами. Это почетное звание».

От имени советского обвинения я представлю суду доказательства того, как подсудимые претворяли в жизнь эти указания Гитлера, конкретно выразившиеся в разгроме культурных учреждений, разграблении и уничтожении культурных ценностей, удушении национальной культурной жизни народов оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территории СССР, Польши, Чехословакии и Югославии.

Я представлю суду доказательства, как гитлеровцами заранее подготавливалось и планировалось разграбление культурных ценностей, как задолго до вероломного нападения на СССР готовился к грабежу так называемый «Айнзацштаб Розенберга», как грабительская деятельность подсудимого Розенберга координировалась с Герингом, Гейдрихом[44] и верховным командованием и как маскировался этот грабеж.

Теперь уже стало общеизвестным, к какой чудовищной лжи и провокации прибегали гитлеровцы, чтобы замаскировать свои преступления. Уничтожая миллионы людей в созданных ими лагерях истребления, они в своих приказах говорили о «фильтрации» и «чистке». Уничтожая и расхищая культурные ценности, фашистские вандалы прикрывались «сбором материалов» и «изучением проблем», бесстыдно называя себя «носителями культуры».

Гитлеровские заговорщики пытались превратить в бесправных рабов народы захваченных ими территорий и с этой целью уничтожали национальную культуру этих народов.

Уничтожение национальной культуры славянских народов, в особенности русской, украинской и белорусской, уничтожение национальных памятников, школ, литературы и принудительное онемечивание населения повсеместно следовали за немецкой оккупацией с той же преступной закономерностью, как и грабежи, насилия, поджоги и массовые убийства.

Господин председатель, я опускаю конец страницы 3 и страницу 4 своей презентации, и я приступаю к презентации раздела 2, страница 5.

Как мною уже указывалось, уничтожение национальной культуры народов оккупированных территорий являлось органической частью общего плана гитлеровских заговорщиков по установлению мирового господства. Трудно определить, что превалировало в этих планах — разрушение или разграбление. Но бесспорным является тот факт, что и разграбление и разрушение преследовали одну цель — уничтожение, и это уничтожение проводилось повсеместно на всех оккупированных немцами территориях и в огромных масштабах.

Статья 56 Гаагской конвенции 1907 года установила:

> «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы и принадлежащих государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию».

---

[44] Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.

Гитлеровцы систематически и сознательно глумились над принципами и требованиями, изложенными в статье 56. В этом повинны все заговорщики и, в первую очередь, подсудимый Розенберг.

Розенберг имел широко разветвленный аппарат по разграблению культурных ценностей, многочисленные штабы и уполномоченных. Айнзацштаб Розенберга и начальник штаба Розенберга Утикаль[45] были центром, куда стекались все нити, центром, который координировал преступную деятельность многих грабительских организаций, вдохновляемых и направляемых гитлеровским правительством и германским верховным военным командованием. Формально Розенберг был назначен главным руководителем по разграблению культурных ценностей на оккупированных территориях указом Гитлера от 1 марта 1942 г.

Я имею в виду документ PS-149, представленный суду 8 декабря 1945 г. американской делегацией и принятый за номером USA-369. С вашего разрешения, господин председатель, я приведу из этого документа лишь два абзаца. Цитирую:

> «Его айнзатцштаб по оккупированным областям имеет право проверять библиотеки, архивы и иные культурные организации всех видов и конфисковать их для выполнения заданий национал-социалистской партии...
>
> Я опускаю один абзац и цитирую последний абзац данного документа:
>
> «Положение о проведении совместной работы с вооруженными силами издает начальник верховного командования вооруженными силами по договоренности с рейхсляйтером Розенбергом.
>
> Необходимые меры в пределах восточных областей, управляемых Германией, принимает рейхсляйтер Розенберг в качестве рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей».

Этот указ Гитлера, как явствует из приведенного документа, был разослан всем учреждениям вооруженных сил, партии и государства.

Однако не 1 марта 1942 г. следует считать началом грабительской деятельности Розенберга. В подтверждение этого я приведу несколько выдержек из письма Розенберга на имя рейхсляйтера Бормана от 23 апреля 1941 г. Это письмо было представлено 18 декабря 1945 г. американской делегацией и принято судом за номером USA-371 (документ PS-071).

Этот документ интересен и тем, что грабеж, именуемый в письме «конфискацией», проводился подсудимым Розенбергом в тесном сотрудничестве и контакте с СД на основе письменного соглашения ведомства Розенберга с ведомством Гиммлера[46]. Цитирую выдержки из страницы 1 русского перевода этого письма:

---

[45] Герхард Утикаль (1913 – 1982) – нацистский политик. Руководитель берлинского отдела айнзацштаба Розенберга.

[46] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

> «Я, — писал Розенберг, — передал вам фотокопию моего соглашения с СД, которое было заключено с согласия группенфюрера Гейдриха».

> И далее, страница 5 вашей документальной книги:

> «Речь о произведениях искусства шла во вторую очередь. В первую же очередь речь шла о распоряжении фюрера, о дважды издававшемся начальником верховного командования вооруженными силами приказе для оккупированных областей запада, чтобы все научное и архивное имущество идеологических противников предоставлялось в мое распоряжение. Это также проводилось в широком объеме и в тесной совместной работе с СД и военными начальниками».

О том значении, которое гитлеровские заговорщики придавали грабительским штабам Розенберга, свидетельствует специальный циркуляр Геринга от 1 мая 1941 г. всем партийным, государственным и военным учреждениям, которым предписывалось оказывать содействие айнзацштабам Розенберга. Этот документ, представлен обвинением 18 декабря прошлого года и принят судом под номером USA-384 (документ PS-1117).

Масштабы грабежа уже в этот период были громадны. Как указывает в своем письме от 23 апреля 1941 г. Розенберг (документ USA-27), к тому времени, то есть к апрелю 1941 года, в Германию уже было послано 7 тысяч ящиков с награбленными произведениями искусства.

Чтобы закончить с этим документом, я, с вашего разрешения, оглашу еще один абзац. Это место вы найдете на странице 6 тома документов:

> «Итак, — писал Розенберг, — дела разрешались практически сами собой, и работа пошла своим чередом. О чем я просил бы: чтобы было подтверждение, что эти уже принятые для Запада решения при данных обстоятельствах имеют значение также и для других оккупированных областей».

Этот документ, в котором грабеж называется «работой», бесспорно устанавливает, что преступная деятельность Розенберга проводилась в тесном контакте с СД и верховным командованием вооруженными силами, наконец, что уже в апреле 1941 года разрабатывались планы разграбления вновь оккупируемых областей.

После выступления главного обвинителя от СССР генерала Руденко, после выступления представителя обвинения от Соединенных Штатов Америки господина Олдермана известно, о каких «вновь оккупируемых областях» шла речь в тот период в письме Розенберга. Это был период практической реализации злодейских замыслов гитлеровцев, запланированных в так называемом «варианте Барбаросса», это был период переброски немецко-фашистских орд к границам Советского Союза, это был период нападения на СССР.

Необходимо, наконец, отметить, что в апреле 1941 года подсудимый

Розенберг поставил Утикаля во главе всех оперативных штабов, «создание которых может стать необходимым в ходе этой войны». При этом Розенберг сослался на «успешную работу» своего оперативного штаба в оккупированных западных областях и Нидерландах и на «накопленный там опыт».

Это обстоятельство подтверждается удостоверением от 1 апреля 1941 г. на имя Утикаля, подписанным Розенбергом. Подлинность этого документа, имеющего номер PS-143, подтверждена Розенбергом при допросе его на следствии 26 сентября 1945 г. Я представляю этот документ трибуналу под номером СССР-371.

Касаясь организации разграбления и уничтожения культурных ценностей, необходимо остановиться еще на одном ведомстве, которое совмещало дипломатию с грабежом. Я имею в виду германское министерство иностранных дел.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в своей вступительной речи указал, что повсеместными грабежами в оккупированных районах СССР, производившимися по прямому приказу германского правительства, руководили не только подсудимые Геринг, Розенберг и бывшие в их подчинении различные «штабы» и «команды». Этим же занималось и министерство иностранных дел, возглавлявшееся подсудимым Риббентропом, через «специальное формирование».

О создании такого формирования, так называемого «батальона Риббентропа», и его практической деятельности по разграблению культурных ценностей на территории СССР свидетельствует в своем письменном заявлении от 10 ноября 1942 г. оберштурмфюрер СС доктор Фэрстер, взятый в плен частями Красной Армии в районе Моздока. В этом заявлении Фэрстер указывает также и на задачи штаба Розенберга по разграблению или, как он выразился, по изъятию музейных и антикварных ценностей. Заверенный фотостат этого заявления я представляю трибуналу как документ СССР-157.

В заявлении Фэрстера указано. Читаю:

> «В августе 1941 года, будучи в Берлине, я с помощью моего старого знакомого по Берлинскому университету доктора Фокке, работавшего в отделе печати министерства иностранных дел, был откомандирован из 87-го противотанкового дивизиона в батальон особого назначения при министерстве иностранных дел. Этот батальон был создан по инициативе министра иностранных дел Риббентропа и действовал под его руководством. Командиром батальона является майор эсэсовских войск фон Кюнсберг[47].
>
> Задача батальона особого назначения состоит в том, чтобы немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности, библиотеки научных учреждений, отбирать ценные издания книг, фильмы, а затем отправлять все это в Германию.

[47] Эберхард фон Кюнсберг (1909 — 1945) — немецкий национал-социалист, юрист и дипломат. Предположительно убит во время боёв за Будапешт.

Батальон особого назначения состоит из четырех рот: 1-я рота придана германскому экспедиционному корпусу в Африке, 2-я — группе армий «Север», 3-я — группе армий «Центр» и 4-я — группе армий «Юг». Первая рота находится в настоящее время в Италии, в Неаполе, где она ожидает возможности переброски в Африку. Штаб батальона находится в Берлине, улица Германа Геринга, дом 6. Конфискованный материал помещается в залах магазина фирмы Адлер на Гарденбергштрассе.

Перед отъездом в Россию майор фон Кюнсберг передал нам приказ Риббентропа — основательно «прочесывать» все научные учреждения, институты, библиотеки, дворцы, перетрясти архивы и накладывать свою руку на все, что имеет определенную ценность.

Из рассказов моих товарищей мне известно, что вторая рота нашего батальона изъяла ценности из дворцов в пригородах Ленинграда. Я лично не присутствовал при этом. В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины[48]. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца императора Александра[49] вывезена старинная мебель и богатая библиотека в 6—7 тысяч книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке...

Четвертая рота, в которой я находился, захватила в Киеве лабораторию медицинского научно-исследовательского института. Все оборудование, а также научные материалы, документация и книги вывезены в Германию.

Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской Академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым[50], и редкие издания произведений Шевченко[51], Мицкевича[52], Ивана Франко[53].

---

[48] Екатерина I (Марта Самуиловна Скавронская, в браке Крузе; после принятия православия Екатерина Алексеевна Михайлова; 1684 — 1727) — российская императрица с 1721 года (как супруга царствующего императора), с 1725 года как правящая государыня; вторая жена Петра I, мать императрицы Елизаветы Петровны.

[49] Александр I Павлович (1777 — 1825) — император и самодержец Всероссийский (с 12 (24) марта 1801 года), протектор Мальтийского ордена (с 1801 года), великий князь Финляндский (с 1809 года), царь Польский (с 1815 года),

[50] Фёдоров Иван (1520 — 1583) — один из первых российских книгопечатников. По традиции, часто называется «первым русским книгопечатником». Иван Фёдоров — издатель первой точно датированной печатной книги «Апостол» в Русском царстве, а также основатель типографии в Русском воеводстве Речи Посполитой.

[51] Шевченко Тарас Григорьевич (1814 — 1861) — украинский поэт, прозаик, мыслитель, живописец, график, этнограф, общественный деятель.

[52] Адам Мицкевич (1798 — 1855) — польский поэт, родившийся и живший на территории современной Белоруссии, политический публицист, деятель польского национального движения. Оказал большое влияние на становление

Из киевских музеев украинского искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, центрального музея Шевченко отправлены в Берлин многие оставшиеся там экспонаты. Среди них были картины, этюды и портреты, написанные Репиным[54], полотна Верещагина[55], Федотова[56], Ге, скульптора Антокольского[57] и другие произведения русских и украинских художников и скульпторов.

В Харькове, в библиотеке имени Короленко[58], отобрано и отправлено в Берлин несколько тысяч ценных книг в роскошных изданиях. Остальные книги уничтожены. Из Харьковской картинной галереи вывезено несколько сот картин, в том числе 14 картин Айвазовского[59], произведения Репина, многие работы Поленова[60], Шишкина[61] и других. Вывезены также все скульптуры и весь научный архив музея. Вышивками, коврами, гобеленами и другими экспонатами воспользовались немецкие солдаты.

Мне также известно, что при штабе Альфреда Розенберга существуют специальные команды по изъятию музейных и антикварных ценностей в оккупированных странах Европы и восточных областях. Во главе этих команд стоят штатские компетентные лица.

Как только войска занимают какой-нибудь крупный город, немедленно туда приезжают начальники этих команд со специалистами разного рода. Они осматривают музеи, картинные галереи, выставки, культурные и художественные учреждения, устанавливают, в каком они находятся состоянии, и конфискуют все, что представляет ценность».

Я опускаю последний абзац этого заявления.

С вашего разрешения, господа судьи, я оглашу еще две выдержки из

польской и белорусской литературы в XIX в.

[53] Франко Иван Я́ковлевич (1856 — 1916) — украинский писатель, поэт, учёный, публицист и деятель революционного социалистического движения в королевстве Галиции и Лодомерии (Австро-Венгерской империи). Значительная часть произведений была написана на украинском, польском, немецком и русском языках.

[54] Репин Илья Ефимович (1844 — 1930) — русский живописец, педагог, профессор, действительный член Императорской Академии художеств.

[55] Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — русский живописец и литератор, один из наиболее известных художников-баталистов.

[56] Ге Николай Николаевич (1831 — 1894) — русский художник-живописец и рисовальщик, мастер портретов, исторических и религиозных полотен. Изредка выполнял также скульптурные работы.

[57] Антокольский Марк Матвеевич (1843 — 1902) — русский скульптор-реалист, с 1871 — академик Императорской Академии художеств, с 1880 — профессор скульптуры.

[58] Короленко Владимир Галактионович (1853 — 1921) — писатель, журналист, публицист, общественный деятель, заслуживший признание своей правозащитной деятельностью как в годы царской власти, так и в период Гражданской войны и советской власти.

[59] Айвазовский Иван Константинович (1817 — 1900) — русский художник-маринист и баталист армянского происхождения, коллекционер, меценат.

[60] Поленов Василий Дмитриевич (1844 — 1927) — русский художник, педагог, профессор Императорской Академии художеств. Занимался исторической, пейзажной и жанровой живописью.

[61] Шишкин Иван Иванович (1832 — 1898) — выдающийся русский художник-пейзажист, живописец, рисовальщик и гравёр-аквафортист.

письма «имперского министра по делам оккупированных областей» от 7 апреля 1942 г., подписанного по поручению министра Лейббрандтом[62], ближайшим помощником подсудимого Розенберга. Это письмо находится в томе документов номер 6 на страницах 12— 13 и было представлено 18 декабря прошлого года обвинением Соединённых Штатов как экземпляр СССР-408.

Документ этот очень показателен с точки зрения масштаба запланированного грабежа и с точки зрения маскировки этого грабежа, который в документе бесстыдно именуется «сохранением предметов культуры, исследовательских материалов и научных учреждений в оккупированных восточных областях».

Этот документ характерен и тем, что Розенберг, боясь упустить добычу, устанавливает свое монопольное право на грабеж и делает уступки только генерал-квартирмейстеру сухопутных сил, с которым, как указано в письме, оперативный штаб Розенберга совместно проводит «работу».

Я оглашаю первую выдержку этого письма. Цитирую:

> «Учет и детальную обработку культурных ценностей, исследовательских материалов и научных произведений из библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев и т. д., найденных в общественных, церковных или частных помещениях, я поручил оперативному штабу. Оперативный штаб, как вновь указывается в указе фюрера от 1 марта 1942 г., начинает свою работу совместно с господином генерал-квартирмейстером сухопутных сил непосредственно после занятия области действующими войсками и проводит ее после организации гражданского управления совместно с соответствующим рейхскомиссаром до ее окончания. Все инстанции моего ведомства прошу широко поддерживать уполномоченных оперативного штаба при проведении всех мероприятий и представить им все необходимые сведения, в частности, о том, в какой степени учтены предметы из оккупированных областей, увезены ли они с места их нахождения и где они находятся в данное время».

Как видите, господа судьи, планировалось разграбление библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев, как частных, так и общественных, и даже церковных ценностей.

О том, что речь идет не о «сохранении культурных ценностей», а о разграблении, видно из следующей выдержки из указанного письма. Эта выдержка имеется на странице 12 вашего тома документов.

> «…Если в нарушение этого постановления уже произведена

---

[62] Георг Лейббрандт (1899 — 1982) — немецкий государственный и политический деятель. Руководитель восточного отделения управления внешней политики НСДАП. Руководитель главного управления политики в имперском министерстве оккупированных восточных территорий (1941—1943).

конфискация и увоз, то об этом следует немедленно сообщить в оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга, Берлин, Шарлоттенбург, (2), ул. Бисмарка, 1...»

Я не буду утруждать ваше внимание перечислением многочисленных адресатов, которым это письмо было разослано. Назову лишь некоторые из них: ОКХ[63], министр хозяйства, уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхскомиссары Прибалтики и Украины. Таким образом, этот документ еще раз подтверждает, что в грабеже принимали деятельное участие также и Геринг, и Функ, и представители верховного военного командования.

Награбленные в оккупированных странах ценнейшие произведения искусства свозились в Германию, превращенную гитлеровцами в разбойничий притон.

Чрезвычайная государственная комиссия установила, что в январе 1943 года командующий 1-й танковой армией генерал кавалерии Макензен[64] в присутствии начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера взял из Ростовского музея изобразительных искусств, эвакуированного в город Пятигорск и находившегося в помещении Лермонтовского музея, наиболее ценные полотна: Рибейра[65], Рубенса[66], Мурильо[67], Иорданса[68], Верещагина, Коровина[69], Крамского[70], Поленова, Репина, Лагорио[71], Айвазовского, Шишкина; скульптуры Донателло[72] и другие экспонаты.

Эти материалы, господа судьи, уже представлены трибуналу как доказательство за номером СССР-37. Я с вашего разрешения хочу зачитать только один абзац на странице 5. Цитируемое место находится на странице 18 тома Документов. Цитирую:

«Ростовский музей изобразительных искусств ограблен и вывезен в Германию командующим 1-й танковой армией генералом от

---

[63] ОКХ от нем. OKH (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном.

[64] Эберхард фон Макензен (1889 — 1969) — немецкий военачальник времён Первой и Второй мировых войн. В ноябре 1942 – июле 1943 командующий 1-танковой армией. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Наказание было заменено лишением свободы. Освобождён досрочно в 1952.

[65] Хосе или Хусепе де Рибера (1591 — 1652) — испанский караваджист эпохи барокко, живший и работавший в итальянском Неаполе. Помимо живописных работ, оставил большой объём графики. Наиболее значительный испанский гравёр, работавший до Гойи.

[66] Питер Пауль Рубенс (1577 — 1640) — нидерландский (фламандский) живописец, один из основоположников искусства барокко, дипломат, коллекционер.

[67] Бартоломе Эстебан Мурильо (1617 — 1682) — ведущий испанский живописец «золотого века», глава севильской школы.

[68] Якоб Йорданс (1593 — 1678) — фламандский художник, один из выдающихся представителей фламандского барокко.

[69] Коровин Константин Алексеевич (1861 — 1939) — русский живописец, театральный художник, педагог и писатель.

[70] Крамской Иван Николаевич (1837 — 1887) — русский живописец и рисовальщик, мастер жанровой, исторической и портретной живописи; художественный критик.

[71] Лагорио Лев Феликсович (1827 — 1905) — один из самых известных русских художников-маринистов. Выпускник петербургской Академии художеств.

[72] Донателло, полное имя — Донато ди Никколо ди Бетто Барди (1386 — 1466) — итальянский скульптор эпохи Возрождения, основоположник индивидуализированного скульптурного портрета.

кавалерии Макензеном и начальником отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллером».

Из удостоверения уполномоченного польского правительства господина Стефана Куровского устанавливается, что подсудимый Франк, расхищая культурные ценности польского государства, преследовал также и цели личной наживы. Картины, фарфор и другие произведения искусства из разграбленных музеев Варшавы и Кракова, в частности из Вавельского замка, были привезены в имение подсудимого Франка.

Удостоверение, которое я упомянул, является приложением к докладу польского правительства и представляется трибуналу как доказательство СССР-302 (оно имеется в томе документов номер 6, страницы 19—20).

В документе PS-055, представляющем письмо «начальника 4-й политической руководящей группы имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий» от 14 сентября 1944 г., имеются указания, куда увозились и где размещались награбленные ценности. Это письмо, адресованное «господину имперскому министру, в копии начальнику штаба политического руководства», озаглавлено: «О вывезенных с Украины произведениях искусства» (оно имеется в томе документов № 6, страница 21). Я представляю это письмо как документальное доказательство СССР-372 и оглашаю текст:

«Рейхскомиссар Украины поместил на хранение предметы искусства и картины эвакуированные из Киева и Харькова в следующие убежища в Восточной Пруссии: 1) в родовом имении Рихау около Вехлау, 2) в усадьбе Вильденгоф (владелец граф Шверин)».

Читаю далее из текста этого письма:

«Речь идет о 65 ящиках, точная опись содержимого которых прилагается. Что касается следующих 20 ящиков, 57 папок и одного ролика гравюр, то инвентаризация их до сих пор еще не произведена. Среди картин имеется большое количество старинных икон, произведений знаменитых мастеров немецкой, голландской и итальянской школ XVI, XVII и XVIII веков и работы лучших русских художников XVIII и XIX веков. В общем, все это имущество состоит из ценнейших произведений искусства, вывезенных из общественных украинских хранилищ, которые даже при поверхностной оценке составляют ценность в несколько миллионов. Кроме того, это является единственной коллекцией такого рода международного значения на немецкой территории...»

Я опускаю последний абзац этого письма, как не имеющий существенного значения, и дальше по этому вопросу привожу уже выдержку со страницы 2 письма Розенберга на имя Бормана. Это место, господа судьи, вы найдете на странице 5

тома документов. Розенберг писал:

«В процессе этих конфискаций мы, конечно, также нашли другие произведения искусств. Среди них есть ценные произведения, и чтобы их не разбить, начальник верховного командования вооруженными силами по моей просьбе и согласно приказу фюрера распорядился, чтобы на эти произведения искусства был мною составлен каталог и чтобы они были сохранены для фюрера».

Вы слышали, господа судьи, об отношении к чужой собственности, к произведениям искусства захваченных немцами стран со стороны Гитлера.

Этот эпизод имеется в докладе чехословацкого правительства, представленном трибуналу под номером СССР-60, и выдержка из этого доклада вчера оглашалась. Поэтому полагаю, что нет надобности еще раз оглашать этот документ. Необходимо отметить, что не только Гитлер, но и Геринг был ярым сторонником таких «приобретений». Вы слышали вчера, господа судьи, как Геринг приобретал ценные гобелены во Франции, но Геринг «приобретал» не только гобелены. Как он описал в одном из своих писем Розенбергу, — я имею в виду документ PS-1985, который представляю трибуналу под номером СССР-373 (этот документ имеется в вашем томе документов на страницах 156—158), — он, Геринг, владеет «в результате покупки, подарков, завещаний и обмена крупнейшей коллекцией если не в Европе, то, по крайней мере, в Германии». Документ PS-1985 является копией письма, напечатанного на машинке, и имеет ряд поправок и пометок, сделанных чернилами, очевидно, рукой Геринга. Эта копия, в числе другой переписки Геринга, была захвачена частями американской армии, о чем в свое время американское обвинение представило трибуналу соответствующее подтверждение.

Этот документ, господа судьи, в значительной мере раскрывает природу «приобретений», произведенных Герингом, а также подтверждает причастность Риббентропа к «сохранению» культурных ценностей в оккупированных областях. Поэтому с вашего разрешения я оглашу несколько выдержек из этого документа.

Читаю фрагмент с первой страницы письма. Я цитирую:

«После долгих поисков, — писал Геринг Розенбергу, — я особенно приветствовал, когда, наконец, было избрано место для коллекции, хотя я должен указать, что также и другие инстанции ссылаются на полномочия фюрера. Так, в первую очередь, это относится к имперскому министру иностранных дел, направившему уже несколько месяцев тому назад циркуляр во все инстанции, в котором он, между прочим, говорит, что ему переданы полномочия на сохранение культурных ценностей в оккупированных областях».

Сейчас я читаю фрагмент со страницы 2 письма, последний абзац:

«Для того чтобы не создавалось ложное представление о вещах, на

которые я хотел претендовать и которые я частично купил, а частично желал бы приобрести, я хочу сообщить следующее:

1. Я владею уже теперь в результате покупки, подарков, завещаний и обмена крупнейшей коллекцией если не в Европе, то, по крайней мере, в Германии».

Я опускаю один абзац и цитирую пункты 2 и 3 письма. В пункте 2 перечисляется то, что Геринг желал бы приобрести. Речь идет об «обширной и ценной коллекции голландцев XVII столетия» и о «сравнительно небольшой, но очень хорошей коллекции французов XVIII столетия и, наконец, о коллекции итальянских мастеров».

Вы слышали, господа судьи, в чем практически выражалась «личная материальная заинтересованность солдат в войне». Все это с непреложностью устанавливает, что гитлеровцы занимались грабежом и разбоем, грабили все, начиная от рядового солдата и кончая преступными руководителями гитлеровской Германии. То же самое нужно сказать и в отношении разрушения культурных ценностей. Указания и директивы о разрушении культурных ценностей исходили от руководителей гитлеровской Германии, от высших чинов военного командования.

Я сошлюсь в доказательство на одобренный Гитлером приказ командующего 6-й германской армией за подписью генерал-фельдмаршала фон Рейхенау[73], озаглавленный «О поведении войск на Востоке». Этот приказ представлен трибуналу как доказательство СССР-12. Он содержит прямые и ничем не замаскированные, как это обычно принято у гитлеровцев, указания об истреблении и уничтожении культуры на оккупированных территориях.

С вашего разрешения я процитирую всего лишь один абзац этого приказа. Это место имеется на странице 16 тома документов. Цитирую:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей.

Все остальное... должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Приведу еще один документ, с бесспорностью устанавливающий, что разрушения и разграбления культурных ценностей, повсеместно проводившиеся гитлеровцами на оккупированных ими территориях, вдохновлялись и руководились гитлеровским правительством. Я имею в виду свидетельство подсудимого Франка, изложенное в его дневниках, выдержки из которых уже представлены трибуналу под номером СССР-223. В томе I дневника Франка на странице 38 (это соответствует странице 169 тома документов № 6) имеется запись, датированная 4 октября 1939 г., следующего содержания:

[73] Вальтер фон Рейхенау (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940). Во время Второй мировой войныкомандовал 6-й армией вермахта. Один из немногих высших военачальников Вермахта, активно поддерживавших нацизм.

> «Берлин. Совещание с фюрером. Фюрер обсуждал с господином генерал-губернатором общее положение, одобрил деятельность генерал-губернатора в Польше, особенно разрушение дворца в Варшаве, не проведение восстановления города и вывоз художественных ценностей».

Я считаю, что документы, которые сейчас были представлены и оглашены, вполне достаточны для того, чтобы сделать следующие выводы:

а) разграбление и разрушение культурных ценностей народов оккупированных немцами территорий производилось по заранее разработанному, тщательно подготовленному плану

б) разграблением и разрушением культурных ценностей руководили фашистское правительство и германское верховное командование;

в) наиболее активную роль в организации ограбления и разрушения культурных ценностей играли участники заговора, подсудимые Розенберг, Риббентроп, Франк и Геринг.

Я перехожу к следующему разделу своей презентации под названием «Разрушение и разграбление культурных ценностей в Чехословакии, Польше и Югославии».

Я доложил трибуналу об общих планах гитлеровских заговорщиков по удушению национальной культурной жизни оккупированных ими стран. Сейчас я перехожу к изложению конкретного осуществления гитлеровскими заговорщиками своих преступных планов в Чехословакии, Польше и Югославии.

Я буду оперировать только бесспорными доказательствами, состоящими из официальных докладов правительств Чехословакии, Польши и Югославии, уже представленных трибуналу советским обвинением. Мною будут оглашаться некоторые части соответствующих разделов этих докладов, которые непосредственно относятся к излагаемой мною теме и которые не цитировались моими коллегами.

Приступаю к оглашению выдержек из доклада чехословацкого правительства. Эти выдержки, господа судьи, находятся на страницах 81 — 88 тома документов. Цитирую:

> «Карл Герман Франк[74], назначенный Гитлером статс-секретарем при рейхспротекторе Нейрате в марте 1939 года и ставший в августе 1943 года государственным министром и главой немецкой исполнительной власти в протекторате, сказал: «Чехи способны только на то, чтобы быть использованными как рабочие или земледельцы».
>
> Тот же Франк ответил чешской делегации, которая просила в 1942

[74] Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнён по приговору чехословацкого суда.

году восстановить чешские университеты и другие высшие учебные заведения, следующее: «Если Англия выиграет войну, вы снова откроете ваши школы, если выиграет Германия, с вас будет достаточно элементарных школ с пятью классами».

Немцы захватили все институты и общежития.

Я перехожу к цитате на странице 83 доклада:

«Во многих институтах они немедленно забрали всю ценную аппаратуру, инструменты и научное оборудование. Научные библиотеки портились систематически и методически. Научные книги и фильмы были разобраны и увезены, архивы академического сената (высшего университетского органа) были изорваны или сожжены, картотеки уничтожены и выброшены.

Подавление чешских школ.

К. Г. Франк в ноябре 1939 года лично распорядился о закрытии всех чешских высших учебных заведений.

Тем студентам, которые были еще на свободе, было запрещено заниматься интеллектуальным трудом. Им было предложено найти себе заработок физическим трудом в течение 48 часов. В том случае, если бы они этого не сделали, они должны были быть посланы в рабочие лагеря в Германию.

Закрытие университетов дополнялось еще тем, что были закрыты большие научные библиотеки и все институты, которые давали материал для работ студентам, выгнанным из университетов. Университетская библиотека в Праге стала доступной только для немцев.

Полное подавление научной деятельности:

Закрытие чешских университетов и институтов было только первым шагом на пути к полному уничтожению всей чешской научной жизни. Здания научных институтов были переданы либо немецким университетам и институтам, либо немецким военным и гражданским органам. Немцы увезли всю научную аппаратуру, книги и даже целые лаборатории в Германию, ссылаясь на то, что чехи в них более не нуждаются. Целый ряд произведений искусства, картин, статуй и редких рукописей был украден из Пражской университетской библиотеки и из частных собраний. Количество их невозможно учесть, так же как невозможно определить их стоимость. Научные коллекции, поскольку они не были раскрадены поодиночно, были отданы немецким школам».

Я перехожу к фрагментам на странице 86 чехословацкого доклада:

«Сотни чешских начальных и средних школ были закрыты в 1939

году, и систематическое закрытие школ в течение первого года войны было столь стремительно, что к концу 1940 года 6 тысяч из 20 тысяч чешских учителей оказались без работы.

К сентябрю 1942 года около 60 процентов чешских начальных школ было закрыто немцами.

Все чешские книги, изданные во время республиканского режима, были конфискованы, и прославление Германии и фюрера сделалось основой всего обучения в чешских начальных школах. В 1939 году число учеников, которым было позволено вступить в чешские средние школы, уменьшилось на 50 процентов по сравнению с 1936 годом. Около 70 процентов чешских средних школ было закрыто к концу 1942 года. Девочкам было запрещено ходить в средние школы.

Детские сады для детей от 3 до 6 лет были полностью германизированы, и в них работали только немецкие педагоги.

Другие преступления в культурных сферах.

Памятники:

Во многих городах «дома имени Массарика[75]», которые в большинстве случаев имели библиотеки, залы для демонстрации общеобразовательных фильмов, для театральных представлений и концертов, были конфискованы и превращены в бараки или канцелярии Гестапо. Статуи, находящиеся в них, в некоторых случаях имеющие большую художественную ценность, были попорчены и разбиты. Целый ряд памятников в Праге, среди них также «Моисей» скульптура Билека[76] и «Памятник павшим легионерам» — скульптура Маржатка[77], были расплавлены.

Осенью 1942 года было отдано распоряжение о том, чтобы все университетские библиотеки передали немцам старинные чешские издания. Собрания Национального музея были разграблены. Галерея современного искусства, хранящая единственную в своем роде коллекцию чешского искусства XIX и XX столетий, вместе с ценными произведениями иностранного, преимущественно французского, искусства была закрыта.

Коронационные драгоценности древних чешских королей должны были быть переданы Гейдриху.

[75] Томаш Гарриг Масарик (1850 — 1937) — чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после создания государства — первый президент Чехословацкой Республики (1918—1935).

[76] Франтишек Билек (1872 — 1941) — чешский скульптор и график, один из крупнейших представителей модернизма и символизма в чешском искусстве.

[77] Йозеф Маржатка (1874 – 1937) – известный чешский скульптор. В своих первых работах Маржатка старался реагировать на только начинающий развиваться в то время экспрессионизм, но после, под влиянием Родена, стал ориентироваться на модернистский символизм.

Литература:

Переводы английских, французских и русских авторов, классических и современных, были изъяты из употребления. Произведения современных чешских авторов подверглись самой строгой цензуре. Немцы ликвидировали многие передовые издательства».

Председатель: Сейчас хорошая возможность прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Рагинский:

«Вся политическая литература свободной республики, так же как и труды деятелей чешского возрождения XVIII и XIX столетий, были изъяты. Книги авторов еврейского происхождения и писателей, политически «неблагонадежных» были запрещены. Немцы изъяли произведения чешских классиков, труды Яна Гуса[78] — реформатора XV столетия, Алоиса Ирасека — автора исторических романов, поэта Виктора Дика и других».

Так гитлеровцы разрушали национальную культуру народов Чехословакии, грабили и расхищали произведения искусства, литературы и науки.

В Польше, как в Чехословакии и Югославии, немецко-фашистские захватчики проводили ликвидацию национальной культуры в широких масштабах и с исключительной жестокостью. Гитлеровские заговорщики уничтожали польскую интеллигенцию, закрывали учебные заведения, запрещали издание польских книг, расхищали произведения искусства, взрывали и сжигали национальные памятники.

Я оглашаю соответствующие выдержки из доклада польского правительства, который был представлен трибуналу под номером СССР-93. Эти выдержки господа судьи найдут в своем томе документов на страницах 197 — 200:

Уничтожение польской интеллигенции:

В присоединенных областях у них были отняты все средства к жизни.

Многие из них: профессора, учителя, адвокаты и судьи были заключены в концентрационные лагеря или убиты.

В Генерал-губернаторстве около 80 процентов интеллигенции лишились всех средств к существованию. Журналисты и писатели не могли заработать на жизнь вследствие ликвидации прессы. Было запрещено издавать новые книги.

Четыре университета и 12 школ университетского типа прекратили существование. Их средняя посещаемость до сентября 1939 года

[78] Ян Гус (1369 — 1415) — чешский проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации. Национальный герой чешского народа. Был священником и некоторое время ректором Пражского университета. 6 июля 1415 года в Констанце был сожжён вместе со своими трудами. Казнь Гуса вызвала Гуситские войны (1419—1434).

достигала 45 тысяч слушателей.

Средние школы:

На занятой немцами территории было около 550 средних учебных заведений. Было приказано закрыть их. На присоединенных территориях они были закрыты совершенно. В Генерал-губернаторстве им было разрешено продолжать деятельность, но в ноябре 1939 года был издан приказ прекратить обучение. Единственными школами, которым было разрешено продолжать работу, были коммерческие и ремесленные училища. Образованные поляки не были нужны. Поляки должны были стать ремесленниками и рабочими — вот какова была официальная линия германской политики.

Начальные школы:

На присоединенных территориях польские школы были совершенно упразднены, или были заменены немецкими школами. Польские дети воспитывались на немецком языке и в немецком духе.

Накануне возникновения войны в Польше было около 2 тысяч периодических изданий, в том числе 170 журналов. По немецкому приказу печать была совершенно уничтожена.

Издание, печатание и распространение польских книг было запрещено уже с октября 1939 года.

5 ноября 1940 г. немецкий «Verordnungsblatt[79]» опубликовал следующий декрет:

Запрещена, впредь до отмены, публикация всех без исключения книг, брошюр, периодических изданий, журналов, календарей и нот, за исключением тех, которые издаются властями Генерал-губернаторства.

Театры, музыка и радио:

Основная линия немецкой политики в Польше была изложена в циркуляре особой секции народного воспитания и пропаганды в Генерал-губернаторстве. В нем говорится:

Само собой разумеется, что ни один немецкий чиновник не будет содействовать развитию польской культурной жизни каким бы то ни было образом.

Единственная цель, к которой следовало стремиться, — это удовлетворить примитивную потребность развлечения и увеселения, тем более, что это было вопросом отвлечения внимания интеллектуальных кругов по возможности дальше от политических дискуссий, которые способствовали развитию антинемецких чувств».

---

[79] «Вестник распоряжений Генерал-губернаторства» (нем.)

Я пропускаю последний абзац и перехожу к следующей странице доклада.

«Расхищение и уничтожение произведений искусства, библиотек и коллекций из Польши».

Фрагменты находятся на страницах 207 и 208 книги документов.

«3 декабря 1939 г. гауляйтер Вартеланда[80] издал приказ о регистрации всех публичных и частных библиотек и коллекций на присоединенных территориях. Когда регистрация была закончена, библиотеки и коллекции книг были конфискованы и перевезены в «Buchsammelstelle[81]». Там особые «эксперты» производили отбор. Конечным предназначением был либо Берлин, либо вновь основанная «Staatsbibliothek[82]» в Познани. Книги, признанные неподходящими, продавались, уничтожались или выбрасывались в качестве макулатуры.

В Генерал-губернаторстве лучшие и крупнейшие библиотеки страны стали жертвой организованного расхищения. В их числе были университетские библиотеки в Кракове и в Варшаве. Одной из лучших, хотя и не из крупнейших, была библиотека польского парламента. Она состояла из 38 тысяч томов и 3500 периодических изданий. 15 и 16 ноября 1939 г. главная часть этой библиотеки была вывезена в Берлин и Бреслау. Захвачены были также старинные документы, как, например, собрание пергаментов, принадлежавших центральным архивам.

Диоцезиальный архив в Пельплине с документами VII столетия был сожжен в печах сахарного завода.

Первым сокровищем искусства, которое было вывезено из Польши, был известный алтарь Вита Ствоша из Краковского собора. Он был увезен в Германию. 16 декабря 1939 г. обвиняемый Франк издал декрет о конфискации произведений искусства.

Я пропускаю несколько абзацев и перехожу к последнему абзацу на странице 221:

«Три ценные картины были взяты из галереи Чарторыйских в Сеняве. Франк захватил их и продержал до 17 января 1945 г., а затем перевез их в Силезию, откуда, уже как личную собственность, — в Баварию.

Национальные памятники:

В процессе уничтожения всего, что связано с польской историей и культурой, многие памятники, произведения искусства были разрушены и уничтожены:

---

[80] Рейхсгау Вартеланд, также Вартегау; ранее рейхсгау Позен — рейхсгау Третьего рейха, образованное в 1939 году на аннексированной территории западной Польши. Административный центр — город Позен.

[81] «Пункт сбора книг» (нем.)

[82] «Государственная библиотека» (нем.)

памятник почитаемому польскому королю Болеславу Храброму[83] в Гнезно (сначала он был обмотан канатами и цепями с целью сбросить его с пьедестала. После безуспешной попытки был применен ацетилен: голова была отрезана, а пьедестал разбит на куски), монумент Священного Сердца в городе Познани, памятники Шопену[84], поэту Словацкому[85], композитору Монюшко[86], польскому национальному герою Костюшко[87], президенту Вильсону[88], величайшему польскому поэту Мицкевичу и другие».

К докладу польского правительства приложены списки библиотек, музеев, книжных и иных коллекций, которые стали жертвой расхищения и разграбления. Эти списки вы, господа судьи, найдете в томе документов на страницах 254—255. В первом списке поименованы 30 библиотек, а во втором — 21 музей и коллекции произведений искусств, которые были разграблены и уничтожены. Я не буду оглашать полностью эти списки, а лишь назову некоторые музеи и коллекции, составлявшие национальную гордость и богатство польского государства.

Жертвами фашистских вандалов стали: сокровищница Вавельского собора в Кракове, коллекции Потоцких в Яблонне, музей Чарторыйских в Кракове, национальный музей в Кракове, музей церковного искусства в Варшаве, государственные нумизматические коллекции в Варшаве, дворец короля Станислава Августа[89] в Лазенковском парке, дворец короля Яна Собеского[90] в Вилянуве, коллекции графа Тарновского в Сухой, религиозный музей в Познани и другие.

Гитлеровские захватчики грабили также монастыри, костелы, соборы. На странице 43 доклада польского правительства (русский перевод соответствует странице 223 вашего тома документов) приводятся заключительные примечания польского примаса кардинала Хлонда[91]. Речь идет о письменном сообщении

---

[83] Болеслав I Храбрый (965/967 — 1025 — князь (992—1025) и первый король Польши (1025), князь Чехии в 1003—1004 годах.

[84] Фридерик Шопен, полное имя — Фридерик Францишек Шопен (1810 — 1849) — польский композитор и пианист французско-польского происхождения. В зрелые годы (с 1831) жил и работал во Франции. Один из ведущих представителей западноевропейского музыкального романтизма, основоположник польской национальной композиторской школы.

[85] Юлиуш Словацкий (1809 — 1849) — польский поэт и драматург; причисляется к величайшим польским поэтам эпохи Романтизма наряду с Адамом Мицкевичем и Зыгмунтом Красинским.

[86] Станислав Монюшко (1819 — 1872) — польский композитор; автор песен, оперетт, балетов, опер; творец польской национальной оперы, классик вокальной лирики.

[87] Тадеуш Костюшко (1746 — 1817) — военный и политический деятель Речи Посполитой и США, участник Войны за независимость США, руководитель польского восстания 1794 года, национальный герой Польши, США и Белоруссии, почётный гражданин Франции.

[88] Томас Вудро Вильсон (1856 — 1924) — 28-й президент США (1913—1921). Известен также как историк и политолог.

[89] Станислав II Август Понятовский (1732 — 1798) — последний король польский и великий князь литовский в 1764—1795 годах

[90] Ян III Собеский (1629 — 1696) — видный польский полководец, король польский и великий князь литовский с 1674 года. В его правление, ознаменовавшееся затяжными войнами с Османской империей, Речь Посполитая в последний раз пережила взлёт как европейская держава.

[91] Август Хлонд (1881 — 1948) — польский кардинал, член монашеского ордена салезианцев. Епископ Катовице с 14 декабря 1925 по 2 июня 1926. Архиепископ Гнезно-Познани и примас Польши с 2 июня 1926 по 22 октября 1948. Архиепископ Варшавы с 13 июня 1946 по 22 октября 1948.

кардинала Хлонда папе Пию XII[92]. Я оглашу только два абзаца этих заключительных примечаний:

«Монастыри методически закрываются, точно так же как их цветущие учреждения в области воспитания, печати, социальной опеки, благотворительности и ухода за больными. Их дома и учреждения захвачены армией нацистской партии.

Захватчики затем конфисковали или секвестровали имущество костела, признавая себя самих его владельцами. Соборы, дворцы епископов, семинарии, резиденции каноников, доходы и достояние епископов и капитул, фонды семинариев... — все было ограблено захватчиками».

Я опускаю конец страницы 29 и перехожу к странице 30: Югославия.

Уничтожение национальной культуры народов Югославии проводилось гитлеровцами различными способами и методами. Я не буду, господа судьи, подробно их приводить и перечислять. Эти методы и способы известны.

В Югославии происходило то, что происходило в Польше и Чехословакии. Необходимо подчеркнуть, что в уничтожении культуры народов Югославии немецко-фашистские оккупанты проявляли большую изобретательность и использовали свой богатый опыт, приобретенный в других оккупированных ими странах. Система уничтожения национальной культуры народов Югославии начинается с нападения и грабежей, а кончается массовыми убийствами, лагерями и печами крематориев.

В докладе югославского правительства, представленном трибуналу под номером СССР-36, приводится большое количество фактов и документов, с бесспорностью устанавливающих преступные деяния подсудимых. Но и эти многочисленные факты, приводимые в докладе, далеко не исчерпывают, конечно, всех преступлений, совершенных гитлеровцами. В докладе югославского правительства приводятся лишь типичные случаи в качестве примера. Я приведу несколько выдержек из доклада югославского правительства, эти выдержки вы найдете, господа судьи, на странице 303 тома документов. Цитирую:

«Немедленно по вступлении в Югославию германских войск немцы приступили к осуществлению своего давно задуманного плана германизации «аннексированных» районов Словении».

И далее на странице 307:

«Оккупанты закрыли все словенские школы, изгнали всех словенских учителей, уничтожили все словенские библиотеки и книги и запретили употребление словенского языка, которое рассматривалось как саботаж».

[92] Пий XII (до интронизации Джузеппе Пачелли 1876 — 1958) — Папа Римский с 2 марта 1939 года по 9 октября 1958 года.

Немецкие варвары уничтожали и грабили не только библиотеки. Они уничтожали университеты и радиостанции, дома культуры и санатории. На странице 23 доклада (страница 278 тома документов) приводятся в качестве примера такие факты по Белграду. Я цитирую:

> «Без всякой надобности для военных целей немцы преднамеренно разрушили и сожгли множество общественных зданий и культурных учреждений, например: новый университет, народный университет «Колорац», первую мужскую гимназию, вторую женскую гимназию, общественную биржу труда, студенческую столовую, старинный королевский дворец, здание министерства строительства, радиостанцию, русский дом культуры, санаторий доктора Живковича и т. д. В здании университета погибли ценнейшие и важнейшие коллекции научных трудов и материалов».

Как устанавливается из сообщения Югославской государственной комиссии, — этот документ я представляю под номером J-39(a) который я представляю как экземпляр 364 (он имеется в вашем томе документов на странице 313а), — гитлеровцы до основания разрушили народную библиотеку в Белграде, сожгли сотни тысяч книг и рукописей — основной фонд сербской культуры; полностью уничтожили 71 и частично уничтожили 41 научный институт и лаборатории Белградского университета; до основания уничтожили Государственную академию художеств, сожгли и разграбили тысячи школ.

Я опускаю конец страницы 31 и перехожу к странице 32. Господа судьи найдут этот отрывок на странице 303 документальной книги.

За четыре года хозяйничания гитлеровцев много страданий и горя испытали народы Югославии. Гитлеровцы экономически разграбили эту страну, причинив большой материальный ущерб. Но ущерб который они своими злодеяниями причинили культуре народов Югославии, еще значительнее.

Заканчивая этот раздел своего выступления, считаю необходимым, господа судьи, привести еще одну выдержку из дневника подсудимого Франка. Я имею в виду том дневника в коленкоровом переплете, под названием «Заседания руководителей отделов 1939/40 гг.», в котором имеется запись о заседании руководителей отделов от 19 января 1940 г. в Кракове. Эту выдержку вы найдете на обороте страницы 169 тома документов. Цитирую:

> «5 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область, как территорию войны и как трофейную страну, сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры».

К этому выступлению Франка следует только добавить: подсудимый Франк со всем рвением выполнил это задание по Польше, а другие рейхе, гау и

прочие ляйтеры действовали аналогично на оккупированных территориях СССР, Чехословакии и Югославии.

Я приступаю, господа судьи, к представлению доказательств, совершенных подсудимыми преступлений против культуры народов Советского Союза.

Мы слышали здесь, на суде, с каким ожесточением и в каких масштабах производилось гитлеровцами разрушение и разграбление культурных ценностей народов Чехословакии, Польши и Югославии. Злодеяния, которые гитлеровскими заговорщиками совершались на оккупированных территориях СССР, еще более значительны. Преступное сообщество, именуемое гитлеровским правительством, стремилось не только ограбить народы Советского Союза, разрушить созданные ими города и села и искоренить культуру народов СССР, но и поработить советские народы, превратить нашу Родину в порабощенную фашистами колонию.

Во второй части моего выступления мною уже приводились доказательства, как организовывалось и планировалось разрушение культурных ценностей народов СССР.

В опубликованной ноте народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова от 27 апреля 1942 г., представленной трибуналу под номером СССР-51/3, приводятся документы и факты, с бесспорностью устанавливающие, что осквернение и уничтожение исторических и культурных памятников, гнусное издевательство над национальными чувствами, верованиями и убеждениями являлось частью задуманного и проводившегося гитлеровским правительством чудовищного плана, имеющего целью ликвидацию национальной культуры народов СССР. Впоследствии я еще вернусь к этому документу. Сейчас, с вашего разрешения, оглашу следующую выдержку. Она имеется на странице 321 тома документов. Я опускаю первый абзац и начинаю со второго. Цитирую:

> «Осквернение и уничтожение исторических и культурных памятников на захваченных советских территориях, а также разрушение созданных Советской властью многочисленных культурных учреждении является частью чудовищно нелепого плана, задуманного и проводимого гитлеровским правительством и имеющего целью ликвидацию русских, украинцев, белорусов, литовцев, латвийцев, эстонцев и других народов СССР.
>
> В приказе номер 0973/41 командующий германской 17-й армией генерал Гот[93] требует от своих подчиненных полного усвоения типичной для тупоголовых фашистов человеконенавистнической

[93] Герман Гот (1885 — 1971) — германский военачальник, генерал-полковник. Принимал участие в кампаниях Второй мировой войны, известный победами во Франции и на Восточном фронте. Командовал 3-й танковой группой Вермахта в составе группы армий «Центр» (с июня 1941 по июнь 1942 года) и 4-й танковой армией (с июня 1942 по декабрь 1943 года). После поражения Германии был осуждён американским военным трибуналом и приговорён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно в 1954.

идейки о том, что «здравое чувство мести и отвращения ко всему русскому должно не подавляться у солдата, а, напротив, всячески поощряться».

Верные своему обычаю уничтожения общепризнанных ценностей культуры, гитлеровцы на оккупированной ими советской территории повсеместно разгромили и в значительной части сожгли книгохранилища, от небольших клубных и школьных библиотек до ценнейших собраний рукописей книг, содержавших уникальные библиографические ценности.

Я опускаю абзац и продолжаю цитату:

«Гитлеровцы разграбили, а потом сожгли знаменитый музей Бородино, исторические реликвии которого, относящиеся к борьбе с наполеоновской[94] армией в 1812 году, особенно дороги русскому народу. Оккупанты разграбили и сожгли дом-музей А. С. Пушкина[95] в поселке Полотняный Завод.

В Калуге гитлеровцы старательно уничтожили экспонаты дома-музея, в котором жил и творил знаменитый русский ученый К. Э. Циолковский[96], чьи заслуги в области аэронавтики пользуются всемирной известностью.

По портретам Циолковского фашистские вандалы стреляли из револьверов. Ценнейшие модели дирижаблей, чертежи, приборы были растоптаны. В одной из комнат музея был устроен курятник, мебель сожжена. Одно из старейших сельскохозяйственных учреждений СССР — Шатиловская селекционная станция в Орловской области — уничтожено оккупантами, взорвавшими и предавшими огню 55 зданий этой станции, включая агрохимическую и другие лаборатории, музей, библиотеку в 40 тысяч томов, школу и другие здания. На Украине и в Белоруссии гитлеровцы с еще большим остервенением громили культурные учреждения и исторические памятники».

Я опускаю два абзаца и перехожу к последнему абзацу этой цитаты:

«Нет предела издевательствам гитлеровскнх вандалов над памятниками и очагами украинской истории, культуры и искусства. Достаточно упомянуть как пример постоянных попыток унизить национальное достоинство украинского народа, что оккупанты, разгромив библиотеку имени Короленко в Харькове, замостили грязную улицу книгами из этой библиотеки для удобства проезда

---

[94] Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821) — император французов в 1804—1814 и 1815 годах, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства

[95] Пушкин Александр Сергеевич (1799 — 1837) — русский поэт, драматург и прозаик, заложивший основы русского реалистического направления, критик и теоретик литературы, историк, публицист; один из самых авторитетных литературных деятелей первой трети XIX века.

[96] Циолковский Константин Эдуардович (1857 — 1935) — русский и советский философ, изобретатель и школьный учитель. Основоположник теоретической космонавтики.

немецких автомобилей».

С особой ненавистью немецкие вандалы отнеслись к наиболее дорогим советскому народу памятникам культуры. Приведу несколько фактов.

Гитлеровцы разгромили Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших писателей — Лев Толстой[97].

Они разгромили и ограбили дом, в котором жил и творил великий русский композитор Чайковский[98]. В этом доме Чайковский создал всемирно известные оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама».

В городе Таганроге они уничтожили дом, где жил гениальный русский писатель Чехов[99], в городе Тихвине — дом, где жил прославленный русский композитор Римский-Корсаков[100].

В качестве доказательства, господа судьи, я оглашаю выдержку из ноты народного комиссара иностранных дел СССР Молотова от 6 января 1942 г., представленную трибуналу под номером СССР-51/2 (эта выдержка имеется на странице 317 тома документов):

> «В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших гениев человечества — Лев Толстой. Этот прославленный памятник русской культуры нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли. Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Льва Толстого, — редчайшие рукописи, книги, картины — были либо разворованы немецкой военщиной, либо выброшены и уничтожены. Германский офицер Шварц в ответ на просьбу сотрудника музея перестать отапливать дом личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил словами: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого».
>
> При освобождении советскими войсками 15 декабря города Клина было установлено, что дом, в котором жил и творил великий русский композитор П. И. Чайковский, превращенный советским государством в музей, был разгромлен и разграблен нацистскими офицерами и солдатами. В самом здании дома-музея оголтелые оккупанты устроили гараж для мотоциклов и отапливали этот гараж рукописями,

---

[97] Толстой Лев Николаевич (1828 — 1910) — один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, один из величайших писателей-романистов мира. Участник обороны Севастополя. Просветитель, публицист, религиозный мыслитель, его авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового религиозно-нравственного течения — толстовства

[98] Чайковский Пётр Ильич (1840 — 1893) — русский композитор, педагог, дирижёр и музыкальный критик.

[99] Чехов Антон Павлович (1860 — 1904) — русский писатель, прозаик, драматург, врач.

[100] Римский-Корсаков Николай Андреев (1844 — 1908) — русский композитор, педагог, дирижёр, общественный деятель, музыкальный критик; участник «Могучей кучки».

книгами, мебелью и другими музейными экспонатами, часть которых была на всякий случай уворована германскими пришельцами. При этом нацистские офицеры знали, что они глумяться над замечательнейшими памятниками русской культуры.

Во время оккупации города Истры немецкие войска устроили склад боеприпасов в знаменитом старинном русском монастыре, известном под именем Нового Иерусалима, основанном еще в 1654 году. Ново-Иерусалимский монастырь является выдающимся историческим и религиозным памятником русского народа и известен как одно из крупнейших и красивейших сооружений. Это не помешало тому, что при отступлении от Истры немецко-фашистские погромщики взорвали свой склад боеприпасов в Новом-Иерусалиме и превратили неповторимый памятник русской церковной истории в груду развалин».

Я опускаю следующий абзац и завершаю цитату.

По указанию германского военного командования гитлеровцы разрушили и уничтожили культурно-исторические памятники русского народа, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии от 29 августа 1944 г. «О разрушениях и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими варварами в Пушкинском заповеднике Академии наук СССР», которое я представляю как доказательство под номером СССР-40, указывается:

«В целях сохранения культурно-исторических памятников русского народа, связанных с жизнью и творчеством гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, Советское правительство 17 марта 1922 г. объявило усадьбу поэта в Михайловском, его могилу в Святогорском монастыре и близлежащие места — Тригорское, Городище и деревню Воронич государственным заповедником.

Пушкинский заповедник и особенно усадьба поэта в Михайловском драгоценны для русского народа; здесь Пушкин закончил третью и создал четвертую, пятую и шестую главы «Евгения Онегина» закончил поэму «Цыганы», написал трагедию «Борис Годунов», большое число поэм и лирических стихотворений.

В июле 1941 года в Пушкинский Заповедник ворвались гитлеровцы. Три года они хозяйничали здесь, разрушая и уничтожая пушкинские памятники».

Я опущу начало страницы 1 сообщения.

«Расхищение музейных ценностей началось еще в августе 1941 года».

Я также опущу следующий абзац. Я читаю:

«Осенью 1943 года комендант пушкинской военной комендатуры

Трайбхольц предложил К. В. Афанасьеву подготовить к эвакуации все ценности музея. При этом Трайбхольц заявил, что речь идет о мерах по охране этих ценностей ввиду приближения фронта. Все ценности музея были упакованы, немецкие власти погрузили их на машины и вывезли в Германию».

Я опускаю следующий абзац и читаю:

«В конце февраля 1944 года Михайловское было превращено немцами в военный объект и один из опорных пунктов немецкой обороны. Территория парка была изрыта траншеями, ходами сообщения, земляными убежищами. «Домик няни» был немцами разобран, а рядом с ним и даже частично на его месте построен большой пятинакатный блиндаж. Другой такой же блиндаж был построен немцами около бывшего здания музея.

Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение Пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли, и от него осталась только груда развалин. Мраморная плита для памятника Пушкину разбита и брошена возле пепелища. Из двух других домов Пушкинского заповедника у въезда в Михайловскую усадьбу один сожжен немцами, а другой сильно разрушен. Немецкие вандалы прострелили в трех местах большой портрет Пушкина, который висел на арке у входа в Михайловский парк; сама арка уничтожена.

После ухода из Михайловского гитлеровцы обстреляли его минометами и артиллерийским огнем. Лестничные спуски к реке Сороть разрушены немецкими минами; старые липы на круговой аллее, которая вела к дому, поломаны; центральный вяз перед домом поврежден снарядами и осколками.

Я опускаю конец этой страницы и перехожу к странице 41 сообщения:

«Прилегающее селение, Воронич, связанное с написанием «Бориса Годунова», в значительной части разрушено. Сожжены «Дом туриста» и ряд других зданий; разрушена школа. Сожжена деревянная церковь, сохранившаяся со времени Пушкина, в которой он отслужил 7 апреля 1825 г. панихиду по великому английскому поэту Байрону[101]. Кладбище около церкви, на котором погребены один из родственников Пушкина В. П. Ганнибал[102] и близкий знакомый поэта, священник Раевский, заминировано, изрыто траншеями и разорено. Исторический облик заповедника, в котором русский народ видел

[101] Джордж Гордон Байрон (1788 — 1824), обычно именуемый просто лорд Байрон (Lord Byron) — английский поэт-романтик, покоривший воображение всей Европы своим «мрачным эгоизмом». Наряду с Перси Шелли и Джоном Китсом представляет младшее поколение британских романтиков.

[102]

пушкинские образы, немцами искажен до неузнаваемости.

Кощунственное отношение немцев к национальным святыням русского народа ярче всего обнаруживается в надругательстве и осквернении могилы Пушкина. Стремясь охранить Пушкинский заповедник от опасности разрушения, части Красной Армии оставили этот район без боев и отошли к Новоржеву. Несмотря на это, 2 июля 1941 г. немцы подвергли бомбардировке Святогорский монастырь, у стен которого находится могила Пушкина.

В марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению Святогорского монастыря».

Я опускаю остальное на этой странице и перехожу к странице 42:

«Могила поэта была найдена сильно захламленной. Обе лестницы, ведущие к могиле, разрушены; площадка вокруг могилы Пушкина завалена мусором, щебнем, обломками иконных досок, кусками листового железа».

Я опускаю абзац и цитирую дальше:

«Мраморная балюстрада вокруг площадки также повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями. Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10 — 12 градусов вследствие оползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами.

Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии прежде всего посетят могилу поэта, и потому немцы превратили ее в западню для патриотов. На территории монастыря и в близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими саперами до трех тысяч мин…».

К числу тягчайших преступлений гитлеровцев против культуры относится разрушение памятников искусства и архитектуры в городах Павловск, Царское Село и Петергоф. Величественные памятники искусства и архитектуры этих городов, превращенных в города-музеи, известны всему цивилизованному миру. В течение двух столетий создавались эти художественные архитектурные памятники, связанные с целым рядом крупнейших событий в истории России.

Знаменитые русские и иностранные зодчие, художники и скульпторы создавали свои гениальные произведения, которые в этих городах-музеях находились. И все это, вместе с бесценными сокровищами русского и мирового искусства, уничтожено и разграблено, сожжено и взорвано фашистскими громилами.

Я оглашаю и представляю в качестве доказательства под номером СССР-49 сообщение Чрезвычайной государственной комиссии от 3 сентября 1944 г.

Выдержки из этого сообщения вы найдете, господа судьи, на страницах 330 — 332 тома документов. Я опускаю конец страницы 43 и всю страницу 44 данного выступления и начинаю свою цитату в середине страницы 45:

> «К моменту вторжения немецких захватчиков в Петродворце (в Петергофе) после эвакуации оставалось еще 34 214 различных музейных экспонатов (картин, художественных изделий, скульптуры) и 700 ценнейших книг дворцовых библиотек. В нижних помещениях Екатерининского и Александровского дворцов города Пушкина (Царское Село) были сосредоточены гарнитуры мебели русской и французской работы середины XVIII века, 600 предметов художественного фарфора конца XIX и начала XX веков, большое количество мраморных бюстов, мелкой скульптуры, до 35 тысяч томов книг дворцовых библиотек.
>
> На основании документальных материалов, заявлений и свидетельских показаний очевидцев, показаний немецких военнопленных и тщательного расследования установлено: Ворвавшись в Петродворец 23 сентября 1941 г., немецкие захватчики сразу же приступили к грабежу ценностей дворцов-музеев и вывозили имущество дворцов в течение нескольких месяцев.
>
> Из дворцов — Большого, Марли, Монплезир и Коттеджа — они разграбили и вывезли в Германию около 34 тысяч предметов музейных экспонатов и среди них 4950 предметов уникальной мебели — английской, итальянской, французской и русской работы Екатерининского, Александровского и Николаевского времени; много редких сервизов фарфора иностранных и русских заводов XVIII и XIX веков. Немецкие варвары содрали шелк, гобелены и другие декоративные материалы, украшавшие стены дворцовых зал.
>
> В ноябре 1941 года немцы сняли бронзовую скульптуру Самсона работы скульптора Козловского[103] и увезли ее... Разграбив музейные ценности, немецкие бандиты подожгли Большой дворец — гениальное творение зодчего Варфоломея Растрелли[104].
>
> При своем отступлении из Петродворца немцы с помощью мин замедленного действия разрушили дворец Марли. Дворец имел тончайшую лепную отделку и резьбу. Немцы разрушили Петровский Монплезир. Они уничтожили все деревянные части павильонов и галерей, внутреннюю отделку кабинета, спальни и китайских комнат;

[103] Козловский Михаил Иванович (1753 — 1802) — русский скульптор, академик Императорской Академии художеств.

[104] Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (Бартоломео) (1700 — 1771) — русский архитектор итальянского происхождения, академик архитектуры Императорской Академии художеств (1771). Наиболее яркий представитель так называемого елизаветинского барокко.

во время оккупации среднюю, наиболее ценную в историко-художественном отношении, часть дворца превратили в дот, в западном павильоне дворца устроили конюшню и уборную. В помещениях Ассамблейного корпуса немцы разобрали полы, выпилили балки, уничтожили двери и оконные рамы, ободрали обшивку потолка.

Я опускаю один абзац и цитирую последний на этой странице:

«В северной части парка, так называемой Александрии, они взорвали дачу Николая II[105], полностью уничтожили деревянный офицерский домик, Александрийские ворота, павильоны фонтана Адама, пилон главных ворот Верхнего парка и розовый павильон.

Я опускаю один абзац на странице 47:

«Немцы разрушили знаменитую фонтанную систему петродворцовых парков. Они подорвали питающую фонтаны линию на всем протяжении от плотины у «Розового павильона» до Верхнего парка.

После занятия Нового Петродворца части 29-й немецкой пехотной дивизии огнем тяжелых орудий полностью уничтожили знаменитый Английский дворец в Старом Петродворце, построенный по указу Екатерины II[106] архитектором Кваренги[107]. Немцы выпустили по дворцу 9 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Вместе с дворцом уничтожен живописный Английский парк и все парковые павильоны».

Председатель: Трибунал принимает во внимание успешные усилия, которые советское обвинение сделало для того, чтобы сократить представление доказательств. Мы бы очень хотели, чтобы вы, по мере возможности, суммировали данные о разрушениях памятников культуры и искусства.

На этом всё этим утром.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Рагинский: Разграбление и разрушение исторических и художественных дворцов города Пушкин (Царское Село) производилось преднамеренно, по указанию высших германских властей.

Я опускаю один абзац и продолжаю:

[105] Николай II Александрович (1868 — 1918) — Император Всероссийский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский (20 октября [1 ноября] 1894 — 2 [15] марта 1917). Из императорского дома Романовых.
[106] Екатерина II (1729 — 1796) — императрица Всероссийская с 1762 по 1796 год.
[107] Джакомо Кваренги (1744 — 1817) — архитектор, рисовальщик, акварелист и ведутист итальянского происхождения, едва ли не самый плодовитый представитель палладианства в русской архитектуре.

«Значительную часть Екатерининского дворца немцы сожгли. В огне погибла знаменитая растреллиевская трехсотметровая анфилада парадных зал. Знаменитые комнаты ожидания – «украшенные Расстрели также были разрушены».

Страшную картину разрушения представляет собой Большой зал — гениальное творение Растрелли. Уничтожены уникальные плафоны работы Торелли[108], Джордано, Брюллова[109] и других крупнейших итальянских и русских мастеров...»

Я опускаю абзац и продолжу цитату.

«Разгромлена и разграблена изумительная по своей внутренней отделке дворцовая церковь — одно из лучших произведений Растрелли...»

Опускаю еще один абзац.

«При отступлении в январе 1944 года немецкие захватчики подготовили полное уничтожение того, что еще оставалось от Екатерининского дворца и примыкающих к нему зданий. С этой целью в нижнем этаже сохранившейся части дворца, а также под камероновой галерееей было заложено 11 больших авиабомб замедленного действия весом от одной до трех тонн.

Гитлеровцы разгромили в Пушкине Александровский дворец, построенный в конце XVIII века знаменитым зодчим Джакомо Кваренги».

Я опускаю абзац.

«Вся музейная мебель, сосредоточенная в подвалах Екатерининского и Александровского дворцов, предметы художественного фарфора, книги из дворцовых библиотек вывезены в Германию.

Знаменитый плафон «Пир богов на Олимпе» в главном зале павильона Эрмитажа снят и увезен в Германию.

Я опускаю два абзаца:

«Большие разрушения произвели гитлеровцы в великолепных Пушкинских парках, тысячи вековых деревьев вырублены.

Батальоном особого назначения Риббентропа и командами штаба Розенберга из Павловского дворца вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель, созданная по эскизам Воронихина[110] и крупнейших мастеров XVIII века.

Я опускаю конец страницы 49 и начало страницы 50 сообщения.

[108] Стефано Торелли (1712—1784) — исторический и портретный живописец, родом из Болоньи.

[109] Брюллов (Брюлов)Карл Павлович (1799 — 1852) — русский художник, живописец, монументалист, акварелист, представитель классицизма и романтизма.

[110] Воронихин Андрей Никифорович (1759 — 1814) — русский архитектор и живописец, представитель классицизма, один из основоположников русского ампира.

Отступая, фашистские захватчики подожгли Павловский дворец. Большая часть здания дворца совершенно выгорела...»

Опускаю последующие два абзаца и цитирую заключительный абзац этого документа.

«Чрезвычайная государственная комиссия установила, что разрушение памятников искусства в Петродворце, Пушкине и Павловске произведено по прямому указанию германского правительства и верховного командования офицерами и солдатами немецкой армии».

Много крупных городов разрушили немецко-фашистские оккупанты на занятых ими территориях СССР. Но с особым ожесточением они разрушали древние русские города, сохранившие памятники древнерусского искусства. В качестве примера я приведу разрушение городов Новгорода, Пскова и Смоленска. Новгород и Псков — один из тех исторических центров, в которых русский народ создавал свою государственность. В течение столетий здесь процветала высокая и своеобразная культура. Она оставила богатое наследие, которое представляет собою драгоценное достояние нашего народа. Благодаря многочисленным сохранившимся памятникам древнего церковного и гражданского зодчества, стенным росписям, произведениям живописи, скульптуры и прикладного искусства, Новгород и Псков справедливо назывались кафедрами русской истории..

Гитлеровские варвары разрушили в Новгороде много ценнейших памятников русского и мирового искусства XI — XII веков. Они разрушили не только памятники, но весь город превратили в груду развалин.

В качестве доказательства я оглашу некоторые выдержки из документа, представленного трибуналу под номером СССР-50. Эти выдержки господа судьи найдут на страницах 333 — 334 тома документов. Цитирую:

«Древний русский город Новгород немецко-фашистские захватчики превратили в груду развалин. Они разрушили исторические памятники, а часть из них разобрали на постройку оборонительных сооружений…

Немецко-фашистские вандалы разрушили и уничтожили в Новгороде величайшие памятники древнего русского искусства. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря, построенном в начале XII века, фашисты разрушили своды и стены башни собора с фресками XII века.

Софийский собор, построенный в XI веке, являлся одним из древнейших памятников русского зодчества, выдающимся памятником мирового искусства. Здание собора немцы разрушили…

Гитлеровцы полностью разграбили внутреннее убранство собора, увезли все иконы с иконостасов, древние паникадила, в том числе

паникадило, принадлежавшее Борису Годунову[111]…

Церковь Благовещения на Аркаже XII века с фресками, выполненными в том же веке, была обращена фашистами в дот и казарменное помещение.

Я опускаю одно предложение.

«Была разрушена Церковь Спаса Преображения на Ильине улице — один из лучших образцов новгородской архитектуры XIV века, особенно известная своей росписью, выполненной в это же время великим византийским мастером Феофаном Греком[112].

Я опускаю остальное на этой странице и перехожу к странице 54 своего выступления.

«Более чем двухгодичное хозяйничание гитлеровцев в Новгороде привело к разрушению целого ряда и других замечательных памятников древнерусского зодчества... По приказу командующего 18-й германской армии генерал-полковника Линдемана[113] немецкие варвары разобрали и подготовили для отправки в Германию памятник 1000-летия России. Этот памятник был воздвигнут на Кремлевской площади в 1862 году по проекту известного русского скульптора академика Микешина[114] и запечатлевал в художественных образах основные этапы развития нашей Родины до 60-х годов XIX столетия...

Гитлеровские варвары разобрали памятник на части, разбили скульптурные изображения. Но отправить памятник как металлический лом на сплав фашистам не удалось».

О варварском разрушении немцами памятников древнерусского искусства в Новгороде и Пскове весьма обстоятельно говорит в своих показаниях гражданин Дмитриев Юрий Николаевич. Дмитриев с 1937 года является заведующим отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея в городе Ленинграде. Изучением исторических памятников Новгорода и Пскова он занимается с 1926 года. Как крупный специалист в этой отрасли искусства, он по полномочию Чрезвычайной государственной комиссии принимал участие в расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Подлинный протокол показаний гражданина Дмитриева, надлежаще оформленный в соответствии с процессуальным законодательством СССР,

---

[111] Годунов Борис Фёдорович (1552 — 1605) — боярин, шурин (брат жены) царя Фёдора I Иоанновича, в 1587—1598 фактический правитель государства, с 17 (27) февраля 1598 года по 13 (23) апреля 1605 года — первый русский царь из династии Годуновых.

[112] Феофан Грек (около 1340 — около 1410) — византийский и русский иконописец, миниатюрист и мастер монументальных фресковых росписей.

[113] Георг Линдеман (1884 — 1963) — немецкий генерал-полковник. В январе – мае 1945 командующий Вермахтом в Дании.

[114] Микешин Михаил Осипович (1835 — 1896) — русский художник и скульптор, автор ряда выдающихся памятников в крупных городах Российской империи.

представляю суду как доказательство СССР-312. При цитировании его показаний я опущу описание тех фактов, которые уже известны из оглашенного на суде сообщения Чрезвычайной государственной комиссии. Я цитирую несколько коротких фрагментов которые находятся на страницах 336 и 339. Гражданин Дмитриев показал:

«Новгород в большей своей части сравнен с землей, только немногие кварталы оставлены немцами в виде руин. В руины немцы обратили также и Псков, здания и памятники которого они взрывали при отступлении. Из 88 историко-художественных сооружений Новгорода остались без значительных повреждений только два... Только единичные памятники Пскова остались неповрежденными.

Историко-художественные памятники Новгорода и Пскова преднамеренно уничтожались немцами».

И далее:

«Наряду с разрушением и порчей историко-художественных памятников, немецкие войска занимались хищением, грабежом художественных и материальных ценностей, находившихся в этих памятниках или составляющих часть их.

Немецкие войска при этом произвели надругательства и осквернение ряда историко-художественных церковных памятников в Новгороде и Пскове».

Изо дня в день на протяжении 26 месяцев разрушали гитлеровцы древнейший русский город Смоленск.

Советским обвинением представлен трибуналу документ под номером СССР-56, содержащий сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях города Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами. Я не буду цитировать этот документ, только сошлюсь на него и постараюсь изложить своими словами основные моменты.

В Смоленске немецко-фашистские захватчики уничтожили и разграбили ценнейшие коллекции музеев, осквернили и сожгли памятники старины, уничтожили школы и институты, бибилотеки и учреждения здравоохранения. Учебники и литературу, наглядные пособия и приборы, экспонаты и музейные коллекции, представлявшие огромную ценность, фашисты вывезли в Германию. В апреле 1943 года гитлеровцам понадобился щебень для мощения дорог. Они взорвали для этой цели среднюю школу номер 23. Захватчики сожгли все библиотеки города, 22 школы. В сожженных библиотеках погибло 646 тысяч книг.

Я перехожу к странице 57 своего доклада:

«В Смоленске до немецкой оккупации было 4 музея, располагавших ценнейшими коллекциями.

Художественный музей имел богатейшие собрания преимущественно русских историко-художественных, историко-бытовых, этнографических и других ценностей: картин, икон, бронзы, фарфора, литья, тканей. Эти собрания представляли мировую ценность — экспонировались на выставке во Франции. Оккупанты разрушили музеи, ценнейшие экспонаты вывезли в Германию».

Я процитирую только один последний абзац на странице 57:

«Главный штаб Розенберга по изъятию и вывозу ценностей из оккупированных районов Востока имел в Смоленске специальное отделение, возглавляемое доктором Нерлингом, организатором разграбления музеев и исторических памятников.

Таковы некоторые из многочисленных фактов злодеяний фашистских варваров, которые наглядно показывают реализацию злодейских замыслов гитлеровских заговорщиков.

Известно, с какой беспощадностью немецко-фашистские захватчики совершали экономическое ограбление украинского народа. Не меньшее место в планах гитлеровских заговорщиков занимало и с неменьшей жестокостью ими проводилось разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей украинского народа. Преступно замыслив поработить свободолюбивый украинский народ, гитлеровские заговорщики стремились уничтожить его культуру. Осуществляя свои злодейские замыслы, гитлеровцы с первых же дней вторжения на Украину приступили к планомерному уничтожению школ, высших учебных заведений, научных учреждений, музеев, библиотек, клубов, театров.

Разрушению и разграблению подверглись исторические и культурные ценности городов Киева, Харькова, Одессы, Сталинской и Ровенской областей и многих других больших и малых городов.

Из представленного советским обвинением документа под номером СССР-32, содержащего приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта от 15— 18 декабря 1943 г., видно, что немецко-фашистские войска в городе Харькове и Харьковской области по прямому указанию гитлеровского правительства грабили, сжигали и разрушали материальные и культурные ценности советского народа. Эту выдержку вы найдете, господа судьи, на странице 359 тома документов.

Сейчас я перехожу к оглашению доказательств о гитлеровских злодеяниях в столице Украинской республики — Киеве. Я процитирую один абзац из документа, представленного советским обвинением под номером СССР-248. Он имеется на странице 363 тома документов и представляет собой выписку из материалов Чрезвычайной государственной комиссии «О разрушении и ограблении фашистскими захватчиками Киевской психиатрической больницы». В числе других разрушений захватчики — цитирую —

«...сожгли ценнейший в научном отношении архив больницы,

уничтожили прекрасную больничную библиотеку в 20 тысяч томов, ограбили культурный заповедник, ценнейший памятник XI столетия знаменитый Кирилловский собор, расположенный на территории больницы».

Приступаю к оглашению выдержек из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве». Это сообщение представлено трибуналу под номером СССР-9, а цитируемые выдержки соответствуют страницам 365—366 тома документов.

«В Киеве, до вторжения немцев, было 150 средних и начальных школ. Из них 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9 — приспособили под склады и мастерские, в двух разместили воинские штабы и 8 школ использовали под конюшни. При отступлении из Киева немецкие варвары разрушили 140 школ».

Опускаю следующий абзац и продолжаю цитату:

«Немецкие оккупанты расхитили из книжных фондов киевских библиотек свыше четырех миллионов книг. Из одной только библиотеки Академии наук УССР гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тысяч различных ценных и уникальных книг, журналов и рукописей».

Я прошу, господа судьи, обратить внимание, что о разграблении библиотеки Академии наук УССР свидетельствует в оглашенном уже мною заявлении от 10 ноября 1942 г. доктор Фэрстер — оберштурмфюрер СС, служивший в батальоне особого назначения, созданном по инициативе подсудимого Риббентропа и действовавшем под его руководством.

Я продолжаю оглашение выдержек из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии:

«5 сентября 1943 г. немцы сожгли и взорвали один из старейших центров украинской культуры — Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, основанный в 1834 году... В огне погибли величайшие культурные ценности, служившие на протяжении столетий основой научно-учебной работы университета; погибли материалы исторического архива древних актов, представлявших исключительную ценность; погибла библиотека с фондом свыше 1300 тысяч книг; зоологический музей университета, имевший свыше 2 миллионов экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев.

…Немецкие оккупанты разрушили также и другие высшие учебные заведения Киева, сожгли и разграбили большинство медицинских учреждений...

Фашистские варвары сожгли в Киеве здание драматического театра Красной Армии…театральный институт, консерваторию, в которой сгорели инструменты, богатейшая библиотека и все оборудование; взорвали здание цирка на 2500 мест; сожгли со всем оборудованием Театр юного зрителя имени М. Горького; уничтожили Еврейский театр...

В музее западноевропейского и восточного искусств осталось лишь несколько больших полотен, которые грабители не успели снять с высоких стен лестничной клетки. Из музея русского искусства гитлеровцы вместе со всеми экспонатами вывезли ценнейшую коллекцию русских икон. Они разграбили музей украинского искусства: из 41 тысячи экспонатов отдела народного искусства этого музея осталось только 1900».

Я опускаю остальное на этой странице и перехожу к странице 62 своего доклада:

«Гитлеровцы разграбили музей имени Т. Г. Шевченко и они разграбили величайший памятник славянских народов — Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века, драгоценную утварь и предметы культа».

Я опускаю один абзац.

«По приказу немецкого командования воинские части ограбили, взорвали и разрушили древнейший памятник культуры — Киево-Печерскую лавру...

Успенский собор, построенный в 1075— 1089 годах великим князем Святославом[115] и расписанный внутри в 1897 году известным художником В. В. Верещагиным, 3 ноября 1941 г. взорван немцами...»

Я опускаю дальнейшее изложение и перехожу к заключительной части документа.

«Нельзя без скорби смотреть, — сообщает член Чрезвычайной государственной комиссии Николай[116] Митрополит Киевский и Галицкий, — на груды развалин Успенского собора, созданного в XI веке гением бессмертных строителей. От взрыва образовалось несколько огромных провалов в земле на окружающей собор территории, и, глядя на них, кажется, что даже земля содрогнулась при виде злодеяний тех, кто не имеет права на человеческое имя. Точно страшный ураган пронесся по лавре, все опрокинул вверх дном, рассыпал и разбросал могучие лаврские здания. Два с лишним года

[115] Святослав Ярославич, в крещении Николай (1027 — 1076) — третий сын Ярослава Мудрого и Ингегерды Шведской, князь черниговский, с 1073 великий князь киевский.

[116] Митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич; 1892 — 1961) — епископ Русской православной церкви, митрополит Крутицкий и Коломенский. Проповедник и богослов, педагог.

Киев был закован в немецкие кандалы. Гитлеровские палачи принесли с собою в Киев смерть, руины, голод и казни. Все это со временем отойдет от близкого прошлого в отдаленное, но никогда не забудут этого злодеяния не только украинский и русский народы, но и все честное человечество во всем мире».

Господин председатель, вы позвольте мне остановиться еще на двух документах?

Первый документ, имеющий номер PS-035, датирован 26 октября 1943 г. и озаглавлен: «Краткий доклад о мерах безопасности главной рабочей группы Украины при отступлении вооруженных сил». Характерная особенность этого документа: документ неприкрыто свидетельствует о грабеже. Всем ясно, что речь идет о разбойничьей группе, но гитлеровцы все продолжают именовать грабеж работой; ценнейшие экспонаты Украинского музея они отправляют в Германию как «текстиль всех сортов».

Доклад начинается описанием создания безопасного уголка для учреждений айнзацштаба, для чего были выброшены из своих квартир жители целого района, а затем идет перечень отправленной добычи из разграбленных музеев Харькова, Киева, архивов и даже домашних библиотек.

Я оглашу только краткую выдержку из этого документа, относящуюся к материалам Украинского и доисторического музеев в Киеве. Эта выдержка имеется на странице 368 тома документов. Цитирую:

«1 октября 1943 г. Материалы украинского музея в Киеве.

На основании общего приказа городского комиссара по эвакуации нами было найдено и погружено для отправки в Краков:

текстиль всех сортов, набор ценных образцов шитья, коллекция парчи, многочисленные предметы обихода из дерева и т. д.

Кроме того, была отправлена большая часть доисторического музея».

Второй документ — PS-1109 от 17 июня 1944 г. озаглавлен: «Заметки для руководящей группы П-4» и адресован фон Мильде-Шредену. Этот документ находится в вашем томе документов на странице 369 и представляет краткое извлечение, поэтому я позволю себе процитировать его полностью:

«2. Вывоз культурных ценностей.

Осенью 1943 года из Киева организованным путем вывезено очень много материалов как из музеев, так и из архивов, и других культурных учреждений.

Эти мероприятия по сохранению проводились как айнзацштабом РР, так и отдельными руководителями институтов по распоряжению рейхскомиссара (я должен, господа судьи, сказать, что айнзацштаб Розенберга в некоторых документах именуется «особым штабом РР», а инициалы «РР» означают «рейхсляйтер Розенберг»).

Сначала много изъятого имущества было доставлено лишь в тыловые области, затем это переправили в Рейх. Когда нижеподписавшийся получил в конце сентября от отдела культуры рейхскомиссара задание вывезти из Киева остатки культурных ценностей, наиболее ценные в культурном отношении материалы были уже отправлены. В течение октября было отправлено в Рейх еще около сорока вагонов с культурными ценностями. Здесь речь идет главным образом о ценностях, которые принадлежали научно-исследовательским институтам центральных органов по изучению Украины. Эти институты продолжают и в настоящее время свою работу в Рейхе и ведут ее так, что в нужное время смогут быть возвращены на Украину.

Те из культурных ценностей, которые подобным образом не могли быть обеспечены, были разграблены. Но здесь речь идет лишь о менее значительных материалах, так как основная масса ценностей была вывезена организованно.

Городская комендатура вывезла из Киева в октябре 1943 года оборудование фабрик, заводов и так далее, но куда — мне неизвестно».

Документ содержит заключительную фразу следующего содержания:

«При вступлении советов в городе уже не было ничего ценного в этом отношении».

Господа судьи! Из представленных советским обвинением документов Вам известно о злодейском сговоре между Гитлером и Антонеску[117]. В награду за поставленные Германии пушечное мясо, нефть, хлеб, скот и т. п. гитлеровское правительство разрешило преступной клике Антонеску грабить население между Бугом и Днестром. Немецкие и румынские захватчики разграбили и разрушили культурные ценности, курорты и учреждения здравоохранения Одессы. Гитлеровцы грабили совместно с кликой Антонеску, грабили и отдельно от них. В качестве доказательства оглашаю соответствующие выдержки из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии, представленного трибуналу под номером СССР-47. Эти выдержки содержатся на странице 372 тома документов. Цитирую:

«Германское военное командование ограбило одесские музеи, вывезя из музеев сотни уникальных предметов».

Далее я опускаю два абзаца и цитирую последнюю строку со страницы 66:

«По заранее составленному плану немецко-фашистские захватчики разрушили значительную часть городского хозяйства Одессы. Они взорвали и сожгли 2290 наиболее крупных, представляющих архитектурно-художественную и историческую ценность зданий, в

[117] Ион Антонеску (1882 — 1946) — румынский государственный и военный деятель. Маршал, премьер-министр и кондукэтор Румынии в 1940—1944 годах. Расстрелян по приговору румынского суда.

том числе: Дом Красной Армии, здания Одесского почтамта, Коммунального банка, домик А. С. Пушкина, Главный пассажирский вокзал, здание городской больницы, Сабанские казармы, построенные в 1827 году, и другие, представляющие собой ценные памятники материальной культуры начала XIX столетия.

Немецко-румынские захватчики разрушили в Одессе: первую инфекционную, вторую окружную, соматическую, психиатрическую и 2 детские больницы, детскую поликлинику, 7 детских консультаций, 55 детских яслей, 2 родильных дома, диспансер, люпозорий, 6 поликлиник и научно-исследовательские институты: Туберкулезный, Институт курортологии и другие. Они разрушили 29 санаториев, расположенных вблизи Одессы».

Исключительные по своим масштабам злодеяния были учинены гитлеровцами в Сталинской области. Я опускаю остальное на этой странице и перехожу к странице 68 своего доклада. В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии, представленном советским обвинением под номером СССР-2, приводится огромное количество фактов. Я не буду приводить их все, господа судьи, а ограничусь лишь отдельными выдержками из указанного документа, которые не оглашались моими коллегами. Их можно найти на страницах 374 и 375 вашей документальной книги. Цитирую:

«При отступлении из Сталино гитлеровцы полностью разрушили... 113 школ, 62 детских сада, 390 магазинов, зимний и летний театры на 1100 мест, Дворец пионеров, Радиотеатр, Музей Революции, Картинную галерею, клуб имени Дзержинского.

Специальные отряды саперов объезжали школы, обливали их горючей жидкостью и поджигали. Советских людей, пытавшихся тушить пожары, фашистские мерзавцы расстреливали на месте…

Исключительно большой ущерб причинили оккупанты медицинским учреждениям города».

Я опускаю три абзаца сообщения и цитирую предпоследний абзац на этой странице:

«По приказу оберфельдарцта Ролля, главного врача госпиталя Белиндорфа, главного врача Кухендорфа был разгромлен Медицинский институт, представлявший собой образцовое научное учреждение, в котором обучалось 2 тысячи студентов.

Из 600 тысяч томов книжного фонда научной и художественной литературы гитлеровцы сожгли 530 тысяч томов книг...

Немецко-фашистские захватчики в городе Макеевке взорвали и сожгли городской театр на тысячу мест, цирк на 1500 мест, 49 школ, 20 детских яслей, 44 детских сада. По распоряжению коменданта

> города Фоглера были сожжены на костре 35 тысяч книг центральной библиотеки имени Горького».

Я не буду приводить факты по другим городам Сталинской области. Они содержатся в документе, который в силу статьи 21 устава является бесспорным доказательством, и, в соответствии с решением трибунала, этот документ может и не оглашаться полностью. Я только должен отметить, что во всех промышленных городах Сталинской области гитлеровцы жгли школы и театры, детские ясли и больницы; даже церкви ими уничтожались. Так, в городе Горловке.

> «…они уничтожили 32 школы, в которых обучалось 21 649 детей, сожгли городскую больницу, пять поликлиник, церковь и Дворец культуры.
>
> В городе Константиновка оккупанты взорвали и сожгли все 25 городских школ, два кинотеатра, центральную городскую библиотеку с 35 тысячами томов книг, пионерский клуб, детскую техническую станцию, городскую больницу, детские ясли.
>
> Перед отступлением из Мариуполя немецкие оккупационные власти сожгли все 68 школ, 17 детских садов, Дворец пионеров».

Я перехожу к оглашению некоторых выдержек из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии от 7 мая 1944 г. «О разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Ровно и Ровенской области». Этот документ представлен трибуналу под номером СССР-45, а выдержки из сообщения имеются в томе документов на странице 378. Город Ровно имел особое значение. Это была резиденция рейхскомиссара Эриха Коха, ближайшего соучастника подсудимого Розенберга; в этом городе гитлеровские главари проводили совещания, на которых детализировались планы порабощения украинского народа. Из цитируемого сообщения Чрезвычайной государственной комиссии устанавливается следующее:

> «Гитлеровцы стремились создать на захваченной ими территории Украины рабско-крепостнический режим и искоренить украинскую государственность и культуру...
>
> Имеющиеся в распоряжении Чрезвычайной комиссии многочисленные материалы, основанные на документах, показаниях свидетелей и личном осмотре членами комиссии и ознакомлении их с состоянием различных культурно-просветительных учреждений на территории Украины, освобожденной Красной Армией, не оставляют никакого сомнения в том, что немецко-фашистские варвары имели своей задачей уничтожить украинскую культуру, истребить лучших представителей украинского искусства и науки, попавших в их руки.

Я опускаю два абзаца, и цитирую предпоследний абзац на этой странице:

> «Немецко-фашистские захватчики закрыли в Ровно почти все

культурно-просветительные учреждения. 30 ноября 1941 г. в газете «Волынь» было официально объявлено о закрытии школ в генеральном комиссариате Волыни и Подолья...»

Я опускаю окончание страницы 70 и цитирую последний абзац документа на странице 71:

«То обстоятельство, что все эти преступления совершались в резиденции бывшего рейхскомиссара Украины Эриха Коха, служит еще одним доказательством того, что все преступления гитлеровских бандитов совершались в осуществление плана истребления советских людей и опустошения временно занятой гитлеровцами советской территории, задуманного и проводившегося в жизнь гитлеровским правительством».

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в разделе 5 своей вступительной речи привел выдержку из письма генерального комиссара Белоруссии Кубе[118] на имя подсудимого Розенберга.

Этот документ, имеющий номер PS-1099, я представляю трибуналу под номером СССР-374 в доказательство того, что разрушение и разграбление исторических ценностей, повсеместно проводившееся гитлеровцами, приняло огромные размеры. Представленный документ является письмом, напечатанным на машинке и подписанным «Кубе», имеет штамп министериаль-бюро от 3 октября 1941 г., на нем сделаны различные пометки карандашом, очевидно, рукой Розенберга.

Я позволю себе, с вашего разрешения, процитировать дополнительно и некоторые другие места этого документа, которые также свидетельствуют о том, что награбленные ценности вывозились не только в Германию, но и расхищались отдельными генералами гитлеровской армии. Письмо Кубе свидетельствует еще и о наличии заранее разработанного плана разграбления культурных ценностей Ленинграда, Москвы и культурных центров Украины. Вандализм гитлеровцев принял такие размеры, что даже палач белорусского народа Кубе испугался. Он боялся упустить выгоду и договаривался с Розенбергом о компенсации. Я цитирую второй абзац начала письма:

«В Минске находилась большая, частично очень ценная, коллекция художественных изделий и полотен, которая сейчас почти без остатка вывезена из города: по приказу имперского руководителя СС рейхсминистра Генриха Гиммлера большинство картин частично еще в то время, когда я возглавлял ведомство, было упаковано людьми СС и отослано в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, изъятых

---

[118] Вильгельм Кубе (1887 — 1943) — немецкий государственный и политический деятель эпохи нацистской Германии, генерал-комиссар (руководитель оккупационной администрации) Генерального округа Белоруссия (1941—1943). Убит партизанами.

> из генерального округа Белоруссии. Картины должны быть посланы в Линц и Кёнигсберг в Восточной Пруссии. Я прошу эти ценные коллекции, поскольку в них не окажется нужды в. Германии, снова предоставить в распоряжение генерального округа Белоруссии или, во всяком случае, оставить материальную стоимость этих коллекций за министерством по оккупированным восточным областям».

Кубе, как и подсудимый Розенберг, тоже считал за собой монопольное право на награбленные ценности и сетовал на то, что (цитирую вторую часть второго абзаца)

> «...генерал Штубенраух[119] захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций и повез их в область военных действий. Зондерфюреры, фамилии которых мне еще не сообщили, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства».

Ограбив вместе с другими фашистскими главарями народ Белоруссии, приняв непосредственное участие в массовом истязании и уничтожении советских людей, Кубе лицемерно заявлял (цитирую последний абзац письма):

> «И без того уже бедная Белоруссия потерпела от этого тяжелый убыток».

И Кубе рекомендовал Розенбергу (цитирую):

> «Возможно, в Ленинград и в Москву, а также в старинные культурные города Украины заранее будут назначены эксперты для руководства такими мероприятиями».

Вот куда были направлены их помыслы! Сейчас уже всем известно, что означают «мероприятия» гитлеровцев на оккупированных территориях. Это режим кровавого террора и насилия, безудержного грабежа и произвола.

Ворвавшись в Минск, столицу Белорусской республики, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить культуру белорусского народа и превратить белорусов в послушных немецких рабов. Как установлено специально произведенным расследованием, гитлеровские военные власти, по прямым директивам германского правительства, беспощадно уничтожали научно-исследовательские институты и школы, театры и клубы, больницы и поликлиники, детские сады и детские ясли.

Я оглашаю выдержку из документа, представленного советским обвинением под номером СССР-38 (эта выдержка имеется на странице 384 тома документов):

> «В течение трех лет немецко-фашистские захватчики планомерно разрушали в Минске научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, учреждения Академии наук, театры и клубы.

---

[119] Вильгельм Штубенраух (1884 – 1944) – генерал-майор Вермахта. В июне 1941- январе 1942 комендант Минска.

Более двадцати лет создавалась в Минске библиотека имени В. И. Ленина. В 1932 году была закончена постройка специального здания с большим оборудованным книгохранилищем. Немцы вывезли из библиотеки в Берлин и Кёнигсберг 1,5 миллиона ценнейших книг по истории Белоруссии...

Я опускаю конец страницы 73 своего доклада.

«Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушили в Минске все культурно-просветительные учреждения... вывезли в Германию библиотеки Академии наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, Политехнического института, научную медицинскую библиотеку, Государственную публичную библиотеку имени А. С. Пушкина.

Гитлеровцы разрушили Белорусский государственный университет вместе с зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, разрушили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию наук с 9 институтами»

Я опускаю остальное в этом абзаце.

«Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и скульптуру русских и белорусских мастеров...вывезли в Германию; разграбили Государственный белорусский театр оперы и балета, 1-й белорусский драматический театр, Дом народного творчества, дома союзов писателей, художников и композиторов...

Фашисты уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, Дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детские больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских яслей, 4 детские консультации, превратили в руины Институт охраны материнства и младенчества».

В распоряжении обвинения имеется документ PS-076, являющийся докладом немецкого ефрейтора Абеля «О библиотеках в Минске» Этот ефрейтор обследовал все библиотеки города Минска и отмечает в докладе, что почти все они уничтожены.

Я представляю этот доклад в качестве доказательства под номером СССР-375. Мне представляется, что вполне достаточно зачитать отдельные выдержки из доклада. Так на странице 75 моего доклада сказано:

«...Ленинская библиотека является центральной библиотекой Белоруссии. Трудно подсчитать число томов, но количество книг составляет приблизительно 5 миллиона... Книгохранилища представляют безотрадную картину...»

Я опускаю два абзаца своего доклада и цитирую далее:

«Библиотеку Политехнического института в подвальном этаже левого

флигеля точно так же сильно разгромили и привели в беспорядок, как и большое число лабораторий».

Доклад заканчивается следующей фразой:

«Цель этого доклада будет достигнута лишь в том случае, если он будет предложен на рассмотрение высшему начальству и когда оно издаст необходимые приказы, которые недвусмысленно запретят немецкому солдату вести себя подобно варвару».

Но такой приказ не последовал и не мог последовать, ибо варварство и фашизм неразлучны, фашизм и есть варварство.

Председатель: Какие доказательства вы собираетесь представить после перерыва?

Рагинский: После перерыва, господин председатель, я представлю несколько письменных документов, относящихся к разрушению культурных ценностей Литовской, Эстонской и Латвийской республик, а затем, с разрешения трибунала, я хотел бы предъявить документальный фильм с тем, чтобы к концу заседания закончить представление документальных доказательств.

Председатель: Сколько времени займет демонстрация фильма?

Рагинский: Демонстрация фильма займет 30—35 минут.

Председатель: Не думаете ли вы, что после обширного и детального материала о разрушениях и грабежах, на который вы обратили наше внимание, достаточно было бы суммировать материал и назвать нам страны, в которых производилось аналогичное разграбление?

Рагинский: Я имею в виду, господин председатель, представить трибуналу документ, в котором будут указаны общие итоги и цифры.

Председатель: Тогда мы сейчас сделаем перерыв на десять минут.

[*Объявлен перерыв*]

Рагинский: Я прошу несколько минут внимания трибунала для того, чтобы я, до представления итогового документа, мог огласить один немецкий документ, относящийся к разделу обвинения, по которому я представляю доказательства.

Оккупировав Литовскую, Эстонскую и Латвийскую Советские Республики, немецко-фашистские захватчики пытались превратить Советскую Прибалтику в германскую колонию и поработить народы этих республик. Эта преступная цель гитлеровского правительства нашла свое полное выражение в повсеместном грабеже, всеобщем разорении, насилиях и издевательствах, в массовых убийствах стариков, женщин и детей.

Чтобы онемечить народы Литовской, Эстонской и Латвийской Советских Социалистических Республик, гитлеровцы всячески уничтожали культуру этих республик. Я пропускаю остальное на страницах 76, 77 и 78 и на странице 79, я цитирую, только один абзац:

«Столицу Советской Латвии — Ригу они объявили главным городом «Остланда» («Восточная территория») и резиденцией штаба Розенберга.

В документах, представленных трибуналу советским обвинением под номерами СССР-7, СССР-39, СССР-41, приводится множество фактов, которые далеко не исчерпывают не могут исчерпать всех преступлений немецко-фашистских захватчиков против культуры народов Советской Прибалтики. В этих чудовищных преступлениях против народов Советской Прибалтики «выдающуюся» роль играл подсудимый Розенберг, бывший рейхсминистр.

Даже тогда, когда уже стал очевиден неотвратимо надвигающийся крах фашистской Германии, когда уже был близок час справедливого и грозного суда над гитлеровскими преступниками, подсудимый Розенберг продолжал грабежи. Еще в конце августа 1944 года Розенберг организовал и проводил ограбление культурных богатств Риги, а также Ревеля, Дерптаи ряда других городов Эстонской республики.

Я прошу трибунал обратить внимание на документ PS-161 от 23 августа 1944 г., озаглавленный «Поручение» и подписанный начальником штаба Розенберга — Утикалем. Этот документ представляется нами трибуналу под номером СССР-376, в вашем томе документов, господа судьи, он имеется на странице 400. Я цитирую этот документ.

«Приказ: 21 августа 1944 г. рейхсляйтер Альфред Розенберг вызвал из штаба главного начальника Фридриха Шиллера для доклада об имеющихся в настоящее время возможностях эвакуации культурных ценностей из восточных областей. На основании этого доклада рейхсляйтер решил, что наиболее ценные культурные богатства Остланда могут быть еще отосланы его штабом, поскольку это возможно без ущерба для нужд действующих частей. Особенно ценными рейхсляйтер считает следующие:

Из Риги: городской архив, государственный архив (главная часть в Эдвалене).

Из Ревеля: городской архив, Эстонское литературное общество, мелкие предметы из дома Черноголовых, ратуши, евангелическо-лютеранской консистории и Николаевской церкви.

Из Дерпта: университетскую библиотеку. Из эстонских имений — предметы, находящиеся в Ерлепе, Водья, Вецсенштейне, Лахмесе.

Проведение вывоза поручается гауптайнзацфюреру Шиллеру, как исполняещему обязанности директора главной рабочей группы айнзацштаба РР.

Ему рекомендуется поддерживать особую связь с группой армий «Север», чтобы согласовать проведение поручения рейхсляйтера с потребностями действующих частей в области транспорта».

«Утикаль, начальник айнзацштаба».

Еще на одну особенность, господа судьи, необходимо обратить ваше внимание. И в данном случае разграбление проводилось Розенбергом совместно с военным командованием. И даже осенью 1944 года подбирались «будущие начальники» штаба Розенберга.

Анализ всех этих обстоятельств позволяет еще раз со всей категоричностью утверждать, что уничтожение и разграбление культурных ценностей вдохновлялось, руководилось и осуществлялось единым центром и этим центром являлись преступные гитлеровское правительство и верховное командование, представители которых в лице всех подсудимых по настоящему процессу и должны понести наказание в соответствии со статьей 6 устава Международного военного трибунала.

Господа судьи! Когда речь идет о системе всеобъемлющего разрушения и разграбления, невозможно, да и вряд ли это нужно, перечислить все факты, даже если эти факты сами по себе и очень важны. На оккупированных территориях Советского Союза гитлеровцами проводилась именно такая, всеобъемлющая по своему размаху и разносторонняя по своим методам, система разрушения и разграбления культурных ценностей народов СССР. Сейчас еще невозможно представить исчерпывающий итог злодеяний подсудимых.

Но я, с вашего разрешения, приведу документ, который содержит, хотя и предварительные, но совершенно точные данные, свидетельствующие о том огромном ущербе, который был причинен гитлеровцами.

Я имею в виду сообщение Чрезвычайной государственной комиссии, представленное трибуналу под номером СССР-35. Это сообщение имеется в томе документов на страницах 404 — 405. Из этого документа я приведу только отдельные выдержки, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу, которые ранее не оглашались. Цитирую:

> «Разрушение культурно-бытовых учреждений общественных организаций и кооперации.
>
> В потребительской и промысловой кооперации, в профессиональных союзах и в других общественных организациях немецкие захватчики разрушали на территории СССР, подвергавшейся оккупации, предприятия, клубы, стадионы, дома отдыха, санатории. У кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций они уничтожили свыше 87 тысяч зданий хозяйственного назначения, 10 тысяч жилых зданий и 1839 культурно-бытовых учреждений. Они утащили в Германию около 8 миллионов томов книг...
>
> Из владений профессиональных союзов немецкие захватчики полностью уничтожили 120 санаториев и 50 домов отдыха, которыми ежегодно обслуживалось более 3 миллионов рабочих, инженерно-

технических работников и служащих. Из этого общего числа в Крыму они разрушили 59 санаториев и домов отдыха, на Кавказских Минеральных Водах — 32 санатория и дома отдыха, в Ленинградской области — 33 санатория и дома отдыха, на Украине — 88 санаториев и домов отдыха.

Немецко-фашистские захватчики разрушили здания 46 пионерских лагерей, и детских оздоровительных учреждений, принадлежащих профсоюзам. Они уничтожили 189 клубов и дворцов культуры».

Я опускаю один абзац и цитирую последний абзац на этой странице:

«На территории Советского Союза, подвергавшейся немецкой оккупации, к началу 1941 года было 82 тысячи начальных и средних школ с 5 миллионами учащихся. Все средние школы имели библиотеки, насчитывавшие от 2 до 25 тысяч томов каждая, те или другие оборудованные физические, химические, биологические и другие кабинеты...

Немецко-фашистские захватчики сожгли, разрушили и разграбили эти школы со всем имуществом и оборудованием...

Я опускаю конец этого абзаца.

«Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 334 высших учебных заведения, в которых обучалось 233 тысячи студентов, а оборудование лабораторий и кабинетов, уникальные экспонаты университетских и институтских коллекций и библиотеки вывезли в Германию...

Большой ущерб причинен медицинским высшим учебным заведениям...

Оккупанты разрушили и ограбили 137 педагогических и учительских институтов…Они вывезли из специальных библиотек историко-архивные материалы и старинные рукописи; расхитили и уничтожили в массовых библиотеках свыше 100 миллионов томов книг.

Я опускаю следующий абзац:

«Всего ими было уничтожено 605 научно-исследовательских институтов».

Я опускаю конец страницы 85 моего доклада и первый абзац страницы 86.

«Огромный ущерб немцы причинили лечебным учреждениям СССР. Они разрушили и разграбили 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев, 656 домов отдыха».

Я опускаю следующие 3 абзаца.

«Разрушение музеев и исторических памятников.

Немецко-фашистские захватчики разрушили на оккупированной территории 427 музеев из общего числа 992 музеев, имевшихся в

Советском Союзе».

Я опускаю конец этой страницы и цитирую начало страницы 87 доклада:

«Немцы также разрушили музей крестьянского поэта С.Д. Дрожжина[120], в деревне Завидово, музей народного поэта И.С. Никитина[121] в Воронеже, и музей знаменитого польского поэта Адама Мицкевича в Новогрудке в Белорусской ССР. В Алагире они сожгли рукопись национального певца Осетии Косты Хетагурова[122].

Немецко-фашистские захватчики разрушили 44 тысячи зданий театров, клубов, красных уголков».

Сейчас, с разрешения трибунала, я хотел бы представить документальный фильм и документы, удостоверяющие документальность этого фильма. Фильм называется «Разрушения произведений искусства и памятников национальной культуры, произведенные гитлеровцами на территории СССР». Фильм и документы о характере этих плёнок я представляю под номером СССР-98. В этом фильме, кроме документальных фотографий сделанных между 1941-1945 имеются также фрагменты сделанные в 1908, показывающие, какой была «Ясная Поляна» до нашествия гитлеровцев и во что оккупанты превратили эту реликвию советского народа.

Могу ли я, господин председатель, приступить к демонстрации фильма?

Председатель: Да, конечно.

[*Демонстрируется фильм*]

Рагинский: Я должен, господа судьи, остановиться еще на одной категории преступлений, совершенных гитлеровцами, — ограблении и разрушении церквей, монастырей и других учреждений религиозных культов.

Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики садистски глумились над религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры устраивали в храмах кровавые оргии, держали в церквах лошадей и собак, надевали на себя церковное облачение, из икон устраивали нары.

Я не буду занимать время предъявлением многочисленных документов, имеющихся в распоряжении советского обвинения. Ограничусь только некоторыми из них, в частности, документальными фотоснимками, альбом которых я представляю трибуналу под номером СССР-99.

С вашего разрешения, я хочу привести еще несколько письменных документов, в частности небольшую выдержку из документа, представленного уже трибуналу. Эта выдержка имеется в томе документов на обороте страницы 321.

---

[120] Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848 — 1930) — русский поэт.

[121] Никитин Иван Саввич (1824 — 1861) — русский поэт.

[122] Хетагуров Коста Леванович (1859 - 1906) — осетинский поэт, драматург, публицист и живописец. Основоположник осетинской литературы

Цитирую:

«Гитлеровские оккупанты не щадят и религиозных чувств верующей части советского населения. Они сожгли, разграбили, взорвали и осквернили на советской территории сотни церквей, в том числе некоторые неповторимые памятники старинной церковной архитектуры».

Я опускаю два абзаца и цитирую следующий:

«Священник Амвросий Иванов пишет из села Иклинского Московской области:

«До прихода немцев церковь была в полном порядке. Немецкий офицер велел мне все убрать из церкви... Ночью приехали войска, заняли церковь, завели туда лошадей... В церкви стали все бить и ломать, делать нары. Выбросили все: престол, царские врата, хоругви, плащаницу. Одним словом, из храма сделали вертеп разбойников».

Я опускаю остальную часть страницы 88 и читаю страницу 89 доклада:

«В селе Гостешево немцы разграбили церковь, хоругви поломали, книги разбросали, священника Михаила Страхова ограбили и увезли с собой в другой район. В селе Холм, близ Можайска, немцы ограбили и избили местного восьмидесятидвухлетнего священника; отступая из Можайска, немцы взорвали церкви Вознесения, Троицы и собор Николая Чудотворца. Как правило, именно в церковные здания немцы загоняли перед своим уходом часть населения сожженных деревень, предавая огню церкви и запертых в них людей».

Оглашаю также краткую выдержку из страницы 12 протокола допроса Ю. Н. Дмитриева (протокол представлен трибуналу под номером СССР-312).

«В Знаменском соборе в алтаре северного придела немцами была устроена уборная для солдат, которые жили в подцерковье собора.

В церкви Ильи-пророка на Славне была устроена конюшня.

В Пскове конюшни были устроены в церквах: Богоявлние на Запсковье, Косьмы и Дамиана на Гремячей горе, Константина и Елены и церкви Иоанна Богослова».

В документе, представленном трибуналу под номером СССР-279, приводятся факты кощунственного надругательства, имевшего место в городе Гжатске, где церкви были превращены немцами в конюшни и склады. В Благовещенской церкви немцы устроили бойню для рогатого скота.

В документе, который я представляю под номером СССР-246, приводится сообщение Чрезвычайной государственной комиссии Советского Союза содержащее общие данные относящиеся к церквям, часовням и другим учреждениям культа, которые были разрушены или повреждены. В этом документе указано:

> «Немецко-фашистские захватчики разрушили полностью и частично повредили 1670 церквей, 69 часовен, 237 римско-католических костелов, 4 мечети, 532 синагоги и 254 других зданий религиозных культов».

Эти общие данные, господа судьи, вы найдете также и в документе, представленном трибуналу под номером СССР-35. Я не буду занимать вашего внимания оглашением всего документа, но хотел бы огласить из него некоторые очень краткие выдержки. Цитирую:

> «Материальная ответственность немцев не возместит полностью тех разрушений, которые коснулись зданий религиозных культов, древнейших исторических памятников, так как большинство из них уже не могут быть восстановлены».

Опустив остальную часть страницы, а также первые четыре абзаца страницы 91 доклада, я читаю последний абзац на странице:

> «Много церквей — памятников старины уничтожили немецкие захватчики в Белоруссии. Так, в городе Витебске разрушена Рождественская церковь, интересный памятник белорусской архитектуры XVII века. Полностью разрушены деревянные церкви XVIII столетия — Богословская и Никольская.
>
> Трудно восстановимые разрушения причинены Воскресенско-Заручьевской церкви, постройки XVIII столетия, которая по своей архитектуре являлась интересным сооружением белорусского классицизма. Там же, в городе Витебске, немцы разрушили костел, строительство которого относится к XVIII.
>
> В городе Десна Полоцкой области немцы сожгли римско-католический костел, основанный в XVII веке, а имущество его разграбили.
>
> В городе Рожнятове Станиславской области немецкий военный комендант Тимошель Рудольф использовал три синагоги под казармы, а после разграбил все имущество синагог, разрушил их здания».
>
> Я опускаю следующий абзац.
>
> «Разрушая здания религиозных культов, немцы грабили и уничтожали все их оборудование. Множество икон и утвари было отправлено из зданий религиозных культов в Германию.
>
> Ограблен Иосифо-Волоколамский монастырь, из которого исчезли древние монастырские плащаницы и личные вещи основателя монастыря — Иосифа Волоцкого[123]…
>
> В 1941 году из Старицкой церкви немецкие солдаты и офицеры

[123] Иосиф Волоцкий (в миру — Ива́н (Иоа́нн) Са́нин;1439 — 1515) — святой Русской церкви, почитается в лике преподобных.

украли все сосуды, запрестольные кресты, венцы, митры, дарохранительницы.

В городе Докшицах Полоцкой области немцы разграбили и увезли все имущество местной мечети. Такую же участь разделили почти все храмы, оказавшиеся в зоне немецкой оккупации.

Ограбление церквей, костелов, синагог, мечетей и других зданий религиозных культов производилось немцами повсеместно».

Гитлеровские заговорщики не только физически грабили, истязали, убивали, но они стремились и морально унизить, духовно ограбить верующих.

Таковы, господа судьи, письменные доказательства преступлений против культуры, совершенных Розенбергом, Франком, Герингом, Риббентропом, Кейтелем и другими участниками заговора. Преступления подсудимых против культуры действительно ужасающи по своим последствиям. Хотя и с огромными усилиями, но можно отстроить новые города и села, разрушенные гитлеровцами. Можно восстановить фабрики и заводы, взорванные и сожженные ими. Но навсегда потеряны для человечества неповторимые произведения искусства, которые гитлеровцы варварски уничтожили, как и невозвратимы миллионы человеческих жизней, погубленных ими в Освенциме[124] и Треблинке[125], в Бабьем Яру и Керчи.

Заимствовав из тьмы веков свои человеконенавистнические теории, современные гунны превзошли самые мрачные страницы истории своей жестокостью и вандализмом. Дерзновенно посягая на будущее человечества, они топтали лучшее наследие его прошлого. Не имея ни идеалов, ни веры, они кощунственно разрушали храмы и реликвии.

В невиданном единоборстве культуры и мракобесия, цивилизации и варварства победителями вышли культура и цивилизация. Гитлеровские заговорщики, мечтавшие о мировом господстве, об уничтожении культуры славянских и других народов, посажены на скамью подсудимых. Пусть же им воздастся должное!

Председатель: Вы продолжите до 5 часов?

Рагинский: Как пожелаете, ваша честь.

Председатель: Да, вы продолжаете до 5 часов?

Рагинский: Я хочу попросить несколько минут для того, чтобы подобрать некоторые документы. Это займёт несколько минут.

Председатель: Вряд ли это стоит того, если вам нужен этот интервал. Мы закончим

---

[124] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Биркенау: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау) — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

[125] Треблинка — два концентрационных лагеря: Треблинка-1 (так называемый «трудовой лагерь») и Треблинка-2(лагерь смерти). Лагеря были организованы нацистами на территории оккупированной Польши, недалеко от деревни Треблинка (воеводство Мазовецкое), расположенной в 80 км к северо-востоку от Варшавы. Лагерь смерти Треблинка-2 существовал с 22 июля 1942 года по октябрь 1943.

в 5 часов.
Рагинский: Наверное, будет удобнее снова начать завтра в 10 утра.
Председатель: Тогда мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 22 февраля 1946*]

День шестьдесят пятый

Пятница, 22 февраля 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения суда, подсудимый Фриче будет отсутствовать до дальнейшего уведомления по болезни.

Рагинский: Господа судьи! Я приступаю к представлению доказательств виновности подсудимых в разрушении городов и сел, в совершении других разрушений. Это обвинение предусмотрено пунктом «С» раздела III обвинительного заключения.

Мы представим доказательства того, что разрушение городов и сел производилось не в силу тех или иных случайностей войны или военной необходимости. Мы представим доказательства того, что преднамеренные разрушения проводились в соответствии с тщательно разработанными планами гитлеровского правительства и приказами германского военного командования; что разрушение сел и городов, промышленности и транспорта являлось составной частью общего заговора, направленного на порабощение народов Европы и других стран, на установление мирового господства гитлеровской Германии.

Всюду, где побывали немецко-фашистские захватчики, они несли смерть и разрушение. В огне пожаров гибли ценнейшие машины, созданные человеческим гением, взрывались фабричные и жилые здания, дававшие работу и приют миллионам людей. Гибли и сами люди, особенно старики, женщины и дети, оставшиеся без крова, лишенные средств к существованию.

С особым ожесточением гитлеровцы разоряли и разрушали города и села на временно оккупированной ими территории Советского Союза, где они, по прямым указаниям германского верховного командования, создавали «зону пустыни».

В доказательство я оглашу выдержку из представленного трибуналу документа за номером СССР-51/2. Эту выдержку господа судьи найдут на странице 3 тома документов. Цитирую:

> «...В захваченном недавно недалеко от города Верховья Орловской области приказе по 512 немецкому пехотному полку, подписанном полковником Шиттингом[126], с беспредельной наглостью говорится:

[126] Ганс Шиттинг (1894 – 1956) – генерал-лейтенант Вермахта. С июля 1940 по февраль 1942 командир 512-го пехотного полка.

> Зона, подлежащая, смотря по обстоятельствам, эвакуации, должна представлять собою после отхода войск пустыню... В пунктах, в которых должно быть проведено полное разрушение, следует сжигать все дома, для этого предварительно набивать соломой дома, в особенности каменные, имеющиеся каменные постройки следует взрывать, в особенности надо также разрушать имеющиеся подвалы. Мероприятие по созданию опустошенной зоны должно быть подготовлено и проведено беспощадно и полностью».
>
> Таков приказ 512-го германского пехотного полка.
>
> «Разоряя наши города и села, немецкое командование требует от своих войск создавать «зону пустыни» во всех советских местностях, откуда с успехом изгоняют захватчиков войска Красной Армии».

Этот приказ по 512-му немецкому пехотному полку, который только что упоминался в цитированном мною документе, я представляю как доказательство СССР-168.

Председатель: Вы знаете дату этого приказа?

Рагинский: Этот приказ датирован 10 декабря 1941 г. Из этого документа видно, что германское военное командование предписывало беспощадное и полное разрушение населенных пунктов и что это разрушение планировалось и подготавливалось.

В распоряжении советского обвинения имеется большое количество документов и фактов по этому вопросу. Ограничусь лишь оглашением выдержки из приговора военного трибунала округа по делу немецких военных преступников генерал-лейтенанта Бернгарда[127] и генерал-майора Гаманна[128]. Этот приговор я представляю трибуналу как доказательство СССР-90.

Военный трибунал установил, что генералы Бернгард и Гаманн действовали по общим планам и указаниям верховного командования германской армии и что ими – цитирую короткий фрагмент из приговора который уважаемый суд найдёт на страницах 24 и 25 документальной книги:

> «…производилось планомерное разрушение городов и населенных пунктов, причем заранее предусматривалось, помимо уничтожения промышленных зданий, уничтожение больниц, санаториев, учебных заведений, музеев и других культурно-просветительных учреждений, а также жилых домов. Последние взрывались без предупреждения проживающих в них советских граждан, в результате чего под развалинами зданий погибали и люди».

Так же как и разрушение населенных пунктов, преднамеренно и

---

[127] Фридрих Бернгард (1888 – 1945) – генерал-лейтенант кавалерии. Казнён по приговору советского суда.

[128] Адольф Гаманн (1885 — 1945) — немецкий военный деятель, генерал-майор. В 1944 занимал должности коменданта Брянска и Бобруйска. Казнён по приговору советского суда.

обдуманно разрушались заводы и фабрики, электростанции и шахты.

В подтверждение я сошлюсь на сообщение Чрезвычайной государственной комиссии, представленное трибуналу под номером СССР-2. Этот документ имеется на странице 28 тома документов.

В этом сообщении приводится секретная инструкция хозяйственного руководителя группы южных армий от 2 сентября 1943 г. № 1/313/43 г., которая предписывала армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд проводить полное разрушение промышленных предприятий, причем особо подчеркивалось, что «...разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно».

О приказах германского верховного командования и о том, как были реализованы эти приказы, указывается в ноте народного комиссара иностранных дел СССР, В.М. Молотова от 27 апреля 1942 г., представленной суду как доказательство СССР- 51/3.

Я приведу несколько выдержек из раздела II указанной ноты. Раздел озаглавлен «Разрушение городов и деревень». Эти выдержки ранее не оглашались. Эти фрагменты находятся на страницах 6, обратная сторона, и 7 документальной книги которая имеется у трибунала. Читаю:

> «По прямому приказу своего верховного командования германско-фашистская армия подвергает неслыханному разрушению советские города и села при их захвате и во время пребывания в них».

Я опускаю окончание страницы 4 и начало страницы 5 своего доклада.

Председатель: Я думаю, что вам все-таки следует огласить первые четыре строки на странице 5.

Рагинский: Я опустил это, поскольку вчера этот документ мною цитировался, но, если трибунал желает, я охотно это сделаю.

Председатель: Если вы это вчера читали, не нужно читать это снова. Я не помню. Его вчера читали?

Рагинский: Да, я оглашал это вчера под протокол.

Председатель: Очень хорошо.

Мне сказали, что – и я думаю – что вы не читали эти строки «с 10 октября 1941» вверху страницы 5. Я думаю вам лучше их прочесть. Я ссылаюсь на приказ от 10 октября 1941, который изложен в вашем выступлении.

Рагинский: Это выдержка из приказа по 6-й германской армии от 10 октября 1941 г. за подписью Рейхенау. Документ представлен трибуналу под номером СССР-12. Цитирую:

> «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянки войсковых частей, все остальное… в том числе и здания, должно быть уничтожено.
>
> В конце 1941 года и в начале 1942 года германское командование

издало ряд приказов, предлагающих, чтобы части германской армии, при своем отступлении под натиском Красной Армии, уничтожали все, что еще уцелело во время оккупации. Тысячи деревень и сел, целые кварталы многих городов даже целые города сжигаются, взрываются, сравниваются с землей отступающей немецко-фашистской армией. Организованное уничтожение советских городов и деревень превратилось в особую отрасль преступной деятельности немецких захватчиков на советской территории; методам разрушения советских населенных пунктов посвящены специальные инструкции и подробные приказы германского командования; для данной цели выделяются отдельные отряды, обученные этому преступному ремеслу. Вот некоторые факты из числа многих, имеющихся в распоряжении советского правительства».

Я снова обращаюсь к приказу по 512-му пехотному полку 293-й германской дивизии от 10 декабря 1941 г., который только что был представлен трибуналу под номером СССР-168.

«В этом…приказе излагается на семи листах точнейший план последовательного уничтожения одной деревни за другой в районе расположения данного полка за время с 10 по 14 декабря включительно. В этом приказе, составленном по образцу, применяемому во всей германской армии, говорится:

Подготовка разрушения населенных пунктов должна производиться так, чтобы:

а) до объявления об этом у гражданского населения не возникало никаких подозрений;

б) разрушение могло начаться сразу, одним ударом, в назначенное время… в соответствующий день в населенных пунктах нужно особо строго следить за тем, чтобы никто из гражданских лиц не покинул этого пункта, в особенности с момента объявления о разрушении.

В приказе командира 98-й германской пехотной дивизии от 24 декабря 1941 г. после перечислений 16 назначенных к сожжению советских деревень говорится:

Имеющиеся запасы сена, соломы, продуктов и т. д. сжечь. Все печи в жилых домах вывести из строя закладыванием ручных гранат и сделать, таким образом, невозможным их дальнейшее употребление. Этот приказ ни в коем случае не должен попасть в руки противника».

Таков же и приказ Гитлера от 3 января 1942 г. В приказе указывается:

«Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты; вот чего требует текущий момент. Каждый занимаемый нами пункт должен

быть превращен в опорный пункт, сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником. Если все же, по приказу вышестоящего начальства, данный пункт должен быть нами оставлен, необходимо все сжигать дотла, печи взрывать...

Адольф Гитлер

Гитлер не постеснялся и публично признать, что разрушение советских городов и деревень является делом рук его армии. В своей речи…»

Председатель: Приказ от 3 января 1942 подписанный Гитлером, он находится в официальном советском докладе? Откуда он поступил?

Рагинский: Этот приказ включён в ноту народного комиссара иностранных дел Молотова. Я цитирую фрагмент из неё, документ который был представлен трибуналу как экземпляр СССР-51(3).

Председатель: Это сообщение господина Молотова?

Рагинский: Да, это нота народного комиссара Молотова.

Председатель: Хорошо.

Рагинский:

«…В своей речи 30 января 1942 г. Гитлер заявил:

Там, где русским удалось прорваться и где они думали, что вновь заняли населенные пункты, этих населенных пунктов уже нет: там одни развалины».

Отступая под ударами Красной Армии с Кубани, германское верховное командование разработало подробный план операции, носящий название «Движение Кримхильды», и в этом плане большое место, целый раздел, занимает план разрушений. Я опускаю один абзац своего доклада.

Этот план упоминается в двухстраничном секретном документе переданном по телеграфу начальникам из вышестоящих штабов. Этот документ подписан Гитлером и имеет следующий заголовок на первой странице: «Секретно (А)2371. 17 экземпляров, № 2686, 43. Документ, который мы представляем трибуналу под номером СССР-115, является 17-м экземпляром этого приказа Гитлера. Этот документ зарегистрирован как документ номер С-177, в вашей документальной книге он имеется на страницах с 31 по 33. Я зачитаю под протокол второй пункт документа.

«2. Разрушения при отступлении:

а) Все полезные противнику сооружения, места расквартирования, дороги, искусственные сооружения, плотины и т. д. должны непременно разрушаться.

б) Все железные и полевые дороги должны быть сняты или полностью разрушены.

в) Все возведенные бревенчатые гати должны приводиться в

негодность или уничтожаться.

г) Находящиеся на Кубанском предмостном укреплении сооружения для добычи нефти должны быть полностью уничтожены.

д) Новороссийский порт должен быть так разрушен и загрязнен, чтобы он долгое время не мог быть использован русским флотом.

е) К разрушению относится также минирование местности.

ж) Противник должен получить совершенно негодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин».

Указания об аналогичных приказах мы имеем в ряде других документов, но я позволю просить внимания трибунала лишь к двум: я имею в виду специально к этому вопросу относящуюся запись в дневнике подсудимого Франка и инструкцию командира 118-й истребительной дивизии, действовавшей в Югославии.

В представленном трибуналу дневнике Франка, в папке, начатой 1 марта 1944 г. и доведенной до 31 мая того же года, под названием «Рабочее совещание в Кракове 17 апреля 1944 г.», имеется запись от 17 апреля следующего содержания. Уважаемый суд найдёт эту цитату на странице 45 документальной книги. Я читаю:

«...Важным является то, что войскам был дан приказ оставлять русским лишь сожженную землю... Если уж приходится оставлять территорию, тогда не следует делать различия между Генерал-губернаторством и другими областями».

Я напоминаю трибуналу, что в представленной под номером СССР-132 секретной инструкции по 118-й истребительной дивизии за подписью генерал-майора германской армии Кюблера, захваченной в июне 1944 года частями Югославской народно-освободительной армии, предписывалось войскам обращаться с населением «беспощадно с жестокой твердостью» и разрушать покинутые населенные пункты.

Господа судьи! Заканчивая эту часть моего выступления, считаю необходимым обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. Разрушение мирных городов и сел не только планировалось, не только совершалось преднамеренно и с исключительной беспощадностью, но производилось специальными отрядами, для этой цели созданными германским командованием. В доказательство я приведу несколько ранее не оглашенных выдержек из официальных правительственных советских документов.

В ноте народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., на странице 9 вашего тома документов сказано:

«Специальные отряды, созданные германским командованием для сожжения советских населенных пунктов и массового истребления гражданского населения, в обстановке отступления гитлеровской

армии, творят свои кровавые дела с хладнокровием профессиональных преступников. Так, например, перед своим отступлением из деревни Большекрепинской Ростовской области немцами были пущены по улицам деревни специальные огнеметные машины, которые один за другим сожгли 1167 домов, превратив цветущую большую деревню в пылающий костер, в котором погибли жилые дома, больница, школа, разные общественные здания. При этом автоматчики без предупреждения расстреливали жителей, приближавшихся к своим горевшим домам, а некоторых жителей связывали, обливали бензином и бросали в горевшие дома».

Я опускаю страницу 9 своего доклада и перехожу к следующей, к последнему абзацу этой страницы моего доклада. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии Советского Союза которое было представлено трибуналу как экземпляр СССР-46 говорит:

«В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт[129] и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников для разрушения городов, сел и колхозов Орловской области. Эти команды громил и поджигателей уничтожали все на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, села и деревни».

В документе представленном трибуналу как экземпляр номер СССР-79, описаны следующие факты:

«В Вязьме и Гжатске командиры 35-й пехотной дивизии генерал-майор Меркер[130], 252-й пехотной дивизии генерал-майор Шефер[131], 7-й пехотной дивизии генерал-майор Роппертr[132] выделили специальные отряды факельщиков и минеров, которые поджигали и взрывали жилые дома, школы, театры, клубы, музеи, библиотеки, больницы, церкви, магазины, заводы, оставляя по пути своего отступления лишь пепел и развалины.

В документе, представленном трибуналу под номером СССР-2, имеется

---

[129] Рудольф Шмидт (1886 — 1957) — немецкий военный деятель, генерал-полковник. В декабре 1941 – апреле 1943 командующий 2-й танковой армией Вермахта. Советским трибуналом осуждён к 25 годам лишения свободы. В 1955 передан ФРГ.

[130] Людвиг Меркер (1894 – 1964) – генерал-лейтенант Вермахта. В сентябре 1942 – апреле 1943, а также в июне – ноябре 1943 командир 35-й пехотной дивизии.

[131] Ганс Шефер (1892 – 1978) – генерал-лейтенант Вермахта. В январе 1942 – январе 1943 командир 252-й пехотной дивизии.

[132] Фридрих фон Раппард (1892 — 1946), генерал-лейтенант (1 мая 1943 года). В ноябре 1942 – мае 1943 командир 7-й пехотной дивизии. Казнён по приговору советского трибунала.

несколько показаний военнопленных немцев. Я приведу одно из этих показаний:

> «Ефрейтор 597-го пехотного полка 306-дивизии германской армии Фергольц Герман показал:
>
> «В составе команды подрывников я принимал участие в поджоге и взрыве государственных учреждений и жилых домов на линии главной улице города Сталино. Лично я закладывал взрывчатые вещества, которые затем поджигал и таким путем взрывал здания. Всего с моим участием было взорвано пять больших домов и несколько подожжено».

Можно было, господа судьи, продолжить перечень подобных фактов. Их имеется очень много в показаниях и документах, представленных трибуналу. Но я полагаю, что в этом нет необходимости. То, что уже оглашено, позволяет сделать вывод, что эти разрушения, преднамеренно и умышленно проводившиеся гитлеровцами на оккупированных территориях, являлись системой, а не отдельными фактами и что эти разрушения не были делом рук только рядовых солдат и офицеров германской армии, а проводились по приказам высшего командования гитлеровской армии. Поэтому я опускаю страницу 11 своего доклада и начинаю на странице 12.

Господа судьи! В злодейских замыслах фашистских захватчиков особое место занимало разрушение столиц Советского Союза, Югославии и Польши. И в этих планах разрушений особое место занимало разрушение Москвы и Ленинграда.

Опьяненные первыми военными успехами, гитлеровцы разрабатывали безумные планы уничтожения дорогих советским людям крупнейших культурных и промышленных центров; они уже готовили для этой цели специальные зондеркоманды. Они даже поспешили объявить о своем «решении» отклонить никогда в природе не имевшую места капитуляцию этих городов!

Необходимо отметить, что такие выражения, как «сравнять с землей» или «снести с лица земли», довольно часто употреблялись гитлеровскими заговорщиками, и это были не только угрозы, но и преступные дела. Как мы увидим издальнейшего изложения, кое-где им удалось сравнять с землей цветущие города и села.

Я опускаю один абзац в своём докладе.

Я представляю суду и оглашу два документа, разоблачающие намерения гитлеровских заговорщиков.

Первый документ является секретной директивой военно-морского штаба за номером I-а 1601/41 от 22 сентября 1941 г., озаглавленной «О будущности города Петербурга» (документ С-124, экземпляр СССР-113). Этот документ уже представлен трибуналу нашими американскими коллегами. Поэтому, хотя в нашем распоряжении имеется подлинник этого документа, который был размножен в нескольких экземплярах, полагаю, что его можно не оглашать. С вашего

разрешения, господин председатель, я лишь напомню содержание этой директивы. В директиве указывается, что «фюрер решил стереть город Петербург с лица земли», что предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей. В директиве также указывается, что, если будут заявлены просьбы о сдаче города, эти просьбы будут отвергнуты немцами. Наконец, в этой директиве говорится, что это есть директива не только военно-морского штаба, но и ОКВ.

Я опускаю страницу 13 своего доклада и начинаю с последнего абзаца.

Второй документ, имеющий номер С-123 и представленный нами под номером СССР-114, является также секретной директивой верховного командования вооруженных сил от 7 октября 1941 г. за номером 44/1675/41 и подписан подсудимым Йодлем. Уважаемый суд найдёт его на страницах 69 и 70 документальной книги. Я прочту под протокол текст этого документа или даже несколько фрагментов из этого письма на странице 14 моей презентации. Я читаю первый абзац письма:

> «Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже — Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником.
>
> И далее предпоследний абзац на этой странице:
>
> «Ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем. Исход населения через небольшие неохраняемые бреши внутрь России следует приветствовать. До того, как города будут взяты, они должны быть ослаблены артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население должно быть обращено в бегство.
>
> Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины.
>
> Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

Свои преступные замыслы по разрушению Ленинграда гитлеровские заговорщики начали осуществлять с беспримерной жестокостью. В докладе Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов подробно описаны чудовищные преступления гитлеровцев.

Этот документ уже представлен трибуналу в качестве доказательства СССР-85. Я оглашу лишь общие данные, приводимые на странице 1 доклада, что соответствует странице 71 тома документов. Я читаю:

> «В результате варварских действий немецко-фашистских захватчиков в Ленинграде и его пригородах полностью разрушено 8961 здание хозяйственного назначения и надворных построек общим объемом 5

> 192 427 кубических метров и частично разрушено 5869 зданий общим объемом 14 308 288 кубических метров. Полностью уничтожено 20 627 жилых зданий общим объемом 25 429 780 кубических метров и частично разрушено 8788 зданий с кубатурой 10 081 035 кубических метров. Полностью уничтожено 295 зданий культурно-бытового назначения общим объемом 844 162 кубических метра и частично разрушено 1629 зданий общим объемом 4 798 644 кубических метра. Полностью уничтожено 6 и частично разрушено 66 зданий религиозных культов. Гитлеровцами уничтожено, разрушено и повреждено разного рода сооружений более чем на 718 миллионов рублей и более чем на 1043 миллиона рублей промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин и орудий».

Из этого документа также устанавливается, что гитлеровцы планомерно и методически, днем и ночью бомбардировали с воздуха и обстреливали артиллерийскими снарядами улицы, жилые дома, театры, музеи, больницы, детские сады, госпитали, школы, институты, трамваи, разрушали ценнейшие памятники культуры и искусства. Много тысяч бомб и снарядов брошены в исторические здания Ленинграда, на его набережные, сады и парки.

Я опускаю конец страницы 16.

В заключение позволю себе процитировать одно из многих показаний немцев, приводимых в документе, а именно абзац 4 страницы 14. Цитируемое показание вы найдете, господа судьи, на странице 84 тома документов. Цитирую:

> «Фриц Кепке, фельдфебель, командир 2-го орудия 2-й батареи 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка заявил:
>
> Для обстрела Ленинграда на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпускавшихся сверх лимита в неограниченном количестве.
>
> Все расчеты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Поэтому они иронически относились к сводкам немецкого верховного командования, в которых говорилось об обстрелах «военных объектов Ленинграда».

Гитлеровские заговорщики намечали полное уничтожение столицы Югославии — Белграда.

Я напомню о документе PS-1746, представленном трибуналу 7 декабря 1945 г., являющемся приказом Гитлера от 27 марта 1941 г. о нападении на Югославию. Как известно, в этом приказе, носящем название «Директива № 25», подробно изложен военно-стратегический план нападения и наряду с этим указывается, что все югославские наземные сооружения и Белград должны быть уничтожены непрерывными дневными и ночными налетами авиации.

Я опускаю первый абзац страницы 18 моего доклада, постольку, поскольку факты которые упоминались в этом абзаце зачитывали под протокол 11 февраля. Затем я оглашу несколько выдержек из страниц 22-23 доклада (это соответствует страницам 111 — 112 тома документов)

> «Планомерность и систематичность таких преступлений на основании приказов имперского правительства и ОКВ подтверждается еще и тем, что разрушение населенных пунктов и уничтожение населения не прекращалось даже в момент отступления германских войск из Югославии.
>
> Типичным среди тысячи подобных случаев является разрушение Белграда и уничтожение его жителей в октябре 1944 года.
>
> Бои за освобождение Белграда длились с 15 по 20 октября 1944 г. Еще до начала боев немцы составили план систематического разрушения города. Они послали в город большое число специально обученных частей, в обязанности которых входило минирование зданий и уничтожение населения. Хотя благодаря быстрому продвижению Красной Армии и Югославской национально-освободительной армии они не могли полностью выполнить свою задачу, порученную им германскими командующими, им все-таки удалось разрушить большое число зданий в южной части города и уничтожить значительное количество жителей.
>
> Еще в больших размерах это произошло в северной части города, на Дунае и на Саве. Немцы ходили из дома в дом, выгоняли жителей на улицы без одежды и обуви, вносили легко воспламеняющиеся химические взрыватели в каждую квартиру и поджигали все здание. Если здание было из совсем твердого материала, его минировали. Жителей обстреливали, убивали беззащитных людей, в нескольких больших домах жители были заперты и уничтожены пламенем и взрывами мин. Общий ущерб, понесенный, таким образом, Белградом, исчисляется в 1 127 129 069 динаров довоенной стоимости».

Таким образом, разрушение Белграда предписывалось приказом Гитлера от 27 марта 1941 г., производилось по прямым указаниям подсудимого Геринга, а в октябре 1944 года осуществлялось теми же методами, которые гитлеровцы применяли на оккупированной территории СССР.

Перехожу к представлению доказательств преднамеренного и беспримерного разрушения гитлеровцами столицы польского государства — Варшавы.

Я приведу три документа, которые вскрывают преступные намерения фашистских заговорщиков, «сравнять с землей» этот город. Первым документом под номером СССР-128 я представляю трибуналу телеграмму на имя подсудимого

Франка за номером 13265, подписанную губернатором района Варшавы доктором Фишером (телеграмма имеется в томе документов на странице 148). Оглашаю текст этой телеграммы:

«Генерал-губернатору, имперскому министру доктору Франку. Краков.

Варшава, номер 13265, 11. X. 44; 10, 40 НЕ.

Тема: Новая политика по отношению к Польше.

В результате посещения, сделанного обергруппенфюрером СС фон дем Бахом[133] рейхсфюреру СС, я сообщаю вам следующее:

Обергруппенфюрер фон дем Бах получил новый приказ усмирить Варшаву, то есть еще во время войны сравнять ее с землей, если на это не будет возражения с военной точки зрения (использование города в качестве крепости). Перед уничтожением необходимо вывезти все сырьевые материалы, текстильные изделия и мебель. Главную роль в выполнении этой задачи должна играть гражданская администрация.

Я сообщаю вам эти факты потому, что этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет колоссальное значение для выяснения политики по отношению к Польше в будущем.

Губернатор района Варшавы, временно находящийся в Сохачеве, доктор Фишер».

Упоминаемый в оглашенной телеграмме фон дем Бах-Зелевский известен вам, господа судьи, он давал показания на вечернем заседании Трибунала 7 января.

О том, как обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский выполнил приказ Гитлера о разрушении Варшавы, видно из письменных показаний, данных им под присягой 28 января 1946 г. при допросе его прокурором Польской республики господином Савицким[134].

Я представляю суду подлинный протокол допроса на немецком языке, подписанный Бах-Зелевским. Я зачитаю два фрагмента под протокол.

[*Доктор Зейдль подходит к трибуне*]

Председатель: Мы выслушаем возражение.

Зейдль: Я протестую против оглашения протокола показаний фон дем Бах-Зелевски. Свидетель уже был заслушан в суде, и тогда была возможность выслушать на суде этого свидетеля о содержании протокола.

Если представители советского обвинения не хотят отказаться от оглашения этого протокола, то я ходатайствую о том, чтобы свидетель

[133] Эрих фон дем Бах (1899 — 1972) — обергруппенфюрер СС, генерал полиции и генерал войск СС. В 1942-1944 начальник штаба антипартизанской борьбы. После войны был несколько раз судим, умер в тюремной больнице.
[134] Ежи Савицкий (1910 – 1967) – польский юрист. В 1944-1953 прокурор Верховного суда Польши.

Бах-Зелевски, который находится еще в настоящий момент в Нюрнберге, был вызван еще раз в суд, чтобы защитники имели возможность подвергнуть свидетеля перекрестному допросу.

Председатель: Генерал Рагинский, хотите ли вы что-нибудь сказать?

Рагинский: Господин председатель, протокол допроса Бах-Зелевского был представлен советской делегации представителем польского правительства. Показания даны под присягой, и протокол допроса оформлен в соответствии с процессуальным законом. Поэтому мы считали возможным представить протокол трибуналу, не вызывая вторично Бах-Зелевского для допроса на суде. Если трибунал придет к выводу, что без вызова Бах-Зелевского в суд не могут оглашаться его показания, то в интересах ускорения процесса, чтобы не затягивать представление наших доказательств, мы согласны на то, чтобы не оглашать эти показания. Тем более, что содержащиеся в показаниях факты установлены и другими документами, которые я буду докладывать суду.

Председатель: Генерал, могу я спросить, если показания данные польской комиссии такие же, что и показания которые Бах-Зелевски дал в суде, не будут ли они кумулятивными; если они отличаются, конечно же, защитники подсудимых должны иметь возможность перекрёстного допроса.

Рагинский: Показания, которые дал Бах-Зелевский прокурору польской республики являются дополнительными. Бах-Зелевского не допрашивали в трибунале о разрушениях.

Председатель: Генерал Рагинский, трибунал понял вас так, что вы готовы не предъявлять этого доказательства? Трибунал считает, что такое решение было бы правильным. Таким образом, этот документ не будет представлен в качестве доказательства.

Я думаю, что следует сделать перерыв.

[*Объявлен перерыв*]

Рагинский: В результате решения трибунала, я исключаю страницу 21 из своего доклада и перехожу к странице 22. Я оглашаю выдержку из дневника подсудимого Франка, представленного трибуналу под номером СССР-223. Эта выдержка имеется на странице 45 тома документов. Я имею в виду папку, начатую 1 августа 1944 г. и доведенную до 14 декабря 1944 г., озаглавленную «Дневник», в которой имеется запись о содержании телеграммы, посланной Франком на имя имперского министра Ламмерса[135]. «5 августа 1944 г.

[135] Ганс Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобождён в 1951.

«Генерал-губернатор направляет следующую телеграмму имперскому министру доктору Ламмерсу:

Город Варшава в большей части объят пламенем. Сожжение домов является самым верным средством, чтобы отнять у повстанцев убежища...»

Приведенные документы, таким образом, устанавливают, что фашистские заговорщики задались целью стереть с лица земли столицу польского государства — Варшаву, что уничтожением Варшавы руководили гитлеровское правительство и германское верховное командование и что активную роль в этом злодеянии играл подсудимый Франк.

На всех оккупированных ими территориях СССР, Югославии, Польши, Греции и Чехословакии немецко-фашистские захватчики систематически и планомерно уничтожали населенные пункты под видом борьбы с партизанами. Специально выделенные германским военным командованием карательные экспедиции, отряды и команды сжигали и взрывали десятки тысяч сел, деревень и других населенных пунктов.

Я пропускаю абзац моего доклада.

Из многочисленных документов, имеющихся в распоряжении советского обвинения, приведу для примера несколько, которые являются типичными и характеризуют в целом систему, проводившуюся гитлеровцами.

Донесение командира роты капитана Каспера от 27 сентября 1942 г., озаглавленное «Итоговый отчет об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 по 26 сентября 1942 г.», так и начинается: «Задание: 9-й ротой должна быть уничтожена зараженная бандами деревня Борисовка». Этот документ уже представлен трибуналу под номером СССР-119.

Я опускаю начало страницы 42 моего доклада.

В январе 1942 года в Резекнекском (Режицком) уезде Латвийской Советской Социалистической Республики немцами была уничтожена деревня Аудрины со всем населением якобы за помощь красноармейцам. В городах Латвии по этому поводу было вывешено извещение командира германской полиции безопасности оберштурмбаннфюрера СС Штрауха[136] на немецком, латышском и русском языках.

Заверенную фотокопию извещения представляют трибуналу под номером СССР-262. Оглашаю выдержку из этого документа:

«Командир германской полиции безопасности сим извещает о следующем:

...2. Жители деревни Аудрины Режицкого уезда более четверти года

[136] Эдуард Штраух (1906 — 1955) — оберштурмбаннфюрер СС, командир полиции безопасности и СД в Белоруссии и руководитель айнзацкоманды 2, входившей в состав айнзацгруппы А. Американским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Выдан Бельгии, умер находясь в заключении.

скрывали у себя красноармейцев, прятали их, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности.

Как наказание я назначил следующее:

а) Смести с лица земли деревню Аудрины».

Широко практиковали гитлеровцы карательные экспедиции в оккупированных районах Ленинградской области. Как видно из приговора военного трибунала Ленинградского военного округа, представляемого советским обвинением как доказательство СССР-91, гитлеровцы сожгли в феврале 1944 года 10 населенных пунктов в Дедовичском, Пожеревицком и Островском районах. Гитлеровские карательные экспедиции также сожгли деревни Страшево и Заполье Плюсского района, деревни Большие Ляды, Лудони и другие.

Многочисленные карательные отряды, действовавшие по указаниям германского верховного командования, сожгли многие сотни населенных пунктов на территории Югославии.

В качестве доказательств я сошлюсь на раздел III сообщения Югославской государственной комиссии по установлению преступлений немецких захватчиков, представленного трибуналу под номером СССР-36, и на специальное сообщение Югославской государственной комиссии за номером 2697/45, подписанное профессором Недельковичем, которое представляю под номером СССР-309. В этих документах приводится большое количество фактов сожжения и уничтожения гитлеровцами сел и деревень специальными карательными экспедициями. В качестве примера можно назвать населенные пункты Загнездье, Удора, Мечковац, Марсич, Грашница, Рудника, Крупня, Растовач, Орах, Грабовица, Драчич, Лозинда и ряд других. Целые области Югославии оказались совершенно опустошенными после пребывания там немцев.

Я также представляю фотокопию объявления командующего в Сербии, которое прошу принять в качестве доказательства под номером СССР-200. Это объявление было обнаружено частями Югославской народно-освободительной армии в Сербии, о чем имеется надлежащее удостоверение Югославской государственной комиссии. Я оглашу только один абзац из этого документа. «Командующий в Сербии сообщает: Цитирую: ...Деревня Скела сожжена и сравнена с землей».

Гитлеровскими карательными отрядами уничтожались населенные пункты и в Польше. В качестве доказательства представляю под номером СССР-368 удостоверение уполномоченного польского правительства господина Стефана Куровского. Это удостоверение является приложением к докладу польского правительства и находится в вашем томе документов, страница 169.

Из приведенного документа устанавливается, что весной 1943 года на территории Замойского, Билгорайского, Хрубешовского и Красницкого уездов под

руководством офицера СС Глобочника[137] фашистские оккупанты сожгли ряд населенных пунктов, а в феврале 1944 года в Красницком уезде были уничтожены при помощи авиации 5 деревень.

Значительное количество населенных пунктов было сожжено и стерто с лица земли гитлеровцами в Греции. В качестве примера можно назвать поселки Амелофито, Клистон, Кизония, Ано-Керцелион, Като-Керцелион — в районе Салоник, поселки Мезовунос и Селли — в районе Корзани и другие.

Я представляю под номером СССР-103 заверенные фотостаты трех телеграфных донесений 164-й германской пехотной дивизии на имя начальника штаба 12-й армии. Эти донесения, господа судьи, имеются в томе документов на странице 170. Каждое из донесений состоит из 9 — 10 строк, они однотипны и стандартны, но эти краткие официальные документы, по существу раскрывают чудовищную систему, повсеместно проводившуюся гитлеровцами на захваченных ими территориях.

Оглашу только одно из этих донесений:

«18.X.41. Начальнику штаба 12-й армии, Афины.

Рапорт за день.

1. Поселки Ано-Керцелион и Като-Керцелион (в 75 км на восток от Салоник, при устье реки Струмы), о которых у нас были доказательства, что они оказывали поддержку большой повстанческой банде в этой области, были стерты с лица земли войсками дивизии 17 октября. Мужчины в возрасте 16 — 60 лет (всего 207 человек) были расстреляны, а женщины и дети перевезены в другое место.

2. Никаких дальнейших важных событий».

Вряд ли нужны комментарии к этому документу.

Я сошлюсь также на официальный доклад греческого правительства, представленный трибуналу под номером СССР-379 (документ номер UK-82). На страницах 29 — 30 доклада (русский перевод соответствует странице 207 тома документов) приводятся многочисленные факты сожжения и уничтожения деревень на острове Крит. Так, деревни Скики, Прасси и Канадос были сожжены дотла в качестве возмездия за убийство нескольких немецких парашютистов во время нападения гитлеровцев на остров Крит. Некоторые деревни разрушались по той лишь причине, что они находились в районе действий партизан.

В докладе указывается, что из 6500 деревень были полностью или частично разрушены 1600 деревень. Следует еще отметить, что гитлеровцы умышленно бомбардировали незащищенные города и причинили тяжелый ущерб 23

---

[137] Одило Глобочник (1904 — 1945) — государственный и политический деятель нацистской Германии австрийского происхождения, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1942). Гауляйтер Вены (1938—1939). Уполномоченный рейхсфюрера СС по созданию структуры СС и концлагерей на территории Генерал-губернаторства (оккупированной Польши) (17 июля 1941 года — 31 января 1942 года). Покончил жизнь самоубийством после ареста английскими войсками.

городам Греции, в числе которых города Янина, Арта, Превеза, Туккала, Ларисса и Канеа были почти полностью разрушены. Об этом говорится на странице 21 доклада греческого правительства. Вы найдете это место на странице 190 вашего тома документов.

Господа судьи! О злодеяниях гитлеровцев в Лидице знает весь мир. 10 июня 1942 г. был последним днем Лидице и ее обитателей. Фашистские варвары оставили неопровержимую улику своего чудовищного преступления. Они запечатлели на пленку уничтожение Лидице, и мы имеем возможность представить это доказательство трибуналу. По распоряжению чехословацкого правительства было произведено специальное расследование, которое установило, что фотографирование, трагедии Лидице было поручено так называемым протектором консультанту по кино НСДАП Францу Тремлу и производилось последним совместно с Мирославом Вагнером. Среди документов, которые представляются трибуналу, имеются фотографии гитлеровских операторов, которые снимали момент разрушения Лидице.

Я представляю эти материалы и фильм в качестве доказательства под номером СССР-370. Должен отметить, господа судьи, что этот немецкий документальный фильм был заснят несколько лет тому назад, техническое состояние его не совсем удовлетворительное, и поэтому при демонстрации могут быть некоторые неполадки. Я заранее приношу свои извинения трибуналу.

Прошу, господин председатель, разрешения приступить к демонстрации фильма.

[*Демонстрируется фильм*]

Рагинский: То, что гитлеровцы совершили в Лидице, они через некоторое время повторили в другом населенном пункте Чехословакии — поселке Лезаки. В доказательство я сошлюсь на доклад чехословацкого правительства (страницы 126 — 127). Этот доклад был представлен под номером СССР-60. В докладе указывается: «Лезаки, как и Лидице, были совершенно разрушены, а земля, на которой они стояли, покрыта грязью».

Я перехожу к следующему разделу своего доклада, разрушению деревень и городов, промышленности и транспорта на территории СССР.

Господа судьи! Выше я приводил общие директивы преступлений гитлеровского правительства и германского верховного командования по разрушению населенных пунктов, промышленности и транспорта Советского Союза. Сейчас я перехожу к представлению доказательств тех разрушений, которые во исполнение этих директив были произведены гитлеровцами повсеместно на временно оккупированной территории СССР.

Я опускаю доказательства относительно разрушения отдельных городов

Советского Союза и перехожу к презентации моего доклада начиная со страницы 42.

В распоряжении советского обвинения имеется много документов, которые уличают гитлеровских преступников в умышленном и систематическом, расчётливом и жестоком уничтожении и разрушении городов и посёлков, заводов и фабрик, железных дорог и средств связи.

Представление всей этой документации сильно затянет процесс. Поэтому, я считаю возможным перейти к презентации общих итоговых данных установленных Чрезвычайной государственной комиссией Советского Союза, нежели представлять отдельные документы.

Из экземпляра СССР-35 я оглашу под протокол только те разделы и данные, которые ранее не оглашались под протокол и те которые касаются моей темы. Эти фрагменты, уважаемый суд, находятся на страницах 223-224 вашей документальной книги. Я цитирую:

> «Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 170 городов и более 1710 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орел, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.
>
> Немецко-фашистские захватчики разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих».

Я опускаю конец страницы 43, страницы 44 и 45 и начало страницы 46 моего доклада.

> «Гитлеровцы разрушили 36 тысяч почтово-тёлеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи. В период оккупации части территории Советского Союза и в особенности при своем отступлении немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб железным дорогам, водному и речному транспорту.
>
> Продолжаю цитату:
>
> «Специальными путеразрушительными машинами они вывели из строя 26 и частично повредили 8 магистральных железных дорог, разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи и 500 тысяч проводокилометров автоблокировки и линий железнодорожной связи. Они взорвали 13 тысяч железнодорожных мостов, 4100 станций, 1200 насосных станций, 1600 водонапорных башен, 3200 гидроколонок. Они уничтожили 317 паровозных депо и 129 паровозоремонтных и вагоноремонтных заводов, а также заводов железнодорожного

машиностроения.

Они разрушили, повредили и увезли 15 800 паровозов и мотовозов и 428 тысяч вагонов.

Враги причинили большой ущерб сооружениям, предприятиям, учреждениям и судам морского транспорта Северного Ледовитого океана, Белого, Балтийского, Черного и Каспийского морей. Они потопили и частично повредили свыше 1400 пассажирских, грузовых и специальных судов.

Сильно пострадали оснащенные передовой техникой морские порты — Севастопольский, Мариупольский, Керченский, Новороссийский, Одесский, Николаевский, Ленинградский, Мурманский, Лиепайский, Таллиннский и другие.

Оккупанты потопили и захватили 4 280 пассажирских, грузовых и буксирных пароходов речного транспорта и технического служебно-вспомогательного флота, 4 029 несамоходных судов; разрушили 479 портово-пристанских хозяйств, в том числе Ленинградский, Сталинградский, Киевский порты; сооружения Беломорско-Балтийского канала и канала Москва-Волга; 89 судостроительных верфей, механических заводов и предприятий.

Отступая под натиском Красной Армии, немецкие войска подорвали и разрушили 91 тысячу километров шоссейных дорог и 90 тысяч дорожных мостов общей протяженностью 930 километров».

На этом я заканчиваю, господа судьи.

Представленные трибуналу и оглашенные документы наглядно показывают, как гитлеровские заговорщики преступно попирали на всех захваченных ими территориях СССР, Югославии, Польши, Чехословакии и Греции законы и обычаи войны, основные принципы уголовного права и прямые указания статей 46 и 50 Гаагской конвенции 1907 года.

Представленные документы также показывают, что в планах немецких захватчиков предусматривалось полное разрушение городов и деревень, из которых гитлеровцы вынуждены были отступить под ударами вооруженных сил Советского Союза.

Представленные документы, наконец, показывают, с какой звериной жестокостью и беспощадностью гитлеровцы осуществляли свои преступные планы, превращая в прах и пепел крупнейшие культурные и промышленные центры. На обширном пространстве от Белого до Черного и Эгейского морей, на территориях, временно захваченных германскими войсками, гитлеровцами намеренно и планомерно превращены в руины многолюдные и цветущие русские, белорусские, украинские, польские, югославские, греческие и чехословацкие города, села и деревни. И все это — результат преступной деятельности гитлеровского

правительства и германского верховного военного командования, представители которых посажены на скамью подсудимых.

В заключение, господин председатель, я бы хотел представить в качестве доказательства под номером СССР-401 документальный фильм о разрушениях, произведенных гитлеровцами на территории Советского Союза. Материалы, устанавливающие документальность этого фильма, я представляю трибуналу.

[*Демонстрируется фильм*]

Председатель: Сейчас мы объявим перерыв до 14 часов 10 минут.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 10 минут*]

Вечернее заседание

Рагинский: Господин председатель! Чтобы исчерпать представление доказательств по моему разделу, прошу вашего разрешения допросить свидетеля Орбели[138], который уже находится в здании трибунала. Орбели будет свидетельствовать о разрушении памятников культуры и искусства в Ленинграде.

[*Доктор Серватиус подходит к трибуне*]

Председатель: У вас есть какие-нибудь возражения?

Серватиус: Я прошу суд решить можно ли заслушивать свидетеля по данному предмету, относятся ли к делу эти показания. Ленинград никогда не был в немецких руках. Ленинград обстреливался обычным боевым оружием войск и атаковался с воздуха, также как обычно делают все армии мира. Нужно установить, что должен доказать данный свидетель.

Председатель: Трибунал считает, что возражение адвоката не является существенным, и свидетель будет заслушан.

[*Свидетель Орбели занимает место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?

Орбели: Иосиф Абгарович Орбели.

Председатель: Повторите за мной слова присяги: «Я — Орбели Иосиф, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вызванный в качестве свидетеля по

---

[138] Орбели Иосиф Абгарович (1887 — 1961) — советский востоковед и общественный деятель, академик Академии наук СССР (1935), академик Академии наук Армянской ССР и её первый президент (1943—1947), в 1934—1951 — директор Эрмитажа.

настоящему делу, перед лицом суда обещаю и клянусь говорить суду только правду обо всем, что мне известно по настоящему делу».

[*Свидетель повторяет слова присяги на русском языке*]

Председатель: Можете сесть, если хотите.
Рагинский: Скажите, пожалуйста, свидетель, какую должность вы занимаете?
Орбели: Директор Государственного Эрмитажа.
Рагинский: Ваше ученое звание?
Орбели: Действительный член Академии наук Советского Союза, действительней член Академии архитектуры Союза ССР, действительный член и президент Армянской Академии наук, почетный член Иранской Академии наук, член Общества антикваров в Лондоне, член-консультант Американского института археологии и искусств.
Рагинский: Находились ли вы в Ленинграде в период немецкой блокады?
Орбели: Находился.
Рагинский: Известно ли вам о разрушениях памятников культуры и искусства в Ленинграде?
Орбели: Известно.
Рагинский: Не можете ли вы изложить суду известные вам факты?
Орбели: Помимо общих наблюдений, которые я мог сделать после прекращения военных действий вокруг Ленинграда, я ближайшим образом наблюдал меры, предпринимаемые врагом по отношению к музею Эрмитаж, к зданиям Эрмитажа и Зимнего дворца, в залах которого расположены выставки Эрмитажа. На протяжении долгих месяцев шла систематическая их бомбежка и артиллерийский обстрел. В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, причем снаряды эти причинили значительные повреждения зданию, а авиабомбы привели к разрушению системы канализации и водопроводной сети Эрмитажа.

Наблюдая разрушения Эрмитажа, я в то же время видел перед собой здания Академии наук, расположенные на другом берегу реки, а именно: Музей антропологии и этнографии, Зоологический музей и расположенный рядом с Зоологическим музеем Морской музей в здании бывшей фондовой биржи. Все эти здания подвергались усиленному обстрелу зажигательными снарядами, последствия этих попаданий я видел из окон Зимнего дворца.

В самом Эрмитаже артиллерийскими снарядами причинен был ряд повреждений, из которых я сейчас назову наиболее существенные. Одним из снарядов был разбит портик основного здания Эрмитажа, выходящего на Миллионную улицу, и повреждена скульптура «Атланты».

Другой снаряд пробил потолок одной из самых парадных зал Зимнего дворца и причинил в этом зале большие повреждения. Два снаряда попали в

бывший гараж Зимнего дворца, где расположены придворные парадные кареты XVII и XVIII веков, причем одним из этих снарядов были разбиты в щепки четыре кареты XVIII века художественной работы и одна парадная золоченая карета XIX века. Еще одним из снарядов был пробит потолок нумизматического зала, колонного зала основного здания Эрмитажа и разрушен балкон этого зала.

В то же время в филиал Государственного Эрмитажа на Соляном переулке, бывший музей Штиглица, попала авиабомба, которая причинила очень большие разрушения зданию, приведя его в полную негодность. При этом пострадала и значительная часть экспонатов, имевшихся в этом помещении.

Рагинский: Скажите, пожалуйста, свидетель, правильно ли я вас понял. Вы упомянули о разрушении Эрмитажа и говорили о Зимнем дворце. Одно ли это здание и где находился Эрмитаж, упоминаемый в ваших показаниях?

Орбели: До Октябрьской революции Эрмитаж занимал специальное здание, выходящее на Миллионную улицу и другим фасадом — на Дворцовую набережную Невы. После революции к Эрмитажу присоединены Малый Эрмитаж и здание Эрмитажного театра — здание, отделяющее Эрмитаж от Зимнего дворца, а затем и весь Зимний дворец.

Таким образом, в настоящее время комплекс зданий, составляющих Эрмитаж, образуют: Зимний дворец, Малый Эрмитаж, Большой Эрмитаж, в котором музей находился до революции, и здание Эрмитажного театра. Вот как раз во двор здания Эрмитажного театра, построенного при Екатерине II архитектором Кваренги, и попала фугасная бомба, о которой я упоминал.

Рагинский: Кроме разрушений Зимнего дворца, Эрмитажа, известны ли вам факты разрушения других памятников культуры?

Орбели: Я наблюдал ряд памятников Ленинграда, которые пострадали от артиллерийского обстрела и от авиабомб, в том числе повреждения, причиненные Казанскому собору, построенному в 1814 году Воронихиным, Исаакиевскому собору, где колонны и до сих пор носят следы от повреждений — выбоины в граните.

Затем, в пределах города, значительные повреждения причинены растреллиевскому флигелю близ Смольнинского собора, построенного Растрелли, где вырвана средняя часть. Артиллерией, кроме того, значительные повреждения причинены поверхности стен Петропавловской крепости, в настоящее время не являющейся военным объектом.

Рагинский: А помимо Ленинграда, известны ли вам факты разрушений в пригородах Ленинграда?

Орбели: Я ознакомился подробно с состоянием памятников Петергофа, Царского Села и Павловска, причем во всех этих трех городах я видел следы чудовищного покушения на целостность этих памятников. При этом повреждения, которые я видел и перечислить которые очень трудно, потому что их очень много, — все эти

повреждения носят следы предумышленности.

Относительно предумышленности обстрела здания Зимнего дворца я мог бы упомянуть о том, что 30 снарядов, о которых я говорил, попали в Эрмитаж не в один налет, а в течение длительного периода времени, в общем, не более одного снаряда в каждый данный обстрел.

В Петергофе, помимо тех разрушений, которые причинены в Большом дворце пожаром, уничтожившим совершенно этот памятник, я видел содранные с крыши петергофского дворца золоченые листы и от купола Петергофского собора и от здания на противоположном конце этого громадного дворца, причем слететь эти листы от огня и пожара не могли, они были содраны умышленно.

В Монплезире, в старейшем здании Петергофа, построенном Петром[139], все повреждения носили характер производившихся длительно и постепенно, не в результате какой-либо катастрофы. Покрытые ценной резьбой под дуб стены были ободраны. Старинные, времени Петра, голландские кафельные печи бесследно ичезли, и вместо них были поставлены временные, грубой кладки печи. В Царском Селе, в Большом дворце, построенном Растрелли, повреждения носили, несомненно, умышленный характер, потому, что в ряде зал паркет был выломан и вывезен, в то время как здание погибло от пожара. В Агатовой зале, стены которой сплошь украшены полированным агатом была устроена вспомогательная оружейная мастерская, и при этом горн помещен был в резном, очень ценном камине XVIII века, приведенном в полную негодность.

В Павловском дворце, который был уничтожен пожаром, целый ряд признаков свидетельствует о том, что ценное имущество, находившееся в этих залах, было вынесено до поджога.

Рагинский: Скажите, пожалуйста, вы заявили, что Зимний дворец, как и другие памятники культуры, перечисленные вами, также преднамеренно разрушался. На основании каких данных вы это заявляете?

Орбели: Преднамеренность обстрела и повреждений, причиненных артиллерийскими снарядами Эрмитажу во время блокады, для меня, так же как и для всех моих сотрудников, была ясна потому, что повреждения эти были причинены не случайно артиллерийским налетом в 1—2 приема, а последовательно, при тех методических обстрелах города, которые мы наблюдали на протяжении месяца. Причем первые попадания были направлены не в Эрмитаж, не в Зимний дворец, снаряды ложились мимо, производилась пристрелка, а после этого — в одном и том же направлении, с ничтожным отклонением по прямой линии, снаряды ложились не более одного, самое большее двух, в каждый данный обстрел, и это не могло носить случайный характер.

Рагинский: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

---

[139] Пётр I Алексеевич, прозванный Великим (1672 — 1725) — последний царь всея Руси (с 1682 года) и первый Император Всероссийский (с 1721 года).

Председатель: Желает ли кто-либо из обвинителей или из защитников допросить свидетеля?

Латернзер: Господин свидетель, вы только что заявили, что артиллерийским обстрелом, а также налетами авиации Эрмитаж и Зимний дворец были разрушены. Меня очень интересовало бы узнать, где эти здания находятся, в частности, если смотреть со стороны Ленинграда?

Орбели: Зимний дворец и Эрмитаж, стоящий рядом с ним, находятся в центре Ленинграда, на берегу Невы, на Дворцовой набережной, недалеко от Дворцового моста, в который за время обстрела попал только один снаряд. С другой стороны, против Невы, рядом с Зимним дворцом и Эрмитажем, находится Дворцовая площадь и улица Халтурина. Ответил я на ваш вопрос?

Латернзер: Я немного по-другому ставлю вопрос. В какой части Ленинграда находятся эти здания: на юге, на севере, юго-западе, или юго-востоке? Вы можете ответить на этот вопрос?

Орбели: Зимний дворец и Эрмитаж, находятся в самом центре Ленинграда, на берегу Невы, как я уже сказал.

Латернзер: А где расположен Петергоф?

Орбели: На берегу Финского залива, к юго-западу от Эрмитажа, если считать Эрмитаж отправным пунктом.

Латернзер: Могли бы вы сказать, находятся ли поблизости от Эрмитажа и Зимнего дворца военные предприятия?

Орбели: Насколько мне известно, в районе Эрмитажа военных предприятий не было. Если вопрос означает здание главного штаба, то есть расположенное на другой стороне Дворцовой площади, оно пострадало гораздо меньше от обстрела чем Зимний дворец. Здание Главного штаба, которое находится на противоположной стороне Дворцовой площади, насколько мне известно, было поражено только двумя снарядами.

Латернзер: Может быть, вблизи этих зданий стояли артиллерийские батареи?

Орбели: На всей площади около Эрмитажа и Зимнего дворца не было ни одной артиллерийской батареи, потому что с самого начала предприняты были меры к тому, чтобы не было излишнего сотрясения вблизи от зданий, где находятся музейные ценности.

Латернзер: Фабрики, фабрики вооружений, продолжали производство во время блокады?

Орбели: Я не понял вопрос. О каких фабриках вы говорите – фабриках Ленинграда в целом?

Латернзер: Фабрики вооружений, которые находились в Ленинграде, продолжали работать во время блокады?

Орбели: На территории Эрмитажа, Зимнего дворца и в ближайшем окружении не работало никакое военное предприятие, потому что там их не было, и во время

блокады они там не были построены. Но я знаю, что в Ленинграде военное снаряжение производилось и с успехом применялось.

Латернзер: У меня нет больше вопросов.

Серватиус: Господин свидетель, как далеко расположен ближайший мост на Неве от Зимнего дворца?

Орбели: Ближайший мост — Дворцовый — расположен в полсотне метров, но, как я уже сказал, за время обстрела в Дворцовый мост попал только один снаряд. Именно это убеждает меня и создает уверенность в том, что Зимний дворец обстреливался умышленно. Я не могу допустить, чтобы при обстреле моста в него попал только один снаряд, а 30 — в рядом стоящее здание. Другой мост, Биржевой мост, соединяющий Васильевский остров с Петроградской стороной, находится на противоположном берегу Большой Невы. Только несколько зажигательных бомб сбросили с самолётов на этот мост. Огонь, который начался на Биржевом мосту был потушен.

Серватиус; Имеете ли вы какие-нибудь артиллерийские познания, дающие возможность сделать вывод, что целью был дворец, а не мост?

Орбели: Я никогда не был артиллеристом, но я считаю, что если немецкая артиллерия обстреливает мост, она не может всадить в мост один снаряд, а в дворец, находящийся в стороне, 30 снарядов. В этих пределах — я артиллерист.

Серватиус: У вас неартиллерийское мнение. У меня другой вопрос: Нева была использована флотом? Как далеко были расположены суда военно-морского флота от Зимнего дворца?

Орбели: В этой части Невы боевых судов, которые бы вели огонь или выполняли такого рода службу, не было. Суда на Неве стояли в другой части реки, далеко от Зимнего.

Серватиус: Вы все время осады Ленинграда находились там?

Орбели: Я находился в Ленинграде с первого дня войны до 31 марта 1942 г. Затем я вернулся в Ленинград, когда уже немецкие войска из окрестностей Ленинграда были изгнаны, и тогда именно я осмотрел Петергоф, Царское Село и Павловск.

Серватиус: Спасибо большое, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Генерал, хотите ли вы задать свидетелю какие-нибудь дополнительные вопросы?

Рагинский: Господин председатель, у нас к свидетелю нет больше вопросов.

Председатель: Тогда свидетель может быть свободным.

[*Свидетель покидает место свидетеля*]

Зоря: Господа судьи! Я хочу приступить к представлению документальных доказательств советского обвинения, подтверждающих применение гитлеровскими заговорщиками в огромных масштабах системы рабского принудительного труда.

Фашизм, с его планами завоевания мирового господства, с его отрицанием права, морали, жалости и человечности, предусматривал порабощение мирного населения временно захваченных территорий, угон миллионов людей в фашистскую Германию и использование в принудительном порядке их рабочей силы. Фашизм и рабство — понятия, неотделимые друг от друга.

Я начну, господа судьи, представление документов по этому разделу с доклада правительства Югославской республики, который уже представлен трибуналу под номером СССР-36. Я прошу обратиться к странице 40 доклада, расположенной на странице 41 тома документов. Я оглашаю соответствующее место доклада, которое озаглавлено «Принудительный труд гражданского населения». Цитирую:

> «Фашистская политика всесторонней эксплуатации оккупированных областей проводилась в полном объеме и в Югославии.
>
> Имперское правительство и ОКВ тотчас же после оккупации Югославии ввели принудительную трудовую повинность для населения оккупированных областей. Использование рабочей силы в Югославии осуществлялось в рамках общего германского плана. Подсудимый Геринг как руководитель германского четырехлетнего плана давал своим подчиненным органам инструкции относительно систематического использования рабочей силы оккупированных областей.
>
> В своем отчете один из руководящих чиновников хозяйственного отдела германской комендатуры в Белграде — Ран пишет, что, согласно указанию Геринга, мероприятия в области экономики и хозяйства в оккупированных странах не должны служить интересам местного населения, а использование рабочей силы оккупированных областей должно идти на пользу германского военного хозяйства.
>
> Тотчас же по оккупации Югославии немцы основали там свои «вербовочные пункты» для вербовки рабочих на «добровольную» работу в Германию. Они также пользовались существовавшими в Югославии организациями, занимавшимися посредничеством по приисканию работы, а также проводили в жизнь свои планы через эти организации. Так, например, в Сербии они использовали центральное ведомство по приисканию работы, а также биржу труда. Через посредничество этих организаций они к концу февраля 1943 года уже вывезли в Германию из одной только Сербии 47 500 рабочих. Позднее это число увеличилось, но точные данные еще не установлены. Все эти рабочие были использованы в сельском хозяйстве и промышленности Германии, главным образом, на самых тяжелых работах».

В докладе указывается, что Гестапо и специальная комиссия применили давление и силу. Это зашло так далеко, что «добровольцев» ловили прямо на улицах, собирали партиями и угоняли в Германию.

> «Помимо этих, так называемых «добровольных» рабочих, немцы угоняли в Германию на принудительную работу заключенных из лагерей и «политически неблагонадежных». Последние находили применение, естественно, на самых тяжелых работах и попадали в отвратительные условия труда и быта. Таким путем с 1942 года в Германию было привезено большое количество невинных жертв лагеря Баньица, Саймиште и других.
>
> Первый эшелон был отправлен 24 апреля 1942 г. Вслед за ним непрерывно уходили эшелоны вплоть до 26 сентября 1944 г. Отправляли молодых и старых, мужчин и женщин, крестьян, рабочих и интеллигенцию, притом не только в Германию, но и в другие страны, оккупированные Рейхом.
>
> Согласно данным регистрационных журналов лагеря Баньица, которые дают далеко не полное представление о действительных фактах, из этого лагеря было вывезено за границу на принудительные работы 10 тысяч заключенных.
>
> Германские власти в Сербии приняли ряд мер, которые способствовали наиболее полной мобилизации рабочей силы. Первым мероприятием в этой области было два закона: закон о всеобщей трудовой повинности и ограничении свободы труда от 14 декабря 1941 г. и закон о введении национальной трудовой повинности для восстановления Сербии от 5 ноября 1941 г. Согласно первому закону все лица от 17 до 45 лет могли быть призваны на работу на определенных предприятиях и в определенных отраслях хозяйства. Согласно второму закону эти лица могли быть использованы в гражданской службе на пользу «национального восстановления», что в действительности означало работу по усилению германского экономического и военного потенциала.
>
> Люди, подпадавшие под действие этих законов о трудовой повинности, хотя и оставались в стране, однако работали на благо и в целях германской экономической эксплуатации. В первую очередь они использовались на рудниках (Борг Костолац и другие), на строительстве шоссейных и железных дорог, на водном транспорте и т. д.
>
> 26 марта 1943 г. германский командующий в Сербии чрезвычайным указом ввел на оккупированной части Сербии все так называемые военно-хозяйственные мероприятия, которые осуществлялись в самой

Германии. Так, в Сербии была навязана всеобщая мобилизация рабочей силы.

Этим указом все население оккупированной Сербии было мобилизовано для германского военного хозяйства. И в действительности немцы в самом широком масштабе использовали сербскую рабочую силу.

Так же обстояло дело в остальных оккупированных районах Югославии. Мы не хотим здесь останавливаться на многочисленных подробностях этой планомерной эксплуатации и приведем только один пример из оккупированной Словении.

Согласно официальному сообщению «Краевой крестьянской управы Каринтии» от 10 августа 1944 г. в Человече о каждом случае беременности не немецкой женщины должно было сообщаться в местное управление трудовой повинности. В таких случаях женщины были обязаны лишиться своего ребенка, — цитирую дословно, — «путем оперативного вмешательства в госпитале». В этом сообщении говорится, что роды женщины не немецкой национальности доставляют «не только трудности по использованию рабочей силы», но, сверх того, представляют «опасность народно-политического характера». Далее говорится, что управления трудовой повинности должны стремиться склонять беременных женщин не немецкой национальности к абортам.

В качестве еще одного доказательства эксплуатации рабочей силы следует привести инструкцию ландрата района Марбург (Марибор) от 12 августа 1944 г. Она посвящена вопросу охвата всех лиц, подпадающих под закон о трудовой повинности, для службы в германской армии и для принудительных работ. Этот закон должен был распространяться на все категории населения Нижней Штирии и притом не только на местное население, но и на голландцев, датчан, шведов, люксембуржцев, норвежцев и бельгийцев, находящихся в этой области».

Я перехожу сейчас к докладу правительства Польской республики, который представлен трибуналу советским обвинением под номером СССР-93. Предварительно следует отметить особую роль подсудимого Франка в организации угона польского населения на принудительный труд в Германию. Я позволю себе огласить несколько выдержек из документа, известного под названием дневника Франка, имеющегося в распоряжении трибунала под номером СССР-223.

На заседании руководителей отделов 12 апреля 1940 г. в Кракове Франк так формулировал свое отношение к полякам. (То место, которое я буду сейчас цитировать, находится на странице 62 тома документов, точнее — на обороте этой

страницы.) Цитирую:

«Под нажимом империи отныне сделано распоряжение о том, что так как на работу в Германскую империю добровольно поступает недостаточное количество рабочей силы, то должны быть приняты меры принуждения. Это принуждение означает возможность ареста поляков, как мужчин, так и женщин. К тому же возникли определенные волнения, которые, как явствует из отдельных отчетов, очень сильно распространяются и могут привести к трудностям во всех областях. Господин фельдмаршал Геринг в свое время указал на необходимость послать миллион рабочих в империю. До сих пор доставлено только 160 тысяч. Арест молодых поляков при выходе из церкви, кино или театра может привести ко все возрастающей нервозности среди поляков». Далее указывается, что — цитирую дословно: «Франк сам по себе ничего не имеет против того, чтобы забирать с улиц работоспособный, «шатающийся» элемент, но лучшим путем была бы организация облав. Вполне законно задержать поляка на улице и спросить его, что он делает, где он работает и т. д.».

В беседе с подсудимым Заукелем 18 августа 1942 г. подсудимый Франк говорил (я цитирую место, находящееся на странице 67 тома документов):

«Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день мы отправили в Германию свыше 800 тысяч рабочих.

Недавно вы ходатайствовали о посылке 140 тысяч рабочих. Счастлив официально сообщить вам, что в соответствии с нашим вчерашним соглашением 60 процентов этих новых поляков мы дадим до конца октября, а остальные 40 процентов — до конца года…

Кроме этих 140 тысяч, вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из Генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию».

Франк выполнил это обязательство, данное им подсудимому Заукелю.

4 декабря 1942 г. на совещании польских руководителей «Трудового фронта[140]» Генерал-губернаторства Франк в своем выступлении говорил:

«Вы знаете, что мы отправили в Германию свыше 940 тысяч польских рабочих. В этом отношении Генерал-губернаторство абсолютно и относительно стоит впереди всех европейских стран. Это исключительное усилие, и гауляйтер Заукель признает это».

После этого разрешите мне процитировать раздел доклада правительства Польской республики, озаглавленный «Угон населения на принудительные работы». Этот документ находится на страницах 72 и 73 тома документов. Я цитирую:

---

[140] «Германский трудовой фронт», DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

«а) ...уже 2 октября 1939 г. был издан Франком декрет относительно введения принудительных работ для польского населения в «Генерал-губернаторстве». На основании упомянутого декрета польское население было обязано работать в земледельческих предприятиях, при охране общественных зданий, постройке дорог, регулировании рек, шоссе н железнодорожных линий».

б) Следующий декрет от 12 декабря 1939 г. расширил круг обязанных к работе, включая в него детей от 14 лет, а декрет от 13 мая 1942 г. разрешил лагерям применять принудительную работу и за границами Генерал-губернаторства.

в) На основании этих декретов возникла практика, состоявшая в массовом увозе населения из Польши в Германию.

Во всем Генерал-губернаторстве, в городах и деревнях плакаты постоянно приглашали поляков отправляться «добровольно» работать в Германию. Однако в то же время каждому городу и деревне объявлялось, сколько рабочих следует доставить.

Результаты «добровольного» призыва приносили обыкновенно весьма сильное разочарование. В результате этого германские власти призывали людей лично или устраивали облавы на улицах, в ресторанах и в других местах и высылали схваченных таким образом людей прямо в Германию. Устраивались особые облавы на молодых рабочих обоего пола. В течение целых месяцев семьи не получали никаких известий от вывезенных таким образом, и лишь по истечении известного времени приходили открытые письма, описывающие скудные условия, в которых они были принуждены жить. Часто после многих месяцев рабочие возвращались домой в состоянии полной духовной депрессии и физического истощения.

Имеются конкретные доказательства, что во время этих принудительных работ тысячи мужчин были стерилизованы, а молодые девушки отправлялись в публичные дома.

г) Рабочих отправляли к немецким крестьянам обрабатывать их земли, на заводы или специальные принудительные работы в лагерях. Условия в этих лагерях были ужасны.

д) По оценкам, которые до сих пор удалось сделать, в одном только 1940 году 100 тысяч женщин и мужчин было отправлено в Германию в качестве рабочих.

е) К этой огромной армии рабочих рабов следует причислить также - тысячи поляков, увезенных из присоединенных территорий, а также 200 тысяч польских военнопленных, которые, согласно декрету Гитлера от августа 1940 года, были «освобождены» из лагерей только

для того, чтобы затем отправить их на принудительные работы в разные части Германии.

ё) Эти депортации продолжались в течение всех лет войны. Общее число таких рабочих дошло в одно время до 2 миллионов.

Точные цифры, очевидно, недоступны. Но, если принять во внимание, что, несмотря на весьма высокую смертность среди этих людей, ныне около 835 тысяч поляков зарегистрировано в Западной Германии, — оценка покажется правильной.

Вся глава, касающаяся депортации на принудительные работы, представлена здесь в крайне сжатой форме. Эти несколько строк скрывают историю сотен тысяч разрушенных польских семейств, трагедию, смерть и скорбь. История каждого из этих рабочих была непрерывной трагедией. Отцы, оставляющие свои семьи без средств, мужья — своих жен без возможности содержать себя и с небольшой надеждой на их возвращение. Число 2 миллиона скрывает море разбитых жизней, по крайней мере 10 процентов всего населения Польши.

Это было огромное преступление. Депортация и принудительные работы были явным нарушением законов ведения войны».

Доклад греческого правительства о зверствах немцев, представленный трибуналу под номером СССР-369, констатирует (я прошу обратиться к странице 74 тома документов):

«Как и на других оккупированных территориях, немцы в своей оккупационной политике в Греции руководствовались двумя определяющими факторами: максимальная эксплуатация ресурсов страны в интересах немецкой военной экономики и порабощение населения посредством методического террора и всеобщего угнетения. Немцы следовали своей двусторонней политике грабежа и мщения, тем самым нарушая всеми признанные законы».

В разделе доклада греческого правительства, носящем название «Набор рабочей силы», имеются два абзаца, которые я собираюсь огласить:

«Одной из проблем, с которой столкнулась немецкая администрация, явилась проблема набора рабочей силы. Все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет подлежало трудовой мобилизации. Забастовки были объявлены вне закона и карались суровым наказанием. Лица, которые организовывали забастовки и руководили ими, подлежали смертной казни. Забастовщиков судили военным судом.

Вначале немцы пытались навербовать греков для работ в Германии с помощью пропаганды и различных форм косвенного принуждения.

Они обещали им высокую заработную плату и лучшие условия жизни. Когда такой «добровольный» набор рабочей силы не дал желаемых результатов, они отказались от него и поставили рабочих перед дилеммой — ехать в Германию работать или быть взятыми в качестве заложников».

Совершенно аналогичные меры принудительного угона рабочей силы в Германию применялись фашистами и в Чехословакии.

Но особенно большой размах угон фашистскими преступниками в рабство мирного населения получил на временно оккупированных ими территориях Советского Союза. Я хотел бы сейчас кратко остановиться на подготовке гитлеровскими преступниками применения принудительного труда на временно оккупированных советских территориях.

Еще до начала военного нападения на Союз Советских Социалистических Республик в документе, известном трибуналу под названием «Зеленая папка» подсудимого Геринга (документ советского обвинения номер СССР-10), этой организации принудительного труда на советских территориях, которые собирались оккупировать военные преступники, была отведена целая глава, так и называвшаяся «Использование рабочей силы, привлечение местного населения».

В этой главе (это страницы 17—18 русского текста «Зеленой папки», которая имеется на странице 83 тома документов) декларируется принудительный характер труда для мирного советского населения.

В параграфах 1 и 2 пункта «а» раздела 2 главы под заголовком «Привлечение местного населения» указывается, что:

«Рабочие коммунальных предприятий – газ, вода, электричество, нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих установок, нефтехранилищ, а также неотложных служб в важной промышленности…принуждаются к продолжению их работы в нужных случаях под угрозой наказания».

Несколькими строками ниже говорится:

«В случае необходимости рабочие сводятся в рабочие колонны».

Уже в этой так называемой «Зеленой папке» было предусмотрено фактическое отсутствие оплаты принудительного труда советских граждан. Заранее предполагалось, что вопрос оплаты будет сведен к вопросу питания. Для фашистских рабовладельцев было важно, чтобы человек мог бы только работать, в остальном же они не были заинтересованы. На странице 18 русского текста «Зеленой папки», это страница 3 тома документов.

Председатель: Этот документ уже оглашался.

Зоря: По моим данным, эта часть документа не оглашалась. Это документ советского обвинения, который в целом был впервые оглашен в 1942 году в мае в ноте народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова.

Председатель: Если вы говорите, что он не оглашался, тогда, пожалуйста, продолжайте.
Зоря: На странице 18 русского текста «Зеленой папки» ссылку на то, что оплатой труда должно быть только питание, можно найти, по крайней мере, три раза. Я не стану задерживать внимание трибунала на этом документе и перейду к дальнейшему изложению.

Подсудимый Геринг, давший свое имя этой инструкции по ограблению Советского Союза, ибо иначе трудно назвать только что упоминавшийся мною документ, в дальнейшем также продолжал заниматься организацией принудительного труда на временно оккупированных территориях СССР.

Я представляю в качестве доказательства под номером СССР-386 документ, освещающий эту сторону деятельности подсудимого Геринга. Этот документ, вернее, два документа представляют собой запись совещания «Об использовании русской рабочей силы», состоявшегося с участием подсудимого Геринга 7 ноября 1941 г., и сопроводительное письмо к этой записи.

Первоначально этот документ был изготовлен в 10 экземплярах и разослан в 14 адресов, перечень которых, вы, господа судьи, сможете найти на странице 5 русского текста документа в конце препроводительного письма.

Препроводительное письмо к этой записи подписал доктор Рахнер — начальник военного управления хозяйственного штаба «Ост».

Запись совещания, о котором идет речь, составлена Норманом, который являлся, по-видимому, сотрудником этого аппарата.

Я считаю полезным для рассматриваемого нами вопроса огласить некоторые места этой записи. Цитирую страницу 6 русского текста документа, что соответствует странице 95 — 96 тома документов.

> «Совещание от 7 ноября 1941 г. «Об использовании русской рабочей силы». Рейхсмаршал дал следующее указание относительно использования русской рабочей силы:
>
> 1. Русские рабочие показали свою трудоспособность во время строительства гигантской русской промышленности, поэтому эта трудоспособность должна быть теперь использована на благо империи. В связи с наличием этого приказа фюрера все возражения отходят на задний план. Отрицательные стороны, которые может иметь использование этой рабочей силы, должны быть сведены к минимуму. Это является, в первую очередь, задачей разведывательных органов и полиции безопасности.
>
> 2. Русские в зоне боевых действий. Русских надо использовать преимущественно на строительстве шоссейных и железных дорог, для работы по расчистке, для разминирования и для строительства аэродромов. Значительная часть немецких строительных батальонов

должна быть расформирована (пример авиации), квалифицированных немецких рабочих надо направить в военную промышленность; копать землю и дробить камни — эта работа не для них, для этого есть русские.

3. Русские в областях, находящихся в ведении имперских комиссаров и в Генерал-губернаторстве. Должны соблюдаться правила, приведенные в пункте 2. Кроме того, следует больше использовать русских в сельском хозяйстве. Если нет машин, надо с помощью человеческих рук выполнять те требования, которые империя предъявляет сельскому хозяйству в восточном пространстве. Далее нужно предоставить достаточное количество местной рабочей силы для максимальной эксплуатации русских угольных месторождений.

4. Русские на территории империи, включая Протекторат. Количество используемой рабочей силы зависит от потребности. При учете потребности следует исходить из того, что рабочие других стран, которые мало производят и много едят, должны быть выселены из империи, а также из того, что в будущем немецкая женщина не должна так сильно использоваться в трудовом процессе. Наряду с русскими военнопленными надо использовать также свободную рабочую силу».

Я пропускаю одну страницу этого документа и остановлюсь на его седьмой странице. В середине текста этой страницы начинается раздел «б», озаглавленный «Свободные русские рабочие».

Мой коллега полковник Покровский уже упоминал о том, что гитлеровцы заносили в разряд военнопленных мирное население. Это, с одной стороны, давало им возможность в своих сообщениях в ходе военных действий искусственно увеличивать в пропагандистских целях количество солдат Красной Армии, будто бы взятых в плен, а с другой стороны, служило неисчерпаемым источником рабочей силы.

Раздел, о котором я только что упоминал, так и начинается: «Использование рабочих и обращение с ними должны быть на практике такими же, как и по отношению к русским военнопленным». Следует тут же отметить, что запись этого совещания оканчивается следующей установкой Геринга (это место находится на странице 98 тома документов):

«Мобилизация рабочих и использование военнопленных представляют собой единое мероприятие, и они должны организационно сочетаться друг с другом».

Возвращаясь к странице 7 той же записи, я должен сказать, что там содержится следующее красноречивое высказывание Геринга по вопросу об условиях труда русских рабочих и, в частности, об их зарплате…

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Генерал Зоря, не можете ли вы сообщить трибуналу, сумеете ли вы окончить представление материалов сегодня вечером?
Зоря: Мое намерение заключается в том, чтобы закончить сегодня.
Председатель: Очень хорошо.
Зоря: Я хотел бы огласить сейчас высказывания Геринга в только что представленном мною документе по вопросу об условиях труда русских рабочих и, в частности, об их зарплате. Цитирую:

> «В отношении условий труда свободных русских рабочих следует иметь в виду следующее:
> 1. Рабочий может получать немного карманных денег...
> 3. Поскольку его рабочая сила обходится предпринимателю дешево, следует обратить внимание на соответствующее финансовое обложение работодателя».

И дальше подсудимый Геринг дает следующее указание. Цитирую страницу 8 русского текста документа, раздел «В», пункт 6:

> «Использование русских ни в коем случае не должно вести к нарушению принципа зарплаты в восточном пространстве. Все финансовые мероприятия в этой области должны исходить из того положения, что минимальная зарплата на Востоке, согласно категорическому указанию фюрера, является предпосылкой для покрытия военных расходов и военных долгов империи после окончания войны.
> Нарушения этого положения должны наказываться строжайшим образом».

Затем следуют две строки, которые представляют интерес не только с точки зрения обвинения подсудимого Геринга в применении системы принудительного труда. Высказавшись столь категорично против «нарушений принципа зарплаты на восточном пространстве», Геринг заявил на этом же совещании: «То же самое относится, естественно, ко всякому поощрению «социальных устремлений» на русской колониальной территории».

Сопроводительное письмо к записи этого совещания состоит из комментариев к ней, которые не вносят ничего принципиально нового к тому, что уже было доложено трибуналу. Поэтому я не стану цитировать это письмо.

Следующим документом, который я считаю необходимым представить трибуналу и просить принять его в качестве доказательства под номером СССР-379, является приказ Геринга от 10 января 1942 г. Я процитирую только 18 первых

строчек этого приказа Геринга, которые находятся на странице 100 тома документов:

> «В течение ближайших месяцев использование рабочей силы приобретает еще большее значение. С одной стороны, военная обстановка обусловливает необходимость передачи армии всех мужчин молодых возрастов для выполнения стоящих перед ней задач.
>
> С другой стороны, в военную промышленность и в другие отрасли военного хозяйства, а также в сельское хозяйство должна быть направлена рабочая сила, в которой они испытывают острую необходимость. В решении этой проблемы играет большую роль использование военнопленных, в особенности из Советской России.
>
> Мероприятия, которые будут предприняты в этой области, только при наличии единого руководства смогут увенчаться успехом, для достижения которого я использую все средства.
>
> В связи с этим я предоставил моей группе по использованию рабочей силы, которая еще раньше ведала вопросами использования рабочей силы в рамках четырехлетнего плана, неограниченные права в области руководства всеми мероприятиями по использованию рабочей силы...»

В дальнейшем, господа судьи, преступная деятельность фашистских заговорщиков в области организации и распространения системы принудительного труда приняла столь огромные размеры, что указом Гитлера от 21 марта 1942 г. было создано специальное ведомство подсудимого Заукеля, который развернул эту деятельность весьма широко. Но на этих справках исторического характера, о которых уже говорили наши американские, английские и французские коллеги, я дальше останавливаться не буду.

Органическая связь фашизма с системой рабского принудительного труда особенно видна в той роли, которую играли в этой области не только аппарат фашистского государства, но и сама фашистская партия. Я хотел бы сейчас передать в распоряжение трибунала несколько документов, которые дают представление об этом.

Я представляю трибуналу под номером СССР-365 печатное издание, носящее название: «Ведомости по четырехлетнему плану. Генеральный уполномоченный по использованню рабочей силы». Этот документ находится на странице 101 тома документов. На переданном мною экземпляре ведомости стоит порядковый номер 1 и указана дата — 1 мая 1942 г. На первой странице ведомостей опубликован указ Гитлера от 21 марта 1942 г. о назначении Заукеля на должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. На второй странице напечатан приказ подсудимого Геринга от 27 марта того же года, определяющий место генерального уполномоченного по использованию рабочей

силы в общей системе аппарата четырехлетнего плана. И на третьей странице этих ведомостей содержится программный документ Заукеля, составленный им ко «дню рождения фюрера» в 1942 году.

Господа судьи! Перечисленные документы уже были представлены американским обвинением. Но я прошу вас обратить внимание на страницу 17 русского перевода, там находится документ, являющийся приказом подсудимого Заукеля от 6 апреля 1942 г. за № 1. Этот приказ представляется впервые. Он озаглавлен: «О назначении гауляйтеров уполномоченными по использованию рабочей силы в областях». Начинается этот приказ следующим образом. Цитирую:

> «Настоящим приказом я назначаю гауляйтеров НСДАП моими уполномоченными по использованию рабочей силы в подведомственных им областях.
>
> В их задачи входит:
>
> 1. Обеспечение бесперебойного взаимодействия всех государственных, партийных, военных и хозяйственных инстанций для достижения максимального эффекта в области использования рабочей силы».
>
> Я опускаю некоторые пункты.
>
> «4. Проверка результатов использования всех иностранных рабочих и работниц. На этот счет будут даны специальные указания.
>
> 5. Проверка исполнения распоряжений о питании и размещении всех иностранных рабочих и используемых на работе военнопленных, а также об обращении с ними».

В своей же программе по использованию рабочей силы, представленной, как я уже указал, ко дню рождения Гитлера в 1942 году, подсудимый Заукель писал – эту часть программы зачитывало под протокол обвинение Соединённых Штатов; она на странице 105 документальной книги:

> «4. В связи с этим генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы будет располагать минимальным кругом личных сотрудников, опираясь исключительно на поддержку соответствующих партийных, государственных и хозяйственных организаций.
>
> 5. С согласия фюрера и господина рейхсмаршала Германской империи, а также руководителя партийной канцелярии генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы назначил всех гауляйтеров Германской империи своими уполномоченными.
>
> 6. Уполномоченные по использованию рабочей силы используют в своих областях подчиненные им партийные учреждения. Руководители всех высших областных государственных и хозяйственных учреждений информируют и консультируют

гауляйтеров по всем важнейшим вопросам использования рабочей силы.

Наиболее важным является участие: Президента провинциального трудового управления, Уполномоченного по труду провинциального крестьянского руководителя, Областного хозяйственного советника, Областного руководителя немецкого «Трудового фронта», Областной женской руководительницы, Областного руководителя «гитлеровской молодежи», Руководителя внутреннего и общего управления в особенности если управление сельского хозяйства находится в его компетенции.

7. Первейшей и важнейшей задачей гауляйтеров, как уполномоченных по использованию рабочей силы в своих областях является, таким образом, обеспечение наилучшего взаимодействия всех учреждений своей области, принимающих участие в мерах по использованию рабочей силы».

В этом же документе Заукель неоднократно обращается к гауляйтерам с просьбой об оказании ему всемерной и всесторонней помощи. Я остановлю ваше внимание, господа судьи, только на одном из высказываний Заукеля в этом документе. Он сообщает о решении Гитлера отправить «в империю для помощи немецкой крестьянке из восточных областей около 400 — 500 тысяч отборных здоровых и сильных девушек», чтобы отказаться от трудовой повинности для немецких женщин и девушек. Видимо, для того, чтобы придать больший вес аргументации этого мероприятия, Заукель писал: «Я прошу вас верить мне, как старому фанатическому национал-социалистскому гауляйтеру, что другого решения, в конечном счете, быть не могло».

Насколько велика была роль фашистской партии в организации рабского принудительного труда и как далеко в этом направлении проникла эта партия, показывает следующий документ, который я представляю трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-383. Этот документ является письмом подсудимого Заукеля от 8 сентября 1942 г. и называется: «Специальные мероприятия генерального уполномоченного по использованию рабочей силы по отправке восточных работниц для оказания помощи многодетным домашним хозяйствам в городах и сельских местностях».

Я впоследствии позволю себе еще раз обратиться к этому документу. Пока же я хочу обратить внимание на то его место, которое имеет прямое отношение к роли фашистской партии в этом мероприятии. На странице 3 русского текста представленного мною документа есть раздел, озаглавленный: «Организация выбора домашних хозяйств».

Председатель: Разве имеет значение то обстоятельство, что женщины были направлены в дома, куда их не должны были направлять, а также важно ли нам

знать, имела ли право та или иная немецкая женщина на получение работницы или нет? Мне кажется, что основное — это то обстоятельство, что их насильно угоняли.

Зоря: Я как раз имел в виду сократить до минимума то место, о котором вы только что сказали. Но я сейчас говорю о другом. Я хочу показать, какую роль фашистская партия играла в деле организации рабства внутри самой Германии и, в частности, в распределении тех женщин из Советского Союза, которые были доставлены с этой целью в Германию. Здесь содержатся два небольших документа, которые я считаю необходимым доложить трибуналу. Обо всем же остальном, касающемся режима, о котором здесь достаточно было сказано и американским и английским обвинителями, я говорить не собирался.

Я хочу остановиться на том месте этого документа, которое говорит о том, что заявки на предоставление восточной работницы для работы в домашнем хозяйстве проверяются трудовым управлением в отношении степени нуждаемости домашнего хозяйства в домашней работнице, а затем направляются на утверждение соответствующего руководителя НСДАП (окружного руководителя). В случае, если окружной руководитель возражает против предоставления домашнему хозяйству работницы, трудовое управление отказывает просителю в направлении ему восточной работницы или, соответственно, — в разрешении на использование таковой. Мотивировка при этом не приводится, решение является окончательным.

Дальше идет форма заявки. Это вы найдете в приложении к документу СССР-383. В этой заявке приводятся краткие анкетные данные о семье того, кто собирается использовать в своем хозяйстве домашнюю работницу. В этой же самой заявке дается форма ответа соответствующей организации фашистской партии о том, можно или нельзя использовать восточную рабыню в этом хозяйстве.

Я прошу также трибунал обратить внимание на другое приложение к документу СССР-383. Это приложение озаглавлено как памятка домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских хозяйствах. Об этой памятке упоминал уже господин Додд. Я не собираюсь о ней подробно говорить, и обращаю внимание трибунала на подзаголовок который находится на странице 133.

Я прошу только обратить внимание на подзаголовок этой памятки рабовладельца.

В скобках в этом подзаголовке сообщается, что памятка издана генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы по согласованию с начальником партийной канцелярии и другими соответствующими инстанциями. Точнее сказать трудно. В Германии томились миллионы иностранных рабов. Рабовладельцем немец мог стать с разрешения и под присмотром фашистской партии. По-видимому, это тоже был один из элементов «нового порядка» в Европе.

Я считаю необходимым также сослаться на приказ подсудимого Геринга от 27 марта 1942 г. Я не представляю этого документа (СССР-365), поскольку он

уже имеется в распоряжении трибунала. В этом приказе говорится:

> «Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы пользуется для решения своих задач предоставленным фюрером правом отдавать распоряжения высшим имперским инстанциям, подчиненным им учреждениям, а также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ним организациям...»

Этот приказ подсудимого Геринга не только устанавливает особую роль фашистской партии в проведении принудительной системы труда, но и подчеркивает также чрезвычайные полномочия подсудимого Заукеля в этой области.

Документы, на которые я ссылался до сих пор, дают основания советскому обвинению утверждать, что фашистская партия в общей системе фашистского государства стояла в центре всех мероприятий по организации рабского, принудительного труда.

Я хотел бы сейчас остановиться на роли главного немецкого военного командования в организации принудительного труда и угона в рабство советских людей. В этой связи я представляю трибуналу под номером СССР-367 документ ОКХ относительно (я прибегаю к терминологии самого документа) «мобилизации русской рабочей силы для империи». Прошу обратиться к странице 138 тома документов, на которой находится этот документ.

Прежде всего я попрошу взглянуть на адрес, из которого исходит документ. В верхнем левом углу первого листа обозначено: «Главное командование сухопутных сил, генеральный штаб сухопутных сил, генерал-квартирмейстер, отдел военного управления, № II 3210/42», гриф — «секретно». В правом верхнем углу помечено: «Ставка главного командования, сухопутных сил, 10 мая 1942 г.» и снова гриф — «секретно». После заголовка документа указано:

> «Основания: ОКХ Gen Qu/Ec/II № 2877/42, секретно, от 25.4.1942 г.;
> ОКХ, Gen Qu/ отдел военного управления 3158/1942 г., секретно, 6 мая 1942 г.».

Таким образом, документ, который я собираюсь здесь процитировать, исходит из ОКХ и базируется на ранее изданных приказах ОКХ. В конце этого документа имеется перечень адресов, в которые он был разослан. Я не буду подробно цитировать этот перечень, так как он не оставляет сомнений в исполнителях указаний, содержащихся в представленном документе. Этими исполнителями являлись военные инстанции.

Теперь следует перейти к содержанию представленного документа. Прежде всего, что заставило ОКХ издавать подобного рода документы? Ответ на этот вопрос содержится в первом абзаце документа, который я сейчас оглашу. Читаю:

> «Назначенный фюрером генеральный уполномоченный по

использованию рабочей силы гауляйтер Заукель... в связи с возросшей потребностью империи в военной технике и вооружении для удовлетворения нужд немецкой военной промышленности и всего военного хозяйства распорядился об ускорении темпов мобилизации русской рабочей силы и ее отправки в империю и о значительном увеличении количества мобилизуемых рабочих.

Для выполнения этой задачи…необходима поддержка военных и местных гражданских организаций (полевых комендатур, местных комендатур, сельскохозяйственных управлений хозяйственного штаба «Восток», районных управлений, бургомистров и т. д.). Речь идет о мероприятии, имеющем решающее значение для исхода войны. Положение с рабочей силой в империи настоятельно требует, чтобы указанные мероприятия были осуществлены немедленно и в широком масштабе. Это должно стать важнейшей обязанностью всех организаций».

Следующие два абзаца документа объединены в один раздел под названием «Первоочередность удовлетворения потребности в рабочей силе армии и хозяйства на Востоке». Он содержит в себе следующие указания:

«Непосредственные потребности армии в рабочей силе должны удовлетворяться в первую очередь по сравнению с мобилизацией для империи в тех случаях, когда речь идет о действительно неотложных и постоянных потребностях. Размер потребностей войск определяют штабы армий, командующие фронтовыми районами и войсковые командиры. При этом следует, однако, учитывая острую нехватку рабочей силы в империи, строжайшим образом проверять установленные размеры собственной потребности войсковых частей в рабочей силе».

Председатель: Не будет ли достаточным сказать, что этот документ предусматривает ускорение мобилизации рабочей силы и рабский труд для военных потребностей империи? Разве в нем говорится что-нибудь еще?

Зоря: Совершенно правильно, господин председатель. Это будет достаточно, если прибавить, что этот документ содержит не только требование об ускорении мобилизации рабочей силы, но и требование непосредственного участия в этой мобилизации военных инстанций, которые должны были выделить соответствующий аппарат.

Я перехожу к следующему документу, который я имею в виду представить трибуналу.

Было бы неправильно думать, что ОКХ отдавало только подобного рода указания общего характера. В июле 1941 года подсудимый Кейтель узнал, что

подразделения организации Тодта[141] в районе Львова выплачивают рабочим из местного населения зарплату по 25 рублей. Это обстоятельство возмутило Кейтеля. Немедленно Тодту было сделано соответствующее внушение. И вот появился документ, который я представляю трибуналу под номером СССР-366.

В этом документе имперский министр прямо ссылается на то, что генерал-фельдмаршал Кейтель выразил свое недовольство тем, что подразделения организации Тодта, находящиеся в окрестностях Львова, выплачивают местным рабочим зарплату в размере 25 рублей и что эти подразделения используют фабрики.

Тодт указывает, что во время своей последней поездки он разъяснил всем сотрудникам, что на русской территории действуют другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе. Он категорически запрещает выплачивать какие бы то ни было суммы. Заканчивается этот документ следующими словами:

> «Платежи, которые не соответствуют этим принципам, возмещаться не будут.
>
> Данный приказ должен быть доведён до сведения всех подчинённых отделов распределения рабочей силы и до всех фирм.
>
> Подписано. Доктор Тодт[142]».

Германское правительство и военное командование давало указания о привлечении для производства опасных для жизни работ мирных советских граждан. Об этом говорил Геринг на совещании 7 ноября 1941 г. Теперь я представляю документ под номером СССР-106. Это перевод директивы Гитлера, подписанной им 8 сентября 1942 г. Директива касается применения труда для строительства оборонительных сооружений на Восточном фронте. Документ этот изъят из германских архивов, захваченных союзными армиями на западе. В препроводительной к этому документу указывается, что он «является особо секретным документом, копии которого будут разосланы по штабам и дивизиям, и их, по рассмотрении, надлежит вернуть в штаб армии и уничтожить».

На второй странице документа приводится директива Гитлера. Оглашаю ее:

> «Штаб, 8 сентября 1942 г.
>
> Тяжелые оборонительные сражения в районе Центральной группировки армии и на севере принуждают меня к опубликованию моих взглядов на некоторые основные существенные черты обороны».

Затем следуют параграфы 1 и 2 на страницах 1—7, которые касаются общих принципов обороны, они нас сегодня не интересуют. На странице 178 тома документов имеется следующее место, которое я оглашаю.

---

[141] Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего Рейха. Организация названа А. Гитлером по имени возглавившего её Фрица Тодта с 18 июля 1938 года.

[142] Фриц Тодт (1891 — 1942) — государственный и политический деятель Германии, рейхсминистр вооружения и боеприпасов (1940—1942), обергруппенфюрер СА, генерал-майор Люфтваффе.

«Враг прибегает к сооружению позиций в гораздо большей степени, чем наши собственные войска. Я знаю, что на это скажут, что враг располагает гораздо большим количеством труда для сооружения таких позиций, чем мы. Поэтому является абсолютно необходимым, чтобы мы применяли со всей возможной энергией всех военнопленных и весь наличный местный труд для этих работ. Таким путем можно уберечь немецкого солдата от всего труда по сооружению защитных укреплений за фронтом для того, чтобы освободить его для его собственных задач и сохранить его для них со свежими силами. Часто в этом направлении не применяется достаточной беспощадности и применяемая беспощадность не того характера, которого требует борьба за существование в настоящий момент...» И далее: «Во всех отношениях гуманнее заставить русское население работать, применяя все средства, чем жертвовать нашим наиболее ценным сокровищем — нашей собственной кровью».

Подписана эта директива Гитлером.

Частями Красной Армии был также захвачен приказ немецких оккупационных властей, ссылающийся на указания военного командования об использовании принудительного труда в прифронтовой полосе. Я представляю этот документ под номером СССР-407. Я считаю возможным огласить из него только несколько фраз. Цитирую:

«Приказ: На основании указаний начальника штаба верховного командования о трудовой повинности и посылке на работу в прифронтовой полосе вновь занятой территории Востока от 6 ноября 1943 г. все население женского пола рождения 1924 и 1925 гг. подлежит отправке на работу в Германию».

Пункт 5 этого приказа предусматривает, что не выполнившие распоряжения о явке в установленные сроки будут привлечены к ответственности как саботажники по законам военного времени.

Я суммирую этот раздел.

Верховное командование германскими вооруженными силами и подсудимый Кейтель принимали непосредственное участие в осуществлении системы рабского принудительного труда и для достижения этой преступной цели самым широким образом использовали весь аппарат военного управления снизу доверху.

Я прошу Вас, господа судьи, обратиться к следующему документу, который я представлю под номером СССР-381.

Председатель: Генерал, последний приказ был приказом Кейтеля? Он видимо подписан начальником генерального штаба военного командования.

Зоря: Это не приказ Кейтеля. Это документ, который был представлен как

экземпляр СССР-381 под названием «Инструкция экономическим отделам», рабочего отдела по использованию рабочей силы на Востоке».

Председатель: Я думал, вы сказали, что это был Кейтель.

Зоря: Предыдущий документ, который был представлен трибуналу на самом деле один из приказов Кейтеля, но я хочу поговорить об инструкции. Я прошу вас, господа судьи, обратить внимание на дату этой инструкции — 26 января 1942 г. В этой инструкции, на странице 150 документальной книги, указывается, что надежды, которые рейхсмаршал возлагает на управление по использованию рабочей силы, должны во что бы то ни стало оправдаться.

> «Задачей хозяйственных организаций и управлений по использованию рабочей силы на Востоке является заполнение в ближайшие месяцы бреши в хозяйстве, возникшей благодаря уходу в армию людей младшего призывного возраста, посредством поголовной вербовки русской рабочей силы. Это является решающим для войны и поэтому должно быть достигнуто. Если число добровольцев не оправдает ожиданий то, согласно приказанию, во время вербовки следует применять самые строгие меры».

Американским обвинителем был представлен документ советского обвинения под номером СССР-381, носящий название «Указание по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящегося в империи».

Я не собираюсь вновь цитировать этот документ и считаю необходимым только указать…

Нельте: Председатель только, что спрашивал о документе СССР-407 и обвинитель представил его как документ Кейтеля. Я только сейчас нашел его. Если речь идет о том же документе, который помечен у меня СССР-407, то этот документ подписан местным командованием и начальником трудового управления.

Скажите, пожалуйста, это тот документ, который был представлен под номером СССР-407?

Председатель: Я уже сказал, — не правда ли? — что этот приказ Кейтелем не подписан. Я уже сказал это.

Нельте: Но господин обвинитель на это повторно указал, что документ 407 представляет собой приказ Кейтеля. Поэтому я и хотел сейчас выяснить этот вопрос.

Зоря: Может быть, трибунал разрешит мне внести некоторую ясность. По-видимому, недоразумение возникло в силу затруднения с переводом. Я говорил о том, что частями Красной Армии был захвачен немецкий приказ, и добавил: приказ немецких оккупационных властей, — это можно сверить по стенограмме, — который ссылался на приказ Кейтеля об использовании принудительного труда в прифронтовой полосе. Приказ этот начинается следующими словами: «На основании указаний начальника штаба верховного командования о трудовой повинности и посылке на работу в прифронтовой полосе вновь занятой территории

Востока от 6 ноября 1943 г. ...» и т. д. Я не буду цитировать дальше.

Если я попрошу трибунал вернуться к документу, который я предъявил ранее как документ главного командования сухопутных сил за номером II/3210/42 от 1942 года, то я должен сказать, что там ссылка была на соответствующие приказы верховного командования вооруженными силами о мобилизации рабочей силы на Востоке. Приказ оккупационных властей, который я представил под номером СССР-407, ссылается на один из таких приказов. Тут совершенно ясно сказано, что «на основании указаний начальника штаба верховного командования». В качестве такового я и представил этот приказ.

Председатель: Боюсь, я вас не понимаю. Перевод, который дошёл до меня был таким: «Части Красной армии захватили копию немецкого указа, который упоминал приказ Кейтеля о принудительном труде в боевой зоне» и далее о том, что лиц отказавшихся работать будут считать саботажниками. Этот документ представлен как экземпляр СССР какой-то.

Будет полезнее прочесть несколько фрагментов из него: «По приказу начальника генерального штаба военного командования от 6 февраля 1943 по вопросу принудительной трудовой службы…в боевой зоне» - и затем идёт речь о лицах которые не уклоняются, чтобы считать их саботажниками.

Что же, я подумал, что вы сказали о том, что начальником генерального штаба военного командования был Кейтель. Он являлся начальником ОКВ. Вы настаиваете на том, что он был начальником военного командования?

Зоря: Я цитирую только то, что находится в документе: «В соответствии с правилами начальника генерального штаба военного командования». Так в документе, и не хочу к этому ничего добавлять.

Председатель: Я думаю, что не следует больше занимать время рассмотрением этого вопроса.

Зоря: Я возвращаюсь к тому документу, на котором я остановился. Этот документ, который носит название «Указание по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящегося в империи». Я не буду цитировать этот документ, а укажу только, что он устанавливает для восточных рабочих специальный режим в закрытых лагерях под охраной часовых и начальника лагеря. Он запрещал восточным рабочим нормальный режим жизни вплоть до того, что им запрещалось посещение церкви, общественных мест и они обязаны были носить специальный знак — прямоугольник с бледно-голубой окантовкой, где было написано на синем фоне белым слово «Ост».

В «Памятке» домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских домашних хозяйствах было указано:

> «Всякий иностранец по личному поведению и политическим взглядам каждого немца судит об убеждениях нашего народа. Иностранные рабочие должны видеть в домашней хозяйке и в членах ее семьи

достойных представителей немецкого народа».

Далее указывается, что:

«…если в исключительных случаях в одном и том же домашнем хозяйстве используются одновременно немецкие домашние работницы и восточные работницы, то немецкой домашней работнице следует поручить преимущественно обслуживание семьи, а также надзор за восточной работницей. Немецкие работницы должны быть во всех отношениях в привилегированном положении».

На восточных работниц не распространялись общие условия труда. Точнее, их труд ничем не регламентировался, кроме усмотрения рабовладельца. Это нашло свое выражение в параграфе 4 того же раздела «Памятки». Цитирую:

«Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве в империи, находятся в специфических трудовых условиях. Немецкие положения, касающиеся условий труда и правил охраны труда, относятся к ним лишь постольку, поскольку на этот счет будут даны специальные указания».

Характер этих специальных указаний может быть усмотрен в параграфе 9 раздела «В» «Памятки», где прямо указывалось, что:

«…права на свободное время восточные работницы не имеют. Восточные работницы не имеют права находиться за пределами домашнего хозяйства без каких-либо обязанностей, связанных с потребностью этого домашнего хозяйства... Посещение ресторанов, кино, театров и других заведений запрещается».

В параграфе 10 этой «Памятки» указывалось:

«...Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время».

Параграф 12 «Памятки» устанавливает, что:

«немец не должен жить в одной комнате с восточной работницей…»

А в параграфе 14 указывалось, что:

«…одежда, как правило, восточной работнице не предоставляется».

Эти два документа, только что упоминавшиеся мною, — инструкция об обращении с иностранными рабочими и «Памятка» об использовании восточных работниц — отражают нечеловеческие условия труда насильственно мобилизованных советских людей. Советское обвинение располагает многочисленными документами, а также показаниями людей, испытавших на себе ужас фашистского рабства. Простой перечень этих материалов занял бы очень много времени. Советское правительство уже в начальный период войны против фашистской Германии имело в своем распоряжении многие доказательства преступлений фашистских заговорщиков такого рода.

Первым документом, который исходил от советского правительства,

являлась нота народного комиссара иностранных дел СССР, Молотова от 6 января 1942 г., которая была представлена трибуналу советским обвинением под номером СССР-51/2. В этой ноте отмечалось, что:

> «Мирных жителей, насильно отправленных на принудительные работы, германские власти объявляют «военнопленными» и приравнивают по режиму содержания к таковым. Установлено, что в донесениях штабов германской армии попавшие в руки немцев крестьяне и другие мирные жители, угоняемые на принудительные работы, автоматически зачисляются в категорию «взятых военнопленных», чем искусственно и незаконно увеличивают число «военнопленных»... Близ города Плавска Тульской области был организован лагерь, где совместно содержались военнопленные и гражданское население из окрестных деревень. Там советские мирные жители подвергались нечеловеческим истязаниям и мукам. Среди заключенных имелись и подростки, и старики, и женщины. Питание составляли две картофелины в сутки. Смертность в лагере достигала 25 — 30 человек в сутки.
>
> После занятия Киева немцы сгоняли на работу все гражданское население от 11 до 60 лет, без различия профессий, пола, состояния здоровья и национальности.
>
> Больных, которые были не в состоянии держаться на ногах, за пропущенные дни работы немцы штрафовали.
>
> В Харькове немецкие оккупанты решили поиздеваться над местной украинской интеллигенцией. 5 ноября 1941 г. было дано распоряжение всем актерам явиться для регистрации в здание театра имени Шевченко. Когда артисты собрались, они были окружены немецкими солдатами, которые запрягли их в повозку и погнали по самым людным улицам к реке за водой».

Вторым документом советского правительства является нота народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. Эта нота представлена трибуналу под номером СССР-51. Раздел III этой ноты озаглавлен «Установление рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР и увод гражданского населения в «плен». В этой ноте указывалось, что:

> «…на Украине и в Белоруссии немцы ввели 14- и 16-часовой рабочий день, в большинстве случаев без всякой оплаты, а в некоторых случаях с издевательски низкой оплатой…
>
> В секретной инструкции «Об актуальных задачах в восточных областях», захваченной частями Красной Армии в начале марта 1942 года, начальник военно-экономической инспекции группы армий «Центр» генерал-лейтенант Вейганд признает, что:

оказалось невозможным поддержать промышленное производство работой полуголодных и полураздетых людей», что «обеспечение денег и товарный кризис совпадают с опасным недостатком доверия к германской власти со стороны местного населения» и что это «чревато совершенно недопустимыми в тылу сражающихся войск опасностями для спокойствия оккупированных областей», которые германский генерал в этом же документе осмеливается назвать «нашими новыми восточно-колониальными владениями.

Признавая, что полный развал промышленного производства в оккупированных областях привел к массовой безработице, германский генерал Вейганг дает следующее указание об ускорении насильственной отправки в Германию русских, украинских, белорусских и других местных рабочих:

Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии.

В захваченном частями Красной Армии приказе предписывалось привлекать к различным тяжелым работам все гражданское население оккупированных областей, причем устанавливалось, что этот принудительный труд не должен оплачиваться, и нагло заявлялось о том, что бесплатной работой население искупит «свою вину за уже совершенные акты саботажа, а также за акты саботажа, которые могут быть совершены в будущем».

В Калуге 20 ноября 1941 г. за подписью германского коменданта майора Портациуса было расклеено «Объявление», которое гласило:

«1. Граждане, которые будут работать лениво или не работают назначенное количество часов, будут приговариваться к денежному штрафу. В случае неуплаты виновные будут подвергнуты телесным наказаниям.

2. Граждане, которые были назначены на работу и не явились на нее, будут подвергнуты телесному наказанию и не получат продовольственной помощи от города.

3. Граждане, которые вообще уклоняются от работы, будут, кроме того, высылаться из Калуги. Боящиеся работы граждане будут соединены в рабочие отряды и колонны и будут помещены в казармы; им придется работать на тяжелых работах».

Нота также отмечает, что земля будет передана немецким

землевладельцам. Это было установлено земельным законом, который был принят в конце апреля 1942 гитлеровским гауляйтером Альфредом Розенбергом.

Я перехожу к следующей ноте народного комиссара иностранных дел СССР Молотова, которая была опубликована спустя год после ноты от 27 апреля 1942 г.

11 мая 1943 г. народный комиссар иностранных дел СССР Молотов направил всем послам и посланникам всех стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения, ноту «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии». Эта нота представлена трибуналу в качестве доказательства под номером СССР- 51/4.

Я считаю необходимым огласить отдельные цитаты из этой ноты. На странице 165 тома документов имеется ссылка на уже цитировавшееся мною выступление Геринга на совещании 7 ноября 1941 г. Я не буду вновь повторять всего того, что говорил Геринг на этом совещании. Я сошлюсь на то, что Геринг издал кровожадный приказ не щадить советских людей, пригнанных в Германию, и расправляться самым жестоким образом, под любым предлогом. Этот приказ содержится в упомянутой ноте. Он гласит следующее:

> «При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».

31 марта 1942 г. Заукель протелеграфировал следующий приказ:

> «Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда».

В распоряжении советского правительства имеется полный текст доклада начальника политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове «О положении в городе Харькове с 23 июля по 9 сентября 1942 г.».

> «Вербовка рабочей силы, — говорится в этом докуменге, — доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки... О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи».

Господа судьи, я должен отметить, что подсудимый Заукель в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы активно проводил преступную деятельность, как об этом и указывается в только что представленной

мною ноте народного комиссара иностранных дел. 31 марта 1942 г. Заукель разослал по своим подчиненным инстанциям телеграфные указания об использовании русских и работе вербовочных комиссий. Я представляю эту телеграмму Заукеля трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-382. В этой телеграмме Заукель пишет:

> «Ход мобилизации должен быть немедленно и при всех условиях усилен, чтобы в кратчайший срок, то есть уже в апреле, могло быть обеспечено увеличение количества отправляемой рабочей силы в три раза».

Усердие Заукеля было оценено подсудимым Герингом в то время, когда он был уполномоченным по четырехлетнему плану. Я ссылаюсь теперь на совещание, которое проводил Геринг 6 августа 1942 г. Этот документ под номером СССР-170 уже был представлен советским обвинением трибуналу. Я прошу обратиться к страницам 12 — 13 этого документа, странице 184 тома документов. Геринг выступил со следующими словами: «К этому я должен сказать. Я не хочу хвалить гауляйтера Заукеля, в этом он не нуждается».

Председатель: Все это оглашалось вчера, именно эти слова приводились вчера.

Зоря: Господин председатель, мой коллега, огласивший в основном этот документ, именно это место не оглашал.

Председатель: Но я все-таки думаю, что он оглашал этот отрывок, который имеется в вашем документе: «Я не хочу хвалить гауляйтера Заукеля, в этом он не нуждается...» Он, несомненно, ссылался на отрывок, который вы сейчас пересказали нам суммарно — о Лозе.

Зоря: Я не смею спорить, но у меня были сведения, что этот отрывок не оглашался. Я могу не оглашать этот отрывок.

Председатель: Да, вы, может быть, правы. Я не уверен.

Зоря: Тогда я оглашу его очень кратко:

> «Я не хочу хвалить гауляйтера Заукеля, в этом он не нуждается. Но то, что он сделал в короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем господам, что, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гауляйтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, которые возложены на вас. Это мое искреннее убеждение, а отнюдь не красивые слова».

Я возвращаюсь к ноте народного комиссара иностранных дел Советского Союза В.М. Молотова от 11 мая 1943 г. В этой ноте приводятся данные о количестве советских людей, угнанных в Германию. В этой ноте указано, что угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии

захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотящихся за ними работорговцев. Перечисляется, что в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, в Полтаве повесили 65 железнодорожников. То же самое и в других городах — казни, расстрелы и повешения применялись в таких же размерах.

Председатель: Как я понял вас, в начале вашей речи вы заявили, что намереваетесь сегодня закончить свое выступление. Однако сейчас уже пять минут пятого, есть какие-нибудь шансы на то, что вы сегодня закончите?

Зоря: Если бы меня не прерывала защита в течение десяти минут в связи с дискуссией по поводу приказа немецких оккупационных властей, то этого времени было бы мне достаточно, чтобы закончить выступление.

Председатель: Сколько, вы думаете, вам еще понадобится времени?

Зоря: Максимум десять минут.

Председатель: Хорошо.

Зоря: В этой ноте указывалось, что советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывали рабовладельцам и их агентам сопротивление. Рост партизанского движения в связи с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство признавался в ряде секретных донесений германского военного командования.

В ноте приведен целый ряд показаний советских людей, вырвавшихся из немецкой неволи. Я приведу лишь одно из таких показаний — показания колхозницы Варвары Бахтиной из села Николаевка Курской области, которая рассказала:

> «В Курске нас впихнули в телятник по 50 — 60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпускал нам подзатыльники. Во Львове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3 тысячи человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод».

Далее, в третьем разделе этой ноты, описывался режим, в котором содержались советские граждане в немецкой неволе. В этом же разделе ноты приводятся высказывания Геринга о русских рабочих. В упоминавшихся выше указаниях Геринг говорил:

> «Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

Наконец, в ноте приводились многочисленные письма самих немцев, адресованные солдатам на Восточном фронте, в которых описывались издевательства, творимые над советскими рабочими. Я приведу выдержку из одного такого письма. У убитого немецкого солдата 221-й немецкой пехотной дивизии Вильгельма Бока найдено письмо от его матери из Хемница. В этом письме говорится:

«Много русских женщин и девушек работает на фабриках «Астра Верке[143]». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что они буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны плетьми. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России».

В письмах сообщают о массовых случаях самоубийств русских женщин и мужчин.

Заканчивается нота заявлением советского правительства о том, что оно возлагает ответственность за эти зверства прежде всего на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армией. Цитирую:

«Советское правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведают набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию... Советское правительство считает, что столь же суровую ответственность... должны понести такие уже изобличенные преступники, как... Фриц Заукель…, а также... Альфред Розенберг...»

И, наконец, в ноте указывалось, что:

«Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство».

Этим кончается нота народного комиссара Молотова. Позвольте мне завершить своё выступление такими же словами.

Председатель: Трибунал отложен.

---

[143] Акционерное общество «Предприятие Астра» - немецкая фирма занимавшаяся производством вычислительной и офисной техники. Существовало в 1921 – 1993.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 23 февраля 1946*]

День шестьдесят шестой

Суббота, 23 февраля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Перед тем как мы рассмотрим ходатайства, я оглашу распоряжение трибунала по меморандуму доктора Штамера от 4 февраля 1946 и ходатайству обвинения от 11 февраля 1946. Распоряжение следующее:

Трибунал не принимает распоряжения в связи с параграфами 2-5 ходатайства обвинения от 11 февраля 1946 по вопросу доказательств подсудимых.

В отношении параграфов 2 и 7 меморандума доктора Штамера от 4 февраля 1946 о порядке защиты, трибунал распоряжается о следующем:

1. Дела подсудимых будут заслушаны в том порядке, в котором они приводятся в обвинительном заключении.

2. (а) В ходе презентации дела подсудимого, защитник оглашает документы, опрашивает свидетелей и делает краткие комментарии по поводу доказательств в целях их правильного понимания.

(б) Защитнику подсудимого в зале суда может оказывать содействие его помощник или другой защитник. Такой представитель может помогать защитнику в работе с документами, и т.д., но не может обращаться к трибуналу или допрашивать свидетелей.

3. Документальные доказательства.

(а) Защитник подсудимого вручает генеральному секретарю подлинник любого документа, который он приобщаёт в качестве доказательства, если он располагает подлинником. Если подлинник находится в распоряжении обвинения, представитель может запросить обвинение подготовить подлинник документа для предъявления в качестве доказательства. Если обвинение отказывает в предоставлении подлинника, с данным вопросом необходимо обращаться к трибуналу.

(б) При наличии в распоряжении трибунала любого подлинника, защитник вручает генеральному секретарю копию всего или части документа относящейся к делу, вместе с заявлением о номере документа и дате, когда он был получен в качестве доказательства.

(в) При желании представителя представить в качестве доказательства

документ, подлинник которого не находится в распоряжении или иным образом доступен трибуналу, он вручает генеральному секретарю копию всего такого документа или часть которая относится к делу, вместе с пояснением о том где и в чьём владении находится подлинник, и причину по которой он не может быть представлен. Такая копия должна быть удостоверена как верная соответствующим сертификатом.

4. Каждый защитник составляет копии документов или частей документов, которые он хочет приобщить в качестве доказательства в документальную книгу, шесть копий такой документальной книги передаются генеральному секретарю за две недели, при возможности, до даты начала дела подсудимого. Генеральный секретарь подготовавливает перевод документальной книги на английский, французский и русский языки, и защитник вправе получить одну копию каждого из этих переводов.

5. (а) Защитник запрашивает у генерального секретаря о предоставлении указанных им свидетелей и одобренных трибуналом о наличии их в Нюрнберге; такой запрос, по возможности, готовится не менее чем за 3 недели до даты представления дела подсудимого. Генеральный секретарь, насколько возможно, обеспечивает доставку свидетелей в Нюрнберг за 1 неделю до указанной даты.

(б) Защитники уведомляют генерального секретаря не позднее полудня о свидетелях которых они хотят вызвать.

6. а) Подсудимый, не желающий давать показания на суде, не может быть принужден к этому, но может быть допрошен трибуналом в любое время согласно статьям 17 «b» и 24 «f» Устава;

б) Подсудимый может только один раз давать показания в суде;

в) Подсудимый, который желает давать свидетельские показания в свою пользу, может это сделать во время представления материалов по его защите. В это время будет осуществляться право защиты и обвинения, согласно статье 24 «d» устава, допрашивать и производить перекрестный допрос подсудимого;

г) Подсудимый, который не желает давать показания в суде в свою пользу, но желает давать свидетельские показания в пользу какого-либо другого подсудимого, может сделать это в течение представления материалов по защите соответствующего подсудимого. Защитники других подсудимых и обвинители будут допрашивать его и подвергнут его перекрестному допросу после того, как он закончит свои свидетельские показания в пользу другого подсудимого;

д) Пункты «а», «б», «в» и «г» не ограничивают права трибунала разрешить вторичный вызов подсудимого для дачи дальнейших свидетельских показаний в исключительных случаях, если, по мнению трибунала, интересы правосудия потребуют этого.

7. В дополнение к выступлениям каждого защитника согласно статье 24(h), одному представителю представляющему всех подсудимых будет разрешено

обратиться к трибуналу по правовым вопросам возникшим из обвинительного заключения и устава, которые являются общими для всех подсудимых, однако, в ходе такого обращения он должен строго придерживаться статьи 3 устава. Это обращение состоится по завершении представления всех доказательств от имени подсудимых, но не может длиться более чем половину дня. По возможности, копия письменного текста выступления должна быть направлена генеральному секретарю с учётом времени позволяющего ему подготовить переводы на английский, французский и русский языки.

8. Реализуя своё право на выступление перед трибуналом согласно статье 24(j) подсудимый может не повторять темы, которые были рассмотрены его представителем при обращении к суду согласно статье 24(h), однако будет ограничен рассмотрением таких дополнительных вопросов которые он сочёт необходимыми до вынесения трибуналом приговора и назначения наказания.

9. Предусматриваемая процедура может быть в любое время изменена трибуналом в случае необходимости в интересах правосудия.

Сейчас трибунал рассмотрит ходатайство о свидетелях и документах от имени подсудимого Геринга и процедура, которой трибунал предлагает придерживаться заключается в том, чтобы спрашивать у защитника, чьё дело будет рассматриваться, в первую очередь о первом свидетеле, и затем просить у представителя обвинения ответа насчёт этого свидетеля и затем, когда это сделано, просить у защитника рассмотреть второе ходатайство о свидетеле, и затем представителя обвинения о рассмотрении этого свидетеля, то есть, заслушивать защитника и обвинителя по очереди в отношении каждого свидетеля.

Такая процедура, наверое, не потребуется, когда трибунал подойдёт к документам. Вероятно, для защитников будет удобнее рассматривать документы совместно и представителю обвинения рассматривать в ответ документы совместно. Однако, пока, что касается свидетелей, каждого рассматриваем по очереди.

Я вызываю доктора Штамера.

Хорн: Перед тем как вдаваться в эти подробности, я прошу, чтобы меня проинформировали о том, почему суд имеет намерение обращаться с защитой совершенно по-другому, нежели с обвинением. В статье 24 устава говорится о том, что трибунал запрашивает обвинение и защиту, будут ли они предъявлять доказательства трибуналу и если так то какие. Это решение до сих пор не применялось в отношении обвинения. Сегодня я рад тому, что защите предоставлена возможность назвать трибуналу те документы и свидетелей, которых до настоящего времени было трудно обнаружить. Сегодня я готов сказать трибуналу о важных пунктах, которые обосновывают необходимость вызова свидетелей и относимость документов. Поэтому, я прошу суд, руководствуясь предыдушей практикой, не позволять обвинению принимать участие в суждении о том относится ли к делу документ или нет. Будучи защитником, я убеждён в том, что я бы

подвергся своего рода предварительной цензуре со стороны обвинения, что угрожает целостности всех моих доказательств. Я могу заметить, что протесты защиты постоянно откладывались с замечанием о том, что защита будет выслушана позднее. Если отбор доказательств, на основе возражений обвинения, состоится сегодня, то возникает опасность того, что протесты, которые были отложены, не будут рассмотрены позднее. Следовательно, по указанным причинам я прошу суд следовать предыдушей практике и решить в отношении права обвинения протестовать против представления доказательств.

Председатель: Защитник Риббентропа вернётся к трибуне? Трибунал не совсем понял ваше ходатайство.

Хорн: Я предлагаю, чтобы обвинение не могло, на данной стадии процесса, принимать решение о вызове свидетелей и относимости документов.

Господин председатель, я хочу далее просить о следующем. Я имел в виду решение о том, чтобы, пока, сейчас, обвинение не могло говорить по вопросу допустимости или недопустимости доказательств.

Председатель: Трибунал считает, что ваше ходатайство не может быть удовлетворено, по следующей причине: правдой является то, что защита сейчас запросила о свидетелях и документах, в соответствии со статьей 24(d).

Принципиальная причина заключается в том, что трибунал должен доставлять всех свидетелей сюда. Трибунал, много недель, пытался найти ваших свидетелей и представить их здесь, и представить документы которые вы хотите. Относимость этих свидетелей и документов должна рассматриваться трибуналом, но очевидно, что представитель обвинения должен иметь право оспаривать вопрос относимости, также как защитникам позволялось оспаривать относимость каждого свидетеля и каждого документа которых представляло обвинение.

Именно такая же процедура применяется для защитников, какая применялась для обвинения с единственным исключением в том, что подсудимых попросили заявить ходатайства о свидетелях и документах и рассмотреть вопрос за один раз, нежели в отношении каждого свидетеля или документа. Причина для этого заключается в том, что как я сказал, трибунал должен найти и доставить сюда свидетелей для подсудимых, а также предоставить документы.

Ваше ходатайство заключалось в том, чтобы обвинение не имело возможности решать о вызове свидетелей. Обвинение, конечно же, не будет решать об этом, об этом будет решать трибунал. Обвинение должно иметь право оспаривать это, оспаривать то, что доказательства некоего свидетеля не относятся к делу или кумулятивные и оспаривать то, что какой-либо документ не относится к делу.

И мне напомнили, что все эти документы должны быть переведены для трибунала.

Хорн: Господин председатель, многие защитники, включая меня, до сих пор, не могли опросить решающих свидетелей в целях получения информации. Поэтому, в

решающих моментах, мы даже часто не знаем, что может подтвердить свидетель.

Если сейчас, нам уже нужно разбираться с обвинением до того как мы узнаем насколько желательно бороться или не бороться за свидетеля, мы в значительно худшем положении нежели обвинение, которое, всегда, когда защитник заявлял протесты, точно знало о том в чём заключается важность свидителей или их показаний. В данном отношении защита, по большей части, в значительно худшем положении, и по моему мнению такое положение станет ещё хуже, если здесь, кроме трибунала, обвинение также сможет заявлять протесты против доказательств на данной стадии процесса.

Председатель: Действительно, правда, что невозможно окончательно решить о допустимости любого доказательства до постановки самого вопроса, и по этой причине трибунал, уже, предварительно решил по ходатайствам о свидетелях, действую самым либеральным образом. Если окажется, что имеется какая-нибудь возможность относимости к доказательствам, которые представит свидетель, ей позволят предупредить свидетеля. Поэтому, если будут свидетели, показания которых, как-нибудь относятся к делу, трибунал разрешит этого свидетеля, конечно, с учётом, указаний устава проводить процесс быстро.

С учётом таких ограничений, трибунал допустит любого свидетеля, чьи показания будут казаться относящимися к делу. Это всё, что может сделать трибунал, как я уже сказал, именно трибунал осуществляет трудную задачу обеспечения этих свидетелей для подсудимых, которые сами не могут их обеспечить.

Хорн: Благодарю.

Председатель: Теперь, доктор Штамер.

Штамер: Господин председатель, я не хочу повторяться, но мне кажется, что возражение доктора Хорна не совсем правильно поняли. Доктор Хорн хотел просто пожаловаться на тот факт, что защиту никоим образом заранее не спрашивали по вопросу относимости доказательств которые представляет обвинение, но мы всегда удивлялись, когда доставлялся свидетель, и мы не имели никакой возможности заявлять материальные возражения относящиеся к ним.

Что касается возражений против документов, то есть, об их относимости, защите всегда говорили о том, что для такого возражения пока не пришло время защиты…

Председатель: Прошу прощения, доктор Штамер, но вы неправильно поняли. Защите никогда не говорили о том, что возражения о допустимости документов можно оставлять на потом. Каждое возражение о допустимости документа рассматривалось вовремя. Замечания о весомости документа могут приводиться сейчас, во время защиты. Я не имею в виду сегодня, а в процессе защиты.

Есть фундаментальная разница между допустимостью документа и весомостью документа и все вопросы допустимости рассматривались вовремя.

Штамер: Господин председатель, я полностью понимаю разницу. Я не хочу сказать, что возражения о допустимости отвергались, но скорее возражения по поводу относимости.

Председатель: Возражения по относимости документов – то есть, их допустимости – это руководящее положение устава в отношении допустимости документов. Если они относятся к делу, они допустимы. Вот, что говорит устав. И любое возражение, которое делалось в отношении документов или доказательств со стороны защитников выслушивалось трибуналом и разрешалось своевременно.

Доктор Штамер, трибунал хочет, чтобы я заметил защитникам, что они были заблаговременно уведомлены о такой процедуре, заблаговременно уведомлены согласно статье 24 (d), они должны были обозначать или называть имена своих свидетелей и документы которые они хотят представить, и сказать о том какую относимость к делу имеют свидетели и документы.

Трибуналу кажется очевидным, что такая процедура действительно нужна, если помнить о том, что для трибунала очень трудно и весьма затратно, искать этих свидетелей и доставлять их в Нюрнберг, и искать документы, по возможности, и доставлять их в Нюрнберг.

Теперь, что касается возражений доктора Хорна о процедуре которая применялась в отношении обвинения, подсудимым возможно в любое время, если они захотят, ходатайствовать об исключении из протокола любого документа, который по их мнению не должен быть допущён. Одно из этих возражений, или возможно ваше возражение, заключалось в том, что у защитников нет достаточного времени для рассмотрения относимости к делу конкретного документа или конкретного свидетеля, и соответственно допустимости. Вы имели значительное время рассмотреть вопрос и если сейчас вы хотите ходатайствовать об исключении какого-либо документа или исключении какого-либо доказательства, вы можете заявить ходатайство в письменном виде, и трибунал его рассмотрит.

Как я сказал, суть процедуры заключается в том, чтобы помочь подсудимым и их представителям. И это необходимая процедура, потому что подсудимые, естественно не способны, обеспечить присутствие свидетелей здесь в Нюрнберге и в некоторых случаях обеспечить предоставление документов.

Для того, чтобы мы могли это сделать от их имени, необходимо, чтобы мы знали о том кого они хотят здесь представить, какие документы они хотят здесь представить, и для того, чтобы не тратить зря время и деньги, нужно знать, имеют ли свидетели и документы хотя бы намёк на поднятые вопросы.

Штамер: Тогда я начну называть тех свидетелей, допрос которых перед трибуналом я считаю необходимым.

Первым я называю генерала авиации Карла Боденшаца[144].

---

[144] Карл-Генрих Боденшац (1890 — 1979) — немецкий офицер, генерал авиации во Вторую мировую войну, адъютант Германа Геринга.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал не желает, чтобы вы зачитывали ходатайство. Если вы просто скажете своими словами, как можно короче, почему вам нужен конкретный свидетель, мы это рассмотрим. И если представитель желает возразить, то может это сделать. Затем трибунал разрешит вопрос.
Штамер: Свидетель, которого я называю, генерал авиации Боденшац, который находится в тюрьме Нюрнберга, находился с подсудимым Герингом с 1933, сначала в качестве адъютанта, а позднее министра, в качестве начальника министерского управления. Таким образом, он проинформирован обо всех принципиальных событиях того времени. Я назвал его в качестве свидетеля из-за ряда фактов, которые по-отдельности имеются в моём письменном заявлении, но в особенности из-за того, что он принимал участие во встрече которая проходила в начале августа 1939 в Сёнке Ниссен Коог, на которой Геринг встречался с английскими переговорщиками для того, чтобы попытаться придти к мирному решению трудностей, которые имелись тогда между Германией и Польшей. Тогда он заявил английским переговорщикам о том, что войны не должно быть ни при каких обстоятельствах, и что они должны постараться мирно урегулировать противоречия.

Кроме того, он сообщил о заявлениях Геринга за прошедшие годы, в частности с 1936 по 1939, из которых видно намерение подсудимого Геринга избежать, по возможности, войны. Он заявил о том, что политика Рейха должна проводиться таким образом, чтобы война не началась ни при каких обстоятельствах.

Кроме того, этому свидетелю известно об отношении Геринга, когда он впервые услышал от Гитлера о том, что Гитлер намерен напасть на Россию.

Наконец он также проинформирован о социальном отношении Геринга, которого он очень хорошо знал, в частности после 1939.

Вот, в целом, факты, о которых Боденшац может дать показания в качестве свидетеля.
Максвелл-Файф: С позволения трибунала, могу я сказать одну общую фразу, о процедуре обвинения?

Мои коллеги во всех делегациях попросили меня рассмотреть в основном конкретные ходатайства. Есть некоторые из них, с позволения трибунала, по которым некоторые мои коллеги хотят высказаться, так как имеют к ним особый интерес. Но в целом, я рассмотрю ходатайства от имени обвинения.

Я могу сказать, что обвинение руководствуется принципом о том, что если имеется какой-либо момент с относимостью к материалам дела, какого-нибудь свидетеля, то оно, конечно, не будет возражать. Но оно хочет дать ясно понять, что трибунал поймёт, что, не заявляя возражений, оно не принимает позицию о том, что каждый пункт в документе или упоминаемый представителем относится к делу. Не заявляя возражений, оно просто признаёт, что есть некоторые относящиеся к делу пункты.

На этой основе – и трибунал поймёт, почему мне нужно быть

внимательным с этим вопросом – обвинение не имеет возражений в отношении генерала Боденшаца.

Председатель: Да, доктор Штамер.

Штамер: Далее я называю в качестве свидетеля бывшего гауляйтера, доктора Юбиррейтера[145], который сейчас находится в тюрьме Нюрнберга. Юбиррейтер представляет следующее доказательство. Он может предоставить информацию о речи…

Председатель: Могу я сказать сэру Дэвиду, что, наверное, в виду того, что вы сказали, вы можете указать по началу ходатайства доктора Штамера в отношении каждого свидетеля, имеются ли у обвинения какие-либо возражения в отношении свидетеля. Вероятно, так будет проще для него рассмотреть их покороче.

Максвелл-Файф: Могу я сказать, что мы не имеем возражения по доктору Юбиррейтеру, на той же самой основе.

Председатель: Я только имел в виду, что если представитель обвинения укажет нам на то, что у него нет возражения конкретному свидетелю, тогда доктор Штамер может короче рассматривать свидетелей.

Штамер: Конечно.

Председатель: Проинформируйте нас о том, как это относится к делу, но покороче, потому что обвинение не имеет возражения.

Штамер: Да.

Председатель: В случае конкретного свидетеля, не будет ли одинаково удобно для защиты, в целях сокращения, получить эти доказательства в виде письменных показаний или опросных листов?

Штамер: Юбиррейтер присутствовал, когда Геринг, летом 1938 произносил речь перед новыми гауляйтерами Австрии в которой рассматривал политику Рейха и в которой он говорил о цели и задаче четырёхлетного плана. Кроме того, свидетель, присутствовал, когда Геринг некоторое время спустя после 10 ноября 1938[146], то есть, после демонстрации против евреев, вызвал всех гауляйтеров в Берлин и резко раскритиковал эти акции. Вот эти два предмета доказательств.

Председатель: Очень хорошо. Тогда сейчас мы можем перейти к номеру 3.

Штамер: Свидетель это лорд Галифакс[147]. Относительно данного свидетеля…

Максвелл-Файф: Если могу отметить – опросные листы были вручены и на них ответил лорд Галифакс. Обвинение не имеет возражения опросным листам. Конечно

---

[145] Зигфрид Юбиррейтер (1908 – 1984) – австрийский нацистский политик. Гауляйтер Штирии в 1938 – 1945. С 1941 года начальник гражданской администрации Нижней Штирии (оккупированной части Югославии). В 1947 скрылся в Аргентине.

[146] Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин — еврейский погром (серия скоординированных атак) по всей нацистской Германии, части Австрии и в Судетской области 9—10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами. Полиция самоустранилась от препятствования этим событиям. В результате нападений многие улицы были покрыты осколками витрин принадлежавших евреям магазинов, зданий и синагог.

[147] Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. В 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

же, оно возражает вызову его в качестве свидетеля, но мы понимаем, что трибунал и доктор Штамер согласны с тем, чтобы лорд Галифакс представил опросные листы и мы не имеем возражений.

Штамер: Я удовлетворён ответом на мои опросные листы, которые уже получил и не настаиваю на вызове свидетеля.

Председатель: Очень хорошо.

Штамер: Следующий свидетель это свидетель Форбс[148]. Могу я сказать, что в этом случае также было одобрено представление опросного листа и опросный лист, насколько я смог установить уже направлен. Я пока не получил ответ.

Максвелл-Файф: Что же, мы не имеем возражения направления опросного листа сэру Джорджу Огилви-Форбсу. Я сделаю, что смогу, чтобы проследить за тем, чтобы ответ последовал как можно скорее. Я помню – я не смог проверить – что сэр Джордж в зарубежной столице, но я постараюсь проследить за тем, чтобы ответы были доставлены, и разумеется, сделаю всё возможное, чтобы помочь в этом.

Штамер: Могу ли я окончательно отказаться от него, я естественно смогу решить, только, когда у меня будет опросный лист. Может быть, он даст неполные ответы.

Председатель: Вы имеете в виду Далеруса[149] или сэра Джорджа Огилви-Форбса?

Штамер: Форбса.

Председатель: Да. Что же, опросные листы предоставят вам, как только на них ответят.

Штамер: Да, сэр.

Председатель: И я думаю, тоже самое верно в отношении Далеруса, опросные листы разрешены для него.

Штамер: В отношении показаний Далеруса, я должен сказать следующее: показания данного свидетеля кажутся мне настолько важными, что опросный лист не может охватить все его сведения, и поэтому я прошу о вызове свидетеля для того, чтобы он мог дать показания в суде.

Если это невозможно, я прошу возможности допросить его лично в Стокгольме. Доктор Симерс лично знает Далеруса, и он сделает заявление по поводу данного свидетеля.

Симерс: Я лично знаком с господином Далерусом многие годы. Далерус, написал мне о том, что доктор Штамер планирует вызвать его в качестве свидетеля. Господин Далерус, в принципе, готов прибыть в Нюрнберг безо всякой задержки если суд согласится. Как только трибунал согласится, господин Далерус, насколько я могу судить из его письма, будет готов явиться лично.

Я хочу сказать кое-что ещё, в качестве принципиального вопроса. В случае важных свидетелей, которые, как например, господин Далерус, могут ответить на

---

148 Джордж Огилви-Форбс (1891 – 1954) – британский дипломат. В 1937-1939 советник посольства Великобритании в Германии.

149 Биргер Далерус (1891 - 1957) - шведский предприниматель, дипломат любитель и друг Германа Геринга.

вопросы имеющие важнейшее историческое значение, наиболее вероятно, что не только защитник одного подсудимого захочет задать вопросы, но данный предмет затронет несколько защитников. Таким образом, опросного листа который поступит только от доктора Штамера, по моему мнению, будет недостаточно в таком случае. Поэтому я прошу допустить данного свидетеля с учётом такой точки зрения.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, положение в отношении свидетеля Далеруса заключается в том, что доктор Штамер представил опросные листы включающие 62 вопроса. Я не жалуюсь на это. Я просто довожу до сведения трибунала, что доктор Штамер охватывает вопрос.

Кроме того, если трибунал на секунду обратиться к ходатайству доктора Штамера о документах, он увидит, что пункт 26 это книга Далеруса – прошу извинить трибунал за мой шведский – «Sista Forsoket» («Последняя попытка»). Это довольно длинная книга, подробно рассматривающая данный пункт, и желательно, и трибунал разрешил, чтобы доктор Штамер использовал её.

Покорно полагаю, что подсудимый весьма широко использует опросные листы, взаимосвязанные опросные листы для лорда Галифакса и сэра Джорджа Огилви-Форбса и книгу, и доказательства самого подсудимого Геринга и не нужно далее исследовать вопрос в отношении того, что господин Далерус желает приехать и может, и должен приехать из Швеции.

Председатель: Сэр Дэвид, могу я спросить, обвинение подготовило перекрёстные опросные листы для Далеруса?

Максвелл-Файф: Нет.

Председатель: Есть ещё один вопрос. Защитник подсудимого Рёдера ходатайствовал о Далерусе в качестве свидетеля?

Максвелл-Файф: Нет. Насколько мне известно, единственное другое упоминание имеется у представителя подсудимого Риббентропа по ограниченному пункту.

Хорн: Перед тем как суд примет решение в отношении свидетеля Далеруса, я хочу проинформировать трибунал о том, что я попросил об этом свидетеле в интересах подсудимого Риббентропа. Свидетель Далерус в решающие часы перед началом Второй мировой войны в 1939 сыграл решающую роль. Свидетель Далерус в частности может представить важные доказательства о последнем документе, который содержал условия для дальнейших переговоров с Польшей. Этот документ явился поводом Второй мировой войны. Мне кажется, что это должно быть достаточной причиной для вызова Далеруса сюда, в особенности, поскольку доктор Симерс заявил о том, что он знает о готовности свидетеля явиться по собственной инициативе.

Штамер: В виду важности для меня этого ходатайства, могу я сказать следующее: я направил опросный лист с 52 вопросами, но мне не кажется, что эти вопросы в действительности исчерпывают предмет вопрос доказательств. Так как невозможно, как я сказал ранее, подытожить всё, что свидетель стратегически знает и

представить это в такой последовательности, чтобы трибунал мог иметь полную картину важной функции которую осуществлял Далерус в интересах Англии, а также Германии.

Председатель: Очень хорошо, трибунал рассмотрит этот момент.

Штамер: В отношении следующего свидетеля, я называю доктора, барона фон Хаммерштейна[150], который являлся главным военным прокурором воздушных сил и который сейчас является военнопленным в американских или британских руках.

Максвелл-Файф: В отношении доктора фон Хаммерштейна, трибунал, 9 февраля, разрешил опросные листы, и доктор Штамер пока не представил опросные листы, свидетель пока не найдён. У меня нет возражения опросным листам. Как кажется, именно для такого свидетеля опросные листы будут наиболее полезными. Он был эквивалентен, насколько я понимаю, нашему главному военному прокурору воздушных сил, и опросные листы в отношении процедуры, которые предваряет это ходатайство, были бы предметом по которому у обвинения нет никаких возражений. Если его можно найти, тогда доктор Штамер может составить опросные листы, как только захочет.

Штамер: Насколько я понял, я не получил никакого решения о том, чтобы опросный лист был направлен, но я вместе с тем хочу вызвать Хаммерштейна в качестве свидетеля.

Председатель: Доктор Штамер, должно быть вы ошибаетесь, потому что согласно нашим документам право составить опросные листы было предоставлено 9 февраля.

Штамер: Я сейчас не могу найти. Мне нужно сначала проверить, но, во всяком случае, я заявляю ходатайство.

Хаммерштейн знал подсудимого многие годы, в особенности в сфере, которая имеет величайшее значение для формирования мнения по вопросу отношения подсудимого к правосудию, а также обращению с населением оккупированной территории и военнопленными, и здесь также, по моему мнению, решающим является то, чтобы свидетель представил трибуналу подробную информацию об этих фактах и описал их таким образом, который не может быть выражён в опросном листе или ответе на опросный лист.

Максвелл-Файф: Милорд, мне сказали, что опросные листы были направлены и попали в секретариат трибунала день или два тому назад. Я не хочу дополнять свои доводы.

Штамер: Думаю это правильно.

Председатель: Да, доктор Штамер, следующий?

Штамер: Следующий свидетель это Вернер фон Браухич[151] младший, полковник воздушных сил, сын генерал-фельдмаршала фон Браухича[152], который сейчас в

[150] Кристиан фон Хаммерштейн (1887 – 1963) – немецкий юрист. В 1940 – 1945 начальник правового управления Люфтваффе.
[151] Бернд фон Браухич (1911 – 1974) – полковник Люфтваффе. В 1941 – 1945 адъютант Г. Геринга.
[152] Вальтер фон Браухич (1881 — 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-

судебной тюрьме в Нюрнберге.

Максвелл-Файф: Я не имею возражения полковнику Браухичу.

Штамер: Данный свидетель должен предоставить информацию об отношении подсудимого в отношении линчевания лётчиков-террористов, и в связи с его отношением к вражеским лётчикам в целом.

Далее, генерал воздушных сил Каммхубер[153], который является военнопленным в американском или британском плену.

Максвелл-Файф: В отношении генерала Каммхубера, 9 февраля этого года были разрешены опросные листы, и они не представлены, насколько я владею информацией, и вновь свидетель не обнаружен. У меня нет возражения опросным листам, и когда опросные листы получат, вероятно, доктор Штамер сможет решить необходимо ли вызывать свидетеля.

Я напомню трибуналу, что такой план был представлен в самых мягких терминах полковником Гриффит-Джонсом и поэтому мне кажется это такого рода предмет который можно исследовать опросными листами.

Председатель: Сэр Дэвид, вы думаете, что можно представить согласованное заявление об этом?

Максвелл-Файф: Если мы увидим результат опросных листов, мы, разумеется готовы рассмотреть это, потому как трибунал несомненно помнит, это был план показывающий командования Люфтваффе в Варшаве и других округах вне Германии, и полковник Гриффит-Джонс, рассматривая его, сказал о том, что он не говорит утвердительно о том, что его представляли подсудимому Герингу. Поэтому, если у нас имеется заявление, мы с готовностью это рассмотрим, по возможности соглашаясь.

Председатель: Да, доктор Штамер?

Штамер: Генерал воздушных сил Коллер[154], военнопленный в американских руках.

Максвелл-Файф: Обвинение не имеет возражения генералу Коллеру. 26 января трибунал распорядился о том, чтобы его известили. Он пока не обнаружен, но если его обнаружат, тогда предлагаемые вопросы относятся к делу на взгляд обвинения.

Штамер: Генерал-полковник Штудент[155], военнопленный в английских руках.

Максвелл-Файф: Обвинение не имеет возражения данному свидетелю. Если ваша светлость позволит мне одну секунду, я не смог рассмотреть данный момент с моим французским коллегой. Насколько мне известно, возражения нет. Я хочу это подтвердить.

фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер в госпитале для военнопленных.

[153] Йозеф Каммхубер (1896 — 1986) — немецкий генерал авиации. Организатор системы противовоздушной обороны Третьего рейха — «линии Каммхубера».

[154] Карл Коллер (1898 — 1951) — немецкий генерал авиации и начальник Генерального штаба ВВС нацистской Германии во Второй мировой войне в 1944-1945.

[155] Курт Штудент (1890 — 1978) — генерал-полковник в Люфтваффе (вермахт), участник Первой и Второй мировых войн. Пилот-ас времен Первой мировой войны. Основатель и первый командующий германских Парашютно-десантных войск. Британским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[*Была пауза в слушаниях*]

Максвелл-Файф: Я благодарен вашей светлости. Мой французский коллега, господин Шампетье де Риба, согласен с тем, что возражения не имеется.
Штамер: Генерал-фельдмаршал Кессельринг[156], который находится в судебной тюрьме Нюрнберга в настоящее время.
Максвелл-Файф: Здесь также нет возражения, и у обвинения такое же мнение; возражений нет.
Председатель: Мы хотим услышать пояснения от вас доктор Штамер, о каких доказательствах – какое отношение к делу имеют доказательства фельмаршала Кессельринга.
Штамер: Факты, о которых ему известно, я считаю относящимися к делу, потому что обвинение заявило о том, что Роттердам был атакован без военной необходимости, и что атака, кроме того, состоялась во время, когда шли переговоры о капитуляции города.
Председатель: Вы не сказали где генерал Штудент, а генерал Штудент и фельдмаршал Кессельринг должны дать показания, как я понял именно об этом, и поэтому если фельдмаршал Кессельринг вызван в качестве свидетеля, не будет ли достаточно представить опросные листы или получить письменные показания у генерала Штудента?
Штамер: Да, я согласен.
Максвелл-Файф: Согласен, милорд.
Штамер: Доктор фон Ондарза[157], главный врач Люфтваффе, чьё местонахождение мне неизвестно, но предположительно который освобождён из плена и может находится дома в Гамбурге.
Максвелл-Файф: Следующие два свидетеля, по сути, об одном и том же. Как я понимаю, я думаю что – моя копия очень плохая, но я прочту её – подсудимый не был информирован об экспериментах двух докторов – первым должен быть доктор Рашер[158], как я думаю и доктор Ромберг[159] на заключённых Дахау[160] и других мест, о том, что подсудимый сам никогда не готовил никакие эксперименты на пленных и

---

[156] Альберт Кессельринг (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал Люфтваффе. С 1941 командующий германскими войсками на Юго-Западе Европы. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Приговор был заменён на лишение свободы и он был досрочно освобождён в 1952.
[157] Рамон фон Ондарза (1908 – 1972) – оберштабсарцт Люфтваффе. Личный врач Г. Геринга с середины 30-х годов.
[158] Зигмунд Рашер (1909 — 1945) — немецкий медик, сотрудник Аненербе, врач в концентрационном лагере Дахау, гауптштурмфюрер СС. Казнён по приказу Г. Гиммлера.
[159] Ганс-Вольфганг Ромберг (1911 — 1981) — врач люфтваффе. Один из обвиняемых на Нюрнбергском процессе над врачами. Был признан невиновным.
[160] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

фельдмаршал Мильх[161] – параграф А – говорит о том, что подсудимого не информировали об обмене письмами между свидетелем и Вольфом[162] по поводу экспериментов проводившихся доктором Рашером в Дахау, в которых использовались пленные, и свидетель не информировал подсудимого об этом предмете, и о том, что доктор Рашер приступая к своей деятельности в Дахау, вышел из Люфтваффе и поступил в СС в качестве врача.

Чёткие доказательства на этот счёт могут относится к делу. Мы не имеем возражения вызову свидетеля.

Положение в отношении первого свидетеля, доктора фон Ондарзы заключается в том, что он не обнаружен. 26 января трибунал распорядился о том, чтобы его известили. Фельдмаршал Мильх в тюрьме. И снова, я должен думать о том, что в таких обстоятельствах мы не возражаем вызову фельдмаршала Мильха по этому вопросу, и если врач, фон Ондарза будет обнаружен, тогда я согласен на опросные листы, но я не считаю…

Председатель: Будет ли для вас подходящим, доктор Штамер, если мы удовлетворим ходатайство о вызове фельдмаршала Мильха по этому вопросу и разрешим опросный лист для другого свидетеля, в случае его обнаружения?

Штамер: Я также изучил вопрос о том, не будут ли доказательства кумулятивными. Это не так. Доказательства которые должен представить Мильх немного отличаются, и подсудимый Геринг считает важным иметь Ондарза в качестве свидетеля, потому что доктор Ондарза был его врачом много лет и поэтому хорошо информирован, и кроме того, он должен рассказать нам о том, что подсудимый Геринг ничего не знал об экспериментах, которые проводились с этими 500 мозгами. Пока этого нет в моём ходатайстве, но я сейчас узнал это. Было длинное показание представленное обвинением по вопросу 500 мозгов, я тогда протестовал против него и мне сказали о том, чтобы я заявил это возражение в подходящее время.

Председатель: Очень хорошо, трибунал рассмотрит то, что вы сказали. Вы можете переходить к Кёрнеру.

Штамер: Государственный секретарь Пауль Кёрнер, который находится в Нюрнберге в судебной тюрьме…

Максвелл-Файф: Со стороны обвинения нет возражения.

Председатель: Доктор Штамер, в наших документах говорится о том, что предлагаемый свидетель Пауль Кёрнер не обнаружен, но в документе из вашего ходатайства вы говорите о том, что он в тюрьме Нюрнберга.

Штамер: Я получил эту информацию ранее. Сейчас я не смогу сказать, откуда

---

[161] Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году.

[162] Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Главный адъютант Г. Гиммлера в 1935-1945.

исходит моя информация.

Максвелл-Файф: Боюсь я не знаю, но я легко могу выяснить для трибунала. Я попрошу, чтобы это проверили.

Председатель: Если можно, да.

Максвелл-Файф: Да, мне сейчас дали список заключённых на 19 февраля и его нет в этом списке.

Председатель: В нюрнбергской тюрьме?

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Такие сведения и у меня.

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Что же, вы продолжите насчёт этих доказательств доктор Штамер?

Штамер: Кёрнер являлся государственным секретарём с 1933 и он может свидетельствовать о цели стоявшей за созданием концентрационных лагерей в 1933, обращении с заключёнными там, и о том, что Геринг был ответственным за эти лагеря только до 1934. Он также может свидетельствовать о мерах и правилах, цели и задаче четырёхлетнего плана, а также об отношении подсудимого после сообщения ему в ноябре 1938 об антиеврейских инцидентах.

Председатель: Очень хорошо, трибунал рассмотрит это.

Штамер: Доктор Лозе[163], историк искусства, либо в английском либо в американском лагере.

Максвелл-Файф: Милорд, моя информация состоит в том, что 9 февраля были разрешены опросные листы. Они пока не предоставлены, и свидетель пока не найден. У меня нет возражения опросным листам в отношении доктора Лозе или следующего свидетеля доктора Бунхеса, который затрагивает этот же вопрос.

Председатель: Да.

Штамер: Также показания свидетеля Лозе кажутся мне важными – учитывая весомость обвинений, которые предъявлены подсудимому – настолько важными, что я прошу заслушать его в качестве свидетеля здесь перед трибуналом. Вопрос очень короткий. Он должен свидетельствовать о том, каким было отношение подсудимого к приобритению предметов искусства на оккупированных территориях. То есть, конечно же, очень небольшой предмет, но для суждения о подсудимом крайне важный, и предъявленное обвинение в этом отношении очень серьёзное.

Председатель: Вы рассматриваете доктора Бунхеса?

Штамер: Нет, пока Лозе.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, опросные листы видимо кажутся трибуналу подходящим методом и обвинение покорно полагает, что нам нужно понимать, что доктор Лозе может сказать в ответ на опросные листы, и затем доктор Штамер сможет, при необходимости, повторить ходатайство.

[163] Бруно Лозе (1911 – 2007) – гауптштурмфюрер СС. Торговец культурными ценностями.

Председатель: Да, есть, что-то, что вы хотите сказать о докторе Бунхесе?
Штамер: Последний свидетель это доктор Бунхес, историк искусства.
Максвелл-Файф: Милорд, мне кажется, у него будет, точно такое же положение как и у доктора Лозе, и я не думаю, что мне нужно повторять сказанное.
Председатель: За исключением того, что его можно найти. Я не знаю где он.
Максвелл-Файф: Да, думаю, это первое упоминание доктора Бунхеса и поэтому мы не смогли выяснить можно его найти или нет.
Председатель: Да, наверное, это знает доктор Штамер.
Штамер: Мне сейчас сказали, что доктор Лозе в лагере в Герсбруке. Это рядом с Нюрнбергом.
Максвелл-Файф: Да, я сделаю запросы по поводу него.
Председатель: Доктор Бунхес – вы знаете, где его можно найти.
Штамер: Нет, его дом где-то в Трире, но там ли он, я не знаю.
Председатель: Да. Очень хорошо, на этом ваши свидетели закончились, не так ли?
Штамер: Да, сэр.
Председатель: Это все свидетели, о которых вы ходатайствовали?
Штамер: Да.
Председатель: Насколько вам известно, это ваш окончательный список?
Штамер: Я пока не могу предвидеть, насколько обвинение, которое не закончило презентацию дела, вынудит меня заявить дальнейшие ходатайства.
Председатель: Перед тем как рассмотреть ваши документы трибунал будет отложен.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Вероятно, мы можем рассмотреть документы более общо. Вы можете, что-нибудь о них сказать?
Штамер: Господин председатель, могу я сделать заявление относительно двух свидетелей, Коллера и Кёрнера? Мне только, что сказали, что Коллер являлся начальником штаба воздушных сил, а Кёрнер младшим штабным офицером. Про обоих постоянно запрашивают оккупационные силы. Такое указание упростит обнаружение свидетелей.
Максвелл-Файф: Я отмечу это, и, конечно же, мы сделаем всё возможное, чтобы обнаружить их.
Председатель: Кто эти двое свидетелей?
Максвелл-Файф: Коллер и Кёрнер. Они оба, которым не было возражения.
Председатель: Да, очень хорошо.
Максвелл-Файф: Если трибунал позволит, может быть удобно, если я поясню общую позицию обвинения в отношении документов и затем доктор Штамер сможет рассмотреть эти пункты, потому что они подразделяются по некоторым

группам, которые я могу вкратце обозначить. Есть три документа, которые не приобщались в качестве доказательства, но по которым нет возражения: номер 19, Англо-германское морское соглашение[164]. Это договор, и, конечно же, о нём суд вынесет уведомление.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: И конституция Германского Рейха, Веймарская конституция от 11 августа 1919. И снова я полагаю, что суд вынесет о ней уведомление.

Председатель: Разумеется.

Максвелл-Файф: И номер 30, речь Гитлера от 21 мая 1935.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Затем есть те, которые уже приобщены в качестве доказательств, насколько мне известно:

Номер 4 – Рейнский пакт Локарно[165]; номер 5 – меморандум держав Локарно от 25 мая 1935; номер 6 – меморандум держав Локарно от 7 марта 1936; номер 9 – Версальский договор[166]; номер 17 – речь подсудимого фон Нейрата от 16 октября 1933; номер 18 – прокламация правительства Рейха от 16 марта 1935. И затем ссылались на номер 7, но не читали. Это речь подсудимого фон Риббентропа в Лиге наций[167] от 19 марта 1936. Все они приобщались или же на них ссылались и поэтому нет возражения в их отношении.

Затем мы переходим к серии книг. Доктор Штамер сослался на целую книгу: номер 1 – книга покойного лорда Ротемира[168] «Предупреждения и пророчества»; номер 2 – покойного сэра Невила Гендерсона[169] «Провал миссии»; номер 3 – ссылки на ряд лет из «Dokumente der Deutschen Politik[170]».

Председатель: Кажется, есть повторение, не так ли, в некоторых или каких-то из них? Шесть или семь, например, взяты из томов, не так ли «Deutschen Politik».

Максвелл-Файф: Да, видимо так, милорд. Если можно приведу вашей светлости другие, чтобы рассматривать группой:

Номер 8 – книга господина Фея[171] «Истоки всемирной войны», Первой

---

[164] Англо-германское морское соглашение 1936 - устанавливало соотношение флота Германии к флоту Великобритании как 35 к 100.

[165] Локарнские договоры 1925 года — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций.

[166] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

[167] Лига Наций — международная организация основанная в 1919 году. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

[168] Гарольд Хэрмсфорт, лорд Ротемир (1868 – 1940) – крупный английский издатель. Основоположник популярной журналистики.

[169] Невил Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939.

[170] «Документы германской политики» (нем.)

[171] Сидни Брэдшоу Фей (1876 — 1967) - американский историк и пацифист.

мировой войны; номер 20 – книга господина Уинстона Черчилля[172] «Шаг за шагом»; номер 24 – книга подсудимого Геринга «Строительство нации». Номер 26 – на который я уже ссылался «Последняя попытка».

В связи с ними есть два момента: прежде всего, механически невозможно перевести целиком эти книги на русский и французский языки. Я думаю большинство из них уже на английском языке; во-вторых, относимость к делу книги нельзя разрешить пока мы не видим отрывок, который доктор Штамер собирается использовать. Таким образом, обвинение полагает, что доктор Штамер должен при первой возможности дать нам знать о том на какие отрывки он ссылается, для того, чтобы можно было их перевести и решить о том относятся они к делу или нет.

Теперь четвёртая категория книг или документов, в которых вопрос неясен или же если ясен, то очевидно не относится к делу:

Номер 8 – Фей «Истоки всемирной войны». Номер 10 – речь президента Вильсона от 8 января 1918 – то есть речь из 14-ти пунктов[173]; номер 11 – нота президента Вильсона от 5 ноября 1918 – то есть нота о перемирии; номер 12 – речь господина Поля-Бонкура[174] от 8 апреля 1927; номер 13 – речь генерала Блисса[175] в Филадельфии, которая ранее 1921, потому что она процитирована в «Что случилось в Париже» опубликованной в 1921; номер 14 речь покойного лорда Ллойд-Джорджа[176] от 7 ноября 1927; номер 15 статья лорда Сесила[177] от 1-го мая 1924 и ещё одна от 18 ноября 1926; номер 16 меморандум лорда Ллойд-Джорджа о мирной конференции от 25 марта 1919.

Могу я здесь прерваться. Насколько может судить обвинение, единственная относимость к делу данных книги и документов заключается в вопросе о том соответствовал или нет Версальский договор 14 пунктам президента Вильсона. Обвинение полагает, что это полностью выходит за рамки процесса и является тем против чего выступает устав и не должно исследоваться в суде. Может

---

[172] Уинстон Черчилль (1874 — 1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах.

[173] Четырнадцать пунктов Вильсона — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918 года. Включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций). Неохотно одобренная союзниками США, эта программа частично легла в основу Версальского мира.

[174] Жозеф Поль-Бонкур (1873 — 1972) — французский государственный и политический деятель периода Третьей республики. Дипломат. Министр труда и социального обеспечения Франции со 2 марта по 26 ноября 1911. Военный министр Франции с 3 июня по 18 декабря 1932. Премьер-министр Франции с 18 декабря 1932 по 31 января 1933. Министр иностранных дел Франции с 18 декабря 1932 по 30 января 1934. Министр национальной обороны и военный с 4 по 9 февраля 1934. Государственный министр, постоянный делегат в Женеве с 24 января по 4 июня 1936. Министр иностранных дел Франции с 13 марта по 10 апреля 1938.

[175] Таскер Блисс (1853 – 1930) – американский генерал. Начальник штаба армии США в 1917-1918. Участник мирных переговоров с Германией в 1919.

[176] Дэвид Ллойд Джордж (1863 — 1945) — британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916—1922).

[177] Э́дгар Гаскойн-Сесил (1864 — 1958) — британский юрист, парламентский, общественный и государственный деятель, активный сотрудник и идеолог Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира 1937 года, вручённой ему за заслуги перед Лигой Наций.

быть я ошибаюсь, или так кажется, сложно, в виду собрания документов, предполагать, что имеется другая тема, но может быть, я так скажу, что доктор Штамер сможет достаточно чётко указать на какой предмет направлены эти документы и с учётом долгих документов указать на какой фрагмент он ссылается. Но если предмет такой, о котором я сказал, то согласно обвинения – я говорю от лица всех моих коллег – мы полагаем, что это полностью не относится к делу.

Извиняюсь, мне нужно было включить в эту же категорию номер 21 и 22, который два письма генерала Смэтса[178] в 1919. Их нужно добавить.

Затем я уже рассматривал номер 20, книгу господина Черчилля. Помимо темы о фрагментах, вновь обвинение полагает, что следует дать понять какой вопрос из этой книги будет цитироваться.

Номер 23 это послание господина Чичерина[179], называемого народным комиссаром иностранных дел СССР профессору Людвигу Штейну[180]. Снова обвинение не имеет ни малейшего понимания о том к чему эта тема.

Книга подсудимого Геринга, я уже рассматривал её, и я прошу, чтобы мы получили фрагменты. Номер 28 книга генерала Фуллера[181] «Тотальная война» или эссе «Тотальная война» - снова обвинение не знает о том, к какому предмету она относится.

Затем пятая категория, номер 27 – что «Белая книга[182]» германского министерства иностранных дел.

И я обращаю внимание на номер 4 - документ об англо-французской политике расширения войны; номер 5 - дальнейший документ в отношении западной политики расширения войны; номер 6 - секретные материалы французского генерального штаба; номер 29 - документация и доклады германского министерства иностранных дел относительно нарушений Гаагских правил сухопутной войны и преступлениях против человечности совершённых державами находящимися в состоянии войны с Германским Рейхом. Эти последние документы весьма чётко следуют принципу tu quoque[183]: если Рейх совершал нарушения законов и обычаев войны, то другие могли делать, то же самое. Обвинение полагает, что это полностью не относится к делу. Стандарт установлен конвенциями и это не ответ, даже если правдой было то, что где-то совершались нарушения. Но, конечно

[178] Ян Христиан Смэтс (1870 — 1950) — южноафриканский государственный и военный деятель, премьер-министр Южно-Африканского Союза с 3 сентября 1919 по 30 июня 1924 и с 5 сентября 1939 по 4 июня 1948 года. Фельдмаршал (24 мая 1941 года). Принимал участие в создании Устава Лиги Наций — в частности, предложил мандатную систему. Философ, один из основателей философского течения современного холизма.

[179] Чичерин Георгий (Юрий) Васильевич (1872 — 1936) — российский революционер, советский дипломат, нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918—1930 гг.). Член ЦИК СССР 1—5 созывов, член ЦК ВКП(б) (1925—1930).

[180] Людвиг Штейн (1859 – 1930) — философ и социолог, по происхождению немец из Венгрии.

[181] Джон Фуллер (1878 — 1966) — английский военный историк и теоретик, генерал-майор (1930).

[182] «Белая книга» - сборники документов издавашиеся МИД Германии в 1939-1945.

[183] с лат. — «Ты тоже», менее формально — «Посмотри на себя!» — логическая ошибка. В англоязычных источниках она также называется апелляцией к ханжеству. Она представляет собой попытку дискредитировать логику и оправданность позиции оппонента, основываясь исключительно на том, что сам оппонент не придерживается данной позиции по отношению к себе или другим.

же, есть дополнительная причина, что будет совершенно непрактично и недопустимо если бы этот трибунал должен был погрузиться в дальнейшее исследование каждого утверждения, при этом тенденциозно сформулированного, о том, что кто-то не придерживался этих конвенций.

Обвинение считает – снова я говорю за всех своих коллег – вопрос полностью не относится к делу; и поэтому мы возражаем любым доказательствам, устным или письменным, имеющим такой характер. Конечно же, все мы занимаем точку зрения о том, что мы не имеем возражения, чтобы защита имела доступ к этим документам для того, чтобы использовать их для освежения памяти о прошлом, но мы возражаем их предъявлению в качестве доказательств по причинам которые я привёл.

Председатель: Да, доктор Штамер, наверное, вы можете сказать в первую очередь о том, согласны ли вы, что касается книг, с тем, чтобы вы смогли предоставить фрагменты на которые вы опираетесь? Нельзя ожидать от обвинения и трибунала перевода книг целиком.

Штамер: Я тоже этого не хочу, и мне кажется, что я сделал предисловие к списку моих документов с замечанием в пункте 2 о том, что заявил о готовности указать цитаты. В этой мере, возражение правильное.

Председатель: Да, вижу. Очень хорошо.

Штамер: Ещё одну тему атаковало обвинение, это книги, которые я привожу, и которые ссылаются на Версальский договор. Здесь также, я конкретно укажу на то в какой мере я хочу использовать цитаты из этих книг. Однако, из принципиальных соображений, защите необходимо предоставить право представить свою точку зрения на данный вопрос, в конце концов…

Председатель: Доктор Штамер, все эти книги которые назвал сэр Дэвид, о которых трибунал вынесет уведомление, конечно, вы можете комментировать если пожелаете, также как о любом документе, о котором суд вынес уведомление.

[*Была пауза в слушаниях пока судьи совещались*]

Председатель: Ох, я подумал, вы ссылаетесь на Версальский договор.

Штамер: Нет, на литературу о Версальском договоре.

Председатель: Вы сейчас разбираете те, которые сэр Дэвид перечислил как: 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 21 и 22?

Штамер: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Штамер: Поскольку предъявлено серьёзное обвинение в том, что подсудимые нарушали Версальский договор, защита естественно вынуждена занять позицию относительно вопроса о том как и в какой мере имели место нарушения договора и как и в какой степени договор ещё действовал. В такой степени, по крайней мере,

книги и диссертации которые рассматривают это, являются важными. Мне кажется, что понимания данного вопроса в деталях можно добиться только после представления мною цитат, и это случиться в начале презентации показаний. Я не смог завершить работу.

Председатель: Не путаете ли вы вопрос действия с вопросом справедливости?

Штамер: Нет, сэр.

Председатель: Продолжайте.

Штамер: Мне кажется, в этой сфере защита оправдана требуя представления «Белых книг», потому что содержание «Белых книг», в большой мере, будет иметь значение в вопросе агрессивной войны; и в такой мере также ссылка на эти книги имеет значение. Как мне кажется, будет возможно принять решение после оглашения отдельных цитат из «Белых книг».

Более того, требуется презентация докладов о нарушениях Гаагской конвенции. Мне кажется, что нельзя отказывать в этом ходатайстве говоря о том, что они не рассматривают вопрос о том совершала ли другая сторона такие нарушения. По моему мнению, данный факт, имеет важность в двух видах. Прежде всего, вынося справедливое решение, нужно удостовериться в том, что поведение другой стороны было правильным и безупречным и кроме того это важно, потому что включает вопрос обращения подсудимых к ответным мерам.

Председатель: Думаю вам нужно разобраться с каждой темой за исключением номеров 20, 23 и 28. Номер 20 это книга господина Уинстона Черчилля; 23 это Чичерин и 28 это книга генерала Фуллера. Мы рассмотрим это.

Штамер: Книга номер 20, «Шаг за шагом» Черчилля – здесь мы рассматриваем заявления в которых Черчилль в одном моменте выражает своё мнение о том не санкционировала ли Англия Морским договором 1935 пересмотр Версальского договора.

Кроме того, эта книга имеет значение насколько можно видеть сейчас, в оценке степени перевооружения Англии, наконец, различные моменты в этой книге относятся к личности Гитлера.

Максвелл-Файф: С большим уважением к доктору Штамеру, я скажу о том, что он усиливает мой довод, если доктор Штамер выдвигает тезис о том, что для того, чтобы вынести правильное решение по вопросам стоящим перед трибуналом, нужно исследовать совершали ли воюющие стороны нарушения конвенций, тогда, я скажу, я в целом присоединяюсь к нему. Я не могу добавить чего-либо к этому. Но в отношении господина Черчилля, доктор Штамер выдвинул три мысли: первое, что некоторые отрывки в книге раскрашивают мысль о том, что морское соглашение воздействовало на действие Версальского договора. Эта мысль, на которую очевидно имеется много ответов, включая факты того, что Франция являлась стороной договора и Соединённые Штаты являлись стороной договора на таких же условиях. Но определенно, взгляд господина Черчилля, выраженный в книге, в

отношении юридического влияния на тот или другой договор, по моему соображению не относится к делу.

Равно не относится к делу британское перевооружение и личность самого господина Черчилля. И я покорно полагаю, не вдаваясь в детали, что доктор Штамер, своими примерами, подтверждает аргумент о том, что эти вопросы не относятся к вопросам стоящим перед судом. Мне больше нечего сказать.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал желает знать уступаете ли вы данном вопросе или же вы хотите, что-нибудь сказать по замечанию сэра Дэвида Максвелл-Файфа о книге господина Черчилля. Если вы хотите, сделайте это сейчас.

Но потом, и перед началом вашей аргументации по документам, трибунал хочет заслушать вас далее о документе 8 и вплоть до 22, для того, чтобы вы развили свои аргументы о том, как эти документы относятся к делу. Например, документ 10 и документ 11, речи и ноты президента Вильсона. Как эти документы могут выноситься на процесс или же действие Версальского договора? Однако, следуйте своему порядку.

Штамер: Эти речи формируют основу Версальского договора и они имеют значение, для интерпретации договора. Соответственно важно сослаться на эти речи, для того, чтобы судить о содержании договора и вопросе того правильно ли или ошибочно Германия отменила договор, то есть существует ли нарушение договора, или же договор давал Германии право выйти.

Председатель: Это всё, что вы хотели сказать?

Штамер: Да.

Председатель: Очень хорошо. Вы, что-нибудь скажете о номерах 20, 23 или 28?

Штамер: Я говорил про 20. Номер 23 относится к тем же самым вопросам по поводу интерпретации договора.

Председатель: Заявление комиссара по иностранным делам СССР в 1924…Очень хорошо, вы говорите, что оно относится к интерпретации Версальского договора. И книга генерала Фуллера…

Штамер: Генерал Фуллер также в речи ссылается на личность Гитлера и вопрос перевооружения.

Председатель: Значит вы закончили.

[*Была пауза пока судьи совещались*]

Председатель: Трибунал примет своё решение о ваших свидетелях и документах. Вам есть, что ещё сказать о них?

Штамер: Нет.

[*Профессор, доктор Франц Экснер подходит к трибуне*]

Экснер: С позволения суда, я возьму смелость кое-что добавить к особой причине по которой есть опасность того, что может быть отказано в доказательствах имеющих решающее значение для моего клиента. Это касается доказательств которые покажут, что военные преступления и нарушения международного права совершались и с другой стороны. Обвинитель сказал, что это не относится к делу, с учётом данного процесса. Защита, разумеется, не собирается делать из подсудимых обвинителей, но эти доводы, безусловно, не могут не относится к делу, потому что:

Первое, это имеет отношение к концепции ответных мер в международном праве. Ответные меры оправдывают действия, которые в обычных обстоятельствах являлись бы незаконными. То есть, ответные меры имеют значение, когда отдельная акция является ответом на нарушение международного права совершённое другой стороной. Если, таким образом можно оправдывать возмездие – можно сделать это только доказав нарушения права состоявшиеся с другой стороны…

Во-вторых, я хочу добавить важный момент. Хорошо известно, что эта война в начале велась сравнительно гуманно и…

Председатель: Доктор Экснер, извините, аргумент который вы нам представили полностью раскрыт доктором Штамером и будет рассмотрен трибуналом.

[*Была пауза в слушаниях пока судьи совещались*]

Председатель: Вы продолжите доктор Экснер?

Экснер: Второй момент заключается в следующем: хорошо известно, что в начале войны международное право уважалось обеими сторонами, и война велась гуманно. Лишь во второй фазе войны развилась ужасная ожесточённость среди воюющих держав и по обеим сторонам происходили вещи, которые не санкционирует международное право. По моему мнению, это абсолютно важно в приговоре о преступлении, каким бы ни было преступление, учитывать мотив. Если не знать мотива деяния, нельзя судить о самом деянии. И ожесточённость, которая возникла, чисто психологически в том, как велась война с той и с другой стороны, являлась мотивом для действий которые в обычной ситуации не могли быть оправданы.

Поэтому я прошу трибунал внимательно рассмотреть это, перед тем как объявлять доказательство не относящимся к делу.

[*Была пауза в слушаниях пока судьи совещались*]

Симерс: Я хочу отметить, принципиальный вопрос относительно способа обсуждения относимости доказательств. Если я правильно понимаю трибунал, то сегодня мы должны говорить об относимости тех свидетелей и документов которые должны быть здесь представлены. Именно так заявил трибунал в своём решении от 18 февраля.

Однако, сейчас обвинение подняло дискуссию вокруг документов которые уже есть у нас на руках. Я прошу трибунал понять меня правильно, если я однозначно протестую этому. Ни в коем случае невозможно было обсуждать относимость документов обвинения за недели до их представления. Если бы у меня были в распоряжении, как в случае большинства документов о которых мы говорим, тогда, как защитник, я бы должен был представлять эти документы без согласия обвинения.

Сэр Дэвид сказал о том, что относимость книг, которые находятся здесь в здании должна быть исследована после представления фрагментов из них и затем обвинение решит, относятся ли они к делу. Сэр Дэвид также сказал, что многочисленные книги, которые есть здесь не относятся к делу. Если это ходатайство обвинения будет удовлетворено, тогда это крайне ограничит защиту, чего я не могу принять не протестуя.

Обвинению позволили представлять документы. Суд заявлял о том, что каждое письмо, и каждый документ может быть представлен, и поэтому я не понимаю, почему сейчас мы должны спорить об относимости документов, которые на руках, поскольку, по моему мнению, суд уже сказал о том, что мы будем оспаривать только относимость документов, которые отсутствуют.

Председатель: Думаю, что от имени трибунала я объяснил этим утром – в ответ на аргументы доктора Хорна в интересах подсудимого Риббентропа – то, что трибунал на сегодня направлен на то, чтобы следовать нормам статьи 24(d), которая предусматривает, что трибунал запросит обвинение и защиту о том какие доказательства, при желании, они хотят представить трибуналу и трибунал распорядится о допустимости любого такого доказательства, и я отметил, что причина почему с защитой обращаются немного по-другому чем с обвинением заключается в том, что в случае защиты трибунал вынужден разыскивать свидетелей и доставлять их сюда в Нюрнберг, и трибунал, во многих случаях, должен искать документы или обеспечивать документами и поэтому неразумно, чтобы трибунал просили доставлять сюда свидетелей или документы и это также не согласуется с уставом, пока трибунал не заслушал аргументы о допустимости свидетелей или документов. И это делается. Я думал, что полностью пояснил это в ответе на аргументы доктора Хорна.

Совершенно верно, что вы не можете окончательно решить о допустимости документа или допустимости свидетеля пока вы не заслушали фрагмент в документе на который сслыетесь или вопросы которые нужно задать свидетелю, которые будут или не будут относится к делу. Поэтому, окончательное решение по вопросу допустимости будет приниматься, когда свидетель сядет в кресло и будет опрошен или документ или отрывок из документа будет представлен.

Симерс: Да. Простите меня, но мне кажется, что это также не отвечает на один пункт. Несомненно, правда, что мы обсуждаем здесь документы и свидетелей,

которых нет в нашем распоряжении. Но другое дело, в случае тех документов, которые уже здесь в данном здании и которые в нашем распоряжении как защитников. Приведу пример:

«Белые книги» которые упоминал сэр Дэвид находятся здесь; почему нужно обсуждать их относимость к доказательствам? Этот вопрос не имеет никакого отношения к задержке процесса, ни к доставке документов.

Председатель: Вы хотите, что-то сказать генерал Руденко?

Руденко: Да, господин председатель. Сэр Дэвид уже высказал точку зрения обвинения по вопросу, затронутому защитой. Я хочу добавить к тому, что сказал сэр Дэвид по вопросу заявлений защиты.

Позиция защитника Экснера заключается в том, что защита не намерена превращать обвинителя в подсудимого и в том, что защита воспользуется методом анализа и объяснения событий которые установят мотивы, так как, по его мнению, мотив неизвестен, и для того, чтобы установить этот мотив необходимо исследовать вопрос: нарушались ли как-либо Гаагская и Женевская конвенция[184] другими державами в войне против Германии? По моему мнению, есть причина – и мне кажется, я также выражаю точку зрения всего обвинения – странно слышать такое заявление от адвоката после 3-х месячного процесса и после представления массы доказательств обвинением.

Защита, бесспорно, имеет полное право представлять доказательства – документы и свидетелей – по всем пунктам обвинений, предъявленным против подсудимых, и по утреннему заседанию очевидно, когда обвинение исследовало запрос от подсудимого Геринга, как известно уважаемому трибуналу, обвинение, в своём мнении, дало своё согласие, по большей части, на вызов свидетелей. Но в вопросе доктора Экснера существует разница во мнениях и разница принципиальная.

Обвинение считает невозможным отходить от одного фундаментального и решающего фактора, о том, что это процесс главных военных преступников. Трибунал исследует жестокости совершённые гитлеровскими фашистами и как результат такого положения, не упускает из вида тот факт, что защита, разумеется, представит, после исследования и анализа доказательств уже представленных обвинением, то или иное доказательство которое неким образом сможет изменить индивидуальные детали. Но недопустимо и является серьёзным нарушением устава превращать исследование этих обвинений в уход к вопросам не имеющим никакого отношения к конкретному процессу.

Таким образом, обвинение категорически возражает просьбам и включению таких документов как абсолютно не имеющих отношения к данному

[184] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

процессу, без сомнения ведущих к отступлению от основного факта. Вот, что я хотел добавить к сказанному сэром Дэвидом от имени обвинения.

Председатель: Перед тем как трибунал прервётся, так как это будет сейчас, я хочу сказать, что следующие четверо подсудимых по обвинительному заключению должны назвать своих свидетелей и рассмотреть свои доказательства и документы и относимость документов, к следующей среде до 5 часов вечера. Трибунал потратит целое заседание также как этим утром относительно защиты подсудимых в следующую субботу в 10 часов.

Трибунал откладывается до четверти третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 15 минут*]

Вечернее заседание

Председатель: Я должен сделать объявление. В связи с заявлением, которое я сделал этим утром, трибунал может заслушать ходатайства о свидетелях и документах подсудимых Кальтенбруннера, Франка и Фрика до субботы. Это зависит от хода процесса. Я уже говорил о том, что эти ходатайства должны быть сданы генеральному секретарю до 5 часов вечера среды.

Во-вторых, все подсудимые, иные, нежели вышеуказанные, перечисленные в обвинительном заключении, должны заявить ходатайство с наименованием их свидетелей и относимостью их доказательств, и документах и относимости документов, до 5 часов вечера пятницы.

В третьих, трибунал будет заседать в закрытом режиме в следующий понедельник в 4 часа вечера.

Наверное, я также должен сказать о том, что это не касается – это непосредственно не относится к защитникам, которые представляют преступные организации. Эти представители будут заслушаны после завершения дела обвинения, как уже объявлялось.

Теперь будет Гесс.

Максвелл-Файф: Я только хочу добавить, что если трибунал желает выслушать, что-либо ещё по вопросу репрессалий[185], которые затронул доктор Экснер, господин Додд готов, если трибунал интересует заслушать вопрос далее.

Председатель: Да. Трибунал хочет заслушать сейчас.

Додд: С позволения трибунала, я хочу с самого начала сказать, что, я провёл довольно беглую подготовку в ходе обеденного перерыва в виде нескольких заметок по данному предмету на основе некоторой работы, которую мы проводили ранее. Я

[185] Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

совсем не готов вдаваться в вопрос в большей степени, но я хотел обратить внимание трибунала на некоторые заметки которые мы подготовили, и сказать о том, что в виду утверждения доктора Экснера о том, что некоторые документы представленные защитой или те которые она планирует или надеется приобщить, допустимы по теории или согласно доктрине репрессалий.

Мы хотели бы сказать трибуналу о том, что конвенция 1929 по вопросу обращения с военнопленными непосредственно запрещает использование репрессалий в отношении военнопленных. Между прочим, я могу сказать, что Соединённые Штаты запретили в своей армии инструкции по репрессалиям в отношении пленных уже с 1862 или 1863.

Во-вторых, я хочу отметить, что Гаагские правила вообще не упоминают, постольку, поскольку мы смогли удостовериться, использование так называемых «действий репрессалий» против гражданских лиц.

Кажется, что Брюссельская конференция 1874[186], которая приняла нератифицированную Брюссельскую декларацию, так называемую в международном праве – эта конференция отвергла или исключила некоторые разделы, которые тогда предлагались русскими, имевшие отношение к использованию репрессалий против гражданских лиц. Я привожу это, потому что это интересует и указывает на то, что державы разумеется, обдумывали данный вопрос репрессалий против гражданских лиц уже тогда.

В-третьих, я хочу заметить трибуналу, что в основном всеми авторами по данному предмету говорится, что до действия репрессалий требуется некоторая форма уведомления, и это действие репрессалии направлено против какого-то конкретного примера который как считает первая держава нарушает и которое как кажется может быть обосновано зовом справедливости при использовании действия репрессалии. То, что такого рода уведомление некоторого рода требуется от державы, которая полагает, что ей причинили вред со стороны навредившей державы.

Могу сказать, что обвинение в своём деле особо избегало любой отсылки к хорошо известному инциденту во-время этой войны о связывании военнопленных, потому что, там было некоего рода уведомление, и вопрос разрешился заинтересованными державами.

Таковы положения, которые мы обдумали в ходе обзора в полуденный перерыв и если трибунал хочет, чтобы мы это сделали, мы с радостью подготовимся дальше, и будем заслушаны позднее.

Председатель: Спасибо.

---

[186] Брюссельская конференция 1874 года, — международная конференция по кодификации законов и обычаев войны, которая прошла с 15 (27) июня по 15 (27) августа 1874 год в Брюсселе. Инициатором конференции выступила Россия. Участие принимали Россия, Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Дания, Испания, США, Франция, Великобритания, Иран, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Швеция. Основной целью Конференции являлось уменьшение страдания людей во время вооруженных конфликтов государств посредством кодификации законов и обычаев войны.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, положение в отношение подсудимого Гесса изложено в сообщении доктора Зейдля трибуналу, и у меня есть один-два комментария к нему от имени обвинения.
Председатель: Что вы прокомментируете, доктора Зейдля?
Не будет ли удобнее следовать тому, что было с доктором Штамером, и наверное сэр Дэвид может сказать, имеется ли у него какое-либо возражение, сначала в отношении свидетелей, одного за другим, вы выскажитесь об этом?
Зейдль: Однако я хочу попросить суд разрешить мне краткую вступительную ремарку и заявить ходатайство.
Председатель: Да.
Зейдль: Милорды, из того, что произошло на утреннем заседании, я составил убеждение о том, что процесс вошёл в решающую стадию, во всяком случае, что касается защиты. Соответственно я чувствую своим долгом заявить следующее ходатайство.

Я хочу попросить, чтобы суд на данном этапе процесса, при изучении относимости доказательств представляемых защитой, ограничивал себя свидетелями и отложил исследование относимости документов на более позднее время. Для установления причины для этого я позволю себе отметить следующее:

В первый раз 17 декабря 1945 суд вынес решение по вопросу представления доказательств защиты. В этом решении обсуждались только свидетели, но не документы. Второе решение от 18 февраля то, в котором было сделано предварительное замечание: «с целью избежать задержки в обеспечении свидетелями и документами, защита должна…» и затем остальное.

Милорды, по моему мнению, этот вопрос, имеет ли документ относимость или нет, можно решить только, когда у меня будет этот документ в моих руках, другими словами, когда я знаком с точным содержанием этого документа. Невозможно в обобщённой процедуре, такой как сейчас, в которой должна быть решена допустимость целых книг, выносить соответствующее решение о том относится к делу конкретный отрывок или нет. Этот вопрос можно решить чётко и ясно, только если обвинение и суд, также имеют документ в своих руках, который хочет представить защита. Я убеждён…
Председатель: Но, доктор Зейдль, я дважды сказал этим утром о том, что вопрос окончательной допустимости, свидетелей в качестве доказательства или документального доказательства, можно окончательно разрешить, когда документ предъявлен или когда свидетелю задан вопрос. То о чём мы сейчас говорим это имеется ли у документа какая-либо относимость и необходимо ли его разыскивать или направлять за ним.
Зейдль: Да. Если я правильно вас понимаю, господин председатель, не нужно…
Председатель: Доктор Зейдль, трибунал считает, что вам лучше рассмотреть ваших свидетелей, и мы не желаем заслушивать дальнейшие общие доводы по данному

предмету. Мы хотим услышать от вас о документах и свидетелях, которых вы хотите вызвать и представить.

Зейдль: Тогда, это вопрос документов находящихся в моём распоряжении, а не документов которые я хочу получить.

Председатель: Да, документы о которых вы хотите сказать.

Зейдль: Это вопрос обо всех документах, а не просто документах, которые нужно получить.

Председатель: Что же, перед нами ваше ходатайство об отдельных свидетелях и некоторых документах, и мы желаем заслушать вас об этом ходатайстве.

Зейдль: Хорошо, но к следующей среде для подсудимого Франка я должен подготовить список, и я хочу знать следует ли предъявлять документы которые уже есть у меня на руках.

Председатель: Что же, сначала вам лучше рассмотреть ваших свидетелей таким же образом как сделал доктор Штамер.

Зейдль: Первая свидетельница, которого я планирую заслушать это госпожа Ингеборга Берг, бывшая секретарша подсудимого Рудольфа Гесса.

Максвелл-Файф: Милорд, я этого до сих пор не видел.

Председатель: Свидетельница которую он хочет вызвать это Ингеборга Берг, правильно?

Максвелл-Файф: Если доктор Зейдль говорит мне, что эта леди была личным секретарём Гесса, мне кажется, prima facie[187], разумным обсудить, чтобы была возможность обсудить вопрос. Как общее правило мне кажется разумным, чтобы была вызвана личная секретарша которая подтвердит вопросы которые затрагивают подсудимого. Я не думаю, что кто-либо из моих коллег с этим не согласен.

Зейдль: Мой второй свидетель это предыдущий гауляйтер и глава Auslands-Organisation[188] НСДАП, Эрнст Боле[189], который находится здесь под стражей.

Председатель: Доктор Зейдль, вы не следуете процедуре о которой попросил вас следовать трибунал. Вы не указываете на относимость к делу доказательств, которые вы хотите представить. Вы ссылаетесь на какое-то более раннее ходатайство. Трибунал сейчас не имеет у себя всех этих ходатайств и поэтому хочет знать в каком отношении доказательства Ингеборгы Берг относятся к делу.

Зейдль: Свидетельница Ингеборга Берг являлась секретаршей подсудимого Гесса в его посреднических ведомствах в Берлине. Она готова сделать заявления относительно времени, когда Гесс начал подготовку к полёту в Англию и о том, что это были за приготовления.

[187] «На первый взгляд» (лат.)

[188] «Зарубежная организация» (нем.)

[189] Эрнст Вильгельм Боле (1903 — 1960) — партийный и государственный деятель Третьего рейха, гауляйтер, руководитель Зарубежной организации НСДАП, государственный секретарь рейхсминистерства иностранных дел Германии, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943 года). Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы.

Далее она готова свидетельствовать о том, каким было отношение Гесса к еврейскому вопросу в конкретном случае, в связи с еврейским погромом 8 ноября 1938.

Председатель: Она в Нюрнберге?

Зейдль: Она здесь в Нюрнберге.

Председатель: Если хотите, можете рассмотреть второго свидетеля.

Зейдль: Второй свидетель это предыдущий гауляйтер Auslands-Organisation НСДАП Эрнст Боле. Он в заключении под стражей в Нюрнберге. Он готов свидетельствовать о том осуществляла ли Auslands-Organisation деятельность которая могла показаться деятельностью пятой колонны.

Максвелл-Файф: О втором свидетеле, это одно из наших утверждений против Auslands-Organisation и поэтому это относится к делу. Я не имею возражения.

Зейдль: Вальтер Шелленберг[190] это третий свидетель, которого я называю. Буду ли я вынужден поддерживать это ходатайство я смогу судить только после предоставления мне судом возможности поговорить с этим свидетелем, который находится в Нюрнберге. Я не знаю, сможет ли этот свидетель предоставить доказательства об интересующем времени, до 10 мая 1941. Я хочу избежать траты времени трибунала, заслушиванием свидетеля чьё заслушивание не предоставит важных доказательств. Соответственно я прошу у трибунала, прежде всего разрешения поговорить со свидетелем в целях получения информации.

Председатель: Вам есть, что-нибудь сказать на это сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Я понимаю, что данный свидетель Шелленберг был вызван обвинением.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Я полагаю, что будет весьма нежелательно, чтобы со свидетелями были частные разговоры перед перекрёстным допросом. Если доктор Зейдль желает перекрёстно допросить свидетеля Шелленберга, то он должен ходатайствовать перед судом о перекрёстном допросе в открытом суде.

Председатель: Что же, я думаю, помню, что некоторые из защитников просили отложить дальнейший перекрёстный допрос доктора Шелленберга.

Максвелл-Файф: Милорд, моё возражение не относится к дальнейшему перекрёстному допросу, конечно же, в этом вопросе решать суду, так как свидетель в его руках. Но по моим воспоминаниям доктор Меркель и доктор Кауффман также хотели перекрёстно допросить свидетеля, и поэтому я полагаю, что и в целом и в конкретном случае, было бы весьма нежелательно для какого-либо защитника который хочет перекрёстно допрашивать получить частный разговор со свидетелем до его перекрёстного допроса. Этому я хочу возразить.

[190] Вальтер Шелленберг (1910 — 1952) — начальник внешней разведки службы безопасности (SD-Ausland — VI управление РСХА), бригадефюрер СС Член НСДАП с 1933 года. Осужден американским военным трибуналом к 6 годам лишения свободы.

Председатель: Да, но если защитники окончательно решат, что они не собираются перекрёстно допрашивать свидетеля, полагаю они могут допросить по собственной инициативе если захотят это сделать, вызвав его.

Максвелл-Файф: Что же, господин председатель, я никогда не слышал, чтобы такой процедуре следовали. Если свидетель вызван одной стороной, другая сторона должна, по моему покорному соображению, делать то, что должна в перекрёстном допросе. Свидетель в суде, так как обвинение вызывало свидетеля, тогда я полагаю, что защита должна разобраться со свидетелем путём перекрёстного допроса. Она имеет дополнительные права которые даёт перекрёстный допрос, что является компенсацией за другие права, которые она бы имела будь у неё свой свидетель.

Зейдль: Наверное, мы можем найти решение в виде отказа от права перекрёстного допроса, и если свидетель сможет сказать нечто важное, я смогу составить с ним письменные показания. Мне не кажется, что обвинение этому возразит.

Председатель: Сэр Дэвид, так как не имеется технических правил доказывания на данном процессе, не будет ли спорным, как скажете, если защите разрешить увидеть Шелленберга в присутствии представителя обвинения, это будет удовлетворительно для него?

Максвелл-Файф: Я уверен, что всё, что желает обвинение это интересы правосудия, и если трибунал считает, что это будет подходящим методом, то обвинение не имеет возражения.

Председатель: Если не хотите сказать, что-то ещё о Шелленберге, трибунал рассмотрит ваше ходатайство.

Зейдль: Очень хорошо.

Председатель: У вас есть какие-нибудь другие свидетели, к которым вы хотите обратиться?

Зейдль: В настоящее время, нет. Однако, согласно решению от 18 февраля, каждый защитник имеет право до завершения процесса, просить разрешения вызвать других свидетелей.

Председатель: Думаю сейчас время для вашего ходатайства, согласно распоряжению трибунала, на которое вы сослались, сейчас то время, когда вы вправе ходатайствовать о любых свидетелях, которых хотите. Трибунал всегда имеет усмотрение которое он осуществляет, если вы предпочитаете заявить какие-либо дальнейшие ходатайства. Если позднее вы хотите попросить о других свидетелях, трибунал всегда рассмотрит ваше ходатайство.

Это понятно?

Зейдль: Да, господин председатель.

Что касается вопроса Auslands-Organisation, Volksbund fur das Deutschtum im Ausland[191] и Bund Deutscher Osten[192] по отношению к деятельности пятой

[191] «Объединение немцев, живущих за границей» (нем.)
[192] «Союз немцев Востока» (нем.)

колонны, дальнейший свидетель который вхож в этот вопрос это брат подсудимого Рудольфа Гесса, Альфред Гесс[193], который являлся ранее заместителем гауляйтера Auslands-Organisation, и сейчас находится в Мергентхайме в лагере интернированных.

Председатель: Что же, у нас нет ходатайства об этом. Если вы хотите заявить дальнейшее ходатайство вы можете это сделать.

Зейдль: Я заявляю ходатайство.

Председатель: Вы говорите, что заявляете его сейчас?

Зейдль: Если возможно я хочу заявить ходатайство сейчас, поскольку трибунал попросил меня выступить. Я конечно позже представлю ходатайство в письменном виде.

Председатель: Тогда, трибунал заслушает вас сейчас, об этом ходатайстве, и вы можете приобщить письменное ходатайство в целях протокола.

Зейдль: Очень хорошо.

Председатель: Как его имя?

Зейдль: Гесс, Альфред. Его последняя официальная должность заместитель гауляйтера Auslands-Organisation НСДАП. Сейчас он в лагере интернированных в Мергентхайме.

Председатель: Да? С какой целью? Вы сказали, потому что он собирается говорить о деятельности пятой колонны, так ли это?

Зейдль: Относительно пятой колонны и относительно вопроса имели какое-либо отношение Auslands-Organisation НСДАП и Volksbund fur das Deutschtum im Ausland и Bund Deutscher Osten к пятой колонне или нет.

Председатель: Сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Милорд, я уже согласился с этим как с относящимся к делу вопросом, и поэтому единственный вопрос это кумулятивность. Подсудимый Гесс лично способен высказаться об этом, и далее свидетель, если трибунал позволит.

Трибунал хорошо может понять, по моему соображению, что письменные показания или опросные листы от третьего лица по данному пункту будут достаточными, если не раскрывается другой вопрос, о котором доктор Зейдль может вызвать свидетеля.

Председатель: Что же, вы можете перейти к вашим документам.

Зейдль: Очень хорошо. Моё намерение заключается в первую очередь в оглашении дальнейших отрывков из отдельных документов в документальной книге Рудольфа Гесса, которая представлена обвинением для того, чтобы установить связь. Дальнейшее обоснование относимости этих документов было бы излишним, поскольку это полностью вопрос документов представленных обвинением, которые уже приняты в качестве доказательств судом.

Максвелл-Файф: Милорд, ходатайство в следующей форме:

---

[193] Альфред Гесс (1897 – 1963) – нацистский политик.

«Я намерен огласить страницы из следующих книг: «Речи Рудольфа Гесса»; «Директивы заместителя фюрера». Относимость данных документов может быть подтверждена простым фактом того, что они обе уже приобщены в качестве доказательства обвинением».

Постольку поскольку документы являются документами уже находящимися у трибунала, доктор Зейдль может, в обычных рамках, прокомментировать их как он захочет. Если он намерен приобщить другие речи и директивы, документы такого же рода, тогда обвинение попросит о том, чтобы он указал на то какие речи и какие директивы он собирается приобщать.

Зейдль: То, что прочёл сейчас сэр Дэвид Максвелл-Файф является вторым пунктом моего ходатайства. Это правда, что я также намерен огласить отдельные отрывки из книги «Речи Рудольфа Гесса», а также из книги «Директивы заместителя фюрера». Но поскольку обвинение уже представило отрывки из обеих книг в качестве доказательства, которые уже приняты в качестве доказательства, мне кажется, я могу сказать, что есть по крайней мере отрывки из этих книг – и здесь вопрос документов – о том, что большинство полностью относятся к делу. Относятся ли к делу те отрывки которые я хочу зачитать или нет можно решить только, когда я представлю эти документы и именно это я имел в виду своими замечаниями в начале, о том, что возможно решить об относимости документа только, когда перед собой имеешь этот документ и знаешь точное содержание.

Максвелл-Файф: Надеюсь, доктор Зейдль поймёт, что это больше технический вопрос. Если он собирается представить новые речи и новые директивы, они должны быть переведены на английский, русский и французский языки, и поэтому будет нужно, в целях обшего прогресса процесса, чтобы он указал те отрывки, которые он приобщает для того, чтобы можно было их перевести и рассмотреть.

Я уверен в том, что доктор Зейдль желает использовать только относящиеся к делу отрывки. Естественно, каждый политик произносит много речей по многим предметам и некоторые из речей Гесса могут, не относится к делу.

Я предлагаю, что это не неразумно, мы пытаемся помочь общему прогрессу процесса тем запросом, который я заявил.

Зейдль: Конечно же, господин председатель, я оглашу только те отрывки из речей и небольшие, которые относятся к делу. Я не намерен выбирать целые разделы книг для перевода. Я формально заявляю трибуналу, что ни в качестве представителя подсудимого Гесса ни в качестве защитника подсудимого Франка я не приобщу ни одного документа, который бы не относился к делу.

Председатель: Да, но то, что сказал сэр Дэвид было о мехнике процесса, ввиду неудачного факта, что не все мы понимаем немецкий язык, необходимо, чтобы эти документы на немецком языке были переведены. Поэтому вам нужно обозначить на какую речь и на какую часть речи вы предлагаете сослаться, и затем она будет переведена.

Зейдль: Господин председатель, я включу каждый отрывок который я намерен прочесть в документальную книгу и в удобное время, представлю суду и обвинению каждый отрывок из речи которую я намерен прочесть в документальной книге. Это не задача обвинения, ни генерального секретаря, делать работу, которую я сделаю.

Максвелл-Файф: Милорд это совершенно правильно. Это именно та мысль которую я делаю.

Председатель: Очень хорошо, теперь вы дошли до параграфа 3.

Зейдль: Да. В-третьих, я зачитаю отрывки из отчёта о совещании между подсудимым Рудольфом Гессом и лордом Байроном, который как я помню, был лордом хранителем печати, и которая состоялась 9 июня 1941. На ней разъяснялись мотивы и цели которые вызвали полёт подсудимого Гесса в Англию. Относимость вытекает непосредственно из того факта, что обвинение, со своей стороны, представило в качестве доказательства отчёты господина Киркпатрика[194] о его встрече с Гессом.

Максвелл-Файф: Если доктор Зейдль думает, что эта беседа, что-то добавляет к беседе с герцогом Гамильтоном[195] и господином Киркпатриком, я не возражаю оглашению отчёта.

Председатель: Где документ?

Зейдль: Он у меня.

Председатель: Какого характера документ? Какая у него аутентичность? Кто его подготовил? Кто написал?

Зейдль: Документ обнаружен в числе бумаг подсудимого Гесса, которые вручили ему, когда его доставили из Англии в Германию. Это копия подлинника, то есть угольная копия, и серия официальных штампов без сомнения подтверждающих, что это угольная копия с подлинника.

Председатель: Трибунал хочет увидеть документ.

Зейдль: Очень хорошо.

Председатель: Если вы дадите нам документ, мы его рассмотрим.

Зейдль: Очень хорошо.

Председатель: Вы закончили вашу презентацию?

Зейдль: Да.

Председатель: Тогда есть письмо, не так ли? Есть два других документа на которые ссылаются, но вы не просите нас о них? Документ о письме Гитлера о рейхскабинете от 10 мая 1941?

Зейдль: Данное ходатайство кажется, подготовлено моим предшественником, адвокатом Роршейдтом. Я хочу иметь возможность изучить его относимость к делу.

Председатель: Очень хорошо. Сэр Дэвид, вы, что-то хотите сказать о нём?

---

[194] Эйвон Киркпатрик (1897 – 1964) – британский дипломат. В 1940-1944 начальник департамента информации министерства иностранных дел Великобритании.

[195] Дуглас-Дуглас Гамильтон (1903 – 1973) – шотландский аристократ и авиатор.

Максвелл-Файф: У нас нет документа. Обвинение не имеет письма, которое подсудимый Гесс направил Гитлеру и мы не можем в этом помочь.
Председатель: Очень хорошо. Если документ можно найти, его вам представят.
Зейдль: Очень хорошо.
Председатель: Итак, доктор Хорн.
Хорн: Моё намерение заключается в том, чтобы вызвать в качестве следующего свидетеля для подсудимого Риббентропа бывшего посла Фридриха Гаусса[196], в настоящее время находящегося в лагере в Миндене около Ганновера. Посол Гаусс более чем три десятилетия являлся главой правового департамента германского министерства иностранных дел. Мне кажется, что этот свидетель необходим лишь в виду одной этой функции.
Максвелл-Файф: Если доктор Хорн будет делать так как доктор Штамер и останавливаться на секунду, когда он представляет свидетеля, я также смогу указать имеется ли возражение.
Хорн: Конечно.
Максвелл-Файф: Что касается господина Гаусса, возражения нет, с учётом одного момента в котором я могу назвать министерство иностранных дел группой свидетелей, и я думаю, будет удобнее, если я рассмотрю это сейчас, и затем доктор Хорн рассмотрит это за один раз.

Доктор Хорн попросил о господине Гауссе, госпоже Бланк, которая являлась личной секретаршей и затем свидетелях 3-7, пятерых сотрудниках министерства иностранных дел, господине фон Зоннлейтнере[197], господине фон Ринтелене[198], Готтфридсен, Хильгер[199] и Брунс.

Положение такое, что есть сомнение в том будет ли госпожа Бланк допущена или нет трибуналом, и двое свидетелей, фон Зоннлейтнер и Брунс были допущены 5 декабря. Фон Зоннлейтнер был допущен в качестве одного из двух и господину Брунсу был предоставлен simpliciter[200].

Обвинение обращает внимание трибунала на тот факт, что ни о каких специальных фактах в отношении которых выступят свидетели в настоящее время ходатайства не подпадают под регламент 4(а), но обвинение предлагает:

Что разумно, чтобы подсудимый имел некоторых свидетелей которые выступят за министерство иностранных дел и деятельность, но оно предлагает, что если у него будет господин Гаусс и его личная секретарша, госпожа Бланк, чтобы тот или другой сотрудник министерства иностранных дел выступил в целом об

---

[196] Фридрих Гаусс (1881 – 1955) – немецкий дипломат. Начальник правового департамента МИД Германии в 1923-1943.
[197] Франц фон Зоннлейтнер (1905 – 1981) – немецкий дипломат. Представитель МИД при ставке Гитлера в последние годы войны.
[198] Эмиль фон Ринтелен (1897 — 1981) — немецкий дипломат. В 1940-1943 сотрудник личного штаба министра иностранных дел Германии.
[199] Густав Хильгер (1886 — 1965) — германский дипломат. В 1923 – 1941 сотрудник посольства Германии в СССР.
[200] Юридический термин означающий предоставление права дать показания.

общих методах, и фон Зоннлейтнер это вопросы министерства иностранных дел. Оно полагает, что вызов семерых свидетелей которые рассмотрят общее положение дел, необоснованно кумулятивно и что трёх достаточно.

Я надеюсь, трибунал не обдумает рассмотрение мною семерых свидетелей, но по сути моя мысль включает их количество.

Хорн: Могу я кое-что сказать в ответ на это? Доктор Гаусс, по всей вероятности, будет моим главным свидетелем защиты. Поэтому, с 10 ноября 1945, я и мой предшественник делали всё, чтобы найти этого свидетеля, и после того как это получилось, доставить его сюда. Я знаю, что свидетель, хотя он обнаружен, не здесь. Соответственно, я не знаю по каким вопросам он сможет предоставить нам опровергающие доказательства. По этой причине я также предпочту не ограничиваться в отношении других свидетелей министерства иностранных дел. Я хочу выразить сомнение в следующем: свидетели, которые перечислены в дополнении, это дополнительные свидетели от министерства иностранных дел, не являются свидетелями которые должны дать показания по рутинным вопросам, как выразился сэр Дэвид, про общие дела министерства иностранных дел, но они являются свидетелями которые могут представить опровергающие доказательства по специальным темам, которые затронуло обвинение.

Соответственно я предлагаю, чтобы окончательное решение было принято в связи с вызовом других свидетелей только после того как посол Гаусс будет здесь. В связи с данным заявлением, я хочу попросить суд снова лично содействовать мне в обеспечении этого чрезвычайно ценного свидетеля, потому что я могу представить свои опровергающие доказательства в письменном виде генеральному секретарю вовремя, только если он здесь будет как можно скорее.

Председатель: Да. Что же, мы это рассмотрим. Это касается 1-7, не так ли?

Хорн: Господин председатель, могу я заметить, что я хочу опустить свидетельницу номер 2, госпожу Маргрете Бланк. Соответственно не 2-7, а 3-7.

Могу я дать пояснение: госпожа Бланк многие годы была секретаршей бывшего министра иностранных дел фон Риббентропа, в особенности с 1933. Свидетельница Бланк подготовила целую серию решающих таблиц и заметок и также обсудила решающие моменты с Риббентропом в связи с этими рукописями. Соответственно я имею в виду меморандум который прямо ссылается на обвинения и поэтому я прошу о том, чтобы изначальное решение трибунала, которым нам разрешили эту свидетельницу было поддержано.

Председатель: Значит, вы говорите, не так ли, чтобы посол Гаусс и госпожа Бланк были доставлены сюда как можно скорее, и что соображения по другим свидетелям 3-7 следует отложить до возможности встречи с Гауссом и Бланк?

Хорн: Да, господин председатель. В отношении госпожи Бланк, я могу сказать, что она в лагере интернированных рядом с Нюрнбергом в Герсбруке.

Председатель: Вы имеете в виду, что госпожа Бланк находится в лагере рядом с

Нюрнбергом и вы сможете поехать к ней и посетить, и поговорить с ней?
Хорн: Да, господин председатель, это возможно.
Председатель: Очень хорошо.
Хорн: Могу я толковать это как разрешение посетить госпожу Бланк с целью её допроса?
Председатель: Мы поняли это из вашего ходатайства, и мы это рассмотрим.
Хорн: Благодарю, господин председатель.

Что касается моего следующего свидетеля, я называю бывшего группенфюрера СС и личного адъютанта Гитлера, находящегося в Нюрнберге в одиночном заключении.
Председатель: Да, сэр Дэвид?
Максвелл-Файф: В отношении данного свидетеля, ходатайство говорит о том, что было важное совещание между Гитлером и подсудимым фон Риббентропом и, что он может сказать о тех вещах которые происходили. Если это так, если он может сказать как присутствовавший на совещании, обвинение не имеет возражений.

Оно возражает – и этот пункт возник в отношении количества свидетелей – тому, что я называю самосозданное доказательство. То есть, если свидетель просто придёт сюда сказать о том, что подсудимый говорил про то, что у него были некие взгляды, по мнению обвинение это никак не развивает предмет. Если я понимаю, этот свидетель говорит как наблюдатель на совещании, и как таковому мы не имеем возражения.
Хорн: Я хочу заверить сэра Дэвида, что этот свидетель имеет сведения из первых рук о решающих событиях и может дать такие показания.

Мой следующий свидетель это Адольф фон Штеенграхт[201], с 1943 секретарь германского министерства иностранных дел. Этот свидетель сейчас в Нюрнберге в одиночном заключении.
Максвелл-Файф: Если трибунал будет любезен, взглянуть на седьмую строчку внизу ходатайства, там говорится, что Штеенграхт далее свидетельствует о том, что вопреки утверждениям главного обвинителя Соединённых Штатов, протесты от церквей и от Ватикана всегда рассматривались, таким образом, избегая ещё худших эксцессов.

Если это означает это – и английский язык немного беднее – то, что подсудимый Риббентроп пересылал протесты от церквей Гитлеру, тогда обвинение ощущает, что оно вправе не возражать этому свидетелю.
Хорн: Я могу сказать в отношении этого господин председатель, что эти протесты представлялись не только Гитлеру, но и более того, по инициативе и приказам подсудимого, другим германским ведомствами заинтересованным в этих

---

[201] Адольф Штеенграхт фон Мойланд (1902 — 1969) — дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии, государственный секретарь МИДа (31 марта 1943 года — май 1945 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

нарушениях международного права, в целях разрешения трудностей возникающих из протестов от церквей и Ватикана.

Председатель: Очень хорошо. Мы можем продолжить с 10?

Хорн: Мой свидетель номер 10 это Далерус. Господин Далерус уже долго сегодня обсуждался, и я хочу знать, необходима ли дальнейшая дискуссия об этом свидетеле.

Максвелл-Файф: Я уже представил свою общую позицию в отношении Далеруса. Видимо этот подсудимый хочет его по конкретному пункту, а именно приказу от Гитлера, и я полагаю, что подходящим способом было бы, если доктор Хорн добавил опросный лист об этом.

Prima facie[202], весьма маловероятным кажется, что Гитлер сообщил свой частный приказ шведскому инженеру, но в виду того факта, что об опросных листах распорядились, я предлагаю, чтобы доктор Хорн направил другой опросный лист об этом.

Хорн: Господин председатель, могу я сделать замечание в связи с этим? Это не как было переведено, команда Гитлера, а вопрос решающей ноты в начале Второй мировой войны.

Максвелл-Файф: Моя позиция уходит в большое рассмотрение этих просьб. То, что единственное доказательство если господин Далерус может сказать о том, что сказал Гитлер, что Гитлер сказал ему. Это не доказательство, если господин Далерус говорит: «Господин Риббентроп сказал мне о том, что Гитлер так приказал». Это не добавляет к доказательствам самого подсудимого.

Поэтому, я думаю важно, чтобы перед тем как судить о доказательственной ценности, вопрос должен быть поставлен, как я предлагаю, путём опросного листа.

Председатель: Доктор Хорн, пока вы ничего не добавили в связи с этим свидетелем, мы остановимся на этом, потому что мы думаем, что невозможно продолжать сегодня, и видимо невозможно завершить всё ваше ходатайство этим вечером, поэтому вы хотите, что-то добавить о Далерусе?

Хорн: Да, я хочу сделать короткое заявление в ответ на то, что сэр Дэвид считает решающим для доказательств. Господин Далерус пока не говорит здесь, о том, что слышал от Риббентропа, он даст показания о том, что слышал о Риббентропе от важного лица и от самого Гитлера, и вот почему я считаю его особо важным.

Максвелл-Файф: Милорд, общий пункт, в случае свидетелей, о которых просит доктор Хорн, я подготовил комментарии обвинения, и они напечатаны на английском языке. Трибунал поймет, что мы получили ходатайство только вчера, и его надо было переводить и оно не готово сегодня.

Я не получил этот перевод, но я вручаю копию доктору Хорну неформально, для того, чтобы он был информирован и может быть полезно, если бы

[202] «На первый взгляд» (лат.)

я вручил её, потому что это сократит слушания и также послужит в качестве протокола, когда трибунал возобновит рассмотрение этих пунктов. Я не знаю нравиться ли это трибуналу.

Председатель: Да, очень хорошо. Тогда мы откладываемся.

Я хочу спросить советского главного обвинителя, будет ли удобно советскому обвинению, что мы продолжим в понедельник утром с исследования свидетелей и доказательств. Думаю это займёт всё утро, если мы рассмотрим ходатайства подсудимого Риббентропа и затем подсудимого Кейтеля, для того, чтобы с учётом этого советское обвинение, если следовать такому курсу, приступило в 2 часа. Так будет удобно?

Руденко: Если это удобно для трибунала то и для нас, господин председатель.

Председатель: Есть один момент, о котором я хочу вас спросить. Я думаю, трибунал был уведомлен о том, что у советского обвинения были два свидетеля которых предложили вызвать. Я думаю, мы говорили о том, что генерал Варлимонт[203] и генерал Гальдер[204], должны быть вызваны для предоставления защите возможности их перекрёстно допросить.

Руденко: Если трибунал желает, я доложу об этом вопросе. Я ознакомился с расшифровкой докладов генерала Зоря и полковника Покровского, когда обсуждался вопрос свидетелей Гальдера и Варлимонта. Советская делегация считает, что не имеется оснований для возражений допросу судом свидетелей, генералов Варлимонта и Гальдера, по просьбе защиты. Но советское обвинение намерено просить трибунал представить этих свидетелей как свидетелей от имени советского обвинения.

Я хочу снова доложить о плане, который продумало советское обвинение в связи с завершением презентации доказательств. Нам остаётся представить трибуналу последний раздел «Преступления против человечности». Презентация этого займёт приблизительно 3-4 часа.

Кроме того, мы просим трибунал разрешить нам допросить эпизод за эпизодом, четырёх свидетелей, советских граждан, которых специально доставили в Нюрнберг и находящихся в Нюрнберге. Таким образом, мы считаем, что если мы начнём нашу презентацию завтра в 2 часа, тогда во вторник мы закончим нашу презентацию по всем пунктам.

Председатель: Трибунал ожидает представления до завершения советского дела генералов Варлимонта и Гальдера, не от советского обвинения для их допроса, а для перекрёстного допроса защитой если защита хочет этого, но это может состоятся в удобное для вас время. Если хотите, их можно вызвать в 2 часа в понедельник, если

---

[203] Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.

[204] Франц Гальдер (1884 — 1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск Вермахта в 1938—1942 годах.

предпочитаете, в конце советской презентации, либо во вторник вечером или в среду утром, когда для вас удобно.

Руденко: Как я уже заявил, советское обвинение не думает представлять ни Гальдера, ни Варлимонта. Советское обвинение не возражает тому, чтобы по просьбе защиты, Гальдер и Варлимонт прошли перекрёстный допрос. Насколько мне известно, ещё в прошлом декабре, трибунал удовлетворил ходатайство защиты о вызове Гальдера в суд в качестве свидетеля.

Таким образом, мы кажется, для того, чтобы ускорить представление материала советского обвинения, это не сильно повлияет на существенные вопросы, чтобы допрос свидетелей Варлимонта и Гальдера был проведён на процессе во время презентации доказательств защиты.

Насколько мне известно, ходатайством подсудимого Кейтеля, которое представлено трибуналу, Гальдер и Варлимонт указаны в качестве свидетелей и подсудимый Кейтель и его адвокат ходатайствовали об их допросе в качестве свидетелей от имени защиты.

На основе этого, я считаю, что допрос этих свидетелей может пройти во время презентации доказательств защиты.

Председатель: Трибунал понял, что и генерал Варлимонт и генерал Гальдер находятся в Нюрнберге. Это так?

Руденко: Да.

Председатель: Наверное, наиболее удобным будет для трибунала понять, о чём именно распорядился трибунал в отношении их вызова. Мы просмотрим стенографические записи и посмотрим, какое распоряжение мы приняли и рассмотрим вопрос в понедельник.

Между тем в понедельник, мы продолжим, так как вы сказали удобно для вас, с ходатайствами доктора Хорна о подсудимом Риббентропе и ходатайствах доктора Нельте от имени подсудимого Кейтеля, и мы будем заседать только с 2 до 4 часов вечером в понедельник.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 25 февраля 1946*]

День шестьдесят седьмой

Понедельник, 25 февраля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Хорн, последним вы, как мне кажется, рассматривали Далеруса.

Хорн: Это так, господин председатель.

В качестве следующего свидетеля, я прошу трибунал вызвать генерала Кёстринга[205], бывшего военного атташе в Москве и находящегося в тюрьме в Нюрнберге. В данном случае я готов отказаться от личной явки свидетеля, если будут разрешены письменные показания.

Максвелл-Файф: Милорд, мы возражаем этому свидетелю и поэтому доктор Хорн может развить мысль, если хочет.

Председатель: Вы ему возражаете?

Максвелл-Файф: Возражаем.

Хорн: Вместе с тем, я прошу трибунал вызвать свидителя по данному делу.

Первоначально, была возможность, как мне говорили, что свидетеля может вызвать обвинение. Поскольку этого не произошло, я прошу одобрить этого свидетеля, потому что он принимал участие в германо-русских переговорах с августа по сентябрь 1939 в Москве и до начала боевых действий против Советского Союза находился на этом посту. Таким образом, свидетель может рассказать нам об отношении авторитетных немецких кругов и личностей к германо-русскому пакту[206]. По этим причинам я прошу трибунал вызвать его в качестве свидетеля.

Руденко: Как уже сказал сэр Дэвид Максвелл-Файф обвинение возражает вызову данного свидетеля. Я лишь хочу уточнить позицию обвинения по данному вопросу. Тот факт, что свидетель участвовал или присутствовал на августовско-сентябрьских переговорах 1939 весьма мало интересует трибунал. Трибунал в основном исходит

---

[205] Эрнст-Август Кёстринг (1876 — 1953) — немецкий дипломат и военачальник, генерал кавалерии. В 1931—33 годах военный атташе Германии в Москве. В марте 1933 года был отправлен в отставку в чине генерал-майора. В августе 1935 года возвращён на службу. В 1935—41 годах — вновь военный атташе Германии в Москве, до октября 1938 года — и в Литве В июне 1941 — сентябре 1942 года находился в резерве. Использовался в качестве эксперта по русским вопросам. С сентября 1942 года — уполномоченный по вопросам Кавказа при группе армии «А». Отвечал за формирование «туземных» воинских частей. С июня 1943 года — инспектор соединений народов Северного Кавказа. С 1 января 1944 года — генерал добровольческих соединений при ОКВ.

[206] Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова — Риббентропа) — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

из факта существования данного соглашения и его вероломного нарушения Германией. Соответственно, вызов данного свидетеля, чтобы описать данные переговоры лишь затянет ход процесса.

Хорн: Господин председатель, извиняюсь, я не смог понять ответ и доводы генерала.

Председатель: Генерал, вы повторите?

Руденко: Хорошо. Я сказал, в связи с протестом сэра Дэвида от имени обвинения, против вызова данного свидетеля, что я хотел пояснить, что вызов данного свидетеля по вопросу его присутствия на переговорах 1939 в Москве вообще не имеет никакого интереса для трибунала. Трибунал исходит из фактов о том, что это соглашение было заключено в 1939 и вероломно нарушено Германией.

Я считаю, что вызов данного свидетеля в трибунал излишен, поскольку спорный свидетель не имеет никакой связи с настоящим делом.

Хорн: Я прошу разрешения трибунала отметить, что недели генерал Кёстринг находился в тюрьме Нюрнберга в распоряжении обвинения. Поэтому я прошу трибунал разрешить заслушать его в качестве свидетеля по указанным мной причинам.

Председатель: Трибунал рассмотрит вопрос. Доктор Хорн, трибунал не понял как тот факт, что генерал Кёстринг находился в тюрьме Нюрнберга является ответом на возражение заявленное обвинением, а именно, что трибунал не заинтересован в переговорах которые проходили в сентябре 1939, а в нарушении договора. Трибунал хочет знать, имеется ли у вас какой-нибудь ответ на это возражение? Единственный ответ, который вы пока дали это то, что генерал Кёстринг в Нюрнберге.

Хорн: Господин председатель, генерал Кёстринг даст показания о том, что пакт с Россией был подготовлен с полным намерением его соблюдения со стороны Германии и со стороны моего клиента.

Я не хочу дополнительно чего-либо говорить в настоящий момент, и я прошу суд вызвать свидетеля на основании данной причины.

Председатель: Очень хорошо, трибунал рассмотрит вашу просьбу.

Хорн: Следующий свидетель это легационный советник по докладам, доктор Гессе, который ранее пребывал в министерстве иностранных дел в Берлине и сейчас предположительно в лагере в Аугсбурге.

Максвелл-Файф: Милорд возражений данному свидетелю не имеется. Я не знаю, хочет ли доктор Хорн его лично или письменные показания. Обвинение не считает вопрос серьёзным, однако просит доктора Хорна, когда возможно принимать письменные показания и оно предлагает, чтобы это рассмотрели в данном случае.

Хорн: В данном случае я буду удовлетворён письменными показаниями.

Следующий свидетель это бывший посол в Бухаресте, Фабрициус[207], предложительно под арестом у союзников в американской зоне оккупации или

[207] Вильгельм Фабрициус (1882 – 1964) – немецкий дипломат. Посол Германии в Румынии в 1936-1940.

возможно уже освобождён из под ареста.

Максвелл-Файф: В данном случае не имеется возражений. Видимо этот свидетель выступит в отношении беседы, которая уже приобщена в качестве доказательства в суде и представит иные сведения о ней. Обвинение не возражает с учётом обстоятельств.

Председатель: Трибунал рассмотрит это.

Хорн: Следующий свидетель это профессор Карл Буркхардт[208], президент Международного Красного креста в Женеве и бывший комиссар Лиги наций в Данциге.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, доктор Буркхардт очевидно имеет особое положение. В качестве президента Международного Красного креста он является лицом в отношении которого все воюющие стороны, независимо от страны, обязаны; и смысл заключается в том, что обвинение понимает, что если он может сказать о доказательствах поступивших от самого Гитлера, то есть как подтвердив, что его проинформировал Гитлер о том, что подсудимый Риббентроп вмешивался; или же он может сказать, что видел письма направленные Гитлеру от Риббентропа, то у обвинения нет возражения. Если он просто должен сказать о том, что ему говорил Риббентроп то обвинение возражает.

Поэтому мы полагаем, что разумным ходом дела будет, чтобы он подготовил письменные показания об имеющихся сведениях и если это будет сделано и если имеющиеся сведения являются удовлетворительными, я не думаю, что обвинение не примет доказательства доктора Буркхардта.

Второй момент, как мы полагаем, не относится к делу, вопрос о результатах английских обещаний о гарантировании Польше положения в Данциге.

Хорн: Кроме причин, которые я уже привёл в своём ходатайстве, я также могу сказать, что профессор Буркхардт посещал Риббентропа и Гитлера в 1943 году и поэтому он может сделать подробные заявления в отношении причин о которых я говорил, вызывая его. Это ответы на первый вопрос сэра Дэвида.

Однако, я также согласен, в данном случае с тем, чтобы профессор Буркхардт представил необходимые письменные показания и таким образом был избавлен от личного допроса.

Следующий свидетель это швейцарский посол Фельдшер[209] который впоследствии, по нашим сведениям являлся послом в Берлине.

Максвелл-Файф: Милорд, я предлагаю, чтобы он оказался в таком же положении как и доктор Буркхардт. Его нужно рассматривать похожим образом.

Хорн: Согласен, господин председатель. Следующий свидетель это бывший

---

[208] Карл Буркхардт (1891 — 1974) — швейцарский дипломат и историк. Знаменит не только академическими историческими исследованиями, но и дипломатической работой, прежде всего в качестве Верховного комиссара Лиги Наций при обсуждении вопросов по Вольному городу Данцигу (1937-39) и президента Международного комитета Красного Креста (1945—1948).

[209] Петер Фельдшер (1889 – 1979) – швейцарский дипломат и юрист. В 1942-1945 посланник Швейцарии в Германии.

премьер-министр Великобритании, господин Уинстон Черчилль.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, обвинение возражает данному ходатайству и с большим уважением к доктору Хорну, полагает, что не имеется относящихся к делу причин раскрытых в данном ходатайстве для трибунала. Первая его часть видимо отчёт о беседе, которая не затрагивает вопросов дела, а вторая часть это также обсуждение беседы, которая видимо, состоялась за несколько лет до войны, между германским послом и господином который тогда не имел официальной должности в Англии. Однако, какое отношение к предмету дела имеет беседа, обвинение покорно полагает не только неочевидно, но и несущественно.

Хорн: В ответ на заявление сэра Дэвида, я хочу сначала отметить следующее:

Премьер-министр Уинстон Черчилль тогда являлся лидером оппозиции Его Величества в парламенте. В данном качестве ему могло придаваться некоего рода официальное положение, в частности, поскольку он, по моим сведениям, как лидер оппозиции даже получал содержание.

Максвелл-Файф: Я уверен в том, что доктор Хорн будет последним человеком, на которого нужно полагаться в вопросе, о котором он неправильно информирован.

Господин Черчилль никогда не являлся лидером оппозиции Его Величества и уж точно не в 1936-1938, когда подсудимый Риббентроп являлся послом. Господин Эттли[210] являлся лидером оппозиции. У господина Черчилля не было должности; он был на задней скамье Консервативной партии, в то время независимым членом Консервативной партии.

Я не хочу, чтобы у моего друга складывалось неправильное понимание.

Хорн: В любом случае, господин председатель, господин Черчилль являлся одним из государственных деятелей лучше всего знающих Германию. То заявление которое Черчилль сделал тогда в связи с визитом в посольство, незамедлительно сообщил Гитлеру Риббентроп и по всей вероятности, одной из причин заявлений Гитлера процитированных в так называемом документе Хоссбаха[211], представленном как документ номер PS-386, который содержит заявления настолько удивительные для участников и в котором обвинение видит явное доказательство заговора в смысле обвинительного заключения.

Более того, я хочу сказать, что британский обвинитель Джонс, упоминал, что после захвата Германией Чехословакии, народ в Англии и Польше очень озадачился. Поэтому начались переговоры между Англией и Польшей и был заключён пакт о гарантии.

На основе упомянутого заявления Черчилля и других важных британских государственных деятелей, согласно которым Англия вступит в коалицию против

---

[210] Клемент Эттли (1883 — 1967) — британский политик, лидер Лейбористской партии и 62-й премьер-министр Великобритании в 1945 – 1951 годах.

[211] Фридрих Хоссбах (1894 — 1980) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты. Адъютант Гитлера. Вошёл в историю как автор «протокола Хоссбаха», протокола заседания с участием Гитлера в 1937 году, во время которого Гитлер обосновал необходимость агрессивной экспансии для Германии.

Германии в течении нескольких лет для того, чтобы противостоять Гитлеру всеми возможными средствами – как результат этих заявлений Гитлер отсюда стал торопиться в наращивание своих вооружений и занялся стратегическими планами.

По этим причинам я считаю, заявление Черчилля чрезвычайно важным и прошу вызова этого свидетеля

Максвелл-Файф: Милорд, я высказал свою точку зрения, мне нечего добавить.

Председатель: Трибунал хочет, чтобы замечания доктора Хорна были заслушаны не только по микрофону, но и в письменном виде.

Хорн: В качестве следующих свидетелей я называю лорда Лондондерри[212], лорда Кемсли[213], лорда Бивербрука[214] и лорда Вэнситарта[215]. Опросные листы уже направлены этим свидетелям.

Максвелл-Файф: Эти свидетели будут рассмотрены путём опросных листов и мы не возражаем опросным листам.

Хорн: В качестве следующего свидетеля я хочу вызвать адмирала Шустера[216], последний адрес Киль.

Максвелл-Файф: Мы возражаем вызову адмирал Шустера. Основанием для его вызова является то, что он принимал участие в переговорах которые привели к германо-английскому морскому договору 1935. Видимо смысл заключается в том, чтобы показать, что договор был заключён по инициативе подсудимого.

Обвинение полагает, что это положение не относится к делу, что переговоры перед договором не относятся к делу и договор есть у трибунала, чтобы вынести о нём уведомление, и в котором мой друг сможет найти любую аргументацию какую пожелает.

Но в целом, обвинение хочет подчеркнуть, что вникание в закулисье переговоров о стародавних договорах было бы недопустимой тратой времени, когда перед трибуналом стоит много жизненно важных вопросов.

Хорн: На данном процессе мы обсуждаем непосредственную проблему планов и приготовлений. В связи с этим, разумеется, не является неуместным заслушивать доказательства о том, что германское правительство и в особенности Риббентроп планировали и готовили в то время. Это планирование и подготовка которые

---

[212] Чарльз Вэйн Темпест-Стюарт, маркиз Лондондерри (1878 – 1949) – британский аристократ и политик. Государственный секретарь воздухоплавания в 1931-1935.

[213] Гомер Берри, виконт Кемсли (1883 – 1968) – английский издатель.

[214] Уильям Эйткен, 1-й барон Бивербрук (1879 — 1964) — английский и канадский политический деятель, министр, издатель, предприниматель и меценат. Член Тайного совета Великобритании. Во время Второй мировой войны Бивербрук сперва был министром авиационной промышленности, затем — министром запасов и снабжения.

[215] Роберт Ванситарт (1881— 1957) — британский дипломат, барон (1941). В 1920 — 1924 — секретарь Министра иностранных дел, в 1924 — 1928 — советник Министра иностранных дел; в 1928 — 1930 — помощник Заместителя министра иностранных дел и начальник личного секретариата премьер-министра; в 1930 - 1938 — постоянный Заместитель министра иностранных дел; в 1938 — 1941 — Главный дипломат, Советник МИД Великобритании.

[216] Карл Георг Шустер (1886 — 1973) — немецкий военно-морской деятель; адмирал (1940). Входил в состав комиссии по разработке Англо-германского морского соглашения. С 3 апреля 1941 года — адмирал на Юго-Востоке; позднее под его руководством было сформировано Командование группы ВМС «Юг». С 20 марта 1943 года уволен с должности и переведён в резерв, но уже 1 июля назначен начальником Военно-исторического отдела ОКМ. Оставался на этом посту до 8 апреля 1945 года.

проходили в рамках переговоров, которые привели к подписанию морского договора и выходили за рамки простого заключения договора. Договор рассматривался фон Риббентропом – и адмирал Шустер может быть свидетелем данного факта – первым краеугольным камнем в тесном договоре о союзе между Англией и Германией. Чтобы выяснить эти намерения перед трибуналом, и соответственно политику подсудимого фон Риббентропа, я считаю, этого свидетеля важным и прошу сэра Дэвида изменить свою позицию.

Максвелл-Файф: Боюсь, не могу. Мои коллеги и я очень внимательно рассмотрели данный вопрос, и я выразил наше общее мнение в отношении преддоговорных переговоров, в особенности о давних договорах. С большим желанием быть обоснованным, я к сожалению не могу, в этом пункте уступить его просьбе.

Руденко: Я хочу закончить то, что сказал мой коллега сэр Дэвид следующим образом:

Доктор Хорн попросил нас обосновать аргументы обвинения. Мне кажется, что есть одно фундаментальное разногласие в данном вопросе между обвинением и защитой. Защита, вызвая свидетелей, приводит доказательства и пытается подтвердить стремление подсудимых заключать способствовавшие миру соглашения. Мы исходим из другого факта, а именно, вероломного нарушения заключённых соглашений и совершение преступлений противоречащих этим соглашениям. И кажется, совершенно излишним вызывать свидетелей для подтверждения того, что подсудимые старались, с учётом своих соображений, подписывать мирные соглашение. Нарушение и вероломство при исполнении этих соглашений являются общеизвестными фактами.

Председатель: Доктор Хорн для того, чтобы проверить относимость к делу такого рода доказательств, я хочу, чтобы вы ответили на такой вопрос:

Предположим, что Риббентроп хотел заключать соглашения с Англией и не хотел, чтобы Германия воевала с Англией. Какое отношение это будет иметь к утверждению о том, что Германия планировала войну с Польшей?

Хорн: Господин председатель, чтобы можно было ответить на этот вопрос решительным образом, что касается защиты, я должен вернуться к положению всех политических и дипломатических дел в период предшествующий Второй мировой войне. Чтобы объяснить причины вызова свидетелей, я пока не хочу вступать в аргументацию по таким вопросам из принципа, до того как я тщательно не изучил всевозможные доказательства имеющиеся в моём распоряжении и не сформировал чёткое мнение – и основу для ведения своей защиты. Решение, которое председатель сделал по причинам вызова свидетелей – о том, что трибунал поможет нам получить свидетелей и доказательственный материал – я понимаю как означающее, что для вызова свидетелей, мы должны только озвучивать причины которые со всей вероятностью будут подтверждаться самими свидетелями после предварительного допроса.

Чтобы было понятно, я не хочу вредить себе.

Председатель: Это материальный вопрос, учитывая то какое доказательство, относится к делу. Но так вы не хотите сами это рассматривать, вы можете продолжать.

Хорн: Следующий свидетель это посол, доктор Пауль Шмидт[217] бывший переводчик министерства иностранных дел в Берлине, сейчас вероятно в Оберурзеле в лагере дознания.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, в отношении следующих двух свидетелей, которые сгруппированы вместе в ходатайстве, хотят, чтобы они представили доказательства того факта, что данный подсудимый просил Гитлера пять или шесть раз об отставке. Снова я отмечаю, что я уже делал несколько раз в трибунале, что если эти свидетели смогут представить доказательства от Гитлера об этих предложениях, тогда не будет никакого возражения.

Если же они просто представят доказательства того, что фон Риббентроп говорил им о том, что он подавал в отставку, это по мнению обвинения, ничего не даёт. Но вполне может быть, что есть письма которые направлялись Гитлеру, которые видели эти господа, и если в этом заключается смысл их показаний, тогда обвинение считает, что это имеет отношение к делу, разумеется, в вопросе приговора, если нет, тогда он оставит за собой право сказать является ли это вопросом виновности или невиновности с учётом норм устава.

Поэтому я предлагаю, чтобы в отношении обоих господ следовали разумным курсом, чтобы составить письменные показания об их источниках сведений и этим будет закрыт вопрос который я затронул.

Председатель: Вы предлагаете предварительные письменные показания вместо опросных листов? Не будут ли опросные листы уместнее?

Максвелл-Файф: Соглашусь милорд, опросные листы, которые охватят этот момент источников сведений, будут лучшей вещью. Я не думаю, если можно так выразиться, что лучше будет гнаться за двумя зайцами, если говорить пословицей.

Хорн: Мы можем ондновременно поговорить о следующих двух свидетелях. Мне кажется, я уже могу сказать, что сэр Дэвид предоставит такие же причины против них, как и против других свидетелей.

Максвелл-Файф: Я подумал, милорд, что мой друг, и я можем согласиться с тем, что мы во власти решения трибунала по адмиралу Шустеру.

Хорн: Тогда я хочу, отказаться от этих двух свидетелей с учётом того, что суд одобрит мне адмирала Шустера.

Следующий свидетель это бывший главный протоколист министерства иностранных дел, Дернберг[218], сейчас наиболее вероятно интернированный в

---

[217] Пауль(-Отто) Шмидт (1899 — 1970) — переводчик Министерства иностранных дел Третьего рейха (1924—1945), руководитель бюро министра, официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935), штандартенфюрер (с 1940).

[218] Александр фон Дернберг (1901 – 1983) – немецкий дипломат. Глава протокольного отдела МИД Германии в 1938-1945.

Аугсбурге.

Максвелл-Файф: И снова, с большим уважением, взгляды господина Дернберга на правдивость графа Чиано[219], по моему суждению не относятся к делу. Если мы собираемся вызывать свидетелей для выражения своих взглядов на правдивость или другие характеристики государственных деятелей Европы, трибунал втянется в то, что может занять очень долгое время и не приведёт ни к каким серьёзным результатам, и я покорно полагаю, что это не тот класс показаний или оснований для показаний, который должен удовлетворять трибунал.

Хорн: Господин председатель, в связи с данным вопросом я могу сказать, что Чиано лично, в своём дневнике, который нам предоставили, представляет это доказательство – по крайней мере, в решающем моменте – которое донесёт господин Дернберг; и мы представим это в суде в соответствующее время – и мне кажется, я могу сказать – в конечной форме.

Второй пункт о заявлении Дернберга касается вопроса награды. Русское обвинение вменило Риббентропу обмен Зибенбургена на высокий румынский орден. По этой причине я хочу разрешения опросить господина Дернберга об этом положении либо здесь, либо в форме письменных показаний.

Председатель: Да.

Хорн: Далее я называю посла Шнурре[220], начальника департамента торговой политики министерства иностранных дел, местонахождение которого неизвестно, предположительно под арестом в британской зоне.

Максвелл-Файф: Милорды, с величайшим уважением обвинение снова говорит о том, что нет необходимости в свидетеле которого вызывают для представления информации о том, что его политический руководитель намеревался придерживаться договора который он подписал. Само обоснование которое приводится для ходатайства, как мне кажется показывает, что это в действительности вопрос комментирования или аргументации, и мы полагаем, что свидетель по данному доводу как не относится к делу, так и не нужен.

Хорн: Я прошу трибунал разрешить мне этого свидетеля, потому что тот факт, что свидетель может свидетельствовать об искренности или неискренности или намерениях своего начальника не настолько важен для меня как тот факт, что в связи с участием в переговорах и предварительных переговорах и его дискуссиях с другими важными лицами об истоках данного договора, он может свидетельствовать в отношении важного положения обвинительного заключения.

Председатель: Могу я снова вас спросить, в связи с относимостью этого доказательства, предположим, что правда, что в августе 1939 германские власти намеревались придерживаться договора заключённого с Россией, это зависело или

[219] Галеаццо Чиано (1903 — 1944) — итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини. Убит фашистскими элементами за предполагаемое предательство.

[220] Карл Шнурре (1898 – 1990) – немецкий дипломат и юрист. В 1936-1945 занимал руководящие должности в департаменте торговой политики МИД Германии.

могло зависеть от того поддержит ли Англия Польшу в войне которую Германия собиралась начать с Польшей, и весьма может быть, что германские власти намеревались придерживаться договора с Россией для того, чтобы вывести Россию из войны с Польшей и Англией. Таким образом, как относится к делу намерение Риббентропа в то время.

Хорн: Господин председатель, для установления преступных фактов по данному делу для того, чтобы установить вину, является материальным знание о той мере в которой подсудимый Риббентроп, как человек, стремился придерживаться договора, и другой вопрос о том насколько он был вынужден из-за политической необходимости и других воздействий, быть свидетелем тому как договор не соблюдался в том смысле, в котором его подписали.

Председатель: Можете продолжать.

Хорн: Посол Риттер[221] из министерства иностранных дел, в конце связной с ОКВ, сейчас наиболее вероятно в лагере интернированных в Аугсбурге.

Максвелл-Файф: Ходатайство о после Риттере делится на две части. Одна затрагивает положение, которое мы только, что обсудили в отношении русско-германского договора от 23 августа 1939, и я отметил взгляд обвинения на это. Второй момент касается отношения подсудимого к обращению с союзными лётчиками. Дело в том, что я приобщил документ, который был подготовлен послом Риттером и ещё один документ в котором посол Риттер говорил о том, что подсудимый Риббентроп одобрил меморандум германского министерства иностранных дел с предложениями линчевать лётчиков и передавать их СД до того как они станут военнопленными и подпадающими под права согласно конвенции.

Если нужно сказать, что посол Риттер ошибался говоря о том, что Риббентроп одобрил меморандум, тогда, конечно это будет относится к делу. Но сейчас эти документы приобщены, и я не совсем понимаю из этого какова цель того, что мой друг хочет вызвать его по второму пункту. Если есть какой-то смысл, тогда доктор Хорн это укажет.

Хорн: Сэр Дэвид назвал причину, почему я попросил свидетеля. Свидетель предположительно должен свидетельствовать о том, что фон Риббентроп возражал особому обращению с лётчикам-террористами – по крайней мере, за деяния охваченные Женевской конвенцией – без предшествуюшего уведомления держав-подписантов конвенции.

Максвелл-Файф: Доктор Хорн говорит о том, что он хочет вызвать посла Риттера для опровержения двух документов подготовленных послом Риттером, которые уже приобщили в качестве доказательства. Тогда я не могу заявить возражение. Очевидно, это относится к делу, если он собирается опровергать свой же документ.

Председатель: Будет ли приемлимо для доктора Хорна подготовить опросные

---

[221] Карл Риттер (1883 — 1968) — дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии. В 1940-1945 офицер связи МИД при ОКВ.

листы для посла Риттера или же обвинение предпочитает, чтобы его вызвали, если он должен дать показания некоего рода?

Максвелл-Файф: Если он даёт показания, обвинение предпочитает, чтобы его вызвали, потому что это наша позиция. Есть два документа подготовленных этим господином, и если он собирается опровергать их, то я предлагаю, чтобы он явился лично.

Хорн: Я оставляю это для обвинения.

Председатель: Да.

Хорн: Следующий свидетель это бывший германский посол в Осло, фон Грюндхерр[222], сейчас предпложительно находящийся под арестом союзников.

Максвелл-Файф: И снова, я не хочу вдаваться в подробности. Здесь положение о документе, имеющемся у суда, подписанном подсудимым Розенбергом в котором он говорит о том, что 10000 фунтов стерлингов в месяц предоставлялись Квислингу посредством данного господина. Если доктор Хорн желает вызвать господина фон Грюндхерра для опровержения заявления подсудимого Розенберга, я вновь полагаю, что обвинение не может заявить возражение.

Председатель: Да.

Хорн: Относительно свидетелей которых я привёл под пунктами 30-34, я могу ограничится заявлением о том факте, что я хочу вызвать их для свидетельства о том, что Риббентроп с 1933 по 1939, также честно и неустанно стремился добиться тесных отношений с Францией.

Свидетели, прежде всего, господин Даладье[223], бывший премьер-министр Франции, может представить значительные, подробные доказательства об этих усилиях. Если суд сможет решить об этих свидетелях, или некоторых из них, о даче показаний в форме письменных показаний, я представлю трибуналу относящиеся к делу вопросы.

Максвелл-Файф: По соображению обвинения, доводы о вызове этих свидетелей слишком расплывчатые и общие, для обоснования их вызова в суд. Когда между двумя странами установился мир, тот факт, что министр иностранных дел или посол делает заявления говорящие о том, что он надеется на продолжение хороших взаимоотношений между странами, или слова об этом, это не даёт ничего больше, по соображению обвинения, это будет трата времени свидетелей, чтобы их вызывали с этой целью.

Кроме этого, первые четыре свидетеля, маркиз и маркиза де Полиньяк и граф и графиня Жан де Кастеллан, насколько известно обвинению, не имели никакой официальной должности, и поэтому имеется дополнительное возражение вызову людей которые могут быть самыми замечательными, но то, что в целом по-

---

[222] Вернер фон Грюндхерр цу Альтенхан (1888 – 1962) – немецкий дипломат. В 1940-1945 посланник Германии в Норвегии.

[223] Эдуард Даладье (1884 — 1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938—1940 годах.

дружески могут сказать о том каким в действительности был их взгляд на размышления подсудимого, не является доказательством относящимся к делу или тем, чем должен пользоваться трибунал.

Хорн: Этими свидетелями защита желает подтвердить именно тот факт, что усилия Риббентропа в отношении Франции шли дальше обычных замечаний, которые нельзя называть ни чем иным как courtoisie internationale[224]. По этой причине я прошу о том, чтобы те или иные свидетели в данной группе были мне разрешены.

Председатель: Доктор Хорн, эти свидетели, кажется затрагивают тот же вопрос относимости который я задал вам ранее.

Предполагая, что существовало намерение германского министерства иностранных дел постараться вывести Францию из любой войны, которую Германия готовилась начать, какое это имеет отношение к вопросу о том, готовила ли она агрессивную войну против Польши?

Хорн: Я хочу посредством этих свидетелей представить доказательства того, что, по крайней мере, намерением подсудимого фон Риббентропа не было планирование войн, а то, что он годами пытался улучшить отношения Германии с соседними странами.

Господин председатель, обвинение вменяет моему клиенту также планирование и осуществление агрессивных целей, войну против Англии и Франции. Если обвинение откажется от этого пункта, я, конечно же, могу отказаться от этих свидетелей.

Председатель: Трибунал учёт это.

Хорн: Следующий свидетель это господин Эрнест Теннант[225] из Лондона.

Максвелл-Файф: В отношении данного свидетеля, я не знаю этого господина, и никогда о нём не слышал, и единственные сведения, которые есть в ходатайстве это то, что он сотрудник фирмы «Теннант и компания» и член клуба Бани[226], а также, что он хорошо известен подсудимому Риббентропу. Но вопросы, по которым его должны вызвать это совершенная каша несоответствия делу. Предлагается, что свидетель сможет дать показания о том, что в начале и середине 30-х годов, подсудимый просил его добиться контакта с лордом Болдуином[227], господином Макдональдом[228] и лордом Дэвидсоном[229] в целях переговоров с последним о

---

[224] «Международная учтивость» (фр.)

[225] Эрнест Теннант (1887 – 1962) – английский банкир и промышленник. В 1939 выполнял неформальные поручения английского правительства в переговорах с Германией.

[226] Почётнейший орден Бани, более известный под кратким названием Орден Бани, — британский рыцарский орден, основанный Георгом I 18 мая 1725 года. Имя происходит от древнего обряда, когда претендентов подвергали ночному бодрствованию с постом, молитвой и купанием накануне получения рыцарства (церемония прекратилась в 1815 году).

[227] Стэнли Болдуин (1867 — 1947) — британский политик, член Консервативной партии Великобритании, 55-й, 57-й и 59-й премьер-министр Великобритании в 1923—1924, 1924—1929 и 1935—1937 годах.

[228] Джеймс Макдональд (1866 — 1937) — британский политический и государственный деятель, дважды занимал пост 56-го и 58-го премьер-министра Великобритании 1929—1931 и 1931—1935 годах. В 1924 году занимал пост 48-го министра иностранных дел Великобритании. Один из лидеров и основателей Лейбористской партии.

[229] Джон Дэвидсон (1889 – 1970) – британский чиновник и консервативный политик. Канцлер Герцогства Ланкастер в 1931-1937. Член Палаты общин.

выстраивании пути к хорошим политическим отношениям, с целью заключения союза. В 1936 подсудимый являлся послом при престоле Сент-Джеймса[230]. Господин Макдональд только, что ушёл с премьер-министра в 1935 и был, как я думаю, лордом-председателем совета. Лорд Болдуин был тогда премьер-министром и лорд Дэвидсон, как я думаю, был канцлером Герцогства Ланкастер в этой же администрации. Во всяком случае, он имел сравнительно малозначимый пост.

Но как может относиться к делу трибунала, то, что незадолго до этого времени подсудимый просил господина, не имеющего официальной должности, чтобы его представили этим трём господам, я не могу сказать, и я полагаю, что этого свидетеля нельзя разрешать.

Хорн: Господин председатель, называя свидетелей мы всегда возвращаемся к фундаментальному вопросу. Обвинение всегда поднимает вопрос: что может рассказать этот свидетель о том факте, что Германия выступила или не выступила против Польши, или обвиняет в польско-германской войне, поскольку свидетель приезжает из совершенно другой страны и не имеет никакого отношения к Польше и польским делам?

У защиты мнение о том, что с другой стороны, вся политика Германии по отношению к Польше может быть понятна в рамках реализации всей европейской политики. Поэтому, защита вызвала свидетелей которых обвинение хотело бы исключить, потому что они могут предоставить нам материал для воссоздания крупной картины. С мыслью об этом, я также прошу о профессоре Конвелле-Эвансе из Лондона.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, и снова я никогда не слышал о профессоре Конвелл-Эвансе и его нет в «Кто есть кто», британском издании показывающем большое количество граждан имеющих некоторые заслуги или занимающих определённые должности. Но я хочу, чтобы доктор Хорн учитывал это, что я покорно довожу до трибунала.

Принимая каждое слово, которое говорится в этом ходатайстве в отношении профессора Конвелл-Эванса сказанное в суде профессором Конвелл-Эвансом, я полагаю, что это никак не способствует продвижению дела и что трибунал окажется в том же самом положении, если бы это доказательство имелось в настоящий момент. В конце концов, подсудимый сможет представить доказательства лично и произвести собственное впечатление на трибунал о своих намерениях и о своей честности в разное время. Соображение обвинения заключается в том, что доказательства этого господина никак не помогут процессу и не относятся ни к одному вопросу, стоящему перед судом.

Председатель: Да.

Хорн: В качестве следующего свидетеля я называю Вольфганга Михеля,

---

[230] Сент-Джеймсский двор — официальное название двора британских монархов. Название происходит от Сент-Джеймсского дворца, который с 1698 официально является главным королевским дворцом Великобритании

Оберстдорф в Эльгау, свидетель номер 38.

Максвелл-Файф: Этот господин, как сказано, являлся деловым партнёром подсудимого. Согласно ходатайству, необходимо, чтобы он выразил свои взгляды об общем отношении подсудимого и его мыслях. И снова, обвинение не может понять в какой части это относится к делу, но может быть, что подсудимого устроит, чтобы взляды на подсудимого его старого делового партнёра были выражены в письменных показаниях. Если этого хотят, обвинение готово рассмотреть такие письменные показания, но оно, по сути, должно выразить своё отношение о том, что свидетель такого рода не относится к делу – свидетель который собирается сказать: «Я знаю этого подсудимого 20 лет, у меня были с ним дела, и у меня всегда было о нём хорошее мнение». Это, по соображению обвинения, не затрагивает вопросы, стоящие перед трибуналом и поэтому не относится к делу. Но как я скажу, если мой друг озаботиться представить письменные показания, обвинение рассмотрит их с большой симпатией.

Хорн: В случае свидетеля Михеля я был бы удовлетворён письменными показаниями.

Господин председатель, я хочу вернуться к свидетелю, приведённому под номером 5, легационному советнику Готтфридсену.

Председатель: Минуточку. Вы не собираетесь рассматривать номер 38? Вы не рассмотрели 37. Вы пропустили его, не так ли?

Хорн: Мне кажется, что такие же возражения возникнут в отношении него, как и в отношении других свидетелей. Поскольку я полагаю, что трибунал собирается принципиально решить по вопросу о том следует ли здесь представлять все факты, я заканчиваю указание свидетелей и ожидаю решения трибунала.

Председатель: Понимаю. Сейчас вы хотите вернуться к номеру 5?

Хорн: Я хочу вернуться к номеру 5, легационному советнику Готтфридсену. Легационный советник Готтфридсен многие годы вёл все служебные и личные финансовые дела подсудимого фон Риббентропа.

Риббентропу различными сотрудниками обвинения вменяется личное обогащение предметами искусства и похожими вещами. Об этом легационный советник Готтфридсен сможет представить решающие доказательства, которые опровергают эти обвинения. Поэтому я прошу одобрения этого свидетеля.

Максвелл-Файф: Милорд, я спросил доктора Хорна, предпочитает ли он господина Готтфридсена господину Зоннлейтнеру. Я думаю, доктор Хорн сказал, что если будет право выбора, то, да.

Обвинение не хочет быть необоснованным. Я выступил в целом в отношении этой группы свидетелей, по семи свидетелям иностранных дел, они должны быть ограничены тремя. Если мой друг считает, что господин Готтфридсен будет более полезен, в особенности по этому вопросу, у меня нет возражения замене, с учётом ограничения в этой группе свидетелей.

Председатель: Будет ли удовлетворительным подготовка опросных листов?
Хорн: Да, господин председатель, в данном случае я прошу о свидетеле Готтфридсене.
Председатель: Да.
Хорн: На этом моё выступление о вызове свидетелей закончено.
Штамер: Я не назвал некоторых свидетелей, потому что о них попросили другие защитники. В их числе также переводчик доктор Шмидт. Я также имею большой интерес к допросу этого свидетеля. Шмидт являлся переводчиком Геринга и присутствовал почти на всех внешнеполитическск переговорах с государственными деятелями. Поэтому я также прошу вызвать данного свидетеля и в этом поддерживаю ходатайство доктора Хорна.
Председатель: Мы учтём это доктор Штамер. Сейчас мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Хорн: Господин председатель, могу я затронуть ещё один момент имеющий отношение к вызову свидетелей?

Я также назвал ряд свидетелей, потому что я должен удостовериться в том, когда в целом начался заговор и когда мой клиент смог присоединиться к заговору. Обвинение для себя относительно упростило это, установив время в которое начался заговор, сказав в общем обвинительном заключении «где-то до 8 мая 1945».

Итак, если я не могу вызывать свидетелей в отношении 1933-1938, тогда я должен полагать, что обвинение признаёт, что подсудимый Риббентроп не мог являться участником заговора, по крайней мере, до 1939. Я хочу, чтобы эта точка зрения была принята во внимание при допуске свидетелей.
Максвелл-Файф: Может быть, поможет, если я укажу весьма общо то, что удовлетворит доктора Хорна.

Трибунал помнит, что 8-го и 9-го января, я представлял индивидуальное дело в отношении подсудимого. Первый момент это приход Гитлера к власти в 1933. Делом обвинения является то, что данный подсудимый различными способами содействовал этому приходу. После этого, он занимал различные должности в тесном контакте с Гитлером.

Если доктор Хорн обратиться к расшифровке моей презентации, он обнаружит, что там есть подробная, с указанием всех поддерживающих документов, роль которую клиент сыграл в агрессии против Австрии, Чехословакии, Литвы, Польши, Англии, Франции, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Советского Союза и наконец Соединнёных Штатов и Японии. Все эти вопросы изложены в поддерживающих документах и ссылка на них точно покажет, что предъявлено подсудимому по этому пункту.

Помимо этого, есть четыре предмета в пунктах три и четыре, которые

указаны особо.

Прежде всего, подсудимый настаивал на том, чтобы против союзных лётчиков предпринимались меры противоречащие международному праву и конвенциям. И снова, поддерживающие документы приобщены в качестве доказательств. Второе, есть показания генерала Лахузена[231] о том, что подсудимый говорил в отношении обращения с населением Польши. Третье, есть ответственность подсудимого за утверждение различных протекторов Богемии и Моравии на должности с неограниченными полномочиями в этих районах. Затем есть схожее положение в отношении Нидерландов.

Третья главная категория это обращение с евреями. И вновь есть официальный американский документ, доклад посла Кеннеди[232], есть длинное заявление министерства иностранных дел о политике по отношению к евреям, и есть документ показывающий подготовку антисемитского конгресса, на котором подсудимый должен был быть почётным членом.

Наконец, есть организация разграбления, доказательства которые приводились ранее представлены моим советским коллегой о батальонах Риббентропа по сбору награбленного.

Я не думаю, что если доктор Хорн рассмотрит разные пункты, которые практически собраны в расшифровке за 8 и 9 января, за исключением последнего пункта, он обнаружит, что есть какая-либо сложность в определении этих утверждений или их подробной и конкретной конструкции.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал хотел бы узнать, устанавливало ли обвинение какую-либо дату начала заговора и, во-вторых, трибунал хотел бы узнать — считаете ли вы, что те подсудимые, которые присоединились к заговору после его начала, также несут ответственность за весь заговор.

Трибунал хотел бы узнать следующее: несет ли лицо, присоединившееся к заговору после его начала, ответственность за преступления, совершенные другими заговорщиками до того момента, как данное лицо присоединилось к заговору.

Максвелл-Файф: Я хотел бы остановиться на этих вопросах в известном порядке. С точки зрения обвинения вопрос о времени возникновения заговора изложен в пункте первом обвинительного заключения. Обвинение утверждает, что основным стержнем заговора явилась нацистская партия и что важной частью заговора было условие захвата нацистской партией политического и экономического контроля над Германией с тем, чтобы заговорщики могли осуществить цели, изложенные в статьях 1 и 2 программы нацистской партии. Эта часть заговора начала свое существование с момента появления нацистской партии в германской политической жизни и получила окончательное развитие в январе 1933 года. В то время цель

---

[231] Эрвин Лахузен (1897 — 1955) — австрийский военачальник. В 1939-1944 занимал ряд руководящих постов в военной разведке Германии.

[232] Джозеф Патрик Кеннеди-старший (1888 — 1969) — видный американский бизнесмен и политический деятель. Посол США в Великобритании в 1938-1940.

нацистской партии заключалась в том, чтобы обеспечить разрыв Версальского договора, а также в достижении других целей, причем в случае необходимости предусматривалось также применение силы.

Но, как об этом говорится в формуле обвинения, содержащейся в пункте первом обвинительного заключения, заговор не находился постоянно в одном положении, а носил динамический характер. Таким образом, в 1934 году, после выхода Германии из Лиги наций и ухода с конференции по разоружению[233], мгновенно приобрел первостепенное значение тот аспект заговора, который относился к агрессивной войне.

Обвинение утверждает, что после 1935 года, когда была введена всеобщая воинская повинность и были созданы военно-воздушные силы, а также на протяжении 1936 года, когда была ремилитаризована Рейнская область[234], обеспечение планов Германии, т. е. планов нацистской партии, в случае необходимости и при помощи агрессивной войны стало более ясным и приобрело первостепенную важность.

Окончательно свое оформление эта цель получила на совещании 5 ноября 1937 г., когда Гитлер заявил, что Австрия и Чехословакия будут захвачены при первой благоприятной возможности. Вслед за этим последовал захват Австрии в марте 1938 года и «Зелёный план», направленный против Чехословакии, который возник в мае 1938 года и был осуществлен до октября.

Начиная с этого времени, как утверждает обвинение, план агрессивной войны следовал хорошо разработанной и четкой стратегии, которая заключалась в том, чтобы нападать на одну страну или осуществлять агрессивное действие против одной страны и в то же время давать всяческие заверения другой стране, которая стояла первой на очереди среди государств, намеченных для следующего нападения.

Начиная с того времени, последовательность и осуществление агрессивных войн приняли совершенно явный характер, о котором я только что упоминал, когда я говорил об обвинении против подсудимого Риббентропа. Обобщая это, замечу, что обвинение утверждает, что нацистская партия всегда преследовала эту цель и стремилась захватить контроль над Германией для осуществления своих целей, но план агрессии принял свою окончательную и ясную форму с 1934 года и начала 1935 года.

Биддл: Сэр Дэвид, я хотел бы в этой связи задать вам несколько вопросов.

Прежде всего вы должны знать дату начала заговора или же вы не в состоянии сейчас сообщить нам эту дату. Следует ли понимать это так, что

[233] Международная конференция по сокращению и ограничению вооружений, созванная по решению Совета Лиги Наций; начала работу после длительного подготовительного периода 2 февраля 1932 в Женеве при участии 63 государств.

[234] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

обвинение не знает, когда был создан заговор. Если же вам это известно, то не сообщите ли вы нам эту дату?

Максвелл-Файф: Заговор был создан с образованием нацистской партии.

Биддл: Когда это было?

Максвелл-Файф: в 1921 году.

Биддл: В 1921 году? Был ли тогда же создан заговор с целью ведения агрессивной войны?

Максвелл-Файф: Да. Начало этому заговору было положено следующим образом. Гитлер заявил: «У меня имеются определенные цели — одна из них заключается в том, чтобы разорвать Версальский договор...» — это означает также нарушить Договор о дружбе с США[235], который содержит те же условия — «...я достигну этих целей, применив в случае необходимости силу». Таково было всегда одно из намерений и целей нацистской партии.

Таким образом, если группа лиц соглашается совершить противозаконный акт или же законный акт, но противозаконными методами, то это является преступным заговором. Заговор возникает в результате соглашения, а не в результате действий, выполняющих соглашение. Таким образом, заговор возник в 1921 году. Но, как ясно заявил судья Джексон в своей вступительной речи и как я уже говорил сегодня утром, цели и в особенности методы, при помощи которых заговорщики стремились достигнуть этих целей, возрастали и приобретали особую форму с течением лет. В 1934 году они приобрели особую форму и привели к определению пути нарушения Версальского договора, что было осуществлено затем в 1935 году.

Я не хочу избегать ответа на вопрос уважаемого американского судьи, но я в суммарной форме излагаю именно то, что говорится в формуле обвинения и в определении характера преступлений, содержащихся в первом пункте обвинительного заключения, и я надеюсь, что не создастся впечатление, что я стремлюсь избежать ответа на заданный вопрос. Я не собираюсь этого делать, а наоборот, намереваюсь изложить это в наиболее ясной и точной форме.

Биддл: Хорошо. Я прошу вас только внести ясность в некоторые вопросы, сэр Дэвид, поэтому я хочу спросить вас еще кое о чем.

Скажите, заговор с целью совершения преступления против человечности также возник в 1921 году?

Максвелл-Файф: Да, в том отношении, что существовала общая готовность использовать все методы, невзирая на права, безопасность и благосостояние других народов. В этом отношении заговор также возник с начала существования нацистской партии. Безжалостность и неуважение по отношению к праву, безопасности и благосостоянию других народов всегда входили в программу

---

[235] Договор о дружбе, торговле и консульских взаимоотношениях – международный договор между Германие и США подписанный в 1923, был направлен на улучшение отношений двух стран.

нацистской партии с самого начала ее существования в той мере, в какой права и благосостояние других могли бы помешать осуществлению ее замыслов.

В данном случае опять-таки претворение этих идей в практическую форму развивалось на протяжении целого ряда лет и еще задолго до начала войны. Неоднократное упоминание об этом можно найти в выступлениях Гитлера перед его сообщниками, когда он говорил, что следует обращаться с негерманским населением с крайней жестокостью и беспощадностью. Я надеюсь, что господин Биддл не поставит мне в упрек, что я не помню сейчас конкретных документов для того, чтобы прямо ответить на его вопрос и назвать точную дату. Однако все вышесказанное говорит о том, что тогда уже были созданы предпосылки для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, и затем это выросло в метод, о котором я сказал.

Биддл: Ответили ли вы на вопрос председателя относительно ответственности заговорщиков, присоединившихся к заговору после его создания? Если это было бы так, то каждый из подсудимых должен был бы нести ответственность за действия, относящиеся к 1921 году.

Максвелл-Файф: Рассматривая этот вопрос, следует иметь в виду две правовые концепции. Я могу сейчас только говорить, основываясь на знании английского права, но я полагаю, что право Соединенных Штатов в очень многом сходно с ним.

В Англии в общем праве существует понятие преступного заговора. Имеются также другие формы состава преступления, но в общем праве имеется понятие преступного заговора. Это преступление, как я уже сказал, заключается в том, что лица соглашаются совершить противозаконный акт или же законный акт при помощи противозаконных методов. Если исходить из правовых норм, существующих в Англии, то нет никакого сомнения, что существует как таковое понятие преступного заговора. Если кто-либо присоединяется к заговору на более поздней его стадии для того, чтобы совершить какой-либо противозаконный акт, то он может быть обвинен в соучастии в заговоре с целью осуществления этого противозаконного действия, как бы поздно он ни присоединился к этому заговору.

Обычная аналогия, с которой, я уверен, хорошо знаком уважаемый американский судья, может быть проведена в отношении пьесы. Тот факт, что кто-нибудь из действующих лиц не выступал до 3-го акта — не означает тем не менее, что он менее чем другие осуществлял замыслы автора пьесы, придавая законченную форму содержанию пьесы. Это уместная в данном случае аналогия, потому что она дает общее понятие заговора. Это первый правовой аспект, и здесь не может быть никакого сомнения.

Другой — сводится к следующему. Несут ли лица, которые совместно действуют с целью совершения преступления, ответственность за действия других, то есть независимо от установленного преступления, заключающегося в создании заговора. Здесь можно привести пример, который является совершенно

вымышленным, но который, я думаю, внесет ясность в данный вопрос. Предположим, что группой работников железной дороги был создан заговор с целью вызывать крушение поездов, которые согласились в декабре организовать железнодорожное крушение 1 января и следующее железнодорожное крушение 1 февраля. В период между 1 января и 1 февраля еще один из железнодорожников присоединился к заговору. Я думаю, что я правильно понял вопрос милорда и ученого американского судьи.

Насколько я могу судить, может существовать некоторое сомнение относительно того, несет ли этот железнодорожник ответственность за убийства, совершенные при железнодорожном крушении, которое произошло 1 января. Я надеюсь, что вполне ясно выразил здесь мою точку зрения. Я ставлю под вопрос виновность того, кто присоединился к заговору 15 января, после того, как произошло первое железнодорожное крушение, во время которого были убиты некоторые лица, и поэтому те, кто совершил первое железнодорожное крушение, виновны в убийстве. Что же касается того лица, которое присоединилось после последствий заговора, то может существовать некоторое сомнение в отношении того, несет ли оно ответственность за преступления, совершенные в прошлом, или нет. В английском праве этот вопрос является, по меньшей мере, сомнительным, но по американскому праву можно, безусловно, утверждать, что он несет ответственность.

Биддл: Я думаю, что вы вполне ясно изложили все это, сэр Дэвид, но я стремлюсь узнать, что в данном случае и по настоящему делу утверждает обвинение.

Максвелл-Файф: Я весьма сожалею, если я рассуждал теоретически, но это несколько трудный вопрос и я пожелал рассмотреть его в связи с правом, с которым я хорошо знаком.

Что касается настоящего дела, то обвинение считает, что подсудимые несут ответственность за последствия тех действий, которые были совершены при осуществлении заговора. Довольно трудно говорить отвлеченно по этому вопросу, но если остановиться, например, на подсудимом Шпеере — я сейчас буду говорить, основываясь только на своей памяти, — который появился на сцене позднее, то, если я правильно помню, он, когда стал министром вооружения и боеприпасов, требовал предоставления ему иностранной рабочей силы, что выполнялось подсудимым Заукелем. Как утверждает обвинение, не будет никакой трудности в том, чтобы признать подсудимого Шпеера виновником по всем пунктам обвинения, если трибунал согласится с представленными доказательствами. Своими действиями этот подсудимый совершил преступления против мира, он присоединился к заговору с целью ведения агрессивной войны, он принимал участие в ведении агрессивной войны тем, что принимал требования об использовании угнанных в рабство и этим он способствовал военному преступлению, а именно, дурному обращению с населением оккупированных стран,

а также тем, что он способствовал и поощрял действия подсудимого Заукеля и, таким образом, совершал преступления против человечности, в которых он участвовал своими действиями и которые являются преступными на основании уголовного права всех цивилизованных наций. И, кроме того, эти действия имели место в странах, в отношении которых можно оспаривать — являются ли они оккупированными государствами после вторжения, в строгом смысле этого слова, как, например, Чехословакия.

Обвинение считает, что, исходя из того метода, по которому составлено наше обвинительное заключение, нет никакой трудности в том, чтобы признать подсудимого, который вступил в заговор на более поздней стадии, — виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения.

Биддл: Еще один последний вопрос. Вы понимаете, что я задаю все эти вопросы только в связи с тем, что мы сейчас намереваемся установить, какие свидетели должны быть вызваны. Не следует ли поэтому, что 1921 год, когда был создан заговор, нельзя считать за давностью лет годом, в отношении событий которого следует вызывать свидетелей?

Максвелл-Файф: Год, нет…?

Биддл: Значит, нельзя считать, что этот год относится к слишком уж отдаленному прошлому в связи с заговором?

Максвелл-Файф: Нет, это является также частью данного обвинения.

Хорн: Господин председатель, разрешите мне высказаться по этому вопросу.

Я исходил из того, что написано в обвинительном заключении в отношении времени возникновения заговора. В обвинительном заключении имеется единственное указание на то, что в какой-то промежуток времени до 8 мая 1945 г. начался заговор.

Главный обвинитель от Соединнённых Штатов в своей речи определил программу нацистской партии, разработанную в 1921 году (если не ошибаюсь, пересмотренную в 1925 году) и охарактеризовал её как легитимную и безупречную согласно немецкому переводу постольку, поскольку её цели не должны были быть достигнуты с помощью войны.

Предположим, что партийное руководство намеревалось достичь своей цели военным путем. Тогда, прежде всего неясно, для чего были поставлены эти цели, и как защита, так и обвинение должны были бы доказать, что именно с этого времени было решено добиваться поставленных целей путем войн. Более того, нельзя оспаривать то, что о планировании войны всегда знают только очень немногие, иногда даже только один человек.

Что касается других подсудимых, то они, так же как и мой подзащитный, вошли в контакт с партией в самое различное время.

Сначала они были рядовыми членами партии, то есть должны были предполагать, как и главный обвинитель, что программа, которую они принимали,

является в правовом отношении неоспоримой.

И вот теперь возникает вопрос — и главным образом для защитников и ведения защиты, — когда же отдельные подсудимые вошли в сферу осведомленности о том, что цели, которые были поставлены и которые до сих пор всеми считались в правовом отношении безукоризненными и не должны были, по их мнению, достигаться путем войн, — отныне будут связаны только с ведением войн.

Попал ли подсудимый Риббентроп уже в круг заговорщиков, когда в 1932 году он вступил в контакт с партийными кругами, и был ли он уже соучастником заговора, когда он был послом в Лондоне, или он только во время возникновения «документа Хоссбаха» понял, что политические цели партии будут достигаться путем войн, или еще когда-нибудь? Защита должна считаться с той опасностью, что мой подзащитный будет обвинен в присоединении к заговору в момент, когда он вошел в контакт с партией и ему стали известны ее цели. Я позволю себе сослаться на утверждение сэра Дэвида Максвелл-Файфа, что заговор возник в 1921 году. В этой связи хочу спросить, является ли моей задачей, либо обязанностью, с помощью свидетелей доказать, что мой подопечный до 1939 года старался установить дружественные отношения с другими странами и тем самым опровергнуть то, что он тогда планировал войны, готовил их и во всяком случае оказывал решающее влияние на эти приготовления?

С этой точки зрения я прошу высокий суд рассмотреть мое ходатайство о вызове свидетелей, а также принять те доказательства, о которых я упомянул. Далее я хочу подчеркнуть, что наша дискуссия не решила вопрос, с какого времени принято считать начало заговора.

Максвелл-Файф: Милорд, я не хочу повторять какие-нибудь общие доводы. Я сейчас хочу только, чтобы доктор Хорн понял, какое обвинение предъявлено его подзащитному Риббентропу. Я уже указывал на это, но сейчас я хотел бы внести в этот вопрос полную ясность.

Согласно записи, которая имеется в «Das Archiv[236]», Риббентроп начал действовать в интересах нацистской партии в 1930 году, и в период между 1930 годом и январем 1933 года он был одним из инструментов, при помощи которого был достигнут захват власти нацистской партией. В этой полуофициальной публикации говорится о том, что некоторые встречи между Гитлером и фон Папеном, а также нацистами и представителями президента фон Гинденбурга[237] происходили в доме этого подсудимого в Берлин-Далем. Это первый из пунктов, на которых я хотел бы остановиться. Этот вопрос совершенно ясен и обо всем этом

[236] «Архив» (нем.)

[237] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Президент Германии (1925—1934).

имеются записи в стенограмме суда.

Вторая стадия заключалась в том, что он занимал различные официальные должности в период между 1934 и 1936 годом. Это доказывает, что он был одним из важных и приобретающих все большую силу нацистских политических деятелей, также руководителей внешней политики. В 1936 году он оправдывал действия Германии, нарушавшие Версальский договор. Подсудимый оправдывал эти действия Германии, выступая перед Лигой наций. Поэтому ему предъявляется также и это обвинение.

В том же году он принимал участие в переговорах относительно Антикоминтерновского пакта[238].

Он должен дать объяснения и по этому вопросу. Имеется целый ряд немецких документов, относящихся к тому времени и к более позднему периоду, ссылки на которые содержатся в стенограмме от 8 и 9 января 1946 г. Эти документы отчетливо показывают, какую роль играл подсудимый в совершении агрессии против десяти различных стран.

Я почтительно утверждаю перед трибуналом, что это является вполне ясным обвинением, по которому должен ответить этот подсудимый. В этом отношении не может быть ни малейшего сомнения.

Я уже суммировал обвинение в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Доктор Хорн найдет в стенограмме от 9 января, что об этом говорится со ссылкой на каждый документ в отдельности.

Я покорно считаю, что, чтобы еще ни говорилось, детальность и ясность обвинения против подсудимого Риббентропа совершенно очевидны.

Хорн: Господин председатель, в материалах защиты в ответ на те доводы, которые были изложены в отдельных пунктах устного обвинения сэра Дэвида Максвелл-Файфа, я привел опровергающие доказательства. Я, однако, должен не только возражать против этих пунктов обвинения, но и рассматривать все предъявленные обвинения также под углом зрения заговора, так как подсудимый Риббентроп, по утверждению обвинения, является участником этого заговора, а мы все еще не можем решить вопрос, когда начался этот заговор. Если предположить, что мой подзащитный и участвовал в заговоре, то уж не с 1930 года, как утверждает обвинение – я смогу это опровергнуть – а только с 1932. Но дело в том, что с помощью свидетелей и документов я докажу, что ни тогда, ни позже он не участвовал ни в каком заговоре.

Председатель: Что же, наверное, вы рассмотрите документы, которые хотите.

Максвелл-Файф: Милорд, в отношении документов, у меня имелась возможность неформально обсудить их с доктором Хорном, и я понял, что в отношении

---

[238] «Антикоминтерновский пакт» (дата заключения — 25 ноября 1936 г. Место заключения — Берлин) — международный договор (пакт), заключённый между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического Интернационала (Коминтерна, откуда, собственно, и название пакта) с целью не допустить дальнейшее распространение коммунистической идеологии в мире.

документов 1-14, доктор Хорн действительно хочет, эти книги в качестве рабочих книг которые он прочитает и использует, и если необходимо, возьмёт фрагменты из них для иллюстрации своей аргументации. Итак, само собой разумеется, этому мы не имеем никакого возражения. Я постоянно занимаю точку зрения о том, что не должно быть возражения каким-либо книгам для работы защиты.

О чём я хочу попросить, это, чтобы если доктор Хорн или любой другой защитник пожелает использовать фрагмент из книги, когда придёт время представлять своё дело, он давал нам знать, что это за фрагмент и при необходимости, с какой целью он собирается его использовать. Я говорю «если потребуется», потому что во многих случаях цель совершенно очевидна, но в некоторых случаях у неё может быть особый смысл; и если они дадут нам знать, тогда можно выступить по вопросу относимости к делу, когда вопрос поднимут в суде.

Председатель: Но это, мне кажется, будет нужным для того, чтобы документы следовало переводить.

Максвелл-Файф: Совершенно верно, да.

Председатель: Я имею в виду, что часть книги или часть документа, которые хочет использовать доктор Хорн должны переводить.

Максвелл-Файф: Но что касается обеспечения защиты рабочими копиями, всяческое содействие, которое обвинение может сделать, оно оказывает. Это вопрос в котором мы стараемся помочь.

Последние пять названных документов, подпадают скорее в другую категорию. Я пока не обсуждал их с доктором Хорном, но я покорно полагаю – и это единый взгляд обвинения – что полные подшивки газет будет сложно обосновать в качестве доказательства в трибунале, но снова, если доктор Хорн хочет их в целях ссылки, тогда это вопрос возможности.

Я не уверен в отношении того пожелает ли он их использовать или же просто хочет на них сослаться. Я ничего не знаю о номере 19, отозванном номере «Daily Telegraph[239]», но я полагаю, секретариат может сделать запросы об этом у собственников.

Хорн: Я хочу поднять вопрос о последнем пункте. Сейчас данный процесс вышел на такой этап, что мне требуются эти документы для того, чтобы можно было их использовать для опровержения доказательств, могу я попросить, чтобы копии этих газет – это вопрос трёх или четырёх газет, которые сшиты в помесячные тома – при помощи трибунала предоставили мне как можно скорее.

Председатель: Что вы скажете об отозванном номере «Daily Telegraph»? Вы пока не указали на то, как он относится к делу?

Хорн: 30 или 31 августа 1939, издание «Daily Telegraph» было отозвано, потому что

[239] «Ежедневный телеграф» — ежедневная британская газета, основанная в 1855 году. Одна из наиболее популярных и многотиражных газет в Великобритании

содержало обширные детали о содержании меморандума, который тогдашний рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп, огласил британскому послу Гендерсону в Берлине. Утверждалось – также обвинением – что Риббентроп зачитал эту ноту Гендерсону так быстро, что последний не смог понять важные моменты. Таким образом из номера «Daily Telegraph» от 31 августа 1939 видно в какой мере посол Гендерсон мог понять заявления Риббентропа или устное представление этого меморандума, так как фон Риббентроп зачитал его. Поэтому я прошу о том, чтобы этот номер «Daily Telegraph» был предоставлен, и убеждён в том, что обвинение может получить этот номер в своё распоряжение, но для нас он недоступен.

Максвелл-Файф: Милорд, я впервые слышу об этой отозванной копии…

Председатель: Вы впервые слышите о том, что какую-то копию отозвали?

Максвелл-Файф: Я никогда не слышал этого, кроме того, что доктор Хорн сказал о том, что была отозванная копия, и мне видимо нужно изучить вопрос.

Я только хочу сказать одну вещь, что, конечно же, доктор Хорн кое-что отметил по вопросу между этим подсудимым и сэром Невилом Гендерсоном. Это дело подсудимого Геринга, как выразился в опросных листах доктора Штамера, что подсудимый Геринг неофициально подготовил содержание этого меморандума предоставленного господину Далерусу за спиной подсудимого Риббентропа. Этот момент он включил в опросные листы, таким образом, никоим образом это не означает, что отчёт сэра Невила Гендерсона о беседе был ошибочным, даже если бы отчёт о документе появился.

Я не хочу отмечать память сэра Невила, но я изучу этот вопрос, о котором я сейчас услышал впервые.

Хорн: Могу я добавить для более полной информации трибунала, что подсудимый Геринг составил меморандум доступный послу Гендерсону значительно позже. Таким образом, решающее значение имеет, когда и как Гендерсон ознакомился с этим меморандумом, и было ли у него достаточно времени, чтобы он мог довести его до польского правительства своевременно.

Поэтому могу я просить о предоставлении наиболее важного издания «Daily Telegraph».

Председатель: Благодарю, доктор Хорн.

Мы продолжим с доказательствами против Кейтеля.

Нельте: Господин председатель, позволите мне сделать предварительное замечание к дискуссии о доказательствах представляемых для подсудимого Кейтеля. Я надеюсь, обсуждение различных ходатайств о доказательствах будет значительно сокращено. Из моего письменного ходатайства вы увидите то, что в отношении большинства свидетелей снова и снова возникает основной предмет доказательств, а именно, положение подсудимого Кейтеля в качестве начальника ОКВ и его официальные обязанности, в частности его личность, также его отношения с Гитлером, и разъяснение цепочки командования в вооружённых силах.

Я представлю доказательства того, что мысль общества и обвинения по поводу личности подсудимого Кейтеля, его взглядов и его деятельности, неверные. Никого не упоминают настолько часто в ходе этих слушаний как подсудимого Кейтеля. Каждый документ, который каким-либо образом затрагивает военные вопросы отождествляется с ОКВ, а ОКВ в свою очередь с Кейтелем. Подсудимому Кейтелю кажется, и я думаю обоснованно…

Председатель: Трибунал отметит общие положения, по которым вы видимо, хотите выступить в интересах подсудимого Кейтеля, когда придёт время вашей заключительной речи, но трибуналу не кажется необходимым делать это сейчас.

Нельте: Я упоминаю это лишь для того, чтобы позволить широкое обращение ко всем свидетелям предложенных к представлению по делу. Я думаю, сэр Дэвид разделяет со мной это мнение – он уже обсудил это со мной в субботу – и я планирую раскрыть путём предварительных замечаний предмет доказательств который в противном случае мне пришлось бы представлять по пяти или шести разным вопросам.

Председатель: Доктор Нельте вы имеете в виду, что вы сможете рассмотреть всех своих свидетелей в одной серии замечаний?

Сэр Дэвид, вы нам не поможете?

Максвелл-Файф: Думаю, я могу помочь.

Помимо свидетелей, которые являются со-подсудимыми которых указал доктор Нельте, которых, конечно же, трибунал предоставит, доктор Нельте просит о фельдмаршале фон Бломберге[240], генерале Гальдере, генерале Варлимонте и главном судье ОКВ, докторе Лемане[241]. Обвинение не имеет возражения этим свидетелям, потому что они вызваны для рассмотрения вопроса о положении подсудимого Кейтеля в качестве главы ОКВ.

В отношении свидетеля Эрбе, который, как я думаю, гражданский служащий, вызванный по вопросу о его положении в комитете обороны Рейха…

Председатель: Одобрены ли уже опросные листы?

Максвелл-Файф: Да, мы всегда говорили о том, что опросных листов будет достаточно и ему не нужно вызывать устных свидетелей.

Затем в отношении следующего свидетеля, Рёмера, которого доктор Нельте желает вызвать для того, чтобы сказать о том, что указ о клеймении советских военнопленных был объявлен по ошибке и сразу же отменен по приказу Кейтеля, это очевидно относится к определённому вопросу по делу, и мы этому не возражаем.

---

240 Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933—1938 годах министр обороны (с 1935 — военного министерства) Германии.

241 Рудольф Леман (1890 – 1955) — немецкий военный юрист, начальник правового управления Верховного главнокомандования Вермахта, генералоберштабсрихтер. Осуждён американским трибуналом к 7 годам лишения свободы.

Мы не возражаем генералу Рейнеке[242], которого вызвали по различным вопросам относящимся к военнопленным.

В отношении господина Ромилли[243], с учётом того, что допущены опросные листы и его не вызывают устно, у нас нет возражения.

Мой друг, господин Шампетье де Риба, выскажется о после Скапини[244]. Я попросил его рассмотреть этот вопрос по-французски.

Затем мы переходим к двум свидетелям, доктору Юно[245] и господину Петерсену[246]. Сейчас обвинение не понимает того, как эти свидетели нужны в дополнение к Рейнеке. И, конечно же, оно возражает, если целью показаний будет показать, что Советский Союз не обращается с военнопленными надлежащим образом. Если цель такая, то мы возражаем.

Затем, вызов доктора Лемана одобрен трибуналом.

Наконец, есть три свидетеля, которые предназначены, чтобы показать дискуссии между Гитлером и подсудимым Кейтелем, должны быть представлены два стенографиста. Обвинение не считает, что это жизненно важная часть дела, и если доктор Нельте представит письменные показания одного из этих господ, тогда обвинение не сможет – и не желает – оспаривать это. По правде говоря, если можно так сказать, с большим уважением, мы вообще в этом не заинтересованы, и поэтому согласимся, если будут подготовлены письменные показания.

Если я могу подытожить – и я надеюсь, я просто пытаюсь помочь доктору Нельте – единственные вопросы, что касается обвинения, требующие дальнейшего обсуждения это вопрос французской делегации о после Скапини, и моё возражение доктору Юно и господину Петерсену, и моё предложение заключается в том, чтобы были письменные показания последних трёх свидетелей. Есть очень мало между нами, если я могу сказать так, с уважением к свидетелям доктору Нельте; то в целом они кажутся обвинению относящимися к делу и поэтому мы не заявляем возражения.

Есть один довольно печальный факт, в отношении свидетеля Бломберга, о чём проинформирован доктор Нельте. Я понимаю, что фельдмаршал фон Бломберг очень болен и не может быть доставлен в суд, поэтому я уверен в том, что доктор Нельте, подсудимый Кейтель будут первыми кто примет такой способ получения его доказательств, который не потребует этого факта.

Нельте: Я благодарю сэра Дэвида за его любезность, что упростило мою задачу.

Я хочу в дополнение заявить, что в отношении свидетеля, доктора Эрбе, я поставлю письменные вопросы. По свидетелю Петерсену я уже представил

[242] Герман Рейнеке (1888 — 1973) — германский военный деятель эпохи Третьего Рейха, генерал пехоты (1 июня 1942 года). Начальник общего управления в составе штаба верховного главнокомандования Вермахта. Приговорён американским военным трибуналом к пожизненному заключению. Досрочно освобождён в 1954.

[243] Гилл Ромилли (1916 – 1967) – английский журналист. Племянник У. Черчилля. В 1940-1945 военнопленный.

[244] Жорж Скапини (1893 – 1976) – французский адвокат и политик.

[245] Марсель Юно (1904 – 1961) – швейцарский врач и деятель Международного Красного креста.

[246]

письменные вопросы, и от полученных ответов будет зависеть, буду ли я вызывать его лично. Что касается свидетеля, Юно, мне кажется, я могу сказать, что его допрос относится к делу, потому что советское обвинение полагает, что предложение обратиться к Женевской конвенции было отклонено Кейтелем. Доктор Юно должен быть допрошён в качестве свидетеля о том, что по приказу департамента ОКВ по делам военнопленных, он связался с Советским Союзом для того, чтобы обеспечить применение Женевской конвенции, но этого не было достигнуто. Мне кажется, что если один генерал Рейнеке должен быть допрошен в качестве свидетеля по данному вопросу, возможно будут возражать тому, что он будучи начальником департамента ОКВ по делам военнопленных не сможет дать достаточных показаний. При этом генерал Рейнеке не сможет свидетельствовать о том, что действительно предпринимал доктор Юно. Соответственно я прошу о том, чтобы этот свидетель был одобрен.

Что касается посла Скапини, я просто хочу отметить, что он являлся постоянным представителем французского вишистского правительства, и он особо занимался вопросом ухода за военнопленными в Германии. Мне кажется, что это адекватная причина для того, чтобы считать его относящимся к делу. Чтобы убедиться, я не знаю его адрес, и надеюсь, что французское обвинение может помочь мне в этом.

де Риба: Мы не видим никакого возражения заслушиванию бывшего посла Скапини, если его показания по нашему мнению могут иметь малейшее значение для поиска истины, но по тем же самым причинам которые привёл доктор Нельте для вызова этого свидетеля, для меня подтверждается полное отсутствие относимости к делу его показаний. Бывший посол Скапини, говорит уважаемый представитель защиты, сможет указать и сказать о том, что свободно осуществлял свой контроль в лагерях военнопленных и более того, о том, что эти военнопленные имели представителя, но в этом мы готовы согласиться с защитой. Абсолютная правда, что Германия согласилась разрешить бывшему послу Скапини – который известен тем, что он был ранен в войне 1914 и ослеп – посещать лагеря военнопленных и выслушивать французских военнопленных, хотя и не видя их.

Но вопрос не в том позволяли ли немцы слепому инспектору посещать лагеря. Единственный вопрос обвинительного заключения заключается в том, происходили ли в лагерях военнопленных, несмотря на визиты инспектора и наличие специального представителя в лагерях, нарушения законов войны.

На это, бывший посол Скапини конечно же, не сможет дать ответ, так как очевидно, что ничего такого не случалось в его присутствии. Вот почему, французское обвинение считает, что показания бывшего посла Скапини не прольют света на поиск истины.

Нельте: Мне неизвестно, что посол Скапини слепой. Но не он лично, а делегация, главой которой он являлся, проводила регулярные инспекции лагерей

военнопленных для французских солдат. Точно то, что в лагерях военнопленных случались вещи нарушавшие Женевскую конвенцию, но вопрос дела заключается в том что, подсудимый Кейтель и ОКВ, как верховная власть, делал – или по крайней мере, пытался делать всё, что он мог сделать.

ОКВ не обладало командными полномочиями в отдельных лагерях. Оно должно было принимать инструкции о том, как следует обращаться с военнопленными и разрешать гарантирующим державам посещать лагеря.

Председатель: Будут ли удовлетворительными опросные листы, предположив, что мы направим их господину Скапини?

Нельте: Допрос в Нюрнберге? Можно ли заслушать посла Скапини в Нюрнберге?

Председатель: Я спросил, не будут ли удовлетворительными опросные листы. Я представляю, что господин Скапини не в Нюрнберге. Я имею в виду, конечно же, там где говорили о них.

Нельте: Я прошу решения о том нужно ли мне сначала представить письменные вопросы, или же будет необходимо другое решение. Предположим, я сначала допрошу посла Скапини в письменном виде и от его ответа будет зависеть…

Председатель: Да, в письменном виде. Это будет удовлетворительно для господина Шампетье де Риба?

де Риба: Да, это будет удовлетворительно.

Председатель: Думаю, наверное, мы можем сейчас прерваться, доктор Нельте до четверти третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 15 минут*]

Вечернее заседание

Председатель: Доктор Нельте, я думаю, вы закончили со своими свидетелями, не так ли?

Нельте: Да, думаю, что так. Я должен только оставить право, что я должен сказать, после завершения представления советским обвинением своего дела – смогу ли я закончить вызов того или иного свидетеля. Что касается документов, я хочу задать несколько вопросов, которые особо интересуют меня – скорее даже подсудимого Кейтеля.

Председатель: Разумеется.

Нельте: Трибуналу известен мой основной предмет доказывания. Для того, чтобы подтвердить, что во многих случаях обвинение ошибается, предполагая ответственность ОКВ и подсудимого Кейтеля, я могу сослаться на многие документы, которые представлены обвинением.

Я понимаю это так, что эти документы не должны представляться мною в

качестве доказательственного материала, так как они уже приобщены. Я прошу трибунал исследовать эти документы и распорядиться о том, чтобы в своих прошениях от имени подсудимого я мог ссылаться на такие документы, не представляя их и не цитируя.

Я хочу добавить, что трибунал, будучи проинформирован о структуре вооружённых сил или их составных частей и о компетенции различных командований, сможет самостоятельно судить о том какие представленные документы не подходят для поддержки утверждений обвинения относительно ответственности подсудимого Кейтеля.

Я также убеждён в том, что трибунал, в своих выводах, внимательно изучит любой документ, относящийся к вопросу вины, даже если обвинение не представит такие документы и даже если защита не сможет представить обширную презентацию в виду чрезвычайно большого количества документов – имеются тысячи относящиеся к Кейтелю – и даже если защита не сможет рассмотреть все эти документы в заключительных речах.

Более того, я хочу представить трибуналу ещё один вопрос, который является важным для презентации доказательств от имени подсудимого Кейтеля и у которого имеется большое значение.

В ходе заседания 1 февраля 1946, французский обвинитель сделал следующее заявление и я цитирую:

> «Глава 4 и последняя имеет название «Административная организация преступного деяния...», по четвёртой главе я могу заметить, что французская делегация изучила более чем 2000 документов, считая только подлинные немецкие документы из которых я отобрал только около 50».

Согласно вступительной речи главного обвинителя от Соединённых Штатов, не может быть сомнения в том, что эти 50 документов были отобраны только с точки зрения инкриминирования подсудимого. 11 февраля, если я правильно помню, я лично обратился к французскому обвинению с просьбой предоставить в моё распоряжение для изучения, оставшиеся 1950 документов, которые французское обвинение не использует.

По настоящее число у меня нет ответа. Трибунал заметит трудность моего положения. Я знаю, что есть документы, которые как я уверен, имеют значение смягчающих обстоятельств. Пока я не смог обозначить эти документы. Поэтому я прошу трибунал распорядиться по данному вопросу, чтобы обвинение предоставило в моё распоряжение документы для использования.

Председатель: В связи с этими конкретными документами, о которых вы просите, вы собираетесь, что-нибудь о них сказать?

Нельте: Мне неизвестно содержание документов. Я знаю только о том, что французское обвинение имеет эти 2000 документов…

Председатель: Что же, если вы хотите разобраться с этим сейчас, я попрошу французского обвинителя ответить на то, что вы сказали.

Нельте: С позволения уважаемого суда, я оставляю на усмотрение трибунала, то хочет ли он изучить этот вопрос и разобраться с ним сейчас.

Председатель: Что же, думаю нам лучше сейчас выслушать французского обвинителя.

Дюбост: Ряд документов сомнительного происхождения находился в наших руках к моменту начала подготовки нашего обвинения. Мы исключили все документы, которые не могли выдержать серьёзного критического исследования. Мы осуществили критический разбор и отвергли всё то, что считалось не имеющим достаточного подтверждения. В конце этой работы осталось около пятидесяти документов, на которые ссылались мои коллеги и которые относятся к делу. Более того, не все эти 50 документов были приняты трибуналом, который отклонил некоторые, и если я правильно помню, 3 или 4 происхождение которых было не совсем точно установлено. В таких условиях абсолютно неправильно говорить о том, что мы утаили от защиты 1950 документов.

Мы вручили суду, и таким образом защите, 50 документов, которые сами по себе выглядят для нас имеющими достаточное доказательственное значение.

Если я понял эту просьбу защиты, она хочет, чтобы суд попросил нас вручить ей документы некоторые из которых были отклонены судом как не имеющие доказательственного значения или недостаточно аутентичные. Трибуналу следует решать удовлетворить ли эту просьбу. Что касается меня, я со всей решимостью должен возразить этому ходатайству, потому что это будет означать рассмотрение документов, которые не имеют достаточной аутентичности для исследования, и которые сам трибунал рассмотрел, когда мы представили ему некоторые из этих документов.

Председатель: Да, но господин Дюбост, положение такое: существует большое количество документов, о которых представитель французского обвинения говорил, что изучал их, и французское обвинение, осуществляя своё усмотрение, посчитало ненужным ссылаться более чем на ряд из них, и это лишь осуществление французским обвинением своего усмотрения по этим документам, и доктор Нельте просит посмотреть на эти документы для того, чтобы понять нет ли в них того, что поможет его делу. У французского обвинения есть этому какое-то возражение? Я имею в виду – может быть какие-то документы больше не находятся у французского обвинения, но по тем которые у него имеются, французское обвинение возражает тому, чтобы доктор Нельте их увидил?

Дюбост: Могу я напомнить трибуналу, что документы, которые мы отклонили, не были отклонены как изначально бесполезные, но как не представляющие достаточных гарантий своего происхождения, об условиях в которых мы их получили и об их доказательственной ценности.

Трибунал, несомненно, помнит, что ряд этих документов был отклонён самим судом. Также и те которые мы не считаем имеющими такой же характер как документы, которые были отклонены. Мы не представляем их, потому что мы не можем сказать вам где, когда и как их обнаружили. По большей части, это документы которые попали в руки боевых частей в бою, и по условиям юриспруденции не представляющие достаточных гарантий для сохранения.

Постольку поскольку они ещё находятся у меня я готов сообщить о них защите, и будет ясно, что она не придаст им большего значения, чем придал я.

Председатель: Очень может быть так и будет. Я думаю, что всё, что хочет доктор Нельте это посмотреть на любые документы которые вы доставили, чтобы понять сможет ли он найти, что-нибудь о чём он думает как о помощи подсудимому которого он представляет, и я понимаю, что вы не имеете возражения, чтобы он это сделал.

Дюбост: Я отвечу защите тем, что некоторые из этих документов были отклонены трибуналом, когда я их представлял.

Председатель: Что же, конечно же, это не относится к документам, отклонённым судом. Очень хорошо. Мы не будем сейчас разрешать вопрос. Мы его рассмотрим.

Нельте: Объявит ли трибунал своё решение по первому поднятому вопросу, а именно, достаточно ли мне ссылаться на документы, которые представлены обвинением не предъявляя их самому.

Председатель: Да, сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: В этом я хочу поддержать предложение доктора Нельте. Если документ уже приобщён, я считаю, что будет правильным и удобным, чтобы представитель защиты мог комментировать его, не приобщая его снова, и имел полное право комментировать.

Председатель: Я думаю, то, что я говорил по ряду случаев, о том, что любой документ, приобщённый в качестве доказательства, или часть, которую приобщили в качестве доказательства, конечно же, может использоваться защитой для пояснения или критики той части, которую приобщили. Может быть, это вопрос информирования трибунала о том, какой это документ, может быть необходимо иметь часть документа, которую не приобщают в качестве доказательства, приобщая его сейчас для того, чтобы его перевели.

Максвелл-Файф: Я не знаю, будет ли удобно, если бы я указал доктору Нельте взгляды обвинения на его список документов, или же он хочет сам рассмотреть его. Я могу совершенно коротко сделать это, если это будет удобно.

Председатель: Думаю это бы сократило дело.

Максвелл-Файф: Значительное количество документов в списке подпадает в категорию о которой только, что сказали. Документы 3-9, 17 и 29, 30 и 31, кажется, все приобщены и поэтому доктор Нельте может прокомментировать согласно вашему распоряжению.

Затем есть ряд документов которые письменные показания, как подсудимых, так и планируемых свидетелей: документы 12, 13, 22, 23, 24, 25 и 28.

Трибунал может помнить, что в случае свидетеля, доктора Блахи[247], мой друг господин Додд, следовал практике спрашивать у свидетеля: «Правда ли эти письменные показания?» - и затем оглашал письменные показания для экономии времени. Обвинение не имеет возражения следованию доктором Нельте такого курса, если он пожелает, но, конечно же, там где свидетеля собираются вызвать в качестве свидетеля, по соображению обвинения, он сможет удостоверить свои письменные показания присягой.

Председатель: Минуточку. Вы имеете в виду, если свидетель здесь, вы не имеете возражения оглашению доктором Нельте письменных показаний и свидетель, затем будет подлежать перекрёстному допросу?

Максвелл-Файф: Свидетель скажет: «Я согласен; я удостоверяю факты изложенные в моих письменных показаниях».

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Это значительно сэкономит время в основном допросе, и мы все готовы содействовать в этом.

Председатель: Тогда, для доктора Нельте приемлим такой порядок?

Нельте: Полностью.

Председатель: Возможно, сэр Дэвид, если письменные показания были представлены обвинению, тогда оно могло бы сказать, что не хочет проводить перекрёстный допрос. Это бы избавило от необходимости доставки свидетелей туда или сюда.

Максвелл-Файф: Может быть, так обстоит дело с доктором Леманом. Думаю, все другие случаи, это либо подсудимые, или свидетели, в отношении которых есть отдельные пункты о которых обвинение захочет спросить.

Затем есть три документа, по которым нет возражений их использованию: 18, 26 и 27.

Остаётся ряд документов, в использовании которых я не совсем уверен в настоящий момент, но может быть доктор Нельте пояснит, как он хочет их использовать, и может это устранит сложность для обвинения. Если трибунал будет любезен взглянуть на 1 и 2, 1 это экспертное мнение о состоянии законодательства в государстве фюрера, и важности приказа фюрера, и документ 2 это приказ фюрера номер 1.

Если есть желание использовать их в качестве противоречия статье 8 устава, обвинение возражает. Это вопрос вышестоящих приказов.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Если они используются только для объяснения происхождения

---

[247] Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Член центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

исторического вопроса, это может быть другой вопрос. Итак, следующий это документ 10 – потребности для министерства перевооружения, взятые из…

Председатель: Даже так, сэр Дэвид, по вашему соображению, должны ли мы принять экспертное мнение по такому доводу?

Максвелл-Файф: Нет, ваша честь. Вообще нет. Боюсь моё второе замечание в действительности применимо к приказу фюрера. Это может быть использовано, как основа или может быть использована в целях смягчающих обстоятельств или пояснения о том, как происходило событие, но я покорно согласен с тем, что экспертное мнение о состоянии законов не может использоваться в отношении юрисдикции трибунала. Конечно же, закон любой другой страны может быть под вопросом, что касается трибунала, также как это будет вопросом факта в английском суде: «В чём заключается закон другого государства?». Как я скажу, я категорически хочу применить положение статье 8 в отношении этих двух документов.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Итак, документы 10 и 11 рассматривают перевооружение в других странах. Я не хочу препятствовать защите в использовании иллюстрации, но снова я наиболее категорически придерживаюсь позиции о том, что перевооружением других стран нельзя оправдывать агрессивную войну и это не будет относится к делу.

Итак, 15 и 16 относятся к книгам генерал-майора Фуллера и генерал-майора Темперли[248], которые оба экс-офицеры, которые были в этот период журналистами. Что касается вопроса о факте который приводится в этих книгах, если доктор Нельте даст нам знать что это за отрывок, мы поймем, можем ли мы его признать, но общие взгляды генерал-майора Фуллера и генерал-майора Темперли как мы полагаем не относятся к делу.

Затем, 19, 20 и 21 книги об Австрии. Снова обвинение занимает позицию, что ранее состояние мнения в Австрии в отношении аншлюса не относится к делу при рассмотрении вопроса агрессивной акции в нарушение договора 1936, которое произошло в 1938.

Милорд, я думаю, что я сейчас рассмотрю все документы и как я скажу, они подпадают в эти четыре группы, в отношении трёх из которых нет ничего между нами и в отношении четвёртого, обвинение придерживается различных пунктов, которые я упоминал. И снова я хочу дать понять, что обвинение не возражает получению доктором Нельте любой из этих книг в целях подготовки к делу, но при малейшей возможности мы хотим дать понять о том какая у нас позиция в отношении их использования.

Нельте: В отношении первых трёх категорий, обвинение согласно со мной в том, что я могу ограничить себя последней категорией, которая начинается с документов

[248] Артур Темперли (1877 – 1940) – генерал-майор Великобритании. Автор военных исследований.

1 и 2. Один из фундаментальных вопросов на этом процессе, который на первый взгляд кажется чисто юридической проблемой, это вопрос так называемого государства фюрера и приказа фюрера. Однако, этот вопрос имеет важное фактическое значение на процессе. Например, подсудимый Кейтель в результате конкретного положения, в самой большой мере оказался под воздействием принципа государства фюрера и действовал соответственно, так как он постоянно находился в контакте с сущностью этого принципа, а именно с Гитлером. Это не то, как если бы статья 8 устава оставалась незатронутой этим. Однако, как я полагаю, это может подтвердить, что статья 8 устава здесь неприменима.

Что касается приказа фюрера номер 1, документ номер 2, сам трибунал выслушав этот приказ сможет судить о том имеет ли он какое-либо отношение к делу. Этот приказ фюрера, приказ номер 1, из документальной книги Кейтеля номер 1, гласит:

«а) Никто не должен иметь сведений о секретных вопросах которые не находятся в его сфере.

б) Никто не должен получать больше информации чем требуется для выполнения обязанностей поставленных перед ним.

в) Никто не должен получать информацию ранее чем необходимо для исполнения обязанностей установленных для него.

г) Никто не должен передавать подчинённым секретные приказы или ранее чем это необходимо для осуществления замысла».

Документ номер 1, то есть экспертное мнение о государстве фюрера и приказе фюрера, в связи с приказом фюрера номер 1, служат доказательствами того факта, что не могло быть вопроса заговора в смысле обвинительного заключения. Таким образом, я прошу трибунал допустить эти два документа как относящиеся к делу. Документы номер 10 и 11, а также некий указ, номер 16 представляют доказательства того, что принципы, которые подсудимый Кейтель, как солдат и немец, считал важными, а именно, перевооружение до уровня обеспечения уважаемого положения Германии среди совета наций, были постулированы не только немецким народом, но также уважались и одобрялись важными лицами за рубежом. Этот предмет подтверждается представлением статей британского, французского и американского авторства, военного, все из которых имеют высокую репутацию за свои сочинения по военной проблематике. Среди них статья «Тотальная война» генерал-майора Фуллера, мой документ 15, а также книга британского генерал-майора Темперли «Шепчущая галерея Европы». Например, господин Фуллер пишет в своей статье о том, что:

«Бессмыслица говорить о том, что он» - Гитлер – «хотел войны. Война не принесла бы ему возрождения его нации. То, что ему было нужно это почётный, безопасный мир».

То, что здесь подтверждается это то, что любые агрессивные намерения

сами по себе были бы несовместимы с заявлениями Гитлера и ведущих нацистов, если поверить в их искренность. Подсудимый верил в искренность этих заявлений и с этой целью он ссылается на мнение важных лиц за рубежом.

Я думаю это те документы, по которым обвинение имеет некие возражения.

Председатель: Вы не упомянули 19-21, что документы, как сказали, раскрывающие некое состояние мнение в Австрии.

Нельте: Да. Эти документы – номер 19. «Культурное и политическое значение аншлюсса» и документ 20 «Дорога к аншлюссу», и третий «Аншлюсс в международной прессе» от 1931 – должны подтвердить, что подсудимый мог полагать и был вправе это делать, что подавляющие большинство австрийского народа приветствовало аншлюсс с Германией. Это статьи и меморандумы Австро-германского народного союза, председателем которого был социал-демократ Рейхстага[249] председатель Лёбе[250].

Председатель: На этом документы заканчиваются, не так ли?

Нельте: Я хочу заявить только одно дополнительное ходатайство для трибунала, которое ссылается на документы, которые я не смог упомянуть ранее, поскольку они не были представлены до заседания 22 февраля. Я сейчас представляю своё ходатайство. Оно относится к 11 документам, все из которых были представлены в ходе пятничного заседания для того, чтобы подтвердить виновность Кейтеля в уничтожении при отступлении и в отношении принудительного труда военнопленных и гражданского населения. Из содержания этих документов представленных обвинением, становится видно, что согласно доказательствам которые я уже представил, большое количество обвинений следует приписывать тому факту, что каждый документ который так или иначе имел отношение к военным вопросам вменяется ОКВ и Кейтелю.

Председатель: Доктор Нельте, как я понял, все эти документы уже приобщены в качестве доказательства.

Нельте: Да.

Председатель: Что же, тогда они подпадают в категорию с которой согласен сэр Дэвид. Вы можете их затрагивать.

Нельте: Верно.

Председатель: Нет никакой необходимости заявлять новое ходатайство в связи с ними.

Нельте: Когда я готовил это дополнительное ходатайство я ещё не получил согласия сэра Дэвида. Кроме того мне кажется особо характерным и убедительным, потому что, однажды, были представлены 11 документов, все из которых

---

249 Рейхстаг — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а также формально при национал-социалистах.

250 Пауль Лёбе (1875 — 1967) — немецкий политик периода Веймарской республики, председатель Рейхстага в 1920—1924 и 1925—1932 годах, член Социал-демократической партии Германии.

использовались в качестве обвинений против Кейтеля, но которые своим содержанием показывали, что они не относятся ни к нему ни к ОКВ.

Председатель: Минуточку. Есть одна вещь, о которой я хочу вас спросить. Вы спрашивали ранее про доказательства от посла Мессершмита[251] и Отто Веттберга и в обеих случаях трибунал одобрил опросные листы. Я не знаю, отозвали ли вы это ходатайство в отношении этих случаев или же вы видели ответы на опросные листы.

Нельте: Я, согласно предложению, направил эти опросные листы послу Мессершмиту, а также Отто Веттбергу. В зависимости от ответа, полученного от этих двух свидетелей я буду, или не буду их приобщать.

Председатель: Вы представили один для Отто Веттберга, не так ли?

Нельте: Да, но пока не получил его обратно.

Председатель: Очень хорошо. Экземпляр номер 1, вы поясните немного больше о том, чем должен быть номер 1? Кажется, что это должно быть мнение эксперта о значении предписания фюрера. Вы об этом думаете?

Нельте: Да. Это статья в сфере конституционного права о структуре и значимости того, что известно как государство фюрера.

Председатель: Очень хорошо. Да, полковник Смирнов.

Смирнов: Господа судьи, моя обязанность состоит в том, чтобы предъявить трибуналу доказательства по последнему разделу обвинительного заключения «преступления против человечности» касающиеся раздела четвёртого обвинительного заключения и статьи 6, и в частности подпункта «с» статьи 6 устава.

Я предъявлю доказательства преступлений, которые гитлеровцы совершили на временно оккупированных территориях Советского Союза, Польши, Югославии, Чехословакии и Греции.

Преступления против человечности – также как и другие преступления немецких захватчиков вытекали из человеконенавистнической сущности фашизма, его стремления к мировому господству путем разбойничьего захвата целых государств на Западе и на Востоке, порабощения и массового истребления людей. Эти преступления были претворением в жизнь каннибальских теорий германского фашизма.

Элементы, образующие понятие «преступления против человечности», содержатся почти во всех преступных действиях гитлеровцев. О значительной части фактов, подтверждающих совершение немецкими фашистами этих тягчайших преступлений, было уже доложено суду при представлении доказательств по разделу о военных преступлениях и преступлениях против мирного населения.

Преступное нарушение гитлеровцами законов и обычаев войны, а также массовое уничтожение военнопленных, являются одними из тягчайших преступлений против человечности. В то же время, концепция преступлений против

---

[251] Джордж Мессершмит (1888 – 1960) – американский дипломат. Генеральный консул США в Берлине в 1930-1934. Посланник США в Австрии в 1935-1937.

человечности значительно шире по охвату, чем любое определение немецко-фашистских преступлений, доказательства которых настоящим предъявляются трибуналу.

С появлением немецких воинских частей и водружением свастики на зданиях официальных учреждений жители временно оккупированных районов стран Восточной Европы как бы становились по ту сторону жизни. Безжалостная машина фашизма хотела заставить их отрешиться от всего того, что в результате тысячелетий развития стало неотъемлемой частью понятия человечности.

Смерть постоянно витала над ними, но по пути к смерти их заставляли пройти через многие унизительные для человеческого достоинства мучительные стадии, которые в совокупности и образуют то, что обвинительное заключение называет преступлениями против человечности.

Их хотели заставить забыть свое имя, надевая на шею бирку с номером или нашивая на рукав одежды условный знак. Их лишали права говорить и читать на родном языке. У них отнимали дом и семью, их пытались лишить родины, насильственно перемещая за многие сотни и тысячи километров. Их лишали права иметь детей. Их повседневно третировали и унижали. Над их чувствами и верованиями глумились и издевались. И, наконец, у них отнимали последнее — жизнь.

Многочисленные акты расследований отмечали не только состояние крайнего физического истощения жертв немецко-фашистских зверств. Они отмечали также состояние тяжкой душевной депрессии у тех людей, которые в силу тех или иных случайностей вырывались из фашистского ада.

Длительное время требовалось для того, чтобы люди, сделавшиеся жертвами германского фашизма, вновь вернулись к привычному кругу понятий и действий, к гуманным правилам человеческого общежития. Этот момент трудно выразить юридическими формулами, но он, с моей точки зрения, имеет весьма существенное значение для обвинения главных военных преступников.

Я прошу суд обратиться к докладу польского правительства, уже представленного трибуналу под номером СССР-93. На странице 70 русского текста доклада приведена цитата из показаний Якова Верника — плотника из Варшавы, пробывшего год в лагере уничтожения Треблинка-2. Официальные немецкие документы называют Треблинку-2 Треблинкой-В. Это — одно и то же. Это было одно из самых страшных мест массового уничтожения людей, созданных германским фашизмом. В моем докладе я представляю уважаемому суду доказательства, связанные с существованием этого лагеря.

Вот что говорил Верник, давая польскому правительству свои показания о Треблинке, которые, как он подчеркнул во введении к ним, были единственной целью, ради которой «он продолжает свою жалкую жизнь»:

«Просыпаясь или во сне я вижу ужасные призраки тысяч людей,

призывающих к помощи, умоляющих оставить им жизнь и помиловать.

Я лишился семьи, я сам вел их на смерть, я сам строил смертные камеры, в которых их убили.

Меня пугает все. Я опасаюсь, что виденное мною написано на моем лице. Старая, сломанная жизнь — большая, тяжелая, но я должен нести это бремя и жить, чтобы рассказать миру, какие немецкие преступления и варварства я видел».

Люди, попадающие в Треблинку, становились по ту сторону жизни. Но эта участь постигала не только их. Анализ доказательств, связанных с преступлениями немецких фашистов, неопровержимо свидетельствует о том, что эту же судьбу разделяли не только посланные в специальные лагеря уничтожения, но и все те, которые во временно оккупированных немцами странах Восточной Европы становились жертвами преступников.

Я прошу разрешения трибунала затронуть короткую цитату из документа уже представленного трибунала как документ номер СССР-46 – сообщение Чрезвычайной государственной комиссии Советского Союза о преступлениях совершённых в Орловской области. В тексте этого документа имеется специальное сообщение известного русского учёного, доктора, президента Академии медицинских наук, члена Чрезвычайной государственной комиссии Советского Союза, академика Бурденко[252]. Трибунал найдёт это сообщение на странице 14 документальной книги, параграф 6:

«Сцены свидетелем, которых я являюсь – говорит Бурденко – превосходят самое бурное воображение. Наша радость видеть освобождённых людей омрачена выражением ступора на их лицах.

Это приводило к мысли – в чём причина? Очевидно, страдания которые они испытали, сделали для них одинаковыми жизнь и смерть.

Я наблюдал этих людей в течение трёх дней. Я перевязывал их, я эвакуировал их, но их психический ступор не изменился. Нечто похожее можно было наблюдать в течение первых дней на лицах врачей».

Господа судьи, я не буду тратить время, обращая внимание на длинные и хорошо известные фрагменты из «Mein Kampf[253]» или «Мифа двадцатого века». В первую очередь нас интересует преступная практика немецко-фашистских подлецов.

---

[252] Бурденко Николай Нилович (1876 — 1946) — русский и советский хирург, организатор здравоохранения, основоположник советской нейрохирургии, главный хирург Красной Армии в 1937—1946 годы, академик АН СССР (1939), академик и первый президент АМН СССР (1944—1946), Герой Социалистического Труда (1943), генерал-полковник медицинской службы,

[253] «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

Как я уже сказал, смерть могла прийти совершенно неожиданно вместе с появлением в данной местности очередной зондеркоманды. Смертной казнью грозили за любые действия в специальных актах, получивших у немецко-фашистских захватчиков издевательское название «законов».

Мною и другими представителями советского обвинения уже приведены многочисленные примеры этих террористических законов, распоряжений, приказов немецко-фашистских властей. Я не хочу повторяться. Но все же я прошу у суда разрешение огласить один из таких документов, ибо он касается всех временно захваченных немцами восточных областей.

Единственным основанием для издания подсудимым Альфредом Розенбергом этого документа явилось то, что временно захваченные области населяли не немцы. Этот документ характерен для доказательства преследования людей по расовым, национальным и политическим мотивам. Я прошу суд приобщить к материалам дела представляемый мною под номером СССР-395 фотостат приказа, изданного Альфредом Розенбергом 17 февраля 1942 г. в дополнение к уголовным предписаниям, действовавшим в занятых восточных областях. Господа судьи найдут этот документ на страницах 19 и 20 документальной книги. Я прочту его полностью начиная с параграфа 1.

> «Смертной казнью, а в менее тяжких случаях — каторгой наказывается тот, кто применит насилие против германской империи или против установленной в занятых восточных областях верховной власти; кто применит насилие против германского подданного или лица немецкой национальности за его принадлежность к немецкой национальности; кто применит насилие против служащего германской армии или вневойсковой организации, германской полиции, включая ее вспомогательные силы, учреждений трудовой повинности германских властей или учреждений и организаций НСДАП; кто призывает или побуждает к неподчинению изданному немецкими властями приказу или распоряжению; кто преднамеренно наносит вред мероприятиям германских властей и учреждений или вещам, используемым в работе последних, и общественному благу; кто содействует антинемецким стремлениям или организационно поддерживает объединения, запрещенные германскими властями; кто участием во враждебной или подстрекательской деятельности обнаруживает антинемецкие взгляды или своим прочим поведением умаляет или наносит ущерб авторитету или благу германского государства или немецкого народа; кто преднамеренно совершает поджог и тем самым наносит ущерб общегерманским интересам или состоянию…»

Председатель: Вы это уже читали?

Смирнов: Я проверял расшифровку и не думаю, что это оглашалось под протокол.
Председатель: Очень хорошо.
Смирнов: Может быть, читали похожие приказы, может быть Франка или другие приказы. Они все похожи. В любом случае я не смог найти упоминание документа в стенограмме.

Я продолжаю:

«…ущерб общегерманским интересам или состоянию германского подданного или лица немецкой национальности...»

Параграф 2 весьма характерный:

«Кроме того, смертная казнь и в менее тяжких случаях, каторга должны применяться в отношении: тех кто совершает любое наказуемое деяние предусмотренное параграфом 1; тех кто вступает в серьёзные переговоры по данному предмету; тех кто предоставляет свои услуги для совершения такого деяния или принимает такое предложение; или тех кто обладает достоверной информацией о таком деянии или намерении в момент, когда опасность можно предотвратить и умышленно уклоняется от своевременного предупреждения германских властей или лица которому угрожает опасность.

Параграф 3. Правонарушение не подпадающие под параграф 1 и 2 должно наказываться смертной казнью, даже при том, что это наказание не предусмотрено общими германскими уголовными законами и указами германских властей, если правонарушение злостное или по иным причинам особо тяжкое. В таких случаях смертная казнь также допускается к несовершеннолетним совершившим тяжкое преступление.

Параграф 4. (1) если не имеется достаточного обоснования передаче дела компетентному военно-полевому суду, являются компетентными специальные суды. (2) Специальные инструкции принятые для вооруженных сил настоящим не затрагиваются».

Я пропускаю параграф 5.

Этот приказ Розенберга был лишь одним из звеньев в цепи преступлений руководителей немецкого фашизма, преступлений, направленных на уничтожение славянского народа.

Я перехожу к первому разделу моего доклада, озаглавленному «Уничтожение славянских народов». В этом разделе я покажу, как претворялась в жизнь эта преступная установка гитлеровцев об уничтожении славянских народов. Привожу данные из доклада правительства Югославии:

«Наряду с тысячами югославов, павших в боях, оккупанты уничтожили еще по меньшей мере 1,5 — 2 миллиона человек,

главным образом детей, женщин и стариков. Из 15 миллионов югославского населения до войны за сравнительно короткий период в 4 года уничтожено почти 14 процентов населения».

В докладе правительства Чехословакиig на страницах 36 и 37 русского текста приведены доказательства составленного гитлеровскими преступниками плана насильственного переселения всех чехов и заселения Чехословакии немецкими колонистами, В докладе приведено извлечение из показаний Карла Германа Франка, признавшего наличие этого плана и заявившего, что он, Франк, якобы составил меморандум, в котором возражал против подобного плана. Я цитирую извлечения из показаний Карла Германа Франка, которые трибунал найдёт на странице 37 документальной книги, четвёртый абзац:

«Я считал этот план бессмысленным, так как, по моему мнению, пустое пространство, созданное благодаря ему, будет серьезно нарушать жизненные функции Богемии и Моравии по различным причинам: геополитическим, транспортным, промышленным и другим, а немедленное заполнение этого пустого пространства нашими немецкими колонистами невозможно».

В Польше режим уничтожения славянского населения осуществлялся различными преступными способами, в числе которых видное место занимали доведение людей до предельного изнурения непосильным трудом и последующее умерщвление их голодом. Преступники совершенно сознательно шли на умерщвление миллионов людей голодом, о чем свидетельствуют, в частности, выдержки из дневника Ганса Франка.

Я процитирую короткий отрывок из этого документа. Вот отрывок из записи о совещании у «губернатора» 7 декабря 1942 г. в Кракове. Трибунал найдёт отрывок который я хочу процитировать на странице 89 документальной книги, первый столбец текста, последний абзац:

«Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек...»

Вот извлечение из записи о правительственном заседании от 24 августа 1942 г. Трибунал найдёт его на странице 90 документальной книги, первый абзац текста. Доктор Франк заявил:

«При всех тех затруднениях, которые возникают в связи с заболеванием их рабочих или развалом их организаций, вы всегда должны помнить о том, что лучше видеть поверженным поляка, а не немца. То, что мы приговариваем к голодной смерти 1200000 миллиона евреев, само собой понятно. Если евреи не умрут с голоду, то это, вероятно, вызовет ускорение антиеврейских мер против них в будущем».

Привожу третью короткую выдержку из записи от 14 декабря 1942 г. о рабочем совещании политических руководителей Трудового фронта НСДАП в Генерал-губернаторстве. Трибунал найдёт это на обороте страницы 89 документальной книги, второй столбец, второй абзац:

> «Это ставит перед нами следующую проблему: сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающих в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

Во вступительной речи главный обвинитель от СССР, говоря о преступлениях против человечности, сослался на заметки Мартина Бормана. Заметки Мартина Бормана были уже предъявлены суду под номером СССР-172. В частности, главный обвинитель от СССР процитировал в следующее место, которое трибунал найдёт на странице 97 документальной книги, последний абзац:

> «Резюмируя, фюрер установил еще раз:
> 1. Последний немецкий рабочий и последний немецкий крестьянин должен всегда стоять в экономическом отношении выше любого поляка на 10 процентов».

Как осуществлялись эти вещи на практике? Я хочу показать, как осуществлялись эти установки Гитлера, которые полностью разделял подсудимый Франк, на территории Польши. Я прошу трибунал принять в качестве доказательства подлинный немецкий документ.

В числе других фашистских институтов, производивших всякого рода лженаучные эксперименты, немецкие преступники создали специальный институт, занимавшийся исследованием хозяйственной жизни. Этот институт издал документ, озаглавленный «Значение польского вопроса для военной промышленности Верхней Силезии».

Подобным «исследованием» фашистский «научный» институт решил заняться для уяснения причин падения производительности труда польских рабочих.

О целях этого «исследования» лучше всего будут свидетельствовать приводимые ниже два очень коротких извлечения. На странице 39 подлинника мы читаем – трибунал найдёт отрывок, который я хочу процитировать на странице 101 документальной книги, второй абзац. Я предъявляю этот документ как экземпляр номер СССР-282. Я начинаю цитату, которая находится на странице 101 документальной книги, второй абзац.

> «Исследованию чужда какая бы то ни было гуманная тенденция...»

На странице 149 цитируемого документа – трибунал найдёт это на странице 101, третий абзац документальной книги, сказано:

> «Мы поднимаем наш голос не для защиты поляков, а для того, чтобы

воспрепятствовать падению военной продукции, которая должна снабжать Вермахт».

Приведя две краткие цитаты, характеризующие цель и характер этого «исследования», я цитирую далее отдельные извлечения, показывающие положение поляков-рабочих и практическое осуществление подсудимым Франком приведенных выше указаний Гитлера. Я цитирую на странице 38 подлинника, которая соответствует странице 101, абзацу 7 документальной книги:

«Сообщения, касающиеся положения польского населения, и мнения о том, какие меры в связи с этим надо считать наиболее целесообразными, расходятся во многом. Однако все мнения согласны в одном пункте, который сводится к краткой формуле: «Поляки голодают». Уже немногие, иногда беглые наблюдения подтверждают эти выводы. Один из информаторов посетил военный завод во время обеденного перерыва. Рабочие апатично стоят или сидят, греясь на солнышке, некоторые курят папиросы. Наблюдатель насчитал 80 человек. Только один из них имеет кусок хлеба на завтрак; у остальных нет с собой никакой еды, хотя рабочий день продолжается 10—12 часов».

Я перехожу к странице 72 подлинника, которая соответствует странице 102 документальной книги, вот цитата:

«Наблюдения, сделанные на заводах, доказывают, что нормы продовольствия, получаемые польскими рабочими, так ничтожны, что им недостает еды, чтобы захватить с собой завтрак на работу. У рабочих нет с собой даже куска хлеба, чтобы позавтракать во время полуденного перерыва на заводе. Если некоторые приносят с собой завтрак, то он состоит из тощего кофе и одного или двух кусков сухого хлеба или сырого картофеля, а в более трудные времена у них не хватает даже этой скудной пищи, и они довольствуются сырой морковью, которую во время работы подогревают на печке».

Я продолжаю цитату на странице 150 этого же документа:

«В связи с этим надо сказать, что при посещении рудников оказалось, что почти у 10 процентов польских рабочих, отправляющихся на смены в копи, не было с собой никакой пищи, а около 50 процентов из них отправлялись на работу под землей, захватив с собой только сухой хлеб или разрезанный на куски сырой картофель, который они подогревают потом на плите».

Институт занялся «научным» подсчетом числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, и сопоставлением их с числом калорий, получаемых немецким населением.

Я не буду приводить обширных извлечений из цитируемого документа и

ограничусь лишь короткими итоговыми данными. Я начинаю на странице 63 документальной книги, которая соответствует странице 102, последний абзац документальной книги:

> «Сравнение числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, с числом калорий, отводимых немецкому населению, доказывает, что поляки получают на 24 процента меньше немецких потребителей. Эта разница возрастает до 26 процентов по продовольственным карточкам, выдаваемым неработающим полякам. Для молодежи в возрасте от 14 до 20 лет эта разница между долями, отводимыми немцам и полякам, достигает почти 33 процентов. Однако, следует подчеркнуть, что это относится только к молодёжи старше 14 лет.
>
> Недоедание польских детей в возрасте от 10 до 14 лет, в сравнении с тем, что получают немецкие дети, проявляется в еще большей степени. Здесь разница составляет не менее 65 процентов. Об этом свидетельствует уже внешний вид этой молодежи, получающей недостаточное питание. Польские дети моложе 10 лет получают питание на 60 процентов меньше немецких детей.
>
> Если врачи сообщают, что продовольственные условия младенцев не так уж неблагоприятны, то это только мнимое противоречие. Пока мать кормит младенца грудью, он получает все нужное из этого источника. Последствия недостаточного питания отражаются в этом периоде не на ребенке, а исключительно на матери, у которой здоровье и работоспособность падают, как это имело бы место при недостаточном питании».

Я продолжаю на странице 178 подлинника которая соответствует странице 103, параграфу 2 во второй документальной книге:

> «Из всех категорий потребителей польское юношество по сравнению с немецким находится в самом худшем положении. Разница в получаемых продуктах достигает 60 процентов и даже больше».

Представляют также интерес приведенные в «исследовании» отрывки из доклада представителя Немецкого трудового фронта. В частности на странице 76 цитируются фрагменты после посещения им одной из угольных шахт в Польше 10 октября 1941 г.

> «Было установлено, что ежедневно в различных селениях польские шахтеры падают от изнеможения... Ввиду того, что рабочие постоянно жалуются на желудочные боли, были запрошены врачи, которые ответили, что причиной этих заболеваний является недостаточное питание».

Я завершаю это сделанное самими немецкими преступниками, и притом «учеными» преступниками, описание физического состояния польских рабочих

короткой цитатой из этого же доклада, который трибунал найдёт на странице 106, параграф 6 документальной книги:

> «Управления заводов постоянно подчеркивают, что нетрудоспособных, недоедающих людей невозможно больше понуждать к работе только угрозой ссылки в концентрационный лагерь. Все равно должен наступить день, когда ослабевшее тело станет больше неспособным к труду».

В этом же документе содержится не оставляющая возможности для двоякого истолкования характеристика правового положения польских рабочих в период немецкой оккупации Польши. Эта характеристика тем более ценна, что, как уже говорилось выше, авторы «исследования» подчеркивали, что ему «чужда какая бы то ни была гуманная тенденция».

Я начинаю цитату из представленного документа на странице 127, которая соответствует странице 110, второй абзац документальной книги:

> «Закон не дает лицам, принадлежащим к польской национальности, права требовать чего-нибудь в какой бы то ни было области. Все, что предоставлено полякам, — это добровольный дар немецких господ. Самое яркое выражение находит это юридическое положение в обездоленности поляков перед законом. В юридическом отношении поляки не имеют собственных представителей перед судом. Уголовное судопроизводство ведется в отношении их по принципу произвола. Проведение в жизнь законных распоряжений является делом полиции, которая решает дела по собственному усмотрению, а в некоторых случаях может передавать их на рассмотрение суда».

Согласно указу от 26 августа 1942 г. польские рабочие обязаны были наравне с немцами платить взносы на страхование от болезни, несчастных случаев, инвалидности. Эти отчисления из зарплаты польских рабочих были большими, чем отчисления из зарплаты немцев. Однако если рабочий немец пользовался страховой помощью, то поляк фактически был лишен ее.

В подтверждение этого я приведу два коротких извлечения из того же «исследования», которые господа судьи найдут на странице 111 в документальной книге, абзац 4. Он соответствует странице 134 подлинного текста исследовательского доклада:

> «Страхование от несчастных случаев, которым ведают профессиональные союзы, очень ограничено по отношению к полякам. Признание инвалидности имеет место в гораздо более узких границах, чем для немцев. При потере глаза немец считается инвалидом на 30 процентов, поляк — только на 25 процентов. Для выплаты помощи требуется, чтобы поляк потерял 33 процента трудоспособности.

Я продолжаю свою цитату на странице 135 подлинника, то есть странице 111 последний абзац документальной книги:

> «Самым суровым образом ограничены права семей польских рабочих, погибших от несчастных случаев. Вдова только тогда получает пенсию и то в размере 50 процентов пенсии, предусмотренной для немцев, если она имеет на иждивении по крайней мере четырех детей или сама является инвалидом.
>
> Ограничение в правах поляков наглядно показывает пример: немецкая вдова, оставшаяся с тремя детьми, получает 80 процентов годичного заработка своего погибшего мужа или при заработке в 2000 марок пенсию в1600 марок в год. Полячка в таком случае не получила бы ни гроша».

Немецко-фашистские главные военные преступники направляли на территории временно оккупированных ими восточных областей не только солдат и эсэсовцев; следом за ними приезжали специально командированные фашистские «ученые», «консультанты по экономическим вопросам» и всевозможные другие «исследователи». Некоторые из них командировались по линии ведомства Риббентропа, другие посылались Розенбергом.

Я предъявляю под номером СССР-218 донесения представителя министерства иностранных дел при 17-й армии капитана Пфлайдерера[254], адресованные сотруднику отдела информации министерства иностранных дел фон Ранцау. Документы были обнаружены частями Красной Армии в имении фон Дирксена, в Верхней Силезии.

На основании знакомства с документами можно заключить, что Пфлайдерер в 1941—1942 гг. совершил поездку по оккупированным областям по маршруту: Ярослав на Украине, Львов, Тернополь, Проскуров, Винница, Умань, Кировоград, Александрия, Кременчуг на Днепре.

Целью поездки, по-видимому, было изучение экономической и политической обстановки в оккупированных областях Украины. О том, что автор этого документа был совершенно «свободен от каких бы то ни было гуманистических тенденций», свидетельствует следующее небольшое извлечение из его донесения, датированного 28 октября 1941 г., где Пфлайдерер пишет – трибунал найдёт эту цитату на странице 113, второй абзац документальной книги. Я цитирую только одну строчку:

> «Существует крайняя необходимость выжать из страны все соки для обеспечения снабжения Германии».

Но даже при такого рода жестоких и хищнических установках Пфлайдерер был, очевидно, смущен поведением соотечественников и считал необходимым

---

[254] Процитированный доклад подписан не капитаном Пфлайдерором, а лейтенантом, доктором, профессором Оберландером. Примечание по IMT, том 24, стр. 772.

специально привлечь к этому внимание руководства имперского министерства иностранных дел. Я цитирую донесение Пфлайдерера, озаглавленное:

«Предпосылки, обеспечивающие снабжение и конфискацию наибольшего количества продовольствия на Украине.

3) Настроение и положение населения в конце октября 1941 года».

Трибунал найдёт эту часть на странице 114, третий абзац документальной книги:

«Настроение населения в большинстве случаев сразу же после оккупации территории нашими войсками значительно ухудшилось. В чем причина этого? Мы выражаем внутреннюю неприязнь, даже ненависть по отношению к этой стране и высокомерие по отношению к ее народу… Третий год войны и необходимость перезимовать в неприветливой стране вызывают ряд затруднений. Но их необходимо преодолевать со стойкостью и самодисциплиной. Мы не должны срывать на населении свое недовольство этой страной... Часто бывали случаи, когда мы поступали не логично и, вследствие ошибок, которых легко можно было избежать, теряли у населения всякую симпатию. Мы расстреливаем в деревнях и населенных пунктах выбившихся из сил пленных и оставляем их трупы на дороге, а эти факты не может понять население... Так как войскам даны широкие полномочия по самоснабжению, то вблизи больших магистралей и городов колхозы в большинстве случаев уже не имеют племенного скота, семян и посевного картофеля (Полтава). Снабжение собственных войск, безусловно, стоит на первом месте. Однако самый характер снабжения нам небезразличен. Реквизиция последней курицы с психологической стороны столь же неразумна, как и неразумно с хозяйственной точки зрения убийство опоросшей свиньи и последних телят.

Я продолжаю цитату, абзац 3, страница 115 документальной книги:

«Население…оказалось без руководства. Оно стоит в стороне. Оно чувствует, что мы смотрим на него сверху вниз, что мы видим саботаж в его темпе работы и методах, что мы совершенно не делаем никаких попыток, чтобы найти путь к нему».

Схожий документ, предъявляемый суду под номером СССР-439, любезно предоставлен нам коллегами из Соединённых Штатов. Он зарегистрирован американским обвинением как документ номер PS-303, но не приобщался. Это собой политический отчет немецкого профессора доктора Пауля В. Томсона, написанный им на бланках государственного биолого-палеонтологического университета в Познани и снабженный самим автором грифом «не подлежит оглашению». Этот документ также вводит нас в обстановку полного бесправия и

произвола по отношению к местному населению временно оккупированных районов Советского Союза, которую наблюдал фашистский профессор на протяжении всей своей поездки по временно оккупированным областям Советского Союза от Минска до Крыма.

Я ссылаюсь на две короткие выдержки из этого документа. Цитата которую я собираюсь процитировать свидетельствует об отсутствии у автора гуманистических тенденций самим содержанием оглашаемых мною цитат, и если, тем не менее, Пауль Томсон вынес из поездки, как он говорит, «самое тяжелое впечатление», это является лишним доказательством того, насколько бесчеловечен и жесток был режим, насажденный немецкими фашистами. Трибунал найдёт эти фрагменты на странице 116 документальной книги. Я начинаю цитату…

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 26 февраля 1946*]

День шестьдесят восьмой

Вторник, 26 февраля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Я хотел объяснить решение трибунала в отношении генерала Гальдера и генерала Варлимонта.

Будет ли любезен доктор Нельте подойти к трибуналу?

Я хотел спросить вас, доктор Нельте, являетесь ли вы единственным защитником который пожелал вызова генерала Гальдера и генерала Варлимонта?

Нельте: Нет, кроме меня, насколько мне известно, мои коллеги доктор Латернзер, профессор, доктор Краус и профессор, доктор Экснер также вызвали генерала Гальдера и генерала Варлимонта.

Председатель: Очень хорошо, понятно.

Тогда решение трибунал заключается в следующем: трибунал распорядился, когда советский обвинитель пожелал представить письменные показания двух этих генералов, чтобы если они будут представлены, свидетелей доставили для перекрёстного допроса. Но в виду того факта, что защитники попросили вызвать этих свидетелей сами, трибунал стремится к тому, чтобы защитники решили, предпочитают ли они, чтобы этих двух генералов доставили сейчас, в ходе дела обвинения, для перекрёстного допроса, или же вызвали в дальнейшем в ходе допроса по делу подсудимых, при этом будучи подлежащими перекрёстному допросу обвинения.

Однако следует понимать, согласно приказу, который трибунал принял ранее – как вчера или же в предыдущий день, я забыл, когда – о том, чтобы эти свидетели, как и другие свидетели, могли быть вызваны только один раз, и когда их вызовут, каждый из подсудимых который желает задать им вопросы сделал это сейчас.

Итак, если есть какие-то другие мнения среди защитников, кто-то из защитников желает доставить этих свидетелей во время дела обвинения для перекрёстного допроса, а другой хочет их вызова впоследствии как свидетелей в своих интересах в ходе своего дела, тогда трибунал считает, что в виду приказа

который он уже вынес, генералы Гальдер и Варлимонт должны будут вызваны и доставлены сейчас. И тогда будет применяться такое же решение. Они могут вызваны только один раз, и любые вопросы, которые подсудимые желают им задать должны быть заданы тогда. Однако решение о том должны ли они быть вызваны сейчас или вызваны в ходе дела подсудимых находится на усмотрении защитников.

Понятно?

Нельте: Я прошу выслушать решения различных защитников в начале вечернего заседания…

Председатель: Да, конечно, конечно. Вы можете дать нам знать во время вечернего заседания, в начале вечернего заседания, о том какое решение у защитников.

Нельте: Благодарю.

Председатель: Да, полковник Смирнов.

Смирнов: Я продолжаю цитирование политического отчета профессора Пауля Томсона, который уже был представлен трибуналу на вчерашнем вечернем заседании. Господа судьи найдут его на странице 116 документальной книги. Я начинаю цитировать – и цитирую, только два коротких фрагмента из этого политического отчёта.

> «Хотя здесь, на Востоке, на меня возложены чисто научные задачи, я чувствую себя обязанным присоединить к моему деловому докладу общий политический отчет. Я должен откровенно и честно заявить, что возвращаюсь на родину с самыми тяжелыми впечатлениями.
>
> В этот час, когда решается судьба нашего народа, каждая ошибка может иметь роковые последствия. С польскими или чешскими вопросами мы можем разделаться, на это хватит биологических сил нашего народа.
>
> Такие маленькие национальности, как эстонцы, латыши и литовцы, должны либо приспособиться к нам, либо погибнуть. Совершенно иначе обстоят дела на колоссальном русском пространстве, которое крайне важно для нас как сырьевая база».

Здесь я прерываю свою цитату и продолжаю на странице 117 документальной книги, абзацы 10 и 11 – я цитирую:

> «Об экономических мероприятиях, например о закрытии свободного рынка в Киеве, воспринятом населением как тяжелый удар, я не берусь судить, так как не знаю общей ситуации. Но «унтерофицерский» тон, избиения и окрики на улице, бессмысленное уничтожение научных учреждений, что все еще имеет место в Днепропетровске, следует прекратить и виновных наказать.
>
> Киев, 19 октября 1942 г. Профессор, доктор Пауль Томсон».

Уже хорошо известная суду теория немецких фашистов о «германизации» гласила, что германизируются не народы, а территории.

Я приведу суду доказательство подобного рода преступлений гитлеровцев, которые они намеревались совершить в Югославии. Эти преступления не могли быть осуществлены в связи с вспыхнувшим по всей Югославии освободительным движением.

Я привожу короткое извлечение из доклада правительства Югославии, которое на странице 68, абзац 7 в документальной книге:

> «Немедленно по вступлении германских войск в Словению немцы приступили к осуществлению своего давно задуманного плана германизации «аннексированных» районов Словении. Руководящим нацистским кругам было совершенно ясно, что нельзя успешно провести германизацию в Словении, если предварительно не убрать из нее большую часть национально и социально сознательных элементов; а для того чтобы ослабить сопротивление народных масс, которое они оказывают нацистским властям при проведении германизации, необходимо их численно уменьшить и экономически уничтожить.
>
> Германский план предусматривал полное «очищение» отдельных районов Словении от словенцев и заселение их немцами – немцами из Бессарабии и так называемыми «готширскими» немцами.
>
> Я опускаю фрагмент и продолжаю:
>
> «Несколько дней спустя после захвата Словении были созданы центральные органы по переселению. Штаб находился в Мариборе (Марбург на Драве) и в Бледе (Вельдес).
>
> Одновременно 22 апреля 1941 г. был опубликован закон об укреплении германского народного духа. Первой целью этого закона была конфискация имущества всех лиц и учреждений, «враждебно настроенных по отношению к Германии». К таковым, естественно, причислялись все те, кого по плану должны были изгнать из Словении.
>
> Гитлеровцы приступили к практическому осуществлению этого плана. Они арестовали большое количество лиц, которых намечалось выслать в Сербию и Хорватию. Обращение с арестованными было исключительно жестоким. Все имущество арестованных конфисковывалось в пользу Рейха. Было организовано много сборных пунктов, превращенных фактически в концлагеря, в Мариборе, Целье и других местностях».

По поводу обращения с арестованными в этих пунктах в докладе правительства Югославии сказано следующее, члены трибунала найдут отрывок на странице 69, параграф 4, документальной книги:

«Интернированных оставляли без пищи, в антисанитарных условиях;

обслуживающий персонал лагерей подвергал их телесным и духовным пыткам. Весь персонал лагерей и коменданты были членами СС. Среди них было много немцев из Каринтии и Штирии, которые ненавидели все словенское и вообще югославское».

Характерна следующая фраза:

«Особенной жестокостью отличались члены «Союза культуры».

В качестве доказательства преступлений гитлеровцев я представляю трибуналу под номером СССР-139, письмо германской военной комендатуры в Смередово югославскому квислинговцу, некоему комиссару Стефановичу. В письме содержится приказ сообщить о возможности переселения в Сербию большого количества словенцев. Господа судьи найдут этот документ на странице 119 документальной книги.

В докладе правительства Югославии, страница 49 русского текста, который соответствует странице 59, параграфу 7 документальной книги сказано, что первоначально германские власти намеревались ввезти в Сербию 260 тысяч словенцев. Однако осуществление этого плана встретило ряд трудностей. В связи с этим я хочу процитировать абзац из доклада югославского правительства:

«Но ввиду того, что переселение в Сербию такого большого количества словенцев натолкнулось на большие трудности, вскоре после этого между германскими властями и квислинговцами-усташами[255] из управления в Загребе завязались переговоры по поводу транзита выселяемых словенцев через хорватскую территорию, а также по поводу поселения части словенцев в Хорватии и выселения из нее сербов».

Представляю документ под номером СССР-195: Это — протокол совещания, проведенного 4 июня 1941 г. в германской миссии в Загребе. На этом совещании председательствовал германский посланник в Загребе обергруппенфюрер СС Зигфрид Каше[256]. Протокол совещания был захвачен в сербском переводе в архиве комиссариата по делам беженцев так называемого «правительства» Милана Недича. В протоколе так обозначена обсуждавшаяся тема: «Выселение словенцев из Германии в Хорватию и Сербию, а также сербов из Хорватии в Сербию». Трибунал найдёт этот документ на странице 120 книги документов. В протоколе дословно говорится следующее:

«Совещание было одобрено имперским министерством иностранных дел в телеграмме за номером 389 от 31 мая. Согласие фюрера на переселение получено в телеграмме номер 344 от 24 мая».

---

[255] Усташи (также известные как Усташи — хорватское революционное движение — до апреля 1941 года хорватская фашистская ультраправая, националистическая, клерикальная организация, основанная Анте Павеличем в 1929 году в Италии. С апреля 1941 года по май 1945 года стояла во главе Независимого государства Хорватия (НГХ).

[256] Зигфрид Каше (1903 — 1947), дипломат, посланник Германии в Независимом государстве Хорватия, один из высших руководителей СА. Казнён по приговору югославского суда.

Таким образом, констатируется непосредственная ответственность подсудимого Риббентропа за это преступление против человечности.

Одновременно с этим, как видно из доклада правительства Югославии, был произведен угон значительного количества словенцев в Германию. Я цитирую из доклада югославского правительства, который господа судьи найдут на странице 70, последний абзац документальной книги. Я начинаю цитату:

> «Вскоре после этого началось само переселение. По утрам в деревню приходили грузовики. Солдаты и гестаповцы, вооруженные пулеметами и винтовками, врывались в дома и приказывали жильцам немедленно выходить из жилищ, причем разрешалось брать с собой только то, что каждый мог нести сам. Все эти несчастные люди должны были в несколько минут уйти из дома и оставить там всё свое имущество. На грузовиках они были доставлены в монастырь католического ордена траппистов в Рейхенберге. Оттуда отходили эшелоны. Каждый эшелон забирал в Германию от 600 до 1200 человек. Округ Брежице был очищен от населения почти полностью, округ Кршко — на 90 процентов. Из обоих округов было угнано 56 тысяч жителей. Из общины Цирковцы и Птуя, сверх того, уведено 4 тысячи человек».

Я опускаю один абзац и продолжаю:

> «Их заставляли выполнять самые тяжелые работы и жить в ужаснейших условиях. Вследствие этого среди них была массовая смертность. За малейший проступок к ним применялись самые суровые меры наказания».

Я не буду перечислять другие фрагменты в докладе югославского правительства в связи с той же самой темой. Я не цитирую этот документ, а прошу суд принять в качестве доказательства дополнительный официальный доклад правительства Югославии, представляемый под номером СССР-357.

Подобные же преступления были совершены немецкими захватчиками на территории оккупированной Польши. Я привожу краткие извлечения из доклада правительства Польской республики. Господа судьи найдут фрагмент который я хочу процитировать на странице 3, абзац 3 документальной книги. Этот раздел имеется в пункте «А» и называется «Германизация Польши».

> «Ясные указания относительно программы в этом отношении найдены в публикации, распространявшейся среди членов национал-социалистской партии Германии в 1940 году. Она содержала изложение принципов немецкой политики на Востоке. Вот несколько цитат из нее:
>
> «В военном смысле польский вопрос решен, но с точки зрения национальной политики он теперь только начинается для Германии.

Национальный политический конфликт между немцами и поляками должен быть доведен до степени, невиданной до сих пор в истории.

Цель, перед которой стоит немецкая политика на территории бывшего польского государства, двоякая: 1) стремиться, чтобы известная часть этого пространства была очищена от чуждого населения и занята немцами, и 2) навязать немецкое руководство с целью предотвращения возможности вспышки на этой территории нового пожара против Германии. Ясно, что такой цели нельзя никогда достичь вместе с поляками, а только против них».

Я прерываю эту цитату и продолжаю на странице 15 доклада Польской республики, которая соответствует странице 5, абзацу 5 документальной книги. Этот раздел называется «Колонизация Польши немецкими поселенцами».

«Политика в этом отношении ясно выражена официальными немецкими властями. В «Ostdeutscher Beobachter[257]» от 7 мая 1941 г. напечатано следующее воззвание:

Впервые в истории Германии мы используем наши военные победы в политическом отношении. Никогда больше даже сантиметр земли, которую мы покорили, не будет принадлежать поляку».

Таков был план, а факты, имевшие место на практике, были следующими:

«Местность за местностью, деревня за деревней, местечки и города на присоединенных территориях были «очищены» от польских жителей.

Это началось в октябре 1939 года, когда из местности Орлово были выселены все жившие и работавшие там поляки. Потом наступила очередь польского порта Гдыни. В феврале 1940 года около 40 тысяч человек было изгнано из города Познани. Их места были заняты 36 тысячами балтийских немцев, семействами военных и немецких чиновников.

Польское население было изгнано из следующих городов: Гнезно, Хелм, Постян, Нешив, Иновроцлав и многих других.

Немецкая газета «Grenzzeitung[258]» уведомляла, что в феврале 1940 года весь центр города Лодзи был «очищен» от поляков и предназначен для будущих немецких поселенцев. В сентябре 1940 года общее число поляков, вывезенных из Лодзи, достигло 150 тысяч.

Но людям проживавшим в этой местности не только приказывали уезжать, им запрещалось брать с собой свою собственность; все предлагалось оставлять. Место этих поляков, депортированных из своих жилищ, предприятий и хозяйств, было занято немецкими

---

[257] «Восточногерманский обозреватель» - ежедневная немецкая газета издававшаяся на территории рейхсгау Вартеланд присоединённой к Германии в результате оккупации Польши. Издавалась в 1939-1945.

[258] «Пограничная газета» (нем.)

> пришельцами. В январе 1941 года более 450 тысяч немцев было поселено таким образом».

Я опускаю следующую часть доклада, которую я хотел цитировать, и прошу суд лишь обратить внимание на раздел «Германизация польских детей». Это короткая цитата, всего два небольших абзаца:

> «Тысячи польских детей (от 7 до 14 лет) были безжалостно уведены от родителей и семейств и вывезены в Германию». Сами немцы объяснили цель этой самой жестокой меры в «Kolnische Zeitung[259]» номер 1584, 1940:
>
> Их будут учить немецкому языку, им будут затем прививать немецкий дух, чтобы воспитать их как образцовых юношей и девушек».

Для того, чтобы пояснить методы принятые немецкими фашистами при осуществлении своего каннибальского плана уничтожения советских мирных граждан моей Родины, женщин, детей и стариков – я прошу трибунал вызвать в качестве свидетеля и допросить свидетеля Григорьева, Якова Григорьевича, крестьянина из деревни Павлово, Швертовского совхоза, Порховского района Пскова. Он прибыл из Псковской области, области недалеко от Ленинграда и по моим сведениям, находится в здании суда. Я прошу разрешения трибунала допросить этого свидетеля.

Председатель: Да, конечно.

[*Свидетель Григорьев занял место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?

Григорьев: Григорьев Яков.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: Я, Яков Григорьев, гражданин Союза Советских Социалистических Республик вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом суда обещаю и клянусь говорить суду только правду обо всем, что мне известно по делу».

[*Свидетель повторяет слова присяги*]

Председатель: Вы можете сесть.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, в какой деревне вы проживали до войны?

Григорьев: В деревне Кузнецове, Порховского района, Псковской области.

Смирнов: В какой деревне вас застала война?

Григорьев: В деревне Кузнецове.

Смирнов: Существует ли сейчас та деревня, в которой вас застала война?

---

[259] «Кёльнская газета» - немецкая газета издававшаяся в Кёльне в 1798 – 1945.

Григорьев: Не существует.

Смирнов: Я прошу вас рассказать суду, что произошло с этой деревней и с её жителями.

Григорьев: В злопамятный день 28 октября 1943 г. немецкие солдаты неожиданно напали на нашу деревню и стали делать расправу с мирными жителями, расстреливать, вгоняя в дома. В этот день я работал на току со своими двумя сыновьями, Алексеем и Николаем. Неожиданно к нам зашел немецкий солдат на ток и велел следовать за ним.

Председатель: Минуточку, минуточку. Когда вы видите свет на столе там или там, это означает, что вы говорите слишком быстро. Понятно?

Григорьев: Понимаю, да.

Председатель: Очень хорошо.

Смирнов: Говорите медленнее свидетель. Пожалуйста, продолжайте.

Председатель: Вы говорили, что работали в сыновьями в поле.

Григорьев: Да, со своими двумя сыновьями.

Смирнов: Продолжайте.

Григорьев: Нас повели сквозь деревню в крайний дом. Всего нас собрали 19 человек в этот дом. Сидим мы в доме. Я сидел около самого окна, смотрю в окно, немецкие солдаты гонят еще большую толпу народа. Я заметил свою жену и своего малого ребёнка девяти лет. Но подогнали их к дому, и повернули обратно, а куда — мне уже было неизвестно.

Немного погодя входят три немецких автоматчика, и четвертый наган в руке. И нам приказали пойти в другую комнату. Поставили к стенке всю толпу (19 человек), в том числе я и моих два сына, и начали из автоматов стрелять по нам. Я стоял около самой стенки, немножко опустившись.

При первом выстреле я упал на пол и от страха не шевелясь пролежал. Когда расстреляли всех, они ушли из дома. Я пришел в сознание, гляжу — невдалеке от меня лежит мой сын Николай, он лежал ничком и был мертв, а второго сына я сперва не заметил и не знал, убит он или жив.

Потом я стал подниматься, освободив ноги от навалившегося на них трупа. В этот момент меня окрикнул мой сын, который остался в живых.

Смирнов: Окрикнул второй ваш сын?

Григорьев: Второй, а первый лежал убитый невдалеке от меня. Сынишка крикнул: «Папа, вы живой?»

Смирнов: Он был ранен?

Григорьев: Он был ранен в ногу. Я его успокоил: «Не бойся, сыночек, я тебя не оставлю, как-нибудь уйдем. Я тебя вынесу отсюда».

Немного погодя загорелся дом, в котором мы лежали. Тогда я, открыв окно, выбросился из него вместе со своим раненым мальчиком, и мы стали ползти от дома, притаясь, чтобы не заметили немецкие солдаты. Но на

пути нашего отхода от дома стояла высокая изгородь.

Мы не сумели раздвинуть изгородь, а начали ломать ее. В этот момент нас заметили немецкие солдаты и начали по нам стрелять. Я тогда шепнул своему сынишке, чтобы он притаился, а я побегу. Мне его было не снести, и он побежал немного и, благодаря зарослям, притаился, а я побежал дальше, отвлекая внимание солдат. Немного пробежав, я вскочил в постройку, стоявшую около горящего дома.

Посидел там немножко и решил идти дальше. Я убежал в ближайший лес, находящийся неподалеку от нашей деревни, и там переночевал. Наутро я встретил из соседней деревни Алексея Н., который мне сообщил, что мой сын Леша жив, так как он уполз.

Потом на второй день после этого я встретил из деревни Кузнецове мальчика Витю — это был беженец из-под Ленинграда и проживал во время оккупации в нашей деревне. Он тоже чудом спасся, выскочив из огня. Он мне сказал, как происходило дело во второй избе, где были моя жена и малый сынишка.

Там дело происходило так: немецкие солдаты, загнав людей в избу, отворили в коридор дверь и через порог стали поливать из автомата.

Со слов Вити, там горели живые люди, в том числе, по его словам, сгорел заживо мой мальчик Петя девяти лет. Когда Витя выбегал из избы, то видел, что мой Петя еще был жив и сидел под лавкой, зажавши ручонками уши.

Смирнов: Сколько лет было самому старшему жителю деревни, уничтоженному немцами?

Григорьев: Сто восемь лет — старуха Артемьева Устинья.

Смирнов: Сколько лет было самому младшему, уничтоженному в деревне?

Григорьев: Четыре месяца.

Смирнов: Сколько всего было уничтожено жителей деревни?

Григорьев: 47 человек.

Смирнов: За что немцы уничтожили население вашей деревни?

Григорьев: Неизвестно.

Смирнов: А что говорили сами немцы?

Григорьев: Когда немецкий солдат пришел к нам на гумно, мы его спросили: «За что вы нас убиваете?» Он спросил, знаем ли мы деревню Максимово (эта деревня по соседству с нашим сельсоветом). Я ответил: «Да». Он сказал мне, что эта деревня Максимово «капут и жители — капут, и вам — капут».

Смирнов: А за что «капут»?

Григорьев: За то, что, мол у вас спасались партизаны. Но это слово не соответствовало делу, потому что у нас партизан в деревне не бывало, и у нас партизанской деятельностью никто не занимался, потому что было некому.

В деревне остались старые и малые, и деревня партизан даже не видела.

Смирнов: Много ли взрослых мужчин оставалось в вашей деревне?

Григорьев: Был один 27-летний мужчина, но он был больной, полоумный и паралчный, а то были старики и малые, а остальные мужчины были в армии.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, только ли население вашей деревни постигла такая участь?

Григорьев: Нет, не только. Немецкие солдаты расстреляли в Курышеве 43 человека, во Вшивове — 47, в той деревне, в которой я проживаю сейчас, в деревне Павлове сожгли 23 человека и в других деревнях, где насчитывалось, по нашему сельсовету около 400 человек, уничтожили мирных жителей старых и малых.

Смирнов: Я прошу вас повторить цифру, сколько было уничтожено в вашем сельсовете?

Григорьев: Около четырехсот человек только в одном нашем сельсовете.

Смирнов: Скажите, кто остался в живых из вашей семьи?

Григорьев. Из моей семьи остались в живых только я и мой мальчик. Застрелены в моей семье: жена на шестом месяце беременности, сын Николай 16 лет, сын Петя 9 лет и невестка, жена брата, с двумя ребятами — Сашей и Тоней.

Смирнов: Я не имею больше вопросов, господин председатель.

Председатель: Кто-нибудь из других обвинителей хочет задать вопросы свидетелю? Кто-нибудь из защитников хочет задать вопросы свидетелю? Свидетель может идти.

[*Свидетель покидает место свидетеля*]

Смирнов: Я перехожу к следующему разделу моего доклада — «Дискриминация советских людей».

Дискриминация против советского населения была обычным методом гитлеровских преступников.

В данной части своей презентации я сошлюсь на документы самих немецких преступников, которые были обнаружены только сейчас и переданы в распоряжение советского обвинения. Они были захвачены Чрезвычайной государственной комиссией Советского Союза в лагере военнопленных Ламсдорф.

Предъявляю суду под номером СССР-415 сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере «Ламсдорф». К этому сообщению приложен ряд подлинных документов немецко-фашистских преступников, документов, изъятых из дел лагеря.

Я смогу предъявить некоторые документы господам судьям. Их ценность заключается в том факте, что они доказывают, что даже в убийственном режиме установленном в одном из крупнейших и самых жестоких из германских концентрационных лагерей, преступники, верные своим каннибальским теоретическим принципам бесстыдно дискриминировали советских граждан.

Я процитирую несколько коротких отрывков из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии. Отрывок, на который я ссылаюсь, господа судьи, находится на странице 123 книги документов, параграф 4. Он излагает общие характеристики лагеря. Я цитирую:

> На основании произведенного расследования Чрезвычайная государственная комиссия установила, что в Ламсдорфе, в районе города Оппельн, с 1941 года по март 1945 года существовал немецкий стационарный лагерь номер 344.
>
> В 1940—1941 гг. в этом лагере содержались польские, а с конца 1941 года в него стали поступать советские, английские и французские военнопленные.
>
> Я опускаю следующие два предложения и продолжаю цитату:
>
> «У военнопленных, — говорится в сообщении Чрезвычайной комиссии, — отбирали верхнюю одежду и обувь, и они должны были даже зимой ходить босиком. За время существования лагеря через него прошло не менее 300 тысяч военнопленных, из них около 200 тысяч советских и 100 тысяч польских, английских, французских, бельгийских и греческих военнопленных.
>
> Наиболее распространенным методом истребления советских военнопленных в Ламсдорфском лагере была продажа заключенных для работы на предприятиях различных германских фирм, где их беспощадно эксплуатировали до полной потери сил и смерти.
>
> В отличие от многочисленных германских «бирж труда», где «уполномоченные» Заукеля продавали угнанных в немецкое рабство советских граждан немецким хозяйчикам «в розницу», в Ламсдорфском лагере была организована «оптовая» продажа предпринимателям военнопленных, сформированных в «рабочие команды». Таких «рабочих команд» в лагере было 1011».

Представляя следующие документы, я хочу попросить трибунал правильно понимать заявления в подтверждение того, что я представляю в качестве доказательств.

Я совсем не хочу сказать, что режим, созданный немцами в отношении британских, французских или других военнопленных, отличался мягкостью или гуманностью и только советских военнопленных администрация лагеря уничтожала, применяя для этого различные преступные методы.

Отнюдь нет. Лагерь в Ламсдорфе по существу преследовал цель уничтожения военнопленных без различия их национальности или гражданства. Однако и в этом «лагере смерти», в этих тягчайших условиях, созданных для военнопленных всех национальностей, немецкие фашисты, совершая преступления против человечности, верные принципам своих «теорий», создавали особо мучительные условия для советских людей.

Я предъявляю суду в кратких извлечениях серию документов, изъятых из архива этого лагеря и предъявляемых трибуналу в подлинниках. Все эти документы указывают на явную дискриминацию советских военнопленных, осуществлявшуюся администрацией лагеря по указаниям имперского правительства и верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии.

Предъявляю под номером СССР-421 «Памятку об использовании труда советских военнопленных», адресованную начальником отдела по делам военнопленных VIII военного округа администрации промышленных предприятий, куда направлялись военнопленные.

Я прошу трибунал принять этот документ в качестве доказательства. Он представлен в виде подлинника. Я цитирую пункт 10 этого меморандума. Господа судьи найдут цитируемый отрывок в последнем абзаце страницы 150 книги документов. Я начинаю цитату:

> «Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Согласно советским инструкциям они даже в плену должны активно бороться против государства, взявшего их в плен. Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод.
>
> Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения как на работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом.
>
> Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо путем сблизиться с русскими военнопленными, находящимися на работе, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и прочее, должны, безусловно, задерживаться, допрашиваться и передаваться полиции».

Далее я цитирую введение к этому меморандуму. Вы, господа судьи найдете это на странице 149 документальной книги, абзац 2.

> «Штаб ОКВ издал указания об использовании труда советских военнопленных, согласно которым это использование допускалось лишь при условиях, значительно более строгих по сравнению с условиями работы военнопленных других национальностей».

Таким образом, указания об особо жестоком режиме в отношении

советских военнопленных, применяемом лишь за то, что они были советскими людьми, не являлись произвольным делом администрации лагеря Ламсдорф. Они были продиктованы главным образом штабом вооруженных сил. Составляя «памятку», администрация лагеря Ламсдорф лишь выполняла прямое приказание верховного командования германских вооруженных сил.

Я цитирую ещё два, весьма характеризующих пункта из меморандума. Я цитирую пункт 4, который господа судьи найдут на странице 149 документальной книги, последний абзац. Я начинаю цитату – она очень короткая:

> «В противоположность повышенным требованиям, предъявляемым к обеспечению охраны жилых помещений для русских военнопленных, требования к этим помещениям с точки зрения жилищных удобств являются самыми минимальными».

Я постараюсь позже пояснить, что это значит. Далее я цитирую пункт 7, который господа судьи найдут на странице 150 документальной книги, абзац 3. Я начинаю цитату:

> «Размеры продовольственных пайков для находящихся на работе русских военнопленных отличаются от пайков, предоставляемых военнопленным других национальностей; о них будет сообщено дополнительно».

Такова была «памятка» для промышленников, на предприятия которых в качестве рабов были направлены советские военнопленные.

Я представляю суду под номером СССР-431 другую «памятку», адресованную уже охране советских военнопленных. Этот документ представлен в подлиннике и я прошу трибунал принять его в качестве доказательства под протокол.

Я прошу разрешения процитировать несколько коротких фрагментов из этого документа. Сначала я цитирую, ту часть документа которая подтверждает его происхождение. Первая страница текста указывает, что этот документ является приложением к «Директиве ОКВ – главное управление – вооруженные силы, группа по делам военнопленных». Далее следует номер и документ, который не столь важен. Я читаю введение к этому меморандуму, которое на странице 150 документальной книги:

> «В первый раз в этой войне немецкий солдат встречается с противником, обученным не только в военном, но и в политическом отношении, идеалом которого является коммунизм и который видит в национал-социализме своего злейшего врага».

Я опускаю следующий абзац и продолжаю:

> «Даже попавший в плен солдат, каким бы безобидным внешне он ни выглядел, будет использовать всякую возможность для того, чтобы проявить свою ненависть ко всему немецкому. Надо считаться с тем,

что военнопленные получили соответствующие указания о поведении в плену».

Мой коллега, полковник Покровский, уже развеял абсурдность этих так называемых специальных инструкций и поэтому я не считаю нужным задерживаться на этом отрывке. Я продолжаю:

«Поэтому по отношению к ним совершенно необходимы максимальная бдительность, величайшая осторожность и недоверчивость.

Для охранных команд существуют следующие указания:

1. Применение строжайших мер при проявлении малейших признаков сопротивления и непослушания! Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. По военнопленным, пытающимся бежать, немедленно стрелять (без окрика), стараясь в них попасть.

«Без окрика» что характерно.

Я опускаю два следующих абзаца и цитирую вторую часть, пункт 3 памятки, который господа судьи найдут на странице 153, абзац 2 документальной книги. Из этого подпункта я цитирую три строчки:

«По отношению к трудолюбивым и послушным военнопленным также неуместно проявление мягкости, так как они рассматривают это как проявление слабости и делают из этого соответствующие выводы».

Я опускаю пункт 4 и завершаю цитату из этого документа на подпункте 5 памятки – господа судьи найдут этот отрывок на странице 153, последний абзац документальной книги:

«5. Мнимая безобидность большевистских военнопленных никогда не должна приводить к отклонению от вышеприведенных указаний».

Я совсем недавно, цитировал пункт 4 памятки для промышленников, относительно использования работы советских пленных. Говорилось о том, что требования уважающие проживание должны исходить для советских пленных из минимального характера.

Смысл этого будет ясен господам судьям из отношения начальника снабжения и снаряжения армии резерва от 17 октября 1941 г., разосланное заместителям командиров корпусами и управлениям военных округов.

Я предъявляю документ под номером СССР-422. Он также представлен в подлиннике и я прошу о том, чтобы его включили как документальное доказательство в материалы дела. Он был отдан в Берлине ещё 17 октября 1941. Я цитирую один абзац текста. Господа судьи найдут этот абзац на странице 154 документальной книги. Я начинаю цитату:

«Расквартирование советских военнопленных.

На совещании, которое состоялось 19 сентября 1941 г. у начальника снабжения и снаряжения резервной армии (V-6), было установлено,

что путем постройки РАД – Трудовой службой Рейха[260] многоэтажных нар вместо кроватей в бараках, рассчитанных на 150 военнопленных, можно разместить на постоянное жительство 840 человек согласно чертежу барака для советских военнопленных».

Я не буду цитировать остальное из этого документа, так как считаю, этот абзац достаточно ясным сам по себе.

Я прошу трибунал принять в качестве доказательства два документа, которые также представлены в подлиннике. Они свидетельствуют о том факте, что уничтожение, в лагере советских военнопленных проводилось по политическим причинам. Это была практика убийства.

В первую очередь как экземпляр номер СССР-432, приказ направленный в лагерь номер 60. Документ подлинный и я прошу добавить его к материалам дела в качестве доказательства. Господа судьи найдут абзац, который я хочу процитировать на странице 155 книги документов.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Смирнов: Я процитирую только один отрывок из уже представленного документа. Отрывок, который я прошу у трибунала огласить находится на странице 155. Пункт 4 гласит:

«Обращение с застреленными или тяжело ранеными военнопленными.
(судебный офицер).
О каждом случае застреленного или тяжело раненого военнопленного необходимо сообщать как о чрезвычайном происшествии. Если вопрос касается британских, французских, бельгийских или американских военнопленных вы также должны действовать в соответствии с инструкциями ОКВ, код номер Ф-24».

Это приказ от 2 августа 1943.

Однако 5 ноября 1943 последовал другой приказ, который изменял даже такое положение вещей которое распространялось на советских военнопленных. Я прошу трибунал принять в качестве доказательства документ под номером 433 —по лагерю номер 86 — я цитирую только один абзац § 12:

«Расстрелы советских военнопленных (судебный офицер).
О расстрелах советских военнопленных и о происходящих с ними несчастных случаях со смертельным исходом впредь не требуется

[260] Трудовая служба Рейха (нем. Reichsarbeitsdienst, RAD) — национал-социалистическая организация, существовавшая в Третьем Рейхе в 1933—1945 годах. С июня 1935 года каждый немецкий юноша должен был проходить шестимесячную трудовую повинность, предшествовавшую военной службе. С начала Второй мировой войны деятельность RAD распространялась также на девушек. Трудовая служба Рейха была составной частью экономики Третьего Рейха и частью воспитания в духе национал-социализма.

доносить по телефону начальнику по делам военнопленных, как о чрезвычайных происшествиях».

В отдельных случаях, верховное командование германских вооружённых сил соглашалось выплачивать ничтожно малую сумму за работу выполняемую военнопленными, но и здесь советские военнопленные ставились в условия которые были в два раза хуже чем у военнопленных других национальностей.

В подтверждение, я прошу принять в качестве доказательства директиву верховного командования вооруженных сил Германии, датированную 1 марта 1944 г. Документ будет представлен как экземпляр номер СССР-427:

Я прошу о том, чтобы трибунал включил это доказательство в документацию по делу. Из этого документа я процитирую только два предложения. Эти предложения, господа судьи, находятся на странице 274 книги документов:

«Военнопленные, работающие весь день, получают за один полный рабочий день основную плату: несоветские военнопленные — 0,70 рейхсмарок советские военнопленные — 0,35»

Второе предложение это конец документа, на странице 275 книги документов, последний абзац:

«Минимальная заработная плата составляет в день: 0,20 рейхсмарок для несоветских военнопленных, 0,10 рейхсмарок для советских военнопленных».

На этом завершается цитата из документа.

Если другие военнопленные получали от немецко-фашистских убийц право на несколько глотков свежего воздуха в день, то советские люди были лишены и этого. Я прошу трибунал принять в качестве доказательства подлинник приказа, документ СССР-424 приказа по лагерю номер 44,. Я прошу разрешения трибунала процитировать одно предложение из § 7 озаглавленного «Прогулки военнопленных».

«В тех особых случаях, когда военнопленные в результате того, что их жилые помещения находятся внутри места работы, не имеют возможности пользоваться свежим воздухом, их можно для сохранения трудоспособности выводить на свежий воздух...»

Далее я прошу трибунал принять в качестве доказательства подлинный приказ адресованный лагерю номер 46. Этот документ представлен как экземпляр номер СССР-425. Я напомню трибуналу о том, что директиве устанавливающая предыдущий приказ «Прогулки военнопленных» приводилась под пунктом 7.

Я привожу одно предложение из пункта 10 приказа номер 46. Этот пункт 10 тоже озаглавлен «Прогулки военнопленных», причем в качестве основания для этого пункта указан приказ начальника отдела по делам военнопленных номер 1259, часть 5, от 2 июня 1943 г. Я цитирую одно предложение:

«В дополнение к пункту 7 приказа по лагерю номер 44 от 8 июня 1943

г. разъясняется, что он не относится к советским военнопленным...»

Далее я прошу трибунал принять в качестве доказательства подлинный запрос из трудового отдела Мюнриш-Шёнеберга. Этот запрос касается использования военнопленных на не сельскохозяйственной работе. Я цитирую два предложения из этого документа. Отрывок, который я попросил процитировать находится на странице 160 книги документов. Я начинаю цитату.

«Необходимость замены 104 английских военнопленных, работающих в составе рабочей команды военнопленных номер Е-351 на бумажной фабрике Генрихштaля, 160 советскими военнопленными вызвана увеличившейся потребностью этой фабрики в рабочей силе. Пополнение команды английскими военнопленными до необходимой численности —160 человек — является невозможным, так как после проверки лагеря соответствующими военными властями в течение последних месяцев было установлено, что имеющегося помещения хватает только на 104 английских военнопленных; однако в том же помещении можно без труда разместить 160 русских военнопленных».

Господа судьи я прошу разрешения процитировать ещё один документ, а именно инструкцию номер 8 по этому лагерю, датированная 7 мая 1942 г., озаглавлена «Использование на работе советских военнопленных».

Я представляю этот документ в подлиннике как документ СССР-426, и прошу приобщить его в качестве доказательства к материалам дела.

Я цитирую раздел, озаглавленный «Мероприятия по восстановлению полной работоспособности». Думаю, что безграничный цинизм и жестокость документа не требуют дальнейших комментариев.

«Почти все без исключения советские военнопленные находятся в состоянии истощения, что не позволяет использовать их в настоящее время для нормальной работы».

Штаб ОКВ специально занимался двумя вопросами: во-первых, вопросом об одеялах для советских военнопленных и, во-вторых, вопросом о том, в каких формах должны проходить похороны умерщвленных безжалостным режимом концентрационных лагерей советских людей. Оба эти вопроса получили разрешение в одном документе.

Я представляю его суду под номером СССР-429 и прошу, чтобы его приобщили в качестве доказательства к материалам дела. Господа судьи найдут его на странице 162 книги документов. Это — отношение управления VIII военного округа, датированное 28 октября 1941 г. Я начинаю цитату:

«В соответствии с решениями, принятыми на совещании в штабе ОКВ, сделаны следующие распоряжения:

1. Одеяла: Советские военнопленные получают бумажные одеяла, которые они должны изготовить сами по типу стеганых одеял, но из

бумажной дерюги, заполненной скомканной бумагой или чем-либо подобным. Материал будет предоставлен штабом ОКВ.

2. Погребение советских военнопленных:

Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов. Гробами разрешается пользоваться только для перевозки. В рабочих командах погребение производится соответствующими местными властями. Расходы по погребению оплачивает соответствующий стационарный лагерь для военнопленных. Раздевание военнопленных осуществляется охраной. Подписано по приказу, Гросскетлер».

Но не только управление военного округа занималось вопросом о способах погребения советских военнопленных; этим же занималось и министерство внутренних дел, направившее в лагеря срочное письмо, снабженное специальным грифом «Не подлежит опубликованию в прессе, даже в выдержках».

Я прошу трибунал принять этот документ в качестве доказательства как экземпляр номер СССР-430. Члены трибунала могут найти этот фрагмент на странице 276 книги документов. Я цитирую два предложения и весьма объемного документа. Я начинаю цитату:

«Следует в целях экономии обращаться в армейские учреждения, например, по поводу перевозки трупов (предоставление автомашин). Для перевозки и погребения не требуется гробов. Тела умерших следует завертывать в бумагу (по возможности пропитанную маслом, смолой или асфальтом) или какой-либо другой подходящий материал. Перевозку и погребение следует производить незаметно. При одновременном поступлении многих трупов следует производить погребение в общей могиле. При этом трупы необходимо укладывать на обычной глубине друг возле друга (но не друг на друга). В качестве места погребения следует выбирать отдаленную часть кладбища, нельзя допускать украшения могил и совершения похоронных обрядов».

Я опускаю следующее предложение: «Необходимо расходовать как можно меньше средств».

Таким образом, даже в специальных учреждениях германского фашизма, созданных для уничтожения людей, преступники проводили политику дискриминации по расовым и политическим мотивам. Практически эта дискриминация могла означать лишь то, что одна часть заключенных в лагере приводилась к неизбежному концу — смерти — быстрее, чем другая часть.

И преступники и здесь старались сделать наиболее мучительным конец тех своих жертв, которых с позиции своих человеконенавистнических «теорий» расценивали как «недочеловеков» или считали способными к активному

сопротивлению.

Я прошу разрешения трибунала огласить под протокол один абзац из документа уже представленного под номером СССР-415 — сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях в лагере «Ламсдорф» который свидетельствует об объеме преступной деятельности гитлеровцев. На этом завершается представление доказательств по вопросу этого лагеря. Господа судьи найдут интересующий отрывок на странице 146 книги документов, абзац 3. Я цитирую:

> «По заключению специальной комиссии за время существования Ламсдорфского лагеря немцами было замучено более 100 тысяч советских военнопленных. Из них большая часть погибла в шахтах и на предприятиях или при обратной перевозке в лагерь, часть была задавлена в землянках, многие были убиты в пути при эвакуации лагеря, 40 тысяч военнопленных были замучены в самом лагере «Ламсдорф».

Господин председатель, советское обвинение обращается с просьбой о допросе в качестве свидетеля доктора Кивелиша, он врач, его показания являются особенно ценными для установления особого режима для советских военнопленных в лагерях. Советское обвинение просит разрешения допросить этого свидетеля.

Председатель: Да, полковник Смирнов.

[*Свидетель Кивелиша занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите ваше имя.

Свидетель: Кивелиша Евгений Александрович.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Я» - назовите вашу фамилию, имя и отчество свидетель - «гражданин Союза Советских Социалистических Республик вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу обещаю и клянусь перед лицом суда говорить суду только правду обо всем, что мне известно по этому делу».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть, если хотите. Вы произнесёте своё имя, фамилию?

Кивелиша: Это К-и-в-е-л-и-ш-а.

Председатель: Пожалуйста, полковник Покровский.

Покровский: Какую должность Вы занимали в рядах Красной Армии к моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз?

Кивелиша: К моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я занимал должность младшего врача 305-го полка 44-й стрелковой дивизии.

Покровский: Участвовала ли ваша часть — 305-й полк 44-й дивизии в боях с немцами?

Кивелиша: Да. Наш 305-й полк 44-й стрелковой дивизии участвовал в боях с первого дня войны.

Покровский: Какого числа и при каких обстоятельствах вы попали в плен к немцам?

Кивелиша: В плен к немцам я попал 9 августа 1941 г. в районе города Умани Кировоградской области. Попал я в тот момент, когда наша часть и две советских армии, в которых находилась наша часть, после длительных боев были окружены.

Покровский: Что вам известно об обращении немцев с теми военнослужащими Красной Армии, которые оказывались в плену у гитлеровских войск? В каком положении оказывались эти военнопленные?

Кивелиша: Мне слишком хорошо известны все формы варварского, издевательского отношения гитлеровских властей и армии по отношению к русским военнопленным в силу того обстоятельства, что я долгое время пребывал в числе последних.

В первый день моего пленения я был этапом доставлен в большой колонне военнопленных в один из транзитных лагерей. По дороге, разговаривая с пленными (подчеркиваю, в первый же день), с которыми я шел рядом, я узнал, что основная масса военнопленных была пленена за 3—4 дня до попадания в плен той небольшой группы людей, с которыми попал в плен я.

Все эти 3—4 дня люди содержались в сарае под усиленной охраной немцев, и все эти дни военнопленные были совершенно лишены пищи и воды. В последующем, когда мы проходили по деревне, пленные при виде колодцев или воды облизывали пересохшие губы и непроизвольно делали глотательные движения, обращая свои взоры к колодцу или воде.

К вечеру того же дня мы закончили этап, и нашу колонну пленных, примерно в 5 тысяч человек, поместили на скотном дворе, где мы не имели возможности отдохнуть от длительного пути и всю ночь простояли под открытым небом. Так продолжалось и на следующий день, когда нас, как и прежде, лишили пищи и воды.

Покровский: Не было ли такого случая, чтобы пленные, проходя мимо водоемов или водохранилищ, сами пытались направиться к воде, отойдя от колонны на 2—3 шага в сторону?

Кивелиша: Да, я помню несколько случаев и приведу один из них, который произошел в первый же день нашего этапа. Это было при таких обстоятельствах.

Мы проходили по окраине одной деревни. Нас встречали мирные граждане и пытались снабдить пленных водой и хлебом. Однако немцы не допускали пленных к этим гражданам, как не допускали и граждан подходить к колонне военнопленных. Один из пленных вышел из колонны метров на 5—6 и без всякого предупреждения был убит немецким солдатом, выстрелившим из автомата. Несколько товарищей поспешили к нему на помощь, рассчитывая на то, что он еще жив, однако и по ним открыли стрельбу без всякого предупреждения. Несколько человек из них были ранены, а двое убиты.

Покровский: Это единственный случай, очевидцем которого вы были, или за время вашего перевода из одного места в другое вам приходилось наблюдать и другие случаи подобного рода?

Кивелиша: Нет, это не единственный случай. Почти всякий переход из одного лагеря в другой всегда сопровождался подобного рода расстрелами и избиениями.

Покровский: Расстреливались только военнопленные, или репрессии применялись и к тем мирным жителям, которые пытались передать хлеб или воду военнопленным?

Кивелиша: Репрессии применялись в отношении не только военнопленных, но и мирных жителей. Я помню, что во время одного из переходов нас встретила группа женщин и детей, которые пытались передать нам воду и хлеб, но немцы не подпускали их к нам. Одна женщина послала к нам девочку лет пяти, по-видимому, свою дочь. Эта девочка подошла к колонне очень близко, но шагах примерно в 5—6 была убита немецким солдатом.

Покровский: Но, может быть, военнопленные и не нуждались в той пище, которую им пыталось передавать население, они достаточно были обеспечены питанием со стороны немецких властей?

Кивелиша: Военнопленные во время переходов из одного лагеря в другой испытывали исключительный голод, так как немцы не обеспечивали их никаким питанием.

Покровский: Таким образом, эти передачи со стороны местного населения практически представляли собой единственную возможность поддерживать силы советских воинов, находящихся в плену у немцев?

Кивелиша: Да.

Покровский: Немцы их расстреливали?

Кивелиша: вы правильно меня поняли.

Покровский: Вам пришлось быть в лагерях для военнопленных? Назовите их.

Кивелиша: Первым лагерем, в котором я был, был лагерь, расположенный под открытым небом, в поле, в районе небольшого населенного пункта Тарновка. Второй лагерь — это лагерь, расположенный на территории кирпичного завода и бывшей птицефермы на окраине города Умань. Третий

лагерь — лагерь, расположенный в окрестностях города Иван-Гора. Четвертый лагерь располагался на территории конюшен какой-то воинской части в районе города Гайсина; пятый лагерь — в районе военного городка около Винницы; шестой лагерь — в окрестностях города Жмеринки и последний лагерь, где я больше всего пробыл, находился в селе Раково, в 7 километрах от города Проскурова Каменец-Подольской области.

Покровский: Таким образом, вы лично на собственном опыте имели возможность ознакомиться с теми порядками, которые существовали в целом ряде лагерей?

Кивелиша: Да, я был во всех лагерях лично сам и со всеми порядками знаком в совершенстве.

Покровский: Вы по специальности врач?

Кивелиша: Я по специальности врач.

Покровский: Скажите суду, как обстояло дело с оказанием медицинской помощи и с питанием военнопленных, которые находились в лагерях, перечисленных вами?

Кивелиша: Когда я по этапу был доставлен в населенный пункт Тарновка, здесь я впервые из общей колонны военнопленных в числе других врачей русской армии был отделен и направлен для работы в так называемый лазарет.

Этот лазарет располагался в сарае с цементным полом, без всякого оборудования для размещения раненых. Здесь на цементном полу лежала большая группа раненых советских военнопленных, преимущественно командиров. Многие из них попали в плен за 10—12 дней до моего прихода в Тарновку. Все это время никакой медицинской помощи им не оказывалось, хотя многие из них нуждались в оперативном вмешательстве, своевременных и частых перевязках и в назначении медикаментозного лечения.

Они не снабжались водой, кормили их не систематически, по крайней мере в тот момент, когда я пришел в лагерь. Там не было никаких сооружений, позволяющих думать, что немцы варили или изготовляли для этих пленных пищу.

В Уманском лагере, в который я попал на второй день после прихода в Тарновку, раненых было около 15—20 тысяч. Все они, а из них большое количество было неспособных к самостоятельному передвижению, лежали под открытым небом, в летнем обмундировании.

Снабжались они пищей и водой так же плохо, как и прочие пленные, находившиеся в этом лагере. Медицинской помощи им оказано не было, лежали они все в запыленных, пропитанных кровью и нередко гноем повязках. Перевязочных средств, инструментария, оборудованных операционных в Уманском лагере не было.

В Гайсине пленные, раненые и больные располагались в одной из

конюшен. Конюшня эта была с деревянным полом, никаких приспособлений для содержания людей там не было; пленные лежали на полу, как и в предыдущем лагере, они не были совершенно обеспечены минимальной медицинской помощью. По-прежнему не было ни перевязочных средств, ни медикаментов, ни инструментов.

Покровский: Вы упомянули Уманский лагерь. Посмотрите на эту фотографию и скажите, не является ли эта фотография снимком одного из тех лагерей, в которых вы находились?

Кивелиша: На этой фотографии я вижу лагерь, расположенный на территории кирпичного завода города Умани. Картина эта мне знакома.

Покровский: Я должен доложить трибуналу, что предъявленная свидетелю фотография Уманского лагеря была представлена мной суду под номером СССР-345; она изображает лагерь, о котором мы имеем показания свидетеля Бингеля.

[*Обращается к свидетелю*]. Значит, вы опознаете изображение Уманского лагеря на территории кирпичного завода?

Кивелиша: Да, это часть лагеря на территории кирпичного завода.

Покровский: Какие порядки существовали в Уманском лагере? Расскажите об этом самое главное, вкратце.

Кивелиша: Почти все пленные в Уманском лагере содержались под открытым небом. Питанием были обеспечены исключительно плохо. На территории Уманского лагеря, где я находился в течение восьми суток, два раза в день разжигали несколько костров, на которых в металлических бочках варился жидкий гороховый суп.

Никакого порядка при раздаче его военнопленным не было установлено, сваренный суп просто выставляли, раздача его не была организована и не контролировалась. Изголодавшиеся люди спешили получить хотя бы мизерную порцию хлеба и этого жидкого варева без соли и жиров.

Создавалась толчея, беспорядок. Немцы же — конвоиры, вооруженные, кроме винтовок или автоматов, еще дубинками, избивали всех военнопленных, попадавших им под удары. Нередко немцы с целью глумления выставляли небольшой бачок с супом в массу людей и снова «для наведения порядка» со смехом, ругательствами, оскорблениями и угрозами избивали ни в чем не повинных людей.

Покровский: Скажите, пожалуйста, свидетель, в лагере, находившемся в селе Раково, качество питания было таким же, как и в других лагерях, и как это отражалось на состоянии военнопленных?

Кивелиша: В лагере Раково питание в качественном отношении совершенно не отличалось от питания в тех лагерях, в которых я был ранее. Питание в Раковском лагере состояло из бураков, капусты и картошки. Все это

выдавалось нередко в недоваренном виде. От этой недоброкачественной пищи у пленных развивалось тяжелейшее расстройство желудка, сопровождавшееся кровавыми поносами, которые очень быстро истощали людей и приводили к массовой смерти от голода.

Покровский: Вы говорили о том, что охрана часто практиковала избиение военнопленных по любому поводу, а сплошь и рядом — без всякого повода.

Кивелиша: Да.

Покровский: Какого характера травмы получали в результате избиений военнопленные? Бывали ли случаи причинения тяжелых повреждений?

Кивелиша: В Раковском лагере я находился в так называемом лазарете и работал там в хирургическом отделении. Очень часто после обедов и ужинов в лазарет доставляли людей с тяжелейшими повреждениями. Мне неоднократно приходилось оказывать посильную помощь людям, пострадавшим от этих избиений настолько сильно, что, не приходя в сознание, они вскоре погибали.

Я помню случай, когда двое из военнопленных были избиты ударами какого-то твердого предмета по голове, был проломлен череп и из зияющей раны выпирало вещество мозга. Я хорошо помню случай, когда одному спортсмену из Москвы плетью был выбит глаз, после чего этот спортсмен заболел воспалением мозговой оболочки и вскоре умер.

Покровский: Какая смертность была в Раковском лагере среди военнопленных.

Кивелиша: История Раковского лагеря разбивается на два периода: один — примерно до ноября 1941 года, когда в лагере было небольшое количество военнопленных и смертность не была высокой, и второй — с ноября 1941 года по март 1942 года, когда смертность была исключительно высокой. Бывали дни, когда в лагере было 700, 900 и даже 950 случаев смерти.

Покровский: Какие меры дисциплинарного порядка применялись в Раковском лагере в отношении военнопленных и за что они наказывались?

Кивелиша: Мне известно, что на территории лагеря был карцер. За попытки к бегству, чтобы избавиться от ужасных условий, которые были созданы в плену, и за проступки, связанные с тем, что военнопленные похищали где-либо на кухне родукты питания, провинившихся сажали в этот карцер.

Карцер представлял собой подвальное помещение с цементным полом, с окнами без стекол и рам, заделанными железными решетками. Военнопленных раздевали догола, лишали пищи и воды и держали в карцере по 14 суток. Я не знаю ни одного случая, чтобы военнопленные выдерживали это заключение: все погибали в карцере.

Покровский: Видимо, такие условия содержания военнопленных, о которых вы рассказали суду, приводили к истощению людей.

Кивелиша: Да.

Покровский: Не вызывало ли это, в свою очередь, увеличения числа

военнопленных, которые не могли выходить на работу, и как поступали с ними?

Кивелиша: Основная масса военнопленных Раковского лагеря содержалась в конюшнях, совершенно не приспособленных для жилья людей в зимний период. Первое время люди были использованы на работах, я бы сказал, совершенно бесцельных, потому что работа их заключалась в разрушении домов и в застилке территории лагеря кирпичом, добытым из разрушенных зданий. Спустя некоторое время после того, как развились тяжелейшие желудочные заболевания, о которых я уже упоминал, на работу стало выходить все меньше и меньше военнопленных.

Многие из них, теряя способность двигаться, не только не выходили на работу, но не могли выйти даже из конюшен в определенные часы для получения пищи, и если в конюшнях таких обессиленных людей оказывалось большое количество, то им устраивался так называемый карантин. В такой конюшне входы и выходы обычно заколачивали наглухо, и люди совершенно изолировались даже от лагерного мира. Таким образом, людей держали четверо-пятеро суток, после чего конюшню открывали и оттуда вывозили сотни трупов.

Покровский: Не скажете ли вы, свидетель, на какой медицинской — врачебной или санитарной — работе вас и других врачей-военнопленных использовали немцы в лагерях?

Кивелиша: Ни на какой медицинской работе в лагерях немцы нас не использовали. Они просто-напросто заставляли нас отделять людей, неспособных к труду, от людей, которые могли выполнять те или иные работы. Оказывать медицинскую помощь военнопленным мы не могли в силу тех условий, в которых мы находились сами.

Покровский: Вменялись ли вам в обязанность в каком-либо из лагерей функции санитарного надзора, и если да, то в чем эти функции выражались?

Кивелиша: Функции «санитарного надзора» были возложены на нас в лагере города Гайсина. Заключались они в том, что все мы, военнопленные врачи, обязаны были дежурить около общелагерной уборной, которая представляла собой не что иное, как выкопанный для этой цели ров. По мере заполнения этого рва нечистотами, мы должны были очищать его.

Покровский: Врачи?

Кивелиша: Да, врачи.

Покровский: Не рассматривали ли вы подобного рода функции «санитарного надзора» как проявление прямого издевательства над советскими военнопленными врачами?

Кивелиша: Да, мы считали, что это было прямым издевательством над советскими врачами.

Покровский: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: У кого-либо из других обвинителей имеются вопросы?
Покровский: Нет, сэр.
Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-либо вопросы?
Латернзер: Свидетель, вы заявили о том, что в августе 1941…
Председатель: Будьте добры назвать своё имя и кого вы представляете.
Латернзер: Доктор Латернзер, защитник генерального штаба и ОКВ.

Свидетель, вы только, что сказали, что в августе 1941 вас взяли в плен в районе Умани. Вам известно как много пленных тогда взяли немцы?

Кивелиша: Да, знаю. Тогда взяли в плен около 100000.
Латернзер: Вам известно, быстро ли тогда продвигались немецкие войска на русскую территорию?
Кивелиша: Я не могу об этом ничего сказать. Немецкие армии шли очень быстро, но до того как наши части окружили мы твёрдо сражались и мы отсупая, сражались до 9 августа.
Латернзер: Сколько военнопленных насчитывалось в колонне, в которой вы следовали?
Кивелиша: Четыре-пять тысяч человек
Латернзер: Когда вы впервые получили пищу как военнопленный от немецких военных властей?
Кивелиша: От немецких военных властей лично я получил питание впервые в городе Умани.
Латернзер: Через сколько времени это было после того, как вы попали в плен?
Кивелиша: Примерно через 4—5 дней после того, как я попал в плен.
Латернзер: Вы были военным врачом Красной Армии и могли создать себе правильное представление о том, что питание войск не является таким простым делом.
Кивелиша: Я не мог создать себе такого представления, тем более, что в распоряжении немцев был довольно большой срок и большие возможности, чтобы обеспечить военнопленных питанием. В дополнение к тому, что я уже говорил, я еще раз скажу, что если немецкие власти не могли обеспечить питанием военнопленных, то мирное население прикладывало все усилия к тому, чтобы обеспечить русских военнопленных питанием. Однако ни немецкие власти, ни немецкое командование, по-видимому, не отдавало на этот счет никаких распоряжений.

Я уже докладывал, что ни военнопленным, ни гражданскому населению не давали возможности приближаться друг к другу: расстреливали тех из мирного населения, кто делал попытки передать пищу пленным, и тех военнопленных, которые принимали пищу от гражданского населения.

Латернзер: Но вы, конечно же, можете себе представить, что имеются неизбежные трудности, если как вы свидетельствовали, в районе Умани было взято в плен 100000 пленных.

Кивелиша: Не все пленные были сконцентрированы в Умани в одно и тоже время. Было несколько стационарных и постоянных лагерей, только несколько из них были в Умани.

Латернзер: Я не говорю о продовольственной проблеме в Уманском лагере. Мы пока говорим о питании в течение первых дней после пленения.

Кивелиша: Когда меня взяли в плен, я никоим образом не выделялся из остальных военнопленных. Меня кормили и снабжали таким же точно образом как и всех остальных. Я был одним в общей толпе и общей колонне военнопленных. Германское командованием в первые дни плена не делало различий.

Латернзер: Вы должны все же признать, что существовали определенные трудности в снабжении продовольствием, когда колонна численностью в 5 тысяч человек, как ваша, должна была обеспечиваться питанием продвигающимися вперед частями.

Кивелиша: Если и создавалась эта трудность у немецкого командования, то она могла быть устранена тем, что можно было разрешить военнопленным получать те продукты питания, которые предоставляло им мирное население, советские граждане.

Латернзер: Об этом мы сейчас еще поговорим. Вы показываете, что ваша колонна насчитывала 5 тысяч военнопленных. Можете ли вы сказать, какова была численность немецкой охраны этой колонны?

Кивелиша: Численность охраны точно не могу назвать. Но было очень много немецких автоматчиков. Колонна была слишком растянута и назвать численность я не в состоянии.

Латернзер: Я понимаю, что вы не можете ответить на этот вопрос, назвав точное количество. Но опишите трибуналу, каково было расстояние между отдельными постами охраны, которая следовала с вашей колонной.

Кивелиша: Это расстояние было примерно такое: два-три солдата охраны шли рядом с колонной вслед за второй группой охраны из такого же числа на расстоянии 5—6 шагов.

Латернзер: Таким образом, через каждые 50—60 метров по обе или по одной стороне шли немецкие солдаты группами по 2—3 человека или я неправильно понял?

Кивелиша: Не через 50—60, а через 5—6 метров.

Латернзер: Это были охранники старших возрастов или молодые солдаты?

Кивелиша: Это были солдаты немецкой армии. Там были все возрасты.

Латернзер: Перед выходом колонны русским военнопленным было сообщено, что по ним будут открывать огонь, если они выйдут из колонны?

Кивелиша: Я уже говорил и еще раз повторяю, что никаких предупреждений не было.
Латернзер: Даже перед выходом колонны?
Кивелиша: Да.
Председатель: Наверное, будет хорошо прерваться до 2-х часов.

[*Объявлен перерыв*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал принял решение по свидетелям и документам, которых должны вызвать и представить в интересах первых четырёх подсудимых и это решение будет доведено как можно скорее этим вечером для защиты этих подсудимых, а также размещено в информационном центре подсудимых.

Во-вторых, некоторое время назад главным обвинителем от Франции было заявлено ходатайство в связи с вызовом двух дополнительных свидетелей. Трибунал хочет знать, желательно ли вызвать этих свидетелей после завершения дела кого-либо из главных обвинителей, чтобы было подготовлено для трибунала письменное ходатайство о вызове таких свидетелей, и трибунал также желает, чтобы я обратил внимание обвинения и защиты на нормы статьи 24, пункт (е), которая относится к доказательствам в опровержение. В случае желания защиты или обвинения обратиться за доказательством в опровержение в соответствующее время, после завершения дел защиты и обвинения, такое ходатайство об обращении за опровергающим доказательством сделует заявить трибуналу в письменном виде.
Максвелл-Файф: Милорд, я интересуюсь, позволит ли мне трибунал кое-что сказать по вопросу, о котором я вчера пообещал получить информацию.

Ваша светлость, помнит, что доктор Хорн запросил отозванный номер «Daily Telegraph» от 31 августа 1939, и я пообещал трибуналу, что я сделаю запросы. Я имею телеграмму от «Daily Telegraph», которую получил этим утром и в ней говорится:

> «Ни одно издание «Daily Telegraph» не было отозвано 31 августа 1939 или же в иной день. «Telegraph» 31-го дал короткий абзац, говорящий о встрече Гендерсон-Риббентроп без всяких подробностей.
>
> 1-го сентября приводилась сводка из 16 пунктов Германии для Польши по передаче германского радио. Сам текст ноты не был опубликован до 2 сентября, пока он не был взят из «Белой книги» министерства иностранных дел со всеми соответствующими документами».

Я подумал, что так будет правильно, так как я пообещал получить

сведения, чтобы представить их трибуналу, и я предлагаю направить эту копию доктору Хорну.

Председатель: Благодарю, сэр Дэвид. Думаю это может внести небольшие поправки в распоряжение, которое трибунал предлагает принять.

Нельте: Относительно вопроса генералов Гальдера и Варлимонта в качестве свидетелей, господин председатель, позвольте мне попросить вас ответить на один вопрос, а именно, скажите мне, не решил ли суд о том, что генералы Гальдер и Варлимонт, которых я назвал в качестве свидетелей, и чья относимость к делу признана обвинением, будут одобрены в качестве свидетелей Кейтеля, для того, чтобы мы могли точно рассчитывать на то, что они появятся на слушаниях.

Председатель: Да, разумеется. То, что я имел в виду было то, что защита должна решить хочет ли они провести их перекрёстный допрос сейчас или вызвать их в качестве свидетелей от имени того или иного подсудимого, и поэтому было решение о том, что защита сможет вызвать их в интересах одного из подсудимых если решит так сделать.

Таким образом, она может вызвать для Кейтеля, пока, конечно, их не вызовут ранее. Если их хочет вызвать подсудимый Геринг, то они будут допрошены в интересах Кейтеля, когда их вызовут для Геринга, потому что фундаментальное правило заключается в том, что свидетеля вызывают только один раз.

Нельте: Очень хорошо. Я хочу сказать, что защита, которая заинтересована в допросе генералов Гальдера и Варлимонта согласна с тем, чтобы генералов вызвали в ходе презентации доказательств защиты.

Председатель: Да, очень хорошо.

Полковник Смирнов…прошу прощения. Доктор Латернзер.

Латернзер: У меня есть ещё несколько вопросов к свидетелю.

Свидетель, утром вы сказали о том, что для отдыха во время марша четыре или пять тысяч русских пленных разместили в конюшне. Это конюшня была под крышей?

Кивелиша: Это был обычный деревенский скотный двор, а так как хозяйство было заранее эвакуировано, скотный двор долгое время не убирался и находился в совершенно запущенном состоянии. Если добавить, что в течение этого дня шел дождь, то будет понятно, что этот двор наполовину был затоплен грязью. Помещаться в конюшнях и сараях не было никакой возможности, так как там был неубранный навоз, поэтому все люди находились под открытым небом.

Латернзер: Была ли возможность лучше разместить военнопленных?

Кивелиша: На этот вопрос я весьма затрудняюсь ответить, поскольку местность была мне совершенно незнакома. Кроме того, мы были доставлены в эту деревню поздно вечером. Я не знаю, были ли там удобные помещения для размещения военнопленных.

Латернзер: Значит, в этот вечер, когда вы прибыли в эту деревню, вы не видели лучшей возможности для размещения военнопленных?

Кивелиша: Я не говорил, что я не видел лучшей возможности для размещения. Я говорил, что был вечер и я не мог видеть эту деревню, хотя она была довольно большая, и мне кажется, там было довольно много больших домов, где 5—6 тысяч человек можно было разместить для удобного ночлега.

Латернзер: Вы сказали, что вы не использовались в лагере военнопленных как врач. Вам когда-либо немецкие власти давали какие-нибудь санитарные материалы для того, чтобы вы могли обслуживать с их помощью больных пленных?

Кивелиша: В первое время эвакуации по этапам из одного лагеря в другой мы не получали совершенно никаких материалов от немцев, а в последующее время, когда я прибыл в стационарный лагерь, в «Шталаг — 305», материалы выдавались, но в количестве, совершенно недостаточном для того, чтобы обеспечить потребности всех раненых.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Бабель: Свидетель, вы сказали, что скотный двор был эвакуирован. Что это означает?

Кивелиша: Это значит, что весь скот, который содержался в этом скотном дворе, был вывезен или угнан за пределы военной зоны.

Бабель: Кем это было сделано?

Кивелиша: Это было сделано гражданами того села, в которое мы вошли. Они отошли на восток вместе с частями Красной Армии, которые не попали в то окружение, в котором оказались мы.

Бабель: Значит, скот был угнан в не занятые немецкими войсками русские области?

Кивелиша: По крайней мере, из этого села — да

Бабель: Благодарю.

Председатель: Еще кто-либо из защитников хочет задать вопросы свидетелю?

Свидетель, использовались ли части СС для охраны военнопленных той колонны, в составе которой вы находились?

Кивелиша: В Проскурово, в котором я пробыл недолгое время, для конвоирования рабочих команд использовались молодые немецкие армейцы, которых в то время называли СС.

Председатель: Это был стационарный лагерь?

Кивелиша: Да, это был стационарный лагерь.

Председатель: А до тех пор, пока вы не прибыли в этот стационарный лагерь, эсэсовцы использовались для вашей охраны?

Кивелиша: На этот счет я не могу сказать ничего определенного, так как я не знал знаков различия немецкой армии.

Председатель: Полковник Смирнов, вы хотите задать какие-либо вопросы в повторном допросе?
Смирнов: У меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Смирнов: Могу я продолжать, господин председатель?
Председатель: Да.
Смирнов: Я прошу суд в качестве одного из доказательств преступлений гитлеровцев в концлагерях для военнопленных принять материалы, которые я хотел бы предъявить суду по просьбе наших уважаемых британских коллег. Советское обвинение тем более охотно выполняет эту просьбу, что считает материалы британского обвинения имеющими существенное значение для доказательства преступного попрания главными гитлеровскими военными преступниками законов и обычаев войны, принятых в обращении с военнопленными всеми цивилизованными народами.

Я прошу суд приобщить к материалам процесса представляемые мною под номером СССР-413 документы британского обвинения, касающиеся жестокого убийства 50 пленных офицеров-летчиков королевских воздушных сил, захваченных после массового побега из лагеря военнопленных «Люфт-3» в Сагане и расстрелянных немецкими преступниками после их задержания в ночь с 24 на 25 марта 1944 г.

Эти документы состоят из официального отчета о преступлениях гитлеровцев за подписью Шэпкота, командира бригады, представителя военных британских властей, и приложенны нему протоколов следственного суда, имевшего место в Сагане по приказу старшего британского офицера в лагере для военнопленных «Люфт-3»

Кроме того, к материалам приложены показания следующих свидетелей союзных стран: подполковника военно-воздушных сил Дэя[261], капитана авиации Тондера, капитана авиации Доузе[262], капитана авиации ван Вимерша, капитана авиации Грина[263], капитана авиации Маршалла, капитана авиации Нельсона, капитана авиации Черчилля, капитанов Нили и Хикса.

Материалы расследования подтверждены также показаниями, данными следующими немцами: генерал-майором Вестхофом[264], оберрегирунгс- и

[261] Гарри Дэй (1898-1977) – английский офицер. Военнопленный в 1939-1945.
[262] Сидни Доузе (1918-2007) – английский офицер. Военнопленный в 1941-1945.
[263] Бернард Грин (1887 – 1970) – английский офицер. Военнопленный в 1940-1945.
[264] Адольф Вестхоф (1899 – 1977) – генерал-майор Вермахта. В 1943-1944 начальник службы по делам военнопленных в ОКВ.

криминальратом Виленом, полковником фон Линдейнером[265].

К материалам приложен также фотостат официального списка погибших, переданного германским министерством иностранных дел швейцарской дипломатической миссии в Берлине, и отчет представителя державы, представляющей интересы воюющей стороны, о посещении им лагеря для военнопленных «Люфт-3» 5 июня 1944 г.

Кратко излагаю обстоятельства этого подлого преступления гитлеровцев, цитируя отчет командира бригады Шэпкота.

> «В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. 76 офицеров британских воздушных сил бежали из лагеря для военнопленных «Люфт-3» в Сагане, в Силезии, где они были заключены как военнопленные. Из них 15 были вновь схвачены, 3 окончательно спаслись, а 8 человек были задержаны Гестапо после поимки. О судьбе остальных 50 офицеров немецкие власти предоставили следующую информацию».

Германские власти заявили, что 50 офицеров были якобы застрелены при попытке к бегству. На самом же деле это утверждение было очередной ложью гитлеровцев, так как тщательно произведенным британскими военными властями расследованием с бесспорностью установлено, что британские офицеры-летчики были подло убиты уже после задержания их германской полицией.

Я представляю доказательства этого, и цитирую отчёт представленный британским обвинением. Было установлено, что данное преступление совершено по приказу Геринга и Кейтеля. Отрывок, который я хочу представить трибуналу, находится на странице 168 книги документов, русский текст.

Председатель: Да, доктор Нельте?

Нельте: Трибунал вспомнит, что вопрос заслушивания свидетеля, генерал-майора Вестхофа уже играл здесь роль. Тогда обвинение – у меня сейчас нет документа – представляло отчёт о допросе генерал-майора Вестхофа, то есть, трибунал по моему возражению, отказал в оглашении документа в суде.

Я не знаю, так как сейчас обвинитель говорит о показаниях генерал-майора Вестхофа, затрагивает ли это тот же самый документ, который трибунал ранее отказался допустить или же это новый документ, о котором я пока не знаю. Я обращаю ваше внимание на тот факт, что генерал Вестхоф здесь в тюрьме; другими словами он может быть вызван в качестве свидетеля по данному вопросу.

Смирнов: Господин председатель, разрешите мне сказать…

Председатель: Полковник Смирнов, вы слышали, что сказал доктор Нельте. Как я понял – я не уверен, понял ли я правильно имя – но он ссылался на показания

---

[265] Фридрих фон Линдейнер-Вальдау (1880 – 1963) – Полковник Вермахта. В 1942 – 1945 комендант шталага авиации III.

генерала Вестхофа, которые были представлены и отклонены, потому что трибунал подумал, что если это доказательство следует представить, генерал Вестхоф должен быть вызван. Это верно, что документ, который вы приобщаете, не имеет никакого отношения к генералу Вестхофу, не так ли?

Смирнов: Вестхоф упоминается только в одной части британского доклада.

Председатель: Но это не отчёт подготовленный генералом Вестхофом?

Смирнов: Совершенно верно. Я сейчас представляю трибуналу британский доклад. Единственный фрагмент текста официального британского доклада упоминает генерала Вестхофа, но это упоминание не имеет никакого отношения к допросу генерал-майора Вестхофа, который предъявляли ранее.

Робертс: Милорд, наверное, я могу содействовать в этом вопросе – потому что, я отчасти ответственный за этот доклад – с любезной милости моего учёного друга, моего русского коллеги.

Милорд, документ который сейчас должен быть оглашён это британский официальный правительственный доклад в соответствии со статьей 21 устава и подлинник надлежащим образом заверен. Милорд, совершенно верно, что имя генерала Вестхофа упоминается в докладе, но это совершенно другой документ по отношению к документу который представляли мои французские коллеги и который трибунал отказался приобщать в качестве доказательства. Это официальный правительственный отчёт.

Смирнов: Это я и хотел сказать, ваша честь. Это официальный доклад британского правительства.

Председатель: Минуточку, полковник Смирнов.

Я сейчас хочу поговорить с господином Робертсом, доктором Нельте – почему вы говорите, что это официальный правительственный доклад, подпадающий под статью 21 устава?

Робертс: Потому что был вручен подлинник и его удостоверил бригадный генерал Шэпкот из военного департамента главной военной прокуратуры. Думаю, у вас есть подлинник.

Председатель: Да, у меня есть подлинник. Господин Робертс, для кого его подготовили, этот доклад?

Робертс: Милорд, его подготовили в связи со сбором доказательств для данного трибунала. Как видит ваша светлость, он озаглавлен «Германские военные преступления. Доклад об ответственности за убийство 50 офицеров РАФ[266]», и затем начинает говорить – затем он говорит об источниках, на которых основывается материал. Ваша светлость увидит на последней странице доклада приложение «Материал на котором основан вышеуказанный доклад»:

> «1. Разбирательство судебного следствия проведённое в Сагане… 2. Заявления следующих союзных свидетелей… 3. Заявления взятые у

[266] Аббр. с англ. Royal Air Force (RAF) – королевские воздушные силы.

следующих немцев… 4. Фотокопия официального перечня погибших, переданного германским министерством иностранных дел швейцарскому посольству… 5. Доклад представителя гарантирующей державы о своём визите в шталаг авиации III 5 июня 1944».

Биддл: Господин Робертс, его подготовили для трибунала или для комиссии по военным преступлениям?

Робертс: Его подготовили для данного процесса.

Биддл: Подготовили для данного процесса?

Робертс: Для процесса.

Биддл: Генералом армии?

Робертс: Да, милорд.

Биддл: И кому он сообщил?

Робертс: Милорд, затем его представили британской делегации на данном процессе.

Биддл: Вы имеете в виду обвинение?

Робертс: Да, милорд.

Биддл: Таким образом, это доклад британского генерала, подготовленный для британского обвинения?

Робертс: Милорд, я бы не стал, при всём уважении, принимать фразу «доклад британского генерала». Я бы сказал «доклад правительственного ведомства». Он подписан и заверен британским генералом.

Биддл: Да.

Робертс: Милорд, я покорно полагаю, что милорды могут прочесть статью 21: «Трибунал должен выносить уведомление об официальных правительственных документах и докладах Объединённых Наций…».

Милорд, я полагаю, что в таком качестве это явно официальный правительственный документ, доклад подготовленный армейским ведомством в Лондоне, правительственным ведомством в целях процесса.

Биддл: Значит любое доказательство, которое было собрано и направлено им правительству будет официальным доказательством.

Робертс: Я думаю, что это так в соответствии со статьей 21, то есть, как я её прочёл и как покорно довёл до вашей светлости.

Председатель: Вы хотите, что-то добавить доктор Нельте?

Нельте: Да, я хочу сделать несколько дальнейших замечаний.

Это, другими словами, доклад, который был составлен на основе показаний свидетелей, в числе которых, как я понимаю, также находился генерал-майор Вестхоф. Я не оспариваю официальный характер этого документа, или же то, что вы можете и должны принять его в качестве доказательства согласно уставу. Но мне кажется, что возникает другой вопрос, а именно, вопрос лучшего доказательства. Если свидетель, который имеется в распоряжении суда, может быть исключён путём включения его показаний в официальный доклад, тогда получение

доказательств не будет соответствовать желанию трибунала о том, чтобы применялся наилучший способ установления истины.

Свидетель находится в вашем распоряжении, доклад не содержит буквально того, что он сказал, а просто вывод о точности, в которой можно сомневаться, в то время как сомнения не должно оставаться. Но мне кажется, защита также должна иметь возможность в свою очередь, заслушать и допросить свидетелей, если это так просто как в данном случае.

Председатель: Но доктор Нельте, предположим, что один из свидетелей, которых допрашивали одним из комитетов созданных правительством, вообще не подготовил отчета для правительства, а письменные показания или нечто вроде них; и они представлены суду и свидетель доступен, суд весьма возможно может отказать в использовании письменных показаний или отчёта. Но если этот отчёт положен в основу правительственного доклада или для правительственного официального документа, по статье 21, трибуналу указано пользоваться таким докладом.

Поэтому, тот факт, что трибунал уже сказал о том, что у него не будет неких частных письменных показаний или доклада генерала Вестхофа пока генерала Вестхофа не вызовут, это вообще не относятся к делу. Это вопрос того вправе ли он использовать доклад который вы признаёте подпадающим под статью 21.

Нельте: Я не сомневаюсь в том, что взгляд вашей светлости правильный. Я просто хочу поднять вопрос, не следует ли, имея два разных типа доказательств, а именно доклад и возможность допроса свидетеля, принимать во внимание допрос свидетеля, не с целью поправки официального доклада, а с целью разъяснения того, что в действительности сказал свидетель, потому что из доклада мы не можем знать о том, что сказано в действительности.

Вопрос заключается, как вы понимаете, в огромном значении для подсудимого Кейтеля, который предположительно приказал расстрелять бежавших лётчиков и если свидетель который сможет пояснить данный вопрос доступен, этот свидетель должен быть заслушан вместо официального доклада, который в действительности содержит оценку.

Председатель: Но, в первую очередь доклад не исходит только или даже из сути доказательств генерала Вестхофа. Есть ряд других источников доклада и вторая вещь заключается в том, что весь смысл статьи 21 заключается в том, чтобы сделать допустимыми правительственные доклады без необходимости вызывать свидетелей от которых исходят доказательства.

Нельте: Другие свидетели были допрошены по всем остальным вопросам, а именно, расстрелу…Остальные свидетели которых упоминали спрашивали о других фактах. По вопросу о том отдавал ли Кейтель такой приказ вообще, генерал Вестхоф является единственным свидетелем упомянутом в докладе.

Председатель: Вы повторите? Я не надел наушники.

Нельте: Я сказал, в этом докладе остальные свидетели также упоминаются, но, насколько мне известно, они не делали заявления по вопросу о том, отдавал ли Кейтель этот приказ расстрелять лётчиков. Вестхоф был единственным из свидетелей который смог и сделал заявление по данному вопросу.

Председатель: Вы желаете, сказать, что-то ещё по аргументации о допустимости документа?

Нельте: Нет.

Председатель: Полковник Смирнов.

Смирнов: Мне кажется, господин председатель, что часть документа, которая относится к генерал-майору Вестхофу, занимает всего один абзац, а именно, абзац 7 спорного документа. Эта часть касается начальной стадии совершения преступления, а именно, стадии замысла, стадии планирования преступления.

Документ также говорит о других стадиях совершения преступления. Более того, это официальный документ, представленный согласно статье 21 устава. Мне кажется, что этим сказано всё, что нужно, господин председатель.

Председатель: Вы хотите сказать, что-нибудь ещё, доктор Нельте?

Нельте: Нет благодарю. Я просто прошу суд решить; в таком случае я должен просить того, чтобы генерал Вестхоф был допущён в качестве свидетеля для того, чтобы свидетельствовать о том, что вывод, сделанный в этом докладе не соответствует тому, что он сказал.

Кубушок: Могу я сделать несколько правовых замечаний, несколько общих правовых замечаний по вопросу статьи 21 устава?

Во всех уголовных процедурах каждой страны мы находим основной принцип устности судебных разбирательств. Только если этого нельзя осуществить в качестве части разбирательства, то, они выводятся за пределы суда. В большинстве уголовно-процессуальных кодексов различных стран мы имеем нормы схожие со статьей 21 устава о том, что предыдущие решения суда не должны повторно исследоваться в новых разбирательствах, и такие решения являются обязательными.

В данном процессе устав распространяет такую норму ещё дальше к делам, которые очевидно в виду своей сферы, не должны здесь далее обсуждаться. Таким образом, решение о том, что правительственные доклады следует рассматривать в качестве доказательства, чётко прописано в параграфе 21. Любому юристу ясно, что такая норма сама по себе, придаёт разбирательству определённый окрас, посредством которого подсудимые утрачивают отдельные права. С другой стороны, конечно же, нельзя игнорировать аргументацию, что имеется предмет, ввиду своего масштаба, который не может являться предметом обсуждения на процессе время котого ограничено.

Таким образом, параграф 21 устава, предоставляет трибуналу возможность принимать такие доклады в качестве надлежащих доказательств. Но эта норма не

является обязательной для трибунала. Насколько я могу видеть из немецкого текста перед собой, трибунал может применять своё усмотрение и отклонять документ. Защита занимает позицию о том, что такой предмет доказательств должен быть обеспечен свидетелем. Допрос свидетеля позволил бы защите воспользоваться правом перекрёстного допроса.

Поскольку, по тактическим причинам, скрытым в природе процесса, свидетеля не могут вызвать, последующее превращение его доказательств в правительственный доклад, означает ограничение права подсудимого на перекрёстный допрос и таким образом противоречит соответствующей статье устава.

Штамер: До сего дня не предъявлялось обвинения в том, что Геринг знал или приказывал о казни этих лётчиков. Я не мог учесть данный акт, когда я недавно представлял свои доказательства, потому что я не знал об этом; и поэтому, я должен, оставить за собой право вызвать дополнительных свидетелей по данному вопросу.

Смирнов: Господин председатель, могу я сказать несколько слов?

Председатель: По вопросу допустимости?

Смирнов: Да, господин председатель.

Председатель: Да.

Смирнов: Я считаю аргументы, выдвинутые вторым защитником совершенно недопустимыми с правовой точки зрения, поскольку это привносит некие численные и количественные критерии в правовой характер доказательств. Согласно этому представителю, статья 21 устава касается только доказательств о преступлениях совершенных в огромном масштабе, но не затрагивает преступления меньшего калибра.

Для меня, рассматривающего вопрос с правовой точки зрения, такая аргументация кажется гнилой от начала до конца, и я считаю, что статья 21 устава применяется, в целом, к любому преступлению гитлеровцев, независимо от того факта совершали они его в большем или меньшем масштабе. Вот, что я хотел сказать господин председатель.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Господин Робертс, трибунал хочет знать, где находятся приложения на которые имеется ссылка в параграфе 9 доклада.

Робертс: Думаю, они сейчас у трибунала, у ответственного сотрудника суда.

Председатель: Сейчас у суда? Поймите, я предлагаю, представить их все, если каких-то нет здесь?

Робертс: Милорд, конечно же. Я понял, что весь материал не нужен – подлинник,

конечно – но я понимаю, что весь материал должен быть здесь, всё в подлиннике, конечно.

Председатель: Да. Тогда трибунал решает о том, что документ будет допущен и трибунал вызовет, если он доступен – и мы думаем, что это так – генерала Вестхофа и в свою очередь, удовлетворяется ходатайство защиты о вызове генерала Вестхофа, а также вызове офицера указанного в параграфе 3(b) приложения, чья фамилия, кажется Вилен. Я не знаю где он находится.

Робертс: Я сделаю запросы и могу заверить трибунал в том, что мы сделаем всё в нашей власти, чтобы получить свидетелей, затребованных защитой, а именно генерала Вестхофа, который находится в Нюрнберге, как я понимаю, и генерала Вилена. Я не уверен где он, но установлю это.

Председатель: Очень хорошо.

Краус: Господин председатель, во время заседания вы сделали замечание, которое сильно затрагивает защиту. Если мы поняли это замечание, было сказано о том, что частные письменные показания не будут приниматься трибуналом. Учитывая тот факт, что мы должны сейчас представлять наши доказательства, вопрос этих письменных показаний является срочным. Вот почему я вынужден выяснить этот вопрос. Защита…

Председатель: Доктор Краус, я не думаю, что я сказал о том, что письменные показания не могут допускаться. Я сказал, что может быть могут не допускаться письменные показания, если свидетель доступен для дачи непосредственных доказательств. Этому правилу мы следуем на протяжении процесса.

Краус: Да, я понимаю, господин председатель, что говоря принципиально, мы можем представлять письменные показания, как удостоверенные нотариусом или адвокатом или имеющие только подпись лица сделавшего заявление. Это три формы которые мы имеем. Простое письмо с заявлением: «Заявляю под присягой». Второй тип те где подпись заверена адвокатом; и третий тип это те, которые даны нотариусу.

Мы получили много документов такого рода, для того, чтобы ускорить дело, и мы хотим знать можем ли мы ожидать их представления в качестве доказательств для того, чтобы избежать вызова свидетелей.

Председатель: Думаю, что при всей вероятности вопрос будет рассматриваться, когда вы представите ходатайства о даче показаний путём письменных показаний. Сегодня, рассматривая первых четырёх подсудимых, допускались по разным поводам опросные листы в тех случаях, где казалось подходящим то, что должно быть сделано для экономии времени. Несмоненно такое же правило будет применяться, когда вы представите свои ходатайства.

Краус: Спасибо.

Председатель: Полковник Смирнов, не будет ли удобнее для вас продолжить с вашей презентацией об этом документе, который мы допустили или вы желаете

представить фильм?

Смирнов: Господин председатель, я хочу завершить презентацию этого доказательства, то есть, огласить под протокол отрывки из документа который я цитировал.

Председатель: Очень хорошо, однако трибунал, как я думаю, желает, чтобы эти два свидетеля, генерал-майор Вестхоф и Вилен, какое бы ни было его звание, были представлены для допроса как можно скорее. Я не имею в виду этим вечером, потому что это будет невозможно, но если возможно завтра.

Смирнов: Если вы позволите, я попрошу представителя британской делегации ответить на этот вопрос.

Председатель: Господин Робертс, полковник Смирнов сказал, что он попросит вас ответить, так как я сказал о том, что трибунал хочет, чтобы как можно скорее после оглашения доклада были вызваны свидетели.

Робертс: Мы знаем, где Вестхоф, я услышал, сэр, и я постараюсь сделать запросы о том где находится Вилен. Если ваша светлость даст мне несколько минут я постараюсь выяснить где может находится Вилен.

Председатель: Да.

Робертс: Но тогда я должен покинуть суд, милорд.

Председатель: Минуточку, пожалуйста.

Полковник Смирнов, не будет ли одинаково удобно сейчас продолжить с фильмом для того, чтобы доклад, когда его представят, можно было представить как можно ближе к доказательствам свидетелей?

В противном случае, предположив, что господин Робертс не сможет обнаружить Вилена этим вечером, может быть, что если вы огласите доклад сейчас, то может быть недели или больше пройдут между оглашением доклада и показаниями свидетелей. Возможно, ли продолжить сейчас с фильмом?

Смирнов: То, что мы покажем трибуналу нельзя назвать фильмом в полном смысле слова. Это серия фотографических доказательств, фотографий сделанных самими немцами на месте совершения преступлений, которые смонтировали их в плёнку. Это не фильм – это фотодокумент. Мы представляем эти фотодокументы как экземпляр номер СССР-442, и мы представляем только одну часть этих фотодокументов. Суть заключается в том, что правительство Югославии представило фотодокументы по каждому разделу доклада. Мы исключили часть касавшуюся других разделов и показываем только ту часть, которая касается преступлений против человечности. Таким образом, один раздел документации демонстрируется трибуналу. Могу я показать эти фотодокументы?

[*Фотографический документ показан на экране*]

Смирнов: Могу я продолжать представление документальных доказательств?

Председатель: Да.

Смирнов: Господин председатель, для того, чтобы позволить британскому обвинению решить вопрос о том, когда два свидетеля будут вызваны в трибунал, я возьму смелость перейти к следующей части своего выступления. Вы разрешите это сделать?

Председатель: Да.

Смирнов: Перехожу к той части, которая касается преследования евреев, страница 37 текста. Возведенный в зоологические формы крайний антисемитизм гитлеровских преступников общеизвестен. Я не буду приводить цитат из так называемых «теоретических произведений» главных военных преступников от Гиммлера и Геринга до Папена и Штрайхера, доказывающих это. В странах Восточной Европы антисемитизм гитлеровцев осуществлялся преимущественно в форме физического уничтожения невинных людей.

В свое время американским обвинением уже был предъявлен суду один из отчетов специальной преступной организации германских фашистов, так называемой айнзацгруппы «А». Он был предъявлен под номером USA-276 (документ номер L-180). Наши американские коллеги представили отчет по 15 октября 1941 г. включительно. Советское обвинение располагает другим отчетом этой злодейской организации германских фашистов, охватывающим другой период и являющимся как бы продолжением первого документа, а именно отчетом айнзацгруппы «А» с 10 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. Представляя фотостат этого отчета под номером СССР-57, прошу разрешения огласить цитаты из главы 3 отчета, озаглавленной «Евреи». Это данные по одной лишь организации, то есть айнзацгруппе «А». Я цитирую первый абзац на странице 170 документальной книги.

> «Систематическая работа по очищению Востока согласно основным приказам имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 еврея…Оставшиеся в прибалтийских провинциях евреи мобилизуются в срочном порядке на работы и размещаются в гетто».

Я прерываю цитату и читаю два дальнейших фрагмента из подраздела «Эстония»: на странице 2 русского текста, которая соответствует странице 171, параграф 2 вашей книги документов. Я начинаю цитату:

> «Экзекуции над евреями, поскольку последние не были необходимы на работах, стали постепенно производиться силами полиции безопасности и СД. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет».

Привожу далее короткие извлечения из подраздела «Латвия»: я цитирую одну строчку из последнего абзаца на второй странице русского текста, страница 171, параграф 5 документальной книги.

«При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70 тысяч евреев»

Я прерываю цитату и оглашаю одну строчку на странице 3, абзац 2 русского текста, страница 171, последний абзац документальной книги:

«До октября 1941 года этими особыми командами было подвергнуто экзекуции ровно 30 тысяч евреев».

Я снова прерываюсь и продолжаю в следующем абзаце:

«В последующее время были произведены дальнейшие экзекуции. Так, 9 ноября 1941 г. в Двинске было подвергнуто экзекуции 11 034 еврея. В начале декабря 1941 года в результате проведенной по распоряжению бывшего руководителя СС и полиции безопасности операции в Риге была произведена экзекуция над 27 800 человек, в середине декабря 1941 года в Либаве — над 2350 евреями. В настоящее время в гетто находятся (кроме евреев из Германии) округленно: в Риге — 2500 человек, в Двинске — 950 человек и Либаве — 300 человек».

Председатель: Скажите, пожалуйста, откуда взяты эти данные? Они содержатся в каком-либо официальном докладе или взяты из немецких источников?

Смирнов: Это данные самих немцев. Этот документ в копии был изъят из архивов Гестапо, захваченных в Латвии войсками Красной Армии. Я прошу господ судей заметить, что этот документ охватывает только период с 16 октября 1941 и 31 января 1942. Таким образом, это не окончательные данные, а просто данные связанные с одной немецкой оперативной группой в конкретный промежуток времени.

Разрешите мне продолжать, господин председатель?

Председатель: Пожалуйста.

Смирнов: Я цитирую одну строчку из подраздела «Литва», которая на странице 173 документальной книги, абзац 3:

«В результате многих отдельных операций было ликвидировано в общем 136 421 человек».

Я прошу трибунал позволить мне привести более подробную цитату из раздела отчета айнзацгруппы «А» в Белоруссии. Я цитирую последний абзац на странице 5 русского текста; страница 174, последний абзац документальной книги:

«Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в этой области вследствие отсутствия других резервов являются необходимыми. Кроме того, айнзацгруппа «А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затруднили проведение массовых экзекуций.

> Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросанно по всей территории. Учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил.
>
> Несмотря на это, расстреляна уже 41 тысяча евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами.

Я снова прерываюсь и приступаю к чтению со следующего абзаца – это соответствует странице 175 документальной книги. Я начинаю цитату:

> «Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос.
>
> Но все же для этого потребуется около двух месяцев в зависимости от погоды.
>
> Размещение оставшихся евреев в существующих гетто в лагерях Белоруссии подходит к концу».

Для того, чтобы показать то как немецкие преступники осуществляли массовые казни, я представляю трибуналу как документ под номером СССР-119 — заверенный Чрезвычайной государственной комиссией фотостат подлинного немецкого документа. Это — итоговый отчет командира одной из рот 12-го полицейского полка, производившего массовую акцию по уничтожению евреев города Пинска, загнанных в гетто 29 и 30 октября 1942г. Злодеи уничтожили в Пинске 26 200 евреев. Вот как описывает командир роты Зауэр это совершенное немцами преступление. Я не буду цитировать документ полностью, поскольку он весьма длинный, но процитирую несколько фрагментов. Отрывок, который я собираюсь процитировать и я прошу разрешения трибунала огласить его под протокол это страница 177 вашей документальной книги, параграф 3. Я начинаю цитату.

> «Оцепление было назначено на 4 ч. 30 м., и оказалось, что благодаря предшествующей личной разведке руководителей и соблюдению тайны оцепление было совершено в кратчайший срок и уклонение евреев оказалось невозможным.
>
> Прочесывание гетто следовало по приказу начальника в 6.00 часов. Но благодаря темноте начало было отодвинуто на полчаса. Евреи, обратившие внимание на происходящее, стали большей частью добровольно собираться на проверку на всех улицах. С помощью двух вахмистров удалось в первый же час привести несколько тысяч к месту сбора. Когда остальные евреи увидели, в чем дело, то они примкнули к колонне, так что предусмотренную охранной полицией на месте сбора проверку из-за громадного, неожиданного скопления народа провести не удалось. В первый день прочесывания

рассчитывали только на 1—2 тысячи человек. Первое прочесывание закончилось в 17 часов и прошло без происшествий. В первый день было казнено около 10 тысяч человек. Ночью рота находилась в боевой готовности в солдатском клубе.

30 октября 1942 г. гетто было прочесано второй раз, 31 октября — в третий и 1 ноября — в четвертый раз. В общем к месту сбора было пригнано около 15 тысяч евреев. Больные евреи и оставленные в домах дети подвергались казни тут же в гетто, во дворе. В гетто было казнено около 1200 евреев».

Я прошу разрешения трибунала позволить мне продолжить цитату на второй странице документа, которая соответствует странице 178 документальной книги, абзац 6. Я цитирую два пункта из раздела «Опыт». Я начинаю цитировать:

«Даже когда нет подвалов, значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи, или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака Аста), или забросить туда ручную гранату, после чего во всех случаях евреи немедленно же выходят оттуда».

Далее цитирую пункт 5:

«Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя».

Пример полицейского полка, о роте которого я только что доложил, характерен для уничтожения евреев, загнанных в гетто, но немецко-фашистские захватчики не всегда прибегали к этому приему, предшествовавшему уничтожению мирного еврейского населения.

Одним из таких же преступных приемов был сбор евреев данной местности под предлогом переселения в другую местность. Затем собранные таким образом в одно место евреи расстреливались. Я предъявляю суду подлинное объявление, свидетельствующее о такого рода расстрелах в Кисловодске. Это объявление было расклеено немецкой комендатурой № 12 Кисловодска. Господа судьи найдут текст (документ номер СССР-434) на странице 180. Я процитирую несколько фрагментов из этого объявления которое сравнительно длинное. Я начну с первой части.

«Всем евреям! С целью заселения малонаселенных районов Украины все евреи, проживающие в городе Кисловодске, и те евреи, которые не имеют постоянного местожительства, обязаны в среду, 9 сентября 1942 г., в 5 часов утра по берлинскому времени (в 6 часов по московскому времени) явиться на товарную станцию города Кисловодска. Эшелон отходит в 6 часов утра (в 7 часов по московскому времени).

Каждому еврею взять багаж весом не более 20 килограммов, включая продовольственный минимум на два дня. Дальнейшее питание будет обеспечено на станциях германскими властями».

Я опускаю один абзац и цитирую одну строчку:

«Переселению подлежат и те евреи, которые приняли крещение».

На этом пункте я прерываю цитату.

Для того чтобы уяснить, что случилось с еврейским населением Кисловодска (то же происходило и во многих других городах), я прошу суд обратиться к документу уже представленному трибуналу под номером СССР-1 — сообщению Чрезвычайной государственной комиссии по Ставропольскому краю.

Та часть, которую я хочу прочесть, короткая, на странице 187 вашей документальной книги. Там сказано, что собравшиеся на станции Кисловодск 2 тысячи евреев были отправлены на станцию Минеральные Воды и там расстреляны в противотанковом рву, в двух с половиной километрах от города. Там же были расстреляны тысячи евреев с их семьями, вывезенные из городов Ессентуки и Пятигорск.

Для того чтобы показать объемы преступного уничтожения мирного еврейского населения в странах Восточной Европы, я обращаюсь к содержанию докладов правительств соответствующих стран Восточной Европы, представленных Трибуналу.

Я цитирую доклад польского правительства, на странице 136 русского текста этого документа. Я начинаю цитату:

Официальный статистический ежегодник Польши в 1931 году определял количество евреев в 3 миллиона 115 тысяч.

По неофициальным данным, собранным в 1939 году, в Польше было 3,5 миллиона евреев.

После освобождения Польши в ней насчитывалось менее 100 тысяч евреев, и 200 тысяч польских евреев до сих пор находится в СССР.

Таким образом, в Польше погибло 3 миллиона евреев.

В Чехословакии насчитывалось 118 тысяч евреев. В настоящее время во всей стране насчитывается только 6 тысяч евреев. Из общего числа 15 тысяч еврейских детей вернулось только 28.

Председатель: Можно заканчивать?

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 27 февраля 1946*]

День шестьдесят девятый

Среда, 27 февраля 1946

Утреннее заседание

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, меня интересует, позволит ли мне трибунал дать очень краткое пояснение об источнике документа в отношении шталага авиации III, который вчера обсуждал трибунал.
Председатель: Да.
Максвелл-Файф: Положение заключалось в том, что когда собирались доказательства для данного процесса, каждому заинтересованному правительству написали и запросили будут ли они представлять правительственные доклады, и они представили правительственные доклады, которые были представлены трибуналу различными группами обвинения.

Документ в отношении расстрела пленных в шталаге авиации III является британским правительственным докладом такого же типа. Он был составлен из различных источников, которые включены в приложения, эта информация включает допрос генерала Вестхофа, который был направлен комиссии по военным преступлениям Объединённых Наций как и тысячи других документов, чтобы эта комиссия рассмотрела, следует ли квалифицировать какое-либо деяние.

Этот документ был затем направлен из комиссии по военным преступлениям Объединённых наций британскому правительству и рассматривался как часть материала, на котором был основан британский правительственный отчёт. Британский правительственный отчёт удостоверен лично мною как правительственный отчёт, и у меня имеются особые полномочия от правительства Его Величества Британии по совершению такого удостоверения. Оно очень короткое и может быть удобно, если я зачитаю его для того, чтобы оно попало в протокол. У меня есть копия, которая была направлена мне с официальным правительственным документом, в удостоверении подписанном сэром Эдвардом Бриджесом[267], секретарём кабинета. Подлинник был направлен генеральному атторнею, и документ один для нас двоих, однако не имеется сомнения в его аутентичности, и подлинник может быть представлен при необходимости. Документ гласит:

[267] Эдвард Бриджес (1892 – 1967) – английский чиновник. В 1938-1946 секретарь кабинета правительства Великобритании.

«Правительство Его Величества в Соединённом королевстве Великобритании и Северной Ирландии доверяет достопочтенному сэру Хартли Шоукроссу, королевскому адвокату, члену парламента, главному обвинителю от Соединённого королевства, назначенному в соответствии со статьей 14 устава, прилагаемого к соглашению от 8 дня августа 1945 и достопочтенному сэру Дэвиду Максвелл-Файфу, королевскому адвокату, члену парламента, заместителю главного обвинителя от Соединённого королевства, удостоверять те документы которые должны быть предъявлены на процессе главных военных преступников в Международном военном трибунале, которые являются документами правительства Его Величества в Соединённом королевстве».

По моему покорному соображению, таким образом, при наличии моего удостоверения, документ становится правительственным документом согласно статье 21, и соответственно предписывает трибуналу то, что о таком документе должно выносится уведомление. По этой причине документ, по моему покорному соображению, должен быть принят в качестве доказательства. И затем, конечно же, вопросом для защиты является то, желает ли она вызвать какого-либо свидетеля, чтобы заявить такое ходатайство как она пожелает и трибуналу решать об этом.

Но в качестве смысловой конструкции, я покорно полагаю, что если документ удостоверен в качестве правительственного документа, обо всех таких правительственных докладах, трибунал должен выносить уведомление.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал вчера допустил документ, но он рад вашему пояснению. Нет ничего такого, чтобы не согласовалось с тем, что вы сказали.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости.

Смирнов: Могу я продолжать, господин председатель.

Председатель: Да, полковник Смирнов.

Смирнов: Господа судьи, я хочу напомнить вам определённые цифры, которые я упоминал вчера вечером. Я говорю о количестве евреев которых уничтожали в Польше и Чехословакии. Я позволю себе напомнить трибуналу о том, что цифры которые я упоминал вчера, основанные на докладе польского правительства показывают, что в Польше было уничтожено 3 миллиона евреев. В Чехословакии из 118000 евреев только 6000 осталось.

Я хочу перейти к докладу югославского правительства и процитирую один абзац, который трибунал найдет на странице 75 документальной книги, третий абзац:

«Из 75 тысяч югославских евреев и около 5 тысяч евреев-эмигрантов из других стран, находившихся во время наступления в Югославии, то есть из общего числа 80 тысяч евреев, после оккупации осталось в живых только 10 тысяч человек».

Смирнов: Я прошу суд о вызове для подтверждения данных, приведенных в одном из разделов моего доклада, свидетеля Абрама Герцевича Суцкевера[268], еврейского писателя, семья которого и сам он стали жертвами немецко-фашистских преступников, временно оккупировавших территорию Литовской ССР. Я прошу разрешить допрос этого свидетеля.

[*Свидетель Суцкевер занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите вашу фамилию.
Суцкевер: Суцкевер.
Председатель: Вы советский гражданин?
Суцкевер: Да.
Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Я» - назовите своё имя - «гражданин Союза Советских Социалистических Республик вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу обещаю и клянусь перед лицом суда говорить суду только правду обо всем, что мне известно по этому делу»

[*Свидетель повторяет слова присяги*]

Председатель: Можете сесть если хотите.
Смирнов: Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, где вас застала немецкая оккупация?
Суцкевер: В городе Вильно.
Смирнов: Вы находились в этом городе в период немецкой оккупации длительное время?
Суцкевер: Я во время немецкой оккупации находился там с первого и почти до последнего дня.
Смирнов: Вы являлись очевидцем преследования евреев в этом городе?
Суцкевер: Да.
Смирнов: Я просил бы вас рассказать об этом суду.
Суцкевер: Когда немцы захватили город Вильно, в нем находилось приблизительно 80 тысяч евреев. Тотчас же на Виленской улице, 12, была создана так называемая «зондеркоманда» с начальниками Швейхенбергом и Мартином Вайссом[269]. Ловцы этой зондеркоманды, или, как их называли евреи, «хапуны», врывались днем и ночью в еврейские помещения, забирали оттуда мужчин, приказывали им взять с собой кусок мыла и полотенце и загоняли их в помещения, которые находились в

---

[268] Авром (Абрам Герцевич) Суцкевер (1913 — 2010) — еврейский поэт и прозаик, один из крупнейших поэтов на идише.
[269] Мартин Вайсс (1903 – 1984) – гауптшарфюрер СС. Работая в ведомстве командира полиции безопасности и СД в Вильнюсе фактически являлся ответственным за Вильнюсское гетто. Немецким судом в 1950 был приговорён к пожизненному лишению свободы. В 1977 освобождён досрочно.

направлении местечка Понары, что в 8 километрах от города Вильно. Оттуда почти никто не вернулся. Когда евреи стали узнавать, что их родные не возвращаются, большая часть населения спряталась, но немцы стали искать их с собаками. Многих находили, а тех, кто не хотел идти за ними, расстреливали на месте.

Я должен сказать, что немцы заявляли, что они истребляли еврейский народ как бы законно.

8 июля был издан приказ о том, чтобы евреи носили на спине заплатки, потом было приказано, чтобы они эти заплатки стали носить на груди. Этот приказ был подписан комендантом города Вильно Ценфеннигом. Но на второй день какой-то комендант Нейман издал новое распоряжение, что эти заплатки нельзя носить, а что нужно носить желтую звезду Давида.

Смирнов: Что значит желтая звезда Давида?

Суцкевер: Это шестиугольная нашивка на груди и на спине, чтобы отличить евреев среди населения города. На третий день было велено носить синюю повязку с белым знаком. Евреи не знали, какой знак нужно носить, так как мало жили в городе. Если евреи не носили этого знака, их сейчас же арестовывали, и больше уже никогда никто их не видел.

17 июля 1941 г. я был свидетелем большого погрома в Вильно на улице Новгородской. Руководителями этого погрома был Швейхенберг, Мартин Вайсс, Херринг и немецкий начальник гестапо Шенхабер. Они окружили этот район зондеркомандой, выгнали всех мужчин на улицу, приказали им расстегнуть брюки, а руки поднять наголову. [*Показывает*] Когда это было сделано, всех евреев направили в тюрьму. Когда евреи стали идти, брюки сползали, и люди не могли идти дальше. Кто хотел рукой поддержать брюки, того тут же на улице расстреливали. Когда мы шли колонной по улице, я сам видел приблизительно 100— 150 расстрелянных. Ручьи крови лились вниз по улице, как будто бы сверху шел красный дождь.

В первые дни августа в 1941 году один немец схватил меня на улице Документская. Я шел к матери. Немец сказал мне: «Идем со мной, ты будешь играть в цирке». Когда я пошел, я увидел, что второй какой-то немец ведет еврея, старого раввина с улицы Касселя. Третий немец уже держал молодого парня. Когда мы дошли до старой синагоги на этой улице, я увидел, что там лежат дрова в форме пирамиды. Немец вытащил револьвер и сказал, что мы должны снять одежду. Когда мы разделись и остались голыми, немец взял спичку и поджег дрова. Второй немец вынес из синагоги три свитка Торы[270], дал их нам и сказал, чтобы мы танцевали вокруг костра и пели русские песни. За нами стояли три немца, они штыками подгоняли нас к огню и смеялись. Когда мы были почти без сознания, немцы ушли.

[270] Тора — первая часть Библии, так называемое «Пятикнижие Моисеево» — свиток с текстом Пятикнижия, хранимый в синагоге как предмет религиозного культа иудеев; в широком смысле, совокупность иудейского традиционного религиозного закона.

Должен сказать, что массовое истребление еврейского народа в Вильно началось в то время, когда приехал в Вильно гебитскомиссар Ганс Финкс и референт по еврейским делам Мурер[271]. 31 августа под руководством гебитскомиссара и Мурера…

Председатель: В каком году?

Суцкевер: В 1941 году.

Председатель: Продолжайте.

Суцкевер: Под руководством Финкса и Мурера немцы окружили старые еврейские кварталы в Вильно на улицах Рудницкой, Еврейской, в переулке Галонском, на Шабельской улице, на улице Страшуне, где приблизительно жили от 8 до 10 тысяч евреев.

Я тогда был болен и спал. Вдруг я почувствовал на себе удар нагайки. Когда я встал с кровати, я увидел перед собой Швейхенберга. Около него стояла большая собака. Он всех бил и кричал, чтобы выходили быстро во двор. Во дворе я увидел много женщин, стариков, детей — всех евреев, которые там жили. Швейхенберг с зондеркомандой окружили всех и сказали, что нас везут в гетто. Конечно это, как и все, что говорили немцы, тоже была ложь. Мы колоннами шли по городу, а нас вели в направлении Лутищевой тюрьмы. Все знали, что нас везут на смерть. Когда мы были около Лутищевой тюрьмы, возле так называемого Лутищева рынка я увидел целую шеренгу немцев с белыми палками, которые стояли для того, чтобы принимать нас. Когда мы проходили через строй немцев, нас били палками. Когда один падал, то приказывали следующему взять упавшего и нести в открытые ворота Лутищевой тюрьмы. Около тюрьмы я убежал. Я переплыл реку Вилию и спрятался у моей матери. Моя жена, которая попала в тюрьму и потом убежала оттуда, рассказала, что там она видела полумертвым известного еврейского ученого Ноаха Прилуцкого[272] и председателя еврейской общины в Вильно доктора Якова Выгодского[273], а также молодого историка Пинхуса Кона. Мертвыми лежали там известные артисты Хаш и Кадиш. Немцы били заключенных, грабили и всех увозили в Понары.

Шестого сентября в 6 часов утра тысячи немцев под руководством гебитскомиссара Финкса, Мурера, Швейхенберга, Мартина Вайсса и других оцепили город, ворвались в еврейские дома, приказали взять только то, что можно унести в руках, и выйти на улицу. Тогда нас увели в гетто. Когда шли по той улице, где я был (это была улица Вилкомировская), я увидел, что немцы привезли больных евреев из госпиталей. Они были еще в синих халатах. Их всех поставили, а впереди

[271] Франц Мурер (1912 – 1994) – австрийский нацист. Обершарфюрер СС. В 1941-1943 заместитель окружного комиссара г. Вильнюса. В 1948 советским судом был осуждён к 25 годам лишения свободы. В 1955 передан Австрии.

[272] Ноах Прилуцкий (1882 — 1941) - журналист, политический деятель, филолог. Писал на идиш. Умер в результате пыток в немецкой тюрьме.

[273] Выгодский Яков Иехильевич (Ефимович) (1857 — 1941) — российский и литовский врач, еврейский общественный и политический деятель. Умер в немецкой тюрьме.

ехал немецкий кинооператор и снимал эту картину.

Но я должен сказать, что не все евреи были загнаны в гетто. Финкс это сделал умышленно. Одну улицу он загнал в гетто, а другую в Понары. В Вильно раньше немцы сделали два гетто. В первом гетто было 29 тысяч евреев, а во втором гетто 15 тысяч. Приблизительно половина еврейского населения в Вильно не дошла до гетто, была расстреляна раньше. Я помню, когда мы зашли в гетто...

Смирнов: Правильно ли я вас понял, что до организации гетто половина евреев в Вильно была уничтожена?

Суцкевер: Да, правильно. Когда я пришел в гетто, я увидел такую картину. Мартин Вайсс зашел с маленькой еврейской девочкой. Когда мы пошли дальше, он вытащил револьвер и застрелил ее. Имя этой девочки Гителе Тарло.

Смирнов: Скажите, сколько лет было девочке?

Суцкевер: Одиннадцать. Я должен сказать, что гетто немцы сделали только потому, чтобы легче было уничтожать население. Начальником гетто был референт по еврейским делам Мурер. Он давал всякие дикие распоряжения. Например, евреям нельзя было носить часы. Евреям нельзя молиться в гетто. Когда заходит немец в гетто, нужно снять шапку, но нельзя смотреть на него.

Смирнов: Это было официальное распоряжение?

Суцкевер: Да, от Мурера

Смирнов: Эти распоряжения были расклеены?

Суцкевер: Да, в гетто. Тот же Мурер, когда заходил в гетто, туда, где работали для него, давал распоряжение, чтобы все работники падали на землю и лаяли, как собаки. В судный день в 1941 году Швейхенберг и та же зондеркоманда ворвались во второе гетто и выхватили всех стариков, которые были в синагогах, и увезли в Понары. Я помню один день, когда Швейхенберг пришел в это второе гетто и ловцы хватали евреев.

Смирнов: Что значит «ловцы», свидетель?

Суцкевер: Это те из зондеркоманды, которые хватали евреев. Их называли ловцами.

Смирнов: Значит, это солдаты зондеркоманды, которых население называло ловцами?

Суцкевер: Да, правильно. Эти ловцы вытаскивали евреев из подвалов и хотели их увести. Но евреи уже знали, что никто не придет обратно, и не хотели идти. Тогда Швейхенберг начал стрелять в население гетто. Около него, помню точно, стояла большая собака. И когда эта собака услышала эту стрельбу, она наскочила на Швейхенберга и начала грызть ему горло, как будто бы она всбесилась. Тогда Швейхенберг убил эту собаку и сказал, чтобы евреи похоронили эту собаку и плакали над гробом. Да, действительно, мы тогда плакали, что в земле лежит не Швейхенберг, а эта собака.

В конце декабря 1941 года в гетто стало известно распоряжение, что женщинам-еврейкам нельзя рожать.

Смирнов: Я прошу вас сообщить, свидетель, в какой форме бьто сделано немецко-фашистскими властями это распоряжение.

Суцкевер: в госпиталь пришел Мурер и сказал, что пришло распоряжение из Берлина, что еврейским женщинам нельзя рожать, и если они узнают, что еврейская женщина родила ребенка, то этот ребенок будет уничтожен.

В конце декабря моя жена родила мальчика. Я тогда в гетто не был, а убежал во время одной резни, или, как их называют, акции. Когда я пришел, я узнал, что в госпитале в гетто моя жена родила ребенка. Но я увидел, что этот госпиталь окружен немцами и стоит черная машина. Около машины стоит Швейхенберг, и эти самые ловцы несут из госпиталя стариков и больных и бросают их, как дрова, в автомобиль. Между ними я увидел еврейского писателя и редактора Гроднинского, которого бросили в автомобиль.

Когда вечером немцы ушли, я зашел в госпиталь и увидел мою жену заплаканной. Оказалось, что когда она родила ребенка, то еврейские врачи из этого госпиталя уже имели распоряжение, что еврейским женщинам нельзя рожать. Врачи этого ребенка вместе с другими спрятали в одну комнату. Но когда зашла эта комиссия с Мурером, они услышали, что там плачут дети. Они вырвали дверь, и зашли в эту комнату. Когда моя жена услышала, что вырвали дверь, то она сразу вскочила, чтобы увидеть, что с ребенком. И она увидела, что один немец держит ребенка и кладет ему что-то под нос, а потом бросил его на кровать и смеется. Когда моя жена взяла ребенка, под носом у него было черное. И когда я зашел в госпиталь, то увидел моего ребенка мертвым. Он был немного еще теплым.

На второй день я пришел к матери в гетто и увидел, что комната пуста. На столе — открытый молитвенник и недопитый стакан чая. Я узнал, что ночью немцы окружили этот двор и всех взяли и направили в Понары. В последние дни декабря в 1941 году Мурер сделал «подарок» для гетто. В гетто приехала подвода с обувью с мертвых евреев, расстрелянных в Понарах. Эту старую обувь он отослал из Понар в подарок в гетто, и тогда среди этой обуви я узнал туфли моей матери.

Скоро было совсем уничтожено второе гетто, и в немецких газетах в Вильно было написано, что евреи из этого района вымерли от эпидемии.

23 декабря ночью приехал Мурер и раздал населению 3 тысячи желтых билетов, так называемых «Ausweise[274]». Владельцы этих 3 тысяч желтых билетов имели право прописать у себя родных, приблизительно 9 тысяч человек, а в гетто было тогда приблизительно от 18 до 20 тысяч. Те, которые имели эти желтые бумажки, утром вышли на работу, а в отношении остальных, которые были в гетто и не имели этих бумажек, началась резня в самом гетто. Убивали тех, кто не хотел идти на смерть. Остальных увезли в Понары.

У меня даже есть документ о еврейских одеждах в Понарах, который я нашел после освобождения города Вильно. Если этот документ интересен, я могу

[274] «Удостоверения» (нем.)

его показать.

Председатель: У вас имеется этот документ?

Смирнов: Я тоже не знаю этот документ господин председатель.

Суцкевер: [*Продолжая*] Этот документ гласит следующее, я прочту несколько строчек.

[*Свидетель зачитал документ на немецком языке и только часть из него была переведена. Позже он был идентифицирован как документ СССР-444(1)*]

Смирнов: Свидетель, поскольку вы огласили какой-то документ, вы обязаны передать его суду, ибо мы в противном случае будем лишены возможности судить об этом документе.

Суцкевер: Пожалуйста.

Председатель: Скажите нам, прежде всего, где был найден этот документ?

Суцкевер: Я нашел этот документ в гебитскомиссариате города Вильно в июле 1944 года, когда наш город уже был очищен от немецких захватчиков.

Председатель: Где вы говорите его нашли?

Суцкевер: В здании окружного комиссара Вильно на улице Гедиминиса.

Председатель: Вы хотите сказать, что это здание было занято немцами?

Суцкевер: Там был гебитскомиссариат, там жили Ганс Финкс и Мурер.

Председатель: Что же, прочитайте часть документа, которую вы сейчас прочитали, мы это не услышали.

Суцкевер: Конечно.

> «Телефон 19-36. Вильно, 3 ноября 1941 г. Господину гебитскомиссару Вильно. По вашему приказу наше заведение в настоящее время дезинфицирует все старые еврейские платья из Понар и передает их управлению Вильно».

Председатель: Пожалуйста, вы его передадите?

Смирнов: Свидетель, вы сказали о том, что в период начала немецкой оккупации в Вильно было 80 тысяч евреев. Сколько евреев осталось после оккупации Вильно?

Суцкевер: После оккупации Вильно осталось приблизительно 600 человек.

Смирнов: Значит, 79 400 человек были уничтожены?

Суцкевер: Да.

Смирнов: У меня нет больше вопросов к свидетелю, господин председатель.

Председатель: Хотят ли задать вопросы свидетелю другие обвинители?

Максвелл-Файф: Вопросов нет.

Додд: Вопросов нет.

Председатель: Желают ли защитники задать вопросы? Нет? В таком случае свидетель свободен.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Председатель: Да, полковник Смирнов.
Смирнов: Господин председатель, я хочу изменить план своего выступления и пока отложить главу своего выступления под названием «религиозное преследование», к которому я вернусь немного позже. Я хочу с вашего разрешения перейти к тому разделу моего доклада, который озаглавлен «эксперименты над живыми людьми». Это страница 47 русского текста.

Перед тем как огласить эту часть своего заявления, я хочу процитировать короткие отрывки из документа, который пока не оглашался под протокол нашими коллегами из Соединённых Штатов, потому что основная часть этого документа относится к экспериментам, которые были подробно описаны обвинением Соединённых Штатов с помощью других документов. Это документ под номером PS-400 (документ СССР-435). Он касается опытов доктора Рашера. Он представлен трибуналу как фотокопия, которая включает серию документов. Я процитирую два абзаца только из документа номер PS-400. Эти две копии свидетельствуют об интересе доктора Рашера к лагерю Аушвиц. Этот фрагмент находится на странице 149 документальной книги, последний абзац:

> «Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать с Неффом[275] в Аушвиц, где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмораживаний, происшедших на суше... Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Кроме того, это будет меньше привлекать к себе внимание (испытуемые кричат, когда замерзают).
>
> Если уважаемый рейхсфюрер в наших интересах ускорит важные для армии опыты в Аушвице (Люблине[276] или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.
>
> С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер! Всегда преданный вам З. Рашер».

Я хочу напомнить трибуналу о том, что это тяготение доктора Рашера к лагерю Аушвиц (я напоминаю суду, что Аушвиц — это центральное отделение лагеря вокруг города Освенцима), конечно, не было случайным. Именно в Освенциме были развернуты опыты, значительно превышающие масштабы опытов в Дахау и других концлагерях империи. Там проводились весьма жестокие эксперименты над людьми.

---

[275] Вальтер Нефф (1909-1960) – заключенный лагеря Дахау. Являлся капо и в лагере и ассистентом в экспериментах З. Рашера.
[276] Майданек, также концентрационный лагерь Люблин — лагерь смерти Третьего Рейха на окраине польского города Люблина.

К материалам дела уже приобщено под номером СССР-8 сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. Вводная часть этого доклада содержит следующий фрагмент, который члены трибунала найдут на странице 156 книги документов. Я читаю только один абзац:

«В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдения; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что наибольшим развитием в лагере пользовались опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин. Для производства опытов по наиболее эффективным приемам стерилизации и кастрации были выделены специальные массовые блоки лагеря.

Я зачитаю два коротких фрагмента из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии, которые трибунал найдет на обороте страницы 196 книги документов, абзац 5. Я цитирую:

«В больничных отделениях лагеря Аушвиц проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки».

Я опускаю три предложения и приступаю к цитате:

«В блоке номер 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман[277] и врач Деринг[278]. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования».

Я прошу трибунал разрешить мне, для доказательства объема опытов

[277] Хорст Шуман (1906-1983) – немецкий медик проводивший эксперименты стерилизации и кастрации в концентрационном лагере Освенцим. После войны скрывался в странах Африки. В 1970 выдан ФРГ, в 1972 уголовное преследование прекращено в виду состояния здоровья.

[278] Владислав Деринг (1903 – 1965) – польский врач. В 1940-1944 заключённый концентрационного лагеря Освенцим.

огласить краткие извлечения из показаний голландского подданного Де Винда. Они содержатся в документе под номером СССР-52 уже представленного суду. Я не читаю показания полностью, а только привожу статистику, которую трибунал может найти на обороте страницы 203 книги документов, последний абзац, первый столбец. Повторяю, что эти цифры касаются только одного блока, блока номер 10. В этом блоке содержались следующие женщины:

> «50 женщин разных национальностей, прибывших в марте 1943 года; 100 гречанок, прибывших в марте 1943 года; 110 бельгиек, прибывших в апреле 1943 года; 50 француженок, прибывших в июле 1943 года; 40 голландских женщин, прибывших в августе 1943 года; 100 голландских женщин, прибывших 15 сентября 1943г.; 100 голландских женщин, прибывших неделей позднее, и 12 полячек».

Далее я процитирую отрывок из заявления доктора Де Винда, которое также ранее представлено трибуналу как экземпляр номер СССР-52. Я цитирую ту часть заявления в которой он говорит об экспериментах проводившихся неким профессором Шуманом. Господа судьи найдут этот фрагмент на странице 204 книги документов, первый столбец текста, третий абзац:

> «Таким опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет, между прочим: Шимми Белла из города Салоники (Греция), Буэня Дора из города Салоники (Греция). Из 15 девушек остались в живых лишь несколько. Они находятся, к сожалению, во власти немцев, вследствие чего об этих зверских опытах у нас нет объективных данных. Несомненно следующее. Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем, один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах. Фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали. Из-за неправильной дозировки на животе и ягодицах появлялись серьезные ожоги. Одна девушка от таких страшных поражений умерла; других девушек отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы.
>
> Через месяц они вернулись в Освенцим. В Освенциме им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперек, причем удалили половые органы для исследования их состояния. Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух».

На этом я заканчиваю цитату.

Опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин производились в Освенциме в массовом масштабе начиная с 1942 года; при этом через определенный период после стерилизации мужчины кастрировались для специального исследования тканей.

Подтверждение этому мы находим в сообщении Чрезвычайной

государственной комиссии по Освенциму, где, в частности, приведены многочисленные показания отдельных узников лагеря, подвергшихся этим операциям. Трибунал найдёт фрагмент который я хочу зачитать на странице 197 книги документов, второй абзац, второй столбец текста. Я цитирую два абзаца:

Подвергшийся экспериментам Валигура сообщил:

«Спустя несколько дней после того как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, то есть 1 ноября 1943 г., я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек».

Свидетель Сурес Давид из города Салоники (Греция) дал следующие показания:

«Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была произведена операция — кастрация».

Мне кажется, не случайно, что опыты над людьми начались именно стерилизацией и кастрацией. Это было естественным продолжением «теоретических» установок немецкого фашизма о прекращении деторождения у народов, которых они считали покоренными. Это было частью гитлеровской «техники обезлюживания», и в подтверждение этого я хотел бы привести очень короткую цитату из книги Раушнинга «Голос разрушения» которая уже представлена трибуналу. Этот фрагмент ещё не оглашался под протокол и трибунал найдёт его на странице 207 книги документов.

Гитлер говорил Раушнингу:

«Под словом «уничтожить» я не имею в виду непременное истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения».

Я пропускаю следующие три предложения и цитирую ещё одно предложение.

«Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уже во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов».

Этот фрагмент находится на странице 137 оригинала книги.

Стерилизация и кастрация широко вошли в преступную практику гитлеровцев в оккупированных ими странах Восточной Европы. Я прошу разрешения трибунала обратить его внимание на эти два документа.

Председатель: Полковник Смирнов наверное будет удобное время, чтобы прерваться.

Трибунал хочет знать, как долго вы думаете продолжать до завершения своего выступления.

Смирнов: Мне кажется, господин председатель, что я закончу презентацию доказательств сегодня.

Я хочу, чтобы трибунал позволил мне сегодня опросить ещё трёх свидетелей и у меня есть час на чтение. Но мне очень сложно определить точное время, так как это зависит от других факторов, известных вам, которые могут вынудить меня изменить мои планы.

Председатель: Мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Смирнов: Я прошу у суда разрешение привлечь его внимание к документу под номером СССР-400. Это два очень коротких немецких документа, фотостаты которых заверены Государственной чрезвычайной комиссией. Речь идет об отношениях начальника отделения полиции безопасности лейтенанта Франка об условиях, при которых некая цыганка Люция Страздынш имеет право жить в городе Либаве.

> «10 декабря 1941 г.
>
> «Отделение полиции безопасности города Либавы. Бургомистру города Либавы.
>
> Решено, что цыганка Люция Страздынш имеет право здесь жить только в том случае, если она подвергнется стерилизации. Объявить ей об этом и доложить о результатах.
>
> Франк — лейтенант полиции безопасности и начальник отделения полиции безопасности».

Второй документ—это отношение бургомистра города Либавы Г. Граудса начальнику отделения полиции безопасности. Текст:

> «Пересылая обратно ваше отношение от 10 декабря 1941 г. о стерилизации цыганки Люции Страздынш, сообщаю, что упомянутая особа 9 января с. г. стерилизована в местной больнице. Соответствующее письмо номер 850 от 12.12.42 из госпиталя прилагается».

Для доказательства объема опытов над живыми людьми, производившихся в Освенциме, я прошу уважаемых судей обратиться к содержанию сообщения

Чрезвычайной государственной комиссии по Освенциму. Фрагмент, который я хочу процитировать, члены трибунала найдут на странице 197 книги документов, первый столбец, второй абзац. Здесь сказано о том, что в делах лагеря был обнаружен статистический обзор коменданта лагеря. Он подписан заместителем коменданта лагеря Селла. В нем имеется графа; « Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится: «Подопытных женщин на 15 мая 1944 г. — 400 человек, на 5 июня —413 человек, на 19 июня —400 человек...» и т. д.

Я хочу закончить эту главу об экспериментах на живых людях, следующим: Я позволю себе процитировать заключение судебно-медицинской экспертизы, извлечение из которого содержится в том же сообщении о лагере Освенцим. Члены трибунала могут найти отрывок который я хочу процитировать на странице 197 книги документов, первый столбец, абзац 5. Я опускаю часть, которая относится к стерилизации и кастрации, потому что я думаю, что этот вопрос достаточно раскрыт. Я процитирую только пункты 4, 6 и 7 заключения, указывающего на то, что в Освенциме:

> «Производилось изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Клауберг[279] из Кёнигшютте и химик Гебель[280] специально закупили у администрации лагеря 150 женщин.
>
> Я опускаю пункт 5 и цитирую пункт 6:
>
> «В лагере производились также опыты над мужчинами для установления действия раздражающих химических веществ на кожу голени с целью искусственно вызывать язвы и флегмоны.
>
> Производился и ряд других опытов, таких, как искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д».

Я опускаю следующие три страницы своего выступления, которые приводят примеры этих экспериментов. Я хочу только обратить внимание трибунала на другие преступления немецких врачей и в частности, на уничтожение пациентов психиатрических больниц. Я не собираюсь цитировать все примеры, которые трибунал найдёт в сообщении Чрезвычайной государственной комиссии, а задержусь только на одном преступлении. Я цитирую абзац из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по городу Киеву, который члены трибунала найдут на странице 212 документальной книги, первый столбец, абзац 6:

«14 октября 1941 г. в психиатрическую больницу во главе с немецким

---

[279] Карл Клауберг (1898 - 1957) — немецкий врач, проводивший медицинские эксперименты над людьми в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны. Он работал с Хорстом Шуманом и проводил эксперименты рентгеновской и медикаментозной стерилизации в Освенциме. Был осуждён в 1948 году в СССР. В 1955 передан ФРГ, вновь арестован, умер в ожиданни суда.

[280] Йоханнес Гебель (1891 – 1945) – немецкий химик. Ассистент К.Клауберга в опытах в Освенциме.

гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 г.»

Далее, в тексте сообщения Чрезвычайной государственной комиссии указывается на проверенное и подтвержденное расследованием заявление профессора Копыстынского, врача Дзевалтовской и медицинской сестры Троепольской. Я представляю под номером СССР-249 фотостат этого заявления. Привожу некоторые извлечения из этого документа:

«Во время немецкой оккупации города Киева Киевской психиатрической больнице пришлось пережить трагические дни, закончившиеся полным разгромом и уничтожением больницы. Произошло небывалое в истории насилие над несчастными душевнобольными».

Я опускаю следующую часть и цитирую далее:

«В течение 1941-1942 было убито 42800 пациентов».

Я опускаю следующие два абзаца и читаю:

«7 января 1942 г. прибыло в больницу Гестапо. Везде на территории больницы были расставлены часовые. Вход и выход из больницы был запрещен. Представитель Гестапо потребовал отобрать хронических больных для отправки в Житомир».

Я пропускаю следующее предложение.

«Что ожидало больных, тщательно скрывалось от медперсонала. Затем в больницу прибыли машины. В эти машины начали вталкивать больных, приблизительно по 60-70 человек в каждую, тут'же их умерщвляли и трупы вбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжансь несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных. Больные, способные понимать, что происходит, вскоре узнали истину. Наблюдались душераздирающе картины. Так, молодая девушка, больная Я., несмотря на все усилия врача, поняла, что ее ожидает смерть, вышла из палаты, обняла врача и тихо спросила: «Это конец?» Бледная, как смерть, направилась к карете и, отказавшись от помощи, вошла в нее. Весь персонал был предупрежден, что какая-либо критика и выражение неудовольствия совершенно недопустимы и будут рассматриваться как саботаж».

Я процитирую ещё одно предложение из этого сообщения:

«Характерна подробность, что это беспримерное по гнусности убийство происходило в день рождества, когда немецким солдатам раздавались елки и на пряжках поясов исполнителей красовалась

надпись — с нами бог».

Этим я заканчиваю свою цитату.

Думаю, возможно, опустить следующие четыре страницы моей речи, потому что они касаются схожих случаев убийства психически больных пациентов в других частях страны. Схожие методы использовались для этих убийств как те, что использовались в Киеве. Я прошу суд принять в качестве доказательства фотостаты трех немецких документов, заверенных Чрезвычайной комиссией, которые свидетельствуют о том, что для оформления убийства душевнобольных немецкими фашистами были выработаны специальные стандартные формы документов.

Представляю эти документы. Первый из них — под номером СССР-397. Члены трибунал найдут его на странице 218 книги документов. Я цитирую текст документа:

«Бюро гражданских записей города Рига».

Я опускаю следующий абзац.

«Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29 января 1942 г. Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Второй документ представляется под номером СССР-410. Это — отношение командующего полицией безопасности и СД Латвии за номером 357/42g, датированное 28 мая 1942 г. Цитирую один абзац из документа:

«Настоящим удостоверяю, что поименованные в прилагаемом списке 243 неизлечимых душевнобольных умерли 14 апреля 1942 г. Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Третий документ представляю под номером СССР-398. Это— отношение начальника полиции безопасности и СД Латвии, датированное 15 марта 1943 г. Оглашаю один абзац из текста этого документа:

«Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 98 неизлечимых душевнобольных умерли 22 октября 1942 г. Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Я думаю, что также могу опустить полторы страницы своего выступления, но я прошу трибунал принять в качестве доказательства следующий документ без его оглашения, в качестве подтверждения экспериментов проводившихся на живых людях. Я представляю документ под номером СССР-406, материалы об экспериментах в другом лагере, в Равенсбрюке[281]. Это — материал исследований польской комиссии по расследованию преступлений. Здесь очень характерные снимки. Я воздерживаюсь от их комментирования.

---

[281] Равенсбрюк — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни, сейчас ставшей частью города Фюрстенберг. Существовал с мая 1939 до конца апреля 1945 года. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». Крупнейший женский концентрационный лагерь нацистов. Количество зарегистрированных заключённых за всё время его существования составило более 130 тысяч человек.

Я прошу разрешения трибунала вызвать в качестве свидетельницы полячку Шмаглевскую для дачи ею показаний только в отношении одного вопроса, отношения немецких фашистов к детям в концентрационных лагерях. Председатель разрешает мне вызвать эту свидетельницу?

Председатель: Да, пожалуйста.

[*Свидетельница Шмаглевская занимает место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, назовите ваше имя.
Шмаглевская: Северина Шмаглевская.
Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Настоящим я клянусь перед богом – всемогущим – что я не скажу трибуналу ничего кроме правды – не скрывая ничего известного мне – да поможет мне бог, аминь».

[*Свидетель повторяет слова присяги*]

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, вы были узницей лагеря Освенцима?
Шмаглевская: Да.
Смирнов: В течение какого времени вы находились в Освенциме?
Шмаглевская: С 7 октября 1942 г. до января 1945 года.
Смирнов: Чем подтверждается, что вы были узницей этого лагеря?
Шмаглевская: У меня есть номер, вытатуированный на моей руке, здесь [*Показывает*].
Смирнов: Это то, что узники Освенцима называли «визитной карточкой»?
Шмаглевская: Да.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетельница, вы были очевидцем отношения эсэсовцев к детям в Освенциме?
Шмаглевская: Да.
Смирнов: Я прошу вас рассказать об этом.
Шмаглевская: Я могу рассказать о детях, которые родились в концентрационном лагере, о детях, которые были привезены в лагерь с еврейскими транспортами и которых вели прямо в крематорий, а также о детях, которые были привезены в лагерь как интернированные. Уже в декабре 1942 года, когда я шла на работу за 10 километров от Биркенау...
Смирнов: Простите, я вас перебью. Вы были в отделении Биркенау?
Шмаглевская: Да, я была в лагере Биркенау. Это часть лагеря Освенцима, которая называлась Освенцим-2.
Смирнов: Пожалуйста, продолжайте.
Шмаглевская: Тогда я заметила женщину, которая была беременной на последнем месяце. Это было видно по ней. Эта женщина вместе с другими шла 10 километров

к месту своей работы и там работала весь день с лопатой в руках по раскопке траншей. Она уже была больна. Она попросила мастера-немца, штатского немца, чтобы он разрешил ей отдохнуть. Он на это не согласился, смеялся и вместе с другими эсэсовцами начал бить ее и очень сурово надзирать за ней при работе. Таково было положение всех женщин, которые были беременны. Только в последнюю минуту им разрешалось не идти на работу. Новорожденных еврейских детей уничтожали немедленно.

Смирнов: Я прошу извинить меня, свидетель, что значит немедленно? Когда это было?

Шмаглевская: Их сразу же забирали у их матери.

Смирнов: Когда прибывал транспорт?

Шмаглевская: Нет, я говорю о детях, которые родились в лагере. Через несколько минут после рождения ребенка отбирали у матери, и мать больше никогда не видела его. По истечении нескольких дней мать снова шла на работу. В 1942 году не было еще отдельных бараков для детей. В начале 1943 года, когда начали татуировать заключенных, дети, которые были рождены в концлагере, также татуировались. Номер вытатуировывали на ноге.

Смирнов: Почему на ноге?

Шмаглевская: Потому что ребенок очень мал, и номер, состоящий из пяти цифр, не поместился бы на маленькой ручонке. Дети не имели отдельных номеров, у них были те же номера, которые имели взрослые. Дети помещались в отдельном блоке, и через несколько недель, а иногда через месяц они увозились из лагеря.

Смирнов: Куда?

Шмаглевская: Нам никогда не удавалось узнать, куда увозили детей. Их увозили в течение всего времени существования этого лагеря, то есть в 1943 и 1944 гг. Последний транспорт детей был вывезен в январе 1945 года. Это не были исключительно польские дети, так как известно, что в Биркенау были женщины со всей Европы. И до сегодняшнего дня неизвестно, живы эти дети или нет.

Я бы хотела от имени женщин всей Европы, которые становились матерями в концлагерях, спросить сегодня немцев: где находятся эти дети?

Смирнов: Скажите, свидетель, были ли вы очевидцем фактов, когда детей отправляли в газовые камеры?

Шмаглевская: Я работала очень близко от железнодорожной ветки, которая вела в крематорий. Иногда по утрам я проходила возле помещения немецкого клозета, откуда я тайно могла присматриваться к транспортам. Тогда я видела, что вместе с евреями, которых привозили в концлагеря, приезжало много детей. Иногда в семье имелось несколько детей. Трибунал, вероятно, знает, что перед крематорием имел место отбор — селекция.

Смирнов: Селекция производилась врачами?

Шмаглевская: Не всегда врачами, но и эсэсовцами.

Смирнов: Но и врачами в том числе?

Шмаглевская: И врачами. Во время этой селекции самые молодые и самые здоровые еврейки в очень малом количестве входили в лагеря. Те женщины, которые несли

детей на руках или везли в колясках или которые имели более взрослых детей, вместе с этими детьми посылались в крематорий. Детей отделяли от родителей перед крематорием и вели их отдельно в газовую камеру.

В то время, когда больше всего евреев уничтожалось в газовых камерах, вышло распоряжение, что детей будут бросать в печи крематория без того, чтобы их раньше задушить газом.

Смирнов: Как следует вас понимать: их бросали в огонь живыми или перед сожжением их убивали другими способами?

Шмаглевская: Детей бросали живыми. Крик этих детей был слышен во всем лагере. Трудно сказать, сколько было этих детей.

Смирнов: Почему же все-таки это делалось? Не были ли газовые камеры перегружены?

Шмаглевская: На это трудно ответить. Не знаю, потому ли, что они желали сэкономить газ, или потому, что не было места в газовых камерах.

Я хотела бы еще сказать, что нельзя определить число этих детей, например число евреев, так как их везли прямо в крематорий. Они не были зарегистрированы, не были татуированы, очень часто их даже не считали. Мы, заключенные, которые хотели знать количество людей, погибших в газовых камерах, могли ориентироваться только по тому, что мы узнавали о количестве детских смертей по числу колясок, которые были отправлены в магазины. Иногда были сотни колясок, иногда тысячи.

Смирнов: В день?

Шмаглевская: Не всегда одинаково. Были дни, когда газовые камеры работали с ранних часов утра до позднего вечера.

Я хотела бы еще сказать о тех детях, которые были в немалом количестве привезены в концентрационный лагерь в качестве заключенных. В начале 1943 года в концлагерь вместе с родителями приехали польские дети из Замойщины. Одновременно начали прибывать русские дети из областей, оккупированных немцами. Потом прибыло еще небольшое количество еврейских детей. В меньшем количестве можно было встретить в концлагере итальянских детей. Положение детей было столь же тяжелым, как и положение всех остальных заключенных, может быть, даже более тяжелым. Эти дети не получали никаких посылок, так как их никто не мог посылать. Посылки Красного Креста никогда не доходили до заключенных. В 1944 году в лагерь стали прибывать в большом количестве итальянские и французские дети. Все эти дети были больны экземой, лимфатическими нарывами, страдали от голода, были плохо одеты, часто были без

обуви и не имели возможности мыться.

Во время Варшавского восстания[282] в лагерь привезли заключенных детей из Варшавы. Самым маленьким из этих детей был мальчик шести лет. Дети были помещены в отдельный барак. Когда начался систематический вывоз заключенных из Биркенау вглубь Германии, этих детей использовали для тяжелых работ. В то же время в лагерь прибыли дети венгерских евреев, которые работали вместе с детьми, привезенными после Варшавского восстания. Эти дети работали на двух возах, которые они собственной силой должны были везти. Они перевозили из одного лагеря в другой уголь, железные машины и другие тяжелые предметы. Они работали также при разборке бараков во время ликвидации лагеря. Эти дети оставались в лагере до самого конца. В январе 1945 года они были эвакуированы и должны были идти пешком в Германию в таких же тяжелых условиях, как двигался фронт, под охраной эсэсовцев, без пищи, проходя около 30 км в день.

Смирнов: Во время этого марша дети умирали от истощения?

Шмаглевская: Я не была в той группе, в которой были дети, я бежала на второй день после того, как начался этот марш.

Я хотела бы еще сказать о методах деморализации человека в лагере. Все то, что переживали заключенные, было результатом системы унижения человека.

Вагоны, в которых заключенные прибывали в лагерь, были для скота, и на время, когда транспорт двигался, эти вагоны забивались гвоздями. В каждом из вагонов было много людей. Конвой, состоявший из эсэсовцев, не думал о том, что люди имеют физиологические потребности.

Так, некоторое время я работала на складе, куду поступали кухонные принадлежности заключённых.

Смирнов: Вы имеете в виду, что работали на складе, куда доставлялось имущество убитых. Я правильно вас понял?

Шмаглевская: Нет, только кухонные принадлежности тех, кто прибывал в концентрационный лагерь доставлялись на этот склад.

Смирнов: Эти вещи у них забирали?

Шмаглевская: Я хочу сказать о том, что в некоторых случаях кухонные принадлежности и кастрюли содержали пищу, а иногда там были человеческие экскременты. Каждый из работников получал ведро воды и должен был вымыть много этих кухонных принадлежностей за половину дня. Эти кухонные принадлежности, которые иногда были очень плохо помыты, давали людям, которые только, что прибыли в концентрационный лагерь. Из этих кастрюль и сковородок они должны были есть, таким образом, часто они подхватывали дизентерию и другие болезни с самого первого дня.

Председатель: Полковник Смирнов, я не думаю, что трибуналу нужны такие

[282] Варшавское восстание — восстание против Третьего рейха в Варшаве с 1 августа по 2 октября 1944 года, организованное командованием Армии Крайовой (АК) и представительством польского правительства в изгнании

подробности по вопросам хозяйства.

Смирнов: Свидетельница была вызвана сюда с учётом описания отношения немцев к детям в лагерях.

Председатель: Вы постараетесь держать её в рамках показаний, которые вы хотите предъявить?

Смирнов: Что вы можете еще сказать об отношении к детям в лагере? Вы осветили в своих показаниях все факты, известные вам по этому поводу?

Шмаглевская: Я хотела бы сказать, что дети подвергались той же системе деморализации и унижения, как и взрослые, путем голода, причем голод доводил до того, что дети искали среди помоев и грязи картофельную шелуху.

Смирнов: Скажите, вы подтверждаете свои показания тем, что иногда количество колясок, оставшихся в лагере после умерщвления детей, доходило до тысячи в день?

Шмаглевская: Да, были такие дни.

Смирнов: Господин председатель, я больше не имею вопросов к свидетелю.

Председатель: Хочет ли кто-нибудь из других главных обвинителей задать вопросы свидетелю?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Хочет ли кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: В таком случае свидетель может считать себя свободным.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Смирнов: Господин председатель. Я хотел бы перейти к следующему разделу моего доклада, посвященному тайным пунктам, созданным германским фашизмом для уничтожения людей. Это — не концлагеря, потому что пребывание людей в этих пунктах, как правило, исчислялось периодом от нескольких десятков минут до двух часов. Из числа этих зловещих пунктов, созданных германским фашизмом, я хотел бы привести суду доказательства по двум: в деревне Хелмно (Польша) и в Треблинском лагере. В связи с этим я прошу суд о вызове одного из свидетелей. Этот свидетель представляет интерес уже потому, что это, собственно, человек «с того света», ибо дорога в Треблинку называлась немецкими палачами «дорогой на небо». Я говорю о свидетеле Ройзмане[283], польском гражданине, и прошу разрешения вызвать его в качестве свидетеля и допросить.

---

[283] Самуил Ройзман (1902 – 1979) – польский бухгалтер и переводчик. В 1942-1943 заключённый концентрационного лагеря Треблинка.

Председатель: Сейчас почти четверть первого, поэтому лучше, чтобы свидетель был в 2 часа. Сейчас мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал проинформирован о том, что свидетель на которого вчера ссылались, Вилен, находится в лагере военнопленных или в тюрьме рядом с Лондоном, Англия, и поэтому может быть доставлен сюда для допроса в короткий срок. Таким образом трибунал желает, чтобы защитники обдумали желают ли они, чтобы полковник Вестхоф и этот человек Вилен были доставлены сюда в ходе дела обвинения для перекрёстного допроса этих свидетелей или же они предпочтут, чтобы их доставили, когда подсудимые будут представлять свои дела. Но как, я говорил в отношении всех свидетелей, они могут быть вызваны только один раз. Если они подлежат допросу в качестве части дела обвинения, тогда все подсудимые должны осуществить своё право, если они хотят это сделать. Если же, с другой стороны, свидетеля следует вызвать в ходе дел подсудимых, тогда, таким же образом, свидетели будут вызваны только один раз, и должно быть реализовано право их допроса.

В то же время, заявление или доклад, который был вчера представлен и о допустимости которого распорядился трибунал будет оглашен в ходе дела обвинения в то время, когда решит обвинение.

Нельте: Господин председатель, можно разрешить отложить выступление для обсуждения со своими коллегами. Я надеюсь, это будет возможно этим вечером.

Председатель: Я понял, что вы хотите проконсультироваться с другими защитниками, перед тем как дать нам знать. Очень хорошо, дайте нам знать, когда вам будет удобно. Продолжайте, полковник Смирнов.

Смирнов: Господин председатель, я хочу приступить к допросу свидетеля.

[*Свидетель Ройзман занимает место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?

Ройзман: Ройзман Самуил.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Настоящим я клянусь перед богом – всемогущим – что я не скажу трибуналу ничего кроме правды – не скрывая ничего известного мне – да поможет мне бог, аминь».

[*Свидетель повторяет слова присяги*]

Председатель: Вы можете сесть.
Смирнов: Скажите, свидетель Ройзман, чем вы занимались до войны?
Ройзман: До войны я работал бухгалтером в экспортной фирме.
Смирнов: Когда и при каких обстоятельствах вы оказались узником Треблинки-2?
Ройзман: В августе 1942 года меня увели из Варшавского гетто.
Смирнов: Сколько времени вы пробыли в Треблинке?
Ройзман: Я был в Треблинке один год, до августа 1943 года.
Смирнов: Таким образом, вам хорошо известны правила обращения с людьми, установленные в этом лагере?
Ройзман: Да. Я хорошо знаю их.
Смирнов: Я прошу вас описать трибуналу, что представляет собой этот лагерь.
Ройзман: Ежедневно туда приходили транспорты, по 3, 4, 5 поездов, наполненных исключительно евреями изЧехословакии, Германии, Греции и Польши. Немедленно после прибытия все люди в течение пяти минут выводились из поездов и должны были стоя ждать. Все те, кто покидал поезда, немедленно разделялись на группы: мужчины отдельно, женщины и дети тоже отдельно. Все должны были немедленно раздеваться донага, причем эта процедура проходила под нагайками немцев. Рабочие, которые там прислуживали, немедленно брали всю одежду и несли ее в бараки. Таким образом, люди голыми должны были проходить через улицу до газовых камер.
Смирнов: Я прошу вас сообщить суду, как называлась немцами эта дорога до газовых камер.
Ройзман: Эта улица называлась «Himmelfahrt[284]».
Смирнов: То есть, дорого в небо.
Ройзман: Да. Если суду интересно, я могу представить план лагеря Треблинка, который я нарисовал пока, там находился, и я могу показать трибуналу эту улицу на плане.
Председатель: Не думаю, что нужно приобщать план лагеря, если вы не считаете это нужным.
Смирнов: Да, я тоже думаю, что он не нужен. Скажите мне, пожалуйста, сколько времени жил человек, попадавший в Треблинский лагерь?
Ройзман: Вся процедура — раздевание и путь в газовую камеру — продолжалась для мужчин 8—10 минут, для женщин—15 минут. Для женщин 15 минут потому, что до того, как они шли в газовую камеру, им стригли волосы.
Смирнов: Зачем им стригли волосы?
Ройзман: По идее «господ», эти волосы должны были служить для изготовления матрацев для немок.
Председатель: Вы хотите сказать, что проходило только 10 минут с того времени,

[284] «Небесная дорога» (нем.)

когда их сгружали с поездов, до того времени, как их отвозили в газовые камеры?
Ройзман: Я уверен, что у мужчин это занимало не более десяти минут.
Смирнов: Включая и раздевание?
Ройзман: Да.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, люди привозились поездами или грузовиками?
Ройзман: Главным образом, привозились поездами. Только евреи из окрестных местечек и деревушек привозились на грузовиках. На грузовиках было написано «Expedition Speer[285]», приезжали они из Вайнгрова, Соколова.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, впоследствии какой вид имела станция Треблинка?
Ройзман: Вначале не было никаких надписей на станции. Но через несколько месяцев заместитель начальника лагеря Курт Франц[286] устроил первоклассную железнодорожную станцию с надписями. На бараках, где находилась одежда, были надписи: «буфет», «касса», «телеграф», «телефон» и т. д. Было даже печатное расписание прихода и ухода поездов на Гродно, Сувалки, Вену, Берлин.
Смирнов: Правильно ли я вас понял, что на станции Треблинка был устроен бутафорский вокзал с объявлениями о расписании поездов, с указаниями отправления поездов с платформы якобы на станцию Сувалки?
Ройзман: Когда люди выходили из поездов, у них действительно создавалось впечатление, что они находятся на хорошей станции, от которой путь идет в Сувалки, Гродно, Вену и т. д.
Смирнов: А что дальше происходило с людьми?
Ройзман: Этих людей прямо вели через улицу «Himmelfahrt» в газовые камеры.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, как вели себя немцы при умерщвлении людей в Треблинке?
Ройзман: Если дело идет об убийстве, то всякий из немецких надсмотрщиков имел свою специальность. Я вспоминаю только один пример. У нас был один шарфюрер Менц[287]. Его обязанность заключалась в надзоре над так называемым «лазаретом». В этом «лазарете» были убиты все слабые женщины и маленькие дети, у которых не хватало сил дойти до газовой камеры.
Смирнов: Может быть, свидетель, вы опишите трибуналу, как выглядел этот «лазарет»?
Ройзман: Это была часть площади, загороженная деревянной изгородью. Туда уводили всех женщин, стариков и детей. При входе в этот «лазарет» висел большой флаг Красного Креста. Менц, чьей специальностью было умерщвление всех людей,

---

[285] «Экспедиция Шпеер» (нем.)
[286] Курт Франц (1914 — 1998) — унтерштурмфюрер СС, сотрудник концлагерей Берген-Бельзен и Треблинка. После восстания в Треблинке в августе 1943 Франц возглавил подавление мятежа и отдал приказ о полном уничтожении всех евреев в лагере. После войны Франц был арестован и перевезён в Дюссельдорф, где 12 октября 1964 состоялся процесс по делу о преступлениях в Треблинке (англ.)русск.. 24 августа 1965 года решением суда был приговорён к пожизненному тюремному заключению. В 1993 освобождён досрочно.
[287] Вилли Менц (1904 – 1978) – унтершарфюрер СС. Сотрудник концлагеря Треблинка в 1942-1943. Немецким судом был приговорён к пожизненному заключению в 1965. Освобождён досрочно в 1978.

которых привозили в этот «лазарет», никому не уступал этой работы. Могли быть сотни людей, которые хотели знать и видеть, что с ними будет, но он никому не поручал этой работы, он хотел это делать только собственноручно.

Вот пример того, что случалось там с детьми. Привели из вагона десятилетнюю девочку с двухлетней сестрой. Когда старшая, десятилетняя девочка увидела, что Менц взял револьвер, чтобы убить ее двухлетнюю сестру, она бросилась к немцу с плачем, спрашивая, почему он хочет убить ее сестру, и он не убил ее, а живую бросил в огонь, а потом немедленно убил старшую сестру.

Был еще один пример. Привели одну пожилую женщину с дочерью. Она была в последней стадии беременности. Их привели в «лазарет», положили на траву и привели нескольких немцев, чтобы они были при рождении этого ребенка в лагере. Спектакль продолжался два часа. Когда ребенок родился, Менц спросил бабушку, то есть мать той женщины, которая родила, кого она предпочитает, чтобы убили раньше. Она сказала, что просит, чтобы ее убили. Но ясно, что сделали как раз наоборот: сначала убили только что рожденное дитя, потом мать ребенка, а потом бабушку.

Смирнов: Скажите, свидетель, знакомо ли вам имя — Курт Франц?

Ройзман: Это был заместитель начальника лагеря Штангля[288], самый большой убийца в лагере. Курт Франц стал оберштумбаннфюрером после штурмбаннфюрера, то есть получил более высокий чин за его доклад о том, что в январе 1943 года, в Треблинке был убит миллион евреев.

Смирнов: Я прошу вас, свидетель, если помните, рассказать о том, как Франц Курт убил женщину, которая называла себя сестрой Зигмунда Фрейда[289]?

Ройзман: Прибыл поезд из Вены. Я стоял на платформе, когда люди выходили из вагонов. Одна пожилая дама подошла к Курту, вынула какой-то документ и сказала, что она является родственницей или сестрой Зигмунда Фрейда. Она попросила, чтобы ей дали легкую работу в бюро. Франц очень серьезно просмотрел ее документы, сказал, что здесь, вероятно, какая-то ошибка, подвел ее к расписанию поездов и сказал, что через два часа будет поезд на Вену. Она может все свои драгоценности и документы оставить и должна пойти в баню, а после бани для нее будут приготовлены бумаги и билет в Вену. Ясно, что женщина в «баню» пошла, но оттуда уже не вернулась.

Смирнов: Скажите, свидетель, почему вы сами остались в живых?

Ройзман: Я стоял уже совершенно раздетый и должен был пройти через эту «Himmelfahrtstrasse». В моем транспорте прибыли 8 тысяч евреев из Варшавы. Но в последнюю минуту перед тем, как я очутился на этой улице, меня заметил инженер Галевский, то есть мой друг из Варшавы, которого я знал в течение нескольких лет.

---

[288] Франц Штангль (1908 — 1971) — нацистский военный преступник, гауптштурмфюрер СС, комендант концентрационных лагерей — Собибор, Треблинка. Немецким судом приговорён к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

[289] Зигмунд Фрейд (1856 — 1939) — австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог.

Он был надзирателем над рабочими среди евреев. Он сказал мне, чтобы я ушел назад с этой улицы. Так как там нужен был переводчик с иврита, французского, русского и польского на немецкий язык, то он воспользовался этим, чтобы получить разрешение оставить меня в живых.

Смирнов: Значит, вы были в составе рабочей команды лагеря?

Ройзман: Вначале моя работа состояла в том, что я должен был носить одежду убитых людей в вагоны. После того как я пробыл в лагере два дня, из города Венгерово привезли мою мать, сестру и двух братьев. Я должен был смотреть на то, как их вели в газовую камеру. Несколько дней спустя, когда я носил одежду в вагоны, мои товарищи нашли документы моей жены и фотографию жены и ребенка. Это все, что мне осталось от всей моей семьи — только фотография.

Смирнов: Скажите, свидетель, сколько человек ежедневно привозилось в Треблинский лагерь?

Ройзман: От июля до декабря 1942 года в среднем ежедневно прибывали три транспорта по 60 вагонов каждый. В 1943 году транспорты приходили реже.

Смирнов: Скажите, сколько в среднем человек в день уничтожалось в Треблинском лагере?

Ройзман: В среднем, я думаю, в Треблинке уничтожалось от 10 до 12 тысяч человек ежедневно.

Смирнов: В скольких газовых камерах происходило умерщвление?

Ройзман: Вначале были только три камеры, а потом выстроили еще десять камер. План был таков: повысить число камер до 25.

Смирнов: Откуда вам, свидетель, известно, что план был повышен до 25 камер?

Ройзман: Потому что все строительные материалы были привезены и лежали на площади. Я спросил, зачем, ведь уже нет евреев. Мне отвечали, что «после вас еще придут другие и будет еще много работы».

Смирнов: Как еще называли Треблинку?

Ройзман: Когда Треблинка стал очень популярный, они сделали вывеску с надписью «Обермайданек».

Смирнов: Я прошу разъяснить, что значит «очень популярный»?

Ройзман: Это значит, что люди, которые прибывали в транспортах, очень скоро узнавали, что это не фешенебельная станция, а место смерти.

Смирнов: Для чего был устроен фальшивый вокзал?

Ройзман: Исключительно с той целью, чтобы люди, которые выходили из поезда, не волновались, чтобы они спокойно раздевались и чтобы не было никаких инцидентов.

Смирнов: Значит, я вас правильно понял, что эти методы преступников преследовали определенные психологические цели: успокоить на первых порах обреченных на смерть?

Ройзман: Исключительно психологический момент.

Смирнов: У меня нет больше вопросов к свидетелю.
Председатель: Хочет ли кто-либо из других обвинителей допросить свидетеля?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Хочет ли кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: В таком случае свидетель может быть свободен.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Смирнов: Мне хотелось бы доложить суду также очень короткое извлечение из документа, являющегося приложением к докладу польского правительства. Я говорю о данных под присягой показаниях…
Председатель: Полковник Смирнов, у вас есть ещё свидетели?
Смирнов: Да, я ещё попрошу вызывать одного свидетеля по последнему разделу моего выступления. В связи с представлением доказательств по последнему разделу, я хочу, чтобы трибунал разрешил вызвать в качестве свидетеля благочинного ленинградских церквей и ректора ленинградской семинарии, настоятеля Николо-Богоявленского собора в Ленинграде, Николая Ломакина[290].
Председатель: Хорошо, и вы сможете включить его показания сегодня и завершить своё выступление, правильно?
Смирнов: Да, господин председатель. Я хочу огласить ещё один короткий фрагмент из этого доклада польского следователя — запись которых мною представлена суду (документ СССР-340). Я оглашу только то место, где он определяет объем злодеяний. Количество умерщвленных в Треблинке польский следователь исчисляет в 781 тысячу человек. При этом он отмечает, что допрошенные им свидетели показали, что при сортировке одежды заключенных они видели даже английские паспорта и дипломы Кембриджского университета. Таким образом, жертвы Треблинки свозились со всех сторон Европы.

Я хочу привести далее в качестве доказательства данные о другом пункте тайного уничтожения людей, содержащиеся в показаниях Владислава Бенгажа и данные им перед главной комиссией по расследованию немецких преступлений в Польше. Они являются официальным приложением к докладу польского

[290] Ломакин Николай Иванович (1890 - 1965), протоиерей, почетный настоятель Санкт-Петербургского Серафимовского храма. В Великую Отечественную войну пережил блокаду Ленинграда. С 4 февраля по июль 1942 года служил настоятелем Князь-Владимирского собора. С 29 июня 1942 года служил в Николо-Богоявленском соборе. С 22 ноября 1945 по 1 июня 1946 года был заведующим Богословско-пастырскими курсами в Ленинграде. Одновременно, с 10 декабря 1945 года - вновь служил в Князь-Владимирском соборе.

правительства. Я хочу прочитать два фрагмента из этого заявления, которые позволят нам понять методы уничтожения практиковавшиеся в Хелмно. Два абзаца на обороте страницы 223 книги документов:

«В деревне Хелмно находился необитаемый окруженный старым парком особняк — собственность государства. Вблизи сосновый лес. В нем находятся початки молодой рощи с густыми, непроходимыми зарослями. В этом именно месте немцы устроили лагерь истребления. Парк был огорожен высоким деревянным забором, так что нельзя было видеть, что происходило в парке и в самом особняке. Население деревни Хелмно было изгнано».

Я прерываю цитату и перехожу к странице 226 документальной книги, первый абзац. Я цитирую:

«Организация истребления людей была настолько хитро обдумана и выполнена, что следующий транспорт до последней минуты был не в состоянии угадать, какова была судьба людей предшествующей группы. Отправление всего транспорта (1—2 тысячи человек) из деревни Завадки в лагерь уничтожения и истребление прибывших продолжалось до 14 часов дня.

Загруженные евреями автомашины, прибывшие в лагерь, останавливались перед особняком. К прибывшим обращался с речью представитель зондеркоманды. Он убеждал их в том, что они едут работать на Восток. Обещал справедливое к ним отношение властей и достаточное питание, объяснял одновременно, что перед отъездом они будут купаться, а одежда их будет дезинфицироваться. Со двора евреев провожали в теплый зал, находящийся во втором этаже особняка. Там они раздевались и только в белье спускались вниз, проходили через коридор, на стенах которого были вывески: «К врачу», «В купальню». Стрелка у надписи »В купальню» вела к проходным дверям. Выходящим из коридора во двор евреям немцы объявляли, что в купальню поедут на крытой автомашине. На самом деле вблизи выхода из коридора большая автомашина с дверью в задней стене была так установлена, что выходящие из особняка евреи попадали прямо на лестницу, ведущую внутрь автомашины. Погрузка евреев в автомашину происходила очень быстро. В коридоре и у автомашины находились жандармы. Криками и ударами они заставляли евреев быстро заходить в автомашину, делая невозможным проявление какого-нибудь защитного рефлекса. После того как все евреи входили внутрь автомашины, двери тщательно запирались, шофер включал мотор, и с того момента начиналось отравление газом находящихся внутри».

Я полагаю, что нет надобности приводить ту часть сообщения, которая удостоверяет, что эта машина была хорошо известной суду «душегубкой».

Я цитирую только одно предложение со страницы 10 данного документа, абзац 3:

> «Итак, наименьшее число уничтоженных в Хелмно мужчин, женщин и детей, от новорожденных до глубоких стариков, надо принять равным 340 тысячам».

Я считаю возможным на этом закончить раздел моего доклада, посвященный тайным пунктам уничтожения людей. Перехожу к разделу о о религиозных преследованиях.

Как в Советском Союзе, так и во временно оккупированных странах Восточной Европы немецко-фашистские преступники опозорили себя глумлением над религиозными чувствами и верованиями народов, преследованием и убийствами священнослужителей. В подтверждение этого я зачитаю несколько фрагментов из имеющихся докладов различных правительств.

На странице 70 русского текста, которая соответствует странице 80 документальной книги, мы находим описание преследования Чешской православной церкви немецко-фашистскими преступниками. Я цитирую только один абзац:

> «Самый тяжелый удар был нанесен чешской православной церкви. Православным приходам в Чехословакии берлинским министерством по церковным делам было приказано выйти из подчинения белградской и константинопольской епархий и подчиниться берлинскому епископу. Чешский епископ Горазд[291] был казнен вместе с двумя православными священниками. По особому распоряжению протектора Далюге[292] в сентябре 1942 года православная церковь сербской и константинопольской юрисдикции в чешских землях была уничтожена. Ее религиозная деятельность была запрещена, а имущество конфисковано».

На странице 69 этого же доклада, которая соответствует странице 79 книги документов, в последнем абзаце, имеется описание преследований Чешской национальной церкви подвергшейся гонениям немецких фашистов, как сказано в докладе «из-за одного только названия, из-за гусистских симпатий, демократической организации и из-за связи с созданием Чехословацкой

---

[291] Горазд Пражский (в миру Матей Павлик) (1879 — 1942) — первый предстоятель вновь образованной Чехословацкой Православной Церкви в юрисдикции Сербской Православной Церкви. После организованного британским правительством покушения 27 мая 1942 года на и.о. Рейхспротектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха был арестован и расстрелян.

[292] Курт Далюге (1897 — 1946) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник полиции общественного порядка (1936—1943), и. о. рейхспротектора Богемии и Моравии (1942—1943). Группенфюрер СА (15 марта 1932), Оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции (с 1942). Казнён по приговору чехословацкого суда.

республики». Чешская национальная церковь в Словакии была совершенно запрещена, и ее имущество было конфисковано немцами в 1940 году.

Серьезным преследованиям подвергалась протестантская церковь в Чехословакии. Фрагмент который я хочу прочитать можно найти на странице 80 книги документов, абзац 2:

> «Протестантские церкви лишены свободы проповедовать евангелие. Немецкая тайная полиция зорко наблюдала за тем, чтобы духовенство соблюдало наложенные на него ограничения. Нацистская цензура доходила до того, что запрещала петь духовные песни, прославляющие бога за освобождение народа от власти неприятеля. Некоторые отрывки библии были запрещены для общественного чтения. Нацисты противились тому, чтобы некоторые христианские доктрины, а именно те, которые говорили о равенстве всех людей перед богом, о всемирном характере христовой церкви, о еврейском происхождении евангелия и т. д., провозглашались открыто. Ссылки на Гуса, Жижку[293], гуситов, и их достижения, так же как на Масарика и его легии, были строго воспрещены. Даже религиозные хрестоматии были изъяты. Церковные руководители были особенно преследуемы. Множество священников были брошены в концлагеря, между ними находился также
>
> генеральный секретарь студенческого христианского движения в Чехословакии. Один из товарищей председателя был казнен.

На странице 68 этого доклада содержатся сведения о преследовании католической церкви в Чехословакии. Этот фрагмент на странице 79 книги документов, второй абзац. Я цитирую короткий фрагмент:

> «На территориях, отданных Германии после Мюнхена, целый ряд священников чешского происхождения были ограблены и выгнаны… Паломничество к национальным святыням было запрещено в 1939 году.
>
> В начале войны 437 католических священников находились между тысячами чешских патриотов, арестованных и посланных в концлагеря в качестве заложников. Почтенные церковные служители были брошены в концлагеря Германии. Было обычным явлением видеть на дороге около концлагерей оборванного священника, измученного, запряженного в телегу, а за ним юношу в форме СС с кнутом в руке».

Жестоким преследованиям подвергались верующие и духовенство Польши. Я цитирую краткие извлечения из доклада правительства Польской республики, которые члены трибунала найдут на странице 10 документальной

---

[293] Ян Жижка из Троцнова (1360 — 1424) — вождь гуситов, полководец, национальный герой чешского народа.

книги:

> «До января 1941 года около 700 священников были убиты. 3 тысячи были в тюрьме или в концлагерях».

Преследования духовенства начались немедленно после захвата гитлеровцами территории Польши. Согласно странице 42 доклада польского правительства:

> «На следующий день после захвата Варшавы немцы арестовали 330 священников». В Кракове арестованы были ближайшие сотрудники архиепископа Сапеги[294] и сосланы в Германию... Каноник Чаплицкий 75 лет и его заместитель были казнены в ноябре 1939 года...»

В докладе польского правительства приведены следующие слова кардинала Хлонда:

> «Духовенство преследуется самым сильным образом. Те, которым разрешено остаться, подвержены многочисленным унижениям, парализованы в исполнении своих духовных обязанностей и лишены своих приходских доходов и всех своих прав. Они зависят от милости Гестапо...Это подобно апокалептическому видению из Fides Depopulata[295]»

На территории Советского Союза преследования религии и духовенства проходили в формах кощунственного осквернения храмов, разрушения святынь, связанных с патриотическим движением русского народа, убийств священников.

Я прошу трибунал вызвать свидетеля от советского обвинения, благочинного церквей города Ленинград, Николая Ивановича Ломакина.

[*Свидетель Ломакин занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё имя?

Ломакин: Николай Иванович Ломакин.

Председатель: Является для вас практикой давать присягу перед дачей показаний или нет?

Ломакин: Я православный священник.

Председатель: Вы примете присягу?

Ломакин: Я принадлежу к православной церкви, при этом принимая сан священника в 1917, дал присягу всю свою жизнь говорить правду. Эту присягу я помню и сегодня.

---

[294] Адам Сапега (1867 — 1951) — польский кардинал. Епископ Кракова с 27 ноября 1911 по 28 октября 1925. Архиепископ Кракова с 28 октября 1925 по 23 июля 1951. Кардинал-священник с 18 февраля 1946, с титулом церкви Санта-Франческа-Романа с 22 февраля 1946.

[295] Пророчество о папах, приписываемое св. Малахии (1094—1148), архиепископу Армы в Северной Ирландии — 112 коротких латинских фраз, описывающих римских пап (а также нескольких антипап), начиная с Целестина II (избран в 1143 году) и вплоть до[1] Второго пришествия и Страшного суда. Впервые опубликовано в 1595 году.

Председатель: Очень хорошо. Можете сесть, если хотите.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, вы являетесь благочинным церквей города Ленинграда, это значит, что вам подчинены все храмы, находящиеся в этом городе?
Ломакин: Да, все храмы находятся в моем непосредственном ведении. Я обязан периодически их посещать, о состоянии храмов и о состоянии приходской жизни я обязан докладывать владыке митрополиту.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, далее свидетель, храмы области, Ленинградской области также находились в вашем подчинении?
Ломакин: Сейчас они не находятся в моем подчинении, но в блокаду Ленинграда и Ленинградской области оккупации в этот период они были в моем ведении.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, после освобождения Ленинградской области от оккупации немцев вам приходилось по поручению патриарха выезжать на территорию области и осматривать храмы?
Ломакин: Не по поручению патриарха, а по поручению митрополита Алексея[296], управлявшего тогда, ленинградской епархией.
Смирнов: Я прошу вас говорить капельку медленнее.
Ломакин: Не по поручению патриарха Алексия, тогда был патриархом Сергий[297], а по поручению управлявшего епархией митрополита Алексия, ныне патриарха Московского и всея Руси.
Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, где вы пробыли в блокаду Ленинграда?
Ломакин: Безвыездно в Ленинграде.
Смирнов: Если не ошибаюсь, вы награждены медалью «За оборону Ленинграда»?
Ломакин: Да, за участие в героической обороне Ленинграда как раз в день моего рождения я удостоен этой высокой правительственной награды.
Смирнов: Скажите, свидетель, в начале блокады Ленинграда в каком храме вы служили?
Ломакин: В начале блокады я был настоятелем Георгиевского кладбища, был настоятелем Никольской церкви этого кладбища.
Смирнов: Следовательно, это была кладбищенская церковь?
Ломакин: Да.
Смирнов: Может быть, вы расскажете трибуналу о своих наблюдениях, сделанных в период службы в этой церкви?
Ломакин: Пожалуйста.
Смирнов: Прошу вас.
Ломакин: В 1941 году и в начале 1942 года я был настоятелем этой кладбищенской

---

[296] Патриарх Алексий I (в миру Сергей Владимирович Симанский; 1877 — 1970) — епископ Русской православной церкви; патриарх Московский и всея Руси с 4 февраля 1945 года. Богослов, педагог, кандидат юридических наук (1899), доктор богословия (1949).
[297] Патриарх Сергий (1867 — 1944) — епископ Русской православной церкви (РПЦ); с 12 сентября 1943 года — Патриарх Московский и всея Руси. Богослов, автор богослужебных текстов и духовных стихов.

церкви. Здесь я наблюдал следующие трагические картины, о которых хотел бы сейчас подробно рассказать трибуналу.

Спустя несколько дней после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я был свидетелем огромного увеличения числа отпеваний умерших. Это были дети, женщины и престарелые люди, погибшие в результате вероломных налетов немецкой авиации на город, — мирные жители нашего города. Если до войны количество умерших колебалось от 30 до 50 человек в день, то во время войны цифра эта быстро увеличилась до нескольких сот в день. Не было физической возможности внести умерших в храм. Вокруг храма образовалась громадная очередь ящиков и гробов, наполненных кусками человеческого мяса, изуродованными трупами мирных жителей — граждан города Ленинграда, погибших в результате варварских налетов немецкой авиации.

Наряду с отпеваниями принесенных к храму покойников необычайно возросла практика так называемых заочных отпеваний. Верующие люди не могли доставить в храм своих умерших родственников и знакомых. Их родственники и знакомые погребены были под обломками, под развалинами уничтоженных немцами жилых домов. Вокруг храма можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник.

Вы меня простите, мне трудно рассказывать, потому что, как уже известно трибуналу, я пережил всю блокаду города, сам умирал с голоду и сам пережил все ужасы непрерывных налетов немецкой авиации. Несколько раз я был контужен.

В зиму 1941—1942 годов положение Ленинграда в блокаде было особенно тяжелым. Непрекращающиеся налеты немецкой авиации, артиллерийский обстрел города, отсутствие света, воды, транспорта, канализации в городе и, наконец, ужасающий голод — вследствие всего этого мирные жители города испытывали неслыханные в истории человечества страдания. Это были воистину герои, страдавшие за Родину, неповинные мирные жители.

Наряду с тем, что я сейчас вам сказал, мне приходилось видеть и другие ужасные картины, когда я служил настоятелем этой кладбищенской церкви. Кладбище многократно подвергалось жесточайшим налетам немецкой авиации. И вот представьте себе картину, когда люди, нашедшие вечный покой, — гробы, их тела, кости, черепа — все это выброшено на землю, в беспорядке разбросаны памятники, кресты, и люди, только что пережившие потерю близких, должны снова страдать, видя громадные воронки, где, может быть, только что похоронили они своих близких, родных и знакомых, снова страдать, что им нет покоя.

Смирнов: В период голода, в какой степени увеличилось количество отпеваний в этой кладбищенской церкви?

Ломакин: Как я уже сказал, вследствие невероятных условий блокады, вследствие непрерывных налетов немецкой авиации на город, вследствие артиллерийских обстрелов города количество отпеваний усопших дошло до невероятной цифры —

до нескольких тысяч в день. Мне особенно сейчас хочется рассказать трибуналу о том, что я наблюдал 7 февраля 1942 г. За месяц до этого случая, истощенный голодом и необходимостью проходить ежедневно большие расстояния от дома до храма и обратно, я заболел. За меня исполняли обязанности священника мои два помощника.

7 февраля, в день родительской субботы, перед началом великого поста, я впервые после болезни пришел в храм, и открывшаяся моим глазам картина ошеломила меня — храм был окружен грудами тел, частично даже заслонившими вход в храм. Эти груды достигали от 30 до 100 человек. Они были не только у входа в храм, но и вокруг храма. Я был свидетелем, как люди, обессиленные голодом, желая доставить умерших к кладбищу для погребения, не могли этого сделать и сами обессиленные падали у праха почивших и тут же умирали. Эти картины мне приходилось наблюдать очень часто.

Смирнов: Я прошу вас ответить на вопрос — какие разрушения были причинены храмам города Ленинграда?

Ломакин: Как мною уже доложено вам, господа судьи, по должности благочинного я должен был периодически наблюдать за состоянием храмов города и докладывать моему владыке митрополиту подробно в данной связи. И вот тут мои впечатления и личные наблюдения таковы:

Церковь Воскресенья на канале Грибоедова — этот замечательный высокохудожественный храм — от артиллерийских обстрелов врага-немца получила очень серьезные повреждения: пробиты купола, изуродована снарядами крыша, в разных местах по стенам мозаичные священные изображения также приведены частично в негодность или вообще уничтожены. Измаильская крепость, Троицкий собор, памятник борьбы, украшенный замечательными фризами, художественно отображающими эпопею взятия Измаильской крепости — ему причинены огромные разрушения систематическими обстрелами и артиллерийскими снарядами. Была совершенно разбита в разных местах крыша. Художественная лепка вся отбита. Остались лишь маленькие кусочки ее.

Смирнов: Скольким храмам в Ленинграде причинены сильные повреждения и сколько храмов разрушено?

Ломакин: Артиллерийскими обстрелами сильно повреждена, почти даже совсем разрушена, церковь на Серафимовском кладбище, артиллерийские снаряды попадали в церковь кладбища, кроме того, ей были причинены большие повреждения воздушными налетами. Немецкая авиация причинила очень много повреждений храмам. Я должен прежде всего сказать о двух храмах, наиболее пострадавших от блокады Ленинграда, это прежде всего храм Князь-Владимирского собора, в котором, кстати сказать, я имею честь сейчас быть священником. В 1942 году в феврале и по 1 июля я был настоятелем этого храма, и вот, должен вас познакомить, господа судьи, со следующим, чрезвычайно интересным и

потрясающим случаем, который имел место накануне Святой Пасхи в 1942 году.

Великая суббота. В 5 часов вечера по московскому времени на город немецкая авиация начала массированный налет. В 5.30 вечера в юго-западную часть Князь-Владимирского собора упали две авиабомбы. Люди в это время подходили к святой плащанице. Была громаднейшая очередь верующих, желающих исполнить свой христианский долг. Я видел, как человек около 30 лежало на паперти ранеными. Эти раненые были в разных местах близ храма. Некоторое время они были беспомощны, пока им не была оказана медицинская помощь.

Произошла страшная картина смятения. Люди, не успевшие войти в храм, поспешно стали убегать в близ расположенные траншеи, а другая часть, вошедшая в храм, разместилась по стенам храма, в ужасе ожидая своей смерти, потому что сотрясение храма было настолько сильно, что непрерывно, в течение некоторого количества времени, падали стекла, куски штукатурки, и вот, спустившись из комнаты второго этажа, я был потрясен открывшимся передо мной зрелищем. Люди бросились ко мне:

> «Батюшка, вы живы?» «Батюшка, как же теперь понять, как поверить в то, что говорили о немцах, что они — верующие люди, что немцы любят Христа, что они не трогают людей, которые верят в бога, где же эта вера, когда в пасхальный вечер так обстреливают?..»

Я должен заметить, что налет немецких самолетов продолжался вплоть до самого утра, всю пасхальную ночь, — ночь любви, ночь христианской радости, ночь воскресенья была превращена немцами в ночь крови, в ночь разрушения и страданий ни в чем не повинных людей. Прошло два или три дня. В церкви князя Владимира – это мне было очевидно как ректору, и в других церквях и на кладбищах появились жертвы пасхи Люфтваффе: женщины, дети и пожилые…

Смирнов: Свидетель, расскажите нам, вы также посещали Ленинградскую область для установления состояния церквей. Были ли вы свидетелем…

Председатель: Полковник Смирнов, если ваш допрос продолжается, я думаю, лучше будет прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Нельте, вы можете дать знать трибуналу о том каковы пожелания в отношении генерала Вестхофа и Вилена?

Нельте: В ответ на предложение суда, о вызове свидетелей Вестхофа и Вилена, я хочу сделать следующее заявление после обсуждения со своими коллегами.

Первое, мы воздерживаемся от вызова обеих свидетелей на данной стадии процесса с учётом того, что обвинение также воздержиться в настоящее время от оглашения документов RF-1450 и СССР-413 на данной стадии процесса. Второе, я вызываю генерала Вестхофа в качестве свидетеля; и я понял из предложения суда,

что данный свидетель допущен.

Председатель: Да, разумеется.

Господин Робертс, может ли сэр Дэвид побыть здесь недолго, как вы думаете?

Робертс: Он сейчас на заседании главных обвинителей, но я могу быстро его найти если есть вопрос на который я не смогу ответить.

Председатель: Что же, я думаю, наверное, будет лучше если он будет здесь. Единственный вопрос, следует ли оглашать документ.

Робертс: Что же, мне сказали, что заседание только, что закончилось. Я не совсем понял, что сказал ваша светлость.

Председатель: Я сказал о том, что вопрос заключается в том, следует ли обвинению оглашать документ. Доктор Нельте, как я понимаю, предложил, чтобы обвинение отказалось от своего права оглашать документ.

Робертс: Милорд, говоря за себя, я весьма уверен в том, что британская делегация не заинтересована в том, чтобы отказываться от документа. Мы его приобщили, или наши русские коллеги его приобщили, как хладнокровное убийство храбрых мужчин, мы стремимся к тому, чтобы документ был оглашен.

Председатель: Да.

Нельте: Господин председатель, я не ставил условия о том, чтобы документы вообще не приобщались, но только на данной стадии процесса.

Председатель: Да, но поймите, обвинение хочет огласить его как часть дела обвинения. Если это отложить до начала вашего дела, то он не будет оглашён как часть дела обвинения.

Нельте: Я думаю, что обвинение перекрёстно допрашивая свидетеля, сможет представить документы, которые оно хочет приобщить сейчас.

Председатель: Что же, мы не сможем получить Вилена завтра и дело обвинения, как я надеюсь завершиться завтра.

Нельте: Да, господин председатель.

Председатель: Таким образом, документ должен быть оглашён завтра. Затем в любое удобное время вам будут предоставлены генерал Вестхоф и Вилен.

Нельте: Думаю, обвинение оставило за собой право добавлять, в любое время разбирательства, иные обвинения и документы. Это следует из обвинительного заключения. Таким образом, мне кажется, что обвинение, без ущерба своему делу, может отложить презентацию данного обвинения, по которому будет допрос свидетелей.

Руденко: Я хочу кое-что добавить к тому, что сказал мой коллега господин Робертс. Смысл заключается в том, что документ представленный трибуналу был передан нам британским обвинением и был представлен нами в соответствии со статьей 21 устава. Этот документ, являясь неопровержимым доказательством, может быть оглашен под протокол или нет, в соответствии с решением трибунала от 17 декабря

1945.

Если защита, как уже сказал сэр Дэвид этим утром, намерена противопоставить этому документу вызов свидетелей, это её право. Вот, что я хотел добавить к заявлению господина Робертса.

Робертс: Наверное, ваша светлость, позволит мне добавить одну вещь. Трибунал распорядился о том, что этот документ является допустимым, и он был допущен, как я понимаю, поэтому я буду полагать, что он должен быть оглашен как часть дела обвинения или вероятно может быть одинаково удобно после обсуждения по организациям.

Председатель: Вот я вижу, что в суд пришёл сэр Дэвид.

Сэр Дэвид, я думаю, что точка зрения трибунала заключается в том, что обвинению решать об этом при приобщении этого документа; и если оно желает приобщить его сейчас, или как предложил господин Робертс, после аргументации по организациям, оно вправе это сделать. Затем на более поздней стадии процесса будут вызваны свидетели, когда их пожелают вызвать защитники.

Максвелл-Файф: Милорд, я полностью согласен с тем, что предложил господин Робертс. Мы считаем, что этот документ должен быть оглашен как часть обвинения. Если будет какое-либо содействие со стороны защитников, я буду рад рассмотреть вопрос и установить время, после организаций, но оглашение документа точно является частью дела обвинения.

Председатель: Тогда документ можно огласить в конце дела обвинения.

Максвелл-Файф: Да.

Могу я извиниться перед трибуналом за отсутствие. Были другие дела, связанные с процессом, в которых я участвовал.

Председатель: Конечно.

Тогда, доктор Нельте, трибунал хочет, чтобы вы дали нам знать, когда вы хотите вызвать этих свидетелей, для того, чтобы мы могли сообщить в Лондон для того, чтобы свидетеля Вилена доставили сюда.

Нельте: О том, когда именно во время своей презентации должны явиться свидетели, я не могу сказать, так как не знаю, когда я дойду до стадии свидетелей. Я думаю, суд находится в лучшем положении о том, чтобы судить о том, когда будет моя очередь в представлении доказательств. В ходе допроса этих свидетелей которых мне разрешили, я также подниму вопрос этого свидетеля.

Председатель: Доктор Нельте, поймите, что эти свидетели касаются не только вашего клиента, но и касаются подсудимого Геринга и подсудимого Кальтенбруннера и поэтому трибунал хочет, чтобы вы, проконсультировавшись с доктором Штамером и представителем Кальтенбруннера, дали знать трибуналу, о том, когда будет подходящее время для вызова этих двух свидетелей, для того, чтобы дать время на доставку сюда свидетеля Вилена и выяснения у тюремных властей о Вестхофе.

Нельте: Мы говорили об этом и согласовали, что свидетелей вызовут во время моей презентации.

Как я понял сэра Дэвида, все мы согласны с тем, чтобы документы были представлены после дела против организаций.

Председатель: Да.

Смирнов: Господин председатель, могу я продолжить свой допрос?

Председатель: Да.

Смирнов: У меня последний вопрос к вам, свидетель. Скажите, пожалуйста, выезжая для проверки церквей в область, не были ли вы очевидцем глумления над религией и над церквами?

Ломакин: Да.

Смирнов: Может быть, вы, будете добры рассказать об этом суду?

Ломакин: В июне 1943 года, по распоряжению митрополита Алексия, я выезжал в район Старого Петергофа и Ораниенбаума. Из личных наблюдений и из моих бесед с верующими я установил следующее и для себя считаю это очевидным, а позже все это подтвердилось, когда Новый Петергоф был освобожден от немецкой оккупации, и то, о чем я сейчас расскажу, может быть проверено воочию.

В Старом Петергофе, вскоре после того, как немцы заняли Новый Петергоф, ровно в 10 дней были уничтожены артиллерией врага и немецкими самолетами абсолютно все храмы. При этом немецкая авиация и артиллерия обставили дело так, что вместе с храмами погибли и молившиеся в них или искавшие в них убежища от боев и артиллерийской стрельбы мирные жители города.

Все храмы Старого Петергофа, а именно: Знаменская церковь, Святотроицкая кладбищенская церковь и приписанная к ней маленькая Лазаревская церковь, церковь-музей при даче императрицы Марии Федоровны[298], церковь Серафимовская и церковь на военном кладбище все эти храмы немцами уничтожены. Можно с уверенностью сказать, что под Святотроицкой кладбищенской церковью и Лазаревской — ее подвале, а также в склепах кладбищ, главным образом под сводами Знаменской церкви, погибло до 5 тысяч человек.

Немцы не позволяли выходить спасавшимся людям на воздух. Легко себе представить санитарное состояние и вообще состояние людей, находившихся в церковных подвалах. Одуряющий воздух от дыхания, испражнений несчастных, насмерть перепуганных людей, вызывали обмороки, головокружения, а малейшая попытка выйти из храма на свежий воздух каралась фашистами расстрелом мирных жителей.

Сейчас уже много времени утекло с тех пор, а мне особенно запомнился один случай. Мне рассказывала его близкая родственница тех людей, о которых я

[298] Мария Фёдоровна (Феодоровна) (при рождении Мария София Фредерика Дагмар; 1847 — 1928) — российская императрица, супруга Александра III (с 28 октября 1866), мать императора Николая II.

сейчас скажу. Маленькая девочка из подземелья Троицкой церкви вышла на воздух и моментально была убита немецким снайпером. Мать, желая внести ребенка, тоже вышла, но, обливаясь кровью, упала на этого ребенка. Гражданка Ромашова и до сих пор жива, и мне не раз с ней приходилось встречаться, и она с ужасом вспоминает этот факт. А таких фактов и подобных этому было много.

Смирнов: В других районах Ленинградской области не были ли вы очевидцем осквернения святынь?

Ломакин; Был. Например, в Пскове. В Пскове там очень страшная, я бы сказал, ужасная картина разрушения вообще города. В частности, по данному вопросу я считаю долгом сказать вам, господа судьи, следующее. Псков — город-музей, православный заповедник, украшенный большим числом храмов, расположенных по берегу реки Великой и ее притоков.

В нем, в этом городе, до 60 храмов разных размеров и разных наименований, из коих до 39 представляют собой не только высокохудожественные памятники церковного зодчества, иконографии, стенописи (фрески), но и замечательные исторические памятники, отображающие в себе все величие, всю многогранную и многовековую историю русского народа. Кремль, Троицкий собор.

Смирнов: Что именно, было сделано с этими храмами, свидетель?

Ломакин: Я и хочу об этом сейчас расссказать.

Смирнов: Прошу вас.

Ломакин: Кремль, Троицкий собор, грандиознейший храм с его замечательным иконостасом. Весь этот храм немецкие войска разграбили, вывезли из него все имущество, и не только из него, но и из всех храмов города. Вы не найдете ни одной иконочки уцелевшей, не найдете ни одного церковного облачения, сосуда — все вывезено немцами. Троицкий собор — я снова к нему возвращаюсь. Моё посещение едва не стоило мне жизни, буквально за полчаса до моего появления в храме взорвалась мина у самых царских врат. Царские врата уничтожены, престол забрызган кровью. Перед своими глазами у царских врат я увидел трех наших воинов, погибших здесь под миной, заложенной, как я уже сказал, у самых царских врат.

Мины были заложены и в других местах. Я здесь приведу интересную справку. Ведь Псков освобожден в августе 1944 года, а вот в праздник крещения в этом году, в 1946 году, там произошел в этом храме новый взрыв и две жертвы поплатились жизнью. Подобным же образом, как и Троицкий собор, был заминирован храм Святого Василия на Горке. Там была заложена мина у входа в самый храм. Во всех храмах вас поражает изобилие всякой грязи, отбросов, бутылок, жестянок из под консервов и всяких нечистот. В соборе Иоанновского монастыря устроена была немцами конюшня. В другом храме — Богоявления — там устроена была склад вина. В третьем храме я видел склад горючего, торфа, угля и прочего. Да что говорить об отдельных храмах. Где ни придешь, сердце обливается

кровью от кощунста, от безобразия, от грабежа людей, на всю Европу кричавших о своей культуре какой-то, презиравших всё человечество и говоривших, что они веруют в господа бога. Где же тут вера?

Смирнов: У меня нет больше вопросов.

Ломакин: Я хотел бы просить господина обвинителя разрешить мне сказать несколько слов о том, что у нас делалось в Ленинграде.

Смирнов: Об этом вы должны попросить трибунал.

Ломакин: Я немного отойду от привычного порядка. Я прошу вашего разрешения господа судьи.

Председатель: Очень хорошо.

Ломакин: Николо-Богоявленский собор — кафедральный храм Ленинграда. Здесь же во время блокады жил нынешний патриарх Алексий. Я был свидетелем здесь, прослужив здесь до конца войны с июля 42 года, неоднократных артиллерийских обстрелов этого храма. Просто удивляться приходилось: что, какие военные объекты искали горе-вояки в нашем святом храме. Как только великий праздник или просто воскресенье — сейчас же артиллерийский обстрел. Да и какой обстрел. В великом посту, на первой неделе, в 43 году с самого раннего утра и до поздней ночи ни притч (то есть духовенство), ни молящиеся не имели физической возможности выйти из храма. Кругом снаружи царили смерть и разрушения. Я сам лично видел человек 50, точно я затрудняюсь сейчас сказать цифру, моих духовных детей, погибших около храма. Они поспешили выйти, не дождавшись отбоя тревоги артиллерийского налета, и нашли гибель около храма. В этом святом храме мне пришлось похоронить тысячи людей, изорванных в клочья, погибших в результате разбойничьих налетов немецкой авиации и обстрелов немецкой артиллерией мирных жителей города. Много слез пролито здесь за так называемыми заочными отпеваниями. Во время одного из обстрелов едва не погиб наш владыка митрополит Алексий. Несколькими осколками была разбита его келья.

Должен сказать еще, не утруждая продолжительными показаниями присутствующих, что замечательно, самые интенсивные обстрелы Ленинграда как я уже сказал, были именно в праздники. Обстреливались храмы божьи, обстреливались трамвайные остановки, обстреливались госпитали, разрушались всякими способами — и артиллерией и немецкой авиацией больницы. Бомбились дома мирных жителей.

Мне бы очень долго пришлось вас утруждать, господа судьи; если бы я стал вам перечислять эти страшные дни крови, страданий ленинградцев за период войны. Но могу сказать одно в заключение: русские люди, ленинградцы до конца исполнили свой долг перед Родиной. Несмотря на жесточайшие обстрелы и налеты немецкой авиации, в городе царили исключительный порядок и организованность, а православная церковь разделила чашу этих страданий. Она молитвой и проповедью слова божьего вносила бодрость и утешение в сердца верующих и

принесла на алтарь отечества щедрую жертву.
Смирнов: У меня больше нет вопросов к свидетелю господин председатель.
Председатель: Кто-нибудь еще из главных обвинителей хочет задать вопросы свидетелю?

[*Каждый показал, что не имеет вопросов*]

Председатель: Кто-либо из защитников хочет задать вопросы свидетелю?

[*Каждый показал, что не имеет вопросов*]

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Смирнов: Разрешите мне сказать несколько слов в заключение моего доклада.
Председатель: Конечно, можете.
Смирнов: Господа судьи! В ноте от 6 ноября 1942 г. народный комиссар иностранных дел СССР говорил о том, что советское правительство считает своим долгом довести до сведения «всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире» о чудовищных преступлениях гитлеровских бандитов.

Миллионы честных людей в боях величайшей в истории человечества войны добились победы над фашистской Герыанией. Волею миллионов честных людей был создан этот Международный военный трибунал для суда над главными военными преступниками. И каждый из представителей обвинения чувствовал за собой незримую поддержку миллионов честных людей, от имени которых он обвинял главарей преступного фашистского заговора.

Мне выпала честь завершить представление доказательств советского обвинения. Я знаю, что в этот момент миллионы граждан моей Родины и вместе с ними миллионы честных людей во всех странах мира ждут скорого и справедливого приговора суда. Господа судьи, я могу закончить этим.
Додд: С позволения трибунала, у меня имеется несколько вопросов в отношении протокола, которые займут всего несколько минут,.

23 ноября 1945 в ходе презентации по вопросу экономических аспектов заговора, оглашались некоторые документы, но они не были формально предъявлены в качестве доказательства. Тогда, трибунал отметил, что защите не было предоставлено достаточное время для изучения этих документов, и мы не приобщили их, и сказали о том, что вместо этого мы направим их в информационный центр подсудимых. Мы это сделали, и с того времени все они находятся там. Они должны быть формально приобщены и так как фрагменты

оглашались, нет необходимости снова их проходить. Они следующие:

Первый, на который ссылались для протокола был документом номер ECH-14, который мы приобщаем как экземпляр номер USA-758. Фрагменты из этого документа цитировались на странице 297 стенограммы.

Следующий это документ номер EC-27, который мы приобщаем как экземпляр номер USA-759. Фрагменты из этого документа цитировались на странцах 279 и 280 стенограммы.

Третий это документ номер EC-28, который мы приобщаем как экземпляр номер USA-760. Фрагменты из этого документа цитировались на странице 275 стенограммы. На этой странице документ ошибочно указали как экземпляр USA-23, но правильный номер это экземпляр номер США-760.

Документ номер EC-174 цитировали на страницах 303 и 304 стенограммы. Мы приобщаем его как экземпляр номер USA-761.

Документ номер EC-252 из которого цитировали на странице 303 стенограммы. Мы приобщаем его как экземпляр номер 762.

Документ номер EC-257 – фрагменты из этого документа цитировались на странице 303 стенограммы. Мы приобщаем его как экземпляр номер USA-763.

Документ номер EC-404 – мы подытоживали и цитировали из этого документа на страницах 291 и 292 стенограммы. Мы его приобщаем как экземпляр номер USA-764.

Документ номер D-157 оглашался, на странице 288 стенограммы и мы приобщаем его как экземпляр номер USA-765.

Документ номер D-167 был подытожен и фрагменты цитировались на странице 298 стенограммы и мы приобщаем его как экземпляр номер USA-766.

Документ номер D-203 – фрагменты из него цитировались на страницах 283 по 286 стенограммы и мы приобщаем его как экземпляр номер США-767.

Документ номер D-204, который цитировали со страниц 286 и 287 стенограммы приобщён как экземпляр номер USA-768.

Документ номер D-206 – фрагменты из документа цитировались на страницах 297 и 298 стенограммы и его приобщали как экземпляр номер USA-769.

Документ номер D-317 – фрагменты цитировали из него на страницах 289 и 290 стенограммы и мы приобщаем его как экземпляр номер USA-770.

В дополнение к этим документам, лейтенант Брайсон, который представлял дело обвинения против индивидуального подсудимого Шахта, приобщил в качестве доказательства документы EC-437 и 258 целиком, при условии, что французский и русский переводы соответственно вручат трибуналу. Итак, EC-437 был присвоен экземпляр номер USA-624 и EC-258 был присвоен экземпляр номер USA-625 и трибунал распорядился на странице 2543 стенограммы о том, чтобы документы были приняты полностью только после завершения переводов. Копии этих документов на всех четырёх языках вручены трибуналу и

информационному центру подсудимых, и это было сделано несколько недель тому назад согласно распоряжению трибунала. Сейчас мы приобщаем эти документы в качестве доказательства целиком и мы полагаем, что они сохранят номера экземпляр USA-624 и экземпляр номер USA-625.

Также в судебном обзоре об индивидуальной ответственности подсудимого Шахта, который недавно был представлен трибуналу и защите, есть ссылка на несколько документов, которые пока или в настоящее время не были предъявлены в качестве доказательства. Думаю, нет необходимости занимать время трибунала читая из этих документов, и вместо этого мы предоставили имеющие интерес фрагменты на немецком, французском, русском и английском языках; копии на всех четырёх языках уже розданы трибуналу и сданы в информационный центр подсудимых. Вот эти документы и мы просим принять их в качестве доказательства.

Это: документ номер EC-384, который мы приобщаем как экземпляр номер USA-771; документ номер EC-406, приобщаемый как экземпляр номер USA-772; документ номер EC-456, приобщаемый как экземпляр номер USA-773; документ номер EC-495, приобщаемый как экземпляр номер USA-774; документ номер EC-497, приобщаемый как экземпляр номер USA-775; и в дополнение к допросу подсудимого Шахта от 11 июля 1945, который один из тех, на которые ссылались в судебном обзоре как на экземпляр USA-776; и наконец, в отношении экономического аспекта этого человека, мы покорно просим, чтобы секретный протокол заседания министров от 30 мая 1936, который включает сборник документов, номер PS-1301 с присвоенным номером экземпляра USA-123, был приобщён в качестве доказательства полностью.

Этот протокол доступен для трибунала и защитников на всех четырёх языках.

Я также хочу сослаться на документ номер PS-1639, который мы приобщаем как…

Краус: Обвинение только, что заявило ходатайство о принятии дополнительных доказательств в виде ряда документов касающихся подсудимого Шахта. Эти документы находятся в дополнительном томе, который мы получили после завершения отдельного дела в отношении подсудимого Шахта, даже спустя значительное время.

Я не намерен протестовать против процедуры, но, по моему мнению, такая процедура, если будет дозволена судом, имеет некоторые последствия для защиты. Если одобряется такая процедура, нам также должны разрешить приобщать доказательственный материал в интересах своих клиентов после завершения данного дела и до конца презентации всех доказательств, если мы посчитаем, что такой доказательственный материал, то есть, в основном документы, должны быть представлены от имени наших клиентов.

Нужно, чтобы мы могли представлять свидетелей позже, и я хочу попросить трибунал разъяснить это.

Председатель: Да, доктор Краус, трибунал считает, что обвинение вправе ходатайствовать, в том виде как оно ходатайствовало, о том, чтобы эти документы были допущены в качестве доказательства, и похожим образом, подсудимые будут вправе ходатайствовать о любом доказательстве, которое они пожелают приобщить даже после завершения дел индивидуальных подсудимых.

Краус: Спасибо, сэр.

Додд: Сейчас, я хочу обратиться к документу, имеющему наш номер PS-1639, который мы хотим приобщить как экземпляр номер USA-777. Для пользы трибуналу, этот документ называется «Мобилизационный справочник для гражданской администрации» и это издание 1939. Он был опубликован в феврале – или выпущён в феврале 1939, за подписью подсудимого Кейтеля как начальника ОКВ. У него гриф «совершенно секретно» и 125 копий были разосланы в высшие рейхсминистерства, а также в армию, флот и воздушные силы.

Немецкий оригинал почти на 150 страницах. Мы перевели на английский, русский и французский, страницы 2-18, которые приводят суть документа. Из заявлений в самом документе видно, что «Мобилизационный справочник» издавался ранее и ежегодно пересматривался. Эта конкретная книга, которую мы предъявляем, или представляем для приобщения, действовала с 1 апреля 1939 и таким образом являлась оперативной основой, как мы скажем, для мобилизационного календаря ко времени начала нацистами своей агрессии против Польши. Однако, мы хотим обратиться к её прошлому в той части материалов дела которая относится к подготовки агрессии, потому что «Мобилизационный справочник» или такой «Мобилизационный справочник», действовал и до 1939.

Во-вторых, мы говорим о том, что он соответствует секретным нацистским оборонительным законам 1935 и 1938, которые имеются в документах PS-2261 и PS-2194, представленых трибуналу как экземпляры USA-24 и 36 соответственно.

В-третьих, есть ещё одно явное указание, как мы полагаем, о нацистских планах и подготовке агрессивной войны. Этот фрагмент дела обвинения касающийся нацистской подготовке агрессии был представлен господином Олдерманом от американского обвинения на утреннем и вечернем заседании трибунала 27 ноября 1945 и может быть найден на страницах 399-464 стенограммы.

Постольку поскольку этот документ переведён на все четыре языка, мы полагаем, что не требуется оглашать его под протокол, однако, мы хотим процитировать, непосредственно два фрагмента – скорее отозвать их. Они включены в перевод, и я не вижу необходимости зачитывать их в системе перевода.

На этот документ также ссылался в своей вступительной речи главный обвинитель, и это единственный документ на который ссылались, формально не представленный трибуналу в качестве доказательства.

В-третьих, я хочу затронуть ещё один вопрос. Я хочу исключить одно доказательство, представленное американским членом обвинения.

[*Господин Додд процитировал спорное доказательство*]

Председатель: У защитника подсудимого Розенберга имеется какое-либо возражение исключению из протокола?
Тома: Возражения не имею, сэр.
Председатель: Оно будет исключено.
Додд: Остался последний вопрос, который я смогу закончить до обычного времени перерыва.

В ходе презентации индивидуального дела в отношении подсудимого Риббентропа, наш уважаемый коллега сэр Дэвид Максвелл-Файф, заместитель главного британского обвинителя представил документ номер PS-3358 как экземпляр GB-158. Это было 9 января 1946 и находится на странице 2380 стенограммы.

Этот документ – циркуляр германского министерства иностранных дел от 25 января 1939 и его тема «Еврейский вопрос как фактор германской внешней политики в 1938». Сэр Дэвид прочёл фрагменты из этого документа под протокол, включая первое предложение из целого абзаца на странице 3 английского перевода документа.

Я обсудил вопрос с сэром Дэвидом, и он весьма любезно согласился с тем, чтобы мы попросили разрешения трибунала добавить ещё два предложения к цитате, которую он прочёл, потому что нам кажется, и сэр Дэвид считает вместе с нами, что дополнительные два предложения, которые следуют сразу же после прочитанного им предложения кое-что добавляют к доказательствам относительно преследования евреев в качестве преступления против мира. Поэтому обвинению желательно, чтобы весь абзац на странице 3 английского перевода этого документа рассматривался трибуналом в качестве доказательства, и в соответствии с распоряжением трибунала в целом относящимся к подобным ситуациям, сейчас мы представляем английский, немецкий, французский и русский переводы целого абзаца для того, что избежать необходимости его оглашения, и конечно же подлинник на немецком языке.

Это очень короткий абзац, но я не думаю, что трибуналу нужно, чтобы я зачитывал его, даже потратив одну-две минуты. Он имеется в материалах дела. Есть только два дополнительных предложения. Этим ничего не вырывается из текста, по нашему мнению этим только добавляется немного к доказательству. Если хотите я прочту его, я могу это сделать.
Председатель: Да, думаю нужно.
Додд: Сэр Дэвид прочёл следующее предложение:

«Не случайно, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса, одновременно с осуществлением «идеи Великой Германии», так как политика, проводимая в отношении евреев, была в одно и то же время основой и следствием событий 1938 года».

Это конец предложенияи и это то, что процитировал сэр Дэвид 9 января на странице 2380. Мы хотим добавить следующее, начиная сразу со следующего предложения:

«Рост еврейского влияния и разрушительного еврейского духа в политике, экономике и кульуре парализовал силу и волю немецкого народа к возрождению, даже сильнее чем политический антагонизм бывших союзных держав в мировой войне».

И второе предложение, сразу же после:

«Излечение от этой народной болезни, таким образом, являлось наиважнейшей предпосылкой для силового воздействия, которое в 1938 году, привело к консолидации великогерманского Рейха вопреки всемирной воле».

Мы чувствуем, что кое-что добавили этим к нашим доказательствам в отношении преследования евреев. Вот эти вопросы я хотел вынести в связи со стенограммой.

Председатель: Недавно я написал господину судье Джексону от имени трибунала, запросив о том, сформирован ли перечень лиц составлявших германский штаб и можно ли его представить трибуналу. Это сделано?

Додд: Я знаком с этим сообщением. Я помню, что господин судья Джексон мне его показывал. Если нет, то может непосредственно. Может его пропустили.

Председатель: У меня есть ответное письмо от господина судьи Джексона говорящее о том, что это должно быть сделано.

Додд: Да, я помню его.

Председатель: И трибунал будет рад, чтобы вы установили, сделано ли это.

Додд: Боюсь я должен сказать, что это не сделано, наверное, по моей вине. Я помню, что судья вручил мне его, и как я думаю, я передал его в организацию полковника Тейлора, но я проверю это непосредственно и разберусь с тем, что сделано.

Председатель: Уже подходящее время, чтобы сделать это, я думаю нужно сделать это в ходе аргументации по организациям, если это не сделано.

Додд: Очень хорошо.

Председатель: Да, и сопроводительные письменные показания, показывающие как это подготовили.

Додд: Очень хорошо, ваша честь.

Лейтенант Маргулис говорит мне, что он думает, его направили 2 дня назад, но это не точно.

Председатель: Он думает, что его подготовили?
Додд: Он так думает, но мы проверим.
Председатель: Да, очень хорошо.

Тогда завтра утром в 10, обвинение будет готово, не так ли, обосновать дело организаций, которые оно просит у трибунала объявить преступными согласно статье 9 устава?

Додд: Обвинение готово к заслушиванию завтра утром в 10 часов.

Председатель: И представители различных организаций готовы представлять доводы против этого? Таким образом, понятно, что завтра в 10 утра, трибунал заседает для этой цели и будут заседать до завершения аргументации.

Кубушок: Представители организаций готовы, согласно предложению трибунала, вступить в дискуссию по новой аргументации, которую завтра представит обвинение. Обвинение помогло нам, подготовив для нас копии существенных пунктов, которые нам пока не представили как основу для обвинительного заключения.

Согласно предложению трибунала завтра будут обсуждаться не только фактические пункты, но также новые правовые вопросы, которые возникли недавно, постольку, поскольку они имеют сферу и относимость доказательств. Защита организаций будет обязана если обвинение заранее предоставит нам речь которую она хочет представить по юридическим вопросам завтра для того, чтобы мы могли сразу же отвечать.

Председатель: Не знаю, у нас нет никакой копии письменной аргументации. Я не знаю, может ли обвинение на это, что-нибудь сказать.

Додд: Что же, сэр Дэвид лучше скажет за себя. Я хочу сказать, то, что я сказал ранее, о том, что я проинформирован о том, что он уже представил свой очерк и трибуналу и защите.

Господин судья Джексон пока работает над своими замечаниями и пока он надеялся представить проект, последние сообщения от заинтересованных лиц в военном департаменте поступили только этим утром, что заставило его работать до настоящего времени и поэтому мы думаем, это привело к тому, что нельзя представить выступление.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, я подготовил два приложения которые предназначены для того, чтобы охватить два пункта в заявлении трибунала в январе, состав преступления и связанные подсудимые, указанные в статье 9 устава. Я организовал, чтобы копии на немецком языке предоставили всем защитникам. Я надеюсь, у каждого есть копия. Я также организовал вручение копий трибуналу.

Я добавлю, что это дополнение показывает ссылки на расшифровку, и в некоторых случаях на документы по каждому пункту, и я боюсь это на английском языке, но есть ссылки на абзацы и защите не должно быть сложно, сверить их со своим документом.

Боюсь не получится вовремя вручить копию моей речи и речь судьи. Я хотел добавить, что это в основном факты, которые уже я стремился представить защите, но если защита организаций неформально заслушает, в чём заключается общая линия, я буду весьма рад им сказать, если это поможет. Я хочу помочь всеми возможными способами.

Председатель: Да, очень хорошо. Мы прервёмся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 28 февраля 1946*]

День семидесятый

Четверг, 28 февраля 1946

Утреннее заседание

Хорн: Господин председатель, в понедельник, когда я пожелал привести свои доводы по ходатайству о вызове Уинстона Черчилля в качестве свидетеля, трибунал попросил меня представить это в письменном виде для того, чтобы трибунал мог принять решение.

Однако, решение о том, что Уинстон Черчилль не будет вызван в качестве свидетеля, было принято уже 26 февраля, до того как трибунал получил моё письменное ходатайство. Я полагаю, была допущена ошибка и прошу трибунал пересмотреть вопрос в виду причин изложенных в моём письменном ходатайстве.

Председатель: Трибунал пересмотрит вопрос.

Господин судья Джексон. Господин судья Джексон, вы предлагаете приводить доводы первым по вопросу организаций?

Джексон: Если не возражает трибунал.

Насколько я понимаю, нам необходимо высказать свои соображения по поводу тех принципов, которыми следует руководствоваться при определении преступности организаций. Частично мы делаем это по собственной инициативе, частично в порядке ответа на вопросы, поставленные трибуналом.

Безоговорочная капитуляция Германии создала для победителей новые и трудные проблемы в области права и администрации. Поскольку такая капитуляция целого современного общественного организма произошла впервые в истории, опыт прошлого и прецеденты вряд ли могут помочь в определении нашей политики по отношению к побежденным. Ответственность, связанная с требованием и принятием безоговорочной капитуляции целого народа, несомненно, должна включить в себя обязанность справедливо и разумно усмотреть различие между оппозиционными элементами населения, которые были не согласны с политикой и руководством, приведшими к катастрофе. Именно необходимость этой дифференциации является целью тех положений устава, которые уполномочивают настоящий трибунал объявить организации или группы преступными. Понимание проблемы, которую пытается разрешить устав трибунала, весьма существенно для ее интерпретации и применения.

Одной из зловещих особенностей германского общества к моменту капитуляции явилось то, что государство при осуществлении политической власти

играло только подчиненную роль, а настоящий, действительный контроль над германским обществом осуществлялся силами, находившимися вне номинального правительства. Контроль осуществлялся через широко разветвленную сеть тесно связанных между собой специальных организаций, состоявших из тщательно отобранных добровольцев, обязанных выполнять без промедления и без колебаний приказания нацистских руководителей.

Эти организации охватывали все стороны жизни германского народа. Страна была подразделена на мелкие нацистские общины, приблизительно по 50 дворов в каждой, и каждая такая община имела своих полновластных нацистских руководителей, нацистскую полицию и нацистских шпионов. Такие общины входили в состав более крупных объединений со своими лидерами, исполнителями и шпионами более высокого ранга, представлявшими, таким образом, пирамиду власти, стоящую вне каких-либо норм права, где фюрер был вершиной, а местные партийные чиновники — широкой базой, всей своей тяжестью давившей на германское население.

Нацистский деспотизм не ограничивался только этими отдельными подсудимыми. Тысячи маленьких фюреров диктаторствовали, тысячи копий Геринга пыжились от важности, тысячи заукелей набирали рабов, тысячи штрайхеров и Розенбергов сеяли ненависть, тысячи кальтенбруннеров и франков пытали и убивали, тысячи шахтов, шпееров и функов осуществляли администрацию, финансировали и поддерживали это движение.

Нацистское движение было силой, проникавшей в каждый город и область, в каждое селение. С помощью такой системы организаций нацисты создали в Германии свою партийную власть, которая сначала соперничала с властью государства, а потом стала господствовать над ним. Эта паутина организаций использовалась для того, чтобы переместить власть принуждения от правительства и закона к нацистским руководителям. Свобода, самоуправление и безопасность личности и собственности существуют лишь в том случае, если властью принуждать обладает только государство и если такая власть применяется только в соответствии с законом. Нацисты учредили свою собственную частную систему принуждения, лежавшую вне закона и не подчинявшуюся ему, — с концентрационными лагерями, находившимися под их контролем, с отрядами эсэсовцев для осуществления карательных мер, ими же декретированных.

Эти организации имели возможность захватывать собственность, отнимать свободу и даже самую жизнь без всякой ответственности перед законом и без всякого решения какого-либо суда. Эти организации принимали очень большое, фактически решающее участие в варварских мерах нацистского режима. Они служили, в частности, для того, чтобы используя психологию толпы, руководить ею. Увеличение числа людей, объединенных в общем предприятии, всегда ведет к ослаблению чувства моральной ответственности и усилению чувства безопасности у

каждого из них. Нацистские руководители мастерски пользовались этим обстоятельством. Они ловко манипулировали этими организациями, устраивая перед германским населением внушительные демонстрации силы, которые были показаны здесь на экране. Эти демонстрации использовались для того, чтобы взбудоражить толпу, разжечь ее ненависть, требуя удовлетворения роковых германских притязаний, которые они сами же выдвинули.

Эти организации воспитывали своих членов в духе насилия и террора. Они обеспечили систематическое, настойчивое и неуклонное проведение во всей Германии и в оккупированных странах плана, согласно которому осуществлялись показанные нами преступления, Ярким воплощением этой системы является фанатичный генерал СС Олендорф,[299] который рассказал трибуналу без всякого стыда или следа какого-либо чувства жалости о том, как он лично приказал предать смерти 90 тысяч мужчин, женщин и детей. Ни один суд никогда не слышал такого признания в массовых убийствах, какое выслушал настоящий трибунал от него и от Вислицени[300], также офицера СС. Их показания свидетельствуют об ответственности СС за уничтожение людей, в ходе которого было умерщвлено 5 миллионов евреев, и подобное этой организацией приветствовалось и проводилось методически, безжалостно и неотступно. Эти преступления, о которых мы сейчас говорим, являются беспрецедентными из-за потрясающего количества их жертв. Они не менее потрясающи и беспрецедентны из-за большого количества людей, которые объединились для того, чтобы совершить их. Совесть и чувства большей части германского народа были привлечены к поддержке этих организаций, приверженцы их не чувствовали личной вины, когда названные организации переходили от одной крайней меры к другой, соревнуясь в жестокости и соперничая в преступлениях. Олендорф, давая свидетельские показания, обвинял других эсэсовцев, совершивших больше убийств, чем он сам, в том, что они якобы представляли «преувеличенные» данные.

Оккупационная политика не может быть мудрой и справедливой, когда она накладывает на пассивных, неорганизованных и бессловесных немцев такие же тяготы, как и на тех, кто добровольно организовался в эти сильные и пользующиеся дурной славой банды. Одним из основных требований справедливости и успешного осуществления задач оккупации, выполнение которых лежит на ответственности наших четырех стран, является отделение объединенных в преступные организации элементов от масс непричастных к ним немцев в целях различного обращения с ними. Это основная задача, которую мы должны здесь рассмотреть. Не подлежит

---

[299] Отто О́лендорф (1907 — 1951) — деятель германских спецслужб, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Начальник III управления РСХА (1939—1945), занимавшегося сбором сведений о положении дел внутри страны, начальник айнзатцгруппы D (1941—1942). Казнён по приговору американского военного трибунала.

[300] Дитер Вислицени (1911 — 1948) — гауптштурмфюрер СС, сотрудник СД и гестапо, работал под руководством Адольфа Эйхмана в центральном управлении Рейха по делам еврейской эмиграции. Причастен к уничтожению евреев в Венгрии, Словакии и Греции. Казнён по приговору чехословацкого суда.

никакому сомнению, что наказание только некоторых высших нацистских руководителей и оставление безнаказанной в послевоенном обществе всей паутины нацистских организаций означало бы поощрение возможности развития зародыша нового нацизма. Члены этих организаций привыкли к существованию цепи централизованного руководства, у них создалась привычка и развилась техника как секретного, так и открытого сотрудничества. Они все еще слепо преданы нацистской программе, выполнение которой прервано, но от которой они не отказались. Они будут хранить ненависть и честолюбивые стремления, породившие оргию преступлений, совершение которых мы здесь доказали. Эти организации являются передатчиками от одного поколения к следующему заразы агрессивной и безжалостной войны. Трибунал видел на экране, как легко сборище людей, которые внешне выглядят как обыкновенные трудовые отряды с лопатами в руках, может фактически превратиться в организацию для военной подготовки. Следующая война и будущие погромы будут выращены в гнездах этих организаций, если мы не уменьшим престиж и влияние их членов путем осуждения и наказания.

Угроза, которую представляют собой эти организации, станет еще более значительной, если мы примем во внимание то состояние деморализации, в котором находится германское общество. Пройдут годы, прежде чем в германском государстве сможет существовать политическая власть, которая не будет неопытной и временной. Она не сможет быстро достичь той стабильности правления, которая поддерживается долгой привычкой к повиновению и традиционным уважением. Интриги, обструкции и даже возможные попытки к переворотам, которых всегда опасаются более стабильные правительства со стороны заговорщических групп, могут явиться реальной и постоянной угрозой по отношению к любому устойчивому общественному порядку в сегодняшней и завтрашней Германии.

Поскольку устав настоящего трибунала предусматривает справедливое наказание виновных, совершенно очевидно, что суд не может оставить без внимания те организации, посредством которых совершались преступления. В своей вступительной речи я сказал, что Соединенные Штаты не собираются обвинять в преступлениях весь немецкий народ. Но столь же очевидно, что этот судебный процесс не должен служить и тому, чтобы оправдывать весь германский народ, за исключением сидящих на скамье подсудимых. Зло, причиненное миру этими подсудимыми и их сообщниками, было совершено не только по одной их воле и не только их силами. Успешное осуществление их планов было возможно только потому, что большое количество немцев было объединено в преступные организации, ставшие рычагами, с помощью которых расширялась, приумножилась сила нацистских руководителей. Поэтому, если настоящий суд не сумеет осудить этих организованных сообщников, учитывая долю и их ответственности за совершившуюся катастрофу, это будет рассматриваться как их оправдание.

Но устав предусматривает не только осуществление правосудия и

возмездия. Он провозглашает созидательную политику, которая определяется соображениями необходимости предложения модели и проведения некоторых превентивных мер.

Главной целью безоговорочной капитуляции было создание возможности перестройки германского общества на такой основе, чтобы Германия никогда более не угрожала бы миру в Европе и во всем мире. Временные меры оккупационных властей — я не собираюсь критиковать их — могут быть по необходимости более произвольными и применяться с меньшими разграничениями, чем этого требует постоянная политика. Например, при существующей политике денацификации ни один член нацистской партии или подчиненной ей организации не может занимать никакого поста и не может выполнять никакой работы, кроме обыкновенной, рядовой, ни в одной фирме, ни в одном учреждении, если не доказано, что он лишь номинально числился нацистом. Лица определенных категорий, которые занимали важное, влиятельное положение в нацистском обществе, должны быть отстранены от дальнейшего участия в делах соответствующих предприятий или профессиональных групп. По установленным правилам следует снимать с важных постов и отстранять от исполнения общественных обязанностей в общественных и частных организациях лиц, подпадающих под одну из 90 специальных категорий, в которые входят активные нацисты и лица, поддерживавшие нацистов или милитаристов. На собственность таких лиц накладывается арест.

Контрольный совет[301] признает, так же как и создатели устава, что постоянная, рассчитанная на долгое время программа должна будет опираться на более тщательное и более индивидуальное разграничение, чем это было возможно в период всеобщих временных мер. В Контрольном совете существует теперь тенденция к пересмотру всей политики и процедуры денацификации. Факт объявления этим трибуналом или необъявления им тех или иных организаций преступными будет иметь колоссальное значение для всей будущей оккупационной политики.

В соответствии с уставом при судебном разбирательстве трибуналом настоящего дела имелось в виду наиболее полно раскрыть действия при вынесении приговора и осудить те нацистские и милитаристские силы, которые имели столь сильную организацию, которые продолжают представлять угрозу тем долгосрочным целям, ради которых каждая из наших стран отдала жизни своей молодежи. Именно с этой точки зрения, в свете этой великой задачи мы должны рассматривать положения устава.

Совершенно очевидно, что обычная судебная процедура не может быть применена без изменений для разрешения этой задачи. Ни одна из существующих

[301] Союзный Контрольный совет — орган верховной власти в оккупированной Германии, образованный после Второй мировой войны державами-победительницами. В подчинении Контрольного совета находилась Межсоюзническая комендатура, осуществлявшая властные полномочия в разделённом на оккупационные секторы Берлине. Формально существовал с 1945 по 1990 гг.

систем судопроизводства еще не располагает необходимой процедурой для разбора такого большого количества дел об общем плане или заговоре в отношении великого множества обвиняемых. Число отдельных обвиняемых, которые могут быть справедливо судимы в одном процессе, может лишь немногим превосходить число подсудимых, находящихся на этой скамье. Число отдельных процессов, на которых могут повторно приводиться одни и те же доказательства существования общего плана, является практически весьма ограниченным. Поэтому состязательный процесс того типа, в котором мы участвуем, является наилучшей гарантией, которую предоставляет закон для того, чтобы решение было хорошо обдумано и справедливо. Задачей тех, кто создавал этот устав, было найти способ преодоления препятствий к достижению быстрого и практически осуществимого решения, не жертвуя при этом той гарантией справедливости, которая заключается в судебном разбирательстве. Решение, предусмотренное уставом, конечно, не лишено недостатков, но я не ошибусь, если скажу, что ни один из его критиков еще не предложил решения, которое не лишало бы обвиняемого права быть выслушанным или не предусматривало бы такого огромного количества длительных судебных процессов, которое делает их практически неосуществимыми. Во всяком случае, устав представляет собой комплекс обязательств, принятых на себя каждым из наших правительств, и наш долг — выполнять их.

Предусмотренный уставом порядок рассмотрения дела дает возможность отграничить общие вопросы, которые будут одинаковыми во всех индивидуальных процессах, от частных вопросов, которые будут разными в каждом процессе. Такой порядок сопоставим с нормами некоторых законодательных актов США, принятыми в военное время; такие нормы применялись в деле Якуса (Якус против Соединенных Штатов); согласно этим нормам вопросы соблюдения в судебном производстве критериев правовой процедуры должны рассматриваться отдельным судом; когда подсудимый представляет свою защиту по предъявлении ему обвинительного заключения, он эти вопросы поднимать не вправе. Странам, не имеющим писаных конституций и конституционных проблем, возможно, трудно будет понять логику такого решения; предусматриваемый порядок был в основном направлен на то, чтобы отделить вопросы общего характера, касающиеся судебного приказа в целом, от конкретных вопросов, которые возникают, когда в суде лицу предъявляется обвинение в совершении преступления.

Согласно уставу общие вопросы должны быть разрешены до конца одним судом — Международным военным трибуналом, в котором каждая из обвиняемых организаций должна быть представлена по крайней мере одним из своих руководящих членов и защита ее должна осуществляться защитником; другие члены этой организации также могут ходатайствовать о том, чтобы их заслушали. Их ходатайства могут быть удовлетворены, если трибунал найдет, что необходимость установления истины требует этого. Единственным вопросом, который должен быть

разрешен данным судом, является вопрос о коллективной преступности организации или группы. Решение этого вопроса должно носить декларативный характер. Оно не должно определять никакого наказания ни для организаций, ни для отдельных ее членов.

Последствия такого решения трибунала о признании организации преступной предусмотрены статьей 10 устава, которую я оглашаю:

> «Если трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации.
>
> В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию».

Совершенно очевидно, что устав был бы правомочен категорически объявить принадлежность к любой из упомянутых в обвинительном заключении организаций преступной, в связи с чем член такой организации должен быть соответствующим образом наказан. В этом случае отдельное лицо, подвергающееся судебному преследованию за принадлежность к такой организации, не имело бы возможности утверждать, что данная организация не является преступной. Однако составители устава, работая над подготовкой его прошлым летом, когда представленные здесь доказательства были нам даже не доступны, не занимались тем, чтобы в законодательном порядке объявить эти организации преступными. Они оставили разрешение этого вопроса до того времени, когда относящиеся к делу факты преступлений будут раскрыты и доказаны в состязательном процессе. Короче говоря, в связи с положением устава каждое отдельное лицо находится сейчас в более благоприятном положении, поскольку вопрос о преступности организации разрешается судом во время рассмотрения дела, причем организация обязана быть представленной на слушаниях по делу, а члены ее могут быть представлены. Это, пожалуй, наилучшая гарантия того, что мы не допустим ошибок при рассмотрении вопроса о преступности организаций.

Согласно уставу, группы и организации, перечисленные в обвинительном заключении, находятся под судом не в обычном смысле этого слова. Они, скорее, находятся под угрозой предания суду, как это было бы перед присяжными, решающими вопрос о предании суду в англо-американской практике. Статья 9 устава делает различие между объявлением групп или организаций преступными и привлечением к суду любого отдельного члена такой организации. Право настоящего трибунала вершить суд ограничивается судом над «лицами», причем устав своей дефиницией не расширяет понятие «лица», как это иногда делается в законодательных актах, с тем, чтобы это понятие включало не только физических лиц. Группы или организации, поименованные в обвинительном заключении, не

были подвергнуты суду как субъекты права. Трибунал не уполномочен выносить какой-либо приговор группам или организациям как субъектам права. Так, трибунал не может наложить на группы или организации штраф, хотя в их руках может находиться принадлежащее организации имущество, трибунал также не может осудить какое-либо лицо вследствие того, что оно является членом группы или организации.

Следует также отметить, что устав не требует последующего привлечения к суду каких-либо лиц. Устав предусматривает право компетентных национальных властей привлекать отдельных лиц к суду за принадлежность к организациям, признанным преступными,

Но ничего не говорится о форме, в которой должны проводиться эти процессы. Считалось нецелесообразным на основании информации, которой мы в то время располагали, чтобы устав предписывал правила для ведения последующих процессов. В этом и не было необходимости. Имеется постоянно действующая законодательная власть, представляющая все четыре подписавшиеся державы, которая уполномочена принимать решения по пунктам, не предусмотренным в уставе. Законодательные дополнения к уставу, во всяком случае, были бы необходимыми для того, чтобы определить юрисдикцию местных судов, установить порядок судопроизводства в них и меры наказания в соответствии с различными формами преступной деятельности.

Однако было высказано опасение, что, поскольку устав ничего не говорит о судьбе участников тех организаций, которые будут объявлены преступными, это может означать, что в результате объявления организации преступной большое количество членов ее будет автоматически наказано. Высказывалось также предположение, что это может или могло бы получиться и в результате применения статьи II 1 (d) Закона № 10 Контрольного совета, который объявляет преступлением «принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным военным трибуналом». Из устава нельзя сделать вывод о том, что он имеет своей целью вынести решение о наказании без предоставления права на судебное слушание. Такое толкование противоречило бы как букве, так и духу устава. Я не нахожу, что закон № 10 Контрольного совета в какой-либо степени расходится с уставом. Конечно, для того чтобы рассмотреть дела в отношении всех отдельных членов организаций, потребуется большое количество судебных процессов. Но на этих процессах будет рассматриваться узкий круг вопросов. Многие из обвиняемых не в состоянии будут выдвинуть какие-либо оправдания против предъявленных обвинений, если доказательства этих обвинений будут тщательно подготовлены, и, таким образом, судебное разбирательство будет проходить быстро и не будет затягиваться процедурной техникой, тем более что оно будет проводиться в местности, где проживает обвиняемый, и, следовательно, разбирательство будет вестись на двух языках самое большее.

Мне думается, совершенно ясно, что до того, как член организации будет наказан за участие в преступной организации, он должен иметь право быть заслушанным по своему делу. Устав не уполномочивает национальные власти карать за принадлежность к преступной организации без рассмотрения дела в суде, он предоставляет им только право привлекать этих индивидуальных членов к суду. Эти слова означают именно то, о чем они говорят. Когда мы говорим «суд», мы имеем в виду, что есть за что судить.

Устав не дает права обвиняемому в порядке своей защиты оспаривать на последующем процессе преступный характер самой организации. Ничто не лишает его права отрицать, что его участие в этой организации было добровольным, или доказывать, что он действовал под давлением каких-либо оправдывающих его обстоятельств. Он может доказывать, что вышел из организации, что его имя попало в списки организации по ошибке. Он может также доказывать, что был втянут в организацию обманным путем, и т.д.

Устав и закон Контрольного совета считают преступным только такое членство в организации, которое является подлинным и добровольным. Вступление в организацию должно быть сознательным и добровольным Принуждение законными методами или незаконное давление, обман или уловки, жертвами которых может пасть человек, никогда не рассматривались как преступление жертвы, и, конечно, такой несправедливый вывод не должен быть сделан и теперь. Совсем другое дело представляет собой степень осведомленности члена организации о ее преступном характере. Он может не знать об этом тогда, когда вступает в организацию, но если он узнает о преступных целях организации позже и останется членом ее после того, как узнает о ее преступных целях, это должно быть вменено ему в вину. При этом ему вменяется в вину не только то, что он знал, но и все то, о чем он по разумному предположению осведомлялся.

Можно с уверенностью полагать, что эта точка зрения будет проведена с полным чувством доброй воли. Возбуждение судебного преследования, согласно Декларации об ответственности гитлеровцев, будет производиться по усмотрению суда, и если бы со стороны союзных держав было намерение карать без суда, это было бы сделано до того, как был создан этот трибунал, не ожидая того, чтобы трибунал объявил группы или организации преступными. Как мы полагаем, трибунал будет стремиться к тому, чтобы подписавшиеся державы, которые добровольно согласились на такой процесс, добросовестно проводили его в жизнь.

Закон Контрольного совета применим только в отношении членов тех категорий организаций, которые будут объявлены преступными. Такая формулировка, данная Контрольным советом, признает за настоящим трибуналом право ограничить действие своего объявления о преступности групп или организаций. Я не думаю, по причине, которую я изложу позже, что этот закон имел в виду, что мы рассматривали здесь какие-нибудь вопросы, связанные с

подгруппами, секциями или отдельными лицами, которые могут быть судимы позже. Как я полагаю, закон должен толковаться следующим образом: имеются в виду не такого рода ограничения, которые должны определяться доказательствами в отношении деталей, имеются в виду принципиальные ограничения, подобные тем, о которых я уже говорил, как-то: оказание давления при вступлении в организацию, недобровольное членство или подобного рода вещи, что трибунал может признать и рассмотреть, не вдаваясь в детализированные доказательства. При таком толковании от настоящего трибунала не требуется вникать в доказательства чтобы обусловить, что его решение о преступности группы или организации распространяется только на лиц, ставших членами группы или организации намеренно и добровольно. Этот суд не подменяет национальных судов, однако его решение о преступных организациях должно быть обязательным для них.

Мне кажется, что намечаемый нами план отграничения общих вопросов, касающихся организации в целом и повторяющихся во многих делах, от вопросов, касающихся только отдельных подсудимых, что должно рассматриваться в других национальных судах, специально приспособленных для рассмотрения вопросов различного рода, нельзя считать неразумным. И хотя этот план, несомненно, сталкивается с необычными процессуальными трудностями, я не думаю, чтобы они оказались непреодолимыми. Сейчас я обращаюсь к вопросу о критериях, принципах и прецедентах, которые должны лечь в основу установления коллективной уголовной ответственности, после чего можно будет перейти к другим процессуальным вопросам, связанным с применением этих принципов. Собственно, материальное право, на основании которого определяется преступный характер организации, существует с давних пор и тождественно в своих основных положениях законам всех правовых систем. Мы обсуждаем здесь процедуру, которую нетрудно было бы порицать. Высказывались опасения, что мы вступим в коллизию с принципом свободы общественных собраний или будем вменять в вину участие в ассоциациях. Верно и то, что обвинение организаций очень родственно обвинению в создании заговора, что вызывает немалые правовые трудности, но суд тщательно следит за тем, чтобы это различие не нарушалось.

Еще ни одна форма государственного строя не была в состоянии существовать без того, чтобы не обращаться с некоторыми организациями, как с преступными. Даже проявляющие наибольшую терпимость правительства не могут допустить, чтобы организация аккумулировала власть до такой степени, что соперничает с самим правительством, препятствует его деятельности или господствует над ним. Делать так означало бы предоставить интриганам свободу уничтожить свободу. Уже само самоуспокоение, слабость и терпимое отношение Веймарской республики к подготовке нацистами захвата власти означало смертный приговор свободе германского народа.

Интересы охраны гражданских прав требуют даже от демократических

правительств, чтобы они принимали законы, объявляющие преступными те сосредоточивающие в своих руках власть организации, которые пытаются навязывать свою волю гражданам. Каждая из сторон, подписавших этот устав, имеет такие законы, по которым организации определенного типа считаются преступными. Организация «Ку-Клукс-Клан[302]» в Соединенных Штатах развивалась примерно одновременно с нацистским движением в Германии. Она разжигала такую же ненависть, прибегала к таким же беззаконным способам принуждения и наводила ужас такими же таинственными ночными шествиями. Подобно нацистам, она располагала такими же приверженцами-фанатиками и пользовалась поддержкой такого же рода «почтенных» лиц, которые знали, что эта организация была преступной, но рассчитывали на ее успех. В конце концов, это привело к изданию различных законодательных актов, направленных против таких организаций.

Конгресс Соединенных Штатов издал целый ряд законов, которыми были объявлены преступными определенные организации. Примером является законодательный акт от 28 июня 1940 г., который помимо прочего предусматривал, что «всем лицам запрещается законом организовывать или содействовать организации любых обществ, групп или собраний, которые проповедуют, защищают или поощряют свержение или уничтожение путем применения силы или насилия правительства Соединенных Штатов, запрещается вступать в члены или сотрудничать с такими обществами, группами или собраниями, будучи осведомленным относительно их целей».

В законодательстве штатов Соединенных Штатов имеется немало аналогичных запретов. В виде примера можно привести акт штата Калифорнии, акт, в котором говорится о запрещении создавать преступные синдикаты и после формулировки определения этого понятия, объявляется преступным любое лицо, которое организовало или содействовало организации или являлось членом такой организации.

Прецеденты английской национальной юриспруденции по вопросу запрещения законом некоторых организаций и установления наказаний за принадлежность к этим организациям существуют с давних пор и полностью совместимы с уставом.

Одним из первых законов такого рода был акт номер 30, принятый в Британской Индии в 1836 году. Этот акт, в частности, предусматривал:

> «Настоящим да будет установлено, что лицу, которое, как это будет доказано, принадлежало, либо до, либо после принятия настоящего акта, к любой из религиозных организаций убийц, действовавших

---

[302] Ку-клукс-клан, сокращённо ККК — ультраправая террористическая организация в США, отстаивавшая такие идеи, как превосходство белых и белый национализм. В середине XX века ку-клукс-клан выступал также против американских католиков, чернокожих в частности и коммунизма. Третий клан (в настоящее время) выступает против гомосексуалистов, мусульман и толерантности. С этой организацией связывают появление понятия суд Линча.

либо в пределах территорий Ост-Индской компании[303], либо вне пределов этих территорий, будет назначено наказание в виде лишения свободы с каторжными работами».

История свидетельствует о том, что с помощью этого акта успешно подавлялось насилие.

Другими прецедентами в английском законодательстве являются акт о противоправных обществах от 1799 года, акт о собраниях, призывающих к мятежу, от 1817 года, акт о собраниях, призывающих к мятежу, от 1846 года, акт об общественном порядке от 1936 года, а также правила, регламентирующие оборону. Этот последний законодательный акт, вызвавший некоторую оппозицию, был направлен на то, чтобы защитить целостность британского правительства от деятельности пятой колонны, направляемой этим самым нацистским заговором.

В Советской России применяют наказание за организацию преступных банд и участие в них. Криминологи Советского Союза называют это преступление «бандитизмом», термином, подходящим также и для определения существа деятельности германских организаций. Генерал Руденко даст более детальные разъяснения советского права.

Французское уголовное право определяет как преступление участие в организациях, деятельность которых носит подрывной характер. Участие в преступной банде само по себе является преступлением. Мой выдающийся французский коллега осветит вам этот вопрос более детально.

Конечно, я не утверждаю, что закон отдельной страны, даже одной из подписавшихся под декларацией держав, может являться руководящим здесь, но ясно, что это не акт или концепция отдельной системы права, что все системы права сходятся в том, что существуют положения, при которых некоторые организации становятся нетерпимыми в свободном обществе.

Что же касается немецких прецедентов, то нет никакой необходимости обращаться к периоду нацистского режима, при котором, конечно, все противники этого режима безжалостно подавлялись. Однако юриспруденция периода империи и Веймарской республики заслуживает уважения, как законодательство, так и судебная практика дают примеры, когда организации были объявлены преступными. Статья 128 немецкого уголовного кодекса 1871 года, например, была направлена против тайных ассоциаций, а статья 129 — против организаций, враждебных государству. Закон от 22 марта 1921 г. был направлен против полувоенных организаций. Закон от 21 июля 1922 г. — против организаций, имеющих своей целью ниспровержение конституции империи.

Особенно уместно привести статью 128 Уголовного кодекса 1871 года.

---

[303] Британская Ост-Йндская компания, до 1707 года — Английская Ост-Йндская компания — акционерное общество, созданное 31 декабря 1601 года указом Елизаветы I и получившее обширные привилегии для торговых операций в Индии. С помощью Ост-Индской компании была осуществлена британская колонизация Индии и ряда стран Востока.

Она гласит:

> «Участие в организации, существование, состав или цели которой скрыты от государства или пребывание в которой влечет за собой подчинение неизвестным для членов организации руководителям или безоговорочное подчинение известным руководителям, наказуется тюремным заключением».

Было бы трудно найти закон, дающий более точную формулировку для объявления преступными организаций, с которыми мы имеем здесь дело, чем этот Уголовный кодекс 1871 года. Я обращаю ваше внимание на то, что он осуждал организации в которых устанавливалось подчинение неизвестному руководству или безоговорочное подчинение известному руководству. В данном случае мы имеем дело именно с такого рода опасностью и угрозой.

В период империи различные польские национальные союзы становились объектом уголовного преследования. Во времена Веймарской республики, в 1927 и 1928 гг., выносились судебные решения, в которых объявлялась преступной вся Коммунистическая партия Германии. В 1922 и 1928 годы были вынесены судебные приговоры, направленные против политического руководящего состава Коммунистической партии, который включал весь так называемый корпус функционеров этой партии. Корпус функционеров этой организации в некоторой степени аналогичен по своим полномочиям руководящему составу нацистской партии, в отношении которого мы здесь предъявляем обвинение. Приговором против Коммунистической партии, вынесенным германскими судами, охватывался каждый кассир, каждый служащий, каждый мальчик-курьер, каждый районный руководитель. В вынесенном в 1930 году приговоре суда, признававшем преступной организацию, называвшуюся «Союзом борцов красного фронта» Коммунистической партии, не делалось различия между руководителями и рядовыми членами.

Самым знаменательным является тот факт, что 30 мая 1924 г. германскими судами было вынесено решение, согласно которому вся нацистская партия была объявлена преступной организацией. Но, очевидно, не хватило смелости провести это решение в жизнь, в противном случае, мы не находились бы здесь сегодня. Это решение относилось не только к руководящему составу, который мы обвиняем здесь, но в такой же степени и ко всем остальным членам этой организации. Весь период, предшествовавший приходу нацистской партии к власти, прошел под знаком признания ее нелегальной самими германскими судами.

Германские суды, рассматривая вопрос о преступных организациях, основывались на теории, что члены их объединялись общим планом, в реализации которого все они принимали участие, хотя и стояли на различных общественных уровнях. Более того, основные принципы ответственности членов организаций в том виде, как они были установлены германским верховным судом, поразительно схожи с принципами, которыми руководствуются англо-американские правовые нормы об

ответственности за преступный заговор. Среди этих принципов, установленных германскими судами, есть следующие:

Совершенно безразлично, все ли члены организации преследовали запрещенные цели. Достаточно, если только часть из них занималась запрещенной деятельностью.

И далее, совершенно безразлично, согласны ли члены группы или ассоциации с ее целями, задачами, методами деятельности и средствами борьбы.

И снова, подлинная точка зрения участников организации не имеет значения. Даже если они имели намерение не принимать участия в преступных деяниях или собирались препятствовать им, это не снимает с них ответственности за реальное членство в организации.

Организации, преследующие преступные цели, повсюду рассматриваются с точки зрения их преступного заговорщического характера, и они объявляются преступными на основании норм, предусматривающих ответственность за организацию заговоров. Причина, по которой они являются опасными для управляемых законом наций, излагается американским авторитетным лицом в области права следующим образом (я цитирую Миллера «Уголовное право»):

> «Основанием для привлечения к уголовной ответственности в случае создания группы для осуществления незаконных целей или для использования незаконных средств, если задуманные действия фактически совершались даже одним лицом, является то обстоятельство, что существование группы, имеющей своей целью совершение преступных действий или являющейся средством для совершения преступных действий, гораздо более опасно как в связи с большими ее возможностями творить зло, так и в связи с тем, что гораздо труднее предотвратить преступные планы и бороться с ней, чем с одним лицом, а также и в связи со страхом, которые порождает в сознании людей представления о такой группе или организации».

Статья 6 устава предусматривает, что:

> «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Разумеется, этот текст соответствует обычным правовым нормам об ответственности за преступный заговор. Отдельные подсудимые посажены на скамью подсудимых именно как руководители и организаторы по обвинению в составлении и осуществлении общего плана или заговора. Если оно будет доказано, на них будет возложена ответственность за акты других лиц, действовавших во исполнение общего плана.

Устав не ограничивает такую ответственность за действия других лишь случаями, относящимися к одному заговору. Определение статьей 6 устава составов преступления дается в виде многообъемлющей формулы, включающей создание и осуществление общего плана, равно как и участие в заговоре. Существовало опасение, что при иной формулировке устава процесс оказался бы отягощенным теми самыми техническими требованиями и ограничениями, которые выросли вокруг понятия «заговор». Имеется некоторое различие между англо-американской концепцией заговора и концепциями заговора, существующими в советском, французском и германском праве. Однако мы придерживаемся того мнения, что при рассмотрении конкретных дел следует руководствоваться более широкими соображениями, обусловливаемыми характером стоящей перед нами проблемы, а не особенностями какого-либо национального права.

Итак, несмотря на возникающие многочисленные трудности процессуального характера нет никаких оснований считать, что любой член нацистской организации, обвиняемой здесь, не может быть привлечен к ответственности и осужден как участник заговора в соответствии со статьей 6, даже если бы в уставе вообще ничего не упоминалось об организациях. Добровольное вступление в организацию является неоспоримым свидетельством приверженности вступающего общему плану и целям этой организации.

Рассматриваемые нацистские организации представляли собой необычные общественные или культурные группы; они были, по общему признанию, созданы для действия. В отношении некоторых из них единство целей их членов доказывается тем, что прием в них был обусловлен выполнением определенной процедуры, приведением к присяге, ношением особой форменной одежды, подчинением дисциплине. Полностью установлено, что все члены каждой нацистской организации были объединены на основании общего плана для достижения определенных целей путем совместных усилий.

При установлении уголовной ответственности тех, кто таким образом действовал в интересах общего плана, очевидно следует прибегать к таким критериям, которые обычно применяются при определении степени законности всякого другого общего плана, то есть устанавливать, предусматривал ли этот план использование беззаконных методов, преследовал ли он преступные цели. В случае положительного ответа на оба или на один из поставленных вопросов ответственность каждого члена одной из этих нацистских организаций за действия, совершенные другими членами этой организации, незначительно отличается от ответственности за участие в заговоре, устанавливаемой в Соединенных Штатах в отношении финансовых и промышленных деятелей, которые объединяются в нарушение антитрестовского законодательства, или в отношении лиц, обвиняемых в нарушении законов о наркотиках, законов о мятежах или иных федеральных законодательных актов.

В числе принципов, которые ежедневно применяются в судах Великобритании и Соединенных Штатов относительно заговора, можно указать следующие.

Во-первых, не является обязательным факт собрания участников заговора или формального соглашения между ними. Для признания наличия заговора достаточно, чтобы одни участники заговора выполняли одну задачу его, а другие — другую, если только будет доказано, что имели место согласованность и сознательность действий и что эти действия совершены в соответствии с общим замыслом и для осуществления общих целей заговора.

Во-вторых, ответственность на отдельного члена организации возлагается и в том случае, если он не знал о своих соучастниках по заговору или о их роли, или о совершенных ими преступлениях, или даже если он не принимал лично участия в совершении уголовных преступлений, или отсутствовал в момент преступления.

В-третьих, ответственность за преступления соучастников по заговору может возлагаться даже в случаях, когда отдельные преступления не намечались или не предполагались заранее, если доказано, что эти преступления были совершены во исполнение общего плана. Определенное лицо фактически делает своего сообщника по заговору своим агентом, с бланкетными полномочиями достичь целей заговора.

В-четвертых, для признания ответственности за участие в заговоре необязательно, чтобы данное лицо было участником заговора одновременно с другими участниками либо в момент совершения преступных деяний. Вступающий в организацию или примыкающий к заговору тем самым одобряет и признает все то, что было сделано до его вступления, и он продолжает нести ответственность до тех пор, пока не порвет с заговором, уведомив об этом соответствующим образом соучастников по заговору.

Это радикальные принципы, но никакое общество не могло существовать без этих оборонных мер против накопления силы в результате объединения отдельных лиц.

Как члены преступных организаций, так и участники заговора — те, кто лично совершали преступления, несут индивидуальную ответственность за совершенные ими преступления точно так же, как те, кто совершали такие же преступления, не будучи членами преступной организации. Суть уголовно-правовой ответственности за преступление, заключающееся в участии в заговоре или в преступной организации, состоит в том, что уголовная ответственность на участника возлагается не только за лично им совершенные преступления, но и за те преступления, совершению которых он способствовал или совершение которых он облегчил своими действиями. Преступление заключается в объединении с другими лицами для совершения преступных действий и в участии в беззаконном общем замысле, сколь бы невинными ни были действия, совершенные лично данным

участником, если их рассматривать изолированно.

Самый невинный акт отправки письма является достаточным для того, чтобы связать его исполнителя с заговором в случае, если письмо было предназначено для того, чтобы содействовать осуществлению преступного замысла. Имеются бесчисленные примеры в юриспруденции США, когда отправка письма не только признавалась преступлением, но и подвергала совершившее этот акт лицо ответственности по федеральным законам.

Имеются бесчисленные примеры, когда невинные акты, совершенные для выполнения общей преступной цели, возлагали на совершившее их лицо ответственность за преступные акты, совершенные для осуществления тех же целей другими участниками организации. Приведенное краткое обобщение правовых норм, определяющих ответственность за преступный заговор, является важным соображением при установлении критерия виновности организаций.

Взаимная ответственность, возникающая в результате добровольного вступления в организацию, формально подтвержденного клятвой и имеющего целью посвятить себя выполнению общей задачи, при наличии дисциплины и подчинения общей системе руководства, не может быть меньшей, нежели та ответственность, которая вытекает из неформального сотрудничества с нечеткой в организационном отношении группой в интересах общего замысла, как того достаточно для признания наличия заговора.

Указанное положение служит ответом на предложение обвинению доказать в отношении каждого члена организации или какой-либо части организации, или группы членов виновность их в совершении конкретных преступлений. Это предложение игнорирует присущие понятию заговора признаки преступления, что свойственно и обвинению против организа ций. Иное толкование устава превратило бы его в нелепость. Возложить на один трибунал обязанность рассмотрения дел, требующих столь подробных доказательств в отношении каждого члена организации, означало бы поставить перед ним задачу, которую невозможно решить в течение срока человеческой жизни.

Легко сказать, что «следует наказывать за деятельность, а не за принадлежность к организации». Но это утверждение не принимает во внимание тот факт, что членство в нацистских организациях само по себе обычно составляло «деятельность». Даже номинальное членство может в значительной степени содействовать развитию организации.

Можно ли верить в то, что фотография Ялмара Шахта, которую вы видели, восседающего в первом ряду на съезде нацистской партии и носящего значок партии, была включена в нацистские пропагандистские фильмы просто ради художественного эффекта? Разумеется, нет. Само имя этого крупнейшего банкира, использованное для этого сомнительного «предприятия», придало ему вид благопристойности в глазах каждого колеблющегося немца. Можно привести

случаи, когда члены организации не помогали и не содействовали организации осуществить поставленные перед ней цели, но такого рода отдельные случаи будут рассмотрены позднее и не на данном процессе.

Рассмотрение судом вопроса о приеме в члены организации и об оформлении этого приема не займет много времени и в то же время даст возможность довольно точно определить цели заговора и задачи его участников. Это единственно, что выполнимо на данной стадии процесса. Это не будет несправедливым, ибо до того, как любой член организации будет наказан, он будет иметь право представить доказательства в свою защиту соответствующим следственным органам и судам.

Хотя устав и не предусматривает этого, мы, однако, полагаем, что в соответствии с обычными принципами права бремя доказывания преступности организации лежит на обвинении. Это будет сделано после того, как установят следующее:

1. Организация или группа, о которой идет речь, должна представлять собой сообщество лиц, объединенных четко различимыми взаимосвязями с единой общей целью.

2. Хотя в уставе это не определено, по нашему мнению, это означает, что членство в такой организации должно носить в общем добровольный характер. Однако нет необходимости устанавливать, что каждый член организации вступал в нее добровольно. Это не значит также, что организация не будет рассматриваться как построенная на добровольных началах, если защита докажет, что небольшая группа или небольшой процент ее членов вступал в нее по принуждению. Это должно быть рассмотрено с точки зрения здравого смысла: являлась ли в целом организация такой, которая предоставляла всем право добровольного вступления и выхода из нее. То обстоятельство, что присоединение к этому движению, с деловой или политической точек зрения, было выгодно, не делало членство недобровольным. Всякое принуждение должно носить такой характер, который обычно признается законом, а угрозы политического или экономического давления не должны иметь существенного значения.

3. Цели организации должны быть признаны преступными, если они предусматривают действия, которые согласно статье 6 устава квалифицируются как преступления. Никакие другие действия не дают права обвинять какое-либо лицо в преступлении, и поэтому никакие другие действия не дают права считать преступной и организацию в связи с обвинением данного лица.

4. Преступные цели организации или методы осуществления этих целей должны носить такой характер, при котором членам ее можно было бы вменить в вину осведомленность их об этих целях и методах. Это опять-таки не предусмотрено специально уставом. Конечно, для обвинения не обязательно устанавливать, что каждый член этой организации знал о ее преступном характере,

или опровергать утверждения о том, что некоторые лица могли стать членами этой организации из-за незнания истинного характера ее деятельности.

5. Некоторые из подсудимых были членами организации, и поэтому они должны обвиняться в совершении ряда преступлений по тем же мотивам, по которым организация была объявлена преступной.

Сейчас я перейду к определению круга вопросов, которые надлежит рассмотреть трибуналу, и к выяснению тех вопросов, рассмотрением которых, как нам кажется, не должен заниматься трибунал.

Ход настоящего процесса будет ускорен ясным определением вопросов, которые надлежит рассмотреть трибуналу. Я уже указывал, что мы считаем истинным критерием виновности. Имеются вопросы, которые, как нам кажется, не имеют отношения к разбираемому этим трибуналом делу.

Трибунал, по существу, должен разрешить один основной вопрос, а именно: мощно обвиняемые организации справедливо признать преступными или нет. В этом процессе нет ничего относимого к делу, что не было бы общим для дела каждого члена организации. Но любой материал, который мог бы служить оправданием для отдельных членов организации, а не всей организации в целом, не должен рассматриваться здесь.

Мы считаем, что на данном процессе нет надобности заниматься выяснением, один или много членов организации были завербованы в нее или вступили добровольно. Можно допустить, что ссылка на вербовку будет являться хорошей защитой для отдельных членов организации, которые будут обвиняться в том, что они являются членами преступной организации. Однако сама организация может быть преступной, иметь преступные цели и совершать преступные действия, если даже часть членов этой организации вступила в нее не добровольно, а принудительно. Вопрос о вербовке в эти организации не подлежит рассмотрению на данном процессе, но он уместен на судебных процессах над отдельными лицами, которые будут обвиняться в том, что они состояли членами организаций, объявленных преступными.

Мы также считаем, что к данному процессу не имеет отношения тот факт, что один или больше членов названных организаций не знали о преступных целях или преступных методах деятельности этих организаций, если эти цели и методы были открыты и широко известны. Организация может иметь преступные цели и совершать преступные действия, хотя один или многие члены лично не знали об этом. Если кто-нибудь стал членом, как он думал, общественного клуба, а в действительности — банды головорезов и убийц, то его недостаточная осведомленность об этом не может служить оправданием для банды, которая рассматривается как преступная группа, хотя может послужить фактором, смягчающим участь обвиняемого в простом членстве в организации. Но и в этом случае критерием было бы не то, что этот человек знал, а то, что он должен был

знать как здравомыслящий человек.

Для данного процесса не имеет значения, что один или больше членов названных организаций лично не были причастны к беззаконным действиям. Это положение является основополагающим для теоретического обоснования признания организаций преступными. Цель признания подобных организаций преступными заключается в том, чтобы иметь основания для наказания виновных за содействие в преступлениях, совершенных этими организациями, хотя преступники не всегда могут быть найдены или опознаны.

Мы знаем, что Гестапо и СС как организации отвечали в основном за истребление еврейского народа в Европе, но мы никогда не можем установить, за исключением некоторых отдельных эпизодов, кто именно из членов Гестапо и СС фактически совершал эти убийства. Большинство из них совершили преступления и прошли дальше, скрываясь за анонимностью военной формы. Свидетели знают, что это был член СС или Гестапо, но установить его личность не могут. Что же касается любого члена этих организаций, в отношении которого будет доказано, что он виновен и в непосредственном совершении таких преступлений, то если он будет найден и личность его будет установлена, он может быть судим по обвинению в совершении этого преступления в дополнение к предъявленному ему общему обвинению в том, что он состоял членом преступной организации.

Поэтому совершенно несущественно, что один или больше членов организации сами были невиновны в совершении отдельных преступлений. Целью данного процесса не является выявление случаев совершения преступлений отдельными лицами и поэтому рассмотрение таких вопросов совершенно не относится к данному процессу.

Другой вопрос, который был поставлен трибуналом, заключался в следующем: начиная с какого времени обвинение требует рассматривать группы или организации, указанные в обвинительном заключении, преступными. Обвинение полагает, что каждая организация должна быть признана преступной за период времени, охватываемый обвинительным заключением. Обвинение не утверждает, что трибунал не полномочен сформулировать свое решение таким образом, чтобы оно охватывало меньший период времени, чем тот, который установлен в обвинительном заключении. Обвинительное заключение определяет это по отношению к каждой организации. Однако обвинение полагает, что в настоящее время суду представлено уже достаточное количество доказательств для того, чтобы поддержать предъявленное обвинение в преступном характере каждой из названных организаций в течение всего периода времени, указанного в обвинительном заключении.

Следующий вопрос, который был поставлен трибуналом: должны ли быть какие-либо категории лиц, входящих в обвиняемые группы или организации, исключены из числа тех, которые признаются преступными. Конечно, необходимо,

чтобы трибунал определил состав каждой группы или организации, признаваемой преступной. Однако от трибунала не ждут и не требуют, чтобы он связывал себя необходимостью установить формальные признаки организации. При составлении устава намеренно избегали употребления терминов и понятий, которые могли бы запутать суд в технических деталях правовой процедуры, касающихся определения понятия «юридических лиц» или «организаций в целом».

Различные правовые системы не одинаково определяют эти понятия. Поэтому по духу своему устав трибунала не формален. Словам «группа» или «организация» не нужно придавать двойственного значения. В уставе слово «группа» употреблено как более широкий термин, имеющий в виду менее жесткую, менее формальную структуру или взаимную связь, чем термин «организация». В контексте устава эти термины означают то же самое, что и в обычной речи. Определение группы и организации должно быть естественным и основываться на здравом смысле.

Однако важно иметь в виду, что, в то время как в полномочия трибунала, несомненно, входит определение групп, которые он признает преступными, уточнение состава и количества членов в группах и организациях не является задачей данного судебного процесса. Нет никакой фактической необходимости и практического смысла в том, чтобы трибунал определил группу или организацию столь подробно, чтобы при этом были точно установлены состав и количество членов. Этого и не требует устав.

Ссылка в уставе на создание механизма для последующего судебного разбирательства таких вопросов означает, что данный трибунал не разрешит эти вопросы и что его решение будет, по-видимому, столь общим, что даст возможность для отдельных лиц доказывать, что они не подходят под это решение.

Любые попытки трибунала рассматривать вопросы, касающиеся оправдания отдельных лиц — нескольких или многих, — неоправданно затянули бы этот процесс, вывели бы его за рамки устава и, по всей вероятности, нанесли бы вред при попытке установить точные пределы для доказательств, не служащих данной цели.

Председатель: Будет ли удобно прерваться на несколько минут?

Джексон: Да, сэр.

[*Объявлен перерыв*]

Джексон: Обвинение придерживается формулировок обвинительного заключения и утверждает, что каждая группа или организация должна быть объявлена преступной как единое целое и что не следует производить никакого следствия и рассматривать какие-либо доказательства в целях оправдания какого-либо круга лиц, подходящих под данную категорию. Этого требуют практические соображения сохранения

времени и интересы подсудимых. Нельзя предположить, что одно начатое в каком-либо городе судебное разбирательство для рассмотрения вопросов, связанных с исключением из преступной группы подсудимых, проживающих по всей территории Германии, не может быть справедливым в отношении каждого члена организации или группы, если не предположить, что это судебное разбирательство будет длиться вечно. Предусмотренные уставом последующие местные процессы над отдельными членами организаций смогут обеспечить соблюдение прав этих членов лучше, чем это может быть сделано на заседании настоящего трибунала.

В отношении Гестапо обвинение США считает, и, как мне представляется, с этим соглашаются все мои коллеги, Что из состава организации нужно исключить всех лиц, занимавшихся чисто канцелярской и технической работой: секретарей, стенографисток, швейцаров и других, выполнявших аналогичные вспомогательные работы. Что касается нацистского руководящего состава, то мы придерживаемся точки зрения, занятой нами в период представления доказательств, а именно что в число членов данной преступной группы должны быть включены следующие: фюрер, рейхсляйтеры, главные управления и должностные лица, гауляйтеры и их штабные офицеры, крейсляйтеры и их штабные офицеры, ортсгруппенляйтеры, целленляйтеры, блокляйтеры, за исключением личного состава аппарата последних трех категорий.

Что касается СА, то мы полагаем, что из состава этой организации следует исключить:

1) носителей спортивного значка «СА», 2) подразделения внутренней охраны, находившиеся под контролем СА, которые исходя из доказательств, строго говоря, не являлись частью СА, 3) национал-социалистическую лигу инвалидов-ветеранов, а также 4) резерв СА. Следует сохранить в составе данной преступной группы лишь активную часть этой организации.

Обвинение считает, что никакие другие, кроме перечисленных групп, не могут быть исключены из состава преступных организаций. В этой связи я снова остановлюсь на принципах рассмотрения заговора. Тот факт, что какая-либо отдельная группа обвиняемой организации сама не совершала преступного акта или выполняла лишь технические или административные функции, не снимает с нее уголовной ответственности, если деятельность этой группы содействовала осуществлению преступных замыслов организации. Я хочу теперь высказать свои соображения по поводу дальнейшей процедуры работы трибунала.

Свыше 45 тысяч лиц обратились в трибунал с просьбой быть заслушанными в связи с обвинением против организаций. Обилие этих ходатайств вызвало беспокойство относительно дальнейшего хода процесса. Без сомнения, все еще имеются трудности, которые нужно преодолеть, но, изучив этот вопрос, я считаю, что трудности сильно преувеличены.

Трибунал облечен широкими полномочиями решать вопрос об

удовлетворении или отклонении того или иного ходатайства. Обвинение будет стремиться к тому, чтобы было удовлетворено каждое ходатайство, когда это будет необходимо, не только в интересах правосудия, но и для того, чтобы избежать всякой видимости нарушения принципов правосудия. Мы не считаем, что ускорить ход этого процесса столь же важно, сколько важно собрать все действительно имеющие существенное значение для дела факты.

Анализ условий, вызвавших этот поток ходатайств, показывает, что значение их отнюдь не пропорционально их количеству. В течение первых дней работы трибунал разослал 200 тысяч экземпляров объявления о праве членов обвиняемых организаций предстать перед судом и защищаться. Объявления были посланы во все созданные союзниками лагеря для военнопленных и интернированных; это объявление было опубликовано во всех газетах, издающихся на немецком языке, и неоднократно оглашалось по радио. Расследование, проведенное обвинителями, показывает, что объявления были расклеены во всех лагерях; во многих лагерях они были зачитаны заключенным вслух. Письма 45 тысяч человек, отозвавшихся на это объявление, с ходатайством о том, чтобы быть заслушанными, пришли преимущественно из 15 лагерей для военнопленных и интернированных, находящихся под контролем Британии или США. Из Дахау поступило примерно 12 тысяч ходатайств, из Лангвассера 10 тысяч, 7500 из Ауэрбаха, 4 тысячи из Штаумюле, 2500 из Гармиша и по несколько сотен от каждого из других лагерей.

Установлены причины, вызвавшие эти ходатайства, определен порядок рассылки объявлений, и было бы очень приятно представить суду все имеющиеся у нас сведения.

Было произведено специальное расследование в лагере Ауэрбах в зоне Соединенных Штатов для того, чтобы установить причины появления этих ходатайств и способ, которым они приходили. Расследование проводилось подполковником Смитом Брукхартом, капитаном Дрекселем Шпрехером и капитаном Кригером которые известны трибуналу.

Ауэрбахский лагерь предназначен для военнопленных, преимущественно членов СС. Примерно 16 964 рядовых и 923 офицера находятся в этом лагере. В каждом бараке были расклеены объявления трибунала, текст объявления зачитывался всем заключенным. Все ходатайства заключенных, не подвергаясь цензуре, передавались суду. Было послано примерно 7500 ходатайств от членов СС о разрешении защищаться.

Проведенным расследованием установлено, что ходатайства направлялись в порядке прямого ответа на объявления, причем никакой иной источник ни внутри лагеря, ни вне его не направлял и не побуждал эти ответные действия. Все опрошенные утверждают, что они не знали ни о каких преступлениях или преступных целях организации СС, что они заинтересованы только в своей личной

судьбе и нисколько не заинтересованы в защите организации.

Лица, проводившие расследование, сообщили, что эти люди не представляют никаких дополнительных доказательств или данных относительно общих вопросов преступности СС как организации. Они просто считают, что для своей защиты им необходимо подать эти ходатайства.

Изучение поданных в трибунал ходатайств показывает, что большинство членов не заявляют о том, что они располагают доказательствами по общим вопросам, рассматриваемым в этом суде. Заявители утверждают, что не совершали преступных деяний, в которых обвиняется организация, что не были очевидцами преступлений и ничего о них не знали. Само по себе такое ходатайство, когда будут точно определены вопросы, которые должны рассматриваться трибуналом, явится недостаточным основанием для личного выступления заявителя на суде.

Внимательное изучение объявления трибунала, ответом на которое являются поступившие ходатайства, как мне кажется, показывает, что в объявлении не содержится ни одного слова, предупреждающего члена организации, особенно неюриста, о том, что здесь будут рассматриваться узкие вопросы, или о том, что позднее, если он подвергнется судебному преследованию, он будет иметь возможность осуществить свою личную защиту. С другой стороны, мне кажется, что объявление создает ясное впечатление, особенно для неюриста, о том, что каждый член организации может быть обвинен и наказан настоящим трибуналом и что для него единственной возможностью быть выслушанным является возможность предстать перед настоящим судом. Я считаю, что тщательное рассмотрение этого объявления подтвердит это впечатление, а внимательное рассмотрение ходатайств покажет, что они являются результатами такого объявления трибунала.

Среди юристов обычно существует разница во мнениях о том, как в дальнейшем разбирать дело. Данный процесс не составляет исключения в этом отношении. Я попытаюсь высказать некоторые соображения о том, как нам следует в дальнейшем разбираться в вопросе для того, чтобы прийти к справедливому и правильному решению. Мы предлагаем суду следующий порядок рассмотрения вопросов, касающихся организаций:

во-первых, трибуналу следует решить по каждой организации об объеме и пределах вопросов, подлежащих рассмотрению, и сформулировать это в судебном приказе;

во-вторых, необходимо послать всем заинтересованным членам организации объявление, в котором будет содержаться адекватная информация о пределах, в которых будут обсуждаться вопросы, и о возможности быть впоследствии подвергнутыми лично судебному преследованию так же, как это было сделано в первоначальном объявлении;

в-третьих, на основании пункта «е» статьи 17 устава следует утвердить

список специальных уполномоченных трибунала для того, чтобы эти уполномоченные изучили поступившие ходатайства и доложили о тех, которые по их содержанию недостаточны. Эти уполномоченные должны быть направлены в лагеря, чтобы наблюдать за собиранием всех относящихся к делу доказательств. Соображения представителей обвинения и защиты должны быть внимательно рассмотрены и выслушаны этими уполномоченными. Уполномоченные трибунала должны оформить все доказательства таким образом, чтобы они представляли собой показания, данные под присягой, и сообщить их целиком суду с тем, чтобы они были приобщены к протоколам судебных заседаний.

Для упрощения этой задачи может быть использован принцип представительства. Членам конкретных организаций в конкретных лагерях должна быть дана возможность избрать одного или более представителей для предъявления доказательств от имени группы членов.

Сейчас, возможно, будет своевременным напомнить трибуналу и защите о том, что обвинение исключило из числа доказательств много относящихся к делу документов, которые свидетельствуют о совершении этими организациями одних и тех же преступлений, для того чтобы сэкономить время и избежать представления аналогичных по содержанию доказательств. Хотелось бы надеяться, что кумулятивные доказательства, представляемые в порядке опровержения, также будут ограничены.

Было высказано опасение, что очень большое число людей может быть затронуто требуемым нами решением об объявлении организаций преступными.

Некоторые весьма обеспокоены тем, что предстоит наказать 1 миллион убийц, но их не волнуют 5 миллионов совершенных убийств. При всех обстоятельствах количество наказаний никогда не сможет угнаться за количеством преступлений. Невозможно, однако, установить даже с приблизительной точностью число лиц, которые могут быть затронуты предлагаемым нами объявлением о преступности организаций.

Цифры из германских источников серьезно преувеличены, поскольку они не принимают в расчет тяжелые потери последнего периода войны, а также весьма распространенное одновременное членство в нескольких организациях. Например, доказательства показывают, что 75 процентов членов Гестапо были также и членами СС. Мы знаем, что вооруженные силы США по грубому подсчету содержат в лагерях для военнопленных примерно 130 тысяч лиц, которые предположительно являются членами преступных организаций. Я не располагаю цифровыми данными других союзных наций, но никто не может предсказать, сколько членов организаций действительно подвергнется судебному преследованию, а не перевоспитанию в соответствии с программой денацификации. Каково бы ни было это число, мы можем быть уверены в одном — оно настолько велико, что подобное расследование каждого дела этим трибуналом затянуло бы его работу до бесконечности. Решение

всех вопросов относительно того, следует ли исключить отдельных лиц или подгруппы из числа обвиняемых организаций, должно быть предоставлено местным судам, расположенным вблизи местожительства обвиняемого и вблизи источников доказательств. Эти суды могут действовать на одном или, в крайнем случае, на двух языках вместо четырех и могут заслушивать доказательства обеих сторон, непосредственно относящиеся к конкретным вопросам.

Сейчас не время рассматривать доказательства в отношении отдельных организаций. Мы считаем, что это должно быть сделано при подведении итогов после представления всех доказательств. Но сейчас своевременно сказать, что выбор шести организаций, названных в обвинительном заключении, не был случайным. Они были выбраны главным образом потому, что им всем вместе взятым была доверена вся власть при нацистском режиме. Они были не только самыми полновластными, но и самыми зловещими организациями режима. Они были организациями, членство в которых было обычно добровольным.

Руководящий состав нацистской партии включал руководителей и главных деятелей нацистской партии, а нацистская партия была силой, стоящей над государством и господствовавшей над ним. Правительство Рейха было лишь внешней формой, пользуясь которой нацистская партия претворяла свою волю в законодательные, административные и исполнительные акты. Двумя столпами, на которых покоилось обеспечение безопасности режима, были вооруженные силы, руководимые и контролируемые генеральным штабом и верховным командованием, и полицейские организации — Гестапо, СА, СД, СС. Эти организации были выбраны потому, что они воплощают в себе все зловещие силы нацистского режима.

Эти организации не были такими большими по количеству членов или настолько широко разветвленными, чтобы считать возможным, что невинные, пассивные или нейтральные немцы были пойманы в ту же сеть, что и действительно виновные. В составе преступных организаций названо государственное чиновничество, но не все административные чиновники. Назван лишь рейхскабинет — нацистская сердцевина правительства. Обвиняются также вооруженные силы, но не рядовые солдаты и офицеры, в каком бы высоком ранге они ни находились. Обвиняются только генеральный штаб и верховное командование, то есть высокопоставленные лица, которые делали политику. Обвиняются полицейские силы, но не каждый полицейский и обычная полиция, которая выполняла лишь нормальные полицейские функции. Указаны только те элементы полиции — Гестапо и СД, которые осуществляли террористические и репрессивные акты. Обвиняется нацистская партия, но не каждый человек, голосовавший за нацистов, даже не каждый член ее — только руководители, политические руководители. И даже не каждый чиновник партии или ее работник включены в состав обвиняемых организаций, а только «носители власти», употребляя жаргон нацистской партии,

которые являлись настоящими командующими, и члены их «штабов», занимавшие самые высокие положения.

Как я полагаю, важно, чтобы мы, говоря о нацистской партии, зафиксировали, что именно мы делаем здесь на суде, и сопоставили это с осуществляемой программой денацификации без каких-либо объявлений о преступности, с тем, чтобы увидеть в истинной перспективе те обвинения, которые мы выдвигаем против нацистской партии.

Мы подготовили несколько схем. Это просто графическое изображение соотношения лиц, которых мы обвиняем и которых мы просим этот трибунал объявить составной частью преступных организаций.

В первой колонке — 79 миллионов германских граждан. Мы не обвиняем граждан Германии. Следующая колонка — 48 миллионов избирателей, которые однажды привели нацистскую партию к власти. Они голосовали путем референдума. Мы не обвиняем тех, кто поддерживал нацистскую партию, хотя в некоторой степени согласно программе денацификации они также подходят под соответствующие категории. Затем показаны 5 миллионов членов нацистской партии, которые вступили в ее ряды, приняв присягу в верности фюреру. Но мы не пытаемся охватить все эти 5 миллионов, хотя я, не колеблясь, могу заявить, что для этого имеется полное основание. Практические возможности этой ситуации таковы, что невозможно охватить все 5 миллионов тех, которые технически и даже морально были охвачены этим заговором. Таким образом, 48 миллионов избирателей отпадают. Также отпадают 5 миллионов членов партии. Я предлагаю рассматривать дела только нацистских руководителей, начиная с блокляйтеров. Они показаны в последней маленькой колонке, и общее число их показано в четвертой колонке схемы.

Совершенно справедливо, что мы начнем с местного руководителя — блокляйтера, поскольку он отвечал за руководство своими 50 хозяйствами и домами, отвечал за то, чтобы шпионить за ними и сообщать об их деятельности. Как показывают доказательства, он отвечал за руководство ими и обработку их в духе нацистского движения с тем, чтобы оно могло развиваться. Никакое политическое движение не может развиваться в гостиных и служебных кабинетах. Оно должно проникать в массы людей, и эти блокляйтеры были основным орудием, с помощью которого нацистские руководители доводили свою программу до масс и запугивали их, чтобы подчинить себе.

Я считаю, что согласно этой схеме то обвинение, которое мы предъявляем, является еще умеренным. Мы возлагаем ответственность лишь на людей, которые были признанными руководителями, а не на тех, кого, возможно, обманом заставили следовать за ними.

Мы также обвиняем партийные организации СА и СС, являвшиеся сильнейшим орудием партии. Блокляйтеры могли привлекать эти организации, если

в этом была необходимость, в помощь себе, если ему нужно было принять дисциплинарные меры в его блоке из 50 домов.

Мы не обвиняем все организации партии, мы не обвиняем также двадцать или более находившихся под контролем партии или связанных с нею групп, а именно те нацистские организации, членство в которых было обязательным или практически являлось обязательным, например организации Гитлерюгенд, «Студенческий союз». Мы не обвиняем профессиональные организации, хотя ими руководили нацисты, например, такие как национал-социалистические организации служащих, учителей, юристов, хотя я не хочу проявлять к ним никакого милосердия, как и к любой другой подобной группе. Мы не обвиняем нацистские организации, имевшие в целом законные цели, например организации, работавшие по улучшению бытовых условий.

При осуществлении превентивного правосудия в целях предупреждения возможности повторения этих преступлений против мира, преступлений против человечности и военных преступлений оправдать эти организации было бы гораздо большей катастрофой, нежели оправдать всех 22 подсудимых, сидящих сейчас на этой скамье. Эти подсудимые теперь уже бессильны причинить зло, они дискредитированы, тогда как эти организации еще могут продолжить свое злодейское дело. Если эти организации будут здесь реабилитированы, германский народ сделает вывод, что они действовали правильно, и его легко будет снова муштровать во вновь созданных организациях под новым названием, но с той же программой.

При осуществлении карательного правосудия можно было бы реабилитировать эти организации только при условии, если будет сделан вывод, что никаких преступлений не было совершено нацистским режимом. Невозможно отрицать, что они покровительствовали каждому преступному плану нацистов и являлись соучастниками в проведении самых омерзительных мер с тем, чтобы осуществить эти планы. Если эти организации не будут осуждены согласно положениям устава, то это будет означать, что нацистские цели и средства их достижения не могут рассматриваться как преступные и что устав трибунала, объявляющий их таковыми, — пустая бумажка.

Я полагаю, что мои коллеги, придерживающиеся по некоторым вопросам иных взглядов, хотели бы быть выслушанными в этом суде по поводу порядка признания организаций преступными.

Председатель: Господин Джексон, сэр Дэвид Максвелл-Файф, трибунал думает, что будет более удобно заслушать доводы всех главных обвинителей, а затем выслушать доводы тех защитников, которые захотят выступить, после чего трибунал, быть может, захочет задать некоторые вопросы главным обвинителям.

Джексон: Да, это будет удобнее и для нас.

Максвелл-Файф: Господа судьи, господин Джексон остановился на общих

принципах, согласно которым названные в уставе организации с точки зрения обвинения должны быть объявлены преступными. Я не ставлю перед собой задачи повторять или усиливать его аргументацию. Я попытаюсь рассмотреть здесь параграф 4 определения трибунала от 14 января 1946 г. Оно включало:

а) суммирование в отношении каждой названной организации тех элементов, которые, по нашему мнению, обосновывают обвинение в преступности организации. Для удобства я буду в дальнейшем называть это «элементами преступности»;

б) указание на то, какие преступные акты, совершенные отдельными подсудимыми, согласно статье 9 устава дают основание для объявления преступной группы или организации, членами которой были эти подсудимые. Снова для удобства я буду называть их согласно определению устава «подсудимыми, связанными с организациями».

То, что я изложил письменно в пунктах «а» и «б», является кратким резюме того решения, которое мы предлагаем по параграфу 4 определения трибунала по фактам дела. Разрешите мне коротко остановиться на технической стороне вопроса.

Я думаю, что будет удобнее, если трибунал и защита будут располагать копиями этих предложений до того, как я обращусь с ними к трибуналу. Эти копии были переданы членам трибунала и, конечно, переводчикам, а копии на немецком языке были переданы защитникам организаций и защитникам каждого подсудимого.

Для удобства судей и защитников я передал два добавления, содержащие ссылки на стенограммы и документы по ряду вопросов, затронутых в первоначальных предложениях. Эти добавления построены по тому же принципу, что и основные предложения, и, хотя они написаны на английском языке, могут быть непосредственно сейчас использованы защитой. В приложениях «А» и «В» имеется представленное мною резюме со ссылками на стенограммы, а в некоторых случаях и на документы.

Я не собираюсь зачитывать полностью все материалы, содержащиеся в приложениях, и только сошлюсь на них в той степени, в какой они относятся к точке зрения обвинения на этот аспект дела. Но, конечно, я буду готов зачитать любую часть, которую трибунал найдет необходимым огласить здесь.

Я думаю, что лучше всего будет начать с основных аргументов, которые господин Джексон привел здесь и которые, быть может, трибунал захочет выслушать еще раз, когда я буду разбирать их.

1. Организация или группа, о которой идет речь, должна включать лиц, которые: а) находятся в какой-то определенно установленной связи; б) имеют общую цель (это был первый критерий господина Джексона).

2. Членство в такой организации должно быть в общем добровольным, хотя небольшое число членов, вступивших в нее по принуждению, не изменит

положения.

3. Цели организации должны быть преступными в том смысле, что они включают совершение актов, которые статьей 6 устава определены как преступления.

4. Преступные цели или методы действий организации должны носить такой характер, чтобы здравомыслящий человек мог сразу правильно разобраться в них и создать представление об организации, в которую он вступает.

5. Некоторые отдельные подсудимые, хотя бы один из них, должны быть членами той или иной организации и должны быть признаны виновными в совершении актов, на основании которых организация может быть признана преступной.

Я не думаю, что могу избежать применения этих критериев к каждой из организаций, но надеюсь, что сумею сделать это очень кратко, поэтому я намереваюсь по очереди рассматривать каждую организацию.

Reichsregierung[304]. Согласно приложению «В» обвинительного заключения эта группа определяется как состоящая из трех подгрупп:

1. Члены обычного кабинета после 30 января 1933 г. Термин «обычный кабинет» употреблялся для того, чтобы охватить: а) рейхсминистров, возглавлявших министерства; б) рейхсминистров без портфеля; в) министров земель, которые фактически являлись рейхсминистрами; г) других чиновников, которые имели полномочия принимать участие в заседаниях кабинета.

2. Члены совета министров по обороне Рейха.

3. Члены тайного кабинета.

Утверждается, что согласно доказательствам, представленным трибуналу, нет никакого сомнения в том, что первый из доводов господина Джексона полностью соответствует этому, то есть что существует совершенно определенная связь при наличии общей цели и что эта организация является в общем добровольной в том смысле, как это устанавливает пункт второй.

Цели организации изложены в параграфе 4 раздела «А» моего приложения «А» и общая точка зрения обвинения сформулирована в параграфе 2, который очень краток. Быть может, мне будет разрешено зачитать его.

> «Благодаря возможности издавать законодательные акты, члены Reichsregierung фактически придавали законодательные формы политике нацистских заговорщиков и совместно образовывали сообщество лиц, которые осуществляли административные и исполнительные решения нацистских заговорщиков».

Обвинение относит это общее утверждение к преступлениям, сформулированным в статье 6 устава, — параграфы 5, 6, 7 и 8 моего приложения. Если трибунал желает, я могу подробнее остановиться на этих параграфах и

[304] Правительство Рейха (нем.)

прокомментировать их.

Если иметь в виду, что Reichsregierung имел власть принимать решения, формулирующие политику, и располагал законодательной, административной и исполнительной властью и что многие его члены одновременно занимали важные посты в партии и в государственном аппарате, вне кабинета, будет понятно, что у этой группы была сконцентрирована очень большая политическая власть. Reichsregierung придавал законные формы программе заговорщиков и проводил ее в жизнь.

Если трибунал обратится к моему приложению «В», он заметит, что 17 из 21 подсудимых, представших перед этим судом, являлись членами Reichsregierung. Обвинение представило громадное количество доказательств в отношении этих 17 подсудимых, оно считает, что достаточно сказать, что все они должны быть признаны виновными в соответствии со всеми разделами обвинительного заключения и, следовательно, по всем пунктам статьи 6 устава и что они являются подсудимыми, связанными с группой Reichsregierung, как об этом говорил господин Джексон в пункте 5.

Эти акты, которые я упомянул и которые изложены в параграфе 4 и в других параграфах моего приложения «А», носят такой характер, что никто из занимавших министерский пост не мог не знать о природе этих актов и целях, для осуществления которых они совершались.

Теперь я перехожу к руководящему составу нацистской партии. Господин Джексон подчеркнул, что заговорщики нуждались в инструментах для создания поддержки. Гитлер бахвалился тем, что нацистская партия полностью господствует над Рейхом и над ее институтами и организациями как внутренними, так и внешними.

Поскольку нацистская партия была основана на принципах фюрерства, вся ее политика и действия определялись не всеми ее членами в целом, а группой носителей власти и их помощниками. Эти руководители были политическими работниками, обязанными поддерживать и проводить в жизнь доктрины партии. На каждом уровне иерархии регулярно проводились совещания для того, чтобы обсуждать вопросы политики и разрабатывать мероприятия. Главари скрепляли, объединяли партию, но они также крепко держали все население в лапах заговорщиков путем контроля над всей иерархией руководителей.

Обвинение считает, что все эти руководители входят в организацию, которую оно считает преступной, и, как сказал господин Джексон, личный состан аппарата рейхсляйтунга, или гауляйтунга, или крейсляйтунга, перечисленный в национал-социалистическом ежегоднике, находится именно в таком положении.

Трибунал заметит, что мы опустили личный состав аппарата более низко стоящих групп руководителей, как об этом указывал господин судья Джексон. Здесь обвинение вновь обращает внимание на то, что соблюдены пункты 1 и 2 критериев

господина Джексона, и указывает на элементы преступности в параграфах 1, 2, 3 и 4 раздела Б, моего приложения «А», оно указывает в приложении Б соответствующих подсудимых; и в следующей части приложения «Б» оно полагает, что исходя из положения подсудимых как членов руководящего состава и правительства и нацистской партии, и далее из тесного переплетения правительства Рейха и партии, понятно, что руководящий корпус является преступной организацией связанной со всеми преступлениями вменяемыми этим подсудимым в обвинительном заключении, включая тех, кто находился в руководящем составе и разбирался в трибунале в ходе индивидуальных презентаций.

Нацистская партия являлась сердцевиной заговора и инкриминируемых преступлений, а подсудимые были руководителями нацистской партии. Снова обвинение заявляет, что никто из живших в Германии и принимавших участие в мероприятиях, которые в данном случае являются мероприятиями нацистской партии, не мог не создать себе представления о намерениях ее руководителей и о методах, которыми проводились эти намерения. «Внутренний круг» находился в ином положении по сравнению с даже наилучшим образом информированным мнением вне пределов Германии.

Я перехожу теперь к СС, включая СД. Обвинение имеет честь напомнить трибуналу о материалах в отношении структуры СС и ее истории, которая кратко была изложена в приложении «В» обвинительного заключения на странице 36 английского текста. Обвинение продолжает придерживаться своих заявлений, которые оно считает совершенно ясными. Я не собираюсь сейчас их зачитывать.

Трибунал рассмотрел доказательства в отношении СС – расшифровка страниц 1787-1889[305] и дело в отношении концентрационных лагерей страницы 1399-1432[306], а также доказательства по обвинению подсудимого Кальтенбруннера, ссылки на которые имеются в представленном мною приложении. Трибунал помнит также обвинительные материалы, представленные французской и советской делегациями, целые горы доказательств преступности СС. Обвинение утверждает, что с первыми тремя пунктами господина Джексона не возникнет никаких трудностей, и преступность СС была уже доказана не один раз.

По четвертому пункту (абзац 4 раздел «С» моего приложения «А») я хочу представить формулировку, которая гласит, что преступления СС совершались, во-первых, в необычайно широком масштабе и, во-вторых, на таких больших пространствах, что преступные цели и методы СС, которые буквально потрясли человечество, когда начался этот процесс, должны были быть известны каждому члену этой организации. Трудно было проехать из одного города Германии в другой без того, чтобы не заметить концентрационного лагеря, а каждый

---

305 См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2019. — (Первопубликация); стр. 160 – 228.

306 См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2019. — (Первопубликация); стр. 518 – 546.

концентрационный лагерь являлся сгустком преступлений СС. В первой части моего приложения «В» Трибунал найдет список подсудимых, состоявших в СС, а во второй части — резюме, суммирующее преступления подсудимого Кальтенбруннера. Обвинение особенно выделяет его преступную деятельность, хотя оно ссылается и на других подсудимых, которые тоже были членами этой организации.

Панненбкер: Могу я отметить, что в приложение подсудимый Фрик, видимо был включён по ошибке; в числе должностей занимаемых подсудимым Фриком не приводится одна из них.

Председатель: Что вы имеете в виду? Вы имеете в виду члена СС?

Панненбекер: Приложение говорит о том, что Фрик являлся членом СС. Такого не было, и он также сделал такое же заявление в своих письменных показаниях.

Зейдль: В зачитанном обвинением приложении подсудимый Франк также включён как член СС. Уже ранее на процессе американский обвинитель представил документ PS-2979 как экземпляр USA-7. Этот документ показывает, что никогда Франк не являлся членом СС или как утверждается в обвинительном заключении являлся генералом СС.

Более того, я хочу заметить трибуналу, что несколько месяцев назад, когда было предъявлено обвинение против СС как преступной организации, упоминалось имя подсудимого Франка. Поэтому могу я понимать, что при подготовке приложения допущена ошибка?

Тома: Я хочу сказать тоже самое, что сказал мой коллега доктор Зейдль, в интересах подсудимого Розенберга. В приложении А, которое перечисляет элементы обвинения, Розенберг показан как член СА. Он никогда не был членом СА, и он уже сделал заявление об этом в ходе допроса.

Максвелл-Файф: Подсудимые имеют возможность опровергнуть эти утверждения, которые все имеются в обвинительном заключении, но в виду того, что было сказано, я лично проверю вопрос.

Я перехожу к рассмотрению вопроса о Гестапо. Трибунал найдет схему построения и историю Гестапо в приложении «В» обвинительного заключения. Обвинение в преступных действиях изложено в параграфах 1, 2 и 3 раздела «D» представленного мною приложения. Статьи 7 и 8 устава, как полагает обвинение, лишают защиту возможности ссылаться на то, что Гестапо являлось государственным учреждением. Поэтому, как я сказал, эта организация полностью подходит под указанные господином Джексоном признаки преступной организации. Если трибунал сделает мне честь обратиться к моему приложению «В», он увидит, что подсудимые Геринг, Фрик и Кальтенбруннер обвиняются в том, что они были членами Гестапо. Далее в приложении говорится, что инкриминируемые им преступления были совершены ими как ответственными руководителями этой организации.

Мы переходим теперь к СА. Я снова ссылаюсь на параграфы 1 и 2 раздела «Е» моего приложения «А» и прошу трибунал заметить, что, кроме точного установления фаз и периодов деятельности СА, каждый из элементов преступности находит подтверждение в стенограмме, излагающей представление обвинением доказательств по делу этой преступной организации. Я напомню трибуналу заявление господина Джексона, которое показывает, что обвинение опустило членов всех примыкающих к СА организаций, даже тех, кто входил в резерв, и всех тех, в отношении которых могут возникнуть какие-нибудь, даже недостаточно состоятельные, споры относительно степени их связи с организацией. Может быть, уместно напомнить трибуналу об этих группах.

Может быть, будет удобно, если напомню трибуналу эти разделы.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: С позволения трибуала, перед тем как трибунал прервался, я собирался упомянуть об органах СА, которые обвинение не просит включать в организации:

Во-первых, это лица, носившие спортивный значок СА. Трибунал может вспомнить, что полковник Стори пояснял, что они не были членами СА в полном смысле этого слова. Он ясно дал это понять. Во-вторых, SA Wehrmannschaften[307], которые являлись частями охраны порядка, или внутренней охраны, и находились под контролем СА, но не были членами СА. В-третьих NSKOV, национал-социалистическая лига инвалидов-ветеранов, которая была присоединена к СА, но исходя из данных о ее составе мы не просим о включении этой группы в состав СА. И, в-четвертых, это члены СА, которые входили только в резерв.

В моем приложении «В» трибунал найдет имена 8 подсудимых, которые были связаны с СА. Обвинение утверждает, что связь СА с заговором была столь тесной, что все действия подсудимых, и, в частности, действия подсудимого Геринга, являются достаточными для того, чтобы обосновать решение трибунала, о котором просит обвинение.

Теперь перехожу к шестой и последней группе или организации — генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил. Я хотел бы попросить разрешение вкратце напомнить состав этой организации.

Если судьи соблаговолят взглянуть на приложение «В» обвинительного заключения, то под этим заголовком на странице 37 английского текста они найдут,

---

[307] «Боевые команды СА» (нем.)

что первые девять перечисленных должностей являются особыми командными должностями или постами начальников штабов. 22 человека занимали эти должности в период между февралем 1938 года и маем 1945 года. Из них 18 человек живы. Десятую по порядку должность, а именно Oberbefehlshaber[308], занимали 110 офицеров. Вся группа колебалась по численности от 20 человек в начале войны примерно до 50 — в 1944 или 1945 году.

Я напоминаю трибуналу, что объединение всех этих официальных должностей не является искусственным в действительности, потому что на странице 2115 и на следующих страницах текста выступления генерала Тейлора — я сейчас особенно ссылаюсь на страницы 2125 и 2126 — можно усмотреть, как лица, занимавшие вышеперечисленные должности, встречались фактически и во плоти. По нашему утверждению, это целиком соответствует определению понятия «группа», как это дается в уставе, которое, как указал господин судья Джексон, имеет более широкое значение, чем понятие «организация». Мы утверждаем, что никто не может заставить людей занимать высокие командные посты против их воли. При подобном условии они не могли бы проводить такую работу.

В разделе «F» моего приложения «A», а также в соответствующем дополнении к этому приложению можно найти ссылки не только на стенограмму, но и на захваченные документы, которые доказывают преступный характер организации в соответствии с каждым пунктом статьи 6 устава. Эти документы доказывают также их действительную осведомленность о целях, преследовавшихся указанной группой, и априори о преступных методах осуществления этих целей.

В моем приложении «B» перечислены пять подсудимых, и в дальнейшей части этого приложения указаны связи членов этой группы, в особенности подсудимых Кейтеля и Йодля. Мы утверждаем, что эти факты устраняют какую-либо трудность при решении вопроса о преступности этой группы, в соответствии с любым из пяти критериев, которыми, как мы полагаем, следует руководствоваться трибуналу.

Наконец, как я уже говорил, мы утверждаем, что факты, перечисленные в представленных мною в письменном виде приложениях «A» и «B», совершенно ясно обосновывают то решение, о вынесении которого просит обвинение.

Сейчас мой друг Шампетье де Риб обратится к трибуналу.

де Риба: Господа судьи, я постараюсь ничего не добавлять к таким исчерпывающим объяснениям, которые были даны здесь господином судьей Джексоном и сэром Дэвидом Максвелл-Файфом.

Я хотел бы только вместе с моими коллегами по обвинению привлечь внимание трибунала к двум положениям французского права, касающимся вопросов, сходных с теми, которыми мы сегодня занимаемся и в связи с которыми французскому законодателю пришлось разрешать проблемы, стоящие сейчас перед

[308] «Главнокомандующий» (нем.)

трибуналом, а именно ответить на вопрос об определении понятия «преступная организация».

Я хочу напомнить о статье 265 Уголовного кодекса Французской республики, которая дает общие признаки преступной организации, указывая, что

> «Является преступлением против общественного порядка создание всякой организации, независимо от ее структуры или количества ее членов, если в ней достигнуто соглашение с целью подготовки или совершения преступлений против отдельных личностей или имущества».

Я хочу указать трибуналу, что в течение последних лет Франция имела случай применить этот основной принцип к организациям и группировкам, сильно напоминающим те, которые мы сейчас просим вас признать преступными.

Известно, господа, что нацизм является заразной болезнью, угрожающей перейти за границы тех стран, которые им уже поражены. Так, в период 1934—1936 гг. во Франции были образованы различные группы, которые по примеру их немецких или итальянских собратьев претендовали на то, чтобы противопоставить себя власти законного правительства с целью навязать стране то, что они называли «порядком» и что в действительности являлось беспорядком.

Французская республика в 1936 году сделала то, что должна была сделать Веймарская республика. Закон от 10 января 1936 г., опубликованный 12 января в «Официальном журнале», перевод которого я передал защите и который я представляю трибуналу, предусматривает роспуск этих организации и устанавливает суровые наказания в отношении их членов. Прошу разрешения трибунала огласить две первые статьи этого закона:

> «Статья 1. В соответствии с декретом президента, выработанным совместно с советом министров и обнародованным президентом республики, будут распущены все существующие де-факто:
>
> 1) организации и группы, которые могут спровоцировать вооруженные уличные выступления;
>
> 2) организации и группы, не являющиеся военно-учебными организациями, разрешенными правительством, физкультурными и спортивными организациями, но вместе с тем по своей форме и военной структуре представляющие собой боевые единицы или тайную полицию;
>
> 3) организации и группы, ставящие целью нарушение территориальной целостности страны или же посягающие на ниспровержение насильственным путем республиканских форм правления.
>
> Статья 2. Караются тюремным заключением от шести месяцев до двух лет и штрафом в размере от 16 до пяти тысяч франков все лица,

участвующие в сохранении или преобразовании, прямом или косвенном, групп, указанных в статье 1».

Трибунал отметит: 1) что, устанавливая суровые наказания для единомышленников этих организаций за один лишь факт участия в сохранении или в непосредственном или косвенном преобразовании организации, закон от 10 января 1936 г. признал и установил преступный характер организации;

2) что, как и уголовный кодекс, закон от 10 января 1936 г. не ставит своей целью дать точное определение понятия организации и не занимается вопросом о том, является ли группировка, о которой идет речь, организацией, то есть юридическим лицом, существующим легально. Статья 265 Уголовного кодекса предусматривает осуждение всякого сообщества, которое является юридическим лицом, и всякого соглашения, имеющего целью подготовку или совершение преступлений. В законе от 10 января 1936 г. речь идет о любых организациях и о любых группировках, существующих де-факто. Таким образом, закон от 10 января, так же как и статья 265 Уголовного кодекса, имея в виду соглашения или группировки, существующие де-факто, не дает юридического определения организаций, которые считаются преступными, а использует обычное фактическое понимание слов «группа» и «организация».

Когда после освобождения страны французское правительство начало преследование и наказание тех лиц, которые, не нарушая существующего уголовного права, виновны в том, что занимались ярко выраженной антинациональной деятельностью, был издан указ от 26 августа 1944 г., опубликованный в «Официальном журнале» 28 августа того же года. В этом указе сначала дается широкое определение понятия этого преступления, а затем состав его уточняется посредством перечисления основных признаков состава преступления.

Например, первая статья указа от 26 августа 1944 г. устанавливает, что преступлением, направленным против интересов нации, является факт: «...4) участия в любой из сотрудничавших с врагом организаций, в частности, с одной из следующих...» Перечисляются организации, признаваемые преступными: le Service d'Ordre Legionnaire[309], la Milice[310], группа коллаборантов, la Phalange Africaine[311] и т.д.

Указ от 26 августа 1944 г. занимается не столько определением состава преступления, сколько перечислением преступных организаций, сам факт принадлежности к которым является преступлением против интересов нации, независимо от того, являются ли эти группы легально существующими

[309] «Легионеры порядка» - коллабрационистская фашистская милиция созданная ветераном Первой мировой войны Жозефом Дарно. В качестве добровольной организации существовала в 1940-1943.
[310] Французская милиция — французские военные соединения, созданные коллаборационистским правительством Виши во время Второй мировой войны. После высадки союзников в Африке произошла её окончательная консолидация в вооруженные формирования вишистской Франции.
[311] «Африканская фаланга» - военное подразделение созданное правительством Виши в Северной Африке для оказания сопротивления высадке союзников в 1942.

ассоциациями или простыми «соглашениями», о которых говорится в статье 265 Уголовного кодекса, или группировками, существующими де-факто, как это указано в законе от 1936 года. Указ не определяет, а лишь перечисляет организации, которые он объявляет преступными, что мы и просим сделать в отношении германских организаций, перечисленных в обвинительном заключении.

Мы не просим вас осудить людей, не выслушав их, наоборот, они смогут воспользоваться средствами индивидуальной защиты перед компетентными трибуналами. Мы просим вас лишь объявить преступными, как это позволили сделать французские законы от 1936 и 1944 гг., организации, существующие де-факто, без которых было бы немыслимо одному человеку в такой небольшой срок отбросить одну из великих цивилизованных наций в крайние формы проявления варварства, тем более чудовищного, что при этом были использованы научные достижения. К стыду нашей эпохи, господа, технические завоевания дали новые средства в распоряжение варварства, и совершенно справедливо, что не может быть истинного технического прогресса, если он не сопровождается моральным прогрессом.

Ваш приговор докажет всеми миру, и это послужит на благо самой Германии, что моральный закон стоит выше человеческих свобод и ему должны подчиняться нации, так же как отдельные личности и группы, а нарушение его является преступлением.

Руденко: Господа судьи! Позвольте мне прежде всего сказать, что я присоединяюсь к тем общим принципам, которые до меня мои уважаемые коллеги — судья Джексон и сэр Дэвид Максвелл-Файф — положили в основу для разрешения вопроса о преступных организациях. Мне кажется, что для того, чтобы внести в вопрос надлежащую ясность, необходимо четко разграничить две сплетающиеся здесь проблемы: проблему материального права — какие организации и какие члены или группы таких членов могут быть объявлены преступными — и проблему процессуального права — какие доказательства, документы, свидетели и в каком порядке должны быть еще представлены для признания или отрицания преступного характера организации.

Прежде всего, вопрос материального права. Необходимо подчеркнуть, что вопрос об уголовной ответственности организаций перед трибуналом не ставился и не ставится. Далее, не ставился и не ставится перед трибуналом также вопрос об индивидуальной ответственности отдельных членов организаций, исключая, конечно, занимающих скамью подсудимых. Устав трибунала предусматривает иное. Статья 9 устанавливает, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено, вправе признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

Таким образом, речь идет о признании организации преступной. С той же

определенностью устав указывает правовые последствия признания организации преступной. Если трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из подписавшихся сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных и оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию (ст. 10 устава).

Следовательно, устав предусматривает два правовых последствия признания организации преступной: 1) право, но не обязанность привлекать к ответственности за принадлежность к организации, которую трибунал признал преступной; 2) обязанность считать организацию преступной, если таковой ее признал Международный военный трибунал.

Таким образом, признание трибуналом организации преступной не влечет автоматического осуждения всех членов данной организации или обязательного привлечения всех без исключения членов подобной организации к суду. Вопросы индивидуальной вины и индивидуальной ответственности отдельных членов преступной организации всецело и исключительно входят в компетенцию национальных судов.

Как было указано в статье 10 устава, трибунал ограничивает эту компетенцию лишь в одном отношении — национальные суды не могут отвергать или оспаривать преступный характер организации, признанной преступной.

Господин Джексон здесь уже привел ценные сведения о законодательстве разных стран по вопросу об ответственности преступных организаций. Как англо-американское и французское, так и советское законодательство особо предусматривают ответственность за участие в организации, ставящей своей целью совершение преступных действий. Этому вопросу посвящены две статьи Уголовного кодекса РСФСР — статьи 58-11 и 59-3. Эти нормы предусматривают ответственность членов преступных организаций не только за участие в совершении конкретных преступлений, но и за самый факт принадлежности к преступной организации, за самый факт, как говорит закон, участия в преступной организации. Для признания лица участником преступной организации закон не требует формальных признаков. Лицо может быть формально не зачислено в члены организации, но на деле являться таковым членом. Тем более является доказанным членство там, где лицо и формально включено в состав преступной организации. Однако основания уголовной ответственности не исчерпываются одной формальной принадлежностью к преступной организации. Член организации должен знать, к какой именно организации он примкнул, о тех задачах, которые стоят перед этой организацией. Не имеет значения, знал ли член такой организации все действия или всех лиц, входящих в эту организацию.

Нельзя не отметить, что на основе общих принципов права, в особенности

в связи с практикой фашистской Германии, в которой функционировала обширная сеть преступных организаций, созданных узурпаторами верховной власти, ответственность отдельных членов организации на обязательно подразумевает то, что они знали о наказуемости сопровождающей деяния совершенные организацией.

В соответствии с кодексом, в особенности фашистской Германии, в которой существовала совокупность организаций созданных узурпаторами власти в настоящее время рассматриваемых как преступные, невозможно требовать того, чтобы каждый член был знаком со всеми действиями и всеми членами и всеми директивами организации.

Разрешите мне перейти к процессуальным вопросам. Мне кажется, что некоторая сложность, связанная с вопросом о преступных организациях, и та обширная корреспонденция, которая поступает в трибунал от членов отдельных организаций, в значительной мере вызвана неправильным истолкованием правовых последствий признания организации преступной. Поскольку будет отмечено, что решение вопроса об индивидуальной ответственности членов организации полностью входит в компетенцию национальных судов, общий вопрос о признании организации преступной процессуально решается легче.

Согласно уставу вопросы о признании организации преступной трибунал решает в связи с обвинением конкретных лиц. Статья 9 указывает: «При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал может...признать» и т.д. Отсюда справедлив вывод, что фактом, обосновывающим постановку и решение вопроса о преступном характере организации, является наличие на скамье подсудимых представителя соответствующей организации. Как известно, по настоящему делу все организации, которые обвинение предлагает признать преступными, представлены на скамье подсудимых. Следовательно, по делу уже проходит доказательственный материал, вполне пригодный для выводов трибунала о преступном характере той или иной организации. При этих условиях вызов специальных свидетелей, способных дать показания об организациях, может явиться лишь дополнительным источником доказательства, и при этом источником эвентуальным. Трибунал, как прямо указано в статье 9 устава, может удовлетворить или не удовлетворить просьбу члена организации о вызове в суд. Нельзя, разумеется, отрицать возможности и надобности свидетельских показаний по вопросам преступных организаций. Устав трибунала с полной определенностью указывает: «После получения обвинительного акта трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в трибунал за разрешением быть выслушанным трибуналом по вопросу о преступном характере организации...». Однако это положение, введенное в устав в интересах правосудия, превратилось бы в свою противоположность, если

бы трибунал на условном праве, предусмотренном статьей 9, построил самостоятельную и обширную процедуру допроса на местах или путем вызова свидетелей для допроса их по поводу организаций. По существу доказательства, представленные трибуналу обвинителями четырех стран, дают исчерпывающие основания для признания указанных в обвинительном акте организаций преступными. Вместе с тем кажется целесообразным опубликование трибуналом статьи 10 устава для разъяснения, что признание организации преступной не влечет за собой автоматически предания суду всех без исключения членов данной организации, что все вопросы о привлечении к суду и ответственности отдельных членов организации решаются национальными судами.

Вот мои замечания, которые я хотел изложить в дополнение к тому, что сказано моими коллегами.

Председатель: Установили защитники между собой порядок, в каком они хотят быть заслушанными по данному вопросу?

Кубушок: В качестве защитника правительства Рейха, являющегося первой по порядку организацией, которой предъявляется обвинение в преступности, я по предложению суда решил высказать свои соображения в отношении представления доказательств так как я должен буду коснуться общих положений, в основном совпадающих для всех шести организаций, то все, что я собираюсь сказать, будет выражать мнение и других защитников, которые, однако, оставляют за собой право высказать также свои соображения.

Защита понимает решение суда от 14 января 1946 таким образом, что на настоящей стадии процесса она не должна подробно высказывать своего мнения относительно обоснованности обвинения, предъявленного шести организациям, а также не должна подробно останавливаться на понятии преступных организаций в духе устава и прочих предпосылках, которые делают возможным предъявление этим организациям обвинения в преступности. Я намереваюсь остановиться только на том, какие доказательства будут иметь отношение к делу и каким образом эти доказательства должны представляться. Поэтому я коснусь только основных, принципиальных вопросов и только в такой степени, в какой это необходимо при настоящем положении вещей: Я буду говорить сейчас о содержании и о тех последствиях признания преступности организации, которого требует обвинение.

Согласно предложению обвинения указанные в обвинительном заключении шесть организаций должны быть в целом признаны преступными. Такое признание и связанный с ним процессуальный порядок являются в правовом отношении для всех государств абсолютным новшеством.

Как мы знаем, это признание не свободно от влияния того факта, что в противовес всем другим государствам в Англии, а еще более в Соединенных Штатах Америки по соображениям целесообразности в определенных случаях привлекаются к уголовной ответственности общества и организации. Это является

совершенно новым этапом в развитии закона и обязано своим существованием тому выдающемуся положению, которого эти общества и корпорации достигли прежде всего в экономической области. Применение коллективного наказания было признано целесообразным в определенных случаях. Однако наказание в подобных случаях применялось путем наложения денежных штрафов. При этом речь шла об определенных нарушениях и проступках, преимущественно административно-правового характера.

Американский обвинитель и другие выступившие обвинители привели целый ряд приговоров, которые они почерпнули, в частности, из германского права, согласно которому можно объявлять организации преступными. В этих приговорах, и это является решающим, всегда упоминались и осуждались в качестве подсудимых только отдельные лица. Никогда это не имело места в отношении организаций как таковых. Никогда эти организации не объявлялись преступными. Процессуальный порядок, который сейчас установлен для рассмотрения вопроса об организациях, будет очень тяжелым для членов этих организаций. Я еще хочу сказать, что члены этих организаций вследствие признания их преступниками на основании закона № 10 Союзного контрольного совета могут быть тяжко наказаны — некоторым из них грозит смертная казнь. Такой процессуальный порядок в истории права до сих пор никогда не применялся.

Обвиняемые организации являются по своей структуре самыми разнообразными объединениями лиц. Я не считаю нужным сейчас детально останавливаться на том, являются ли эти организации действительно организационно монолитными единицами. Для этого процесса является существенным то обстоятельство, что обвиняемые организации в силу закона военной администрации были распущены, то есть перестали существовать. Существуют только отдельные члены этих бывших организаций, являющиеся поэтому единственными подсудимыми, с которыми имеет дело этот процесс и которые объединены под названиями этих бывших организаций как сводным обозначением.

Поскольку этих организаций больше не существует, на этом процессе фактически речь идет об общем суде над всеми отдельными членами организаций. И вот почему.

Во-первых, признание организации преступной означает обвинение в преступности не столько самой организации как таковой, но прежде всего каждого отдельного члена этой организации. Такое признание устанавливает поэтому окончательное осуждение каждого отдельного члена и осуждает его на всеобщую утрату чести — бесчестит. Действие такого обвинения является неизбежным и непоправимым, особенно если это признает такой суд, как Международный военный трибунал, перед лицом мировой общественности. Обвинение каждого члена организации будет существовать независимо от того, будет ли проводиться в

соответствии со статьей 10 устава последующий суд в отношении каждого отдельного члена этих организаций или нет.

Во-вторых, с правовой точки зрения определение, на котором настаивает обвинение, дает возможность применять уголовное наказание в отношении каждого отдельного члена организации. При этом в последующем суде согласно статье 10 устава преступный характер организации будет считаться окончательно установленным.

В развитие этого положения был издан закон № 10 Союзного контрольного совета от 20 декабря 1945 г. Этот закон устанавливает, что одна лишь принадлежность к организации, которая была признана Международным военным трибуналом преступной, уже является преступлением каждого отдельного члена организации. При этом предусмотрены суровые меры наказания, вплоть до пожизненных каторжных работ и даже до смертной казни.

Суд при этом согласно установленному законом № 10 процессуальному порядку занимается только установлением членства в организации и исходит далее из того, что сам факт членства уже является основанием для наказания. Принимаются во внимание в этом последующем суде только субъективные, личные моменты, а именно — невменяемость, заблуждение или принуждение.

Все, что касается характера организаций, преступных целей и действий членов организаций, особенно осведомленности членов об этом, больше не разбирается на этом процессе в соответствии с законом № 10, так как преступность организаций уже установлена и это является обязательным для суда. Тем самым практически обвинение организации в преступности является как бы частью и притом значительной частью процесса в отношении каждого отдельного члена этих организаций, а последующий суд на основании Закона № 10 является заключительным этапом этого процесса, на котором делаются выводы из признанного факта.

Касаясь последствий признания преступности организаций, необходимо учесть, что оно затронет большое число лиц.

СА имела к началу войны в 1939 году примерно два с половиной миллиона активных членов, к которым надо прибавить примерно два миллиона вышедших в предшествующие 18 лет из состава организации или автоматически отчисленных в связи с поступлением их на военную службу. Суммируя, таким образом, можно сказать, что СА имела до четырех с половиной миллионов членов.

В отношении СС моим коллегам не представилось возможности до сих пор собрать исчерпывающие сведения о количестве членов этой организации. Нужно принять во внимание, что только войска СС имели в качестве активных членов примерно несколько сот тысяч человек. Нужно при этом учесть также и то количество, которое отошло в боевые единицы, но которое в известной мере будет затронуто данным процессом. Таким образом, в отношении числа членов

организации СС мы придем к цифрам, исчисляемым миллионами.

Организация политических руководителей после 1933 года имела постоянный состав примерно в 600-700 тысяч человек. Нужно принять во внимание смену должностных лиц, которая была чрезвычайно интенсивной, и, следовательно, учитывать примерно двукратную смену должностных лиц. В результате мы имеем дело с количеством членов этой организации около двух миллионов.

Общее число людей, которые будут затронуты этим процессом, является, таким образом, чрезвычайно большим. Установленные судом лимиты несколько понизили это число, но в незначительной степени. Не имеет большого значения разница — будет ли это составлять половину, треть или четверть взрослого мужского населения германской империи. Учитывая военные потери этих лет, можно будет сказать совершенно определенно, что фактически обвинение будет предъявлено значительной части мужского населения Германии.

Теперь я перейду к понятию о преступности организации. Основной предпосылкой для признания организации преступной является преступный характер действий ее членов, как это следует из статьи 9 устава. Устав не разъясняет понятия «действия преступного характера». Он также не разъясняет понятия «преступной организации». Если спросить, в соответствии с каким правом следует восполнить этот пробел в уставе, то согласно общепринятому принципу в первую очередь это должно быть сделано в духе местного, то есть германского права. Однако это ничего не даст, так как разбор этих двух понятий с точки зрения любого права в мире покажет, что в данном случае мы имеем дело с совершенно незнакомой проблемой.

Защита оставляет за собой право высказать свои подробные соображения и аргументацию по этому вопросу в последующих завершающих выступлениях. Во всяком случае, защита считает, что в рамках действия устава по праву и справедливости, учитывая упомянутые ранее далеко идущие последствия, определение, о котором просит обвинение, может последовать только в том случае, если будет установлено, что первоначальные цели организации либо сговор членов организации о совершении преступлений в духе статьи 6 устава были известны всем членам организации или что первоначальные цели организации не были преступными, но все члены организации в течение известного времени принимали участие в систематическом планировании или совершении преступлений в духе статьи 6 устава и делали это вполне сознательно. Требуется также, чтобы ход событий привел к тому, что совершенные преступления стали типичными для данной организации, ибо только в таком случае можно установить преступный характер как самой организации, так и действий отдельного человека, который был участником этой организации.

Толкуемое таким образом понятие преступности организаций в духе статей 9 — 11 устава в большой степени совпадает с понятием преступного

заговора, которое играло большую роль в общем германском и итальянском уголовном праве. Оно совпадает далее с понятием о заговоре (с совершением преступных действий или без совершения) английского и американского общего права, а также с понятием преступного заговора в целях совершения убийства в духе статьи 49 германского уголовного закона. И, наконец, это совпадает с понятием об общем плане или заговоре в духе статьи 6 устава (также с совершением или без совершения определенных действий).

Общим для всех этих уголовных законов является то обстоятельство, что осуждены могут быть только те лица, которые являлись участниками этих преступных организаций и знали о целях этих организаций.

По моему мнению, ни в коем случае нельзя здесь допустить никакого поверхностного субъективного анализа, помня, что совершение указанных преступлений карается высшей мерой наказания — смертной казнью. При таком анализе необходимо всегда иметь полную уверенность в действительном, фактическом положении вещей. Нельзя допускать никакого вольного толкования. Поэтому от настоящего процесса настоятельно требуется, чтобы решение о признании организации преступной могло быть принято только в том случае, если будет установлено, что цели этой организации были преступными в духе статьи 6 устава и что члены этой организации знали об этих преступных целях. Это необходимо еще и потому, что настоящий процесс по существу является основным, когда устанавливается виновность отдельных лиц в зависимости от виновности организаций.

Требование справедливости не допускает такого положения дел, при котором члены организаций будут признаны участниками преступлений, несмотря на то, что они не знали о преступных намерениях и целях организации и, таким образом, являются невиновными. Поэтому и не получится такого положения вещей, которого опасается судья Джексон, когда предложение о признании организаций преступными будет отклонено и виновный восторжествует. Я стою на той точке зрения, что виновные независимо от их количества должны быть наказаны. Соображения процессуальной целесообразности, однако, не должны привести к такому положению, при котором рядом с виновными будет осуждено огромное число неповинных.

Что же является относящимся к делу и имеющим существенное значение при представлении доказательств, если перейти к основному вопросу? Степень отношения к делу и допустимость доказательств зависят от определения понятия преступного характера организаций. Из того определения понятия, которое я пытался дать, вытекает, что следующие моменты являются существенными в процессе представления суду доказательств и их следует учитывать, чтобы установить, что;

а) могли быть союзы, которые не имели преступного устава или

конституции и не преследовали преступных целей в духе статьи 6

б) могло быть такое положение, когда этими организациями или в связи с деятельностью организаций не были совершены преступления в духе статьи 6, или, во всяком случае, не совершались систематически в течение опрделенного промежутка времени;

в) определенное количество членов не знало о преступном характере или о преступных целях организации и систематическом совершении преступлений в соответствии со статьей 6, а также не одобряло этого положения вещей;

г) определенное число членов или определенные самостоятельные группы были вовлечены в преступные организации принудительным образом, под давлением, или обманным путем, или путем какого-либо распоряжения, или были созданы таким же образом союзы;

д) определенное число членов без каких-либо действий с их стороны стали членами этих союзов, когда им присвоили почетные звания членов организации.

Так как я полностью сознаю, что в связи со всем этим речь идет о совершенно не исследованных правовых проблемах, то я думаю, что мы при дальнейшем представлении доказательств будем наталкиваться еще на целый ряд моментов, которые смогут разъяснить нам положение, и поэтому я считаю, что будет целесообразно, если суд сейчас, на настоящей стадии процесса, не будет связывать себя с раз и навсегда установленными определениями понятий. Более того, я прошу, чтобы представление доказательств было разрешено в самом большом объеме согласно статье 9, параграфу 2 устава.

В заключение я перейду к вопросам, каким образом следует представлять доказательства и как будут заслушиваться члены этих организаций в соответствии со статьей 9 устава. Нормы процессуального права, принятые во всех государствах, представляют каждому подсудимому определенные права на суде. Наиболее важными правами являются право требовать устного разбора дела, право на защиту и право быть выслушанным в суде. Поэтому эти права следует предоставить всем членам организаций. Несмотря на эту принципиальную точку зрения, которая еще будет детально обоснована защитой, защита не забывает о том, что в рамках этого процесса все это практически неосуществимо.

Если учитывать огромное число лиц, затрагиваемых обвинением организаций, то мы неизбежно встретимся с невероятными трудностями, которые будут препятствовать разумно решить эту проблему. Но, тем не менее, необходимо найти достаточное основание для предъявления обвинения. Этот критерий должен быть найден для оценки деятельности, как организаций, так и отдельных членов организаций.

Для того чтобы вообще сделать возможным данный процесс, нужно сделать все, чтобы путем обобщения и типизации прийти к результату, который позволит установить состав преступления большого числа лиц. Мы не забываем о

трудностях, которые имеются, когда мы должны будем искать справедливое решение, прибегая к использованию типических явлений, которые послужат основой обвинения. Однако было бы неразумным пытаться найти истину в том обилии показаний отдельных свидетелей, которые могли бы предстать перед судом. По нашему мнению, представление отдельных доказательств и сбор этих доказательств должны быть разграничены по принципу места и времени.

Это можно сделать путем точного опроса отдельных членов организаций во всех местностях, где они находятся, принимая во внимание, что огромное большинство из них в настоящее время находится в различных лагерях. Мы думаем, что подготовка отдельных дел, наиболее приемлемая в правовом отношении, может быть произведена таким образом, что в каждый лагерь будут посланы соответствующие доверенные лица, которые займутся этой работой, естественно, при сотрудничестве защитников организаций или их заместителей и ассистентов, и что затем эти доверенные лица представят суду материал о деятельности и субъективной позиции отдельных членов организаций.

Мы думаем, что для того, чтобы получить наиболее ясное и точное представление обо всем этом, необходимо, чтобы эти доверенные лица собрали среди заключенных письменные показания под присягой в отношении тех основных моментов, которые выдвинуло обвинение. Доверенные лица могут затем в качестве свидетелей под присягой заявить в суде в соответствии с анализом письменных показаний, данных под присягой, отдельных заключенных, являвшихся участниками обвиняемых организаций, в какой степени эти заключенные были осведомлены о совершенных преступлениях. При этом также возникнут трудности.

Для того чтобы получить правдивую картину, представителям обвинения нужно будет уверить отдельных заключенных в том, что их правдивое повествование отнюдь не будет представлять материал для их обвинения и не явится материалом, согласно которому их будут преследовать.

Поэтому мы считаем, что будет целесообразно, поскольку эти письменные показания, данные под присягой, будут переданы суду в качестве документов, если обвинение официально заявит, что весь этот материал не послужит целям личного преследования отдельных лиц, представивших эти материалы. Это заявление обвинения не будет связано с признанием какого-либо иммунитета для отдельных членов организаций. Однако отдельные заключенные из лагерей будут уверены в том, что их показания, данные под присягой, не явятся материалом для будущего уголовного преследования их самих.

Если представители обвинения не согласятся с этим предложением, то можно будет ограничиться показаниями этих доверенных лиц, исключая представление документов отдельных заключенных. Эти доверенные лица будут говорить о процентном соотношении участников преступных действий и лиц, не принимавших в этом участия.

Председатель: Так как вы не закончили, думаю нам лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Кубушок: До перерыва я ссылался на предложение о получении информации о деяниях и отношении членов посредством типичных фактов. Я продолжаю:

Такой порядок приема доказательств должен быть распространен на достаточное количество лагерей во всех зонах оккупации. По результатам сообщений доверенных лиц можно будет сделать заключение о наличии типичных, характерных данных о преступной деятельности и позиции отдельных членов организаций или, наоборот, признать, что преступные действия не имели места. Одновременно нужно будет сделать вывод, имеет организация преступный характер или нет.

Если обвинение согласится в этом пункте с представителями защиты, то, мне кажется, мы, таким образом, добьемся правильного разрешения вопроса о представлении доказательств, отражающих как положительные, так и отрицательные моменты.

Если не будет заслушано достаточное число заключенных в лагерях (особенно это касается представителей СА), то можно будет заслушать и не находящихся в настоящий момент в лагерях членов организации. Таким образом можно было бы разрешить задачи, стоящие перед судом.

Серватиус: Я хотел бы высказать мое мнение по тем трем вопросам, которые в настоящее время обсуждаются в суде. Я не могу сейчас высказать мнения в отношении заявления судьи Джексона и хотел бы от лица моих коллег заявить, что мы сможем высказаться по этому вопросу после его изучения, однако суд понимает, что я и ряд моих коллег желают представить наше дело после изучения материала и законов. Вероятно, трибунал предоставит нам такую возможность очень скоро.

А сейчас я хотел бы остановиться на ряде чисто технических вопросов и выполнить свой долг, а именно — разрешить ряд важных для защиты вопросов.

Первый вопрос заключается в следующем. Здесь говорится о том, какие доказательства должны быть представлены трибуналу на этом основном процессе и какие будут предъявляться в дальнейшем на последующих процессах в отношении отдельных членов организаций.

Ответ заключается в том, что доказательства должны считаться важными, если они имеют значение для установления преступности. Если проанализировать понятие «преступность», то окажется, что в этом случае не имеется и не может быть такого состава преступления, который подлежал бы наказанию, ибо в действительности речь идет лишь о таком определении, которое отличает хорошие или плохие стороны какого-то явления. Устав не обязывает трибунал выносить какой-либо приговор; там говорится, что трибуналу предоставляется право признать

организацию преступной, но он не обязан выносить такое решение, как не должен выносить решение об отдельных членах организаций.

Таким образом, перед трибуналом стоит задача, которая принципиально отличается от задачи судьи по обычному уголовному делу. Судья вынужден при наличии того или иного преступления вынести приговор и применить ту или иную меру наказания. Трибунал же должен установить для какого-то явления, подлежит оно наказанию или нет. Судья вынужден при наличии преступления, за которое предусмотрено наказание, вынести приговор и определить какую-то меру наказания.

Однако, это задача законодателя, но не судьи. Трибунал же должен установить лишь преступный характер какого-то явления, подлежащего наказанию, на основе чего впоследствии какой-то суд вынесет приговор с применением наказания. Такая задача трибунала аналогична задаче законодателя, а не судьи. Трибунал как законодатель устанавливает, подлежит явление наказанию или нет, и создает в соответствии с этим необходимые материальные и процессуальные нормы и основы.

Тем самым создается процессуальная основа для судьи при разборе отдельных дел таким же образом, каким законодатель, определяя меру наказания за воровство, создает правовые основы для осуждения лица, совершившего кражу.

Деятельность трибунала является деятельностью законодателя, это следует из того, что и без помощи трибунала подписавшиеся стороны могли с тем же успехом установить, что все члены организаций подлежат суду, так как они были членами организаций.

Закон Контрольного совета, изданный 20 декабря 1945 г., подтверждает эту точку зрения, так как здесь мы имеем уже дело с конкретным законом, изданным на основе ожидавшегося от трибунала бланкетного закона, дающего полномочия на его реализацию.

Характеру законодательных функций трибунала вполне соответствует то, о чем говорил судья Джексон, который ссылался на соображения целесообразности и искал такие процессуальные основы, которые позволили бы предать членов организаций суду.

Соображения, из которых должен исходить трибунал, носят политический и правовой характер. Его решение основывается на нормах морального порядка, из которых должно вытекать, что члены организаций были преступны и подлежат наказанию.

Для того чтобы установить состав преступления, судья собирает доказательства. В качестве органа, который издает законы, трибунал должен использовать соответствующие материалы. Судья может на основании предписанных правовых норм легко установить, что является существенным в данном вопросе и что он может, поэтому допустить в качестве доказательства.

Такое установление существенного и несущественного на данном процессе

является крайне трудным для трибунала. Органы, издающие законы, действуют иначе, чем судьи. Они рассматривают явления с точки зрения их наказуемости, и для них является существенным все то, что имеет значение для содержания закона.

При этом законодатель должен составить себе общее представление о всем явлении в его совокупности и должен рассмотреть все явление как с хорошей, так и с плохой стороны.

Основным правилом правосудия является то, что только виновный должен быть наказан. Если человек, издающий законы, хочет этого достичь, то он должен расследовать, затрагивают ли его распоряжения только виновных. Поэтому он должен учитывать все те возражения, которые может сделать каждый, кого касаются его распоряжения. Охрана невиновных должна осуществляться таким образом, что в каждом отдельном случае вина индивидуума должна быть доказана. Орган, издающий законы, преднамеренно не собирается заключать под стражу человека, который является невиновным.

Каждое убийство человека является преступлением, которое должно быть наказано. Но тот факт, что обвиняемый действительно является убийцей, должен быть доказан. Обвиняемому должно быть предоставлено право возражать против обвинения в том, что он намеревался убить. Если издающий законы не хочет допустить такого возражения, то он сам должен проверить материалы, проанализировать объем представленных доказательств. Какие возражения против предъявленных обвинений могут быть сделаны на предстоящих индивидуальных процессах, не должно занимать трибунал. Однако необходимо учитывать, в какой мере невиновный располагает в этом индивидуальном процессе гарантиями, которые могут оградить его от наказания, которого он не заслуживает.

Трибуналу необходимо проверить все те материалы, которые в дальнейшем не могут быть предоставлены в распоряжение членов обвиняемых организаций на дальнейшей стадии рассмотрения дел о них.

Предвосхищая эти полномочия трибунала, Союзный контрольный совет издал Закон № 10. В этом законе предусмотрено правило, согласно которому каждый член преступной организации может быть осужден, в том числе к смертной казни с конфискацией имущества. Такое толкование полномочий трибунала противоречит основному положению, принятому Ялтинской конференцией[312], о том, что законодательные функции подписавшихся сторон в этом отношении передоверяются суду, который будет осуществлять правосудие и осуждать только виновных на основании анализа существовавшего положения и путем устного заслушивания соответствующих членов организаций. Трибунал должен поэтому детально установить предпосылки наказуемости и определить характер возражений,

[312] Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав (4–11 февраля 1945) — вторая по счёту многосторонняя встреча лидеров трёх стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны, посвящённая установлению послевоенного мирового порядка.

право на которые следует предоставить данному индивидууму. Трибунал должен также ограничить действия своего приговора путем установления тех мер наказания, которые он считает возможным применять.

Я думаю, что господин судья Джексон высказался в духе, который не противоречит тому, о чем я здесь говорю.

Трибунал не имеет права — в духе и в соответствии с уставом — передоверить свои полномочия отдельным судам, то есть практически предоставить этим судам право решать указанные вопросы, так как их состав и их правовые точки зрения могут быть различными.

Члены организаций имеют право быть заслушанными Международным военным трибуналом, принимая во внимание значение того решения, которое трибунал собирается вынести, и учитывая, что оно может повлечь очень тяжелое моральное осуждение каждого человека, который затронут данным процессом, не считая того, что все эти люди будут осуждены еще в индивидуальном порядке. В каком порядке и какие доказательства должны представляться трибуналу? Я думаю, что должны представляться такие доказательства, на основании которых трибунал может проверить и проанализировать типические явления для того, чтобы определить виновность; доказательства же, характеризующие чисто «индивидуальные» моменты, нужно представлять последующему суду.

Разделение типичного и индивидуального очень затруднительно, так как то, о чем будут говорить отдельные члены организаций, может иметь двойное значение. Так, показание члена организации о том, что он не знал о преступных целях организации, может означать, во-первых, что такого преступного замысла не существовало, а во-вторых, что член организации не знал о фактически существовавшем преступном замысле этой организации. Первое является возражением, которое касается организации в целом, второе — возражением чисто личного характера.

На основании всего изложенного я хотел бы сказать трибуналу следующее.

Состава преступления в смысле уголовного права здесь не может быть. Установление состава преступления связано с определением наказания. Представление доказательств на данном процессе в действительности является анализом материалов для законодательного акта. Так же надо расценивать и возражения отдельных членов групп и организаций. В какой степени трибунал сам должен проанализировать все это, зависит от того, какой объем и содержание он хочет и может придать своему приговору. Только то, что не является типичным и не имеет значения с точки зрения правовой и политической, может разбирать последующий суд, который будет рассматривать отдельные индивидуальные дела.

По вопросам 2 и 3, трибунал выразил желание выяснить, какие ограничения круга членов отдельных организаций следует установить, в какой промежуток времени совершались рассматриваемые преступления. Оба вопроса

затрагивают одинаковую проблему, а именно, зависит ли такое ограничение от ходатайства со стороны обвинения, или же трибунал самостоятельно может ограничить себя в содержании своего приговора.

Я думаю, что господин судья Джексон высказался таким образом, что полномочия устанавливать ограничения будет иметь суд. Обвинение, однако, оставило за собой право в отношении политических руководителей в случае установления ограничений для этого круга лиц, а также в отношении тех лиц, которые были выпущены на свободу, возбудить отдельное уголовное преследование или принять какие-либо другие меры.

Такое право, однако, устав не предоставляет обвинителям. Это противоречит также естественным полномочиям трибунала, который может объединить в своем решении не только наказание, но и оправдание. И эти действия не могут быть каким-нибудь образом изменены вмешательством обвинения. Нельзя также ограничивать тот материал, который нужно будет проанализировать, так как решение, касающееся обвиняемых организаций, может рассматривать все эти материалы в целом. Не следует выхватывать какой-то определенный промежуток времени и затем заявлять, что вся организация в течение всего времени существования была преступной.

То, что будет рассматриваться трибуналом как группа или организация, не должно зависеть от критериев обвинения; это следует из статьи 9 устава, согласно которой признание преступного характера организации находится в тесной зависимости от действий одного из главных обвиняемых. Это может решать, однако, не обвинение, а трибунал.

Соответственно, я хочу ответить на вопросы 2 и 3 следующим образом:

Вопрос 2: Ограничение времени, в течение которого деятельность организации должна рассматриваться как преступная, не должно зависеть от требования обвинителей. Трибунал может и должен сам определить и ограничить этот промежуток времени, если организации или группы не все время своего существования вели преступную деятельность и если главные обвиняемые в качестве членов этих организаций или групп не оказывали влияния на сроки существования этих организаций. Это следует учесть, и такое ограничение должно быть сделано.

Вопрос 3: В отношении ограничения круга участников этих организаций должен действовать тот же порядок, который я предлагаю для ограничения времени.

Трибунал имеет право ограничить своим решением действия приговора в отношении всех групп и организаций. Это ограничение должно быть сделано в случае, если материалы рассмотрения дела главных обвиняемых как членов организаций не затрагивают определенные круги организаций.

Это все соображения, которые я хотел бы высказать по поводу поставленных вопросов. Я хочу сейчас коснуться еще одного принципиального

вопроса, который сегодня был затронут, а именно права быть выслушанным судом. Согласно статье 10 устава каждый член организации может предстать перед судом, если эта организация была объявлена трибуналом преступной. Важнейшей задачей трибунала является заслушивание отдельных членов организации. Без этого невозможно вынесение приговора, это является предпосылкой, без которой невозможно проводить данный процесс. До сих пор защите представлено около 50 тысяч ходатайств, тогда как имеется 7—10 миллионов членов организаций, подлежащих объявлению преступными. Естественно, что это очень незначительное количество ходатайств. Для того чтобы трибунал не сделал неправильный вывод, я хотел бы сказать, что это не означает, что преобладающее число лиц, которых затрагивает данное обвинение, молчаливо признает себя виновными. Наоборот, я хочу подчеркнуть, что они самым решительным образом отрицают вину.

Поэтому я сейчас проанализирую причину такого положения, которое привело к тому, что имеется так мало ходатайств, и постараюсь доказать, что это нельзя отнести на счет вины обвиняемых. Я не считаю, что мы имеем дело с невниманием или с отсутствием интереса суда к оповещению членов организаций. Есть ряд ярких фактов, которые являются причиной того, что происходит.

В прессе и по радио было объявлено, что люди могут быть заслушаны на суде, но нужно учитывать, что даже в самых больших, но разрушенных городах нет газет и радио.

Не дошло оно также по причине недостатка бумаги. В лагерях для интернированных, где сконцентрировано значительное число лиц, затронутых обвинением, трибунал распорядился сделать соответствующее объявление. Было ли это осуществлено, я не мог установить до сих пор. Господин судья Джексон сегодня утром ссылался на целый ряд документов, так что я смогу, вероятно, выяснить истину, но тот факт, что из большинства лагерей нет или поступило очень мало ходатайств, вызывает беспокойство. Даже если лица, которых касается это обвинение, узнали о своих правах, то, вероятно, им до сих пор было невозможно представить ходатайства трибуналу. К моменту опубликования объявления не существовало еще регулярной почтовой связи между отдельными оккупационными зонами и до сих пор нет еще почтовой связи с Австрией, где находятся десятки тысяч заключенных.

В объявлениях, касающихся организаций, в качестве замены отсутствующей почтовой связи были предложены два пути для того, чтобы обеспечить поступление ходатайств. Однако оба эти пути оказались недостаточными, и это, очевидно, является основной причиной непоступления ходатайств. Члены организаций, которые не находятся в заключении, должны были передать свои ходатайства ближайшим местным военным учреждениям.

Мне, однако, неизвестно ни одного случая, когда ходатайства были бы получены таким путем. Попытка использовать этот путь, очевидно, оказалась

безуспешной вследствие того, что военные учреждения не оказали содействия.

Заключенные члены организаций должны были передать свои ходатайства через командующих офицеров в своих лагерях. Однако из очень немногих лагерей, спустя недели и месяцы после начала процесса, стали поступать ходатайства, которые были поданы, как оказалось, еще в ноябре. Нужно сказать, что это произошло только в отношении части лагерей, находящихся в американской и британской зонах оккупации. Из советской, польской и французской оккупационных зон, а также из Австрии и других мест, где находятся такие лагеря, до сих пор не поступило ни одного ходатайства, насколько это известно защите. Я хочу, чтобы суд сам оценил это явление.

Однако одинаковые обстоятельства, показывают, что в этом нет вины членов организаций. Из многих трудностей я хочу привести только один разительный пример, который приводит изнанку ситуации. В одном лагере около 4000 членов различных организаций попросили в ноябре 1945 разрешения воспользоваться своим правом. Несколько дней назад, мне сказал в лагере офицер охраны о том, что не были разрешены никакие ходатайства для находящихся в лагере, в соответствии с правилами лагеря, для обращения за пределы лагеря. Требуется приказ для любого сообщения и ходатайства, но такого приказа не было и действующие ограничения сохраняются.

Следующей причиной отсутствия ходатайств является то обстоятельство, что лица, которых затрагивает обвинение, боялись осложнений. Они боялись, что в случае подачи ходатайств они будут заподозрены и подвергнуты преследованиям со стороны службы безопасности. Это опасение в основном стимулировалось тем обстоятельством, что объявления о праве подавать ходатайства были сделаны одновременно с указанием, что заявители не могут рассчитывать на иммунитет. Результат особенно сказался на тех членах организаций, которые находятся на свободе. Последние только в очень редких случаях подавали ходатайства, притом в основном анонимные или под вымышленными именами.

Трибуналу следовало бы оповестить общественность, что все эти опасения не обоснованны и что участие членов организаций является необходимым залогом вынесения правильного решения. Тем самым было бы устранено одно из самых основных препятствий для представления ходатайств.

Собранные ходатайства не представляют особой ценности, и вот по каким причинам. Трибунал на основании этих ходатайств должен решить вопрос в отношении заслушивания отдельных лиц. Однако это практически может произойти только в случае, если ходатайства обоснованны. Таких обоснований в целом нет, или они совершенно непригодны для использования их в качестве обоснования. Бессодержательные ходатайства или ходатайства, в которых только очень коротко приводятся объяснения, не могут явиться основанием для обсуждения.

Из части этих ходатайств нельзя даже сделать вывод в отношении

деятельности члена организации или его профессии. Такая неудачная подборка ходатайств очевидно может быть отслежена в случае человека находящегося под арестом по приказу командира лагеря который разрешил только коллективные или групповые ходатайства или установил отдельные формы которым надлежит следовать. Все кого это коснулось, находящиеся или не находящиеся под арестом, не смогли привести свои причины доступно, потому что те, кого обвиняют, знают только о том, что их организацию обвиняют, но они не знают в чём заключается преступность этой организации. Постольку поскольку были сделаны подробные заявления, в единичных случаях, они основываются на предположениях.

Для того, чтобы облегчить эту ситуацию защита посещала разные лагеря, выясняя для себя вопрос и получаю практическую информацию. Я не вдаюсь в подробности того, что приходилось преодолевать. Я не хочу обсуждать ограничение времени нашего пребывания в лагере и похожие вещи, но я должен отметить, что посещения лагеря не имели успеха постольку поскольку, я пока не получил письменные показания под присягой и иные письменные заявления от сотрудников проводивших посещения после нас хотя я знаю, что в одном случае их передали командиру лагеря.

В таких обстоятельствах фактически, сегодня, 3 месяца спустя после начала процесса, технической основы для процедуры заслушивания членов не существует. Защита крупных организаций также в затруднительном положении, чтобы исправить эту задержку за короткое время. С другой стороны, настоящий материал чрезвычайно объёмный, так как в случае политических руководителей, в которой имеются почти 50-20 категорий, такие как Трудовой фронт, отдел пропаганды, организационный отдел, и так далее, которые необходимо исследовать на предмет функций и преступный характер. Ничем этим нельзя пренебречь, и даже поверхностного обращения следует избегать. Я не обсуждаю те трудности которые защита испытывает еще и потому, что определенные правовые и процессуальные вопросы были разъяснены защитникам только сейчас.

Я должен на этом остановиться именно потому, что арестованные члены организаций заинтересованы в том, чтобы их дело было разобрано как можно скорее. Я ходатайствую о том, чтобы процесс в отношении групп и организаций, которые должны быть признаны преступными, был отделен от главного процесса и проводился как самостоятельный. Это ходатайство находится в полном соответствии с тем особым характером процесса, который должен проводиться по делу организаций.

Я вношу это предложение в ответ на выдвинутое сегодня утром предложение о порядке заслушивания отдельных членов организаций в лагерях. Согласно этому предложению должен быть выделен «хозяин», очевидно, юрист союзных армий. Этот доверенный чиновник должен провести опросы в лагерях.

Я должен самым решительным образом воспротивиться такому

положению вещей. Я считаю, что одним из самых главных прав защитника является право самому получать требующуюся информацию и что одним из самых основных прав подсудимого является то, что он может лично беседовать со своим защитником. Естественно, что союзники, которые предъявили обвинение подсудимым и организациям, не могут выполнять также функции защитников. Я не думаю, чтобы такой офицер, при всей объективности, мог бы хорошо понимать нужды обвиняемых или переживать заботы данного лица и помогать ему.

Я считаю, что к каждому лагерю должен быть прикреплен немецкий адвокат, который будет получать указания от основных защитников, собирать информацию в лагерях и передавать ее основному защитнику. Я считаю, что при таком положении защитник может собирать материал в отношении лиц, которые должны будут выступить на данном процессе.

Я считаю, что исключение защитников из этого процесса в соответствии с предложением, сделанным сегодня утром, является крайне несправедливым; я очень подробно проанализировал этот вопрос для того, чтобы возразить против этого предложения.

Меркель: В отношении общих вопросов, касающихся возможности обвинения целой организации как преступной, а также в отношении процессуальных моментов представления данных, которые должны доказать преступный характер организации, я хотел бы сослаться на то, что сказали до меня защитники Кубушок и Серватиус. У меня есть только очень небольшие дополнения по этому вопросу.

В отношении вопроса о ходатайствах я хотел бы сообщить ряд фактов из моего личного опыта. Меня очень удивило, что промежуток времени, который прошел между составлением ходатайств в лагерях и поступлением их в руки защитников, оказался крайне большим.

Я хочу привести здесь один пример. Это касается ходатайств из лагеря в Шлезвиг-Гольштейне, которые были составлены в ноябре и декабре. Я сам писал письма в лагеря, чтобы получить соответствующую информацию. Эти письма были отосланы мной 5—7 недель тому назад, но до сих пор я не получил никакого ответа.

Я знаю, что в лагере Герсбрук, например, уже в ноябре были составлены очень пространные, обоснованные ходатайства членов СС и Гестапо, но до сих пор ни защитник СС, ни я не получили этих ходатайств.

Мы имеем очень мало ходатайств от членов Гестапо. По моему мнению одна из причин заключается в том, что гораздо большее количество заключённых несомненно не знают о том, что их должны представлять и защищать на данном процессе, так как объявление направленное в лагеря было подготовлено в ноябре прошлого года. Защита организаций не была назначена до 17 декабря 1945. Правильность моего мнения можно окончательно видеть, как мне кажется, из следующего. Около трёх недель назад в немецкой газете «Neue Zeitung[313]», вышла

[313] «Новая газета» — американское печатное издание на немецком языке, выпускавшееся с 17 октября 1945 года в

статья по вопросу организаций и эта статья говорит, дословно: «Организации, как хорошо известно, не представлены на Нюрнбергском процессе». Таким образом, даже если пресса не знает о том факте, что защита организаций заседает здесь уже месяцы и часто выступает с трибуны, как можно ожидать того, что отдельные заключённые, которые проживают в лагере герметично закрытом от контакта с внешним миром, знают о наличии защиты? Вот все, что я хотел сказать по этому вопросу.

Кроме того, я тоже стою на той точке зрения, что вопрос о том, могут ли быть обвинены организации как преступные в целом, является абсолютным новшеством в правовом отношении, и поэтому такое решение в силу своего значения и возможных последствий колеблет правовые основы. Нельзя просто так обвинять целую организацию, которая уже в течение известного промежутка времени не существует. Я считаю, что всякому цивилизованному государству должна быть свойственна та точка зрения, что нельзя обвинять мертвого человека.

В соответствии с утверждением господина судьи Джексона организации СС и Гестапо, например, должны быть ответственны за истребление евреев на Востоке. Указывается еще на то, что из-за невозможности установить отдельных преступников обвиняется целая организация. Естественно, что защита исходит из убеждения в том, что виновные, конечно, должны быть наказаны, но именно только виновные. Далее установлен факт, что айнзацгруппа СД, которая отвечала за решение еврейской проблемы на Востоке, имела в своем составе только 250 членов-гестаповцев при общем составе Гестапо в 45—50 тысяч человек. Таким образом, нельзя виновность за эти преступления сваливать на всю организацию и нельзя говорить, что при таком огульном обвинении за истребление евреев отвечают все 45 тысяч членов этой организации, которые в действительности не имели с этим ничего общего. Я ссылаюсь еще на пример массового убийцы, которого нельзя поймать и вместо которого должна быть задержана и осуждена его семья.

Я прошу дать мне возможность изучить точки зрения обвинителей после того, как протокол судебного заседания будет вручен нам, учитывая то значение, которое имеют все обсуждаемые здесь вопросы об организациях. Нужно установить промежуток времени, в течение которого организацию можно рассматривать как преступную. Я хотел бы сказать, что, по крайней мере, до 1939 года Гестапо существовало на основании закона и являлось легальным учреждением. Обвинение в преступных действиях касается этой организации в основном в связи с периодом после 1939 года, то есть после начала войны.

Я присоединяюсь к мнению обвинения о том, чтобы исключили из обвинения весь технический персонал. Это соответствует тому ходатайству, которое

американской зоне оккупации Германии. Начала выпускаться в Мюнхене в конце 1945 года — сразу после того, как прекратился выпуск армейских американских газет на немецком языке. В газете сотрудничали такие писатели, как Томас и Генрих Манн, Стефан Гейм, Эрих Кестнер, Альфред Андерш. Тираж газеты составлял около 2,5 млн экземпляров. Выпуск прекратился в 1955 году.

я подал в декабре. Далее, я считаю, что из обвинения должен быть исключен и ряд других сотрудников по той же причине, что и технический персонал, который был исключен из обвинения самими обвинителями, потому что, по их убеждению, этот технический персонал ничего общего не имел с преступлениями, совершенными Гестапо.

Нужно подумать о том, чтобы ряд административных чиновников Гестапо, о которых я начал говорить и которые составляют 70 процентов общего состава Гестапо, был также исключен из обвинения. Примерно пятьсот ходатайств, которые я имею на руках, в основном исходят от таких административных чиновников Гестапо. Эти чиновники имели только специальные административные функции и не участвовали ни в каких других действиях. Они не были обучены совершать эти другие действия и поэтому не могли быть использованы как соучастники преступлений. Кроме того, они не имели исполнительной власти и поэтому не могли участвовать в совершении преступных действий. Они были заняты вопросами кадров и экономическими вопросами. К вопросу кадров они имели только то отношение, что участвовали в техническом перемещении отдельных лиц, оформляли их дела и т.д. Они производили расчет зарплаты и прочее. Это все действия, которые не имеют никакого отношения к исполнительной власти, на которую ссылается обвинение в обвинительном заключении. Я считаю, что исключение этих людей оправдано таким же образом, как исключение технического персонала, с которым суд уже согласился.

Еще одну точку зрения я хочу высказать здесь. Это вопрос относительно добровольности, которая играет большую роль во всех организациях. 7 июня 1945 Господин Джексон в своём обращении к президенту Соединённых Штатов говорил об этом следующее: «Подразделения, подобные Гестапо и СС, были боевыми организациями и состояли из добровольных лиц, фанатически преданных своему делу». Насколько это можно отнести к СС, я не знаю. Во всяком случае, в отношении Гестапо это неверно, так как Гестапо было государственной организацией, созданной подсудимым Герингом на основании закона от 23 апреля 1933 г. Я еще раз повторяю — это государственная организация. Это был полицейский орган, такой же, как и уголовная полиция, которая должна была преследовать преступников, и как полиция порядка, которая должна была охранять порядок и регулировать движение. Персонал этой организации состоял из профессиональных чиновников, которые частично уже долгое время до создания Гестапо работали в полицейской сети и которые в момент создания Гестапо и в дальнейшем были прикомандированы к этому органу и переведены туда. Согласно закону о германских чиновниках они должны были следовать этому правилу и ни в коем случае не могли самовольно решать вопрос своего перевода в ту или иную организацию. В лучшем случае можно говорить об 1 проценте добровольного членства, но 99 процентов этой организации были чиновники, которые

принудительным образом на основании распоряжения были причислены к Гестапо.

Это все, что я хотел сказать, но я прошу оставить за мной право сделать добавление, если я найду это нужным.

Председатель: Да, разумеется. Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 1 марта 1946*]

День семьдесят первый

Пятница, 1 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: По завершению аргументации по организациям, чего трибунал ожидает до конца сегодняшнего заседания, трибунал перейдет в закрытый режим. Завтра утром в 10 часов, трибунал будет заседать в открытом режиме для рассмотрения ходатайств о свидетелях и документов второй группы четырёх подсудимых. Сейчас продолжит защитник, который остановился в середине своей аргументации? Доктор Меркель вы закончили?

Меркель: Да, сэр.

Лёфлер: С позволения трибунала:, защитой, вчера высказывались возражения и сомнения по вопросу уголовных разбирательств в отношении шести обвиняемых организаций и в частности применительо к суждению об СА.

Ни одна другая организация не подвергнута такой опасности приговора противоречащего нашему чувству справедливости как СА. Я прошу разрешения трибунала привести причины этого факта.

Требование обвинения о том, что СА следует объявить преступной организацией, по сдержанной оценке затрагивает по крайней мере 4 миллиона человек. Ограничение по группам, одобренное вчера судьей Джексоном приветствуется и радует, но это не оказывает заметного влияния на количество, поскольку группы исключённые вчера, вооружённые подразделения СА и носители спортивной нашивки СА, не являлись полноценными членами СА. Таким образом, единственными исключёнными людьми является резерв СА. Так как никакого ограничения в отношении времени не сделано, это уголовное разбирательство будет включать всех кто, когда-либо принадлежал к СА, даже короткое время, в течение 24 лет между его созданием в 1921 и их роспуском в 1945, то есть, в течение периода за почти четверть века.

Вчера, мы услышали от обвинения о том, что преступные деяния вменяемые организациям являются такими же как те, что вменяются основным подсудимым, а именно преступления против мира, преступления против законов и обычаев войны, преступления против человечности, а также участие в общем заговоре.

Если мы сопоставим возможное соучастие этих 4 миллионов человек бывших членов СА с этими четырьмя важными категориями преступлений, мы

получим следующую картину:

Преступления против законов и обычаев войны не вменяются СА. Это правда, что обвинение представило письменные показания говорящие о том, что СА принимали участие в охране концентрационных лагерей и лагерей военнопленных и в надзоре за принудительной рабочей силой, но согласно презентации обвинения, этого не происходило до 1944 в рамках ведущейся тогда тотальной войны, и не имелось обвинений в том, что деятельность СА включала какие-либо эксцессы или плохое обращение.

Ни в одних из сообщённых здесь свидетелями и документами жестокостях не участвовали СА со своими 4 миллионами членов. Немногие правонарушееия против человечности вменяемые СА обвинением и совершённые отдельными членами в ходе почти четверти века никоим образом несравнимы с серьёзными правонарушениями против человечности, о которых мы здесь слышали.

Занятие СА зданий профессиональных союзов, обвинение добавленное в качестве ещё одного пункта, происходило по приказу рейхсляйтера Лея, который использовал СА для этой операции и это произошло после захвата власти.

Даже обвинение не утверждает, что какие-либо зверства, плохое обращение или эксцессы происходили, когда проводилась эта операция. Тот факт, что в связи с захватом власти весной 1933 происходили отдельные эксцессы, и то, что американские граждане Роземан и Клаубер, согласно представленным письменным показаниям обвинения, были избиты в связи с этим, разумеется вызывает сожаление. Однако, такие эксцессы со стороны отдельных лиц являются неизбежными в организациях включающих миллионы человек и сами по себе вряд ли могут рассматриваться в качестве надлежащих оснований для объявления преступной всей организации.

Наконец, участие СА в качестве охраны в концентрационных лагерях согласно презентации обвинения ограничивалось единичными исключениями и закончилось в 1934. Комендант концентрационного лагеря Ораниенбург[314], согласно презентации обвинения являлся СА фюрером. Однако не утверждалось того, чтобы он совершал какие-либо преступления.

Второй пример, плохое обращение с заключёнными в лагере Хохштайн в лице членов СА и СС в 1934 привёл к уголовному разбирательству, и член СА был признан виновным и приговорён к лишению свободы на срок 6 лет.

В качестве последнего индивидуального акта остаётся участие СА в эксцессах во время ночи с 10 на 11 ноября 1938, когда разбивали окна еврейских магазинов и сжигались синагоги. Здесь, также, план и приказ не исходили от СА. СА было просто поручено высшими партийными руководителями, исполнить этот

---

[314] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

приказ. Наконец, если учитывать, что в ходе политической борьбы 1921-1933 старые СА участвовали в драках – часто чисто оборонительно – с политическими оппонентами, и то, что они не стали организацией с миллионами членов до момента захвата власти, мы приходим к следующему выводу по цифрам:

На основе презентации обвинения как самое большее 2 процента из всех обвинённых членов СА участвовали в отдельных наказуемых деяниях; 98 процентов из 4 миллионов, согласно их убеждению сохранили свои руки чистыми от таких наказуемых индивидуальных деяниях.

Здесь, также обвинение не захочет настаивать на том, что эксцессы этих 2 процентов сами по себе заклеймляют всю организацию как преступную. Эти 98 процентов, то есть округленно 3900000 бывших членов СА, несмотря на это должны защищать себя против обвинения в участвии в подготовке агрессивной войны или планировании или исполнении общего заговора, или, формулируя более строго, против обвинения в принадлежности к организации, которая преследовала эти преступные задачи.

Каким будет результат если мы применим определение преступного характера организации, сформулированное вчера судьей Джексоном и сэром Дэвидом Максвелл-Файфом?

Члены СА признают, что согласно определённым вчера пунктам 1 и 2, такой критерий является правдой для СА, а именно, то, что СА являлись совокупностью множества лиц с коллективными целями, и членство являлось принципиально добровольным. Однако, они категорически отрицают применение критериев 3, 4 и 5. Пункт 3 требует, чтобы организация преследовала объективно преступные цели по смыслу статьи 6 устава. Миллионы членов, если бы свидетельствовали здесь, сказали бы о том, что ни в программах, ни в речах своих руководителей их не призывали следовать таким преступным целям или методам. Следовали ли руководители СА таким целям в тайне или нет, эти люди не могут судить. Следовало ли руководство СА таким преступным целям тайно, может установить только трибунал и только тогда, когда будут открыты архивы, свидетели смогут дать показания, и документы можно будет предъявить суду.

Теперь, пункт 4 определения обвинения, если вчера, я правильно понял судью Джексона, требует помимо этого, в качестве элемента преступления, субъективную вину, чтобы цели и методы такой организации имели такой характер, что разумный, обычный человек мог о них знать.

Об этом я хочу в особенности подчеркнуть, что я, по согласованию со своими коллегами, не считаю такое определение адекватной защитой, поскольку это означает, что член может быть наказан, даже если он не осознавал преступного характера организации, но должен был это осознавать при разумной заботе. Мне неизвестна ни одна система уголовного права в современном цивилизованном государстве, которая утверждает, что халатность даже тяжкого и серьёзного

характера, является достаточной для образования вины в позорном уголовном преступлении, то есть преступлении относящимся к группе тягчайших правонарушений. Преступление такой категории может быть совершено только с умыслом. Вероятно, обвинение позже сможет обсудить этот вопрос на основе своих сведения о нормах англо-саксонского и других зарубежных правовых систем.

Этот пункт имеет для меня особое значение, потому что, если им пренебречь – то существует опасность того, что судьи, в частности англо-саксонские судьи, применят политические стандарты своих стран к германским условиям. Здравого политического инстинкта, который характеризует граждан Англии и Америки не существует у немцев. Мы политически незрелый народ, доверчивые и соответственно особенно восприимчивые к политически неправильному руководству. Суд не должен упускать из вида эту разницу при вынесении приговора о доброй вере индивидуальных членов организаций. Согласно представлениям, которые защита СА почерпнула из сведений о своих визитах в лагеря и из многочисленных писем, большинство членов СА убеждены в том, что они не принадлежали ни к какой преступной организации. Помимо прочих причин имеются следующие субъективные:

Было общеизвестно и в особенности провозглашалось в «Организационной книге» партии – документе PS-1893, страница 365 – что только то лицо, чей характер являлся безупречным могло вступить в СА. Далее, дословно говорится, я цитирую: «Безупречная репутация и отсутствие уголовных дел». Члены СА утверждают, что они не знают такого случая, чтобы банда уголовников или заговорщиков требовала в своих уставах похожих условий для членства.

Суть заговора заключается в мысли о том, что его преступные цели держат в тайне от противников. Организация из нескольких миллионов, по самому своему характеру, не годится для заговора. Руководители СА подчёркивали в многочисленных речах о том, что они хотели сохранения мира при любых обстоятельствах. Они отмечали, что Германия угрожала бы европейскому миру, если бы она оставалась беззащитной и безоружной в сердце Европы и о том, что состояние готовности являлось лучшей гарантией обеспечения будущего мира в Европе. Простые члены снова и снова отмечают тот факт, что зарубежные державы предоставили дипломатическое признание лидерам национал-социализма. Они считают этот факт, не просто актом «международной учтивости», но также убеждены в том, что зарубежные правительства не вступили бы в сношения с германским правительством, если бы германское правительство состояло из открытых преступников.

Я могу отметить конкретный характерный пример: обвинительное заключение против СА состоит из ряда документов. Это документы PS-2822 и 2823. Согласно этим документам, уже в мае 1933 подполковник Аулеб[315], заместитель

---

[315] Хельге Аулеб (1887 — 1964) — немецкий военачальник, генерал пехоты вермахта, командир нескольких дивизий и

военного рейхсминистра в то время, был прикомандирован к высшему командованию СА для того, чтобы гарантировать связь между главами двух организаций. Но с вопросом в целом обращались строго секретно, и было приказано о том, что Аулеб должен носить форму СА в целях конспирации. Я спрашиваю, как должен был обычный член СА знать, что-нибудь о подобных вещах? Я упомянул здесь несколько моментов предложенных членами СА, которые, по мнению защиты, не являются необоснованными, но которые показывают, что большинство этих людей никогда не думали об участии в преступном заговоре.

Также пятый критерий, изложенный вчера обвинением в отношении определения преступной организации – тесная связь между главными подсудимыми и СА – и ни в одном из дел организаций подтвердить это не так сложно как в деле СА. В первую очередь, это звучит удивительно, из главных подсудимых здесь, шестеро были высокопоставленными членами СА. Вместе с тем, тщательное изучение показывает, что не существует никаких связей. За исключением Геринга, никто из главных подсудимых никогда не осуществлял командных полномочий над всеми СА. Звания, которые имели эти главные подсудимые в СА были почётными и так сказать декоративными. Соответственно, обвинение упоминало Геринга только в связи с СА в его недавнем перечне элемента преступления. Однако, даже связь Геринга с СА довольно любопытно является весьма малой и на самом деле ограниченной периодом трёх четвертей года – то есть – 9 месяцами, а именно, с февраля 1923 по 9 ноября 1923, то есть 23 года тому назад. Геринг никогда не являлся, как указано в приложении А обвинительного заключения рейхсфюрером СА. Это ошибка. Скорее, в феврале 1923 Герингу было поручено принять командование существовавшей в партии группой защиты митингов – так называемым Sturmabteilung[316]. Геринг возглавля СА вплоть до ноябрьского путча 9 ноября 1923[317]. В тот день прекратились его командные полномочия над СА и никогда не возобновлялись. Позднее Герингу Гитлером было вручено почётное командование подразделением Feldherrnhalle[318]. Он являлся почётным командиром, но не действующим командиром этой части. Мне кажется, разница между почётным и действующим командиром известна во всех государствах. Я приведу дальнейшее пояснение. Почётное командование имеет чисто декоративное значение.

Задачей, которую СА осуществляли при Геринге в 1923 году являлась защита митингов. Во всяком случае, нельзя вменять в вину, то, что тогда СА, во взаимодействии с Герингом уже планировали преступления указанные в статье 6

корпусов, а также командующий войсками Вермахта в Крыму во время Второй мировой войны (с 27 апреля по июль 1943 года).

[316] «Штурмовым отрядом» (нем.)

[317] «Пивной путч» (известен также как путч Гитлера и Людендорфа) — неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене.

[318] СА-штандарт «Фельдхеррнхалле» - военное подразделение созданное в 1934 в составе СА. В 1936 передано Люфтваффе. С началом Второй мировой войны части были переданы в различные соединения Вермахта.

устава или то, что эти цели предполагались тогда в какой-либо осязаемой форме. Нельзя вменить и то, что Геринг, когда-либо использовал СА после 1923 для осуществления преступного плана. Человеком, который возглавлял СА с 1930 по 1934 был Эрнст Рём[319], который являлся жестким оппонентом Геринга. После его смерти СА возглавлял Виктор Лютце[320] с 1934 по 1943, и с 1943 до их роспуска Вильгельм Шепманн[321].

В соответствии со статьей 9, параграфом 1 устава, организация может быть объявлена преступной только в связи с каким-либо актом, в котором может быть осуждён главный подсудимый. С правовой и фактической точки зрения у меня имеются серьёзные сомнения о том являются ли факты 1923 достаточными для соответствия требованиям устава в отношении СА. Это можно сделать, только если трибунал имеет причину в качестве отдельного преступления вынести приговор о деятельности Геринга как руководителя группы СА по защите митингов 23 года тому назад, включая ноябрьский путч. Однако, это было бы отходом от того факта, что вся акция была разрешена правовым путём в результате амнистии демократического правительства Рейха, каким-бы не было дело, тогда это было разрешено так.

С позволения трибунала, если так обстоит дело в отношении любой организации, тогда, разумеется, также обстоит дело в отношении СА, что перечисление среди преступных организаций противоречит реальной картине. Широкие круги за рубежом, в частности те которые были вынуждены покинуть Германию в 1933, ничего не знали о полном изменении структуры, которому подверглись СА в ходе последующих лет. Зарубежные страны слышали на каждом заседании Рейхстага традиционную песню «Марш СА», при том, что фактически, СА уже задолго до этого утратили своё политическое влияние и массово преобразовались в союз с широким членством, сам размах которого полностью обезвреживал их на предмет заговора и демонстрировал все характеристики так называемого клуба по интересам. В этом я ссылаюсь на заявления сделанные полковником Стори в его речи от обвинения. Это на странице 1546 стенограммы суда. Организацией посредством которой СА были устранены из политической жизни, были как известно СС, и это случилось в связи с так называемым путчом Рёма в 1934[322]. То, что на самом деле, СА и СС всегда враждовали друг с другом как заклятые враги является фактом который в интересах истины нельзя не упоминать.

---

[319] Эрнст Рём (1887 — 1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА. Вместе с некоторыми другими руководителями СА был убит по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей».

[320] Виктор Лютце (1890 — 1943) — начальник штаба СА в 1933 – 1943. Погиб в автомобильной катастрофе.

[321] Вильгельм Шепманн (1894 — 1970) — государственный и партийный деятель Германии, со 2 мая 1943 — исполняющий обязанности начальника штаба СА в чине обергруппенфюрера СА, с 9 ноября 1943 — начальник штаба СА), рейхсляйтер.

[322] «Ночь длинных ножей» (нем. Nacht der langen Messer; Путч Рёма — нем. Röhm-Putsch) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

По этим причинам об СА следует судить исходя из совершенно другой основы, даже немецким оппонентам национал-социализма, и это уже привело к противоречивым результатам, быстрое устранение которых обвинением или судом было бы весьма желательным.

Пользуясь возможностью необходимо обозначить следующие факты: СА вплоть до высших рядов, принципиально не являются предметом ареста, что отличается в случае других организаций. Новый закон о денацификации который недавно вступил в силу после консультаций между немецкими кругами и военным правительством и который сейчас является действующим законом во всей американской зоне, рассматривает всех членов СА ниже звания штурмфюрера ни как активных нацистов, но и не больше ни меньше как преступников. В соответствии с избирательной процедурой, действующей в американской оккупационной зоне, которая являлась основой для недавних выборов в тысячах немецких общин в соответствии с директивами военного правительства, обычным членам СА, постольку, поскольку они не являлись членами партии, не только разрешалось голосовать, но и быть избранными. Те же самые люди, которых на суде обвиняют в серьёзных преступлениях могут в тоже самое время, в соответствии с действущим законом избираться в советы общин и фактически были избраны.

Я лично, две неделу назад разговаривал с членом СА и спрашивал его, был ли он вызван в соответствии с уведомлением суда сюда для допроса. Он заявил о том, что не видит никакой причины делать это, потому что он был избран и одобрен в качестве члена совета общины.

Нормы установленные законом номер 30, по вопросу применения приказа о германских общинах от 20 декабря 1945, а именно статьи 36 и 37, которые показывают, что члены СА достойны избираться, также подтверждаются тем, фактом, который известен в Германии, однако не за рубежом, о том, что обычный член партии имел – конечно же, сравнительно – более активное политическое положение чем полностью безвластный член СА. Любой, кто являлся членом партии до 1937 не может голосовать, и любой, кто в любое время являлся членом партии не может быть избран.

Сравнение членов партии, которых здесь не обвиняют, и членов СА, которых здесь обвиняют, показывает следующие факты:

Если во время национал-социализма кого-то можно было безо всякой сложности инкриминировать или подозревать, член СА ни при каких обстоятельствах не член партии, потому что в отношении членства в партии – и даже обычного членства в партии – требовались более высокие требования, чем в случае членов СА. Разумеется, есть много членов СА, которые вступили в эту организацию, чтобы избежать какого-нибудь преследования, в виду своего инкриминирующего политического прошлого.

С позволения трибунала, я попытался посредством этих примеров показать

чрезвычайную опасность существующую в конкретном деле СА, если все их члены, включая миллионы обычных членов СА, юридически будут объявлены трибуналом преступниками. Я извиняюсь, за то, что не могу разделить вчерашнее мнение судьи Джексона о том, что приговор вынесенный судом будет иметь чисто декларативный характер, не включающий никаких наказаний. Напротив, мне известно, что сотни и тысячи членов СА, которые были простыми последователями и даже не являлись членами партии, были уволены со своих должностей и их будущее и существование зависят от приговора суда. Декларативный приговор суда достаточен для того, чтобы сделать их изгоями и в будущем исключить их из должностей и профессий. Таким образом, члены вправе отметить, что они лишены права заслушивания в суде. Нет прямых доказательств и нет непосредственного процесса. Суд не решает о судьбе безжизненных правовых сущностей или формальных организаций, которые уже давно прекратили существование, он выносит приговор в отношении живых людей и никакой суд не должен упускать возможности видеть людей которых он собирается судить. Хороший судья это всегда хороший психолог и быстро может сказать, какого человека судят – преступник ли он или кто-то кого обманули и ввели в заблуждение.

Ни один закон на земле с незапамятных времен никогда не позволял выносить приговор против организации вместо отдельных членов. Законы и прецеденты процитированные вчера обвинением относятся к преступным бандам и заговору, разумеется, признают большой масштаб коллективной ответственности за деяния сообщников, однако требуют соблюдения двух условий: первое, член должен знать о том, что он является частью преступного заговора или преступной группы, во-вторых, обвинительное заключение не направлено против заговора как такового, и осуждается не заговор, а лица которые являются отдельными участниками. Защита убеждена в том, что устав не вступает в противоречие с правовыми принципами всех государств.

Покойный президент Рузвельт[323], которого судья Джексон назвал духовным отцом устава, в своих великих речах, в особенности от 25 октября 1941 и 7 октября 1942 прямо заявлял о том, что руководители и зачинщики будут призваны к ответу. Позвольте мне, господин председатель, зачитать два предложения из речи президента Рузвельта взятые из официального сборника «Речи и очерки президента Рузвельта» опубликованного по приказу правительства Соединённых Штатов.

Я цитирую из речи от 25 октября 1941:

«Цивилизованные народы давно следуют основному принципу о том, что человека нельзя наказать за чужое деяние».

Вторая цитата из речи президента Рузвельта 7 октября 1942, и я цитирую:

«Количество лиц, в конечном счете, признанных виновными будет,

[323] Франклин Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США, одна из центральных фигур мировых событий первой половины XX века, возглавлял США во время мирового экономического кризиса и Второй мировой войны.

несомненно, небольшим по сравнению с общим вражеским населением. Не является намерением правительства или правительств объединённых с нами обращаться к массовым репрессалиям. Наше намерение заключается в том, чтобы справедливое и твёрдое наказание настигло кукловодов ответственных за организацию убийств тысяч невинных людей и совершение жестокостей, которые нарушают все заповеди христианской веры».

В дополнение к этим фундаментальным возражениям к такому разделению разбирательств имеется важное техническое возражение. Если трибунал, как того просят, вынесет декларативный приговор в отношении организаций, все эти миллионы членов организаций автоматически станут изгоями подлежащими чёткому юридическому решению на последующих процессах. До этой даты, каждый человек находится под серьёзным подозрением как преступник, поскольку является сомнительным, сможет ли он добиться своего оправдания на последующем процессе. Однако, так как отдельное лицо, без такого оправдания не сможет вернуться к своей профессии – и это также исключение из рядов почётных граждан пока его не оправдают – он не должен быть лишён права на проведение такого последующего процесса. Мне кажется, что судья Джексон согласится со мной в этом. Но если, как того хочет обвинение, согласно консервативной оценке декларативный приговор трибунала затронет 7 миллионов членов организаций и таким образом временно поставит вне закона, тогда потребуется провести миллионы последующих процессов. Мы полагаем, что в течение 1 года, можно будет закончить вероятно 100000 процессов. Мне кажется, это очень оптимистичная оценка, так как наши германские суды не смогут участвовать в этом, хорошо известно, что они полностью перегружены, поскольку имеют небольшое количество от своего прежнего состава. Из этих миллионов случаев, суды наверное смогут рассмотреть сначала те, которые имеют самый преступный характер. Обвиняемые, чьё существование на кону, защитят себя в ходе последующих процессов всеми имеющимися правовыми средствами. Существует опасность того, что по настоящему невиновные люди вынуждены, будут ждать многие годы, даже десятилетия, перед тем как у них появиться возможность реабилитроваться в процессе оправдания. Мне кажется, что было бы возможно найти некоего рода решение. Например, если Контрольный совет издаст закон о том, что, поскольку имеется подозрение в том, что при помощи этих организаций совершались преступления против мира и человечности, суды имеют право и обязанность судить тех в отношении кого доказано участие в этих преступлениях тем или иным образом как исполнителей или пособников – если такую формулу можно найти, тогда мне кажется, что и обвинение и защита будут считать это справедливым решением. Влияние будет ограничено теми, кто действительно виновен. Защита никоим образом не возражает наказанию тех, кто действительно виновен, с учётом того, что

их вина установлена обыкновенной бесспорной процедурой.

Однако, если суд придерживается приговора в отношении организаций как того просит обвинение, тогда я прошу по всем дополнительным причинам, так как они возникли из презентации обвинения и из впечатлений которые созданы этими ходатайствами которые были вручены, о том, чтобы приговор не выносился в отношении всех СА. Точка зрения, предложенная судьей Джексоном в случае других организаций, а именно, что перед лицом множества убийств и жестокостей отдельных членов организации уже невозможно установить зачинщиков, такая точка зрения, примечательная сама по себе, не применима к СА. Немногие эксцессы, которые согласно презентации обвинения имели место, происходили в Германии публично. Исполнители известны. Некоторые местные суды уже приступили к разбирательствам такого рода. Например, я слышал о том, что город Бамберг начал разбирательство против разрушителей синагоги и против исполнителей акции 10 и 11 ноября 1938.

Однако, если трибунал решит о том, чтобы в отношении СА был вынесен приговор, тогда я прошу трибунал как можно скорее воспользоваться правом предусмотреть определённые ограничения в отношении периодов времени и категорий членов, и обвинение и защита согласны с тем, что трибунал имеет право установить такие ограничения.

Очень важные разграничения необходимо сделать, сначала в отношении разных периодов времени. Члены СА которые вступили в СА после захвата власти в 1933 вступали в организацию имевшую перед глазами штамп одобрения государства. Признается, что даже государственная власть не может объявить преступления против человечности законными, но взвешивая степень вины и тяжесть наказания, вместе с тем, весьма важно, действовал ли исполнитель вне рамок действующих законов и совершал ли правонарушения вопреки позитивному праву, или же его деяния, при том, что они могу нарушать высший моральный приказ, не противоречат законам своей страны. Таким образом, в любом случае должно быть сделано исключение в отношении всех тех членов СА которые вступили после 1933, и которые могут подтвердить, что не принимали участия в событиях 10 и 11 ноября 1938.

В отношении категорий, я срочно прошу, в интересах правосудия, о двойном ограничении:

1. Простые члены СА вплоть до звания штурмфюрера во всяком случае должны быть исключены, и если возможно как можно скорее. Я ранее упоминал, почему это кажется императивным в интересах правосудия, по крайней мере, в американской зоне. Наверное, и я весьма приветствую – судья Джексон будет любезен, уделить особое внимание этому вопросу ещё раз. Мысль о таком ограничении также подкрепляется тем фактом, что это значительно снизит количество, устранив простых последователей, и таким образом технические

трудности которые кажутся почти неизбежными, будут сильно облегчены.

2. Приветствуется то, что вчера обвинение согласилось на отдельные разбирательства в отношении SA Wehrmannschaften, носителей спортивной нашивки СА, и членов резерва СА – или даже, их полном исключении. В интереса равенства и справедливости признаваемыми законом и трибуналом, было бы справедливо отделить от СА все те специальные спортивные подразделения которые имели слабую организационную связь с СА. Это флот СА и кавалерия СА.

У суда имеется много ходатайств и в Германии хорошо известно каждому интересовавшемуся то, что эти конкретные подразделения были исключительно заняты своими видами спорта, а именно парусным спортом и греблей с одной стороны, и верховой ездой и проведением турниров с другой. Когда в 1933 партия пришла к власти, она попыталась взять на себя ответственность за всю спортивную деятельность в Германии. Соответственно, различные мореходные клубы и так называемые районные ездовые клубы стали аффилированными с партией, но оба клуба вряд ли имеют какое-либо отношение к СА, даже после их переформирования. Только их начальники, согласно организационной схеме подчинялись СА. Они подходят для других разбирательств, потому что они составляют полностью закрытую группу в рамках СА.

Ни один из представленных здесь главных подсудимых никогда не являлся членом одной из этих спортивных групп. Члены кавалерийских СА считают, что они оказались в особом положении, потому что обвинение не обвинило NS Kraftfahrkorps[324] и NS Fliegerkorps[325], что совершенно оправданно, потому как известно, что они по своему характеру являлись спортивными организациями. NS Kraftfahrkorps и NS Fliegerkorps, однако, являлись до 1934, также как кавалерийский корпус спортивными подразделениями СА. NS Kraftfahrkorps обрёл организационную независимость с 1934 или 1935, в виду политического влияния его руководителя Хюнлайна[326]. NS Fliegerkorps также последовал такому примеру. Однако NS Reiterkorps[327] не имел такого влияния и просто стал признаваться как независимый NS Reiterkorps, но всё также формально оставался связанным через своё руководство с руководством СА, поскольку Лицман[328], начальник кавалерийского корпуса, являлся подчинённым начальника СА. Чисто по этой формальной причине здесь обвиняются около 100000 фермеров и крестьян которые

---

[324] Национал-социалистический механизированный корпус (НСМК, НСКК) — полувоенная организация в составе НСДАП. В состав НСКК входили 23 спортивные мотошколы.

[325] НСФК или Национал-социалистический авиакорпус — полувоенная организация нацистской Германии в 1937—1945 годах. Возникла как правопреемник Немецкого воздушно-спортивного союза.

[326] Адольф Хюнлайн (1881 — 1942) — государственный деятель нацистской Германии, корфюрер Национал-социалистического моторизованного корпуса, генерал-майор Вермахта, рейхсляйтер.

[327] Национал-социалистический конный корпус – объединение конные соедений в составе НСДАП.

[328] Карл Зигмунд Лицман (1893 — ?) — один из руководителей оккупационного режима Третьего Рейха на территории СССР, партийный функционер НСДАП, один из организаторов массовых расправ над мирным населением Эстонии. Имел звание обергруппенфюрера СА. В 1934-1941 главный кавалерийский инспектор НСДАП. В 1941-1944 генеральный комиссар Эстонии.

воспользовались образованием по верховой езде посредством этих районных ездовых клубов. Можно доказать, что они никогда не принимали участия в политике или какой-либо деятельности против евреев или людей других убеждений. Также следование милитаристским целям не обсуждается в случае кавалерийских СА. Уже после Первой мировой войны было очевидно, что лошадь не имеет дальнейшей роли в войне. Это обвинение можно скорее предъявить Kraftfahrkorps и Fliegerkorps. Обвинение, верно, сказало о том, что эти организации по своему характеру являлись преимущественно спортивными организациями.

По этой причине я был бы благодарен обвинению если оно ещё раз изучит упомянутые мною дела для того, чтобы установить, существовали или нет такие же условия как в случае резерва СА и в случае вооружённых частей СА.

В качестве последней группы я упоминаю университетские части СА, потому что они являлись почти полностью обязательными организациями для тех студентов которых бы не допустили к государственным экзаменам без наличия материала о деятельности в такой организации. Тоже самое применимо к частям здравоохранения СА, которые предусматривали обязательную деятельность для многих врачей которые просили о назначениях.

Я хочу поправить себя в одном пункте, потому что моё внимание обратили на то, что я хотел установить временные рамки для членов СА вступивших после 1933. Я должен сказать: «После 30 января 1933» дня захвата власти.

В заключение, я хочу сказать несколько слов о заслушивании членов СА. Большинство членов СА на свободе. Если мало написали суду, это почти исключительно потому, что поскольку СА в этой стране в целом считались неопасными, они с трудом могут представить, что трибунал сможет придти к решению, которое отличается от общественного мнения. Однако, если суд придерживается своей концепции о СА, тогда я должен поддержать предложение сделанное вчера обвинением о том, чтобы уведомление для членов было опубликовано повторно, чтобы предпринять меры по защите их интересов. Однако, я разделяю мнение представителя руководящего состава, о том, что не послужит интересам разбирательства если прямой контакт между защитой и его клиентом будет разрушен. В случае членов СА, которые на свободе, можно применить технически простой метод назначения основным защитником в Нюрнберге заместителей, предпочтительно адвокатов, в каждой провинции, например Бадене, Баварии и Вюртемберге. Провинциальная пресса укажет этих людей. Каждый отдельный член организации сможет с помощью этих адвокатов посредством письменных показаний дать ответы на вопросы которые суд сочтёт относящимися к делу.

Вчера, в весьма отрадной манере американский главный обвинитель заявил, если я правильно его понял, о том, что на этом процессе организаций, в виду его судьбоносного значения для миллионов людей, принцип справедливости ещё

более важен чем вопрос ускоренного разбирательства. Поэтому я хочу присоединиться к просьбе представителя руководящего состава о том, чтобы процесс об организациях, которые необходимо рассматривать с других точек зрения, был выделен из процесса главных подсудимых.

Члены трибунала, я, в заключение своих замечаний, хочу, однако, ответить на слова, слова заслуживающие внимания, сказанные вчера судьей Джексоном в начале его выступления. Он сказал о том, что впервые в истории современное государство полностью рухнуло, и эта капитуляция создала для победоносных наций совершенно новые проблемы, что одной из важнейших задач является уничтожение структуры этих организаций и предотвращение навсегда того, чтобы страна вела агрессивные войны и проводила погромы. Все люди доброй воли должны наиболее искренне приветствовать эту цель и поддержать судью Джексона. Однако, спорным является то, будет ли правильным ради этой цели подвергать диффамации всех членов организаций, включающих миллионы людей.

Я прошу трибунал учитывать, что вряд ли в этой стране есть семья, которая не имела близких родственников в одной из этих организаций в какое-то время. Организации мертвы, система террора и лжи распалась, миллионы заблуждавшихся и обманутых людей отвернулись от своих лидеров и обманщиков. Но если они сами подвергаются остракизму и стигматизации, эффект может быть противоположным тому на что все мы надеемся.

Судья Джексон в своей вчерашней речи правильно отметил, что Контрольный совет возможно изменит метод денацификации используемый до настоящего времени, который весьма механистический и сделает его более индивидуальным. Нынешний опыт этого механистического обращения вызывает ощущение несправедливости и соответственно ложной солидарности, влияющей на это. Миллионы заблуждавшихся последователей организаций посчитают такой приговор актом мести, нежели манифестом справедливости. Однако, кукловоды, смогут скрыть свою истинную вину, за спинами миллионов людей. Воспитательный и исправительный эффект приговора, а также мысль о справедливом оправдании будет соответственно ослаблена.

Председатель: Мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Лефлёр: Я прошу трибунал, о том, чтобы мне позволили сделать ещё одно замечание.

В своей предыдущей просьбе я не просил об исключении конкретной группы, а именно Stahlhelm[329], это было только потому, что по моим сведениям,

[329] «Стальной шлем, союз фронтовиков» — немецкая правоконсервативно-монархическая политическая и боевая организация в 1918—1933 гг.

Stahlhelm был полностью переведён в СА после захвата власти и поэтому, по моему мнению, включен в заявление сделанное вчера судьей Джексоном об исключении резерва СА.

Бабель: С позволения трибунала, в интересах ускоренного процесса я должен считать, чтобы защита не отвечала на запросы трибунала и аргументы обвинения до тех пор пока не получит в письменном виде обширную и важную аргументацию обвинения и соответственно не будет состоянии рассмотреть весь комплекс проблем полностью и окончательно.

Поскольку некоторые защитники организаций уже выступили, я чувствую обязанность сделать тоже самое, постольку, поскольку я в состоянии это сделать сейчас и считаю это уместным и необходимым.

Трибунал желает провести дискуссию для того, чтобы определить юридическую концепцию преступной организации, и желает в частности изучить вопрос который при квалификации элементов фактического характера необходим для того, чтобы объявить организацию преступной. Защите кажется, что окончательное и главное определение этой концепции, которое является абсолютно новым для правовой системы, может быть дано в конце разбирательства путём особого заслушивания доказательств после сбора и изучения всей необходимой информации.

Обвинение уже представило определение, которому, однако, сопутствуют очень серьёзные возражения, потому что оно вытекает из юридических мыслей которые взросли в странах иных нежели Германия, в других условиях и обстоятельствах, которые включают гораздо менее важные правовые последствия нежели сейчас рассматриваемые трибуналом, общественным мнением мира, немецким народом и юриспруденцией, и юрисдикцией в целом.

Обвиняемые организации по большей части являются крупными массовыми организациями, без целей и мыслей о своём собственном, организациями чьи партийно-политические цели и задачи, и партийная деятельность развивались в национальном измерении.

Справедливое и чёткое определение для этих организаций можно найти только на основе доказательств представленных о характере и целях этих организаций и сведениях, намерениях и деятельности их членов. Учитывая главное различие организаций которые были и будут рассматриваться, является более спорным будет ли возможно следовать юридическому базису применяемому до настоящего времени в единичных делах как базисе для разбирательства против организаций составляющих миллионы людей.

Обвинение и защита, вероятно, согласятся с тем, что обвинительное заключение в действительности не направлено против организаций, которые уже никак не существуют, но фактически против бывшего членства. Кажется такое же мнение, разделяется единогласно о том, что трибунал принципиально предоставит

членам подлинную возможность, не только теоретическую, быть заслушанным по вопросу преступного характера организаций, всё это следует поскольку, согласно закону номер 10, кажется исключённой возможность, чтобы члены могли приводить значимые возражения относительно организаций от своего собственного лица во время последующих индивидуальных процессов. Если трибунал не измеряет ответственность всей организации на основе ответственности отдельных лиц составляющих её, возникает опасность коллективной ответственности, которая создаст такую степень несправедливости затрагивающую отдельных лиц таким образом, что это будет гораздо хуже справедливо критикуемого Sippenhaftung[330] Третьего Рейха, который преступным путём был направлен на невиновных членов семьи в разбирательствах проводимых против одного из её членов.

Для того, чтобы определить преступную организацию, необходимо представить доказательства и информацию об осведомлённости, намерениях и действиях членов организации; похожим образом, перед осуждением отдельных лиц, как единично, так и массово, справедливость и человеческое достоинство также требуют того, чтобы каждому сообщили про обвинительное заключение и каждому была предоставлена возможность быть заслушанным для своей собственной защиты. Это требование является императивом в виду серьёзного юридического последствия угрожающего членам организаций в случае приговора в отношении них, такого как лишение имущества, длительное лишение свободы и даже смертная казнь.

Не самое последнее, заслушивание членов организаций также необходимо, потому что неограниченно составление судебных доказательств кажется неизбежным для того, чтобы работать с юридическим определением преступного характера.

Защита не игнорирует тот факт, что учитывая размах процесса, главные требования сталкиваются с огромными трудностями. Однако размах процесса, не снижает тщательности процедуры, но, напротив, должен усиливать её.

С позволения трибунала, есть предприниматели которые владеют несколькими фирмами. Если сейчас, собственник использует одну из этих фирм для совершения преступных деяний, можем ли мы говорить о том, что другие фирмы и их работники также преступники? На основе этого принципа, я считаю необходимым указать какие организации, по причинам указанным обвинениям затрагивает обвинительное заключение, как части СС. Это:

1. Общие СС – сила к началу войны, около 350000 человек. Эта цифра включает разнообразные специальные части вроде кавалерийских, моторных, информационных, музыкальных и медицинских подразделений.

---

330 «Ответственность рода» (нем.) – термин обозначающий ответственность семьи или клана за преступление совершённое её членом. Применялся в Средневековье в виде компенсаций и штрафов. В нацистской Германии был законодательно введён в августе 1944.

2. Ваффен-СС, которых к концу войны было ещё 600000 человек. В целом, в Ваффен-СС следует включать 36 дивизиий боевых частей и большое количество резервных частей резерва вооружённых сил, а также тех кто был исключён из Ваффен-СС или ушёл иным образом. Приговор на этом процессе также затронет честь умерших и судьбу выживших родственников, поэтому мёртвых также нужно включить в эту цифру, что демонстрирует далеко идущее значение этого процесса. Соответственно, общее количество членов Ваффен-СС, в особенности включая уволенных по причине непригодности к военной службе, будет во много раз больше чем цифра, представляющая последний состав.

На основе проведённых расследований защита представляет ещё более точные цифры, пока этого не сделало обвинение, что по моему мнению необходимо представить суду для вынесения приговора.

3. Части «Мертвая голова[331]» - до 1939, около 6000 человек.

4. Части СС особого назначения, включая охрану Адольфа Гитлера – до 1939, около 9000 человек.

5. Почетное фюрерство СС, чьё количество, вероятно будет очень большим, так, например, фермер-фюреры продовольственной программы Рейха вплоть до окружных фюрер-фермеров по большей части назначались почётными фюрерами СС. Похожие условия преобладают в отношении начальников нескольких управлений государственной администрации, которых часто производили в почётные фюреры СС без какой-либо инициативы с их стороны и без возможности, что-то сделать с этим. Также многие лидеры союза ветеранов Рейха получали почётные звания в СС.

6. «Обеспечивающие члены» СС в числе которых также много не членов партии, их количество пока неизвестно, но разумеется оно очень значительное.

7. Фронтовые вспомогательные службы СС почтовой службы Рейха.

8. Строительные части СС.

9. Фронтовые рабочие СС.

10. Вся полиция порядка, к которой относились:

(а) муниципальная полиция Рейха с некоторыми специальными подразделениями, такими как отряды дорожного движения, отряды по несчастным случаям, информационные, кавалерийские, кинологические взводы, радио и медицинские подразделения; (б) жандармерия с бесчисленными участками и постами, распространённая по всей стране, даже в небольших деревнях, которая несла службу без особых изменений со времен Наполеона – моторизованная жандармерия по надзору за дорожным движением; (в) муниципальная полиция небольших общин; (г) водная полиция; (д) пожарная полиция; (е) вспомогательные технические части полиции, чрезвычайная техническая служба…

Председатель: Доктор Бабель вы говорите довольно быстро, если хотите привести

---

[331] Отряды «Мёртвая голова» — подразделение СС, отвечавшее за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха

для нас эти категории.

Бабель: Господин председатель, я представлю копию трибуналу.

Председатель: Лично я, предпочитаю понимать аргументацию, когда её слышу.

Бабель: Я повторяю: (е) чрезвычайная техническая служба; обязательные, промышленные и добровольные пожарные бригады; (ж) резерв полиции и жандармерии; (з) полиция воздушных рейдов со службой помощи и безопасности; (и) городская и деревенская охрана.

Далее, есть относящееся к полиции порядка большое количество центральных учреждений, таких как государственный госпиталь полиции, офицерские полицейские школы, техническая школа полиции, спортивные и кавалерийские школы полиции, школы полиции и жандармерии, школы водной полиции и пожарных бригад Рейха, школы дорожного движения, штабы подготовки к воздушным налётам, опытные кинологические станции и конюшни полиции.

В 1942 все вышеуказанные подразделения полиции порядка, включая полициейские воинские части, составляли около 570000 человек. Если мы последуем презентации обвинения, тогда все перечисленные группы, учреждения и организации относятся к СС.

11. Все те подразделения полиции безопасности которые не относятся к самостоятельно обвиняемым Гестапо и СД, то есть, отделы и сотрудники криминальной полиции.

12. Volksdeutsche Mittelstelle[332].

13. Ведомства рейхскомиссара по сохранению немецкой нации[333].

14. Национал-политические учреждения[334].

15. Ассоциацию «Лебенсборн[335]».

16. Вспомогательных женщин СС.

Все эти группы, и подчинённые организации находились под руководством и в компетенции СС.

Суммируя, защита оценивает группу лиц обвиняемых в качестве членов СС в несколько миллионов. Однако, приговор также затронет членов семей членов СС, по крайней мере косвенно, таким образом миллионы будут затронуты лично, морально и финансово. Поскольку, кроме СС, обвиняются массовые организации

---

[332] «Центральное ведомство этнических немцев» — одно из центральных ведомств нацистской Германии, занимавшееся организацией нацистской пропаганды среди этнических немцев, живущих за пределами Германии (фольксдойче) и переселением их в Третий рейх. Создано 27 января 1937 года. 15 июня 1941 года получило в системе СС статус главного управления.

[333] Рейхскомиссар по вопросам консолидации германского народа, должность в Третьем Рейхе, отвечавшая за реализацию расовой переселенческой и поселенческой политики нацистского режима. Всё время её существования с 1939 до 1945 года эту должность занимал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

[334] НАПОЛАС, НПЕА, Национал-политические учебные заведения — система политических учебных заведений в «Третьем Рейхе».

[335] «Источник жизни» — организация, основанная 12 декабря 1935 года по личному указанию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Организация Лебенсборн была создана в 1935 году в составе Главного управления расы и поселений для подготовки молодых «расово чистых» матерей и воспитания «арийских» младенцев (прежде всего детей членов СС)

СА и руководящий состав, приговор против обвиняемых организаций будет насчитывать значительную часть немецкой нации рассматриваемую как преступники.

Согласно закону Контрольного совета номер 10 от 20 декабря 1945 каждый член может подвергнуться любому наказанию, включая смертную казнь, просто потому, что он являлся членом организации, которая объявлена преступной.

Вопрос, поставленный судом о том какие возражения можно представить этому коллективному процессу и какие возражение можно заявлять позднее на индивидуальных процессах, по моему мнению, уже разрешен законом номер 10 в том отношении, что индивидуальным возражениям подсудимого, например, о неведении в преступных целях организации не может придаваться никакого значения.

Таким образом, необходимо, чтобы доказательства на процессе следовало допускать в самом широком смысле. Защите должно быть позволено опровергать, посредством доказательств о фактической обстановке на момент соответствующего деяния, ретроспективные выводы сделанные обвинением из индивидуальных деяний и фактов.

Когда представлялись доказательства от имени индивидуальных подсудимых, трибунал заявил о своей готовности допускать любое доказательство, если оно имеет малеиший признак относимости к делу. Учитывая значение решения суда для миллионов заинтересованных людей и членов их семей, кажется абсолютно необходимым условием, чтобы доказательства допускалась в самой большой возможной степени, чтобы позволить справедливый приговор, выяснить факты и в особенности установить то в какой мере члены СС участвовали в любом преступном деянии согласно статье 6 устава.

Разъяснив вопрос о том допустимо ли делать вывод из факта, размаха обвиняемых деяний, как утверждает обвинение, о том, что члены СС имели сведения об этих акциях, также будет необходимо в широчайшей возможной мере допускать доказательства по вопросу о том знали или нет, и в какой степени, члены СС об этих деяниях, также как и доказательства о фактах которые подтверждают, что члены СС как большинство германского народа ничего не знали об этих вопросах, ввиду мер предосторожности по сохранению их в тайне.

Обсуждения, инициированные трибуналом вызывают необходимость ожидать значительных частей заключительных речей. Распоряжение трибунала по вопросу доказательств сейчас обозначает распоряжение трибунала о существенной части его будущих решений, без какого-либо заслушивания доказательств по имеющимся возражениям защиты. Устав имеет пробел, постольку поскольку он не определяет факты, которые квалифицируют организацию как преступную. Этот пробел нельзя заполнить, допуская доказательства только с определённым усмотрением. Сделав так, трибунал предвосхитит значительную часть будущего

приговора.

Согласно тому, что я сказал, мне кажется, что будет необходимо для доказательств, включать все элементы которые могут повлиять на решение по вопросу о том является ли преступной организация СС. Однако, это вряд ли возможно в рамках процесса, который согласно уставу должен проходить как можно быстрее. Поэтому, я считаю, что необходимо выделить процесс в отношении СС и СД из процесса индивидуальных подсудимых.

15 января 1946 отчасти по иным причинам, я заявил ходатайство о выделении. Насколько мне известно, никакое распоряжение пока не принято. Я повторяю это ходатайство следующим образом:

Судя по ходу процесса и процедуре принятой до настоящего времени, я прихожу к мнению, что обвинительное заключение против организаций СД и СС – защитником которых я был назначен приказом Международного военного трибунала от 22 ноября 1945 – и вероятно, также против других обвиняемых организаций, нельзя рассматривать в рамках данного процесса по фактическим и юридическим причинам.

1. Рассматривая до настоящего времени юридический аспект, я ограничиваю себя несколькими короткими пунктами, оставляя за собой право представить дополнительные аргументы позднее:

(а) Международный военный трибунал не имеет компетенции. Об этом я хочу заметить, что несколько дней назад я узнал из газетной статьи о том, что возражение отсутствию компетенции уже поднималось в ходе заседания 20 ноября 1945, и было отклонено судом. Я попросил копию стенограммы за 20 ноября 1945 и также последующих дней – но я не получил её до сего времени. Поэтому, я не смог отметить в ходатайстве причины или решение трибунала и его доводы.

(б) Уголовная процедура против организации невозможна и не допускается, в особенности против организации которая распущена.

(в) Назначать защитника распущенной организации, то есть чего то несуществующего, невозможно и недопустимо.

2. Что касается фактов, я вынужден сделать более подробное заявление в поддержку своего ходатайства.

19 ноября 1945 мне устно сказали о том, что Международный военный трибунал планирует моё выдвижение в качестве представителя организации руководящий состав. После обсуждения, я заявил о письменном согласии принять обязательную защиту. 20 ноября 1945 мне устно сказали о том, что я должен принять защиту организаций СС и СД. 21 ноября 1945 мне устно сказали, что я назначен представителем СС и СД и что очень скоро я получу письменное назначение. 23 ноября 1945 я получил письмо о назначении от 22 ноября 1945 на английской языке, и несколько дней спустя я получил немецкий перевод, который я попросил. Это письмо в переводе, который я получил гласит следующее:

«В соответствии с распоряжением Международного военного трибунала настоящим вы назначаетесь служить в качестве представителя в деле Соединённые Штаты и др. против Геринга и др. для членов организаций, Schutzstaffeln der National-sozialistischen Arbeiterpartei[336] (общеизвестной как СС) и Sicherheitsdienst[337] (общеизвестной как СД), которые могут заявить генеральному секретарю ходатайства согласно приказу Международного военного трибунала».

Несколько дней спустя мне вручили папку приблизительно с 25 письмами адресованными генеральному секретарю Международного военного трибунала, отчасти от членов СС и частично от родственников таких членов. Когда я спросил о своём положении и положении таких обратившихся к процессу, мне устно сказали о том, что эти ходатайства будут представлены трибуналу в надлежащее время.

23 ноября 1945 состоялось совещание в ходе которого поднимался ряд вопросов по вопросу положения и прав этих членов, обвиняемых организаций, которые ходатайствовали и был предоставлен отпуск для заслушивания и защитник попросил об этом.

С 28 ноября 1945 до 11 декабря 1945 я не смог получить ходатайств, врученных членами СС и СД, хотя я просил о них по нескольку раз за день. Затем почти каждый день мне вручали 25 ходатайств, по запросу, и я возвращал их вечером того же дня. Мне каждый раз говорили о том, что они нужны трибуналу и их пока не вернули. Когда 11 декабря 1945 я снова получил папку, количество обращений значительно уменьшилось.

По уведомлению от 10 декабря 1945, согласно немецкому переводу, который я получил 11 декабря 1945, трибунал выразил свой взгляд на то, что член обвиняемой организации который обратился с ходатайством о заслушивании вопроса о преступном характере организации не считается подсудимым, но имеет индивидуальный статус всего лишь свидетеля, ему разрешено давать показания, при том, что представитель группы или организации, для этой группы или организации, осуществляет свои права согласно уставу предусмотренные для представителя индивидуальных подсудимых.

После закрытого заседания суда 11 декабря 1945, в котором принимали участие представители обвиняемых организаций, трибунал уведомлением от 17 декабря 1945 – немецкий перевод которого я получил только несколько дней назад – распорядился о том, чтобы соответсвующий представитель, то есть представитель организаций, представлял только обвиняемые группы и организации, но не индивидуальных обратившихся.

До этой даты не была однозначно определена степень моих обязанностей.

---

[336] «Охранные отряды Национал-социалистической рабочей партии» (нем.)
[337] «Служба безопасности» (нем.)

Председатель: Трибунал хочет знать, в чём сейчас заключается ваше ходатайство. Цель данного заседания это, чтобы была понятна аргументация обвинения и защиты по правовым вопросам в связи с этими организациями, и трибунал не может понять, какое отношение к этому имеет то то в чём заключался ваш личный опыт в ноябре и декабре 1945.

Бабель: Господин председатель, перед тем как начать зачитывать это ходатайство, я уже отметил, что 15 января этого года, я заявил ходатайство о выделении процедуры и по моим сведениям не было принято никакого распоряжения. Я попытался повторить часть причин по которым заявил это ходатайство. Если суд не считает желательным или необходимым, я воздержусь от этого.

Председатель: Я не вижу никакого отношения в том, что вы сейчас нам прочитали, ни к вопросу выделения процесса ни к другим вопросам в отношении преступных организаций.

Бабель: Господин председатель, в таких обстоятельствах я далее не зачитываю эти аргументы, которые могут быть известны суду из моего письменного ходатайства, и я подхожу к вопросу завершения того, что я хочу сказать.

Председатель: Доктор Бабель, суд, конечно же, рассмотрит внесенное предложение, я думаю, другими представителями организаций также как предложение, которое как я понимаю, вы заявили сейчас, о том, что необходимо проводить отдельный процесс. Суд это рассмотрит. Но то, что вы сказали, не кажется мне имеющим к этому какое-то отношение.

Бабель: Господин председатель, в своём предыдущем ходатайстве я просто хотел отметить свои сложности – поскольку я был один безо всякого содействия – перед тем как я занялся свои предназначением, только по этой причине, по моему мнению, моё ходатайство о выделении процесса тогда было хорошо обоснованным. Часть, или большая часть, того, что я сказал, повторена сейчас. То, что я только, что прочёл и остальное из моего ходатайства, может иметь большее значение сегодня, но я воздержусь от его оглашения, поскольку вопрос выделения процесса уже затронут и мотивирован остальными. Поэтому, в остальном я также могу присоединиться к аргументам, выдвинутым моими коллегами в этом отношении. В связи с этим я хочу отметить, что 19 января 1946 я заявил ходатайство об освобождении от обязанностей защиты СД ввиду конфликта интересов.

Мне кажется, я должен обратить ваше внимание, так как сегодня я не выступаю от СД, потому что ожидаю разрешения моего ходатайства. Я оставляю за собой право делать дальнейшие заявления после получения копии стенограммы от 28 февраля, в частности вопроса о членстве лиц и групп лиц в СС, об определении демаркационной линии между СС и правительственным сектором, об ограничении периодов и организаций, по вопросу добровольного членства, об ограничении ответственности по другим причинам согласно уголовному праву и о компетенции судов СС.

В виду огромного объема работы, который я имею до сих пор, к настоящему моменту я не смог занять позицию по всем этим пунктам. Я хочу заметить, что предложения сделанные обвинением и несколькими защитниками о представлении доказательств кажутся мне непригодными. Они налагают на защиту значительное ограничение. Их исполнение кажется невозможным также по причинам времени.

На этом завершается моя аргументация.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал решил изменить порядок процедуры, и поэтому он не будет заседать завтра в открытом режиме, а будет заседать в закрытом режиме завтра в субботу, и заседать в понедельник для заслушивания ходатайств о свидетелях и документах следующих четырёх подсудимых.

Итак, есть ещё один представитель, который хочет быть заслушан, не так ли?

Латернзер: Основной предмет дискуссии, которая, по просьбе трибунала, проводится сегодня и вчера, это вопрос доказательств относящихся к делу против обвиняемых организаций.

В качестве предварительного вопроса, требует разъяснения концепция преступной организации. Соответственно не является задачей представителя выступать подробно, это необходимо оставить для заключительного выступления защиты, но даже сам предмет дискуссии чётко ограничен, что касается защиты, вышеуказанный вопрос об относимости доказательств и также некоторые фундаментальные вопросы, которые должны быть затронуты для того, чтобы судить об относимости доказательств.

Согласно порядку предусмотренному обвинением, наш коллега доктор Кубушок выступил первым в качестве представителя правительства Рейха. В соответствии с пунктом номер 1 решения трибунала от 14 января 1946, в своём выступлении он рассмотрел общие вопросы. Для того, чтобы избежать ненужного повторения я хочу привести правовую аргументацию моего коллеги Кубушока, в полной мере в своей собственной аргументации. В то же время я представляю трибуналу просьбу обратить особое внимание на содержание аргументации представленной вчера.

В отношении определения концепции «преступная организация», я хочу сделать несколько коротких замечаний и дополнительных заявлений. Очевидно,

весьма хорошо рассмотренна норма устава о том, что трибунал может объявить преступной обвиняемую организацию, таким образом, он не обязан делать это, но может осуществить это в свободном и сознательном приговоре.

Если трибунал придёт к выводу о том, что объявление группы в качестве преступной может или приведёт к невозможным, непредвиденным и несправедливым последствиям, то отказ в требовании обвинения будет само собой повелительным.

Теми кто только, что выступал уже было сказано о том, что возникнут тяжкие юридические последствия, что касается членов, из объявления о преступности групп и о том как, несомненно, большое количество невиновных членов групп также будут затронуты декларацией. Что касается последствий для этих членов, нельзя не подчеркнуть довольно решительно, что все члены групп и организаций будут затронуты непосредственно декларацией преступности, постольку поскольку приговор трибунала будет неопровержимо устанавливать, что они обвинялись в преступлении, а именно в преступлении принадлежности к группе или организации, которую объявляют преступной. То, что уже это является преступлением чётко видно из статей 10 и 11 устава. В статье 10 говорится о том, что компетентные суды отдельных оккупационных зон имеют право проводить суд в отношении всех членов из-за их членства в группах или организациях которые объявлены преступными.

Далее предписывается, что на таких процессах не может оспариваться преступный характер группы или организации. Таким образом, члены могут быть обвинены из-за членства в группе или организации, и если каждое обвинительное заключение в суде, конечно же, касается только преступления, тогда уже установлено, то, что членство в группе или организации является преступлением. Более того, в статье 11 устава членство в группе или организации объявленной преступной особо обозначается как преступление. Это следует из самой формулировки статьи, которая гласит: «…в преступлении ином, чем членство в преступной группе и организации…»

Таким же образом в законе от 20 декабря 1945, принятом во исполнение устава, членство в группе или организации объявленной преступными особо квалифицируется как преступление. Соответственно вывод о преступном характере группы или организации сделанный трибуналом, незамедлительно приведёт к тому, что все члены группы, ввиду своего членства в группе или организации, совершили преступление и это обязательно должно привести к неблагоприятным последствиям.

Неправильно говорить о том, что эти члены смогут оправдывать себя на последующих процессах перед индивидуальными военными судами. Если простое членство в организации определено как преступление, они смогут воспользоваться исключением в признании виновными, только заявив о том, что они не являлись членами группы или организации.

Если мнение судьи Джексона заключается в том, что на последующих процессах им можно будет заявлять о том, что они стали членами под давлением или под обманом, допустимость такого заявления, вместе с тем, выглядит весьма спорной.

Сам судья Джексон отметил, что заявление о личных или экономических неудобствах не может служить в качестве основания для давления. Какого рода давления тогда можно считать относящимся к делу? Согласно германскому уголовному праву остаётся для рассмотрения только физическое принуждение и только в период его действия. В этом случае также опасения личного или экономического неудобства не имеют оснований для оправдания, что касается пребывания в группе или организации.

Таким образом, член группы объявленной преступной имеет на последующем процессе единственную возможность заявлять о неких смягчающих обстоятельствах которые могут повлиять на степень наказания. Вопрос, исходя из принципов справедливости заключается в том, допустимы ли эти неизебжные последствия, что касается невиновных членов, и на этот вопрос можно чётко ответить только отрицательно.

У судьи Джексона также мнение о том, что вероятно не существует невиновных членов спорных организаций, потому что это просто несовместимо со здравым смыслом, чтобы любой, кто вступил в обвиняемые группы или организации не узнал с самого начала, или, по крайней мере, очень скоро, о том какие цели и методы эти группы и организации преследовали.

Такая точка зрения может показаться совместимой для ретроспективного наблюдателя, после того как на предъявленные группам и организациям обвинения пролит свет. В то же время то, что душевное отношение членов к целям и задачам было или могло быть совершенно иным никем не может ставиться под сомнение.

Если попытаться приписать судье Джексону интерпретацию, тогда норма статьи 9 устава предусматривающая заслушивание членов по вопросу преступного характера организаций вообще не имеет никакого смысла. Было бы совершенно лишним допускать любого рода доказательства в отношении этого, и кроме того было бы не нужно обсуждать преступный характер, что предложил сам трибунал.

Если мы проследим за линией мысли обвинителя, исходя из здравого смысла, очевидно, что все члены принимали участие в преступлениях указанных в статье 6 устава, значит нормы относительно общего плана или заговора будет полностью достаточно в качестве основания для обвинения и наказания тех членов, которые безо всякого исключения, должны считаться виновными. В данном случае структура декларации о преступности и установление её последствий никоим образом не является необходимой.

Из дальнейшего рассуждения подразумевается то, что объявление о преступности организаций не является необходимым и может быть полностью

опущено.

Судья Джексон заявил о том, что, конечно же, никто не планирует обвинительное заключение к бесчисленным членам групп и организаций, которое приведёт к потоку процессов, которые не рассмотрит и одно поколение. То, что нужно сделать это выявлять и искать только тех, кто действительно виновен и судить их.

Таким образом, никоим образом не требуется создавать такой широкий круг членов посредством объявления о преступности и выбирать виновность из этого круга. То, что в группе и организации многие члены очевидно невиновны является общеизвестным фактом, который нельзя оспаривать, и эта мысль принимается во внимание не только уставом, но и обвинением в том, что оно хочет исключить в одной из организаций категорию с младшими званиями, очевидно из-за того, что их осуждение не имеет никакого отношения к преступлениям в противном случае, они были бы членами или соучастниками преступного заговора.

Однако, кроме этой категории, учитывается ряд других членов, о которых нельзя говорить как о виновных в юридическом смысле термина, например, тех людях, которые вообще не имели никакого понятия о целях группы. Все эти люди будут не только опозорены путём объявления о преступности группы или организации, но и будучи обвинены, также будут подлежать наказанию, лишь ввиду членства. Между тем следует упомянуть, что, в конце концов, их экономическое существование будет поставлено под угрозу или разрушено из-за их членства в группе или организации и диффамацией вызванной декларацией о преступности.

Но снова, нужно спросить, взвешены ли все эти последствия и могут ли быть оправданы в виду основного принципа всех уголовно-правовых систем, согласно которому только виновный подлежит наказанию и в виду принципа независимости правосудия. На это ещё сильнее следует отвечать отрицательно если этим членам которых обязательно затронет приговор трибунала не предоставят права быть заслушанными на данном процессе.

Уже отмечалось, что предоставление юридического заслушивания большинству членов является неосуществимым по техническим причинам. Таким образом, складывается уникальная ситуация, когда трибунал вынесет приговор в отношении всех членов, не зная о том, затронет он многочисленных невиновных членов или нет.

Если далее судья Джексон отметил, что обсуждаемый вопрос не является новым, а может быть найден в уголовных кодексах всех других государств и в частности в Германии, такой взгляд также не может поддержан. Германские законы и цитированные прецеденты имеет совершенно другой характер, нежели структура устава.

В Германии, как почти всех других государствах, наказание групп и организаций вообще неизвестно, известно только наказание отдельных лиц. Ни один

немецкий приговор вынесенный до сих пор не подвергал группу или организацию наказанию и не объявлял преступной. Хотя весьма возможно, что на процессах против членов преступных организаций преступный характер организации приводился в мотивировке. Однако, такое заявление, имело влияние только на осуждённых членов, но не остальных членов которые ни обвинялись, ни осуждались.

Нормы, процитированные в статьях 128 и 129 германского уголовного кодекса являются нормами которые на самом деле подтверждают взгляд защиты, потому что они угрожают наказаниями только участникам незаконного объединения, но не самому объединению. Также, процитированный французский закон касается просто угрозы наказанием за участие и членство в неких объединениях с наказуемыми целями. Возможности объявления самого объединения преступным также не имеется.

Прежде всего, французский обвинитель процитировал, статьи 265 и 266 уголовного кодекса. Первая норма запрещает формирование объединений с наказуемыми целями, вторая подвергает наказанию только участников. Также, французский закон о вооружённых группах и частном ополчении от 10 января 1936 предусматривает наказание только для участников. Тоже самое, является правдой для другого процитированного закона от 26 августа 1944, который предусматривает только индивидуальную ответственность. Ни один из вышеуказанных законов не допускает наказание организаций. Соответственно, этим можно поддержать только правовой взгляд защиты.

Если в Англии и Америке – в качестве исключений – могут быть наказаны объединения как таковые, то это может быть сделано в связи с определёнными группами правонарушений и только в отношении роспуска корпорации или наложении штрафов. Естественно в такой процедуре необходимым для обвинения и защиты является условие о том, чтобы корпорация как таковая была представлена во время разбирательств её функционерами и представители могли себя защищать, в то же время на этом процессе вызваны в суд группы и организации как таковые, при том уже не существующие и при том, что отсутствуют их функционеры.

Никогда в случае какой-либо страны не было того, чтобы группы и организации объявлялись виновными или преступными и чтобы на основе такой декларации суда все члены групп и организаций могли или должны были быть обвинены и наказаны, просто в виду своего членства. Это абсолютная новелла и странная характеристика, которая находится в противоречии с существующим правом любой страны.

Мне кажется, что допустимо сказать, что ни Англия, ни Америка никогда бы не позволили применять такое право в отношении своего населения. Если всё это подтверждает, что декларация о преступности требует автоматического результата в тяжких и абсолютно неблагоприятных последствиях, что продемонстировано, тогда

в требовании обвинения нужно отказать в интересах справедливости. Устав, который никоим образом не обязывает трибунал принимать такую декларацию также не будет этим нарушен. Таким образом, можно избежать несправедливости, которая может повредить целостности приговора трибунала в глазах наших современников и потомков.

Мои аргументы, ведущие к этому выводу:

1. Трибунал должен, в виду представленных правовых аргументов, принципиально, отказать в объявлении любой группы или организации преступной, во власти трибунала сделать это.

2. Если этого не сделать, должна быть определена концепция преступной организации для того, чтобы невиновные члены защищались от серьёзных последствий. Это можно сделать только путём дефиниции, как вчера предложил мой коллега, Кубушок. Соответственно, им было предложено допускать такие доказательства которые не являются априори не относящимся к делу, в виду того факта, что по юридическим причинам требование обвинения о приговоре против групп и организаций не подлежит удовлетворению. Необходимо, чтобы следующие дополнительные доказательства были допущены для группы генерального штаба и ОКВ, которую представляю я:

(1) Группа включённая под обозначением «генеральный штаб и ОКВ» не является такой группой и не является организацией. Моё пояснение по данному предмету является следующим:

(а) Мнение судьи Джексона заключается в том, что концепция «группы» является более объёмной чем «организация», её не нужно определять, но можно понять здравым смыслом. В этом я должен возразить тем, что те, кто занимал самые высшие и высшие командные посты представляют глав военной иерархии как она есть в любой армии мира. Нет никакого очевидного взаимоотношения между членами группы. Такие взаиоотношения не могут предполагаться просто в виду официальных связей между различными ведомствами или из-за каналов которые существовали в действительности. Более того, поскольку круг людей которых обвинение желает включить в эту группу бесспорно составлен совершенно произвольным образом, просто на основе официальных должностей занимаемых ими в периоде 8 лет, не имеется доказанной связи которая может обосновать предположение о существовании группы. Но формирование группы является абсолютно необходимым, чтобы иметь некий связующий элемент помимо чисто официального контакта между ведомствами.

(б) Кроме начальников генеральных штабов армии и воздушных сил, никто из отдельных лиц группы не относился к генеральному штабу. Германский генеральный штаб армии и воздушных сил – флот не имел адмиральского штаба – возглавлялись начальником генерального штаба, и состоял из офицеров генерального штаба, которые действовали в качестве оперативных помощников

высших военных руководителей. По этим причинам обозначение или название данное обвинением для этой фиктивной группы согласно обвинительному заключению также вводит в заблуждение.

(2) Следующий предмет доказательств, помимо выдвинутых моим коллегой, Кубушоком, должен признаваться для группы генерального штаба и ОКВ. Обладатели должностей формирующих группу не вступали в группу добровольно, и не оставались добровольно. Допущение такого предмета доказательств необходимо по следующим причинам: вчера, судья Джексон сказал о том, что вступление в группу или членство, должно быть добровольным. Это условие не имеет места в случае группы которую представляю я. Большинство обвиняемых высших военных руководителей пришли из императорской армии и флота, все они служили в Рейхсвере задолго до 1933. Они не вступали в какую-либо группу, а являлись офицерами вооружённых сил и занимали свои должности, которые не давали им права выбора, а только на основе своих военных достижений. Они также не имели свободы уйти с этих должностей, нарушив свой долг военной присяги.

(3) Должны допускаться все доказательства, которые относятся к обвинению против группы генерального штаба и ОКВ содержащиеся в сводке аргументации. Доказательства по данным пунктам могут быть представлены следующим образом:

(1) Ряд заинтересованных лиц могут дать письменные показания из содержания, которых можно сделать выводы о типичном отношении ряда заинтересованных лиц. (2) Некоторые типичные представители группы должны свидетельствовать в суде о предметах по представленным доказательствам. (3) Любое другое доказательство имеющие некую доказательственную ценность должно допускаться в необходимой мере.

Мы просим, чтобы это доказательство допускалось в настоящее время в полном объёме, в настоящее время без учёта последующего решения о весомости таких доказательств, что предложил судья Джексон 14 декабря 1945 в отношении доказательств представляемых обвинением, пока не получено обязывающего решения об относимости доказательств к делу.

Необходимы ли вообще эти доказательства или нет и в какой мере относятся к делу зависит от следующего: (1) Откажет ли трибунал пользуясь властью данной ему, исходя из аргументов справедливости и честности в объявлении этих групп и организаций преступными. (2) Или же если этого не будет сделано, каким образом он определит концепцию преступной группы и организации. Эти два пункта не могут быть чётко разрешены в настоящее время, поскольку следует ещё многое сказать по вопросу этой сложной и значимой новеллы, а также о впечатляющем выступлении судьи Джексона. Один из моих коллег проводит работу по подготовке обширного меморандума по всем этим проблемам и вопросам, который будет готов за две или три недели. Таким образом,

я прошу о том, чтобы дополнительная аргументация была сохранена для меня и моих коллег в настоящее время.

Один последний пункт: трибунал также должен вынести распоряжение о том, что нужно сделать в отношении последнего слова для организаций.

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал будет рад услышать ваш ответ.

Джексон: Я думаю, что немногое можно сказать в ответ, но есть один или два пункта которые я хочу затронуть. Предлагается выделение процесса по вопросам организаций из настоящего процесса. Я думаю, согласно уставу это невозможно. Я думаю, процесс должен продолжаться как единый. Конечно, возможно разделить по времени разные части процесса, но компетенция установленная статьей 9 по процессу организаций ограничена.

Это процесс, является процессом любого отдельного члена, любой группы, и т.д., о том, что должно быть достигнуто решение, и оно должно быть в связи с любым актом, в котором может быть осуждёно отдельное лицо. Таким образом, я думаю, что всякое выделение, не более чем просто разделяющее по дням или разделяющее по неделям наше время, невозможно.

Я нахожу некоторую сложность в понимании аргументации, которая выдвигалась несколькими представителями организаций о том, что будет большая несправедливость в опорочивании членов этих организаций или заклеймении членов этих организаций декларацией о преступности. Я должен считать, что если они ещё не опорочены представленными здесь доказательствами, бесчестья будет трудно добиться простыми словами декларации. Это не мы опорочили членов этих организаций. Это доказательства по данному делу, исходящие по большей части от этих подсудимых, могут опорочить членов организаций. Но сама цель этого расследования об организациях заключается в том, чтобы установить ту часть немецкого общества, которая активно участвовала в поощрении этих правонарушений и чтобы такие элементы могли быть осуждены, и, конечно же, если это несёт в себе некоторую дискредитацию, я думаю, мы должны сказать, что дискредитация изначально не исходила от какой-либо из наших стран, позор в основном исходил от сидящих на скамье подсудимых, вместе с теми от кого с нашей помощью отвернулась военная удача.

Кажется, имеется некоторое недопонимание о том, что мы имеем в виду, или, по крайней мере, мы не согласны с тем, что подразумевается в вопросе рассмотрения этих организаций как в целом добровольность. Тест, который предложен представителем организаций как мне кажется, полностью сводит на нет всякую применимую процедуру.

Возьмем для контраста Вермахт и СС, чтобы понять, что я имею в виду в отношении организации как в целом добровольной. Вермахт в целом являлся призывной организацией, но в нём было довольно много добровольцев. Я не думаю, что мы будем вправе, из-за этих добровольцев называть Вермахт добровольной

организацией. СС, с другой стороны, в целом СС, являлись добровольной организацией, но в ней имелись некоторые призывники, и я не думаю, что было бы ещё более справедливо относить СС к классу призывной организации, в виду этих членов незначительных для квалификации Вермахта добровольным из-за немногих членов. Другими словами, ни в коем случае нам не позволительно, как мы можем сказать, «хвосту вилять собакой». Это вопрос общего характера всех организаций, чтобы решать какими были эти организации.

Итак, конечно же, если трибунал считает правильным говорить, что его декларация не направлена на то, чтобы относится к каким-либо группам, отделам или лицам которые являлись призывниками, это одна вещь. Я не спорю с этим. С самого начал я настаивал на том, чтобы мы, конечно, не трогали призывников. Но если вы, заседая здесь неделю за неделей устанавливаете, кто является призывником и куда ведёт данный принцип, то я думаю, это было бы совершенно независимо, от того, что мы здесь должны делать.

Много аргументации направлено на тот факт, что отсутствуют доказательства – или что должны быть более сильные доказательства – о том, что подлинная преступность этих организаций была известна членам, и суть этого, как кажется, в том, что мы должны доказать, что каждый член – или, по крайней мере – мы не можем задерживать членов которые не знали о преступной программе этих организаций. Я думаю это приводит к вопросу, наверное, полноценности доказательств, нежели принципиальному, но мне снова кажется, что здесь мы имеем раздел здравого смысла.

Если кто-то организует литературное общество для изучения немецкой литературы и собирает какие-то фонды и имеет дом, и какие-то подсудимые станут его сотрудниками и будут тайно выводить его фонды в преступных целях, в то время как всё время обществу представляется образ литературного общества, то весьма может быть, что члена нельзя задерживать пока не подтвердится подлинная осведомлённость. Или же, если рабочий союз, исключительно в целях улучшения социального обеспечения своих членов, имеющий свои фонды или имущество или репутацию своего названия склоняется теми, кто смог получить над ним контроль к преступным целям, тогда вы имеете ситуацию, в которой членам нельзя вменить осведомлённость.

Но когда я говорю об осведомлённости достаточной для обвинения членов, что я и делаю, я не имею в виду мысли каждого отдельного члена. Было бы абсурдом проводить такой тест в суде. Однако, в первую очередь, никогда не является удовлетворительной вещью, выяснять мысли отдельного лица, и во-вторых, невозможно выяснить мысли миллионов лиц. Таким образом, мы также можем отбросить это соображение, если бы это было тестом.

Но давайте посмотрим на общую программу. Как эти немногие люди которые являлись главарями нацистского режима убили 5 миллионов евреев, о чём

они хвалились? Итак, они не делали это своими руками, они воспользовались дисциплинированной, организованной, систематизированной рабочей силой, чтобы это сделать. Эта рабочая сила собралась не случайно. Она была организована, направлялась и использовалась. Может ли убийство евреев в Европе быть тайной? Разве концентрационные лагеря не были известны каждому в наших странах? Разве не стали они притчей во языцах в каждом уголке мира – германские концентрационные лагеря – а пока мы вынуждены слышать о том, что сам немецкий народ о них ничего не знал.

Наши государственные чиновники протестовали против убийства евреев, дипломатически и всеми возможными способами, а пока нам говорят, что в Германии это была тайна. Название Гестапо было известно во всём мире, и среди предствителей нет такого человека который бы не побелел, если бы ночью в его дверь стали колотить и сказали о том, что представляют Гестапо. Название этой организации было известно – а пока мы должны полагать, что это была единственная тайна в Германии, однако известная всему миру.

В этом вопросе содержится такого рода вещь, о том, что люди которые вступали в эти организации должны были знать. Не имелось другой и единственной цели СС, СА и некоторых из этих организаций, за исключением воплощения в жизнь нацистской программы. Они сами делали себя хозяевами улиц.

Вся история имеется в доказательствах, и я не собираюсь их повторять. Программа являлась открытой, печально известной, и были организации сильной руки. Поэтому мне кажется, что мы оказываемся в положении о котором председатель суда Тафт[338] однажды сказал в Верховному суде Соединённых Штатов по какому-то похожему вопросу: «Мы как судьи не обязаны закрывать свои глаза на вещи, которые могут видеть все остальные люди». И это было печально известным и открытым.

Если позволит уважаемый суд, немного трудно, для американского терпения снова и снова выслушивать здесь аргументы о том, что имеется некий план наказать смертными казнями или крайне серьёзными наказаниями людей, которые невинно втянулись в сети организаций. Если бы имелся малейший замысел сеять смерть по Германии мы бы не стали затруднять себя созданием трибунала и выступать здесь открыто перед миром со своими доказательствами. У нас не кончались боеприпасы, когда произошла капитуляция и имелась физическая сила казнить любого.

Эти державы добровольно, в час своей победы, поставили перед трибуналом вопрос о преступности этих организаций. И мне кажется испытанием терпения представителей этих держав говорить о том, что цель этого заключается в том, чтобы помешать мести невинным людям. Я думаю сложно для тех, кто пережил

---

[338] Уильям Тафт (1857— 1930) — 27-й президент США (с 1909 по 1913 годы), от Республиканской партии, затем с 1921 по 1930 год — Председатель Верховного суда США.

нацистский режим понять насколько мы не готовы убивать какого-нибудь человека. Это больше комментирует переживших нацистский режим, нежели нас.

Акт Контрольного совета номер 10 – я не знаю, имеются ли у уважаемого суда его копии – акт Контрольного совета номер 10, делит членство на категории которые могут быть осуждены, и я думаю правомерно. Этого должно быть достаточно, чтобы поставить перед трибуналом вопрос о каждом лице как о члене, и это всё, что мы имеем здесь в декларации, по сути, обвинительное заключение которое позволяет вам судить отдельное лицо.

Это правда, что наказание может включать смертную казнь пока смертная казнь применяется в любом обществе за что-либо, наказание смертью должно применяться в некоторых случаях, эсэсовцы которые ответственны за уничтожение Варшавского гетто, например, эсэсовцы которые являются ответственными за высшее планирование, хотя они не принимали фактического участия.

Но я обращаю ваше внимание на тот факт, что норма номер 3 акта номер 10 также предусматривает лёгкие наказания. Возвращение имущества, ошибочно рассматривается как одно из возможных наказаний. Лишение некоторых гражданских прав это другое. И в течение периода восстановления немецкого общества, эти небольшие наказания могут налагаться на людей которые вступали в эти организованные планы. Если нет, у вас имеется ситуация, что с людьми, которые организовались для продвижения нацистской программы, сначала в немецком народе и затем в мире, нужно обращаться точно также как с немцем который являлся их жертвой. Итак, разве сейчас наш долг как оккупационных держав в разорённой стране не заключается в том, чтобы провести некоторое разграничение между теми, кто организованно привёл к этой катастрофе и теми, кто был пассивными и беспомощными перед лицом превосходящей силы?

Представитель одного из подсудимых уже показал, что при правоприменении, член СА стал членом совета одного из районов. Нет никакого смысла, из-за того, что человек оказался в СА, отнимать его жизнь или отнимать его имущество или пожизненно осуждать его к тяжёлой работе. Имеется цель создать основу для того, чтобы провести то, что военные называют «отбор» и понять, что это за люди и чем они были до этого.

Акт Контрольного совета – скажу откровенно, что не я его готовил, сам по себе этот акт Контрольного совета оставляет, в первую очередь, усмотрение в том будет ли осуществляться преследование руками оккупационных держав. Я не разделяю страхи представителя о том, что миллионы – я забыл, сколько миллионов оценивалось – будут судить. Я знаю, что Соединённые Штаты сильно беспокоит достаточное количество рабочей силы, чтобы осудить 130000, поэтому мы не хотим судить миллионы. И в этом заключается причина, что мы согласились на исключение некоторых категорий, которые как нам показалось можно спокойно исключить не нарушаю общую программу.

Итак, я хочу дать понять, почему мы не хотим вдаваться на этом процессе в вопрос о каждом из подразделений нацистских организаций и их функций. Вы слышали здесь их названия. Они бесчисленные. Некоторые из них существовали короткое время и затем испарились.

Процесс по каждому из этих подразделений займёт – я даже не скажу сколько. Мы не хотим сводить суд к мелочам. Это не полицейский суд. Его не создавали для того, чтобы быть полицейским судом, и это функция полицейского суда, после того как данный суд изложит главные принципы, рассмотреть дело отдельных лиц или многих отдельных лиц и установить находятся ли они в рамках или за рамками определения.

Я не знаю, была ли конная группа СС менее опасной, чем пешая группа. Я всегда связывал искусство езды с военным искусством, но я не знаю, сколько времени уйдёт, на то чтобы это установить.

Я не знаю, менее ли опасны или менее преступны дорожные офицеры СС на мотоциклах чем те, у кого не было мотоциклов, но у меня должно быть подозрение в том, что чем выше мобильность, тем активнее была группа при осуществлении широкомасштабных правонарушений.

Я не знаю насчёт врачей, я не думаю, что нам нужно судить их в этом деле, но я подозреваю, что медицинский корпус означал, что могли быть некоторые жертвы, и эта вещь не такая невинная на первый взгляд как кажется. Потребуется много доказательств, если мы будем вдаваться в каждую из этих вещей и мне кажется, что это не сохранит характер этого трибунала, вдаваться в такого рода вопрос.

Не нужно вдаваться в группу более чем в отдельное лицо, и если вы вникаете в группу, я не знаю причины, почему вы не должны вникать в отдельное лицо, потому что если группа находится в общем контуре, каждый член этой группы вправе быть заслушанным перед своим осуждением. Весьма может быть, что оккупационные власти решат, что вся группа заслуживает обвинения. У нас нет иллюзий об этом. Мы никогда не собирались ловить всех до одного людей, которые виновны, не касаясь невиновных. Однако если предъявлять им обвинения, весьма может быть, что с группой будут обращаться некоторым образом, для того, чтобы было единое определение по каждой группе.

В любом случае, поскольку каждое лицо должно быть заслушано, не может быть мысли о заслушивании подгрупп между индивидиальной и главной организацией, которую мы просим объявить виновной.

Если бы был какой-то смысл в нашем полном рассмотрении данного вопроса и решении о том кто внутри и кто вне круга виновных, не было бы никакой причины, почему устав даёт вам право на приговор. Не будет никакой причины для дальнейших процессов.

Мне кажется, что мы должны посмотреть на этот вопрос где-то в свете

обвинительного заключения. Это, правда, что есть обвинение против всех членов группы. Это имеет значение пока не рассмотрено судом и не осуждено, как и не действует обвинение по которому нет суда. Влияние декларации заключается в том, что оккупационная держава может судить этих индивидуальных членов. Это затрагивает административные соображения – степень связи. Весьма может быть, что он может решить, что те, кто были простыми членами, и не имели офицерского звания, не должны быть наказаны. Мы не можем сказать, что будет нужно.

Откровенно говоря, я не знаю, какая рабочая сила потребуется для участия Соединённых Штатов в следующих процессах. Существуют трудности которые я не недооцениваю, но я знаю, что мысль о том, что это означает масштабное убийство или масштабное наказание народа Германии это плод воображения и не соответствует ни духу, ни смыслу устава.

Я думаю это всё, что волнует меня, если у трибунала нет каких-нибудь вопросов, на которые я буду рад ответить.

Председатель: Господин судья Джексон, есть один-два вопроса, которые я хочу вам задать.

Прежде всего, по вашему соображению, имеют ли какое-либо иное значение слова в статье 11, слова в конце статьи 11, где предусмотрено, что «такой суд» - в последних трёх строчках – «такой трибунал может наложить на это лицо новое наказание в дополнение к тому, которое было наложено трибуналом за участие в преступной деятельности таких групп или организаций». Слова «за участие в преступной деятельности таких групп или организаций», что-то добавляет к определению слова «членство» в статье 10?

Джексон: Я не думаю, что они, что-то дополняют. Откровенно говоря, формулировка данной статьи волновала меня тем, что она означает, поскольку никакое наказание не накладывается данным трибуналом за участие в деятельности группы. Смыслом языка было пояснить, что наказание за индивидуальное преступление, если совершаешь убийство индивидуально или виновен в планировании агрессивной войны, не смешивается с наказанием за членство в преступной организации или наоборот, поясняя, что они не взаимоисключающие. Но языком я не горжусь.

Председатель: Второе, будет ли лицо, которое судят в национальном суде заслушиваться по вопросу, знало ли оно фактически о преступных целях этих групп?

Джексон: Что же, думаю, он будет заслушан по этому предмету, но я не думаю, что это будет тем, что мы в Соединённых Штатах называем полной защитой. Наверное, это будет частичная защита или смягчающее обстоятельство. Я думаю, что трибунал может – соответствующий суд – может вполне посчитать, что он знал в каких обстоятельствах была его организация, несмотря на его отрицание, что он не знал, и такое отрицание, если поверить ему, будет оцениваться на предмет смягчающего

обстоятельства, нежели как полная защита. Другими словами, мне не кажется, что вы можете поставить в качестве решающего критерия вины мысль кого-то из этих членов, в чём вы не имеете никакой власти, никакой возможности, опровергнуть его заявление о мыслях. Я думаю, вы должны проводить более объективный тест, нежели просто его заявление.

Председатель: Значит я понимаю, что вы говорите, что не трибуналу ограничивать или определять группы которые должны быть объявлены преступными, но устав их не определяет, разве трибуналу не нужно определять в чём заключается группа?

Джексон: Я думаю трибуналу нужно идентифицировать группы, которые он осуждает, настолько достаточно, чтобы это давало основу для суда над членами за членство. Я не думаю, что необходимо определять точные контуры вины. Они определяются в связи с членством, нежели чем с терминами вины или невиновности. То есть, может быть, есть какой-то небольшой отдел СС о котором на процессе будет сказано «невиновен» в участии в преступлениях организации. Я не думаю, что для трибунала подходит принимать доказательства, потому что если вы принимаете доказательства, вы должны, как и все разделять эти элементы. СС хорошо известная организация. Её контур легко определяется членством, и в рамках этих контуров мне не кажется нужным делать исключения.

Председатель: Но если должно было быть существенное разграничение по вопросу преступности между основной структурой СС, и например Ваффен-СС, не будет ли являться обязанностью трибунала проводить разграничение?

Джексон: Я не думаю, что это необходимо. Я думаю, когда член предстает перед судом – можно быть призывником и при этом оставаться на добровольной основе, или он превысил сроки пребывания призывником. Я не думаю, что это нужно на данной стадии разбирательства, где нет отдельного лица, чтобы исключать его. Я не думаю, что принцип о том, что деяния совершенные в рамках призыва не находится в границах осуждения трибуналом, это совершенно иная вещь.

Председатель: Возможно, чтобы этот трибунал ограничил полномочия национальных судов согласно статье 10 определив группу или приведя определение слова «членство» в статье 10?

Джексон: Что же, с позволения уважаемого суда, я думаю, каждый трибунал в своём приговоре имеет право включать, в свой приговор, нормы, которые предотвращают злоупотребления. И я не думаю, что данному трибуналу не хватает полномочий защитить своё решение против искажения или злоупотребления. Я понимаю это как вопрос, нежели чем вопрос, если национальные суды будут судить этих людей и не обращать внимания на декларацию – я не предполагаю, чтобы в трибунале была какая-то сила, которая остановит его делать это. Но я полагаю, вы имеете в виду следствие этой декларации, и я думаю, что декларация может быть определена или ограничена. Я, разумеется, буду настаивать на том, чтобы суд имел внутреннее полномочие защищать свой приговор от злоупотребления.

Председатель: Вы думаете, что данный суд сможет указывать национальному суду, принимать во внимание любую конкретную защиту?

Джексон: Я не знаю, можно ли так выражаться, но я полагаю, он может определить категории таким способом, что декларация не будет распространяться на кого-либо кроме тех, кто в неё включён. Другими словами, я думаю, что декларация трибунала находится в рамках контроля трибунала. Когда вас исключают из декларации, я думаю, вы не будет иметь контроля над национальными судами. Но постольку, поскольку они полагаются на декларацию, вы имели бы полномочия контролировать влияние декларации, предусмотренное влияние не противоречит нормам устава.

Председатель: Я думаю, вы сделали какие-то предложения для получения таких доказательств, которые считаете необходимыми. Вы хотите к этому, что-то добавить?

Джексон: Ваша светлость, мне нечего добавить. Я осознаю, что защитники имеют большие трудности в получении доказательств, большие трудности со связью. Я сам их имею – большую сложность в получении писем, большую сложность в таких вещах. Но я категорически говорю трибуналу – я не знаю, на какой лагерь вчера ссылалось ходатайство защитника о встрече с клиентами – но что касается американской зоны, представителю, если ему разрешено попасть туда, предоставляется любая возможность получать любого рода доказательства доступные в этом лагере. Если их там кормят в обеденное время, и если им дают ночлег. Мы, по возможности, делаем всё, чтобы им помочь.

Конечно же, бывают проблемы безопасности, и представитель не может просто гулять по лагерю и ощущать себя как дома. Он должен быть заранее допущен для того, чтобы соответствовать требованиям безопасности, но в этом нет цели помешать, а есть цель содействовать.

Председатель: Благодарю.

Биддл: Господин судья Джексон, я хочу задать вам несколько вопросов. Некоторые из них будут где-то повторами того о чём уже говорил председатель. Вы простите меня, если я повторю один или два из них. Большая их часть направлена на смысл аргументации, которая как я понимаю, должна сформировать некого рода определение организаций, которое, конечно же, может не быть окончательным, но по крайней мере даст нам взгляд на то, что должно относится к делу при подготовке подсудимыми своих дел. Таким образом, вопросы направлены на это, нежели на какую-либо окончательную теорию о дефиниции.

Вы сказали о том, что предлагаете исключить клерков, стенографистов и уборщиков Гестапо. Что же, если мы это принимаем, не будем ли мы обязаны исключить такие же категории из других преступных организаций?

Джексон: Вовсе нет, ваша честь. Я думаю, есть разница между уступкой обвинения и необходимостью трибунала принять решение.

Может показаться логичным, что если мы уступили клерков, стенографистов и уборщиков из Гестапо, то никакие клерки, стенографисты или уборщики не должны быть включены. Не так. Взаимоотношения в различных организациях отличались.

Из того, что нам известно о ситуации в Гестапо, мы удовлетворены тем, что клерки, стенографисты и уборщики в этой организации не должны быть включены, и мы не хотим тратить на них время.

Биддл: Причиной являлось то, что эти клерки не могли иметь сведений о том, что происходит в Гестапо?

Джексон: Я также не думаю, чтобы у них были достаточные сведения, в целом, чтобы они касались или должны были иметь достаточную власть, чтобы иметь к этому отношение, если такое и было.

Итак, этот вопрос касается маленьких людей – и это один из вопросов в которые неибежно вникнет суд, если попытается провести эти линии собственноручно нежели, позволив провести их административно теми кого мы выбрали для обвинения – это иллюстрирует такого рода вещь.

Одна из трудностей этого суда заключается в том, что он старается быть логичным, и, наверное, должен быть логичным. Я всегда считал, что это большая заслуга суда присяжных в том, что присяжные не должны быть такими и обвинение не должно быть таким. Может показаться нелогичным исключать маленьких людей в одной организации, а в другой нет, но в них есть разница.

Например – я думаю, имеются доказательства, если их нет, то будут – на одной встрече, подсудимым Герингом отмечалось, что шоферы отдельных сотрудников наживались в размере до полумиллиона рейхсмарок на еврейском имуществе которое заполучили в свои руки. Итак, я полагаю привычно говорить, что шофер чиновника являлся человеком который не мог иметь большого усмотрения и не был человеком, от которого ожидалось много знать о делах своего работодателя, но вы имеете большую разницу в их отношениях к этим людям.

Что касается меня, я хочу дать ясно понять – и я думаю, это предполагается – Соединённые Штаты не заинтересованы в том, чтобы пройти 3500 миль для преследования клерков и стенографистов, и уборщиков. Это не тот класс преступления, даже если они имели некоторые сведения, которые имеем мы, потому что это не тот класс правонарушителя, который влияет на мир во всём мире. Я думаю, есть мало причин опасаться, что такого рода человек – пока нет некой причины считать кого-то виновным в связи с выполнением рутинных задач – будут преследовать с учётом такой большой проблемы как есть здесь.

Биддл: Но, несмотря на это, вы включаете их в СС, скажем так?

Джексон: Я не буду их исключать.

Биддл: Я понимаю, что они включены.

Джексон: Если они были членами, они будут включены, если они были простыми

сотрудниками, это нечто другое, но если они приняли присягу и стали частью организации СС, я думаю, они находятся в ином положении по сравнению с клерками и правительственной службой.

Биддл: Итак, говоря об этом, вы сказали, пытаясь определить, чем является преступная организация, что членство должно было быть – я цитирую ваши слова – «в целом добровольным» и её преступное предназначение или методы открытыми и известными и «такой характер при котором члены в целом могли быть обвинены в осведомленности о них».

Сейчас я хочу задать вам вопрос который в какой-то мере повторяет тот который задал вам председатель, но, наверное, вы сможете его немного уточнить. Не будет ли несовместимым с вашим тестом, который вы предлагаете для преступности, если мы откажемся рассматривать то являлась ли какая-либо значительная часть организации – я имею в виду отделение или часть, которая может включать треть от всей организации или даже больше, как Ваффен-СС в рамках общих СС – призывной, что является одним тестом, или не знала о преступном характере? В случае если такая значительная часть сможет продемонстрировать невиновность в рамках этих тестов, не будет ли нужно отклонить декларацию на том основании, что в целом не удовлетворяется критерий качества обвиняемой организации – или же исключить невиновные части из объявления преступной организацией?

Итак, это скорее попутный вопрос, но мне кажется, если тестом является осведомлённость или предполагаемая осведомлённость, то доказательства того, что большая часть не имела и наверное не могла иметь сведений будут относится к делу и будут относится к делу не только в целях доказательств, но и в целях дефиниции?

Джексон: Что же, я думаю, вы развили две мысли, которые нужно рассмотреть по-отдельности. Первая это призыв и осведомлённость, как я думаю, представляет очень разную проблему.

Что касается призыва, как я говорил ранее, я думаю, если трибунал считает уместным условием своего приговора не применять его к призванным членам любой организации, я не буду с этим спорить. Я всегда согашался с тем, что мы не пытаемся настигнуть призывников. Если преобладающее положение государства поставило их в такое положение, я не думаю, что мы должны преследовать их за это.

Если трибунал говорит, что Ваффен-СС должны быть исключены, потому что они призывались, это поднимает вопрос факта.

Биддл: Да.

Джексон: И возникает вопрос о том факте, который мы будем три недели устанавливать, и это то чего я хочу избежать, потому что были Ваффен-СС и другие Ваффен-СС и были разные периоды времени и были разные условия, и у нас возникнут большие трудности если мы попытаемся применить принцип того, что

призывник не должен быть наказан, и как мне кажется, это правильно оставить для дальнейшего хода, вопрос о том подпадает ли человек под этот принцип или нет. Другими словами, я думаю, суд должен изложить принципы и не предпринимать того, что я называю «полицейским административным судом» в принципах применяемых к отдельным лицам.
Биддл: Могу я прервать вас на секунду по первому пункту? Значит, я понимаю так, что вы считаете правильным выразить в декларации общее ограничение в отношении призыва, но не обозначать к кому оно применяется?
Джексон: Что касается меня, я не имею никакого возражения такому обозначению. Итак, другой вопрос, это вопрос осведомлённости, который бесконечно более трудный. Мы не хотим создавать ловушку для невиновных людей. Мы не настолько стремимся осудить кого-то, чтобы искать и ловить людей, которые не имели в своих сердцах преступного умысла, но не может быть никакого сомнения в том, что всякое лицо, связанное с этим движением в любой момент знало о его направленности на войну и агрессивную войну. Не может быть никакого сомнения в том, что они знали о том, что эти формирования подчинённые нацистской партии содержали концентрационные лагеря для того, чтобы избивать своих политических противников и лишать свободы евреев и ужасные вещи происходили в этих лагерях.

Прося нас подтверждать индивидуальную осведомлённость или прося нас принять собственное заявление человека о его мыслях, это сказать, что конечно никого не осудят. Мне кажется, что масштаб этого преступления и его всеобщность по всей Германии, концентрационные лагеря заполнившие пейзаж, и большое население, это является достаточным для обвинения в осведомлённости о принципиальных организациях нацистской партии которая была ответственной за эти вещи. Тест, который я думаю применить в отношении осведомлённости, не заключается в том, что какой-то член на месте свидетеля сможет сказать о том, что он знал или не знал, но в том, что в виду условий времени, он должен был знать – за что его и возможно обвинять.
Биддл: Не следует ли из этого, что не будут приниматься никакие доказательства того, что было общеизвестно?
Джексон: Что же, я думаю доказательство о том, что происходило, создает основу для обвинении в осведомлённости.
Биддл: Вы требуете, чтобы подсудимым не разрешали представлять любые доказательства в отношении того, что было общеизвестно в отношении того, что происходило?
Джексон: В том, что было общеизвестно, я не думаю, что отрицание подсудимого о том, что он не знал, о том, что происходило, имеет какое-либо материальное значение.
Биддл: Мой вопрос не об этом. Мой вопрос заключается в том, можно ли разрешить свидетелю давать показания о том, что деяния конкретных организаций не являлись

общеизвестными её членам. Вы бы исключили такие доказательства?

Джексон: Разумеется, исключил, и если бы я услышал такое, я бы не поверил, но наверное моя…

Биддл: Простите. При том, что имеется тест на осведомлённость, вы не разрешите подсудимым проходить такой тест?

Джексон: Я должен сказать, что именно такова ситуация, в которой суд должен выносить уведомление, из приобщённых доказательств, что это была вещь известная во всей Германии, и я не думаю, что для гражданина Соединённых Штатов было бы допустимо свидетельствовать о том, что он не знает о том, что Соединённые Штаты воевали, факте о котором ему вменяется осведомлённость, и мне кажется, что размах этих вещей одинаково установлен и ежедневно повторяемая связь между организациями и этой преступной программой полностью ясна.

Биддл: Господин судья Джексон, у меня ещё только два или три вопроса. Один направлен на генеральный штаб. Конкретная дата, когда лицо обвиняется – я прошу прощения – в приложении B обвинительного заключения имеется какое-либо указание о том является ли он членом организации? Итак, я собираюсь отнести этот вопрос к генеральному штабу.

Джексон: Наверное, я должен предупредить вас об этом – я не военный. Я не специализировался на этом предмете, и я хочу, чтобы вы обратились с этим вопросом к кому-либо чьи сведения более достоверны чем мои.

Биддл: Я прошу ответить на заданный вам вопрос как юристу, а не эксперту в военных вопросах. Предположим, что один из этих лиц стал командующим группой армий после того как была спланирована, предложена и инициирована агрессивная война, грубо говоря, после 1942, скажем так, после Пирл-Харбора и дошла до этапа, когда Германия оборонялась, такое принятие им командования в эту дату достаточно чтобы сделать его членом организации?

Джексон: Думаю, должно быть так.

Биддл: Господин Джексон, причина, по которой я спрашиваю, заключается в том, что я думал вы в своей вступительной речи скорее отмечали, что начало войны являлось сутью преступления нежели ведение войны, и я интересуюсь должны ли мы в данном случае учитывать разницу?

Джексон: Что же, я думаю, когда кто-то присоединяется, он ратифицирует то, что было до него, и мне кажется, что, когда он в этот момент выступал на сцену, это являлось ратификацией всего того, что происходило, исходя из обычных принципов заговора.

Я думаю сейчас это трудный вопрос, имел или нет человек связь с нацистской партией – если вы возьмете пример человека, не одобрявшего все, что делала нацистская партия, который никогда не становился её членом, который выступал против и его публичная позиция была понятной, и он не принимал

никакого участия в войне до того дня пока в его страну не вторглись и он сказал: «Меня не волнует, что происходило раньше, в мою страну вторглись и я должен её защищать». Я бы с трудом осуждал такого человека. Я не знаю о таком человеке.

Биддл: Господин судья Джексон, есть ещё один вопрос который я хочу задать в связи с законом номер 10. Я немного разбирался с законом номер 10, законом Контрольного совета от 20 декабря – думаю дата такая. Вы говорите об одной причине для объявления организаций преступными и изучения людей Контрольным советом. Я думаю, он может это легко сделать без помощи с нашей стороны.

Джексон: Правильно.

Биддл: Итак, вы сказали, что-то очень интересное. Вы сказали, что акт не был бы таким, если бы его готовили вы. Как бы вы его подготовили, если конечно это не неуместный вопрос.

Джексон: Что же, я думаю, я бы не устанавливал применение ко всем преступлениям наказаний предусмотренных этим актом. У вас имеется обширный список преступлений, который по моей мысли, разнится от очень серьезных до небольшой тяжести. Затем вы применяете ко всем этим преступлениям наказания от смертной казни до лишения права голосовать на следующих выборах.

Биддл: Например, вы бы не делали применимой смертную казнь к членам СА которые могли выйти в 1922?

Джексон: Я бы не стал, и я думаю, что таким образом я бы мог быть более ясным в наказаниях. Как Микадо, я бы попытался сделать наказание адекватным преступлению, нежели оставлять вопрос открытым.

Биддл: Господин Джексон, как вы полагаете, какая защита прямо допускается законом Контрольного совета? Не должны ли мы полагать, что члены трибунала разрешат конкретную защиту или прямо допускается любая защита?

Джексон: Нет, прямо не допускается никакая защита. Я понимаю, этим любую защиту которая идёт к подлинному членству, в качестве волеизъявления отдельного лица, обману – и принуждению, я имею в виду законное принуждение – я не думаю, что правильно, то, что покупители уходили от него если он не вступает в партию – это не принуждение, но всё, что идёт к подлинности его членства.

Биддл: Есть только один вопрос. Если у трибунала был бы взгляд на то, что декларация о преступности организации это существенный законодательный вопрос, как предлагается некоторыми защитниками, нежели судебный – если бы у нас имелся такой взгляд, было бы уместным для трибунала рассматривать законодательную власть Контрольного совета, для того, что принять такую декларацию, что, несомненно, мы можем сделать при осуществлении такого усмотрения, которое соответствует статье 9 устава?

Джексон: Я так не думаю, ваша честь. Я думаю, что этот трибунал был образован державами с целью установления по материалам дела – после заслушивания доказательств, после понимания фактов – установления того, что организации имели

такой характер, что члены должны предстать перед судом за членство.

Тот факт, что какая-то другая группа, которая не заслушана и которая не образована, ни административно, ни иным образом, получит такой же результат, я не думаю, что это является надлежащим соображением. Я должен считать, что это скорее способ избежать ответственности – есть другие способы сделать это, но это тот способ, который согласовали наши правительства. Я должен считать, что это не будет правильным соображением.

Конечно же, вы можете наказать этих членов просто так. Они в нашей власти и в наших лагерях. Но наши правительства решили о том, что они хотят этого после полного рассмотрения материалов дела, и в этом вопросе я думаю, что…

Биддл: Но у вас нет сомнения в том, что во власти Контрольного совета сделать это, независимо от того, что сделаем мы, не так ли?

Джексон: Я не знаю никаких ограничений власти Контрольного совета. Не существует конституции. Это вопрос победителя и побеждённого, и я думаю, что это является одной из причин, почему, однако, мы должны быть очень аккуратны в следовании просьбе наших правительств действовать таким образом. В положении, где не существует никакого ограничения своей власти, кроме физической власти, и сила сегодня такая сила незначительна, они добровольно пошли на этот процесс и слушания, и мне кажется, что нельзя делать ничего, будучи членами юридической профессии, что дискредитирует процесс или его избежать его.

Биддл: Это всё о чём я хотел спросить.

де Фабр: Я хочу спросить господина Джексона о нескольких деталях последствий объявления о преступности организации. Предположим, человек принадлежащий к одной из организаций классифицируемых как преступные – например, эсэсовец или сотрудник Гестапо – предстал перед военной юрисдикцией оккупационной державы. Согласно тому, что было сказано до настоящего времени, он сможет оправдывать себя, доказывая, что его членство в группе являлось вынужденным членством. Он не являлся добровольцем и если я правильно понимаю, он также сможет оправдывать себя, доказывая, что он не знал о преступном характере объединения. Это, по крайней мере, интерпретация которая принята и отстаивается обвинением и которую мы считаем точной.

Но я полагаю, что трибунал в спорном вопросе имеет иную концепцию. Я полагаю, что он считает осуждение лица, которое являлось членом преступной организации, обязательным и автоматическим. Строго говоря, интерпретация, за которую выступает господин Джексон не написана ни в одном тексте. Её нет в уставе. Соответственно, ввиду каких текстов трибунал будет обязан следовать такой интерпретации?

Джексон: Контроль будущего трибуналом это контроль действия декларации данного трибунала. Влияние этого трибунала, при последующем процессе,

заключается в определении уставом, и это имеет единственный эффект в том, что вопрос о преступной организации не может быть пересмотрен. Не будет таких вещей как автоматические осуждения, потому что полномочие предоставленное уставом заключается в осуждении людей за членство.

Конечно же, будет тяжёлым для обвинителя в обычных принципах юриспруденции доказать членство. Я думаю доказательства того, что кто-то вступил будет достаточно, чтобы снять это бремя, но тогда подсудимый может поднять вопрос того, что у него имеется защита, такая как принуждение, силой против своей личности, силовых угроз и может быть судим, но устав не разрешает какое-либо использование декларации трибунала за исключением базиса для осуждения членов.

де Фабр: Если я не обшибаюсь полномочие Международного военного трибунала возлагается на соответствующие юрисдикции государств, и обязывает их следовать данной интерпретации. Но в таком случае я делаю вывод, что, по мнению главного обвинителя, господина Джексона, приговор Международного военного трибунала, приговор который мы вынесем, должен содержать точное определение по данному предмету. Однако, господин Джексон недавно сказал, как я думаю соглашаясь с господином Биддлом, о том, что норма устава позволяет нам определить преступную организацию. Наш приговор будет не только содержать определение групп которые мы считаем преступными, но также определение преступной организации, и таким же образом должны быть точные определения по вопросу отсутствия ответственности, например в случае принудительного членства. Будут точные определения, которые трибуналы соответствующих государств будут вынуждены уважать. Я правильно понимаю мысль господина Джексона?

Однако, в таком случае, вопрос который я задаю следующий, и это нечто похожее на вопрос господина Биддла. Вкратце, не означает ли это наделение нашего приговора неким законодательным характером? Мы необычный суд, поскольку мы принимаем нормы, такие как определение преступной организации, которые в целом включаются в закон, и в то же время наш приговор содержит нормы которые ограничивают случаи индивидуальной ответственности. То есть, вкратце, мы должны в некоторой степени быть законодателями, как говорилось об этом вчера.

Джексон: Я думаю это, правда, что в этом есть, что-то по характеру законодательное или по характеру обвинительное заключение. Вы можете провести обе аналогии. Но я не вижу в этом ничего того, что как я понимаю, усложняет проблему. В Соединённых Штатах у нас имеется строгое разделение законодательной и судебной власти, но нет ничего в этом вопросе, что контролирует этот трибунал, и будете ли вы проводить аналогию с обвинительным заключением для своего приговора, вашей декларации, или проведете аналогию с законодательством, это будет одинаково актом четырех держав, поскольку им не требуется отнимать какие-либо полномочия у трибунала.

де Фабр: Да, да. Вопрос, который я сейчас задал, имеет теоретический интерес.

Однако, существует практическое последствие которое я должен учитывать, которое я должен стремиться провести, и о котором хочу услышать ваше мнение:

Если бы у нас имелась какая-нибудь законодательная власть, тем самым мы бы могли ограничить обвинение людей и признавать случаи отсутствия ответственности или оправдывать, это абсолютно не исключает наше ограничение при наказании?

Ранее, господин Биддл и господин Джексон рассмотрели статью 10, и господин Джексон высказал определённую критику по вопросу наказаний, которые не являются индивидуализированными наказаниями, поскольку они могут доходить до смертной казни, лишения жизни.

Конечно же, существуют определённые преступления в отношении которых оправдана смертная казнь, такие как преступления против человечности. Но это не заходит настолько далеко, учитывая вынесение смертного приговора в качесте максимума за преступление, которое бы во Франции считалось чисто «материальным» - преступлением относящимся к преступной организации, именно потому что мы рассматриваем возможность того, что такое наказание является слишком строгим? Другими словами, господин Джексон абсолютно исключает для Международного военного трибунала власть установить наказание, или, по крайней мере, максимальное наказание, за преступление принадлежности к преступной организации?

Джексон: Я не считаю, что в рамках сферы трибунала рассматривать вопрос о наказаниях, по той причине, что у данного трибунала нет полномочия осуждать кого-либо другого кроме подсудимых на процессе данного трибунала. Я имею в виду, нет никаких полномочий, приговаривать за членство в организации. Таким образом, я думаю, не имеется полномочия контролировать наказания, а есть полномочие объявлять организацию преступной, между тем, это подразумевает полномочие определить, что это за организация, и я не снимаю вопрос полномочия трибунала для подробного определения, хотя и оспариваю смысл этого.

Однако, полномочие приговаривать за членство даже отдаленно не возложена на трибунал, и я думаю, что это будет довольно резкое расширение его полномочий.

де Фабр: Это были все вопросы, которые я хотел вам задать.

Председатель: Мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Сэр Дэвид, вы хотите, что-нибудь добавить или вы подошли, чтобы мы могли задать вам вопросы?

Максвелл-Файф: Для начала, если трибунал разрешит мне, есть три или четыре пункта, по которым я хочу сказать пару слов.

Первый пункт о котором заявил доктор Кубушок, касался того, что процедура прошения о декларации против организаций вызывает возражения по двум причинам: первое, потому что она основывается на ограниченном феномене, англо-саксонской юриспруденции, о том, что корпорация может быть осуждена в ограниченных сферах, и во-вторых, о том, что организации фактически давно распущены.

Я думаю, важно подчеркнуть, что это не та правовая концепция которая лежит в основе этой части устава. Он в действительности основан, по моему соображению, на доктрине, имеющейся в большинстве правовых систем, как при res adjudicata[339] или концепции приговора in rem[340] в качестве противопоставления приговору in personam[341]. То есть, главным и публичным интересом является то, чтобы пересмотр по конкретному пункту был не допустим, и чтобы, если соответствующий трибунал вынесет решение о точке общего интереса и значения, то это не должно пересматриваться много раз.

Важная точка зрения обвинения заключается в том, что трибунал предоставляя преимущество доказательствам относящимся ко всему периоду и функционированию нацистского заговора, является надлежащим и на самом деле, единственным соответствующим трибуналом для разрешения вопроса о преступности. Перспективой которая была бы совершенно непрактичной и опустошающей воображение относительно времени было бы то, что каждое военное правительство или военный суд должны решать друг за другом о вопросе преступности крупных организаций подобных этим. И поэтому мы имеем в уставе адаптированную процедуру о том, чтобы предварительный вопрос был разрешён раз и навсегда данным трибуналом.

Тот факт, что организации административно распущены не имеет отношения к делу. Что является важным, это то в чём заключался характер организаций когда они функционировали? И это тот вопрос, который трибунал должен решить. И мы полагаем и на самом деле говорим, что это ясно подразумевается, если не говорится прямо в рамках слов статьи 9, что на процессе индивидуальных подсудимых должен быть решен вопрос о преступных организациях и мы говорим, что помимо соображений практичности формулировка статьи 9 является точной установкой против разделения этих вопросов предложенной двумя или тремя защитниками.

Я хочу добавить одно слово о том, что было сказано при аргументации о законе номер 10. Доктор Кубушок отметил, что данная процедура в действительности полностью направлена против отдельных лиц. Есть, по крайней мере, два ответа: первый, который я стремлюсь дать, в отношении юридической

---

[339] «Разрешенное дело» (лат.) — в римском праве положение, в соответствии с которым окончательное решение полномочного суда, которое вступило в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено.
[340] Пригор означающий применение на конкретной территории.
[341] Приговор означающий примение в отношении конкретного лица.

концепции в обоснование задумке о декларации, и второй, тот, который был очерчен перед трибуналом, в отношении права на защиту. Могу я сказать, что по моему соображению, членство в организации является вопросом факта и поэтому такая защита о принуждении, обмане или ошибке – взяв три примера – должна быть четко допустимой и правильной защитой по такому фактовому вопросу. Третий заключается в том, что каждый документ такой же как устав – тоже самое применимо к каждому законодательному акту – всегда предполагает умную и разумную администрацию при выполнении этих требований, и по моему соображении, было бы, странным разделять взгляд о том, что вы имеете разрешительную норму такую как закон номер 10 – и он явно разрешителен в отношении обвинения – умная администрация должна обвинять каждого кого можно обвинять за деяние.

По нашей старой поговорке, трудные дела создают плохие законы, и, по моему соображению, было бы ошибочным решать или интерпретировать в необычайно трудном деле.

Я хочу, если я могу сказать, ещё пару слов об аргументации настолько интересной как выдвинута доктором Серватиусом и недавно упоминалась учёным французским судьёй.

По моему соображению, у этого трибунала вообще не имеется никакой законодательной функции. Есть ясная судебная функция, и я хочу дать понять, я не квалифицирую её как «квазисудебную» или какую бы то ни было ещё. Это просто судебная обязанность. Первая часть этой обязанности заключается в том, чтобы определить то, что является преступным. По моему соображению, по которому вчера выступал господин Джексон, это не представляет трудностей. В статье 9, три статьи после статьи 6 «преступный» означает контекст организации чьи цели, предметы, методы или деятельность включали совершение преступлений изложенных в статье 6.

Когда определяется «преступность», то вопросом судебной оценки доказательств является решение о том совершались ли эти преступления организацией или, как я говорил, являлись целью или предметом организации. Но я почтительно прошу, чтобы трибунал не спешил принимать аргумент доктора Серватиуса о том, что данный трибунал должен решить об интерпретации «преступного» априори на основе собственного фундамента, используя собственные слова доктора Серватиуса о политике и этике. Это бы внесло в процесс новый, опасный и неписанный фактор. Есть, по моему соображению чёткая руководящая линия для судебного подхода и в уставе ничего не поддерживает prima facie, неожиданную мысль о том, что орган созданный как трибунал должен делегировать самому себе законодательные полномочия.

И снова, если я могу добавить одно слово к выводам, которые сделал доктор Кубушок по вопросу преступности в качестве основания для разрешения

вопроса относимости доказательств, его первый вывод заключается в том, что спорная организация, согласно своему положению или уставу имела или не имела преступного характера и целей.

Конечно же, я принимаю, тест на цель и характер, но я не принимаю ограничение в отношении положения или устава. Преступная цель или характер могут выражаться в заявлениях или публикациях лидеров организаций, а также как я полагаю, в своём поведении при выборе метода и действия. Я согласен с доктором Кубушоком в том, что цель является первоначальным тестом, но я не согласен с его ограничением в отношении её установления.

Его вторая мысль, заключается в том, что преступления согласно статье 6 не совершались в рамках или в связи с организацией или не совершались продолжительно в период времени. Первая часть этого выглядит довольно честно, о том, что если преступления не совершались в рамках или в связи с организацией, организация, очевидно, находится в весьма благоприятном положении. Но я сначала отвечу на вторую часть сказав о том, что такой картины не имеется в настоящем деле в котором имеются примеры изолированных преступлений в отношении каждой организации. Предполагаемые преступления, фактически охватывают период, предполагаемый в обвинительном заключении, но я предлагаю, что принятие такого критерия не сильно поможет. Можно вернуться к первому пункту доктора Кубушока, о том, что цели и характер, раскрытые в заявлениях, методах или деятельности, являются первичными и наиболее важными тестами.

Затем, третий пункт, который представил доктор Кубушок о том, что существенное количество членов не имело никаких сведений о преступном характере целей или длящемся совершении преступлений. Я стремлюсь как и господин судья Джексон подчеркнуть, что тест обвинения заключается в конструктивной осведомленности. То есть, должен ли разумный человек на месте члена знать об этих преступлениях? И ответ, по моему почтительному соображению, заключается в относимости к делу индивидуальной осведомленности конкретного члена.

Совершенная правда, что во время обсуждаемого периода очень большое количество людей имели привычку прятать голову в песок и стремились воздерживаться от получения сведений о неприятных вещах. По моему почтительному соображению, такого рода поведение со стороны члена никак ему не поможет, и единственный ответ на это, следовать тесту который мы предлагаем: должен ли человек в таком положении разумно знать о совершении преступлений?

Четвёртый пункт доктора Кубушока заключается в том, что значительное количество членов или отдельные члены независимых групп вступали в организацию под принуждением или с иллюзией, или по вышестоящим приказам. Вкратце мы отвечаем на это говоря о том, что это является единственной относящейся к делу защитой, и конечно же, это является единственной защитой

которой он сможет показать, что он не принимал личного участия в преступных деяниях.

Затем, последний пункт, который привел доктор Кубушок заключался в том, что значительное количество членов являлись почётными членами. И снова мы говорим о том, что это единственная относящаяся к делу защита отдельного члена, и она, по сути, не изменяет и не усиливает защиту доступную ему.

Всего один пункт по доктору Кубушоку, который я не думаю, что требует упоминания заключается в том, что учитывая как можно будет представлять доказательства, он сказал о том, что некоторые права защиты являются универсальными. Первым из тех, что он потребовал, было прямое устное свидетельство, и он сказал о том, что каждый индивидуальный подсудимый должен иметь такое право. Затем он признал, что это было бы практически невозможно и предложил в качестве решения то, что мы должны типизировать, то есть, чтобы представители группы в различных лагерях дали письменные показания о том, какой процент принимал участие в преступных деяниях или знал о них.

Я хочу заметить трибуналу, что в уставе прямо изложено, что члены организации вправе ходатайствовать перед трибуналом о праве быть заслушанными, но трибунал имеет полномочие допускать или отклонять такое ходатайство. В качестве точки конструкции, но не смысла, не было бы никакого смысла предоставлять трибуналу право отказывать в ходатайстве, если бы им предусматривалось, что каждый имеет право быть заслушанным.

Ответ заключается в том, что трибунал имеет полное усмотрение решать о том какой линии и какому курсу нужно следовать для получения доказательств. Обвинение, в лице господина судьи Джексона, отметило, что оно не имеет никакого возражения любой разумной форме которая имеет отношение к вопросу индивидуальной невиновности или виновности члена в отношении доказательств выносимых на рассмотрение трибунала.

Милорд, я мог бы рассмотреть, и на самом деле подготовился, ряд пунктов выдвинутых другими представителями защиты. Я надеюсь, что мне не нужно с ними разбираться, но я знаю, что трибунал желает задать некоторые вопросы, и я не хочу терять это время. Я хочу рассмотреть только один пункт, потому что он убивает одним выстрелом двух зайцев которые бегут от нашей аргументации по нашему делу.

Можно вспомнить, что, когда я вчера рассматривал СА, доктор Зейдль – извиняюсь, его здесь нет – затронул вопрос о том, что подсудимый Франк не являлся членом СА, и доктор Лёфлер рассматривая сегодня СА, затронул вопрос о том, что их деятельность не распространялась после 1939, и не являлась важной после 1934.

Я нашёл интересную цитату из полуофициальной публикации, «Das Archiv» за апрель 1942, и она очень короткая и касается этих моментов, я

постараюсь прочесть её трибуналу, для того, чтобы это могло быть отражено в протоколе. На странице 54 говорится:

«Генерал-губернаторство, часть СА. По приказу начальника штаба СА, создается часть СА в Генерал-губернаторстве, командование которой принимает обергруппенфюрер СА, доктор Франк».

Я цитирую это только, чтобы закончить свою аргументацию, так как на самом деле все доказательства показывают, что в отношении СА, обвинение представило не меньше доказательств того, что преступления охватывали период о котором оно заявляет.

Милорд, я умышленно сократил то, что мог сказать далее, потому что я не хочу необоснованно сокращать время, если трибунал желает задать мне какие-либо вопросы.

Председатель: Думаю, есть только один вопрос, который я хочу вам задать. Как я понимаю, вы сказали, что обвинение представило факты, по которым можно сделать вывод о том, что каждый разумный человек, вступавший в любую из этих организаций мог знать о том, что они являлись преступными.

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Вы согласитесь, не так ли, что доказательства любого факта который противоречит фактам из которых вы предполагаете осведомлённость о преступности могут предоставляться защитой?

Максвелл-Файф: Разумеется. Если защита стремится доказать, возьмем крайний пример, что поведение СС в отношении, прежде всего, концентрационных лагерей и во-вторых евреев и политических комиссаров на русском фронте осуществлялось таким образом, несмотря на обширную территорию на которой проведение таких преступлений доказано, проводилось таким образом, что никто о них не знал – если существуют относящиеся к делу доказательства этого, тогда они могут называть это, при том, что такое положение, не является вопросом данного конструктивного знания, а памяти.

Председатель: Я задал вам этот вопрос лишь потому, что у господина судьи Джексона были некоторые наблюдения, которые не совсем согласуются с ответом, который вы сейчас дали.

Максвелл-Файф: Думаю, что, как я понимаю господина судью Джексона, он говорил о том, что не может относиться к делу доказательство того, что какой-то член не знал о преступлениях, и я думаю, что два наших подхода по сути подходят друг к другу.

Председатель: Да.

Биддл: Я так понимаю, сэр Дэвид, что вы говорите о том, что доказательства в отношении общей осведомлённости какой-нибудь значительной части организации будут оносится к делу, не так ли?

Максвелл-Файф: Что же, я думаю, они будут относится к делу если не являются

абсурдными. Я имею в виду, отказ от осведомлённости в отношении отдельных деяний может быть настолько абсурдным, что трибунал не должен занимать им своё время.

Биддл: Это, конечно же, применимо к любым доказательствам. Но моя мысль заключается в следующем: вы сказали о том, что доказательства в отношении общей осведомлённости о всей организации явно будут относится к делу.

Максвелл-Файф: Разумеется.

Биддл: И теперь я хочу спросить вас, будет ли это правдой в отношении любой значительной части организации, такой как Ваффен-СС.

Максвелл-Файф: Я пытаюсь соотнести это с практическим положением. Вот здесь я считаю это очень трудным.

Итак, возьмем ваш пример, это сложно представить. Возьмём четыре дивизии которые хорошо известны: Totenkopf[342], Polizei[343], Das Reich[344] и 12-танковая дивизия. Я бы должен был думать, как вопрос усмотрения, если бы стремились показать, что эти дивизии, о которых имеется много доказательств об их участии в преступлении, не знали о преступлениях, трибунал был бы вправе это отвергнуть.

Биддл: Что же, снова встаёт вопрос, являлись ли деяния военнослужащих отдельных дивизий общеизвестными для всех Ваффен-СС, не так ли?

Максвелл-Файф: С большим уважением, я считаю очень трудным понять то, как сведения или отсутствие сведений о конкретной дивизии в Ваффен-СС может повлиять на вопрос преступности СС в целом.

Биддл: Что же и снова, я не спрашиваю вас о сведениях в конкретной дивизии, я спрашиваю вас про общеизвестность, во всех Ваффен-СС, деяний конкретной части.

Максвелл-Файф: Что же, если кто-то готов сказать: «Я знаю каждую дивизию Ваффен-СС, и по моему мнению никто в Ваффен-СС не имел никаких сведений или возможности знать о преступлениях», тогда докательства будут допустимыми. Их весомость будет настолько пренебрежимой, что как я должен полагать, это не надолго задержит трибунал.

Но я согласен с тем, что если кто-то готов, приведя надлежащие основания для своих доказательств сказать: «Я могу сказать; у меня есть основания и возможность говорить об общем положении», тогда я не понимаю, как трибунал может это исключить.

Биддл: Вопрос является крайне практическим, потому что мы должны уведомить представителей подсудимых о том какой материал они могут представлять, и

---

[342] 3-я танковая дивизия СС «Мёртвая голова» — соединение войск СС. Сформирована в период с 16 октября по 1 ноября 1939 года в учебном лагере СС в Дахау как дивизия моторизованной пехоты. Основу составили чины соединения СС «Мёртвая голова», а также офицеры частей усиления СС и Данцигский хаймвер СС.

[343] 4-я полицейская панцергренадерская дивизия СС

[344] 2-я танковая дивизия СС «Рейх» (до 25 февраля 1941 года называлась дивизия усиления СС — была образована 10 октября 1938 года путём объединения «частей усиления СС» с частью соединений СС «Мёртвая голова». Род войск — мотопехота.

сделать это очень скоро.

Максвелл-Файф: Разумеется.

Биддл: Теперь позвольте задать вам несколько других вопросов.

Сэр Дэвид, на основе чего, вы утверждаете, что рейхскабинет являлся преступной организацией уже с 30 января 1933, когда, если я правильно помню, там было только три члена от нацистской партии: Геринг, Гитлер и Фрик? Вы думаете, что если трое из гораздо большего числа, почти двадцати других, то можно говорить о том, что часть преступной организации, делает весь кабинет преступным?

Максвелл-Файф: Разумеется на фактах. Следует помнить, что Гитлер отказывался принять должность вице-канцлера месяцами ранее до той даты которую вы приводите. Он отказывался по той причине, что, как вице-канцлер он не сможет осуществлять свою партийную программу. На этой основе подсудимый фон Папен и Гитлер проводили переговоры, и Гитлер пришёл к власти 30-го января. Это вопрос к обвинению о том, кто формировал часть кабинета, знавшую о том, что они сформировали часть кабинета, в котором Гитлер собирался осуществлять свою программу, как говорилось по многим поводам. Это первый пункт. Во-вторых, это вопрос обвинения, о том, что подсудимый фон Папен присоединился к нацистским заговорщикам в правительстве будучи осведомлённым об этом и с целью того, чтобы позволить им повернуть Германию на свой путь. И тоже самое следует применять – это не расследовалось в такой же степени, потому что они не являются подсудимыми – к промышленникам и партии, которые действовали с ними в кабинете. Они должны были понимать, также как знал и поддерживал Густав Крупп, также как знал и поддерживал Курт фон Шрёдер[345], цели нацистов которых они представляли и сотрудничали с правительством.

В-третьих, личности нацистов в правительстве – сам Гитлер, подсудимые Геринг и Фрик и доктор Геббельс[346], который как я думаю стал министром пропаганды, либо в тоже самое время или очень скоро после – показывали, что эти люди, они показали своими деяниями, что не являются лицами второго эшелона. Они сразу же ввели фюрер-принцип в действие в землях, и эти другие люди в кабинете приняли фюрер-принцип и объединились при назначении Гитлера и подсудимого Геринга и других заговорщиков на полномочные и властные должности которые позволили им осуществить свои ужасающие преступления в которых их обвиняют.

Я приведу вам одну ссылку. За несколько месяцев этого периода подсудимый Шахт стал уполномоченным по военной экономике и начал с

---

[345] Курт фон Шрёдер (1889 — 1966) — немецкий банкир, оказавший значительную финансовую поддержку Гитлеру и нацистскому движению, бригадефюрер СС.

[346] Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года. Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин в апреле 1945.

экономической стороны приготовления по созданию военного потенциала Германии.

По всем этим причинам, я полагаю, что действия рейхскабинета к этой дате являлись умышленными. Тоже самое применимо к подсудимому фон Нейрату, всё дело обвинения, как и дело против фон Нейрата заключается в том, что он продал свою респектабельность и репутацию нацистам, для того, чтобы помочь им купить этой респектабельностью и репутацией властное положение в Германии, в консервативных кругах в Германии и в дипломатических кругах в Европе с которыми он соприкасался. По всем этим причинам, ваша честь, я полагаю, что Reichsregierung того времени полностью был заражён преступностью о которой мы предполагаем в данном деле.

Биддл: В связи с политическими руководителями, позвольте вот, что спросить сэр Дэвид:

По вашему мнению, будет ли необходимо устанавливать ответственность политических руководителей низшего звена, чтобы показать, что, как группа, они были информированы о планах ведения агрессивной войны или совершении военных преступлений и преступлений против человечности? Другими словами, я понимаю, что есть какое-то обязательство показать эту информацию. Это просто вытекает из того факта, что эти преступления совершались или же есть какие-либо доказательства об этой осведомлённости?

Максвелл-Файф: Есть доказательства – и если я могу отметить какого рода есть доказательства – на первом этапе получения тоталитарного контроля в Германии, который является первым этапом заговора, то есть, помимо партийной программы, существуют фрагменты из журнала «Hoheitstrager[347]». Вы помните, Hoheitstrager являлись все политические руководители. Антисемитская часть это документы, экземпляр USA-240 (документ номер PS-3051) и экземпляр USA-332 (документ номер PS-3063), которые показаны в стенограмме на страницах 1621 и 1649. По вопросу военных преступлений против союзных лётчиков вы вспомните документ обращавщийся к рейхсляйтерам, гауляйтерам, крейсляйтерам с инструкциями о том, чтобы ортсгруппенляйтеров устно проинформировали в отношении линчевания союзных лётчиков. Этот документ это документ номер PS-057, показанный в стенограмме на странице 1627. И есть совет взятый, по крайней мере, у одного гауляйтера показанный в документе L-154, экземпляре USA-335 на странице 1628.

Затем есть, приказ Гиммлера старшим офицерам СС, для устной передачи гауляйтерам, о том, чтобы полиция не вмешивалась в стычки между немцами и лётчиками. Это документ номер R-110, экземпляр USA-333, показанный на странице 1624. Затем имеется декларация Геббельса призывающая людей убивать союзных лётчиков, которая показана на странице 1625. Похожим образом, в отношении иностранной рабочей силы, есть телеграмма Розенберга гауляйтерам

[347] «Носитель власти» (нем.)

информирующая их о том, что ОКВ проинструктировала охрану в целях подчинения заключённых отказывающихся подчиняться, применять при необходимости оружие.

Биддл: Сэр Дэвид, могу я позволить прервать вас на секунду. Я знаком с доказательствами в отношении гауляйтеров и рейхсляйтеров. Мой вопрос, как вы помните, был связан с низшими уровнями, блокляйтерами.

Максвелл-Файф: Что же, думаю четырьмя пунктами можно подытожить это даже в отношении низших уровней: вы имеете «Mein Kampf», партийную программу, «Der Hoheitstrager» и тот факт, что во всей организации постоянно проводились совещания.

Как я скажу, я рассмотрел доказательства о евреях, линчевании союзных лётчиков, и думаю, я упомянул письмо от Бормана рейхсляйтерам, гауляйтерам и крейсляйтерам о содействии производительности военнопленных. И есть инструкция от Бормана вплоть до крейсляйтеров о захоронении русских военнопленных. Есть указ об обеспечении производительности иностранных рабочих который шёл до группенляйтеров.

Все эти вопросы имеются в доказательствах, и мы полагаем, что есть конкретные доказательства практически по каждому пункту. И в общем, как я сказал, у вас имеются публикации, вместе с доказательствами о том, что проводились совещания, помимо общего фюрер-принципа, который должен был делать и делал целленляйтеров и блокляйтеров финальным оружием для того, чтобы обеспечивать, чтобы люди действовали в соответствии с волей руководства.

Биддл: Позвольте мне задать вам ещё два вопроса, и затем я закончу в отношении СА. Говорите ли вы, что член СА, который вступил, скажем, в 1921 и вышел в следующем году, виновен в заговоре для ведения агрессивной войны и виновен в военных преступлениях?

Максвелл-Файф: В этом смысле да. Если я могу напомнить, я ответил на этот вопрос, когда вы были любезны задать день или два назад вопрос о том, когда начался заговор. Человек, который был активным и добровольно участвовал в качестве члена СА в 1921, разумеется, поддерживая нацистскую партию, поддерживал опубликованную программу партии, которая имела цели, которые вы мне привели.

Это весьма чётко выражено в статье 2 партийной программы про избавление от диктата Версаля и аншлюссе, возвращении немцев к Рейну, что конечно вежливый способ говорить об уничтожении Австрии и Чехословакии.

Поэтому, этот человек имел в виду эти цели.

В отношении военных преступлений, я почтительно повторяю ответ который представил вам ранее, неотъемлимой частью доктрины нацистской партии являлось то, что они должны были отрекаться от жизни и безопасности любых других людей которые вставали на пути обеспечения их амбиций. Лицо которое умышленно вступает в организацию с такой целью, и с такой целью становится всё

более и более связанным с практической проблемой, неделю за неделей, принимало участие в первом значимом шаге вовлекшем человечество в бедствия которые мы видели, из-за этой доктрины, применимой к каждой стороне человеческой жизни и человеческого страдания, которые вызвали преступления которые расследует данный трибунал.

Биддл: Что же, я могу понять как вы можете говорить об этом в отношении заговора при военных преступлених, но я хочу совершенно ясно понимать, что вы говорите о последующем преступлении совершения военных преступлений, о том, что, человек вступивший в СА в 1921 и ушедший в 1922 совершал бы военные преступления в начале 1939.

Максвелл-Файф: Если вы представляете мне последующие военные преступления, я почтительно напоминаю вам, что согласно статье 6 последние слова это:

> «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана».

Согласно уставу, по моему почтительному соображению, этого достаточно для признания их ответственными за преступления.

Биддл: Теперь ещё один вопрос. Какой вы утверждаете, являлась функция СА после чистки Рёма?

Максвелл-Файф: Функция заключалась в поддержке всех нацистских проявлений в жизни Германии. Вы помните, что доктор Лёфлер был аккуратен в исключении – весьма откровенно и честно он исключил 10 ноября 1938. СА – и я привёл ещё один пример о том, как они формировались в Генерал-губернаторстве – мы также привели примеры, которые, как я думаю, вы найдете в моём приложении, об участии – ограниченном соучастии, но всё же соучастии – в военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Но основная мысль заключается в том, что СА после этого времени показывали, что было 3 миллиона человек, которые вступили в организацию, которая предоставила силу для привода нацистов к власти, и она имела сильный размер необходимый, чтобы привести нацистов к власти в те дни. Тогда в них вступило 2 ½ миллиона человек, что сильно увеличило их количество в те дни. Оно потом снизилось, но оно было очень большим в 1939 и они представляли аморальную силу за спиной нацистской партии. Они представяли сильную поддержку и были готовы для всех случаев, когда нужно было организовать демонстрацию, СА были тут как тут со своей поддержкой. Они являлись важным инструментом для сохранения нацистского контроля над Германским Рейхом.

Биддл: Значит, я понимаю так, что эта функция, по вашему мнению, по сути не изменилась после чистки? Вы так говорите?

Максвелл-Файф: Цель не изменилась. От них не требовалось делать и половину, потому что к концу 1933 все остальные политические партии была разрушены. Часть изначальной задачи СА, как её представил доктор Лёфлер, заключалась в том, чтобы охранять подсудимого Геринга, когда он произносил речь – я бы сказал, что она заключалась в том, чтобы мешать другим людям убегать от них, когда они произносили речи – и заниматься стычками с различными группами. Это было не нужно, потому что вся политическая оппозиция была уничтожена. Поэтому они стали скорее – я забыл точный термин – некоего рода группой поддержки или сборищем людей, которые всегда готовы были оказать громогласную поддержку.
Ваша честь, должны быть слышал, о митингах передававшихся по радио с запланированными восклицаниями. Они стали больше поддерживающими, нежели занимавшимися оппозицией, но по сути цель осталась той же самой, держать хватку.
Председатель: Доктор Дикс, уже почти четверть шестого. Вы думаете, что это обсуждение можно закончить до 6 часов.
Дикс: Господин председатель, мне кажется, я могу закончить за 5 минут.
Председатель: Хорошо. Остальные обвинители желают, что-нибудь добавить?
Руденко: Я хочу сделать несколько коротких замечаний.
Председатель: Генерал Руденко, как вы думаете сколько это займёт?
Руденко: Думаю 10 минут, не больше.
Председатель: Французский обвинитель желает, что-нибудь добавить?
де Риба: Мне нечего добавить.
Председатель: Доктор Дикс, что я хочу знать, это имеется ли какая-нибудь перспектива, что мы закончим эту дискуссию сегодня вечером. Генерал Руденко хочет выступать 10 минут, и если защитники - конечно же, вы поймете, что обсуждение такого характера, аргументация такого характера, не может длиться вечно и при обычном порядке можно заслушать представителя с одной стороны и с другой стороны, и затем ответ, не может выходить за эти рамки. Вам известно, сколько защитников хотят выступить?
Дикс: Господин председатель, я знаю.
Председатель: Я думаю, наверное, будет лучше, если мы сейчас отложимся, и будем завтра заседать в открытом режиме, и затем мы наверное сможем закончить аргументацию завтра за час. Вы согласны с этим генерал Руденко?
Руденко: Согласен.
Председатель: Защитники считают, что мы сможем завершить это за час завтра утром?

[*Несколько защитников одобрительно кивнули*]

Председатель: Очень хорошо, мы сейчас откладываемся и заседаем завтра с 10

часов утра.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 2 марта 1946*]

День семьдесят второй

Суббота, 2 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Генерал Руденко.

Руденко: Господа судьи, разрешите мне сделать несколько дополнительных замечаний по вопросу преступных организаций, проблеме, которой трибунал посвятил много внимания в последние несколько дней.

Я считаю важным, в первую очередь, полностью выяснить правовой аспект данной проблемы. В уставе трибунала заметно отсутствие какого-либо заявления в отношении того, что признание организации имеющей преступный характер автоматически приводит к осуждению, и более, осуждению всех членов этих организаций. Напротив устав содержит чёткое определение обратного характера. Статья 10 устава, постоянно цитируемая на процессе говорит о том, что национальные суды имеют право, но не обязанность, судить членов организаций объявленных преступными. Соответственно, вопрос о проблеме процесса и наказания индивидуальных членов преступных организаций исключительно находится в компетенции национальных трибуналов.

Правовой суверенитет каждой страны признается уставом трибунала и таким образом ограничен только в одном отношении: национальные суды не могут отрицать преступный характер организации, объявленной преступной. Трибунал не может накладывать иного ограничения в отношении правового суверенитета договорившихся сторон.

Поэтому, судья Джексон говорил здесь – и, обоснованно – что признание организации имеющей преступный характер и поэтому автоматически позволяющее массовое осуждение всех её членов, это просто плод воображения, я добавлю, что это исходит не из правовой основы, а из какого-то совершенно другого источника.

Мне кажется, что данная правовая проблема также основана на явном недопонимании. Один из представителей защиты, доктор Серватиус, говорил здесь о законодательных полномочиях трибунала. Полномочия Международного военного трибунала, организованного четырьмя державами в интересах всех свободолюбых народов, огромные; но конечно же, этот трибунал, как юридическая организация, не имеет и не может обладать какими-либо законодательными полномочиями. Разрешая проблему преступного характера организации, трибунал

единственно осуществляет право предоставленное ему уставом, то есть, независимо разрешает вопрос преступности организаций. Конечно же, приговор трибунала, вступив в силу, приобретает значение закона, но такое значение придаётся любым приговорам суда при их вынесении.

Представитель защиты Кубушок заявил здесь о том, что решение по уставу в отношении преступных организаций является правовым новшеством. В некоторой степени это является правдой. Новшество состоит в уставе Международного военного трибунала и всех его статьях, чьё создание, как таковое, является новшеством в первую очередь. Но как бы защита не считала возможным сожалеть об этом факте, я считаю возможным напомнить ей о причинах такого правового новшества.

Те самые злодеяния совершенные подсудимыми и их сообщниками, деяния которые неизвестны в истории человечества, вызвали необходимость ввести новые законодательные меры для защиты мира, свободы и жизней наций против преступных покушений. Более того, государства создавшие данный трибунал и все миролюбивые народы остаются неизменно верны идеалам закона и принципам справедливости. Поэтому, ответственность за участие в преступных организациях будет установлена только, когда будет доказана личная вина. В действительности, национальные суды будут разрешать проблемы индивидуальной ответственности.

Теперь несколько слов о тактической стороне проблемы. Здесь говорилось о том, что некоторые подразделения СС не преследовали никакой преступной цели. Господа судьи, трудно найти в фашистском механизме нейтральные организации которые не преследовали преступных целей. Таким образом, защитник СС, доктор Бабель, упоминал о существовании кинологического отдела в СС. Кажется, что эта организация общего назначения. Однако, оказывается, что учёные собаководы в этой организации участвовали в дрессировке гончих для нападения на людей и разрывания их на куски. Можем ли мы изолировать этих собаководов от СС?

В Данциге другой научно-исследовательский институт участвовал в изготовлении мыла из человеческого жира. Наверное, мы должны освободить этих мыловаров от всякой уголовной ответственности?

При этом защитой было выдвинуто два практических предложения: выделение в качестве отдельного дела, дела о преступных организациях и создание в различных лагерях организации защиты имеющей своей целью сбор информации и доказательств. Однако, на практике оба предложения создадут неразрешимые трудности для трибунала при осуществлении неотложной задачи возложенной на него нациями.

Эта задача ясно сформулирована в уставе, который инструктирует трибунал разрешать проблему расследования конкретными фактами о членах этих организаций. Поэтому обращение к трибуналу о выделении и рассмотрении дела о преступных организациях в качестве самостоятельного дела равнозначно

обращению к трибуналу нарушить статьи устава.

Статья 9 устава разрешает проблему преступных организаций при расследовании дела любого конкретного члена, но она также имеет другое значение для процесса. Она показывает, как я уже говорил, что тот факт, на котором основано решение по вопросу преступности организации основывается на присутствии на скамье подсудимых, обвиняемых представителей всех организаций которые обвинение предлагает считать преступными.

По делу имеются доказательства которые достаточно усиливают признание преступности данных организаций. Поэтому вызов особых свидетелей, способных дать показания об этих организациях, может являться только дополнительным источником доказательств. Господа судьи, я заканчиваю, и в завершении не могу не опустить один аргумент защиты. Защита говорила о том, что в результате признания преступности этих организаций миллионы немцев, членов этих организаций, предстанут перед судом. Вместе с моими коллегами по обвинению я не разделяю это мнение, но есть кое-что, что я хочу сказать.

В связи с гипотетическими миллионами защита пытается подорвать прогресс правосудия. Однако, перед нами, представителями наций которые вынесли бремя и страдания в борьбе против гитлеровской агрессии, перед совестью и сознательностью миллионов безвозвратно потерянных жертв, замученных до смерти в Треблинке, Аушвице, Дахау, Бухенвальде[348], Майданеке и Киеве. Нашим долгом является не пощадить никаких сил в сокрушении преступной системы направившей фашистские организации против человечности. Господа судьи, масштаб преступлений совершенных гитлеровскими бандитами невозможно представить. Однако, мы не ослеплены чувством мести и не имеем намерения уничтожать весь немецкий народ в ответ. Но справедливость не позволяет нам уклониться и таким образом развязать руки для совершения новых преступлений.

Мы глубоко убеждены в том, что трибунал неотступно последует пути к справедливому и быстрому приговору, и он будет, в полной мере, карой тех чьи преступления потрясли землю.

Биддл: Генерал Руденко, могу я задать вам несколько вопросов?

Генерал Руденко, вы помните о том, что господин судья Джексон предложил определённые тесты, которые мы должны использовать, перед тем как признаем организацию преступной, как то, являлись ли цели и задачи организации открытыми и известными, для того, чтобы показать, что члены знали о том, что они делают.

Итак, если мы признаём, что какая-либо организация является преступной, мы обязательно установим, я полагаю, этим тестом, что её деяния являлись

[348] Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

открытыми и известными. Итак, если член этой организации признанной преступной, затем будет судим одним из национальных судов, я полагаю, согласно этому выводу у него не будет никакого права показывать, что он ничего не знал об этом, потому что он должен был знать, таким образом он не сможет заявлять в свою защиту о том, что не имел сведений о преступных деяниях, не так ли?

Руденко: Совершенно верно. Но мы думаем о том факте, что национальные суды, расследуя проблему индивидуальной ответственности индивидуальных членов организаций, конечно же, исходят из принципа индивидуальной вины, поскольку естественно, мы не можем исключать возможности того, что в организации СА, которая фундаментально и в подавляющем большинстве знала о её преступном характере, могут быть индивидуальные члены которые были втянуты в организацию, как обманом, так и другими причинами и не были осведомлены о её преступном характере.

Биддл: Но это не будет являться для него защитой, не так ли? Он не может сказать, что у него не было сведений, потому что мы уже установили, что сведения были настолько открытыми и известными, что он должен был знать.

Руденко: Почему? Лично я исхожу из точки зрения о том, что если национальный суд, расследует дела членов которые заявляют о неведении в отношении преступного характера организации к которой они принадлежали, то национальный суд должен изучать эти аргументы представленные в их защиту и соответственно их оценивать.

Биддл: Как они могут это рассматривать, если мы установим, что деятельность организации была настолько известной, что он должен был знать? Как он тогда скажет, что не знал?

Руденко: Я всё же придерживаюсь точки зрения, и всё же интерпретирую и понимаю устав как означающий, что приговор Международного военного трибунала должен установить и разрешить вопрос преступного характера организаций, но там где стоит вопрос индивидуальной ответственности и вины каждого члена этой организации, решение подпадает исключительно в компетенцию национальных судов. Таким образом, крайне сложно предвидеть все возможные индивидуальные дела и результаты которые могут возникнуть при расследовании категорий индивидуальных подсудимых.

Вчера вы задали сэру Дэвиду Максвелл-Файфу вопрос о члене СА который вступил в организацию в 1921 и через год вышел. Это, конечно, особые дела и я не могу сказать насколько они многочисленные, они неизбежны и когда мы подойдем к вопросу степени его информации, причинам его вступления и причинам его выхода из этой организации, когда мы подойдем к оценке его действий, мне кажется, что это должен делать национальный суд, который исследует выводы защиты и соответственно их оценит.

Биддл: Вы можете сказать, какую защиту он будет иметь в национальном суде, за

исключением защиты о том, что никогда не являлся членом? У него будет какая-то другая защита, нежели мы знаем до сих пор? Закон номер 10 разрешает ему какую-либо другую защиту?

Руденко: Мне сейчас сложно сказать о том, какие аргументы члены организаций могут представить, и то, что я говорю, это будет предположением. Но, я например, считаю, что представленный аргумент – теоретически – который может быть достаточным для оправдания этого члена организации это то, что его принудили вступить.

Биддл: Могу я задать вам ещё два вопроса.

Вы использовали выражение о том, что любое доказательство приводимое подсудимыми будет лишь дополнительным. Это выражение неизвестно нашему праву, и мне было бы очень интересно, чтобы вы рассказали нам о том, что вы имеете в виду под дополнительным доказательством. Я не знаю, что означает этот термин.

Руденко: Я не так выразился. Это, наверное, неточность перевода. То, что я сказал, говоря по вопросам связанным с дальнейшими расследованиями по вопросу преступных организаций, было то, что это расследование должно проводиться вместе с расследованием дела любого другого члена этой организации, поскольку представители этих преступных учреждений находятся на скамье. Но я не говорю, что уже это является окончательным материалом для признания, или отказа, в преступном характере этой организации.

Но трибунал, конечно же, может, рассматривать это доказательство как неадекватное, или скажем так, защита может посчитать, что потребуется дальнейшее дополнительное доказательство. В связи с этим я считаю, что вызов свидетелей способных представить особые доказательства по проблеме преступного или не преступного характера этих организаций можно представить трибуналу в качестве дополнительного доказательства.

Биддл: Еще один вопрос об СА, о котором я вчера спрашивал сэра Дэвида.

В чём как вы считаете заключалась функция СА после чистки Рёма, или выражаясь немного по-другому, в каком, как вы считаете, преступном деянии участвовали СА?

Руденко: Я считаю, что СА после инцидента Рёма совершали теже самые преступные деяния, как и другие организации гитлеровской Германии. В подтверждение этого доказательства я ссылаюсь на такие факты как захват Судетской территории. Как хорошо известно, подразделения СА играли активную роль в этом деле.

Все последующие события, происходившие в Германии в связи с евреями и позже на территориях захваченных Германией – Чехословакии и других – эти преступные события происходили при участии этой организации СА.

Биддл: Спасибо.

Председатель: Обвинитель от Французской республики желает, что-нибудь сказать?

Французский обвинитель: Нет.

Дикс: Я, в качестве представителя подсудимого Шахта, косвенно заинтересован в вопросе преступности группы рейхскабинета, потому что Шахт являлся членом рейхскабинета. Однако я хочу с самого начала отметить, что я не хочу делать подробных заявлений ни в отношении правого характера ни в отношении фактов по делу. Я сделаю это лучше во время своей заключительной речи.

Что я хочу понять, и о чём прошу поддержки трибунала, это разъяснение и подтверждение ответов которые господин судья Джексон и сэр Дэвид Максвелл-Файф дали вчера на ваши вопросы, господин Биддл.

Я хочу отметить, что, конечно же, мне ясно, что я не имею права задавать какие-либо вопросы членам обвинения. Формально говоря, я как самое большее могу просить трибунал дополнить вопросы, которые вчера задал трибунал. Однако, мне кажется, что такое формальное возражение не имеет никакого практического значения, потому что я убеждён в том, что сэр Дэвид, который понимает значимость моего вопроса о расширении своего ответа, будет готов углубить ответ на вопрос заданный господином Биддлом не обсуждая теоретический вопрос, является ли он обязанным сделать это.

Сэра Дэвида Максвелл-Файфа вчера спросили о том, считает ли он Reichsregierung, то есть, рейхскабинет, в том виде как он был составлен 30 января 1933, в виду относительно малого количества членов кабинета национал-социалистов, преступным даже тогда и если так, считает ли он, что этот гипотетический преступный характер был присовокуплен этим к другим людям.

Сэр Дэвид ответил на этот вопрос господина Биддла утвердительно и обосновал свой ответ (1) содержанием партийной программы и (2) тем фактом, что уже тогда фюрер-принцип был изложен в программе.

Я хочу спросить дополнит ли сэр Дэвид свои ответы в следующих моментах: действительно ли сэр Дэвид говорит о том, что фюрер-принцип как таковой, то есть, чисто абстрактная теория, должен отвергаться не только политически или по иным причинам, но также рассматриваться преступным? Я хочу дать понять, что я говорю об абстрактном принципе, не учитывая какие-либо фактические события в последующий период времени.

Относительно его второго ответа, о том, что партийная программа заставляет его заявить, что даже в то время рейхскабинет должен был считаться преступным и восприниматься как таковой, этот ответ – не прямо в ответ на первый вопрос господина Биддла заданного в ходе дальнейших вопросов трибунала к нему – он добавил и дополнил его, заявив о том, что цель ликвидации Версальского договора и объявлении о желании аннексии Австрии выражавшаяся в партийной программе являлись преступными пунктами программы.

Могу я попросить сэра Дэвида ответить, сначала, являются ли эти два пункта партийной программы, то есть, отмена Версальского договора и аншлюсс, за исключением фюрер-принципа единственными пунктами партийной программы которые заставляют его считать эту программу преступной, то есть, считать преступным правительство которое знало об этой программе? Во-вторых, я хочу спросить действительно ли он выражает мнение о том, что попытка добиться пересмотра договора который считался подавляющим, очень подавляющим, нацию, может считаться преступной.

Кроме того, я хочу попросить его сказать, считает ли он как политик, рассматривая демократический принцип права народов на самоопределение и учитывая историю аннексионистского движения в самой Австрии – и я напоминаю ему о плебесците 1919, когда был потребован аншлюсс, можно уверенно говорить, 100 процентами австрийского населения, что являются преступными политическая партия или политическая программа которые нацелены на достижение этой цели мирным способом. И здесь я снова хочу подчеркнуть не для того, чтобы меня неправильно поняли, что последующее развитие и всё, что произошло в действительности и всё, что могло не случиться в соответствии с партийной программой нужно исключить, оставив для рассмотрения партийную программу как таковую. От этого, конечно же, зависит смысл его ответа, когда он сказал: «Да, партийная программа является основой преступного характера».

Итак, подходя к концу, было бы совместимым с логическим ходом моих пояснений, подождать пока сэр Дэвид разрешит данный вопрос, ответ на который я хочу попросить у сэра Дэвида, а также от господина судьи Джексона, которого сегодня здесь нет…

Председатель [*Прерывая*]: Доктор Дикс, трибунал хочет, конечно же, рассмотреть всё, что вы сказали, постольку, поскольку это относится к принципиальным вопросам, но он не считает, что сейчас подходящее время для представителя защиты задавать вопросы представителю обвинения. Вопрос уже полностью рассмотрен и трибунал не предлагает задавать какие-либо дальнейшие вопросы обвинению если обвинение не пожелает сказать чего-либо в ответ на то, что сказали вы.

Дикс: Ваша светлость, в этом я взял на себя смелость, о чём сказал в начале. Я сознаю, что от свободной воли сэра Дэвида зависит его решение о том, собирается ли он выполнить мою просьбу добавить к своему ответу на вопросы поставленные господином судьей Джексоном. Это вопрос для него.

У меня есть короткий вопрос, который направлен на предотвращение нашего взаимного недопонимания. Нехорошо, когда есть недопонимание.

Я помню – но может я ошибаюсь, и вот почему я хочу спросить сэра Дэвида о том, что господин судья Джексон высказал в своём мнении – о том, что он не считает партийную программу как таковую преступной. Как я сказал, я помню это. Я не делал никаких заметок об этом, потому что это меня не сильно поразило в

тот момент, поскольку я считал это само собой очевидным. Следовательно, я могу ошибаться. Но если моя память верна, я хочу попросить сэра Дэвида, сказать имеется ли какое-либо единое отношение у обвинения к этому моменту.

Председатель: Доктор Дикс трибунал попросил обвинение представить свою принципиальную аргументацию по вопросу этих организаций, и он также желает заслушать представителя организаций для того, чтобы эти вопросы были разъяснены, в виду возможности представлять любые возможные доказательства. Он заслушал представителей всех четырёх обвинителей. Он задал им вопросы, которые посчитал нужным задать для того, чтобы прояснить моменты. Он заслушал представителей всех организаций, и он заслушал представителя обвинения в ответ. Он не предлагает задавать дальнейшие вопросы обвинению на данной стадии. Конечно же, представитель обвинения и представитель защиты будут полностью заслушаны позднее.

Дикс: Я подхожу к концу своего выступления. Я оставляю на суд и сэра Дэвида, хочет ли он ответить на эти вопросы сейчас.

Председатель: Доктор Зейдль, трибунал не считает, что это подходящее время для того, чтобы какой-либо защитник индивидуального представителя вникал в вопросы связанные с обвинениями против организаций. Конечно же, они будут заслушаны в ходе своей защиты, но это не подходящее время. Это всего лишь предварительная дискуссия с целью выяснения вопросов которые относятся к организациям.

Зейдль: Да, но я хочу воспользоваться возможностью, чтобы прояснить оговорку которую я допустил позавчера. Позавчера я протестовал против заявления о том, что подсудимый Франк являлся членом СС и кажется это неправильно перевели.

Председатель: Но доктор Зейдль, нет ли этого в стенографической записи? Вы ещё не видели стенографические записи?

Зейдль: Я пока не видел расшифровку, но мне кажется, что по ошибке «СС» перевели как «СА». Подсудимый Франк никогда не отрицал, что он являлся обергруппенфюрером СА. Я хочу отметить, что только заявление в обвинительном заключении о том, что он был генералом СС неправильное, а также заявление в приложении B о характере элемента преступления имеет значения, потому что говорилось о том, что он являлся генералом СС. Я придаю важность тому факту, что подсудимый Франк никогда не отрицал, что он являлся обергруппенфюрером СА.

Председатель: Очень хорошо, но у вас будет возможность раскрыть дело Франка, когда придёт ваша очередь.

Зейдль: Да, но вопрос просто заключается в том, явялялся подсудимый Франк членом СС или нет. Пока обвинение не представило чёткого подтверждения членства подсудимого Франка в СС, я должен не согласится с этим заявлением. Мне не кажется, что задачей защиты является доказывание того, что подсудимый Франк не являлся членом СС. Я убеждён в том, что, с другой стороны, это является одной из задач обвинения.

Председатель: Очень хорошо, я услышал то, что вы сказали.
Серватиус: Доктор Серватиус от руководящего состава…
Председатель: Доктор Серватиус, трибунал готов очень кратко заслушать представителя организаций в опровержение, но только очень кратко, иначе мы можем продолжать бесконечно.
Серватиус: Я не хочу произносить речь, а просто выступить около 5 минут, для того, чтобы определить своё отношение к нескольким вопросам о доказательствах. Первое, у меня есть два вопроса по поводу ограничения разбирательств в отношении отдельных групп членов. Я был бы благодарен если бы обвинение могло сказать о том, является ли исключение отдельных частей, как то, что произошло, окончательным или же имеются какие-либо другие процедуры и шаги в резерве. Изначально об этом говорилось в отношении руководящего состава. По вопросу ограничения разбирательств в отношении отдельных групп членов в связи с руководящим составом, я не хочу делать никакого другого ходатайства, постольку поскольку это ограничение уже действует. Однако, я был бы рад, если бы было принято решение в отношении женщин. Женские технические помощницы которые работали в учреждениях не могут по моему мнению быть включаться в штабы. В любом случае, они не относились к руководящему составу, хотя и работали при штабах. У самих этих женщин такое же мнение, и это мнение разделяют офицеры лагерей. Соответственно ни одного ходатайства об отпуске для заслушивания не было сделано ни одной женщиной в британской зоне.

Я полагаю, известно, что женщины, по принципиальной причине, были выведены из политики в национал-социалистическом государстве, и поэтому они вряд ли могут быть связаны с преступлениями указанными в статье 6.

Теперь я хочу сказать о двух пунктах по поводу вопросов доказательств. Также как всякая профессия создаёт необходимые для неё инструменты, так и юрист создает концепцию решения своей проблемы. Эти концепции не создаются ради собственного удобства, такая концепция преступной организации должна служить для призвания к ответу лиц которые иначе бы избежали своей ответственности. При создании устава, процедура являлась такой, что можно было разобраться с традиционной структурой государства для того, чтобы добраться до индивидуальных органов. Но для того, чтобы можно было охватить эти органы, нужно собрать их снова воедино, посредством концепции вины в заговоре. Однако, таким образом, можно достать лишь сравнительно небольшой круг, поскольку его члены должны были быть связаны друг с другом договорённостью. Для того, чтобы расширить этот круг посредством юридической техники, создана концепция преступной группы или организации. Эта организация включала договорённость о заговоре только на самом верху, при этом члены, автоматически, сами того не зная, включались в заговор. Такое определение концепции преступной организации является оправданным лишь постольку, поскольку оно является полезным в

содержании под арестом действительно виновных людей и только тех кто виновен.

Для того, чтобы определить границы этой концепции, я хочу обсудить два дальнейших пункта по вопросу установления вины и поэтому обязательно относящихся к вопросу допустимости доказательства. Первое, существует вопрос об отсутствии у членов сведений о преступности – отсутствии сведений вытекающих из секретности – и затем отношение членов после осознания ими совершения правонарушений. По моему мнению, исследование виновности не может исключаться указанием на предполагаемые сведения зарубежных стран о подлинных условиях. В зарубежных странах действовала пропаганда, преувеличенно проливая свет на эти вещи. В Германии все эти факты оставались в тайне, поскольку из-за самого своего характера они должны были быть тайной – например, то, что происходило в лагерях уничтожения – и потому что они должны были быть тайной по политическим причинам. Более того, вещи, которые стали известны здесь, настолько невообразимы, что даже в Германии нельзя было в них поверить, будь они известны во время войны. Должно относиться к делу установление того, что 99 процентов индивидуальных членов действовали в доброй вере. В таком случае, организация не является преступной, но в ней мог бы быть преступник. Если установить это, тогда правовая концепция преступной организации является излишней и соответственно ложной. Правовых концепций существующих до сих пор тогда было бы достаточно для суда над виновными.

Следующая точка зрения: преступная природа или преступный характер, о которых говорит устав, показывает, что должно быть что-то, что касается всей организации, и это должно быть длящееся положение дел. Индивидуальные деяния, которые отвергались как ошибочные организацией или подавляющим большинством её членов не могут создать преступного характера для организации. Отношение всех членов к инкриминируемым деяниям, следовательно, является решающим и таким образом доказательственным значением.

Нам не требуется концепция преступной организации для того, чтобы наказывать отдельных преступников, чьи деяния отвергались большинством. В числе таких индивидуальных дел, в организациях которые насчитывали миллионы членов, могут быть случаи, в которых принимали участие небольшие или даже крупные группы или просто отдельные местные районы.

Мне кажется, что главной задачей трибунала является определить с судебной объективностью, характер виновности применимой ко всей организации. Я считаю, что пункты, которые я упомянул, секретность об этих фактах и отношение членов после получения сведений, должны формировать основу для сбора доказательств.

Биддл: Я хочу задать несколько вопросов.

Доктор Серватиус, я хочу вас спросить – и я спрошу другого представителя организаций – принимаете ли вы в целом определение преступной

организации, предложенное господином судьей Джексоном на страницах 19 и 20 его выступления? Вы вспомните, что он привёл пять главных тестов. Итак, для того, чтобы определить какие доказательства следует принимать, мы должны установить, что относиться к делу. Итак, тест о том, что относится к делу, зависит от общего определения того, что является общим для всех организаций для этой цели. Итак, вы можете или не можете сказать принимаете ли в целом эти тесты в целях принятия доказательств?

Серватиус: Я пока это не обдумал и не имел возможности обсудить это со своими коллегами. Я был бы благодарен, если бы вы предоставили мне такую возможность. Наверное, этим вечером защита организаций сможет сообщить суду об этом.

Биддл: Позвольте задать вам другой вопрос. Что, по вашей мысли, является тестами, которые следует применять для целей принятия доказательств?

Серватиус: Я не совсем понял вопрос.

Биддл: Я сказал о том, что господин судья Джексон предложил определение из которого можно установить относимость некоторых доказательств. Итак, есть ли у вас какое-либо предложение в таком же смысле?

Серватиус: Я не хочу этим заниматься не поговорив со своими коллегами. Это является вопросом большого значения, который я не хочу рассматривать сам с собой.

Биддл: Да, но это является основой всей аргументации. Самой целью аргументации было раскрыть это.

Кубушок: В ходе вчерашних дебатов обсуждалась проблема о том можно ли считать задачу поставленную уставом перед трибуналом в качестве законодательного акта. До сих пор поднимался вопрос о том, если мы ответим на предварительный вопрос утвердительно, имеет ли суд возможность издать какие-либо обязывающие инструкции национальному суду который должен судить отдельных лиц, согласно закону номер 10. Это, прежде всего, касается, степени исследования вины индивидуального члена и ограничения сферы наказания в небольших случаях. Мне кажется, что если мы продолжим это обсуждение, мы окажемся в лабиринте, когда настанет практическое применение. В действительности задача поставленная суду не является законодательным актом. Это не является процедурным новшеством, если национальный суд в последующем разбирательстве связан предыдущим решением данного трибунала. Такие дела совершенно возможны и юридически допустимы. Если где бы то ни было в уголовном процессе уголовный суд связан предыдущим решением, скажем административного суда, мы считаем эти дела совершенно правильными и бесспорными. Также, например, уголовный суд может быть связан, например, при рассмотрении дела о растрате предыдущим решением гражданского суда о том являлся ли предмет растраты имуществом кого-либо ещё.

Здесь также, никто не считает, что гражданский судья принял

законодательный акт. То, что решение другого суда является обязывающим в уголовном суде и является предпосылкой для его приговора ни коим образом не означает, что автор уголовного кодекса не выполнил своей законодательной задачи и теперь это делает суд которые берёт предыдущее решение. По моему мнению, мы, таким образом, не должны далее рассматривать этот пункт, так как статья 9, параграф 1 устава требует от трибунала чёткого и однозначного решения по вопросу является ли организация преступной.

Можно прочесть больше как в уставе, так и в законе номер 10. Вчера сэр Дэвид определил своё отношение к пяти пунктам, представленным мною на рассмотрение об относимости доказательств. В отношении последних двух пунктов он заявил возражение в том, что они должны рассматриваться на процессах предусмотренных законом номер 10. Это был вопрос об основаниях оправдания лиц – например, обман и т.д. Я хочу избежать повторения и отметить только следующее: совершенно верно, чтобы вопрос принуждения и обмана и другие причины оправдания лиц будут обсуждаться на последующих процессах. В связи с этим сэр Дэвид также обратил внимание суда на действительно заметную проблему – то есть, проблему обмана государством, то есть, проблему массового внушения. Это в действительности очень важная проблема. Она затрагивает многих членов, что касается их вступления. Но это ведёт к широчайшему выяснению в отношении виновности всех членов и характере всей организации.

Таким образом, мы обращаем особое внимание на то, как проблема обмана со стороны государства повлияла на членов и соответственно являлась характеризующей организацию. Все основания для оправдания людей таким образом должны быть исследованы трибуналом при разрешении вопроса о характере организации. Кроме того, следует на широчайшей основе принимать доказательства.

Если бы трибунал должен был сейчас провести какое-либо ограничение, то позднее будет возможность, в конце процесса, вопреки его нынешнему мнению, рассмотреть в качестве относящегося к делу материалы исключённое сейчас.

На вчерашних дебатах обсуждалась важность вопроса в отношении предлагаемой декларации о преступности, о том, что следует считать образующим сведения со стороны отдельного члена. Сэр Дэвид здесь применил стандарт о человеке среднего ума и хочет рассматривать виновным любого, кто был выше этого стандарта.

Я уже недавно пояснял, что в отношении законов угрожающих таким суровым наказанием как в данном деле, все системы уголовного права требуют того чтобы был доказан прямой умысел исполнителя. Правонарушения по небрежности караются только в исключительных случаях и следуют небольшие наказания. В любом случае в деле с правонарушением небрежности правонарушителю должно быть чётко понятно, что он подлежит обязательному исследованию на предмет его

деяния с точки зрения уголовного закона. Закон номер 10 – и сейчас в связи с предполагаемым приговором данного суда – представляет закон ex post facto[349].

В случае главных подсудимых обвинение оправдало отклонение от общепризнанного принципа nulla poena sine lege[350] на том основании, что они сами не действовали в соответствии с этим принципом и поэтому не могут, сейчас этим оправдываться. Однако, это никоим образом не применимо к организациям, совершенно помимо вопроса о том может ли вообще быть принят данный аргумент.

Однако, в любом случае, учитывая элемент неосторожности, не следует упускать тот факт, что обязательство уделить внимание отличается в деле законов ex post facto с тем, что было бы при существующих законах.

В связи с этим я хочу сослаться на тот факт, что вопрос о том являлись ли партийные организации незаконными или нет, уже часто обсуждался, даже раньше, во времена Веймарской республики. Политические соображения определённо благоприятствовали такой декларации. Видимо, юридические соображения того времени не дают основания казаться такой процедуре практичной. Какую меру мы должны применять к способности индивидуальных членов судить о таких вопросах, если юридическая проблема настолько сложная и ведёт к такой большой дискуссии?

Обвинение ограничилось ходатайством об исключении вспомогательных работников в случае Гестапо. Причиной для этого могло только быть то, что в случае этих членов сведения не могли предполагаться как самоочевидные. Я прошу о том, чтобы выводы, сделанные в индивидуальном деле, применялись к членам других организаций. Не должен ли индивидуальный член организации включающей миллионы который имел гораздо меньший контакт с исполнительным органом чем вспомогательный сотрудник Гестапо – не следует судить о таком члене гораздо более благоприятно, в части сведений, чем о той группе, которую исключили?

Разве мы не особо обязаны использовать самые лучшие возможные методы для собственного информирования об осведомлённости или отсутствии осведомленности у индивидуального члена? Сэр Дэвид, обсуждая проблему небрежности, неожиданно сказал о политике страуса. Но здесь нам нужно учитывать, что человек, который засунул голову в песок для того, чтобы не видеть что-то, что он увидел больше не хочет видеть это снова. Это совершенно иначе в случае конкретного члена, который из источников, имевшихся в его распоряжении не мог получить сведений об индивидуальных поступках; который, в частности, не имел осведомлённости о возможной…

Председатель: Извините, что прерываю вас, но трибунал уже слышал и внимательно выслушал вашу интересную аргументацию, и аргументация которую он готов выслушать должна быть краткой аргументацией в опровержение. Как я уже

[349] «с обратной силой» (лат.)

[350] Нет наказания без закона (лат.) — правовой принцип, согласно которому никто не может быть наказан за поступок, не запрещённый законом.

отмечал, мне кажется, что большая часть того, что вы сейчас сказали уже была сказана. Мы не можем долго заслушивать эту аргументацию.

Кубушок: Понимаю. Поскольку я подошёл к концу своих замечаний, я хочу в заключение представить одну точку зрения, которая касается защиты рейсхкабинета. Количество членов рейхскабинета весьма ограничено. Одна половина находится на скамье подсудимых. Необходимо ли считать другую половину кумулятивной в качестве организации, поскольку небольшое количество из них привело к индивидуальному процессу, со всеми правовыми гарантиями предоставленными им? В этой степени я хочу сослаться на замечания своего коллеги доктора Латернзера, который упоминал норму устава о том, что трибунал не обязан выносить решение, но по причинам срочности может воздержаться от этого.

Председатель: Господин Биддл хочет задать несколько вопросов.

Биддл: У меня всего один вопрос. Вы выслушаете его очень внимательно?

Если трибунал признает, что организация использовалась с преступной целью и, разумеется, в отношении какой-то организации, есть сильные доказательства которые могут оправдать такой вывод, почему, тогда, трибунал не будет обосновывать признание этой организации как преступной организации постольку поскольку она состояла из лиц которые имели сведения о том, что она использовалась таким образом и добровольно оставались членами организации? Другими словами, определение укажет на то, что она состояла из членов, которые имели подлинные сведения о том, что организация участвовала в совершении преступления.

Кубушок: Организация не может быть отделена от общего количества её членов. Декларация о преступности в связи с законом номер 10 затронет каждого индивидуального члена. Задача трибунала не будет выполнена, если он ограничится этой задачей и исключит из организации неопределённых лиц. В задаче, которую я упоминал мы не можем упускать из вида практический смысл, и это не будет гарантировано если такое ограничение будет сделано.

Биддл: Я задам ещё один вопрос. Я не думаю, что вы ответили на мой вопрос. Я просто задам его проще.

Как это определение будет несправедливым в отношении какого-либо лица?

Кубушок: Если только ограниченный круг лиц в связи с организацией заклеймён как преступный, то это обязательно вызовет несправедливость в отношении остальных членов организации. Декларация естественно затрагивает имя всей организации, и поэтому, декларация о преступности влияет на каждого отдельного члена, даже если попытаться судить об определении.

Биддл: Спасибо.

Председатель: Думаю, с учётом времени нам лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Латернзер: Господин председатель, я не планирую делать сегодня заявления о концепции преступной организации, потому что, как мне кажется, мои вчерашние заявления об этом моменте были исчерпывающими. Я просто хочу кратко выразить своё отношение ко второму вопросу заданному господином Биддлом моему коллеге Кубушоку.

Второй вопрос, если я правильно его понял, был следующим: почему нечестно в отношении индивидуальных лиц которые являлись членами организации, или почему это может быть нечестным к ним, если организация объявлена преступной? Такая декларация о преступности организации разумеется нечестная в отношении всех членов которые не имели сведений о какой-либо предпложительной преступной цели и задачах. В этом вопросе можно…

Биддл: Вы неправильно поняли вопрос, я думаю, скажем так, чтобы сэкономить время – вопрос на самом деле очень простой. Я не хочу вдаваться в него, если вы не хотите. Я снова его повторю. Я сказал так: если организация использовалась для преступных целей – и я добавил, что есть очень много доказательств того, что так обстояло дело в некоторых случаях – почему не будет правильным утверждать о ней как о преступной организации постольку поскольку она состояла из лиц которые имели сведения о том, что она используется таким образом и добровольно оставались членами? Конечно же, этим из организации исключается каждый, кто не имел сведений о том, что она используется в преступных целях.

Латернзер: Тогда я не совсем правильно понял вопрос, и дальнейшие заявления по этим вопросам мне кажутся излишними.

Лефлёр: Я прежде всего хочу поправить недопонимание. Сэр Дэвид вчера в своём ответе заявил о том, что я допустил, что СА участвовали в 10 и 11 ноября 1938. Я прямо подчёркиваю, что я заявил о том, что только 2 процента из СА как самое большее участвовали в отдельных акциях, и это очевидно применимо к этому событию. Этот пример заставляет меня подчеркнуть то, что мой коллега Серватиус, ранее заявил о принятии во внимание так называемой ошибки об организации, в случае, когда организация отклонялась от своего пути и совершала ошибку которой можно было избежать. 98 процентов которые не участвовали, а также 2 процента которые участвовали, за несколькими исключениями, все считали эту акция отклонением и отвратительной и внутренне с ней не соглашались.

Таким образом, в обвинительном заключении есть ошибка если на основе единичного события, на основе исключительного случая, делаются общие выводы об основном характере организации. Так правомерно протестовалось, что само отвержение этой акции является доказательством того, что это исключение из общей тенденции организации.

Если, затем, утверждается в качестве второго пункта, что СА также занимались концентрационными лагерями, то это такое же дальнейшее доказательство ложного вывода к которому можно придти в случае приговора в отношении организаций. Из 4 миллионов был, по крайней мере, 1000 человек как самое большее, то есть, только 0,5 процентов. Остальные 3999000 не имели никаких сведений об этом, и это можно подтвердить. Никто не желает требовать того, чтобы факт того, что 0,5 процентов участвоваших в чём-то о чём другие ничего не знали, приводил к выводу в вопросе о преступном характере. Но этот небольшой процент, как таковой не является ответом на вопрос, который затронут в настоящий момент. Скорее мы, как и раньше, имеем мнение о том, что пояснение, которое дал адвокат Кубушок абсолютно охватывает преступный характер по формулировке защиты, если удовлетворены основные условия, как изложил адвокат Кубушок по согласованию со всеми защитниками организаций. На основе этой формулировки, с готовностью можно ответить на вопрос заданный судьей Биддлом представителям различных организаций.

Я хочу подчеркнуть, что вчера господин судья Джексон внёс предложение о том, чтобы вместо бесчисленных свидетелей, были заслушаны эксперты по предмету о том, какой умысел может предполагаться в случае неких организаций. Я хочу категорически этому возразить. Нельзя заслушивать никаких свидетелей и никакого эксперта которые расскажут суду о том, что «здравый смысл» являлся основой, по которой нужно судить о вопросе – о том какие сведения имел отдельный член.

Члены, что касается ума, сильно отличаются. Есть те, у кого средний ум и есть менее умные члены организаций. Если здесь будет вынесен приговор, который также затронет и осудит менее умных членов организаций, тогда основополагающий принцип права заключается в том, что этого нельзя делать исходя из того, что умные члены организации могут и могли бы знать; это было бы несправедливо к средним людям и менее умным. Даже средние люди могут быть взяты за основу, поскольку это было бы несправедливостью к менее умным, которых бы включили и затронул этот приговор.

В заключение я хочу отметить, что на вчерашних дебатах по вопросу влияния приговора, который вынесет суд, в полной мере подтвердились опасения защиты. Господин судья Джексон заявил о том, что приговор будет иметь характер декларации. Это несовместимо с заявлением генерал-лейтенанта Клея[351], заместителя военного губернатора американской оккупационной зоны, сделанного вчера в интервью «Neue Zeitung», американской газете для немецкого населения. Я хочу процитировать предложение из последнего номера, опровергающее мнение судьи Джексона. Генерал-лейтенант Клей заявил по вопросу судьбы

[351] Люсиус Клей (1897 — 1978) — американский генерал, глава администрации американской зоны оккупации послевоенной Германии.

интернированных в оккупационной зоне Соединённых Штатов:

> «Решение Нюрнбергского трибунала определит, что с ними делать. Их количество сейчас от 280000 до 300000. Однако, в случае признания международным трибуналом в Нюрнберге, всех членов обвиняемых национал-социалистических организаций военными преступниками, общее число увеличиться от 500000 до 600000».

Заявление сделанное вчера судьей Джексоном о том, что никакого массового возмездия не планируется можно сделать только в отношении нынешней точки зрения его правительства. Но нет никакой гарантии того, что другие правительства не займут другую точку зрения или о том, что его правительство которое не связано мнением судьи Джексона не изменят свою позицию.

Я хочу закончить следующим замечанием: судья Джексон упоминал потрясение для защиты которого желает обвинение сочетанием устава и решением в связи с законом номер 10. Мне кажется, что эффект этого потрясения не ограничивается только защитой, но затрагивает всех людей которые заинтересованы в справедливости, так как если сочетание этих различных законов даёт национальным судам возможность призвать к ответу миллионы членов организаций – среди которых, что вчера не отрицал судья Джексон, есть невиновные люди – и если наказания за простое членство варьируется от штрафа до смертной казни, тогда обязанность защиты заключается в том, чтобы указать на то, что такая процедура очевидно угрожает отклониться от основы закона и обязательно приведёт к произвольной акции.

Если судья Джексон затем в ответ на это сошлётся на влияние потрясения в связи со смертью многих евреев, можно сказать, что эти вещи происходили за рамками закона и от имени силы. Однако этот устав и этот трибунал, хотят покончить с силой и вернуть справедливость на своё место. Но справедливость должна быть ясной и точной.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, трибунал ранее сказал о том, что мне задали некоторые вопросы. Я полностью готов ответить на эти три вопроса, если трибунал желает занять этим своё время.

Председатель: Я не думаю, что трибунал хочет заслушивать какие-либо дальнейшие аргументы, если вы особо не хотите на что-то ответить.

Максвелл-Файф: Я вовсе не намерен спорить. Было так, что доктор Дикс задал мне два вопроса на которые попросил выразить мой взгляд, и один доктор Серватиус, но я в руках трибунала. Я не хочу, чтобы думали о том, что обвинение не готово отвечать на вопросы.

Председатель: Если вы можете ответить на них кратко, мы рады будем выслушать.

Максвелл-Файф: Первый вопрос, который доктор Дикс попросил меня пояснить это то, что я сказал о фюрер-принципе в отношении Reichsregierung. Я могу ответить на это двумя предложениями. Я сказал, что в дополнение к обычной

поддержке которую члены Reichsregierung в 1933 предоставили Гитлеру согласно фюрер-принципу, они доверили ему свою совесть и волю и полностью приняли его точку зрения.

Для того, чтобы доктор Дикс не находился под ложным впечатлением в отношении своего клиента, дело обвинения можно представить словами доктора Геббельса одного из заговорщиков, 21 ноября 1934 в беседе с доктором Шахтом:

«Я убедился в том, что он полностью представляет нашу точку зрения.

Он один из немногих кто полностью принимает положение фюрера».

Вторым пунктом является вопрос о партийной программе в связи с Версальским договором и аншлюссом. Доктор Дикс попросил меня разобраться с теми кто желал воплотить цели партийной программы мирным способом. Обвинение говорит о том, что не имеется того, что партийная программа должна рассматриваться в качестве подоплеки Гитлера и других публикаций об использовании силы, а также существующего положения вещей во взаимоотношениях Германии с западными державами, а также договорных обязательств в отношении Австрии и Чехословакии.

Третий вопрос который мне задали, был от доктора Серватиуса о руководящем составе. Вы помните, милорд, что в заявлении трибунала обвинение попросили, о том если оно проводит какое-либо ограничение то сделать это сейчас. Это содержится в заявление трибунала. Ограничение, которые мы сделали – то есть, включение штатов в случае рейхсляйтунга, гауляйтунга и крейсляйтунга и исключение штабов в случае ортсгруппенляйтеров, зелленляйтеров и блокляйтеров - такого взгляда придерживается обвинение и это согласовано разными делегациями. Я хотел, чтобы доктор Серватиус знал об этой позиции. Я не намерен повторять причины для этого, которые приводил мой друг, господин судья Джексон.

Председатель: Есть одна вещь, которую я хочу сказать. Я думаю для трибунала будет полезно, если у вас есть, предоставить нам копии британских статутов на которые ссылался господин судья Джексон, и также отдельные приговоры немецких судов – если у вас есть копии.

Максвелл-Файф: Их найдут для трибунала, и трибунал получит их в кратчайшее время.

Председатель: Господин Додд, я понимаю, что есть письменные показания, которые вы хотите приобщить в связи с высшим командованием?

Додд: Да, есть. Мы сдали эти письменные показания в четверг, трибунал запросил о нём позавчера вечером – мне кажется в среду. Мы подготовили для трибунала список должностей составляющих германский генеральный штаб и высшее командование как определено приложением B. Список был составлен из официальных источников в адмиралтействе Великобритании, военном ведомстве Великобритании и министерстве авиации Великобритании и дополнительную информацию получили от старших немецких офицеров, военнопленных в Англии и

в Германии. Список прилагается к этим письменным показаниям, так как мы приобщаем его этим утром трибуналу, и письменные показания описывают источник из которого была получена информация и указывают на то, что список не является исчерпывающим или обязательно точным во всех подробностях. Однако, это по сути полный список членов генерального штаба и высшего командования и группы высшего командования и на основе этой подборки кажется, что есть 131 член, из которых в настоящее время живы 114. Я хочу формально приобщить список, вместе с письменными показаниями, как экземпляр номер USA-778 (документ номер PS-3739). Я прошу о том, чтобы он был принят без оглашения. Однако, конечно если трибунал хочет оглашения, то я так сделаю.

Председатель: Нет, не думаю, что нужно его читать. Копии вручили защите?

Додд: Да, ваша честь. Их вручили защите.

Председатель: Очень хорошо. Спасибо.

Додд: Полковник Смирнов, с позволения уважаемого суда, готов огласить документ в связи с шталагом авиации III. Если трибунал хочет, он это сделает.

Председатель: Думаю, наверное, лучше сделать этот утром в понедельник.

Додд: Хорошо.

Председатель: Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 4 марта 1946*]

День семьдесят третий

Понедельник, 4 марта 1946

Утреннее заседание

Смирнов: Сэр, несколько дней тому назад трибунал принял инструкции по вопросу ускорения оглашения под протокол официального британского доклада об ответственности за убийство 50 офицеров королевских воздушных сил для как можно более возможного совпадения с предлагаемым допросом генерала Вестхофа и старшего криминального советника Вилена. Могу я огласить под протокол некоторые наиболее важные отрывки из этого доклада британского правительства? Я оглашу под протокол те части документа, которые с одной стороны свидетельствуют об общем характере этого преступного деяния и с другой стороны устанавливают ответственность за преступление.

Председатель: Полковник Смирнов, вы приобщаете, не так ли, в качестве доказательства документ? Вы хотите приобщить документ в качестве доказательства?

Смирнов: Этот документ уже представлен в качестве доказательства и уже принят трибуналом. Я хотел только прочитать под протокол отдельные отрывки из этого документа. Он представлен как экземпляр номер СССР-413 (документ номер UK-48)

Председатель: Очень хорошо.

Смирнов: Я цитирую параграф 1официального британского доклада:

> «1. В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. 76 офицеров британских воздушных сил бежали из лагеря для военнопленных «Люфт-3» в Сагане, в Силезии, где они были заключены как военнопленные. Из них 15 были вновь схвачены, 3 окончательно спаслись, а 8 человек были задержаны Гестапо после поимки. О судьбе остальных 50 офицеров немецкие власти предоставили следующую информацию:
>
> (а) 6 апреля 1944 в Сагане, исполняющий обязанности коменданта шталага люфт 3 (оберстлейтенант Кордес) зачитал старшему британскому офицеру (капитану группы Мэсси[352]) официальное сообщение германского высшего командования о том, что 41 офицер (неназванный) застрелен, некоторые из них оказали сопротивление

[352] Герберт Мэсси (1898 – 1978) – английский офицер авиации. В 1942-1945 военнопленный.

при задержании, другие пытались сбежать при перевозке обратно в лагерь.

(б) 15 апреля 1944 в Сагане, сотрудник германского лагерного штаба (гауптман Пибер) представил новому старшему британскому офицеру (капитану группы Уилсону[353]) список из 47 имен застреленных офицеров.

(с) 18 мая 1944 в Сагане, старшему британскому офицеру вручили три дополнительных имени, что составило 50.

(д) Приблизительно 12 июня 1944, швейцарский посланник в Берлине получил от германского министерства иностранных дел ответ на свой запрос о деле, ноту о том, что 37 пленных британского подданства и 13 пленных не британского подданства были застрелены при оказании сопротивления при обнаружении или попытки сбежать после поимки. Эта нота также ссылалась на возвращение урн с прахами умерших в Саган для захоронения».

Официальная германская версия – официальная версия германских властей – указывала на то, что офицеры были предположительно застрелены при попытке к бегству. Фактически, что прямо доказано следственной документацией британских властей, офицеры были убиты – и убиты сотрудниками Гестапо по прямым приказам от Кейтеля при полной осведомлённости Геринга.

С вашего разрешения я оглашу под протокол в подтверждение данного факта, два абзаца – или даже два пункта – из официального британского доклада, это пункт 7 и пункт 8:

«7. Генерал Вестхоф во время побега являлся ответственным в главном ведомстве занимавшемся военнопленными, и 15 июня 1945 он сделал заявление в ходе которого он сказал о том, что он и генерал фон Гравениц[354], инспектор германской организации по делам военнопленных, были вызваны в Берлин несколько дней спустя после побега и беседовали с Кейтелем. Последний сказал им о том, что его ругал Геринг в присутствии Гиммлера за то, что допустили побег военнопленных.

Кейтель сказал: «Господа, нужно прекратить эти побеги. Мы должны показать пример. Мы должны предпринять самые суровые меры. Я могу только вам сказать, что офицеры которые сбежали будут расстреляны; наверное большая их часть уже мертва». Когда фон Гравениц возразил, Кейтель сказал: «Идите к чёрту, мы обсуждали это в присутствии фюрера и этого не изменить».

---

[353] Дуглас Уилсон (1898 – 1950) – английский офицер авиации. В 1943-1945 военнопленный.

[354] Ганс фон Гравениц (1894 – 1963) – генерал-лейтенант Вермахта. В 1938-1943 начальник управления по вопросам военнопленных ОКВ.

Пункт 8, я начинаю цитату из официального британского доклада:

«Макс Эрнст Густав Фридрих Вилен тогда являлся ответственным офицером криминальной полиции (Крипо) в Бреслау, он также сделал заявление от 26 августа 1945 в котором он сказал о том, что как только практически все офицеры РАФ были пойманы его вызвали в Берлин где он встретился с Артуром Небё[355], начальником главного управления Крипо, который показал ему приказ по телетайпу от Кальтенбруннера о том, что по прямому приказу фюрера более половины офицеров сбежавших из Сагана должны были быть расстреляны после поимки. Говорилось о том, что Мюллер[356] получил соответствующие приказы и даст инструкции для Гестапо. Согласно Вилену, Крипо, которое являлось ответственным за сбор и содержание всех пойманных пленных, передало Гестапо пленных которых должны были расстрелять, заранее предоставив Гестапо список пленных рассматриваемых лагерными властями как «проблемные».

Я также прошу разрешения трибунала огласить под протокол фрагмент из текста официального доклада британского правительства которая касается методов расследования в отношении отдельных офицеров. Эта документация систематизирована и разделена на три части. Я возьму смелость огласить под протокол данные о выводах в связи с тремя разными частями. Я цитирую страницу 3 русского текста, начиная с абзаца 2:

«Флайт лейтенанты Вернам, Кивринcки, Павлюк и Шанцикляс.

Приблизительно 26 марта 1944…

Председатель: Полковник Смирнов, вы собираетесь прочитать некоторые доказательства на которых основан доклад?

Смирнов: Господин председатель, я хочу зачитать только из настоящего текста и имеено те части доклада которые свидетельствуют о методах расследования в случае индивидуальных офицеров. Я хочу начать оглашение в отношении индивидуальных офицеров рассматривая три группы офицеров.

Председатель: Параграф 4?

Смирнов: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Смирнов:

«Приблизительно 26 марта 1944 эти офицеры были допрошены в полицейском участке в Хиршберге и затем перевезены в гражданскую

---

[355] Артур Небе (1894 — 1945) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции и рейхскриминальдиректор, начальник криминальной полиции рейха. Участник заговора 20 июля 1944. Казнён за участие в заговоре.

[356] Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

тюрьму в этом городе. Утром 29 мара Павлюка[357] и Кивнарского[358] увезли и днём позже уехали Сканциклас и Вернам. Обе группы сопровождались, но их место назначения неизвестно. Их не видели с этого момента до того как позднее урны получили в шталаге с их именами содержащими дату 30 марта 1944».

И теперь следующая группа британских офицеров:

«Лидер эскадрильи Кросс[359], флайт лейтенанты Кейси[360], Вили и Ли[361] и флайт офицеры Поэ[362] и Хаки[363].

Между 26 и 30 марта 1944 этих офицеров допросили в штаб-квартире Крипо в Гёрлице и затем вернули в тюрьму. В ходе допроса Кейси сказали о том, что «он лишится головы». Вили «что его расстреляют» и Ли, что «его расстреляют». Хаки сильно пострадал от обморожения ступни и не мог пройти какое-либо расстояние на ногах. 30 марта на трёх машинах офицеры покинули Гёрлиц в сопровождении 10 немецких гражданских, по виду из Гестапо. Позднее в шталаге были получены урны имеющие их имена и показывающие, что они были кремированы в Гёрлице 31 марта 1944.

Флайт лейтенанты Хэмфрис[364], Макгилл[365], Свэйн, Холл[366], Лэнгфорд[367] и Эванс[368]; флайт офицеры Валента[369], Коляновский[370], Стьюарт и Биркланд[371].

Этих офицеров допросили в штаб-квартире Крипо в Гёрлице между 26 и 30 марта. Свэйну сказали, что «его расстреляют». Валенте угрожали и сказали, что «ему никогда снова не сбежать». Коляновский был очень подавлен после беседы. 31 марта этих офицеров собрала группа немецких гражданских лиц, по крайней мере, один из которых находился в группе которая прибыла в предыдущий день. Позднее в шталаге получили урны с их именами и показывающие их как кремированных в Легенце в неустановленную дату.

---

[357] Казимирж Павлюк (1906 – 1944) – польский лётчик. С 1939 вступил в английскую армию. В 1942-1944 военнопленный. Убит Гестапо.

[358] Антон Кивнарский (1899 – 1944) – польский лётчик. С 1939 вступил в английскую армию. В 1942-1944 военнопленный. Убит Гестапо.

[359] Йен Кросс (1918 – 1944) – английский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.

[360] Майкл Кейси (1918-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1939-1944. Убит Гестапо.

[361] Томас Ли (1919 – 1944) – австралийский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.

[362] Джон Поэ (1914 – 1944) – новозеландский офицер. Военнопленный в 1943-1944. Убит Гестапо.

[363] Альберт Хаки (1916 – 1944) – австралийский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.

[364] Эдгар Хэмфрис (1914 – 1944) – английский пилот. Военнопленный в 1940-1944. Убит Гестапо.

[365] Джордж Макгилл (1918 – 1944) – канадский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.

[366] Чарльз Холл (1918 – 1944) – английский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.

[367] Патрик Лэнгфорд (1919-1944) – канадский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.

[368] Брайян Эванс (1920 – 1944) – английский офицер. Военнопленный в 1940-1944. Убит Гестапо.

[369] Арнос Валента (1912 – 1944) – чехословацкий офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.

[370] Влодзимеж Коляновский (1913 – 1944) – польский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.

[371] Генри Биркланд (1917 – 1944) – канадский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.

Я хочу обратить внимание трибунала на тот факт, что схожие сведения также относятся к разным группам британских офицеров убитых немцами в шталаге люфт 3.

Следующая страница текста включает идентичные сведения относящиеся к флайт лейтенантам Грисману[372], Ганну[373], Уильямсу и Милфорду[374], флайт офицеру Стриту и лейтенанту Макгарру[375]. Схожие сведения приводятся относительно флайт лейтенанта Лонга[376], лидера эскадрильи Дж. Е. Уильямса[377], флайт лейтенантов Булла[378] и Мондшейна[379] и флайт офицера Кирата[380]. Схожие сведения приводятся в отношении флайт офицера Стоэура, лейтенанта Тобольского[381], флайт офицера Кроля[382], флайт лейтенантов Уоллена[383], Марцинкуса[384] и Бреттела[385], лидера эскадрильи Бушелла[386] и лейтенанта Шейдаэура, флайт офицера Кокрана[387], лейтенантов Эспелида[388] и Фугельзанга[389], лидера эскадрильи Кирби-Грина[390] и флайт офицера Киддера[391], лидера эскадрильи Кэтанача[392] и флайт офицера Кристенсена[393], и флайт лейтенанта Гейтера[394].

Я прошу вашего разрешения огласить под протокол ещё один абзац из этого официального доклада. Я ссылаюсь на параграф 8 официального британского доклада и также на параграф 5, ввиду его большого значения.

Председатель: Я собирался предложить вам прочесть параграф 5.

Смирнов: Я собираюсь прочесть параграф 5 британского текста:

> «Согласно доказательств выживших, не было такого, чтобы кто-либо из офицеров сопротивлялся аресту или пойманные офицеры пытались снова бежать. Все согласились с тем, что погодные условия были против них и такая попытка была бы безумием. Они хотели вернуться в шталаг, принять своё наказание и попытать удачу в следующий раз.
>
> 6. Швейцарский представитель (господин Габриэль Навиль) 9 июня

---

[372] Джек Грисман (1914 – 1944) – английский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[373] Алистер Ганн (1919-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[374] Гарольд Милфорд (1914-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[375] Клемент Макгарр (1917-1944) – южноафриканский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[376] Джеймс Лонг (1915-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[377] Джон Уильямс (1919 – 1944) – австралийский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[378] Лесли Булл (1916 – 1944) – английский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[379] Ежи Мондшейн (1909-1944) – польский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[380] Реджинальд Кират (1915-1944) – австралийский офицер. Военнопленный в 1943-1944. Убит Гестапо.
[381] Павел Тобольский (1906-1944) – польский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[382] Станислав Кроль (1916 – 1944) – польский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[383] Гилберт Уоллен (1916 – 1944) – английский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[384] Ромуальдис Марцинкус (1907 – 1944) – литовский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[385] Гордон Бреттел (1915-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[386] Роджер Бушелл (1910-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1940-1944. Убит Гестапо.
[387] Деннис Кокран (1921-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[388] Халидор Эспелид (1920-1944) – норвежский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[389] Нильс Фугельзанг (1918 – 1944) – норвежский офицер. Военнопленный в 1943-1944. Убит Гестапо.
[390] Томас Кирби-Грин (1918-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1941-1944. Убит Гестапо.
[391] Гордон Киддер (1914-1944) – канадский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[392] Джеймс Кэтэнач (1921-1944) – австралийский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[393] Арнольд Кристенсен (1922-1944) – новозеландский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.
[394] Энтони Гейтер (1920-1944) – английский офицер. Военнопленный в 1942-1944. Убит Гестапо.

1944 отметил в своём докладе о посещении Сагана, что кремирование умерших военнопленных являлось наиболее необычным (обычным порядком было их захоронение в гробу с военными почестями) и это был первый случай известный ему при котором тела умерших пленных кремировали. Далее следует отметить, что если бы, как утверждают немцы, эти 50 офицеров которых поймали в отдалённых частях Германии сопротивлялись аресту или предприняли вторую попытку, вероятно, что кто-то из них мог быть ранен и совершенно невероятно, что все были убиты. В этой связи заметно, что германское министерство иностранных дел отказалось предоставить гарантирующей державе обычные подробности об обстоятельствах в которых лишился жизни каждый офицер».

Вот те части официального доклада британского правительства которые я имел честь сообщить суду.

Председатель: Я думаю, что, наверное, было бы лучше, если бы вы также зачитали приложение, для того, чтобы показать итог о доказательствах из которых исходит доклад, параграф 9.

Смирнов: Я воздержался от оглашения приложения, потому что его уже зачитывал сэр Дэвид Максвелл-Файф. Я с удовольствием зачитаю под протокол ещё раз:

«9. Прилагаемое приложение приводит перечень материала на котором основан доклад. Указанные документы прилагаются к этому докладу.

Приложение.

Материал на котором основан доклад:

(1) Материалы судебного следствия проведённого в Сагане по приказу старшего британского офицера в шталаге люфт 3 и переданные гарантирующей державе.

(2) Заявления следующих союзных свидетелей: (a) Командира крыла Дэя, (b) флайт лейтенанта Тондера, (c) флайт лейтенанта Доузе, (d) флайт лейтенанта ван Вимерша, (e) флайт лейтенанта Грина, (f) флайт лейтенанта Маршалла, (g) флайт лейтенанта Нельсона, (h) флайт лейтенанта Черчилля, (i) лейтенанта Нили, (k) П.С.М. Хикса.

(3) Заявлениях взятых у следующих немцев: (a) генерал-майора Вестхофа, (b) оберрегинрунгсрата и криминальрата Вилена (два заявления), (c) оберста фон Линдейнера.

(4) Фотокопия официального списка умерших переданная германским министерством иностранных дел швейцарскому посольству в Берлине приблизительно 15 июня 1944.

(5) Доклад представителя гарантирующей державы о своём визите в шталаг люфт 3, 5 июня 1944».

Председатель: Тогда, для целей протокола, вам лучше прочитать подпись и ведомство внизу.

Смирнов: Документ подписан Х. Шэпкоттом, бригадиром, военным заместителем и удостоверен военным департаментом управления главного военного прокурора, Лондон 25 сентября 1945.

Председатель: Полковник Смирнов, что касается русского главного обвинителя, на этом дело обвинения закончено.

Смирнов: Да.

Председатель: Благодарю.

Нельте: Господин председатель, параграф 9 доклада который только, что прочло обвинение упоминает документы, которые послужили для него основой и говорится о том, что они прилагаются к докладу. Отдельные документы, на которых основывается доклад, перечислены в приложении. Я прошу трибунал решить удовлетворяет ли документ СССР-413 требованиям статьи 21 устава, поскольку материал, на котором он основан и который прямо указан в докладе, не представлен вместе с ним. Я прошу о том, чтобы обвинение попросили предоставить приложение и защите.

Председатель: Доктор Нельте, вы имеете в виду, что у вас есть только доклад подготовленный бригадиром и нет какой-либо части других доказательств на которые опирается доклад?

Нельте: Господин председатель, трибунал решил во время более ранней стадии процесса…

Председатель [*Прерывая*]: Да, но я не спрашиваю вас о том, что мы решили. Я спросил о том, что вы получили. Вы получили от обвинения весь документ или только доклад подготовленный бригадиром?

Нельте: Только доклад, без приложения.

Председатель: Что же, трибунал, разумеется, планировал, что весь документ должен быть предоставлен защитникам и это должно быть сделано для того, чтобы у вас были все документы.

Нельте: Однако, этого очевидно не сделали. Приложение прямо упоминает заявления генерал-майора Вестхофа и оберрегинрунгсрата Вилена. Я не знаком ни с одним из этих заявлений. Они не приложены к докладу.

Председатель: Они должны быть у вас. Обвинение должно проследить за тем, чтобы весь документ был подготовлен для защитников.

Максвелл-Файф: Разумеется милорд. Я не думаю, что всё откопировали, но если доктор Нельте даст нам знать, хочет ли он всё, или часть, мы в лучшем виде окажем содействие. Последнее чего мы хотим, это чтобы у него этого не было. Мы хотим, чтобы у него было всё, что нужно.

Председатель: Что же, сэр Дэвид, вы сообщите трибуналу, завершено ли сейчас дело обвинения.

Максвелл-Файф: Да, милорд. Это завершение дела обвинения.

Председатель: Очень хорошо. Тогда мы можем приступить к ходатайствам о свидетелях и документах второй четверки подсудимых: Кальтенбруннера, Розенберга, Франка и Фрика.

Кауффман: Подсудимый Кальтенбруннер хочет вызвать ряд свидетелей, которых я сейчас назову. Первый, профессор, доктор Буркхардт.

Максвелл-Файф: Милорд, если трибунал одобряет, мы последуем такой же процедуре как делалось с первыми четырьмя подсудимыми.

15 декабря 1945 в отношении трёх швейцарских свидетелей, Буркхардта, Брахмана и Майера были одобрены опросные листы и они представлены 28 января. Обвинение посчитало, что опросные листы были довольно расплывчатыми и предложило, чтобы их уточнили. Обвинение не имеет возражения опросным листам в принципе, и я уверен, что не будет больших разногласий между доктором Кауффманом и обвинением по вопросу формы. Это относится к первым трём свидетелям.

Председатель: Мы проинформированы о том, что никто из этих трёх свидетелей пока не обнаружен.

Максвелл-Файф: Что же, я покорно соглашусь, милорд. Позиция обвинения заключается в том, чо мы принципиально не возражаем этим опросным листам и если мы можем помочь каким-либо образом суду найти свидетелей, мы с радостью это сделаем.

Председатель: Когда опросные листы подготовили для обвинения?

Максвелл-Файф: Милорд, 28 января.

Председатель: И возражения обвинения довели до защитника вскоре или когда?

Максвелл-Файф: Извиняюсь, боюсь, я не знаю дату, милорд.

Председатель: Не будет ли наиболее осязаемым курсом для обвинения, попытаться согласовать форму опросного листа пока генеральный секретарь продолжает свои запросы по поиску свидетелей?

Максвелл-Файф: Да. Что же, если доктор Кауффман свяжется со мной, я не сомневаюсь, что мы согласимся на взаимоприемлимую форму.

Председатель: Очень хорошо.

Кауффман: Господин председатель, я думаю, мне нет необходимости повторять индивидуальные вопросы, которые я перечислил в опросном листе. Их 19. Я не думаю, что нужно их повторять.

Председатель: Нет, разумеется, нет.

Кауффман: Четвёртый свидетель, это бывший немецкий посланник в Белграде, Нойбахер[395]. В настоящее время он в лагере интернированных в Оберурзеле рядом с

---

[395] Герман Нойбахер (1893 – 1960) – австрийский политик. Во время Второй мировой войны уполномоченный МИД Германии в Греции и Югославии. В 1946 приговорён к 20 годам заключения. В 1952 освобождён по состоянию здоровья.

Франкфуртом под американским арестом.
Максвелл-Файф: Нет возражения этому свидетелю.
Кауффман: Трибунал хочет уточнить доказательство?
Председатель: Да, если хотите.
Кауффман: Нойбахер, по мнению подсудимого Кальтенбруннера сможет свидетельствовать о том, что приказ отданный Гитлером в октябре 1944 о прекращении преследования евреев в действительности был отдан по предложению Кальтенбруннера.

Кроме того, по мнению подсудимого, он сможет свидетельствовать о том, что, когда Гиммлер назначал начальника Reichssicherheitshauptamt[396], он поставил подсудимого ответственным за управления III и VI. Мне это кажется важным, поскольку до настоящего времени обвинительное заключение всегда основывалось на чёткой связи подсудимого с управлением IV, что на самом деле накладывает ограничения на доказательства. Как ожидается, Нойбахер сможет свидетельствовать об этом.
Председатель: Доктор Кауффман, если это является вопросами, по которым хотят допросить Нойбахера, нельзя ли рассмотреть опросные листы?
Кауффман: По информации предоставленной мне Кальтенбруннером, Кальтенбруннер придаёт большое значение личной явке данного свидетеля по причинам которые легко понять. Мне кажется, что Кальтенбруннер считает данного свидетеля одним из наиболее важных свидетелей и хочет вызова этого свидетеля.
Председатель: Что же, трибунал это рассмотрит.
Кауффман: Следующий свидетель это номер 5, Ваннек[397], находящийся под американским арестом в Гейдельберге.
Максвелл-Файф: Обвинение предполагает, что свидетель Ваннек является кумулятивным. Согласно ходатайству доктора Кауффмана он собирается рассмотреть положение о том, что подсудимый Кальтенбруннер действительно в основном занимался задачей разведывательной службы, и что он возражал преследованию евреев. Это уже охвачено Нойбахером, и это также охвачено перекрёстным допросом свидетеля обвинения Шелленберга как одного из разведывательного управления, который являлся начальником управления VI, что доктор Кауффман излагает в своём замечании о свидетеле Нойбахере, номер 4.
Кауффман: Я оставляю трибуналу, решать можно ли разобраться с этим свидетелем посредством опросного листа. Но я также не считаю доказательственный материал относящимся к делу в случае Ваннека. В некотором смысле он кумулятивный, но некоторые пункты развиваются. Но я согласен на опросный лист.

Шестой свидетель это Шейдлер[398].

---

[396] «Главное управление безопасности Рейха» (нем.)
[397] Вильгельм Ваннек (1909 – приблизительно 1970 е годы) – оберштурбаннфюрер СС. Сотрудник СД в 1934-1945.
[398] Артур Шейдлер (1911-?) – Оберштурмбаннфюрер СС. Сотрудник СД в 1935-1945. Помощник Эрнста Кальтенбруннера в 1943-1945.

Председатель: Сэр Дэвид, вы считаете, что будет неразмуно готовить опросный лист?

Максвелл-Файф: Нет, милорд. В целом я вообще не имею возражения опросным листам.

В отношении Шейдлера, он был, насколько я понимаю ходатайство адъютантом подсудимого Кальтенбруннера и как таковое обвинение не будет заявлять возражения. Но я считаю, что было бы удобнее если бы я просто обратил внимание трибунала на тот факт, что следующие шесть свидетелей, номера 6-11 включительно, все касаются концентрационных лагерей и номера 6, 8, 9 и 11 касаются Маутхаузена[399]. Я хочу предупредить доктора Кауффмана о том, что я попрошу некоторой избирательности среди этих шести свидетелей.

Обвинение считает, что ходатайство об адьютанте является разумным, но оно будет высказывать возражения следующим свидетелям.

Кауффман: Естественно, подсудимый считает важным, чтобы был вызван адъютант, который служил с ним многие годы и который сопровождал его в каждой поездке, как сказал мне Кальтенбруннер. Он также знает, например, о том, что от Кальтенбруннера не поступало радиосообщения Фегелейну[400], что является частью обвинения, и эту радиограмму никогда не отправляли. Он также знает о том, что Кальтенбруннер проводил все приготовления для доступа в лагерь Терезиенштадт[401] Красному кресту. Это вещи, которые не упоминают предыдущие свидетели, но которые проливают некоторый свет на личность подсудимого.

Председатель: Вы сейчас говорите о Шейдлере?

Кауффман: Да.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал хочет, чтобы вы совместно рассмотрели группы и затем доктор Кауффман сможет вам ответить.

Максвелл-Файф: С удовольствием милорд.

Следующий свидетель Олендорф, который был вызван в качестве свидетеля обвинения. Положение, такое как я, понимаю, что доктор Кауффман проводил перекрёстный допрос свидетеля Олендорфа об ответственности подсудимого Кальтенбруннера по концентрационным лагерям 3 января этого года, страница 2034 стенограммы.

Свидетель Вислицени, номер 12, которого перекрёстно допрашивал в интересах Кальтенбруннера, доктор Кауффман, был бы естественным человеком

---

[399] Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

[400] Герман Фегелейн (1906 — 1945) — немецкий военный деятель, группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС (1944). Муж младшей сестры Евы Браун. Расстрелян в последние дни войны по приказу Адольфа Гитлера.

[401] Терезиенштадт (Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим и другие лагеря смерти и были убиты.

рассматривающим этот момент. Но, конечно же, если доктор Кауффман имеет какой-либо специальный момент по вызову Олендорфа, он расскажет трибуналу.

Положение такое.

Председатель: Доктор Кауффман, если у вас имелась возможность допросить генерала Олендорфа и вы лично воспользовались возможностью, не являлось ли это подходящим временем для того, чтобы задать любые вопросы которые у вас имелись от имени подсудимого Кальтенбруннера.

Кауффман: Я хочу напомнить вам о том, что Кальтенбруннер более 12 недель болел, и что я почти не мог получать от него информацию. На заседании 2 января право позднее перекрёстно допросить свидетелей, было прямо одобрено мне трибуналом. Я, как помнит суд, заявил ходатайство об отложении и затем мне разрешили перекрёстно допросить свидетелей в подходящее для меня время.

Это видно в стенограмме за 2 января 1946.

Так как эти свидетели вызваны в отсутствие Кальтенбруннера, я хочу перекрёстно допросить их в его присутствии. Однако я готов отказаться от перекрёстного допроса, если я смогу поговорить со свидетелями заранее. Наверное не нужно будет вызывать других свидетелей.

Председатель: Что вы имеете в виду под теми или другими свидетелями? Что за другие? Вислицени?

Кауффман: Номер 7, Олендорф и затем номер 11, Хёлльригель[402] и номер 12 Вислицени, также номер 14, Шелленберг. Всех этих свидетелей здесь заслушивали и Кальтенбруннер тогда болел.

Председатель: Что вы на это скажете сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Я хочу предложить, чтобы доктор Кауффман перекрёстно допросил номер 11 и номер 12 Вислицени, которого до сих пор перекрёстно не допрашивали. И затем, если есть какие-либо специальные моменты, с которыми осталось разобраться со свидетелем Олендорфом, доктор Кауффман может заявить отдельное ходатайство суду.

Председатель: Да. Что же, трибунал хочет знать, о том какую позицию вы занимаете по отношению к желанию иметь этих свидетелей и обсудить с ними их доказательства перед тем как вызывать их. Я имею в виду существует ли разница между перекрёстным допросом, когда защитник не может их увидеть и вызывает их в качестве собственных свидетелей, когда их можно увидеть.

Максвелл-Файф: Что же, обвинение чувствует, что они должны просто перекрёстно допросить свидетелей, которых вызывало обвинение, если не имеется очень особых причин. Я считаю, что доктор Зейдль продемонстрировал особые обстоятельства в отношении случая с одним из своих свидетелей в отношении подсудимого Гесса. Но в качестве общего правила, обвинение полагает, что

---

[402] Алоиз Хёллригель (1909 – 1948) – унтершарфюрер СС. Сотрудник концентрационного лагеря Маутхаузен. Казнён по приговору американского трибунала.

свидетелей могут вызывать на перекрёстный допрос без предварительной консультации.

Председатель: Что же, сэр Дэвид трибунал хочет узнать вашу точку зрения. Конечно же, мы сейчас не решаем о вопросе, но мы хотим знать о вашей точке зрения на то, будет ли правильным разрешать защитникам встречаться с конкретными свидетелем в присутствии представителя обвинения, потому что, может быть это приведёт к ускорению разбирательства, потому что защитники подсудимых впоследствии могут после этого не хотеть перекрёстно допрашивать свидетеля.

Максвелл-Файф: Что же, боюсь, что потребуется обсуждение с моими коллегами в отношении каждого конкретного свидетеля, боюсь я не закрою этот вопрос, свидетели 11 и 12 были вызваны американскими коллегами и хотя я выражаю общую позицию которую я представляю трибуналу, я не обсуждал этот момент, но я буду рад обсудить это с ними и наверное проинформирую трибунал позднее днем.

Конечно же, вы отметите тот факт, что может быть особый смысл относящийся к конкретному свидетелю, который может быть затронут в связи с этим.

Кауффман: Наверное, я могу это пояснить. Свидетеля Олендорфа зарезервировали мне для перекрёстного допроса. По согласованию с американским обвинением, я отказался от перекрёстного допроса Олендорфа и с таким условием мне разрешили с ним поговорить. Я думаю, было бы честно, если бы я мог это сделать и с другими свидетелями. Я откажусь от перекрёстного допроса и смогу поговорить со свидетелями заранее. Наверное, тот или другой окажутся ненужными.

Председатель: Я не совсем уверен в том, что вы поняли точку зрения представленную вам, доктор Кауффман. Точка зрения заключается в том, что, когда свидетель вызван обвинением, защитники подсудимых разумеется, имеют право перекрёстно допрашивать свидетеля, не видя свидетеля заранее, но только перекрёстно допрашивать его. Если, с другой стороны они вправе вызывать свидетеля как собственного, тогда они вправе видеть его заранее, что…

Кауффман: Да, это я и имею в виду. Но если бы мне разрешили поговорить со свидетелем заранее, тогда суд понимает, что я хочу насколько возможно избежать присутствия представителя обвинения, поскольку причины, которые могут заставить меня отказаться от вызова свидетеля тогда будут известны обвинению. Я думаю, каждый это поймет, и я также думаю, что это честно.

Председатель: Я хотел прояснить разницу во взгляде обвинения. Обвинение сказало, что, когда свидетель вызван обвинением правом подсудимого является только перекрёстный допрос. Вы можете помочь нам дальше в отношении этой группы, сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Разумеется. В отношении Айгрубера[403], номер 8, его уже нет в

---

[403] Август Айгрубер (1907 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер (22 мая 1938) и рейхсштатгальтер (1

Нюрнберге, и он является вероятным подсудимым по делу о лагере Маутхаузен, которым занимается военный суд, и поэтому обвинение предлагает, чтобы в таких обстоятельствах, так как он является одним из группы касающейся концентрационных лагерей в целом и Маутхаузена в частности, с ним нужно разбираться при помощи опросных листов.

Затем в отношении Хёттля[404], номер 9, он касается двух аспектов одного положения, то есть, о том, что Кальтенбруннер по собственной инициативе приказал сдать концентрационный лагерь Маутхаузен и о том, что он предпринимал шаги, чтобы заставить Гиммлера освободить людей из концентрационных лагерей. Кажется, это главные пункты, которые снова можно для удобства рассмотреть опросными листами.

И тоже самое относится к свидетелю фон Эберштайну[405], который затрагивает положения о том, что Кальтенбруннер предположительно не отдавал приказ уничтожить концентрационный лагерь Дахау, и о том, что он не отдавал приказа эвакуировать Дахау. Обвинение предлагает, что здесь также должны быть опросные листы.

В отношении следующего свидетеля Хёлльригеля, обвинение не возражает дальнейшему перекрёстному допросу, и покорно предлагает трибуналу то, что он сможет рассмотреть вопрос о Маутхаузене, который является основным вопросом всей группы свидетелей касающейся этого.

Кауффман [*Прерывая*]: Может быть, я могу сказать…

Председатель [*Сэру Дэвиду Максвелл-Файфу*]: Вы согласны с номером 12, в этой же группе?

Максвелл-Файф: Номер 12 не находится в этой же группе, потому что он касается вопроса об отношениях Кальтенбруннера с Эйхманом[406] и докладов которые он получал по поводу акций против евреев. Мы не возражаем вызову данного свидетеля для перекрёстного допроса, так как доктор Кауффман его перекрёстно не допрашивал.

Председатель: Да, доктор Кауффман?

Кауффман: По поводу свидетеля Айгрубера, номер 8, могу я отметить, что этот свидетель здесь в Нюрнберге. Однако, я согласен на направление опросных листов.

апреля 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1943), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору американского трибунала.

[404] Вильгельм Хёттль (1915 – 1999) – офицер СС. Руководил разведкой в Восточной и Юго-Восточной Европе. С марта 1945 находился в контакте с американской разведкой.

[405] Фридрих фон Эберштайн (1894 — 1979) — высший руководитель СС и полиции «Юг» (Мюнхен; 12 марта 1938 года — 20 апреля 1945 года), высший руководитель СС и полиции «Майн» (Нюрнберг; 12 марта 1938 года — 17 декабря 1942 года), полицай-президент Мюнхена (1 апреля 1936 — 1 октября 1942 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года), генерал полиции (8 апреля 1941 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года).

[406] Адольф Эйхман (1906 — 1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Заведовал отделом Гестапо IV B 4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». Оберштурмбаннфюрер СС. После войны скрылся от суда в Южной Америке. Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был судим, приговорён к высшей мере наказания и казнён.

Сам по себе предмет доказательства решительно относится к делу, немного ни мало Айгрубер предположительно будет свидетельствовать о том, что концентрационный лагерь Маутхаузен находился под прямым надзором Гиммлера посредством Поля[407] и командира лагеря. Кальтенбруннер отрицает наличие точных сведений относительно Маутхаузена. Свидетель Хёттль…

Председатель: Вы ошибаетесь, говоря о том, что он был здесь в городе. Сэр Дэвид сказал, что его увезли из Нюрнберга в целях военного суда. Наверное, в таком случае вы не возражаете опросным листам.

Кауффман: Да. Свидетель Хёттль, по моему мнению, является важным свидетелем. Как мы знаем, Кальтенбруннер также обвиняется в участии в заговоре против мира. Здесь я намерен подтвердить, что Кальтенбруннер вёл активную мирную кампанию уже с 1943. В этой связи важным именем является господин Даллес[408]. Он, согласно Кальтенбруннеру является конфиденциальным агентом покойного президента Рузвельта. Господин Даллес находился в Швейцарии. Встречи между ними постоянно проходили по данному вопросу. Мне кажется, этот предмет доказательств относится к делу.

Председатель: Вы имеете в виду, что хотите доктора Хёттля лично, а не с помощью опросных листов?

Кауффман: Да, если я могу об этом попросить.

Председатель: Трибунал это рассмотрит.

Кауффман: Свидетель номер 10, генерал полиции фон Эберштайн, вызывается для того, чтобы подтвердить, что заявление другого свидетеля Гердеса[409] является неправдой. Трибунал наверное помнит, что обвинение представило письменные показания человека по имени Гердес, который являлся важной фигурой в Мюнхене. Он являлся конфиденциальным агентом гауляйтера Мюнхена. В своих письменных показаниях, Гердес обвиняет Кальтенбруннера в приказе об уничтожении Дахау посредством бомбардировки. Кальтенбруннер категорически это отрицает.

Председатель: Это тот вопрос, который можно чётко рассмотреть опросными листами, о том отдавал или нет Кальтенбруннер приказ об уничтожении концентрационного лагеря, или приказ об эвакуации Дахау. Разумеется, эти вопросы допускаются путём опросных листов.

Кауффман: Согласен. Такая же проблема возникает в связи со следующим свидетелем, номер 11, свидетелем Хёлльригелем, которого уже заслушивали. У меня должна быть возможность поговорить со свидетелем перед его перекрёстным

---

[407] Освальд Поль (1892 —1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского трибунала.

[408] Аллен Даллес (1893 — 1969) — американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны, директор Центральной разведки (1953—1961).

[409] Бертус Гердес (1912 – 1962) – немецкий деятель НСДАП и СА. Инспектор гау Мюнхен и Верхней Бавария в 1940-1945.

допросом? Кальтенбруннер отрицает, что когда-либо видел газовые камеры, и т.д.

Председатель: Доктор Кауффман, не является ли номер 11 кумулятивным номеру 6, которого вы хотели вызвать?

Кауффман: Да, господин председатель, разумеется.

Председатель: В любом случае, трибунал рассмотрит вопрос о том вправе ли вы просто перекрёстно допросить или повторно вызвать как ваших свидетелей, в связи с номерами 11 и 12.

Кауффман: Да. Всего одно слово о свидетеле номер 12. Эйхман, как хорошо известно, являлся человеком, который проводил всю операцию уничтожения евреев, и имя Кальтенбруннера упоминалось в связи с этой операцией. Кальтенбруннер это отрицает. По этой причине я считаю Вислицени относящимся к делу свидетелем.

Председатель: На этом группа заканчивается. Что насчёт остальных, сэр Дэвид? Они относятся к той же категории?

Максвелл-Файф: Не совсем, но я думаю, может быть удобнее, если я разберусь с ними.

Доктор Мильднер[410], номер 13, должен свидетельствовать о том, что Кальтенбруннер не разрешал начальнику Гестапо подписывать приказы о превентивном заключении или задержании, и я должен полагать, что в виду предыдущих доказательств, от Шейдлера и номера 4, Нойбахера, доказательства доктора Мильднера являются кумулятивными и опросных листов будет достаточно.

Что касается Шелленберга, номер 14, я уже сказал о том, что обвинение не имеет возражения его повторному вызову для перекрёстного допроса.

Наконец, доктор Райнер[411]. Мы возражаем этой просьбе, потому что предмет его показаний это то, что Кальтенбруннер рекомендовал гауляйтеру Австрии не мешать продвижению войск западных держав и не организовывать движение Вервольф[412], по нашему соображению это не отностится к вопросам стоящим перед трибуналом.

Председатель: Да. Доктор Кауффман?

Кауффман: Свидетель, доктор Мильднер, номер 13 находится здесь в Нюрнберге, под арестом. Я попросил вызвать этого свидетеля, потому что он представил письменные показания, содержащие некоторые обвинения против Кальтенбруннера, которые Кальтенбруннер отрицает. Я не считаю, что опросный лист разрешит эти противоречия.

---

[410] Рудольф Мильднер (1902 — после 1949) — австрийский юрист, штандартенфюрер СС, руководитель гестапо в Катовице и командир полиции безопасности и СД в Дании.

[411] Фридрих Райнер (1903 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору югославского суда.

[412] Вервольф (нем. Werwolf — волк-оборотень) — немецкое ополчение для ведения партизанской войны в тылу наступающих войск противника, созданное в самом конце Второй мировой войны. Ополченцы проходили краткий курс начальной военной подготовки, оказания медицинской помощи, использованию местности для ведения боевых действий, диверсионной тактике ведения боевых действий. Официально было упразднено и распущено преемником Гитлера Карлом Дёницем.

Итак, номер 14…

Председатель: Доктор Мильднер дал письменные показания?

Кауффман: Да, сэр. В обвинительном заключении имеется ссылка на письменные показания данные доктором Мильднером. Мне кажется, это было 3 января. Имя свидетеля упоминалось в связи с обвинениями против Кальтенбруннера. Есть 1-2 письменных показаний.

Председатель: Но если письменные показания не представляли суду, что мы должны с ними делать? Мы их не видели, по крайней мере, насколько я помню. Сэр Дэвид, вы знаете о них?

Максвелл-Файф: Я не следил за этими письменными показаниями доктора Мильднера. Я не помню их, но я с готовностью проверю ссылку, которую дал доктор Кауффман.

Председатель: Конечно же, если обвинение использовало письменные показания, тогда у вас не будет возражения вызову свидетеля для перекрёстного допроса?

Максвелл-Файф: Что же, в целом нет. Причина, почему я в чём-то удивлён заключается в том, что обычно это рассматривали, когда собирались использовать письменные показания. Заинтересованный защитник просил предоставить свидетеля, но я изучу это, этот конкретный момент, но в целом трибунал может понять, что если мы не выдвигаем особый пункт, о том, где даются письменные показания, и там где ранее мы не оспаривали это в суде, то это хороший пример, чтобы свидетеля доставили сюда, если это удобно.

Председатель: Я не понял, что сказал доктор Кауффман о том, что письменные показания действительно приобщались обвинением, но на них была какая-то ссылка. Это так доктор Кауффман?

Кауффман: Не займёт долго времени выяснить. У меня есть здесь материалы за 3 января.

Председатель: Доктор Кауффман, мы предоставим вам возможность выяснить это. Мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Кауффман: Имя Мильднера появляется в расшифровке за 2 января, но не в форме письменных показаний, а в форме письма написанного третьим лицом и только это письмо упоминается в связи с именем Мильднера, это не письменные показания. Я хочу попросить допросить Мильднера в письменном виде.

Сейчас перехожу к свидетелю номер 15…

Председатель: Четырнадцать?

Кауффман: Мы уже рассмотрели номер 14.

Председатель: Ох, вы уже его рассмотрели? Очень хорошо, тогда 15.

Кауффман: Свидетель номер 15 это Райнер, который был гауляйтером. Я хочу

попросить о том, чтобы этого свидетеля тоже заслушали. Он находится в Нюрнберге. Предмет доказательств кажется мне важным. В деле против Кальтенбруннера, он прямо не обиняется в противоположном, но если мы рассмотрим мир и нарушение мира, усилия со стороны подсудимого подтверждают, что он делал всё в его власти для того, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие.

Председатель: Удовлетворит ли вас опросный лист для этого свидетеля?

Кауффман: Да, милорд.

Председатель: Да.

Кауффман: Я пока не представил никаких документов, господин председатель. Позже, я могу представить несколько письменных показаний, но, так как я их пока не получил, я не могу их сейчас представить.

Председатель: Трибунал понимает, доктор Кауффман, о том, что вы желаете оставить за собой право ходатайствовать о них для приобщения на более поздней стадии.

Кауффман: Да, я прошу об этом.

Председатель: Трибунал рассмотрит это, и даст вам знать о чём он распорядился.

Да, доктор Тома?

Максвелл-Файф: Доктор Тома, предлагает, чтобы мы рассмотрели список документов.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: По первым шести документам которые являются цитатами из различных книг о философии, обвинение полагает, что они не относятся к делу вопроса идеологии проводимой подсудимым Розенбергом, что обвинение сделало частью дела против него.

Конечно же, если смыслом является просто то, что доктор Тома процитирует из таких книг произнося свою речь и если он даст нам знать об отрывках, которые он хочет процитировать для того, чтобы можно было рассмотреть их механически, мы не заявляем никакого предварительного возражения.

Я думаю, что они идут до номера 6 – который является чисто общей книгой по философии. Обвинение с некоторой опаской приобщило это книги в качестве доказательства и обвинители должны их прочесть.

Я думаю, я прояснил позицию о том, что если доктор Тома желает использовать их для иллюстрации аргументации и если он даст нам знать об отрывке, мы не заявляем общего возражения, но возражаем их приобщению в качестве доказательства, как не относящегося к вопросам стоящим перед судом.

Тома: Не думаю, что можно не рассматривая всемирную философию до времени Розенберга понять ужасное психологическое состояние немецкого народа после своего поражения в Первой мировой войне. Пока это психологическое состояние

отмечается, то невозможно понять, почему Розенберг верил в то, что его идеи помогут ему. Я крайне заинтересован показать, что теории Розенберга представляли собой этап сравнительной философии преподаваемой в похожей форме многими другими философами, как дома, так и за рубежом. Я крайне заинтересован в опровержении обвинений предъявленных против идеологии Розенберга как дегенеративной, и я должен цитировать выражение «грязная идеология». Я держу в уме то, что члены обвинения, в особенности господин де Ментон, который провёл специальное исследование национал-социалистической идеологии, сделал совершенно естественную ошибку, смешав экстравагантность и злоупотребления этой идеологии, обычно произносимой как «нацизм» с её реальным философским содержанием. Как мне кажется, французская революция 1789 таким же образом, представлялась соседним народам, как катастрофа величайшего масштаба, и все правители Европы были призваны бороться с ней.

Мне кажется, суд особо впечатлили заявления господина де Ментона, который представил нацистскую идеологию как не имевшую духовной ценности и описавший её как опасную доктрину. Я думаю, мы должны допустить возможность его изучения также в других странах то время. Поэтому, я прошу разрешения представить философские системы спорного времени, под которыми я имею в виду взгляды выражаемые другими философами об основных концепциях, в особенности вопросе крови или расы, земли как природного фактора и политическом и экономическом жизненном пространстве. Наука заявляет о том, что эти идеи основаны на иррациональном представлении о природных и исторических фактах. Они не могут отвергаться по этой причине как ненаучные, хотя они могут поколебать рационализм и гуманизм.

В частности я хочу подтвердить, что эти идеи уважались и развивались в рациональной и эмпирической науке в связи с их значением, и они воплощались другими странами в своей политике – факт который является важным. Я могу напомнить вам иммиграционные законы США, которые также отдают предпочтение конкретным расам.

Максвелл-Файф: Как я понимаю доктора Тома, он хочет использовать труды других философов в качестве иллюстраций и аргументов. Если он собирается из них цитировать, тогда всё о чём просит обвинение это то, чтобы он сказал нам какие отрывки он собирается цитировать, но мы предлагаем, что для нас не относится к делу вдаваться в исследование, скажем, книги господина Бергсона[413] в качестве доказательства.

Совершенно понятна разница, и я предлагаю, чтобы доктор Тома смог развить эту мысль, которую он представил, с ограничением которое я предложил.

---

[413] Анри-Луи Бергсон (1859 — 1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. Профессор Коллеж де Франс (1900—1914), член Французской академии (1914). Лауреат Нобелевской премии по литературе 1927 года.

Председатель: Доктор Тома, трибунал хочет знать, в чём заключается ваше предложение. Вы предлагаете приобщить в качестве доказательства отдельные отрывки из отдельных книг и чтобы трибунал прочёл их, или вы просто просите о предоставлении книг для того, чтобы вы могли сверяться с ними, читать их, и затем включить в свою аргументацию отдельные мысли которые найдете в этих книгах?
Тома: Я прошу трибунал отметить – по крайней мере, официально – содержание книг которые я представлю. Я не буду зачитывать все цитаты из книг, но я попрошу трибунал отметить главное. Я думаю для трибунала важно иметь перед собой отрывки процитированные из книг, для того, чтобы он мог иметь чёткую картину о философской – и в частости этнической ситуации – с немецким народом после поражения мировой войне.
Председатель: Но книги не являются книгами юридического авторитета. Вы, конечно, можете цитировать суду международное право, книги авторитетов по международному праву. Вы можете, конечно, собирать идеи из других книг, которые вы включаете в свою аргументацию. Вы не можете цитировать их как авторитетов.
Тома: Господа, представляя цитаты из работ известных философов которые представляли идеи схожие с Розенбергом, я предлагаю подтвердить, что эта идеология должна восприниматься совершенно серьёзно. Во вторую очередь я хочу подтвердить, что те черты идеологии Розенберга которые заклеймлены как аморальные и вредоносные являются экстравагантностями и злоупотреблением этой идеологии, и по моему мнению трибуналу важнее всего узнать из рассмотрения истории философии, что даже лучшие идеи, такие как французская революция – могут дегенерировать. Я хочу отметить эти исторические параллели у национал-социализма и идеологии Розенберга.

Эти книги также нужны для того, чтобы подтвердить то, что Розенберг занимался только духовной борьбой с враждебной идеологией, и что он не только не был в состоянии энергично протестовать против жестокого применения своей идеолгии в национал-социализме, но и принципиально допускал свободные научные дискуссии о своих работах и никогда не призывал Гестапо против своих теоретических оппонентов.

Он предполагал, что его этнические идеи не будут осуществляться силой, но что каждый народ должен сохранять свой собственный расовый характер и перемешивание возможно только в случае родственных рас. Он верил в то, что эта идеология являлась добром для немецкого народа и в интересах человечества в целом.

По этим причинам, мне кажется, что трибунал, для того, чтобы иметь ясную картину происхождения национал-социализма, должен узнать о духовных условиях того времени.
Председатель: Трибунал рассмотрит этот вопрос.

Максвелл-Файф: В связи с документом номер 7, то есть фрагментах из определённых книг, первые пять являются работами самого Розенберга, и последняя это книга другого автора о Гитлере.

И снова я полагаю, что если доктор Тома хочет подтвердить тезис содержащийся в первой половине его записки – что «подсудимый Розенберг не видит индивида и расы, индивида и общества, а напротив представляет новую романтическую концепцию о том, что личность ищет своё совершенство и свою внутреннюю свободу в наличии общества развитого расового духа и представляет в нём себя» - если доктор Тома приведёт какие-либо фрагменты из работ Розенберга на которых основана данная аргументация, тогда он может представить их в той части дела, когда ему удобно, и похожим образом, в отношении конкретных положений изложенных во второй части его записки – снова, если он приведёт относящиеся к делу фрагменты, тогда их относимость к делу можно будет рассмотреть суду, когда он представит их в своей презентации. Но снова я заявляю главное возражение тому факту, что и суд, и обвинение должны читать все эти работы и обращаться с ними как с доказательствами. Я раскрыл это в отношении предыдущего документа.

Тома: Господа, если бы я мог цитировать собственные слова Розенберга и просить трибунал принять о них официальное уведомление, я бы находился в благоприятном положении, чтобы показать, что философия и идеология Розенберга сильно отличались от экстравагантностей и злоупотреблений которые ему приписываются и в отношении которых, он является исключением.

Я в состоянии показать, что из его работ понятно, что Розенберг планировал, что фюрер-принцип должен был быть ограничен специальным советом осуществляющем авторитетную, совещательную функцию. Я также смогу показать, что «Миф двадцатого века» являлся чисто личной работой Розенберга которую Гитлер никак не принимал без ограничений. Более точно, я в состоянии подтвердить, что Розенберг, как покажут его работы, не имел никакого отношения к физическому уничтожению евреев, что касается его сочинений, он не принимал участия в психологической подготовке к войне и что, как показывают его сочинения, он работал над мирным международным урегулированием, в особенности между четырьмя европейскими державами. Таким образом, я прошу трибунал позволить мне подлинные, настоящие цитаты из его сочинений в качестве доказательственного материала.

Председатель: Доктор Тома, трибунал рассмотрит весь вопрос представления и цитирования из этих книг.

Максвелл-Файф: Номер 8, милорд, подпадает в совершенно другое поле. Первые 11 документов, кажется будут книгами и сочинениями содержащими еврейские взгляды по антинациональной основе. Обвинение напоминает трибуналу, что исследуемым вопросом является: ввели ли подсудимые как участники заговора

политику преследования евреев; во-вторых, участвовали ли подсудимые в последующих проявлениях этой политики, умышленно уничтожая евреев? По соображению обвинения, отдалённым, и не относящимся к делу с такими важными и ужасными обвинениями является то, что отдельные еврейские сочинения, охватывающие многолетние периоды, содержат темы, которые не очень приятны христианам.

Тома: Господа, я хочу ответить на это пункт следующим образом. Я не заинтересован показывать, что нацистские меры против евреев были оправданы. Я заинтересован только в прояснении психологических причин антисемитизма в Германии, и я думаю, что я оправданно прошу вас выслушать некоторые цитаты такого рода взятые из газет, поскольку они должны по самому своему характеру оскорблять патриотические и христианские больные места очень многих людей.

Я должен довольно глубоко вникнуть в этот вопрос, также для того, чтобы показать причину существования так называемой еврейской проблемы и в истории религии и причину трагического противостояния между еврейством и другими расами. Я хочу процитировать и еврейскую и теологическую литературу по данному вопросу.

Председатель: Трибунал рассмотрит этот вопрос.

Максвелл-Файф: Милорд, я думаю, трибунал может принять оставшиеся документы, 9-14 совместно. Кажется, они касаются конкретного и если я могу сказать без малейшего намерения оскорбить, более практических вопросов, о том, что они касаются управления восточными территориями, за которые был ответственным подсудимым, и обвинение не имеет возражения, чтобы мой друг использовал эти документы, таким образом, как считает нужным.

Тома: Я хочу упомянуть следующие моменты в связи с документами:

У меня должны были быть четыре дополнительных документа разрешённых трибуналом. Я пока не смог их приобщить, потому что их мне пока не вручили, но я хочу сказать трибуналу о том, что они представляют: первый, письмо написанное Розенбергом Гитлеру в 1924 содержащее просьбу Розенберга не брать его в качестве кандидата в Рейхстаг; второй, письмо написанное Розенбергом Гитлеру в 1931 о своём увольнении с должности главного редактора «Volkischer Beobachter[414]», причиной являлось то, что «Миф двадцатого века» привёл к большому ажиотажу в немецком народе. Розенберг тогда попросил, чтобы его работу рассматривали как чисто личную работу, чем она, по сути, и являлась, и что если его сочинение каким-либо образом повредило партии, он просит освобождения его с должности главного редактора «Volkischer Beobachter»; третий, я хочу включить директиву от Гитлера министру оккупированных восточных территорий от июня 1943 в которой Гитлер инструктирует Розенберга ограничивать себя

---

[414] «Народный обозреватель» — немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag.

принципиальными вопросами; четвёртый - восьмистраничное письмо от Гитлера Розенбергу, написанное от руки и датированное 1925 годом.

Председатель: И чётвёртое? Вы скажите о четвёртом, четвёртом документе?

Тома: Я подхожу к нему.

Пункт 4 – письмо Гитлера Розенбергу в 1925, в котором Гитлер заявил о своих причинах принципиально отказаться от участия в выборах в Рейхстаг. Взгляд Розенберга в то время заключался в том, что партия должна войти в Рейхстаг практически сотрудничая с другими партиями.

Только сейчас я узнал, что письмо датировано 1923.

Господа, в этом заключается решающее значение. С самого начала, Розенберг хотел сотрудничества НСДАП с остальными партиями. Это могло образовать прямую противоположность заговору с самого начала. Могу я представить суду копию моих четырёх ходатайств?

Максвелл-Файф: Милорд, кажется это будут отдельные документы, об относимости которых к делу можно окончательно решить, когда доктор Тома покажет их смысл в презентации. Я не утверждаю, что трибуналу не нужно принимать по ним окончательное решение в настоящее время.

Тома: Я хочу сослаться на тот факт, что я уже попросил генерального секретаря допустить эти документы.

Председатель: Доктор Тома, ваши документы находятся у вас?

Тома: Да, милорд. Единственные документы, которых не хватает, те четыре о которых я говорил. Они пока в руках обвинения.

Председатель: Они в руках обвинения, не так ли?

Тома: Да.

Максвелл-Файф: Я этого не знал. Если доктор Тома хочет документы, мы постараемся сделать всё, чтобы их найти. Я впервые о них услышал, конечно же, когда доктор Тома начал говорить о них несколько минут назад. Если обвинение имеет их или может их найти, оно предоставит их доктору Тома или их копии.

Председатель: Доктор Тома, могу я вас спросить, почему вы не представили письменное ходатайство об этих четырёх?

Тома: Я сделал такой запрос, милорд, несколько дней назад или неделю назад. Я делал первый запрос ещё в ноябре.

Председатель: Об этих четырёх документах?

Тома: Было так: первые два документа были одобрены мне ещё в ноябре или декабре 1945, но пока их у меня нет.

Председатель: Очень хорошо, мы это рассмотрим. Что же, вы закончили со своими документами, не так ли?

Тома: Да.

Максвелл-Файф: Милорд, в отношении свидетелей, будет удобнее, если я укажу взгляд обвинения на, скажем, первых шестерых. Обвинение не имеет возражения

первому свидетелю Рикке, государственному секретарю министерства сельского хозяйства или доктору Ламмерсу, который вызван для ряда подсудимых или министериальрату Бейлю[415], который являлся заместителем начальника главного управления труда и социальной политики в восточном министерстве.

В отношении следующего, номер 4, доктора Штелльбрехта, обвинение предлагает, что это очень общий вопрос, который выглядит не совсем относящимся к делу и оно говорит, что доктор Штелльбрехт должен быть исключён, или как самое большее, чтобы это положение рассмотрели коротким опросным листом.

Мы также возражаем 5 и 6, генералу Данкерсу[416] и профессору Островскому[417]. Генерал Данкерс должен сказать о том, что определённые театры и музеи в Латвии остались нетронутыми и о том, что сотни тысяч латышей попросились уехать в Рейх.

Есть бумаги о некоторых законах. Обвинение полагает, что эти доказательства, по сути, не касаются вопросов выдвинутых против подсудимого Розенберга и снова заявляет возражение.

Профессор Островский, который как утверждается, был начальником центрального совета Белоруссии и чьё местонахождение пока неизвестно, который оставался в Берлине, должен быть вызван для того, чтобы подтвердить то, что генеральный комиссар Минска прилагал всевозможные усилия для того, чтобы сохранить белорусские культурные ценности. И снова обвинение говорит о том, что это очень общее и неопределённое утверждение и если для дачи показаний о его политике и администрации должны быть вызваны подсудимый и отдельные его сотрудники, то предлагается, что свидетели 5 и 6 не нужны.

Я также могу рассмотреть номер 7, потому что первые семь свидетелей являются предметом записки доктора Тома. Номер 7 это доктор Хайдинг, который является начальником института германской этнографии и его нужно вызвать для того, чтобы подтвердить, что в Прибалтике развивались культурные учреждения и Розенберг создавал новые. Как полагает обвинение, этот свидетель, подпадает в такую же категорию как Данкерс и Островский. Но, в отношении него, если имеется какой-то общий пункт, оно считает, что с ним можно разобраться путём опросных листов, но, разумеется, не вызывать.

Трибуналу будет уместно прочитать записку под номером 8 по поводу этих свидетелей. Доктор Тома говорит:

«Свидетели могут представить доказательства для опровержения

---

415 Альберт Бейль (1902- 1980) – оберштурмбаннфюрер СА. В 1941-1943 руководитель специального группы труда и социальной политики рейхсминистерства оккупированных восточных территорий.

416 Оскарс Данкерс (1883 — 1965) — латвийский генерал, офицер Российской императорской армии, латвийский военачальник в период независимости Латвии. В годы германской оккупации с 1941 по 1944 годы возглавлял оккупационную администрацию Латвии, так называемое Латвийское самоуправление в рамках генерального округа Латвия, входившего в состав рейхскомиссариата Остланд.

417 Островский Радослав Казимирович (1887 — 1976) — деятель белорусской эмиграции, активно сотрудничавший с немцами в годы Великой Отечественной войны, президент Белорусской центральной рады в 1943—1944 годах.

советского обвинения в том, что Розенберг участвовал в планировании мировой идеологии для уничтожения славян и для преследования всех несогласных».

Обвинение полагает, что трое свидетелей которых оно предложило, в сочетании с опросными листами, при необходимости, в случае Штелльбрехта и Хайдинга полностью охватывают эти пункты.

Тома: Я согласен с сэром Дэвидом в том, что по доктору Хайдингу и доктору Штелльбрехту опросных листов будет достаточно. По поводу свидетелей номер 5 и 6 я заинтересован в качестве свидетелей в тех людях которые действительно жили в этих странах и которые имеют собственные впечатления о культурной деятельности Розенберга, и я прошу одобрения этих свидетелей.

Председатель: Очень хорошо, суд это рассмотрит.

Максвелл-Файф: Свидетель Шейдт[418] входит в историю связи подсудимого Розенберга с Квислингом[419], и это рассматривается в опросных листах защиты и некоторых перекрёстных допросах обвинения. Очевидно, это является важной частью дела, и я предлагаю, чтобы трибунал не решал вопроса о личной явке Шейдта до ответа трибуналу на опросные листы.

Номер 10 это Роберт Шольц[420], начальник отдела в специальном штабе и грубо говоря, доказательства показывают, что подсудимый не изымал предметы искусства в свою пользу. Трибунал приказал известить данного свидетеля 14 января, но 24 января ходатайство об этом свидетеле было отозвано и сейчас снова заявлено доктором Тома. Если трибунал изучит форму, в которой представлено ходатайство доктора Тома, которое ограничено и руководствуется конкретными мерами о которых может сказать господин Шольц – обвинение предлагает о том, чтобы трибунал подумал над тем, что самым удобным образом снова будет тот, чтобы составить по господину Шольцу опросные листы, и понять то как он рассмотрит отдельные пункты представленные ему.

Тома: Господа трибунала, вопрос свидетеля Вильгельма Шейдта затрагивает вопрос Норвегии. Шейдт является решающим свидетелем в отношении докладов подготовленных Квислингом по собственной инициативе без приглашения это делать, ни от внешнеполитического управления Розенберга ни от рейхсминистерства иностранных дел. Мне кажется, что личное заслушивание, перекрёстный допрос, этого свидетеля Шейдта чрезвычайно важны, потому что он может дать много подробной информации которая является решающей в вопросе того вёл ли Гитлер против Норвегии агрессивную войну.

---

[418] Ганс-Вильгельм Шейдт (1907 – ?) – сотрудник НСДАП, связной нацистской партии в Осло в 1940. С 1935 года во внешнеполитическом отделе НСДАП заведовал северными странами.

[419] Видкун Квислинг (1887 — 1945) — норвежский политический и государственный деятель, офицер, дипломат, национал-социалист, глава норвежского правительства после оккупации Норвегии германскими войсками в период Второй мировой войны. Казнён по приговору норвежского суда.

[420] Роберт Шольц (1902 – 1980) – немецкий историк культуры и деятель НСДАП. Сотрудник айнзацштаба Розенберга в 1940-1945.

Мне одобрен опросный лист для свидетеля, директора департамента Шейдта, и я уже предпринял шаги для совещания с обвинением в этой связи. Свидетель Вильгельм Шейдт не давал письменных показаний, но я должен заметить трибуналу, что я должен присутствовать при подготовке письменных показаний и о том, что мне должны разрешить лично допросить свидетеля, совместно с обвинением. Я хочу повторить свою просьбу о перекрёстном допросе Вильгельма Шейдта в качестве свидетеля.

Председатель: Доктор Тома, если свидетель был одобрен вам в качестве свидетеля для дачи показаний в суде, вам не нужно, чтобы присутствовал представитель обвинения. Вы вправе заранее встретиться со свидетелем и получить подтверждение его доказательств. Это ясно?

Тома: До сих пор мне разрешили только письменные показания. Мне пока не предоставили его в качестве свидетеля.

Председатель: Да, я только хотел, чтобы вы поняли разницу между опросными листами и разрешением вызвать свидетеля для дачи всех показаний. Конечно же, если вы представляете письменные опросные листы, вы не увидите свидетеля, но если с другой стороны, вы собираетесь вызвать свидетеля в качестве свидетеля или представить его письменные показания, тогда вы вправе увидеть свидетеля до дачи им письменных показаний или до составления своих доказательств.

Тома: Тогда я хочу заявить просьбу о вызове Вильгельма Шейдта в качестве свидетеля.

Председатель: Я понял, что вы заявили эту просьбу.

Тома: Что касается Роберта Шольца, я хочу отметить трибуналу, что Шольц являлся директором специального штаба с поручением о практическом применении мер необходимых для сохранения предметов искусства как в восточных так и западных районах, и я хочу обратить особое внимание трибунала на тот факт, что ряд учёных немецких экспертов являлись членами специального штаба и они провели много сознательной работы по сохранению, реставрации и охране этих предметов искусства и сохранения их для потомков. Поэтому, для многих порядочных людей тот способ, которым специальный штаб проводил свою работу, имеет рещающее значение. Роберт Шольц знает все подробности процедуры. Роберт Шольц в частности может свидетельствовать о том факте, что Розенберг не присвоил себе ничего из огромного богатства культурных сокровищ которые проходили через его руки, и что он вёл аккуратный учёт того, что шло к Гитлеру и Герингу. Он также знает, что все эти предметы искусства – или по крайней мере большая их часть – оставались там где они были, в особенности на Востоке и вывозились в Рейх только тогда, когда было небезопасно медлить.

Я прошу трибунал заслушать важного свидетеля.

Председатель: Доктор Тома, вы можете пояснить, почему ходатайство было отозвано 24 января?

Тома: Тогда было сказано – я думаю британским или американским обвинением – что специальный штаб не будет более упоминаться в ходе процесса. Однако, французское обвинение сделало подробный доклад о разграблении Франции и таким образом снова потребовался свидетель.

Председатель: На этом свидетели закончились?

Тома: У меня есть ещё одна просьба. Я хочу вызвать ещё одного свидетеля, и я уже вручил генеральному секретарю запрос об этом свидетеле, министериальдиригенте Бройтигаме[421]. Бройтигам являлся младшим помощником секретаря в министерстве оккупированных восточных территорий, и он должен быть вызван в качестве свидетеля, чтобы подтвердить то, что Розенберг, в качестве рейхсминистра оккупированных восточных территорий, не преследовал церкви, а предоставил свободу всем религиозным сектам путём издании указа о веротерпимости, что далее, Розенберг сам постоянно противился применению силы, поддерживал политику развития культуры и представлял точку зрения о том, что крестьянский класс должен укрепляться и создавать здоровую основу. Далее – и мне это кажется особенно важным – что очень многие благодарственные письма и телеграммы от священнослужителей Советского Союза поступали в министерство оккупированных восточных территорий на имя Розенберга. Господа, если Данкерс и Островский не будут допущены в качестве свидетелей, я прошу разрешения вернуться к Бройтигаму.

И затем у меня есть ещё один свидетель. Чтобы показать, то как Розенберг относился к своим академическим оппонентам, я хочу вызвать одного из этих академических оппонентов, а именно, доктора Кюннета[422], профессора университета который написал важную книгу с нападками на «Миф». Он даст показания о том, что те кто не соглашался с философией Розенберга вообще не боялись Гестапо, и что у них не было причины бояться Гестапо.

Председатель: Да. Сэр Дэвид, вы хотите высказаться об этих последних двух?

Максвелл-Файф: Милорд, по моему соображению эти последние двое свидетелей не очень относятся к обвинениям в отношении данного подсудимого, которые выдвигает обвинение. Это общие свидетели, если я могу так выразиться – я надеюсь, трибунал не подумает, что это звучит легкомысленно – они, по сути свидетели, которые говорят о том, что подсудимый Розенберг не обидит и мухи, мы часто видели как он это делал – не обижал мух. Это совершенно кратко говорит о том какого класса доказательства принимаются во внимание, и покорно полагаю, от имени своих коллег, что это не должно быть предметом устных доказательств, и не должно разрешаться, или если нет какого-либо особого положения, то это нужно

---

[421] Отто Бройтигам (1895 – 1992) – немецкий дипломат. Сотрудник МИД Германии и рейхсминистерства оккупированных восточных территорий.

[422] Вальтер Кюннет (1901 — 1997) — немецкий теолог, член Исповедующей церкви, оппонент Бультмана в споре о демифологизации Нового Завета, автор богословского труда «Теология воскресения»/ В период нацистского правления критиковал официальный расистский антисемитизм с позиций христианского антисемитизма:

рассматривать путём письменных показаний.

Председатель: Обвинительное заключение утверждает, что он инициировал преследование церквей?

Максвелл-Файф: Обвинительное заключение говорит о том, что он принимал участие в антирелигиозном воспитании. Я говорю по памяти. Это один из вопросов. И я думаю, что была некая переписка между ним и подсудимым Борманом, который руководствовался его антирелигиозными взглядами. Я не помню момент, чтобы были доказательства того, что он лично участвовал в физическом уничтожении церквей. Это я помню.

Милорд, мне напомнили, что в приложении А есть общее утверждение о том, что он разрешал, руководил и участвовал в военных преступлениях и преступлениях против человечности, включая разнообразные преступления против лиц и имущества.

Председатель: Очень хорошо, эти вопросу будут рассмотрены.

Зейдль: Первый свидетель, которого я хочу вызвать это доктор Ганс Бюлер[423], государственный секретарь при гражданской администрации Генерал-губернаторства. Свидетель содержится в Нюрнберге ожидая процесса, и он является самым важным свидетелем для подсудимого Франка. Он вызывается в целом о политике доктора Франка в Генерал-губернаторстве, поскольку он являлся главой правительства во время всего периода с создания Генерал-губернаторства до самого конца.

Председатель: Сэр Дэвид, у вас есть какие-либо возражения доктору Бюлеру?

Максвелл-Файф: Нет, нет, милорд. Единственная мысль, которую я хочу пояснить, заключается в том, что подсудимый Франк вызвал огромное количество свидетелей из числа своих сотрудников; он вызывал что-то вроде 15. И я не собираюсь возражать доктору Бюлеру, я собираюсь попросить трибунал принципиально сократить свидетелей, которые являлись чиновниками Генерал-губернаторства. И доктору Зейдлю может поможет если до отложения я скажу ему, что моё предложение будет заключатся в том, чтобы трибунал разрешил доктора Бюлера, письменные показания доктора фон Бургсдорфа[424], и чтобы он рассмотрел допуск госпожи Хелены Кравчук, секретарши подсудимого и доктора Бильфингера[425] и доктора Штеппа[426], но не последующих чиновников Генерал-губернаторства.

Председатель: Сэр Дэвид, вы говорите, что ваше предложение заключается в том,

---

[423] Йозеф Бюлер (1904 — 1948) — нацистский военный преступник, секретарь и заместитель генерал-губернатора Ганса Франка. Казнён по приговору польского суда.

[424] Курт фон Бургсдорф (1886 — 1962) — немецкий нацистский деятель и функционер, бригадефюрер СА, губернатор дистрикта Краков (с 23 ноября 1943 по 18 января 1945), юрист. Высокопоставленный чиновник во время «аншлюсса», оккупационного режима Чехословакии и Польши. Военный преступник. Польским судом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

[425] Рудольф Бильфингер (1903 – 1996) – немецкий юрист и штурмбанфюрер СС. В 1940-1942 руководитель управления II РСХА. Французским судом был приговорён к 8 годам лишения свободы.

[426] Вальтер Штепп (1898 – 1972) – немецкий юрист. Бригадефюрер СС. В 1934-1943 занимал ряд должностей в судах Баварии.

чтобы разрешить доктора Бюлера?
Максвелл-Файф: Доктора Бюлера.
Председатель: И письменные показания…
Максвелл-Файф: Письменные показания от Бургсдорфа, разрешить доктора Ламмерса – он находится в общем списке…
Председатель: Да.
Максвелл-Файф: Разрешить личную секретаршу госпожу Кравчук, номер 7, и разрешить номера 9 и 10.
Председатель: Какие имена?
Максвелл-Файф: Доктор Бильфингер и доктор Штепп.
Председатель: Минуточку.
Максвелл-Файф: И если их разрешат, я должен предложить, чтобы номера с 13 по 20, которые являются чиновниками Генерал-губернаторства, не были допущены. Если я могу так сказать, по соображению обвинения, весьма относится к делу номер 18 доктор Эйсфельдт, который являлся начальником департамента лесничества.
Председатель: Да.
Максвелл-Файф: Я думаю, может быть доктору Зейдлю удобно узнать каковы взгляды обвинения. Конечно же, если у него есть какие-либо предложения или альтернативы мы с удовольствием их рассмотрим.
Председатель: Мы продолжим после перерыва, доктор Зейдль.

Перед тем как трибунал уйдёт, перед перерывом, я хочу сказать, что трибунал вечером закончит в 3:30.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Да, доктор Зейдль.
Зейдль: Господин председатель, уважаемый суд, если я правильно понимаю, сэр Дэвид не имеет возражения вызову свидетелей Ганса Бюлера, доктора Бильфингера и госпожи Кравчук.
Председатель: Да.
Зейдль: Второй названный мной свидетель это доктор Бургсдорф, чьим последним назначением был губернатор Кракова. Он сейчас находится в лагере для интернированных Моосбург, что означает, что он рядом с Нюрнбергом.

Свидетель, доктор фон Бургсдорф является единственным из девяти губернаторов которых я назвал суду в качестве свидетеля. Учитывая значимость положения губернаторов в Генерал-губернаторстве и виду больших трудностей которые губернаторы должны были преодолевать, мне кажется правильным, чтобы

свидетель, доктор фон Бургсдорф был заслушан судом лично, а не посредством опросного листа.

Мне не требуется зачитывать доказательственный материал в подробностях или достаточно сослаться на ходатайство о доказательствах?

Председатель: Оно у нас имеется в письменном виде, и мы понимаем, что при том, что сэр Дэвид предлагает письменные показания, вы настаиваете на личной явке.

Зейдль: Да, господин председатель, поскольку суд одобрил вызов данного свидетеля в более раннюю дату.

Председатель: Да.

Зейдль: Следующий свидетель это рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии доктор Ламмерс. Этот свидетель уже одобрен для подсудимого Кейтеля, поэтому не требуется дальнейшего обсуждения.

Четвёртый свидетель это государственный министр доктор Мейснер[427]. В отношении того факта, что данный свидетель вызван в связи с доказательствами по которым также назван доктор Ламмерс, я хочу попросить трибунал разрешить мне опросный лист пока свидетель не будет вызван другим подсудимым и не явиться лично.

Максвелл-Файф: Милорд, я проверил этот момент и насколько я смог свериться со своими записями, я не смог найти, чтобы его вызвал в качестве свидетеля другой подсудимый. И, при этом доктор Зейдль весьма честно сказал в первом предложении о том, что доктор Мейснер назван по тому же доказательственному материалу как и свидетель Ламмерс. Вот моя мысль.

Председатель: Да.

Зейдль: Следующий свидетель это доктор Макс Мейдингер, бывший начальник канцелярии Генерал-губернаторства, который, также как доктор фон Бургсдорф находится в Моосбурге. Моё письменное ходатайство показывает, что данный свидетель занимал очень важную должность. Он получал всю корреспонденцию по управлению Генерал-губернаторством и знаком с её сутью, с предложениями и жалобами направлявшимися доктором Франком центральному правительству в Берлин, и в частности предложениями которые подсудимый, доктор Франк лично и постоянно вносил фюреру.

Свидетель также ранее одобрен трибуналом, и я думаю, что учитывая его обширные сведения – он работал в Генерал-губернаторстве несколько лет – рекомендуется, чтобы суд заслушал его.

Председатель: Вы говорите, он был одобрен. Не был ли он одобрен в группе из которой Франк должен был выбрать троих? Была большая группа свидетелей.

Зейдль: Да, господин председатель. Свидетель фон Бургсдорф и доктор Макс

---

[427] Отто Мейснер (1880 — 1953) — влиятельный государственный чиновник в Германии эпохи Веймарской республики и Третьего рейха. В Веймарской республике входил в ближайшее окружение рейхспрезидентов Фридриха Эберта и Пауля фон Гинденбурга (1919—1934), в Третьем рейхе руководил президентской канцелярией фюрера (1934—1945).

Мейдингер были выбраны из этой группы. Это два свидетеля, которых выбрали из группы 13.

Председатель: Кто ещё один?

Зейдль: Еще одним был свидетель номер 2, доктор фон Бургсдорф. Свидетель номер 6 которого я назвал и которого хочу вызвать лично, это свидетель Ганс Гасснер. Его последней должностью была начальник прессы Генерал-губернаторства, и он также находится в лагере интернированных Моосбург. Он был назван, вместе с другими, для представления доказательств о том, что Франк не слышал о существовании лагеря Майданек и условиях преобладавших там пока в 1944, свидетель не проинформировал его о сообщениях зарубежной прессы.

Свидетель также присутствовал – это не указано в моём ходатайстве – когда доктор Франк рассказывал репортеру о том, что лесов Польши не хватит для того, чтобы публиковать объявления о смерти. Свидетель также в подробностях сможет описать беседу, скажет о том, что имел Франк в виду этим замечанием, как он хотел, чтобы его понимали и по каким причинам сделал это замечание.

Я могу добавить, что ранее суд также одобрил данного свидетеля. Я могу также, в целом сказать, что согласно пожеланию трибунала, мои ходатайства о доказательствах отмечают только общие черты в которых будут опрашиваться свидетели, и я сознательно воздержался от формулировки отдельных вопросов которые, я планирую задать свидетелям.

Председатель: Сэр Дэвид вы выразите свой взгляд на номер 6?

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, обвинению кажется, что второй вопрос, о котором желает высказаться господин Гасснер, заключается в том, что подсудимый Франк узнал от него о Майданеке только в 1944, в таком вопросе не может быть более удовлетворительного свидетеля нежели сам подсудимый. Всё, что может сказать свидетель: «Я сказал подсудимому Франку о Майданеке и мне показалось, что он ничего о нём не знал». Что же, на взгляд обвинения, это не является удовлетворительным доказательством.

Суд сможет судить по самому подсудимому Франку, когда его будут перекрёстно допрашивать об этом. Если желают, чтобы эта беседа оказалась у суда, то адекватно с этим можно разобраться письменными показаниями или опросным листом. Помимо этого, основания являются совершенно общими и снова могут быть охвачены письменным заявлением.

Председатель: Что же, о следующем сэр Дэвид уже высказался.

Зейдль: Да, господин председатель.

Следующий свидетель это Хелена Кравчук, последняя секретарша подсудимого. Если я правильно понимаю, со стороны обвинения не имеется возражений.

Свидетель номер 8 это генерал фон Эпп[428], последний рейхсгубернатор

[428] Франц Ксавер фон Эпп (нем. Franz Xaver Ritter von Epp; 16 октября 1868, Мюнхен — 31 декабря 1946, там же) —

Баварии. Сейчас он находится в лагере интернированных в Оберурзеле. Этим свидетелем должны быть сделаны заявления, в основном посвященные отношению подсудимого Франка к концентрационным лагерям в 1933. Так как свидетель находится недалеко от Франкфурта, в данном случае я был бы удовлетворён опросным листом.

Председатель: Да, сэр Дэвид.

Максвелл-Файф: Ваша светлость увидит, что генерал Риттер фон Эпп, кажется охватывает тот же инцидент, что и доктор Штепп. Я сказал о том, что не возражаю доктору Штеппу, но если доктор Зейдль желает опросный лист по конкретным пунктам в связи с генералом Риттер фон Эпп, я не заявляю никаких возражений.

Зейдль: Следующий свидетель, номер 9, доктор Рудольф Бильфингер, в конце оберрегинрунгсрат и оберштурбаннфюрер СС в главном управлении безопасности Рейха. Свидетель уже находится в Нюрнберге. Обвинение видимо не имеет возражения заслушиванию данного свидетеля.

Следующий свидетель, номер 10…

Максвелл-Файф: Милорд, я сейчас хочу сказать одно слово о докторе Бильфингере. Я хочу, чтобы трибунал понял, что имеет в виду обвинение. Общий план для этих свидетелей заключается в том, чтобы с обеих концов показать взаимоотношения между подсудимым Франком и центральными ведомствами. Обвинение думало о том, что правильно, чтобы подсудимому разрешили вызвать двух или трёх сотрудников его штаба и сотрудника из штаб-квартиры, который находился в позиции доктора Бильфингера, чтобы представить другую сторону картины. Я хотел, чтобы трибунал понял план, с которым мы работаем.

Председатель: Да.

Зейдль: Номер 10 это доктор Штепп, бывший председатель апелляционного суда Мюнхена. Он сейчас в лагере интернированных в Людвигсбурге. Если я правильно понимаю сэра Дэвида, у него нет возражения вызову этого свидетеля.

Я буду рад если в этом случае смогу представить суду письменные показания, которые находятся в моём распоряжении, и которые подтверждают правдивость этих положений. Оглашение этих письменных показаний займет несколько минут, если, вместо этого, суд позволит мне вызвать другого свидетеля, или если обвинение отзовёт своё возражение вызову другого свидетеля…

Максвелл-Файф: Я прошу внимания на то, кем является свидетель. Я говорил о том, что не имею никакого возражения доктору Штеппу, потому что он говорит о позиции подсудимого Франка в отношении других людей в Баварии в ранние годы. Конечно, я не могу говорить от имени своих коллег, и слепо принимать другого свидетеля не зная о том, кто этот свидетель, и что он собирается сказать.

Зейдль: Свидетель это доктор Макс Мейдингер.

германский военачальник, генерал пехоты (21 июля 1935), рейхсляйтер НСДАП (3 августа 1933), обергруппенфюрер НСКК (1 июля 1932), обергруппенфюрер СА (1 января 1933). Умер находясь под арестом.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы меня поняли как можно лучше. Причина, по которой я возразил доктору Мейдингеру заключалась в том, что как трибунал увидит под номером 7, говорилось, что госпожа Кравчук вызвана для позитивных фактов в отношении которых уже назван доктор Мейдингер. Мне показалось, что личная секретарша наверное самая полезная, но боюсь, что я не могу больше помочь доктору Зейдлю. Я выражаю свой взгляд, но я ничего более не буду говорить против него. Боюсь, это самое крайнее на, что я могу пойти.

Зейдль: Следующий свидетель, номер 11, это фон дем Бах-Зелевски, обергруппенфюрер СС и генерал Ваффен-СС, которого уже заслушал трибунал в качестве свидетеля обвинения. Суд уже ранее одобрил разрешение на опросный лист. Между тем я поговорил со свидетелем. Он дал письменные показания, которые я представлю вместо его личного вызова.

Максвелл-Файф: Я должен считать, что будет наиболее удобным, если свидетель фон дем Бах-Зелевски вернётся и затем доктор Зейдль сможет представить ему любые письменные показания, если он хочет. Мы можем захотеть повторно допросить его. Я не знаю, в чём заключаются его письменные показания.

Председатель: Доктор Зейдль его перекрёстно допрашивал?

Зейдль: Когда свидетеля здесь заслушивали, у меня не было возможности перекрёстно допросить его и по этой причине…

Председатель: Почему у вас не было возможности его перекрёстно допросить?

Зейдль: Потому, что я не знал заранее, для чего его вызвало обвинение в качестве свидетеля и не имел возможности поговорить с доктором Франком о вопросах которые можно задать свидетелю.

Председатель: Что же, мы рассмотрим правильно ли вызывать свидетеля повторно для перекрёстного допроса или же вам позволят вызвать его самостоятельно. Письменные показания кототорые он дал, представлены обвинению?

Максвелл-Файф: Милорд, я их не видел.

Зейдль: Нет, господин председатель, моё мнение об этом заключается в следующем…

Председатель: Когда вы встречались с фон дем Бах-Зелевски, вы встречались с ним в присутствии представителя обвинения?

Зейдль: Нет, господин председатель, генеральный секретарь лично дал мне разрешение поговорить со свидетелем и после этого суд одобрил мне использование опросного листа.

Председатель: Но, когда свидетель был вызван обвинением и вы имели возможность перекрёстного допроса, если вы не были готовы перекрёстно допрашивать, вы должны были попросить перекрёстно допросить его позднее. Я имею в виду, если вы не смогли его тогда перекрёстно допросить, потому что у вас не имелось связи с подсудимым Франком, вы должны были попросить перекрёстно допросить его позднее.

Зейдль: Я мог бы заявить это ходатайство суду если бы я думал о том, что существует какая-либо причина для допроса свидетеля. Я не узнал этого пока не узнал, что свидетель обладает какой-либо важной информацией относящейся к делу Франка.

Председатель: Что же трибунал рассмотрит вопрос.

Зейдль: Я, наверное, могу кое-что добавить об этом? Трудность перекрёстного допроса заключается в том, что мы не знаем о запланированном к вызову обвинением свидетеле пока свидетель не входит в зал суда, и мы не знаем предмета доказывания пока обвинение не начинает допрашивать свидетеля. Нам было бы гораздо проще перекрёстно допрашивать, если бы мы получали информацию о свидетелях и предметах доказательств, так же заранее как и обвинение – то есть, как и обвинение информировано о свидетелях защиты.

Следующий свидетель, номер 12 фон Палезье[429]. Его последняя должность это культурный эксперт в Генерал-губернаторстве. В отношении этого свидетеля я хочу предложить о том, чтобы мне также одобрили опросный лист.

Максвелл-Файф: Если доктор Зейдль просит опросный лист, я не имею возражения. Я просто хочу дать понять, в чём заключается письменный опросный лист. Я не хочу, чтобы у доктора Зейдля было недопонимание.

Председатель: Вы имели в виду письменный допрос, не так ли, доктор Зейдль?

Зейдль: Да, я полагаю, что в случаях, где допущен письменный допрос представление письменных показаний также допускается судом. Смыслом очевидно является избежать доставки свидетелей и экономия времени.

Следующий свидетель это номер 13, доктор Бёппле[430]. Его последней должностью была государственный секретарь в администрации Генерал-губернаторства. Сейчас он находится в лагере интернированных в Людвигсбурге возле Штутгарта. Этот свидетель кажется для меня одним из самых важных, потому что в администрации Генерал-губернаторства он отвечал за ряд вопросов которые играют важную роль в деле против подсудимого Франка. Я могу сослаться на подробности в моём списке доказательств, и прежде всего, я хочу добавить, что этот свидетель может привести подробную информацию о том, эксплуатировалось ли промышленное оборудование в течение 5 лет существования Генерал-губернаторства или же в 1943 и 1944, в результате вывоза в Рейх, Генерал-губернаторство не имело значительного промышленного потенциала нежели раньше.

Максвелл-Файф: Обвинение полагает, что, как сказано в первом предложении, доктор Бёппле вызван по ряду фактов о доказательствах по которым уже в целом упоминался доктор Бюлер. Часть доказательств приведённая в отношении к

[429] Вильгельм Палезье (1906 – 1955) – немецкий чиновник. В 1943 специальный представитель генерал-губернатора по вопросам культурных ценностей.

[430] Эрнст Бёппле (1887 – 1950) – оберфюрер СС. Государственный секретарь заместителя генерал-губернатора Польши. Казнён по приговору польского суда.

ведомствам Генерал-губернаторства, и остальное, в отношении событий в Генерал-губернаторстве, могут быть рассмотрены свидетелем уже согласованным обвинением.

Зейдль: Верно то, что некоторые вещи, которые доктор Бёппле должен подтвердить также должны быть представлены Бюлером. Но, по моему мнению, нельзя отрицать того, что предмет доказательств, по которым я назвал этого свидетеля, является настолько важным, что одного свидетеля может быть недостаточно для убеждения суда.

Кроме того, я хочу отметить следующее: свидетель Бюлер являлся главой администрации Генерал-губернаторства. Его уже много раз допрашивала польская делегация. Существует опасность того, что в отношении свидетеля также возбудят дело, в связи с важностью занимаемой им должности. Самоочевидно, что в таких обстоятельствах любой сознательный защитник должен учитывать тот факт, что свидетель может попытаться защитить себя, когда он будет отвечать на некоторые вопросы, и, учитывая значение доказательств, кажется правильным, чтобы в таких трудных условиях подсудимому Франку одобрили дополнительных свидетелей.

Председатель: Сэр Дэвид, в своём предложении, вы включили каких-либо других свидетелей, которые являлись кумулятивными с Бюлером?

Максвелл-Файф: Я предложил письменные показания от Бёппле и только госпожу Кравчук по общей работе Генерал-губернаторства. Другие, как я думаю, про другие положения о взаимоотношениях с центральными ведомствами.

Председатель: Да, понятно.

Зейдль: Следующий свидетель это номер 14, председатель Штруве, чьей последней должностью была начальник главного управления труда Генерал-губернаторства. Другими словами, он являлся министром труда в Генерал-губернаторстве. Поскольку и обвинение Соединённых Штатов и русское обвинение предъявили в отношении подсудимого доктора Франка этот самый пункт о принудительном вывозе рабочих, мне кажется правильным, чтобы по крайней мере один свидетель – компетентный чиновник – был допрошен по фактам представленным обвинением для того, чтобы он мог сказать какие приказы он получал по данному предмету от Генерал-губернаторства. Информация о местонахождении свидетеля получена. Он находится в лагере интернированных рядом с Падерборном.

Максвелл-Файф: Милорд, с большим почтением, я должен предложить, что если доктор Зейдль пробежит по другим свидетелям и покажет тех которым он придает особое значение, так будет удобнее для трибунала, и если бы доктор Зейдль был любезен прямо сказать, придаёт ли он значение кому-либо из остальных или нет, тогда обвинение сможет пересмотреть исключение всех этих свидетелей, но сейчас положение такое, что существуют просьбы для всех отделов, всех департаментов Генерал-губернаторства и обвинение не смогло понять, почему они нужны. Если доктор Зейдль укажет на какой-либо особый смысл, который он придаёт кому-либо

из них, тогда можно вернуться и рассмотреть председателя Штруве, но сейчас положение такое, что обвинение не понимает, как это в действительности помогает делу подсудимого Франка, чтобы вызывался каждый начальник департамента.

Зейдль: Это не является вопросом того, что все ведомства или даже должностные лица назывались в качестве свидетелей. Могли назвать много других. Например, я уже говорил о том, что из девяти губернаторов, каждый из которых был ответственным за 3-3 ½ миллиона человек, я назвал только одного, свидетеля фон Бургсдорфа.

Я также отказался от свидетелей, которых называл ранее – например, различных военных командиров. Однако если, обвинение желает знать о том каких свидетелей я считаю особо важными, я приведу номера этих свидетелей.

Это, кроме государственного секретаря Бюлера, свидетель номер 2, фон Бургсдорф; Ламмерс уже одобрен; далее, свидетель Макс Мейдингер; свидетель Гасснер, номер 6; свидетель номер 7, Хелен Кравчук; свидетель номер 9, Бильфингер – он не являлся членом администрации Генерал-губернаторства; номера 13, 14 и 15, и 19. Однако, это не означает, что я хочу отказаться от свидетелей которых я не указал. Свидетель номер 15, председатель Науманн является важным свидетелем, потому что он являлся начальником главного управления продовольствия и сельского хозяйства и может предоставить нам подробную информацию о политике подсудимого доктора Франка в отношении питания польского и украинского народов, и о том, как он в частности пытался, посредством вышестоящих властей Рейха, добиться снижения запросов Рейха. Адрес свидетеля не был известен до настоящего времени, но я понимаю, что польский генеральный прокурор, доктор Савицкий, предположительно знает, где он сейчас. Следующий свидетель это номер 16, председатель Оленбуш, который вызван в основном для показаний о культурной политике подсудимого Франка в Генерал-губернаторстве. Однако, он не является одним из наших самых важных свидетелей, и я представляю, что в его случае будет достаточно опросного листа.

Тоже самое относится к свидетелю номер 17. Свидетель номер 17 это доктор Эйсфельдт, чьей последней должностью являлась глава главного управления лесничества, и который свидетельствует о лесной политике подсудимого и в особенности – это мне кажется существенным – что имелось столько проблем с партизанами в Генерал-губернаторстве, что в интересах самих польского и украинского народов в отношении них были жёсткие меры. Свидетель номер 19 это председатель Лезакер, позже глава главного управления внутренней администрации, чьим последним местом жительства являлся Бад Тольц. Его настоящий адрес неизвестен. Свидетель номер 20 это профессор доктор Тейтге, который, как показывает моё ходатайство должен свидетельствовать об усилиях подсудимого, доктора Франка в сфере общественного здравоохранения.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, я воспользовался возможностью

заслушать всё, что должен был сказать доктор Зейдль, и мне кажется, что касается свидетелей из самого Генерал-губернаторства, положение заключается в том, что доктор Бёппле, номер 13, не сильно добавляет к общей позиции, которую пояснят доктор Бюлер и доктор фон Бургсдорф и госпожа Кравчук, о том, что свидетель номер 5, доктор Мейдингер, кажется сильно занимался теми же проблемами как и председатель Штруве, свидетель номер 14, и свидетель Науманн, номер 15, и при повторном рассмотрении, я думаю обвинение было бы готово согласиться к тем, чтобы один из этих свидетелей, либо доктор Мейдингер, или доктор Струве, или доктор Науманн могли быть вызваны.

В отношении всех остальных, доктора Оленбуша, доктора Сенковски[431], и доктора Эйсфельдта кажется говорится о положениях которые весьма далеки от вопросов дела, и доктор Лезакер говорит об общем отношении подсудимого к полякам и украинцам которое охвачено доктором Бюлером и фон Бургсдорфом и Мейдингером, если его одобрят, и последний свидетель Тейтге, кажется снова говорит о ведомственном вопросе который не является серьёзным в данном деле. И поэтому, пытаясь применить свои собственные принципы рекомендующих любого свидетеля который как-нибудь относится к делу, обвинение готово следовать своим рекомендациям, чтобы, в дополнение к свидетелям которых я указал, оно предлагает, чтобы или доктор Мейдингер или один из свидетелей Штруве или Науманн были вызваны.

Покровский: Я прошу разрешения добавить несколько слов к тому, что сказано моим уважаемым коллегой, сэром Дэвидом.

Председатель: Да.

Покровский: После внимательного заслушивания доктора Зейдля я пришёл к выводу о том, что мы должны попросить вас принять к сведенияю наше отрицательное отношение к повторному вызову свидетеля фон дем Бах-Зелевски. Советская делегация опасается того, что если трибунал посчитает возможным удовлетворить ходатайство доктора Зейдля – которое, на мой взгляд выглядит совершенно необоснованным – тогда будет создан опасный прецедент фактического аннулирования главного решения уже принятого трибуналом в этом отношении.

Насколько я понимаю, у трибунала мнение о том, что каждый свидетель с целью перекрёстного допроса может и должен вызываться только один раз. В ответ на ваш вопрос доктор Зейдль подтвердил, что он присутствовал здесь во время перекрёстного допроса моим коллегой, полковником Тейлором и мною. Он видел и слышал то, как проходил перекрёстный допрос. Его ссылка на тот факт, что у него не было достаточно времени подготовить своё участие в перекрёстном допросе кажется мне, не заслуживающей ни малейшего внимания. Он находился в таком же положении, как и все мы. Трибунал вспомнит, что ряд защитников участвовал в

[431] Герман Сенковски (1897 — 1965) — австрийский государственный деятель, финансист, крупный функционер Третьего рейха, министр финансов Генерал-губернаторства, деятель НСДАП и СС, оберфюрер СС.

перекрёстном допросе свидетеля фон дем Бах-Зелевски. Я не вижу никакой причины, почему следует применять иное отношение ради доктора Зейдля, и я не понимаю зачем, удовлетворяя пожелание доктора Зейдля, которое для меня совершенно несовместимо, менять главное решение трибунала по поводу повторного вызова свидетелей для перекрёстного допроса.

Вот, что я хотел добавить к словам моего уважаемого коллеги, сэра Дэвида Максвелл-Файфа.

Зейдль: Господин председатель, мне не кажется, что желание заслушать важного свидетеля является само по себе несовместимым, если перекрёстный допрос оказался затруднён по причинам от меня независящим. В первую очередь, я попросил разрешения суда представить письменные показания этого свидетеля трибуналу. Если письменные показания как таковые…

Председатель: Вы говорите про номер 20?

Зейдль: Нет, сэр. Я говорю про свидетеля фон дем Бах-Зелевски.

Председатель: Трибунал рассмотрит то, что вы об этом сказали.

Зейдль: Я могу начать со списком документом?

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала в отношении документов, доктор Зейдль просит о переписке между генерал-губернатором и рейхсканцелярией. Я только, что проверил, что у нас нет другой части переписки. Конечно, если что-то из неё окажется у нас, мы с удоволльствием предоставим её доктору Зейдлю. У нас её нет, и мы также не имеем личных дел о подсудимом Франке из главного управления безопасности Рейха. Тоже самое относится к ним, если мы получим мы сразу же дадим знать доктору Зейдлю.

Председатель: Обвинение имеет какое-либо возражение другим документам о которых запросили?

Максвелл-Файф: Я думаю это всё. Остальное это дневник. Доктор Зейдль может прокомментировать и заявить о доказательствах в дневнике.

Председатель: Очень хорошо. Теперь представитель подсудимого Фрика.

Панненбекер: Уважаемый суд, первый свидетель которого я называю это доктор Ламмерс, который, однако, уже одобрен подсудимому Кейтелю. Поэтому мне кажется, что мне не нужно делать об этом заявление.

В качестве второго свидетеля я назвал бывшего государственного секретаря министерства внутренних дел, доктора Штукарта[432]. Он является одним из государственных секретарей министерства внутренних дел, и он находится под

---

[432] Вильгельм Штуккарт (1902 — 1953) — государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства науки, искусств и народного образования (3 июля 1934 года — 14 ноября 1934 года), государственный секретарь министерств внутренних дел Рейха и Пруссии (30 июня 1936 года — 30 апреля 1945 года), исполняющий обязанности рейхсминистра внутренних дел и рейхсминистра науки, воспитания и народного образования (3 мая — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), Американским трибуналом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

арестом в Нюрнберге. Он являлся начальников главного управления.

Председатель: Доктора Штукарта попросили для подсудимого Кейтеля?

Максвелл-Файф: Я думаю пояснение заключается в том, что считалось,что 9 февраля этот свидетель должен был быть вызван подсудимым Кейтелем и на этой основе он был одобрен в связи с подсудимым Фриком. Это не непосредственно моя просьба, вписать его в окончательный список Кейтеля.

Председатель: Вы имеете возражение по нему?

Максвелл-Файф: Я не имею никакого возражения по нему, ваша светлость.

Председатель: Очень хорошо.

Панненбекер: Господин председатель, в качестве свидетеля номер 3, я назвал генерала Далюге который был бывшим генералом полиции порядка и который сейчас находится под арестом в Нюрнберге. Он в особенности информирован об отношении подсудимого Фрика к антиеврейской демонстрации 9 ноября 1938, а также знает об отношениях между Фриком и Гиммлером.

Максвелл-Файф: Я не имею возражения.

Панненбекер: В качестве свидетеля номер 4, я назвал доктора Дильса[433], который сейчас находится в лагере интернированных в округе Ганновер. Свидетель являлся начальником Гестапо Пруссии в 1933-1934. Он знаком с мероприятиями о которых подсудимый Фрик, как рейхсминистр внутренних дел, распорядился по надзору за областями Рейха, также как за концентрационными лагерями, и также, в частности, о мерах проводившихся в отдельных случаях и об условиях в лагерях.

Максвелл-Файф: Я полагаю, что доказательства этого свидетеля должны быть получены в письменном виде. В отношении ранней части, у трибунала будет возможность в подсудимом Геринге, который в особенности занимался полицейской практикой в Пруссии в 1933 и 1934 и в отношении других положений, как то меры подсудимого Фрика, куда можно включить, по соображению обвинения, рассмотрение путём письменных показаний, дополненных показаниями лично подсудимого Фрика.

Панненбекер: Я кое-что хочу на это сказать. Мне кажется, что будет более практичным заслушать свидетеля здесь перед судом. Мы сможем поговорить с ним заранее и установить, о чём он имеет подробную информацию, в то время как в опросных листах невозможно обсудить это подробно.

Председатель: Мы это рассмотрим.

Панненбекер: В качестве свидетеля номер 5, я назвал бывшего комиссара полиции, Гильхубера. Гильхубер сопровождал подсудимого Фрика во всех его официальных поездках в качестве полицейского охранника. Поэтому ему известно, о том какие поездки совершал Фрик и поэтому он может свидетельствовать о том, что Фрик никогда не ездил в концентрационный лагерь Дахау, что противоречит показаниям

[433] Рудольф Дильс (1900 — 1957) — первый руководитель гестапо, тайной государственной полиции Третьего рейха, с момента создания в 1933 до апреля 1934 года. Оберфюрер СС

данным здесь свидетелем, доктором Блахой.

Максвелл-Файф: Я, конечно же, не имею возражения рассмотрению подсудимым Фриком этого положения. Единственная трудность в отношеии свидетеля такого рода заключается в том, что, как я скажу, неосведомлённый обо всех его поездках, ввиду того, что он был охранником, он почти точно имел отпуска и периоды с перерывами. Я должен считать, что это, при необходимости можно рассмотреть письменными показаниями или опросными листами. Когда их увидят, то можно заново рассмотреть вопрос. Но я предлагаю на первом этапе опросные листы, указывающие на отчёт свидетеля, о том как часто он бывал с подсудимым Фриком и какие перерывы были наиболее частыми в этот период, таким образом, решать об этом суду.

Панненбекер: Я согласен с этим, господин председатель.

Максвелл-Файф: Теперь рассмотрим следующее положение, у меня есть предложение в отношении свидетеля – следующий свидетель Денсон[434]. Смысл, как я понял, заключается в том, что свидетель Блаха говорил в трибунале о том, что Фрик посещал Дахау, и, однако, есть доказательства на процессе Дахау, что Фрик не приезжал в Дахау. Я должен сказать, что наиболее удовлетворительным способом будет получить стенографическую запись показаний свидетеля Блахи на процессе в Дахау и представить заверенную копию.

Панненбекер: Согласен. Мне кажется, что эти записи…

Максвелл-Файф: В действительности у нас есть заверенная копия стенографической записи показаний Блахи здесь, и я также скажу по поводу честности свидетеля, что видно, что он сказал о том, что в Дахау Фрик посещал концентрационный лагерь и я покажу доктору Панненбекеру всё, что он захочет.

Панненбекер: В качестве свидетеля номер 7 я назвал доктора Мессершмита. Его письменные показания здесь оглашались обвинением. Опросный лист уже одобрен для этого свидетеля. Мы пока не получили ответ. Я хочу в настоящее время отозвать вопрос о том необходим ли личный допрос.

В качестве дополнительного свидетеля я также называю свидетеля, доктора Гизевиуса[435].

Максвелл-Файф: Я должен полагать, что с показаниями доктора Гизевиуса также разумнее разобраться непосредственно письменными показаниями в ответах на опросные листы. Он являлся консультантом рейхсмиинстра внутренних дел при подсудимом Фрике и предположительно уехал в Швейцарию после 20 июля 1944[436],

[434] Уильям Денсон (1913 – 1998) - американский юрист. В 1945-1946 главный американский обвинитель на процессах по концлагерям Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен, Флоссенбург.

[435] Ханс Бернд Гизевиус (1904 — 1974) — сотрудник немецкой полиции и абвера армии Германии, один из активных участников заговора против Адольфа Гитлера.

[436] Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года. Следствием неудачи заговора стали казнь большинства его участников и репрессии против других участников немецкого Сопротивления.

у него есть сведения об ответственности и подлинных полномочиях подсудимого Фрика отдавать приказы в полицейских вопросах. Я должен считать, что такие вопросы удобнее рассмотреть в письменных показаниях.

Председатель: Что вы скажите, доктор Панненбекер?

Панненбекер: Я хочу сказать, что свидетель, доктор Гизевиус также требуется как свидетель подсудимого Шахта, насколько мне известно, о событиях 20 июля 1944. Мне кажется, что этот свидетель лично явиться для подсудимого Шахта. Было бы лучше если свидетель будет заслушан лично для подсудимого Фрика. В случае необходимости будет достаточно письменных показаний.

Председатель: Есть ещё один момент. Вы ранее попросили вернуть полковника Радке[437]. Я думаю, что вы говорили, что может быть он или Штукарт. Вы его сейчас исключаете из ходатайства в связи со Штукартом?

Паннебекер: Нет, было так. Я назвал трёх свидетелей по доктору Блахе – Гильхубера, Радке и третьего. Мы отказались от Радке, когда я нашёл Гильхубера.

Могу я сказать о документальной книге?

Председатель: Да.

Панненбекер: Для того, чтобы дать общее описание характера подсудимого Фрика, я попросил разрешения сослаться на две книги. Одна из них небольшая книга «Мы строили Третий Рейх», которая включает речи Фрика. Я просто намерен процитировать короткие фрагменты из этих речей в ходе своей презентации доказательств. В отношении другой книги, «Изнанка Европы», Джона Гюнтера[438], я также хочу прочесть короткий фрагмент, одно предложение о Фрике.

Затем я представлю дальнейший доказательственный материал по вопросу о том вмешивался ли посредством ограничительных указов Фрик против произвольных мер при применении превентивного заключения, и обосную свои наблюдения в основном документами, изначально представленными обвинением, не зачитывая их. Эти документы я перечислил под номером 2а-с.

Далее я прошу разрешения, сослаться на материалы полицейского департамента министерства внутренних дел, где подсудимым Фриком издавались ограничительные указы в отношении превентивного заключения.

В отношении его вмешательства в отдельных случаях, я прошу разрешения прочесть письмо, написанное мне бывшим депутатом Рейхстага Вюлле[439]. Я привёл его под номером 3. Обвинение представило письменные показания Зегера[440], в которых, последний заявляет о том, что Фрик, в качестве председателя комитета Рейхстага по международным делам, делал заявления о помещении политических

---

[437] Альберт Радке (1899-1979) – сотрудник контрразведки Германии в 1935-1944. Участник заговора против Гитлера.

[438] Джон Гюнтер (1901 – 1970) – американсий журналист и писатель. Известен серией книг «Изнанка» (1936-1972).

[439] Рейнгольд Вюлле (1882 – 1950) – немецкий политик и публицист. Националист. В 1938-1940 находился в концентрационном лагере Заксенхаузен.

[440] Герхарт Зегер (1896 — 1967) — немецкий социал-демократический политик и публицист. С 1934 находился в эмиграции в США.

противников в концентрационные лагеря, уже в декабре 1932. В номере 4 я попросил о стенограммах комитета по международным делам, чтобы подтвердить то, что такие заявления никогда не записывались, и никогда не делались.

Номер 5 касается материалов о процессе Дахау в отношении уже рассмотренного инцидента Блахи.

Номер 6 касается письменных показаний свидетеля доктора Штукарта, которые были даны американскому обвинению 21 сентября 1945. Я смогу спросить свидетеля по этому вопросу, только, когда он будет заслушан лично, но слушания можно сократить если я смогу прочесть письменные показания, которые были подготовлены для обвинения.

В отношении положения Фрика как рейхспротектора Богемии и Моравии, я хочу представить документ обвинения номер PS-1368, который содержит подробности ограничений возложенных на полномочия подсудимого Фрика в момент его назначения.

Я также сделал дополнительное ходатайство о применении книги Гизевиуса «До горького конца». Я узнал об этой книге, из выдержки опубликованной 26 февраля 1946 в «Suddeutsche Zeitung[441]», которая приводит интересные детали путча Рёма 30 июня 1934. Этот фрагмент говорит о том, что в событиях 30 июня 1934, полицейские полномочия были приняты Гитлером и переданы Герингу и Гиммлеру. Книга приводит дальнейшие подробности именно в этой сфере, поскольку Гизевиус тогда являлся экспертом в полицейских вопросах в рейхсминистерстве внутренних дел. Поэтому, я прошу трибунал, обратиться к этой книге, которой пока нет у меня на руках, или содействовать мне в получении копии.

Максвелл-Файф: Я могу сказать, что я не думаю о том, что есть разногласие между доктором Панненбекером и обвинением. Я могу пробежаться по запрошенным документам. В книге «Мы строим Третий Рейх», если доктор Панненбекер укажет на фрагменты которые он собирается использовать, обвинение не имеет никакого возражения цитированию из неё, и тоже самое в отношении цитат из книги господина Гюнтера «Изнанка Европы». По параграфу 2 из документа PS-779 и фрагменту из газеты, документа PS-775 – им нет никаких возражений. Материалы полицейского подразделения не находятся в руках обвинения. Если мы получим, что-нибудь из них, тогда мы дадим знать доктору Панненбекеру. Что касается письма от бывшего представителя Вюлле, этому не имеется возражения. Я пока не видел письма, но не имеется принципиального возражения.

В отношении номера 4, я думаю, есть кое-какое недопонимание. Это документ L-83. Письменные показания Зегера имеются у трибунала как экземпляр номер USA-234 и заявление, относящееся к Зегеру заключается в том, что подсудимый Фрик сказал ему: «Не волнуйся, когда мы будем при власти, мы

[441] «Южногерманская газета» — крупнейшая ежедневная газета Германии. Основана 16 октября 1945 года. Издается в Мюнхене издательством Süddeutscher Verlag.

засадим всех ваших ребят в концентрационные лагеря». В письменных показаниях утверждается, что это сказал Фрик Зегеру в ходе разговора. Не утверждалось, что это было сказано в комитете по международным делам.

Затем номер 5 – я сказал, что имею стенограмму, и её покажут доктору Паннебекеру. Что касается номера 6, я понимаю, что планируется вызвать доктора Штукарта. Конечно же, можно представить ему письменные показания, и он может их подтвердить. Документ 1336 будет предоставлен в распоряжение защиты, и она может использовать их как хочет. Этим охватываются документы. По поводу книги доктора Гизевиуса, я понимаю, что доктор Панненбекер не имеет её копии. Наверное, трибунал понимает, что для него можно получить копию. Я не знаю, имеем ли мы копию. Мы увидим, что мы можем сделать, чтобы предоставить копию.

Панненбекер: По поводу номера 4, доктора Зегера, у меня есть короткий комментарий к документу 83. Наверное, опросный лист сможет показать делал ли Фрик спорное заявление в качестве председателя комитета по международным делам – другими словами имеется ли это заявление в стенограмме.

Максвелл-Файф: Я понял, что этого нет в стенограмме.

Этого не будет в стенограмме, потому что доктор Зегер утверждает о том, что он сделал это в ходе беседы, но не в комитете.

Панненбекер: Спасибо.

Председатель: Трибунал, по возможности продолжит завтра утром в 10 часов, , в отношении дальнейших ходатайств о свидетелях и документах, которые как понял трибунал были сданы вечером в пятницу.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 5 марта 1946*]

День семьдесят четвёртый

Вторник, 5 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: У меня есть объявление.

Один за немецких представителей, доктор Ганс Маркс представляющий защиту обратил внимание трибунала на статью, которая была опубликована 2 февраля в газете «Berliner Zeitung[442]», под заголовком «Защитник». Статья, которую я не предлагаю зачитывать, в сильнейших выражениях критикует доктора Маркса за ошибку в его перекрёстном допросе свидетельницы, когда он представлял доктора Бабеля от СС. Статья полагает, что то, как он задал вопрос было неподобающим, что действуя в качестве представителя, он высказал личные и персональные взгляды, и что правильным для него было бы молчать в виду характера доказательств.

Проблема предполагает тяжкий аспект, потому что статья продолжается запугиванием доктора Маркса полным остракизмом в будущем и делает это жестокими и запугивающими словами.

Трибунал желает прямо заявить, что такое поведение недопустимо. Право любого обвиняемого лица на представительство является одним из важнейших элементов в отправлении правосудия. Представитель является сотрудником суда, и ему должно быть позволено свободно вести свою защиту, не опасаясь угроз или запугивания. В соответствии с прямыми указаниями устава, трибунал предпринял большие усилия для того, чтобы все подсудимые и названные организации имели преимущество представительства, и защита уже продемонстрировала большую службу в проведении процесса, и её поведение в данном отношении не должно оставаться открытым для упрёков любого рода от кого-либо.

Только трибунал является единственным судьей в том, что является правильным поведением в суде и будет стремиться обеспечить то, чтобы поддерживались высочайшие стандарты профессионального поведения. Представитель, при исполнении своих обязанностей в соответствии с уставом, может расчитывать на полную защиту, что является полномочием предоставленным трибуналу. В данном примере трибунал не считает, что доктор Маркс каким-либо образом вышел за рамки своего профессионального долга.

---

[442] «Берлинская газета» — самая тиражная ежедневная газета региона Берлин-Бранденбург. Газета основана 21 мая 1945 года и первоначально являлась органом командования Красной армии. В 1953 году газета была подчинена ЦК СЕПГ, но официально не являлась органом окружной организации партии. После объединения Германии газета была приобретена издательством Gruner + Jahr.

Трибунал рассматривает вопрос имеющий такое значение при отправлении правосудия, что он просит Контрольный совет для Германии расследовать данные факты и сообщить трибуналу.

Это всё.

Сэр Дэвид, первое ходатайство от подсудимого Штрайхера. Я вызываю представителя подсудимого Штрайхера.

Маркс: Господин председатель, подсудимый Штрайхер обвиняется по двум пунктам: первое, в том, что он действовал при планировании и заговоре для подготовки агрессивной войны и второе, преступления против человечности.

Что касается первого пункта, защита не считает необходимым представлять какие-либо доказательства, потому что подсудимый Штрайхер, за всё время разбирательства никогда не упоминался ни в одном документе, не доказано то, что он принимал участие в каких-либо частных совещаниях с Гитлером. В данном отношении я не считаю уместным представлять какие-либо доказательства. Что касается второго пункта, прежде всего я хочу вызвать жену подсудимого Штрайхера, госпожу Адель Штрайхер ни Таппе в качестве свидетеля.

Максвелл-Файф: Меня интересует, будет ли уместным для меня, указать на взгляды обвинения по этим свидетелям, их только шесть. Затем доктор Маркс сможет прокомментировать мои предложения.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Трибунал увидит, что есть шесть свидетелей, и если взять их в моём порядке, я укажу на точку зрения обвинения.

Номер 3, Эрнст Гимер[443], был главным редактором «Der Sturmer[444]», и видимо являлся принципиальным сотрудником подсудимого.

Номер 4, Вюрцбахер[445], являлся бригадефюрером СА в Нюрнберге, и предположительно даст показания о речах подсудимого.

Номер 2, Херверт, шофер подсудимого, и он должен сказать об одном моменте, а именно, раздражении подсудимого насилием, применённом 10 ноября 1938.

И номер 6, доктор Штробель, который адвокат, должен сказать об этом же, неодобрении высказанном подсудимым в декабре 1938 о мерах предпринятых в Нюрнберге.

Затем есть два члена семьи подсудимого: госпожа Штрайхер, которая являлась его секретаршей с 1940 по 1945, и его сын Лотар Штрайхер.

Обвинение не имеет возражения господину Гимеру, в качестве

---

[443] Эрнст Гимер (1900-1974) – немецкий писатель. Автор ряда антисемитских детских книг.

[444] «Штурмовик» — еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами). Издавался в Нюрнберге гауляйтером Франконии Юлиусом Штрайхером. Выходил в конце недели. В нём печатались преимущественно статьи, лозунги и карикатуры, возбуждающие ненависть к евреям; публиковались также материалы против католиков, крупных капиталистов, коммунистов и других «врагов Рейха».

[445] Филипп Вюрцбахер (1898 – 1984) – бригадефюрер СА. В 1937-1939 руководитель подразделений СА Франконии.

принципиального сотрудника подсудимого, выступающего, как предлагает доктор Маркс о том, что доктор Маркс называет основным отношением подсудимого Штрайхера к еврейскому вопросу. Есть ряд вопросов, по которым он может высказаться, в отношении которых обвинение возражает как не относящимся к делу. Однако, время для этого придёт позже.

Затем, в отношении господина Вюрцбахера, говорится о том, что с ранних дней он всегда должен был присутствовать на встречах, на которых выступал Штрайхер. Этому обвинение не заявляет возражения, но оно обращает внимание на тот факт, что в более ранних ходатайствах о господине Вюрцбахере говорилось, как способном сказать о бойкоте 1933 и событиях ноября 1938. Таким образом, обвинение покорно напоминает трибуналу о том, что он может сказать о событиях ноября 1938 и на взгляд обвинения, не нужны устные показания, повторяющие этот момент. Поэтому оно предлагает, чтобы в отношении господина Херверта, шофера подсудимого, который в действительности затрагивает один основной момент – о том, что подсудимый разгневался в отношении событий 1938 – письменных показаний будет достаточно. Оно предлагает, такой же порядок в отношении доктора Штробеля, адвоката о котором говорили.

В отношении госпожи Штрайхер, номер 1, трибунал увидит, что говорится о том, что госпожа Штрайхер являлась секретаршей подсудимого в период с мая 1940 по май 1945. Суть дела в отношении подсудимого, конечно, относится к гораздо более раннему периоду, как до, так и непосредственно после прихода к власти.

Обвинение полагает, что доказательства которые предполагаются от госпожи Штрайхер в действительности являются описанием жизни подсудимого в годы войны, и оно полагает, что снова это может быть охвачено письменными показаниями.

Таким образом, остался лейтенант Лотар Штрайхер, старший сын подсудимого. Если можно, я напомню трибуналу о том, какие вопросы в отношении него упоминались в деле. В докладе комиссии Геринга по вопросу коррупции в отношении ариазации, часть доклада сообщает, что этот подсудимый посетил в тюрьме троих мальчиков, и произошла омерзительная и жестокая акция. Обвинение, конечно же, полагает, что это не относится к сути обвинений в отношении подсудимого, но оно сознаёт, что это весьма предосудительный вопрос, его оглашали и эти доказательства произвели плохой эффект. Поэтому, оно считает, что это вопрос для трибунала и обвинение приобщило доклад, включая это, не для того, чтобы принять возражение об исключении того, что это строго не относится к делу. Однако, если трибунал считает, что этот подсудимый должен иметь преимущество в том, чтобы его сына противопоставили этому отчёту об очень неприятных вопросах, обвинение не заявляет возражения, хотя оно обязано отметить, что это строго не относится к делу.

Председатель: На взгляд обвинения, будут ли в данном случае подходящими письменные показания?

Максвелл-Файф: Разумеется, такую линию предлагает обвинение.

Таким образом, если я могу подытожить, то, что я предложение заключается в том, что обвинение не заявляет возражения господину Гимеру и господину Вюрцбахеру о даче устных показаний, и письменным показаниям остальных свидетелей.

Маркс: В некоторых аспектах я не соглашусь с сэром Дэвидом Максвелл-Файфом. Обвинение считает, что показания, которые должна дать госпожа Адель Штрайхер не сильно относятся к делу. Возражая этому, я хочу сказать, что эта свидетельница 5 лет была, то есть с 1940 по 1945, близкой подсудимого, руководя всей его перепиской, и зная о том какие контакты были у Штрайхера всю войну.

Защита особо заинтересована в подтверждени того, что Штрайхер не имел никакой связи с какими-либо ведущими людьми государства или партии проживая в изоляции в Плейкерсхофе. Не было обмена мнениями с Гитлером, Гиммлером, Кальтенбруннером или Гейдрихом, или другими ведущими личностями, кто бы это ни был. Штрайхер был полностью изолирован и вообще не играл никакой политической роли и не имел никакой власти. В виду этого, я, как его представитель, не могу отмахнуться от показаний этого свидетеля, так как иначе жизненно важные интересы подсудимого Штрайхера будут нарушены. Поэтому я предлагаю, чтобы моё ходатайство о вызове госпожи Штрайхер в качестве свидетельницы в трибунале было одобрено, для того, чтобы ей можно было задать уместные вопросы.

Тоже самое относится к свидетелю Херверту. Нельзя сказать, что этот свидетель может предоставить информацию только по не относящимся к делу вопросам или по незначительным вопросам. Напротив спорный инцидент имеет решающее значение. Это человек Херверт присутствовал ночью 9 ноября 1938, когда группенфюрер СА фон Оберниц[446] сообщил тогдашнему гауляйтеру Штрайхеру о том, что была запланирована демонстрация против еврейского населения. Поэтому он на личном опыте знает, что происходило между этими двумя людьми, и о том, что Штрайхер возражал этой демонстрации, потому что он считал такую демонстрацию совершенно ошибочной.

Таким образом, в противоречие приказу и воле фюрера, Штрайхер оказался в стороне от этой демонстрации против еврейского населения. Не может быть сомнения в том, что данный инцидент имеет особое значение. Ясно, что поведение Штрайхера, который тогда уже спал и принял Оберница в своей спальне соответствует позиции, занимаемой его защитой. Поэтому я полагаю, чтобы Фрица Херверта вызвали в качестве свидетеля в трибунал, для того, чтобы он мог пояснить

[446] Ганс-Гюнтер фон Оберниц (1899 – 1944) – обергруппенфюрер СА. В 1939-1944 депутат Рейхстага. Погиб в авиакатастрофе.

мне и при необходимости также обвинению.

Что касается свидетеля Гимера, обвинение и я, кажется, согласны с тем, что также как Вюрцбахер он явиться в трибунал. Я могу сказать, что Вюрцбахер сейчас находится в лагере Альтенштедт рядом с Шёнгау, лагерь номер 10.

Что касается свидетеля Лотара Штрайхера, подсудимый Штрайхер придаёт особое значение подтверждению этим свидетелем того, что то, что доклад Геринга указывает в своём докладе о подсудимом Штрайхере про недостойные слова или поступки, при посещении тюрьмы это неправда.

Если обвинение готово заявить о том, что оно отказывается от этого пункта и не использует этот доклад, тогда я соглашусь воздержаться от вызова этого свидетеля. В противном случае, я считаю своим долгом настаивать на вызове этого свидетеля в трибунал для отстаивания чести моего клиента. Письменные показания не смогут удовлетворить данной цели, и поэтому я прошу удовлетворить ходатайство защиты.

Максвелл-Файф: Милорд, по этому последнему пункту, я от имени обвинения отметил, что этот инцидент не относится к обвинениям в отношении подсудимого Штрайхера. Конечно же, обвинение представило доклад и, думаю я, пояснил трибуналу, что это один из тех сторонних вопросов которые возникли и по этой причине обвинение не возражает письменным показаниям Лотара Штрайхера. Но основное дело обвинения против подсудимого заключается в способствованию и упорном разжигании преследования евреев. Я не думаю, что я могу выразиться сильнее. Однако я надеюсь, я дал понять, что этот инцидент не тот, что относится к делу. Спорный доклад был про ариазиацию еврейского имущества, и этот фрагмент был в докладе. Сам по себе доклад в целях обвинения относится к делу.

Председатель: Трибунал рассмотрит этот вопрос.

Маркс: Господин председатель, могу я сделать несколько дополнительных замечаний?

Вопрос, который должен быть подтверждён Лотаром Штрайхером, формирует часть доклада Геринга и поэтому не может рассматриваться вне контекста. Подсудимый утверждает, что этот доклад Геринга исходит от человека, который хотел ему навредить, который, после получения от него многих благ, стал его врагом и использовал комиссию Геринга, которая изначально предназначалась для совершенно других целей, чтобы нанести подсудимому, которого он ненавидел внезапный удар.

Довольно серьёзно говорить о человеке, что он в отвратительной манере оправдывал садизм в присутствии других лиц. Вот почему, подсудимый, так стремится публично развеять ложь этого утверждения. Поэтому я ещё раз прошу, чтобы Лотар Штрайхер был доставлен в трибунал.

Что касается последнего свидетеля, адвоката Штробеля, я бы с удовольствием выполнил пожелание сэра Дэвида Максвелл-Файфа, но и в этом

случае боюсь, не могу этого сделать.

Показания адвоката Штробеля представляются как доказательства следующего: где-то, приблизительно тремя неделями спустя после событий ночи 9 ноября 1938, Штрайхер выступал на собрании союза адвокатов Нюрнберга. На этом публичном собрании адвокатов, Штрайхер определил своё отношение к событиям 9 ноября 1938 и дал понять, что он был против демонстрации и поджога синагог. Адвокат Штробель, как он сказал, был очень удивлён, что Штрайхер настолько открыто, выступил против приказа Гитлера и не сделал тайны из того, что сказал Оберницу, что он не будет принимать участие в демонстрации, и что он считает всё это ошибкой.

Показания Штробеля могут иметь некоторую весомость, нежели шофер Херверт, поскольку в случае последнего обвинение может сказать защите, о том факте, что Херверт являлся работником подсудимого и поэтому склонен занимать сторону подсудимого. Однако, этот аргумент неприменим к адвокату Штробелю, так как он, в письме адресованном трибуналу, хотел выразить свою антипатию подсудимому и упомянул митинг случайно.

Соответственно, Штробеля можно считать бесстрастным свидетелем, в то время как про Херверта можно сказать, что он, наверное, не совсем не заинтересован. Поэтому я полагаю, чтобы адвокат Штробель, также был вызван в трибунал для того, чтобы позволить защите, и при необходимости обвинению задать прямые вопрсоы этому свидетелю.

Председатель: На этом ваши свидетели заканчиваются, не так ли? Теперь вы можете перейти к документам. Документов нет? Очень хорошо, трибунал рассмотрит ваши ходатайства.

Маркс: Господин председатель, могу я сказать слово? До настоящего времени мне было невозможно собрать все документы, которые мне требовались. Есть ряд газетных статей, которые я хочу представить трибуналу и я прошу об отпуске, чтобы представить список документов позднее. Я заранее свяжусь с обвинением, о том какие документы следует исключить, а какие приобщить.

Председатель: Да, доктор Маркс, трибунал не имеет возражения вашему контакту с обвинением в связи с документами позднее, но вы должны понимать, что не допускается никакая задержка.

Я вызываю представителя подсудимого Функа.

Максвелл-Файф: Если доктор Заутер мне позволит, я хочу сказать о том, что в отношении этих ходатайств, здесь настолько мало разницы между ходатайствами и взглядами обвинения, что можно сократить дело, если я укажу взгляды обвинения, а затем доктор Заутер сможет добавить то, что хочет сказать. Я буду очень краток, но я не хочу бежать впереди доктора Заутера, если у него есть какое-либо возражение.

Председатель: Вас это устраивает, доктор Заутер?

Заутер: Чтобы я представил свои ходатайства и затем обвинение ответило?

Председатель: Думаю, сэр Дэвид имел в виду, что он сначала укажет на любые возражения которые он имеет, и затем вы сможете пояснить свой взгляд.

Заутер: Польностью согласен милорд.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, свидетели входят в четыре группы. Первой группой являются трое свидетелей из министерства экономики, номера 1,2 и 10 списка. Как я понимаю доктора Заутера, он хочет вызвать номером 2, в качестве устного свидетеля, господина Гайлера[447], и получить письменные показания от свидетелей Ландфрида[448], номера 1 и Каллюса, номера 10. Обвинение не возражает такому порядку, за исключением того, что оно может иметь некоторые замечания в отношении свидетеля Ланфрида по форме опросных листов, которое несоменно будут урегулированы с доктором Заутером, оно хочет оставить право дальнейших перекрёстных допросов. Помимо этого, что как я полагаю, является небольшим вопросом, оно согласно с этим предложением.

Второй группой являются свидетели от Рейхсбанка, номер 5, господин Пуль[449] и номер 7, доктор Август Шведлер. И снова, как я понимаю доктора Заутера, он хочет письменные показания в форме ответов на вопросы. Обвинение не имеет этому возражения, вновь оставляя за собой право, при необходимости ходатайствовать о перекрёстных опросных листах, если ответы примут определённую форму, оно может ходатайствовать перед судом о том, чтобы свидетель был доставлен для перекрёстного допроса. Оно просто хочет оставить за собой право, но, конечно же, оно не сформирует свою позицию, пока не увидит ответов.

Затем третья группа включает одного свидетеля, которым является доктор Ламмерс, которого устно вызвало большинство подсудимых, и этому нет возражения, и обвинение предлагает, чтобы доктор Заутер задал вопросы доктору Ламмерсу, когда его вызовут другие подсудимые.

Затем, четвёртая группа, сама общая. Есть господин Езер[450], который является редактором, номер 6; господин Аманн[451], номер 8 и номер 9, господин Рёзен и последняя, номер 4, госпожа Функ. Как я понимаю в отношении всех этих свидетелей, доктор Заутер желает либо опросные листы, либо письменные показания. Обвинение не имеет этому возражения, с таким же пониманием о том, что оно оставляет за собой право представить перекрёстные опросные листы, или

---

[447] Франц Гайлер (1900 – 1972) – немецкий предприниматель и государственный деятель. Группенфюрер СС. В 1943-1945 государственный секретарь министерства экономики Германии.

[448] Фридрих Ландфрид (1884 – 1952) – немецкий юрист и государственный деятель. В 1933-1943 государственный секретарь министерства экономики Германии.

[449] Эмиль Пуль (1889 — 1962), государственный деятель Третьего Рейха, директор и вице-президент Рейхсбанка, государственный секретарь правительства (11 февраля 1939 года — 8 мая 1945 года). Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[450] Альберт Езер (1878 – 1959) – немецкий экономический журналист. Сотрудник газеты «Frankfurter Zeitung».

[451] Макс Аманн (1891 — 1957) — партийный деятель НСДАП, руководитель печати Рейха, рейхсляйтер (2 июня 1933 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года). Судом по денацификации приговорён к 10 годам лишения свободы, досрочно освобождён в 1953.

при необходимости попросить трибунал вызвать любого из них в качестве свидетелей. Помимо оговорки в отношении данных моментов, между нами нет никаких разногласий, потому что в результате, если я правильно понимаю, доктор Заутер просит о двух устных свидетелях и восьми сборниках опросных листов.

Председатель: Сэр Дэвид вы не проводите разграничение между письменными показаниями или опросными листами?

Максвелл-Файф: Что же, разумеется, провожу, Но, милорд, доктор Заутер показал в случае большинства свидетелей опросные листы, которые он приобщает – кроме доктора Ламмерса, который, конечно же, будет представлен устно, потому что он явиться в качестве свидетеля. Я понимаю, что, когда доктор Заутер говорит «письменные показания», он имеет в виду письменные показания в форме ответов на вопросы, такие как те которые изложены в приложении.

Председатель: Что же, тогда, сэр Дэвид, что касается обвинения, оно занимает точку зрения, которую вы предложили, означающую письменные показания, опросные листы и при необходимости перекрёстные допросы?

Максвелл-Файф: Это так.

Председатель: Очень хорошо. Да, доктор Заутер?

Заутер: Господин председатель, я согласен с предложением обвинения по индивидуальным ходатайствам. По поводу формулировки индивидуальных опросных листов, я приду к соглашению с обвинением.

Председатель: Минуточку. Доктор Заутер, наверное, вы можете нам сказать, рассмотрев например, номер 6 – вы говорите здесь: «У меня имеется подтверждение от этого свидетеля с дополнением». Это заявление означает, ответы на опросные листы или означает письменные показания? У вас есть фрагмент?

Заутер: Да, у меня есть письменные показания от этого свидетеля, Альберта Езера, номер 6, и эти письменные показания будут представлены трибуналу, вместе с моей документальной книгой. Я уже имею эти письменные показания.

Председатель: Что же, сэр Дэвид, это не совсем тоже самое, что опросные листы. Я не знаю, видели ли вы письменные показания. Я имею в виду, можеть быть, что на поздней стадии вы захотите перекрёстно допросить или представить перекрёстные опросные листы этому свидетелю.

Максвелл-Файф: Да, это будет так, ваша честь. Я должен оставить за собой право, пока я не видел письменных показаний, сделать это. Те, что прилагаются к ходатайству доктора Заутера, находятся в форме опросного листа, но там где документы находятся в виде заявления, обвинение оставляет за собой эти права. В действительности, нельзя делать каких-либо заявлений не посмотрев на них.

Заутер: Господин председатель, перед тем как я приобщу в качестве доказательства эти письменные доказательства по свидетелю Езеру, номер 6, я, конечно же, передам их обвинению для того, чтобы у него было достаточно времени решить о том хочет ли оно перекрёстно допросить этого свидетеля. Это само собой

разумеется.

Председатель: Где этот конкретный свидетель? Где он?

Заутер: Он является свидетелем номер 6, милорд.

Председатель: Да, но где находится человек? Где он находится сейчас? Он в Нюрнберге или где?

Заутер: Свидетель Езер находится в Шрамберге в Чёрном лесу, в Бадене, рядом с Рейном. Это на некотором расстоянии от Нюрнберга. Господин председатель более того, положения, о которых должен свидетельствовать свидетель являются сравнительно незначительными, поэтому вряд ли будет нужно доставлять свидетеля в Нюрнберг. Лично я не знаком со свидетелем, но я знаком с тем, что он является человеком, который может предоставить благоприятную информацию о поведении подсудимого Функа. Таким образом, мы узнали о свидетеле Езере и получили от него письменные показания, которые я передам обвинению в подходящее время.

Максвелл-Файф: В отношении документов, милорд, первый является биографией подсудимого Функа. Фрагменты были представлены как часть дела обвинения. Я прошу доктора Заутера намекнуть на то какие отрывки он желает использовать, и затем обвинение сможет заявить те возражения или комментарии какие могут быть или не будут необходимы.

Как я думаю, вторая просьба заключается в том, о чем мы говорили вчера, а именно стенограмме процесса Дахау и о доказательствах свидетеля доктора Блаха. Американские обвинители с удовольствием покажут доктору Заутеру доклад о том, что они имеют по доказательствам о докторе Блахе.

В отношении речей подсудимого Функа, снова, если доктор Заутер намекнёт на то, что они представляют, и что он планирует использовать, обвинение их рассмотрит. Prima facie они будут относящимся к делу вопросом.

И в отношении номера 4, копия газеты с сообщением о речи подсудимого, о том, что снова prima facie будет относится к делу, и мы изучим её. Не очень похоже, что будут какие-либо возражения, но мы должны изучить её, и если необходимо, рассмотрим её, когда доктор Заутер проведёт свою презентацию.

Председатель: У доктора Заутера имеется газета?

Заутер: Господин председатель, газета упоминается под номером 4, и речи, также указанные под номером 3, находятся в моём владении. Я не будут использовать весь текст речей в моём обзоре.

Председатель: Тогда вы будете готовы указать обвинению на отрывки в своём документе 1 и на отрывки в 3 и 4, которые вы хотели использовать, для того, чтобы оно могло их перевести?

Заутер: Да, милорд. Я включу в документальную книгу из книги указанной под номером 1 совсем немного – я думаю две или три – страницы, и из речей и газетных статей только те отрывки, которые я собираюсь использовать, и представлю их обвинению для перевода. Что касается стенограммы процесса в Дахау, эта просьба

разрешена обвинением, сказавшим вчера в отношении Фрика. Мне кажется доступен стенографический отчёт о процессе Дахау. Я воспользуюсь им, для того чтобы разрешить вопрос.

Председатель: Очень хорошо. Тогда я вызываю представителя доктора Шахта.

Дикс: Я очень рад сказать трибуналу о том, что мне кажется, я согласен с сэром Дэвидом в отношении состава доказательств представленном мне, в особенности в отношении тех ходатайств которые я либо отзываю, либо ограничиваю. Для того, чтобы упросить дело, могу, я, следовательно, рассказать трибуналу о том какие ходатайства в своём списке я отзываю, а какие ограничиваю, для того, чтобы в конце концов осталось то на чём я настаиваю. Я отзываю ходатайство номер 5 о допросе доктора Дильса. Вчера я услышал о том, что доктор Дильс вызван в качестве свидетеля в другом ходатайстве. При одобрении трибуналом вчерашнего ходатайства и распоряжении о явке Дильса, я оставлю за собой право исследовать. Однако лично я, не ходатайствую о нём.

Затем, я хочу обратить ваше внимание на ходатайства номер 6, полковник Гронау; номер 7, господин фон Шерпенберг[452]; номер 8, государственный секретарь Карл Шмид; номер 9, генеральный консул доктор Шнивинд; номер 10, генерал Томас из штаба вооружения; номер 11, доктор Вальтер Асмис; номер 12, доктор Франц Рейтер и номер 13, доктор Беркемайер. От всех этих свидетелей я готов принять письменные показания. Я полностью понимаю, что я должен передать письменные показания обвинению, и что оно имеет право ходатайствовать о вызове этих свидетелей для перекрёстного допроса.

Таким образом, следующие свидетели остаются для вызова в трибунал: свидетель номер 1, доктор Гизевиус; свидетель номер 2, госпожа Штрунк; свидетель номер 3, бывший директор Рейхсбанка Фоке[453] и свидетель номер 4, бывший директор Рейхсбанка Эрнст Гельзе. В отношении этих свидетелей, в своём ходатайстве я должен настаивать об их личной явке. Защита Шахта не может отказаться от устного допроса этих свидетелей. Могу я высказать свои причины по каждому случаю. Показания этих свидетелей никоим образом не являются кумулятивными. Один свидетель знает о том, о чём не знает другой. Фоке и Гельзе являлись ближайшими сотрудниками Шахта в Рейхсбанке и в Международном банке в Базеле. Они знают о событиях и развитии, о которых Шахт не сможет вспомнить подробно. Таким образом, устный допрос этих свидетелей не может быть заменен опросными листами, потому что он уже не в полной мере ведает о соответствующих вопросах. Эти свидетели должны быть информированы о теме доказательств и предоставят возможность сделать подробное заявление.

Тоже самое, а именно то, что они помнят в деталях события, которые Шахт

[452] Хильгер ван Шерпенберг (1899-1969) – немецкий дипломат. В 1944 осуждён за участие в заговоре против Гитлера. Зять Ялмара Шахта.

[453] Вильгельм Фоке (1886 — 1973) — немецкий банкир и государственный деятель, президент Совета директоров Банка немецких земель (1948—1957).

уже не помнит, относится к госпоже Штрунк и Гизевиусу, который может свидетельствовать, в частности о планах различных покушений на жизнь Гитлера с 1938 по 1944.

Вот то, что я скажу в отношении моего ходатайства об этих свидетелях.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, доктор Дикс и профессор Краус вчера были любезны указать мне и моим коллегам на свои предложения, которые доктор Дикс представил трибуналу. Обвинение считает, что ограничив всех свидетелей пунктом 1 и пунктом 2, доктор Дикс сделал разумное предложение. Обвинение, конечно же, оставляет за собой право в вопросе относимости к делу различных положений изложенных в отношении свидетелей, но оно считает это, как я скажу разумным предложением. По номерам 3 и 4 это означает, что защита ограничивает всех свидетелей, о общего экономического курса подсудимого, и снова обвинение считает это разумным предложением. В отношении остального, обвинение должно, как я сказал – и доктор Дикс согласился – оставить за собой право перекрёстных допросов или просьбу о вызове свидетелей, но обвинение считает, что оно в действительности сможет решить о своих правах и правильном курсе только тогда, когда оно увидит письменные показания, которые приобщаются. Это является обоснованием обвинения по предмету.

Председатель: Доктор Дикс, а документы?

Дикс: По поводу документов, я хочу чётко отметить, что всюду ссылаясь на свой список, я ссылаюсь на книги, опубликованные речи и такие как, номер 2, это не означает, что я намерен представить трибуналу длинные фрагменты из этих книг. Будут приводиться только короткие цитаты и эти цитаты будут…

[*Судебное заседание было прервано из-за технических проблем в системе перевода*]

Председатель: Нам будет лучше прерваться и устранить техническую неисправность.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Минуточку, доктор Дикс. У меня есть одно или два объявления. В первую очередь, ходатайство, которое было заявлено в интересах подсудимых о выделении в отдельное производство процесса организаций указанных в статьях 9 и 10 устава отклоняется.

Во-вторых, в связи с ходатайством, заявленным от имени представителя подсудимого Бормана, трибунал рассмотрел ходатайство доктора Бергольда от 23 февраля 1946, представителя подсудимого Бормана, в котором он просит о том, чтобы дело Бормана было заслушано последним, по завершении дел всех других

подсудимых. Трибунал решил одобрить данное ходатайство.

Трибунал также распоряжается о том, что заслушивание ходатайств доктора Бергольда о свидетелях и документах в интересах Бормана в соответствии со статьей 24(d), не состоится сейчас, когда трибунал заслушивает ходатайства обо всех остальных подсудимых, но в течение следующих трёх недель будет установлена более поздняя дата.

В-третьих, в связи с занятостью трибунала, трибунал будет заседать в закрытом режиме после завершения ходатайств в интересах четырёх подсудимых которые заслушают сегодня. Завтра трибунал продолжит ходатайства в интересах следующих четырёх подсудимых, и в четверг трибунал будет заслушивать дело в интересах подсудимого Геринга.

Да, доктор Дикс.

Дикс: До перерыва, я начал рассказывать трибуналу, в отношении номера 2 списка документов, о том, что в своей презентации я ограничу себя действительно важными и довольно короткими цитатами, после предоставления их обвинению в нашей документальной книге. Это исключает номер 2.

Номер 1 включает фрагменты из копий уже представленных обвинением. Я приведу всего один пример, а именно, доклад посла Буллита[454] государственному секретарю в Вашингтоне. Обвинение представило последнюю часть доклада, в которой оно заинтересовано, в то время как я оставляю право, представить первую часть, которая касается мирных намерений Шахта и отсутствия у него политического влияния на Гитлера, и который таким образом имеет значение для защиты.

Теперь я перехожу к номеру 3, подпункт (а), который является меморандумом Шахта Гитлеру от 3 мая 1935 по вопросу юридических прав евреев, роспуске Гестапо, и т.д.

Могу я снова попросить обвинение, рассмотреть насколько возможно, чтобы этот документ, который до настоящего времени не представили, был приобщён совместно с документом PS-1168, который был представлен ко времени допроса Шахта полковником Гюрфейном. Как я вчера слышал, документ пока не найден, но, наверное, полковник Гюрфейн, который уже вернулся, может помочь в этом вопросе. Эти два документа являются очень важными, так как они включают части меморандума Шахта который можно понять и оценить только целиком.

Кроме того, здесь есть письмо, адресованное Шахтом генерал-фельдмаршалу фон Бломбергу. Это касается ограничения вооружений, и т.д., я думаю, его относимость очевидна.

Есть слово о подпункте (с). Это меморандум Гитлера от августа 1936 по поводу четырёхлетнего плана. Это меморандум, в котором Гитлер весьма

---

[454] Уильям Буллит младший (1891 — 1967) — государственный и политический деятель США. Посол США в СССР в 1933-1936. Посол США во Франции в 1936-1940.

ожесточенно упрекает Шахта, даже в саботаже имеет для нас решающее значение. Вопреки тому, что показано в списке, я не в состоянии представить заверенную копию этого меморандума, которая в определённых обстоятельствах может заменить подлинник. То, что есть у меня, является фрагментом, который никоим образом нельзя считать правильным и таким образом нельзя представить трибуналу в качестве доказательства. Для того, чтобы удостовериться в точном содержании этого меморандума, мы должны иметь подлинник. По моим сведениям подлинник находится в материалах лагеря Дустбин в Таунусе, и снова я прошу обвинение содействовать в его получении.

Затем есть письмо, написанное в ноябре 1942 Шахтом Герингу. Ответом Геринга был отставка Шахта за пораженчество, или скорее вследствии этого письма Шахт был отправлен в отставку за пораженчество. Дальнейшим следствием этого письма было то, что Геринг исключил его из Прусского государственного совета. Копию этого письма Шахт последний раз видел во владении фон Шлаберндорфа, который работал с генералом Донованом, но которого уже здесь нет. Где Шлаберндорф сейчас, я не знаю. Могу я попросить обвинение помочь в этом вопросе. Кроме того, есть телеграмма Геринга Шахту от января 1943 об исключении его из государственного совета.

Что касается подпункта (f), я прошу русское обвинение содействовать нам в получении этой вещи. Это включает различные записи, записи соображений Шахта, письменные монологи и письма, которые хранились в коробке в поместье Шахта, Гюлен рядом с Линдов, Марк Бранденбург – то есть в русской оккупационной зоне. Согласно полученным сведениям, эта коробка была конфискована советскими войсками. Я был бы весьма обязан русской делегации, если она сделаёт всё возможное для получения этой коробки с её содержимым.

У нас уже имеются документы под номером 4. Я не думаю, что нужно их здесь перечислять и комментировать, они будут включены в нашу документальную книгу и у обвинения будет возможность сделать замечания об их относимости к делу. Вот всё, что я должен сказать относительно документов.

Максвелл-Файф: С одобрения трибунала, я ограничусь очень короткими замечаниями, которые есть по параграфу 3 меморандума доктора Дикса. В отношении документа, о котором попросил доктор Дикс, его пока не получили. Я попросил своих коллег сделать запросы, но сейчас они не могут найти некоторые из этих документов, хотя проводился поиск. Например, (a), записка врученная Гитлеру в тот же день, это документ номер PS-1168. Господин Додд сказал мне, что американская делегация два месяца назад провела обширный поиск, и она убеждена в том, что у них нет документа и тоже самое относится к советской делегации в отношении (e).

Председатель: Кто был дознавателем, судья Гюрфейн?

Максвелл-Файф: Полковник Гюрфейн является тем, кто начал американское

обвинение, который проводил допросы на ранних стадиях.

Председатель: Где он сейчас?

Максвелл-Файф: Нью-Йорк. Этот момент обсуждался в обычных допросах. Если документ использовался, на него очень аккуратно ссылались и американская делегация информирует меня о том, чо она проводила поиски, и она думает, что, она не смогла найти его. Похожим образом, в отношении номера (е), мои советские коллеги сказали мне о том, что они не имеют никакого следа указанного документа.

Председатель: Вы имеете в виду, что в допросе, проводившемся судьей Гюрфейном нет ссылки на этот документ?

Максвелл-Файф: Да, это так. Оно не смогло найти какую-нибудь ссылку, как мне сказали, имеющуюся в допросе.

Председатель: У вас есть какие-нибудь сведения о каком-нибудь сообщении направленном судье Гюфрейну?

Максвелл-Файф: Я не уверен, он уехал, когда розыски проводились два месяца назад. Я уверен в том, что американская делегация изучит это. Я хочу сказать в отношении номера (е), дело в том, что мои советские коллеги проинформировали меня о том, что русские власти не обнаружили никакого следа этого документа. В отношении остального, обвинение хочет дополнительное время для того, чтобы сделать дальнейшие запросы, и тогда оно сообщит доктору Диксу и генеральному секретарю о том, можно ли, что-нибудь сделать. В отношении остальных документов, тех которые упоминались доктором Диксом и многочисленных фрагментов, его план полностью подходит для обвинения, если он подходит трибуналу.

Председатель: Я вызываю представителя подсудимого Дёница.

Кранцбюлер: Я хочу вызвать следующих свидетелей: первый адмиралрихтер Курт Экхардт[455]. Он был экспертом по международному праву в штабе морской войны. Он должен свидетельствовать о том, что учитывались нормы международного права, при изложении германской политики подводной войны. Эти показания относятся к делу в виду документов представленных обвинением, согласно которым подводная война велась без учёта международного права.

Максвелл-Файф: И снова можно помочь доктору Кранцбюлеру и трибуналу, если я отмечу взгляд обвинения. Оно считает, что номер 1, адмирал Экхардт и номер 2 контр-адмирал Вагнер[456] и номер 4, контр-адмирал Годт[457], не должны являться предметом возражений, оно не имеет возражений этим троим. В отношении фрегаттенкапитана Гесслера[458], номера 3, обвинению кажется, что он кумулятивен

---

[455] Карл Экхардт (1887 – 1948) – немецкий адмирал. Советник по международному праву оперативного отдела штаба ОКМ в 1936-1945.

[456] Герхард Вагнер (1898 – 1987) – немецкий адмирал. Во время Второй мировой войны являлся начальником оперативного отдела штаба войны на море.

[457] Эберхард Годт (1900 – 1995) – немецкий адмирал. В 1943-1945 командующим подводным флотом Германии.

[458] Гюнтер Хесслер (1909 — 1968) — немецкий офицер-подводник, капитан 2-го ранга (1 декабря 1944 года).

по отношению к контр-адмиралу Годту, так как он перестал быть командиром подводной лодки в конце 1941, до того как было издано большинство материальных приказов. Есть по сути один пункт, как я сказал, мы не заявляем возражений трём другим. В отношении второй части, опросных листов, был одобрен опросный лист господину Мессершмиту. В отношении следующих троих, вице-адмирала Крейша[459], капитана цур зее Рёзинга[460] и коммандера Зурена, они были одобрены 14 февраля, и небольшая чисто техническая ошибка вкралась в решение обвинения. Обвинение ответило тем, что оно принципиально не возражает и не желает приобщать перекрёстные опросные листы, оно возражает двум вопросам адресованным коммандеру Зурену, номерам 7 и 8. Планировалось, что такое же возражение будет сделано в отношении двух других. Кажется, что документ относится только к коммандеру Зурену, но в целом нет возражения, в отношения номера 5, это было сделано.

Председатель: Что же, сэр Дэвид, эти ошибки были устранены, в связи со 2 и 3?

Максвелл-Файф: Я не совсем уверен. Я хочу упомянуть такое же возражение, чтобы сузить вопросы о данном возражении по двум опросным листам, и в связи со всеми тремя сборниками опросных листов, я не думаю, что они были у трибунала.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: И в отношении капитана Экка[461], эти показания были взяты по поручению и таким образом нет возражения. Наконец в отношении адмирала Нимица[462] обвинение возражает этому ходатайству, это новое ходатайство, и если трибунал посмотрит на его основания, они заключаются в том, что подводные лодки Соединённых Штатов атаковали без предупреждения все корабли кроме судов Соединённых Штатов и союзников, и о том, что подводные лодки Соединённых Штатов атаковали без предупреждения все японские корабли, как самое позднее с момента времени, когда можно было подозревать, что японский корабль будет сопротивляться взятию в качестве приза. И третье, о том, что подводные лодки Соединённых Штатов не содействовали потерпевшим кораблекрушение людям в тех водах где самой подводной лодке угрожала опасность из-за такого содействия. Причина, которую привёл доктор Кранцбюлер, заключается в том, что эти показания подтверждают, что адмиралтейство Соединённых Штатов применяло такие же стратегические и юридические соображения при ведении своей подводной

[459] Лео Крейш (1895 – 1977) – немецкий адмирал. В 1942-1944 командовал подразделениями подводных лодок на различных театрах военных действий.

[460] Ганс-Рудольф Рёзинг (1905 — 2004) — немецкий офицер-подводник, капитан 1-го ранга (1 марта 1943 года). В марте — августе 1941 года командовал 3-й флотилией подводных лодок. В июле 1942 года Рёзинг назначен командующим подводными лодками на Западе, ему подчинены все подводные лодки, действовавшие с баз во Франции (за исключением Средиземного моря).

[461] Хайнц-Вильгельм Экк (1916 – 1945) – немецкий подводник. Капитан-лейтенант. Казнён по приговору британского трибунала.

[462] Честер Нимиц (1885 — 1966) — адмирал флота, главнокомандующий Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны (с середины декабря 1941 года). Был одним из наиболее авторитетных специалистов по подводным лодкам в Соединённых Штатах, а также начальником Бюро навигации ВМС США в 1939 году.

войны. Обвинение полагает, что это не относится к делу. То, что оно исходило из таких же юридических соображений могло быть ответными мерами, и если так, нарушали ли Соединённые Штаты законы и обычаи войны не относится к делу, перед трибуналом стоит вопрос, нарушало ли законы и обычаи войны германское высшее командование, на самом деле этим поднимается старая проблема доказательств направленных на tu quoque, аргументация которую обвинение всегда представляла трибуналу как не относящуюся к делу.

Кранцбюлер: Я ограничусь пунктами, по которым сэр Дэвид заявил возражения.

Прежде всего, свидетель номер 3, коммандер Гесслер. Я не считаю его показания кумулятивными. Он должен свидетельствовать о том, когда был отменён приказ 154 который представило обвинение. Эти показания важные, потому что обвинение утверждает, что приказ от сентября 1942 вообще не издавался, но что будто бы достаточно сослаться на старый приказ 154. Вопреки этому утверждению Гесслер даст показания о том, что приказ 154 тогда уже не действовал.

Более того, капитан Гесслер, будучи с 1941 в штабе командования подводными лодками, инструктировал почти всех командиров подводных лодок выходящих в море о принятых приказах, в частности приказах об обращении с людьми потерпевшими кораблекрушение. По этим причинам, его показания, являются, по моему мнению, обязательными в целях проверки заявления свидетеля Мёле[463].

Сейчас я перехожу к опросным листам по номерам 2, 3 и 4: адмиралу Крейшу, капитану Рёзингу и коммандеру Зурену. Я думаю, что возражения обвинения к двум вопросам заданным в моём опросном листе можно рассмотреть только после того как на эти вопросы ответят. Я только сегодня услышал о том, что будут заявлены возражения, но я пока не знаю в связи с чем.

Председатель: У трибунала имеются опросные листы и возражения обвинения по номеру 4?

Кранцбюлер: Трибунал только, что получил мои опросные листы.

Председатель: Обвинение вручило нам своё возражение одному вопросу? Я понимаю, что было возражение опросным листам, представленным для Зурена, что должно быть возражением конкретному вопросу также и по двум другим.

Максвелл-Файф: Да. Оно очень короткое. Я укажу, если мне позволит доктор Кранцбюлер.

Было два вопроса: «Известно ли вам, что в сентябре 1942 германские подводные лодки спасали потерпевших кораблекрушение людей после торпедирования британского парохода «Laconia[464]» и в это время подвергались бомбардировке союзными самолётами?», номер 8: «Вам известно, являлся ли этот

[463] Карл-Хайнц Мёле (1910 – 1996) – немецкий подводник. В 1941 -1945 командующий 5-й флотилией подводных лодок. После войны был осуждён к 5 годам лишения свободы.

[464] «Лакония» - британское пассажирское судно. Спущено на воду в 1921. С начала Второй мировой войны использовалось для в качестве транспортного корабля. Потоплено 12.09.1942 немецкой подводной лодкой.

инцидент причиной для командующего флотом подводных лодок отдать приказ по которому содействие с риском угрозы собственной лодке запрещалось и по форме это не отличалось от законов войны на море?».

Возражения – я зачитаю их: «Вопрос 7. Возражение по поводу основания данного вопроса не требуется и факты признаются».

«Вопрос 8: Возражение. Непонятно как свидетель мог знать о причине приказов подсудимого Дёница».

Такие возражения мы заявили.

Председатель: Да.

Кранцбюлер: Могу я кое-что сказать об этом? Я думаю, что указанные офицеры могут свидетельствовать о причинах приказов полученных ими от командующего подводным флотом, потому что события, которые привели к приказу от сентября 1942 были общеизвестными среди командиров подводных лодок и командиры подводных лодок на различных театрах военных действий могли ловить радиосообщения направленные подводным лодкам в связи с инцидентом «Laconia». Это всё.

Я перехожу к ходатайству относительно опросного листа для адмирала Нимица. Позиция, занятая обвинением полностью отличается от той концепции, на которой основано моё ходатайство. Я никоим образом не хочу подтверждать или даже утверждать, что американское адмиралтейство в подводной войне против Японии нарушало международное право. Напротив, по моему мнению, оно действовало строго в рамках международного права. В морской войне Соединённых Штатов против Японии возник такой же вопрос как в морской войне Германии против Англии, а именно сфера и интепретация Лондонского соглашения о подводных лодках 1930[465]. Соединённые Штаты и Япония также являлись подписантами этого соглашения.

Моя точка зрения заключается в том, что в виду приказа торговым судам об оказании сопротивления, Лондонское соглашение больше было неприменимо к таким торговым судам, далее, что оно было неприменимо в объявленных оперативных зонах, в которых общее предупреждение было сделано всем судам, таким образом, делая индивидуальное предупреждение ненужными перед атакой.

Посредством допроса адмирала Нимица я хочу установить, что американское адмиралтейство на практике интерепретировало Лондонское соглашение точно также как германское адмиралтейство, и таким образом докажу, что германское ведение войны на море было совершенно законным. Тоже самое относится к людям потерпевшим кораблекрушение в водах, в которых подводная лодка спасательными мерами угрожала сама себе.

---

[465] Лондонский морской договор 1930 года — международный договор по ограничению военно-морских вооружений, подписанный 22 апреля 1930 года в Лондоне (Великобритания) 5 морскими державами: Соединёнными Штатами Америки, Британской империей, Японской империей, Францией и Италией. Из-за отдельных разногласий Франция и Италия не подписали часть 3 договора.

Председатель: Да, доктор Кранцбюлер.

Кранцбюлер: Теперь я перехожу к документам.

Председатель: Если вы закончили с адмиралом Нимицем. Я хочу задать вопрос сэру Дэвиду.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Председатель: Сэр Дэвид, я понимаю, вы полагаете, что эти вопросы адмиралу Нимицу совершенно не относятся к делу?

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Изменяет ли ваше соображение, то атаковал ли германский флот без предупреждения торговые корабли в первом примере в начале войны против Англии?

Максвелл-Файф: Что же, конечно же, это было бы чёткое нарушение договора, так как, тогда, не стояло вопроса вооружения, насколько мне известно, и точно не стояло вопроса о том, что германские подводные лодки думали о том, что они атакуют вооруженные суда, которые в действительности являются военными кораблями. Тогда, конечно, можно стать на позицию, которую развило обвинение в доказательствах о том, что германский флот оправдывал в начале такую форму подводной войны, позиция изменилась, и на британские корабли установили вооружение. По моему соображению существовала бы разница, даже если принять аргумент высказанный доктором Кранцбюлером. Он говорит о том, что он не утверждает о нарушении законов и обычаев войны, но полагается на свою интерпретацию Лондонского соглашения о том, что торговые корабли которые вооружили, можно было атаковать. В действительности это очень сложный вопрос, если можно пытаться проводить своего рода общее исследование интерпретации разных командиров. Учитывая то, как ваша светлость спросил меня, существует ясный пункт, которые имеется в наших документах о том, что вооружение торговых кораблей являлось результатом нападений без предупреждения которые совершались в первые месяцы войны.

Председатель: Но не скажите ли вы, что эти вопросы к адмиралу Нимицу не относятся к делу, потому что Соединённые Штаты вступили в войну в декабре 1941, когда морская война между Германией и Англией дошла до этапа, когда атаки совершались без предупреждения?

Максвелл-Файф: Это так милорд. Это то, о чём я говорю. Я очень благодарен вашей светлости за разъяснение аргумента, которое я хотел сделать.

Председатель: Доктор Кранцбюлер вам понятно? Аргумент который как я понял, выдвигает сэр Дэвид в отношении этих опросных листов заключается в том, что они действительно не относятся к делу, в виду даты вступления Соединённых Штатов в войну, дате, когда морская война между Англией и Германией, по причинам которые нужно исследовать, дошла до стадии, когда подводные лодки атаковали торговые суда без предупреждения и торговые суда оборонялись от этих атак.

Кранцбюлер: Да, господин председатель. Это так, однако, по моему мнению, от условий возникших в морской войне между Германией и Англией меры, не обязательно зависели применявшиеся в морской войне между Соединёнными Штатами и Японией, так как здесь совершенно другой театр военных действий, на котором не действовали германские силы. По моему мнению, директивы по морской войне на восточноазиатском театре военных действий должны были основываться на условия преобладавших там и не вытекающих из опыта европейского театра военных действий.
Председатель: Тогда трибунал рассмотрит эти аргументы.
Биддл: Как может какой-либо флот показать правильность правовой конструкции? Он может показать, что конкретный адмирал думал об этом, но как мы заинтересованы в знании о том, что думал тот или иной адмирал о праве? Разве не нам решать об этом? Что это за доказательства? Разве не в этом заключается ваша мысль, сэр Дэвид?
Максвелл-Файф: Да.
Кранцбюлер: Я не думаю, что принципы ведения войны на море исходят от одного адмирала, но в виду своих далеко идущих норм они стали вопросом для правительства. Международным правом признаётся, что её источниками являются не только договоры, но также правительственные акты. Могу я привести пример о том, что господин, судья Джексон в своём докладе президенту Трумэну[466] особо подчёркивал то, что международное право развивается через правительственные акты. Соответственно, если Лондонское морское соглашение 1930 изначально не установило, что исключаются торговые суда, которым дали приказ сопротивляться, тогда акты отношении этого со стороны правительств всех наций являлись бы инструментом с данной целью создающим новое международное право. Поэтому у меня мнение о том, что отношение, занимаемое по данному вопросу Соединёнными Штатами как одной из великих морских держав является решающим в вопросе интерпретации Лондонского соглашения и отсюда законности поведения Германии.
Биддл: Вы заявляете, что Лондонское соглашение является неоднозначным?
Кранцбюлер: Да.
Биддл: Какие слова в Лондонском соглашении являются неоднозначными?
Кранцбюлер: Термин «торговые суда».
Биддл: Вы не взяли сюда цитату, не так ли?
Кранцбюлер: Какую?
Биддл: Фразу в Лондонском соглашении, которую вы называете неоднозначной.
Кранцбюлер: У меня её с собой нет, но я могу привести почти точную цитату. Она говорит о том, что подводные лодки подлежат таким же правилам, что и надводные суда в своём поведении к торговым судам.

---

[466] Гарри Трумэн (1884 — 1972) — государственный деятель, 33-й президент США в 1945—1953 годах от Демократической партии.

Позже я представлю доказательства того, что термин «торговые суда», уже на Вашингтонской конференции 1922[467], рассматривался неодозначным, и также в книгах по международному праву постоянно подчеркивалось, что данный термин является неоднозначным.

Биддл: Доктор Кранцбюлер, вы хотите, чтобы адмирал Нимиц привёл своё мнение о своей конструкции договора, не так ли? Разве не это является смыслом опросных листов?

Кранцбюлер: Нет, я не хочу заслушивать мнение адмирала Нимица, а хочу услышать про политику Соединённых Штатов в морской войне против Японии.

Председатель: Трибунал рассмотрит аргументы, которые вы ему представили, доктор Кранцбюлер.

Кранцбюлер: Теперь я перехожу к документам. Как я только, что услышал от сэра Дэвида, не имеется возражений со стороны обвинения. Я не знаю нужно ли мне приводить причины представления отдельных документов.

Прежде всего, существуют военные дневники и действующие приказы адмиралтейства и командуюшего подводным флотом. Они уже допущены и обвинение не заявляет никаких возражений.

Под номером 3, я прошу «Конфиденциальные приказы британского флота» и «Инструкции адмиралтейства по торговому судоходству» которые должно представить британское адмиралтейство.

Максвелл-Файф: Милорд, этот вопрос поднимался перед трибуналом в закрытом заседании при ходатайстве доктора Кранцбюлера. Я не услышал ничего определённого, о том согласно ли на это британское адмиралтейство, но я попросил доктора Кранцбюлера о том готов ли он отложить этот вопрос дней на 10, чтобы мы могли удовлетворить его. Если доктор Кранцбюлер не давит на 10 дней, я, конечно же, дам ему знать, как только получу точную информацию.

Председатель: Да.

Кранцбюлер: Я согласен с этим. Под номером 4 я объявляю о своём намерении представить ряд заявлений и писем, полученных от командиров германских подводных лодок и офицеров, некоторые посредством генерального секретариата. Эти заявления содержат пункты из лекции, прочитанной в Гдыни главнокомандующим флотом и относятся к свидетелю Хейцигу, включая инструкции командирам подводных лодок относящиеся к свидетелю Мёле и приказов об обращении с людьми потерпевшими кораблекрушение. Я понимаю, что обвинение не имеет возражений.

Председатель: Сэр Дэвид у вас есть какие-либо возражения?

Максвелл-Файф: Милорд, многие из этих вопросов должны быть рассмотрены, когда нам будет представлен подлинный документ. Им не имеется возражений.

---

[467] Вашингтонская конференция 1921—1922 — международная конференция об ограничении морских вооружений и проблемах Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Проходила с 12 ноября 1921 года по 6 февраля 1922 года

Кранцбюлер: Я хочу упомянуть о том, что я, наверное, представлю некоторые дальнейшие документы позже, после разговора с адмиралрихтером Экхардтом. Могу я снова попросить трибунал разрешить мне как можно скорее вызвать этого свидетеля, который особо важен в защите методов применявшихся в подводной войне.

Председатель: Да, я думаю, трибунал разрешит это, с учётом, конечно же, что не будет задержки в дальнейших ходатайствах.

Кранцбюлер: Да.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 6 марта 1946*]

День семьдесят пятый

Среда, 6 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Я хочу объявить о небольшом изменении порядка.

Доктор Штамер представил письменное ходатайство, заявив о том, что он желает ещё немного времени для подготовки своих документов и по другим причинам был бы благодарен, если бы дело подсудимого Геринга не началось в четверг, как было объявлено.

Трибунал понимает, что дело первого подсудимого подлежащее заслушиванию может представлять определённые трудности в своевременном получении переведённых документов. Так как трибунал объявил о том, что он продолжит заслушивание ходатайств о свидетелях до тех пор, пока все они не завершатся, он будет придерживаться этого решения. Ожидается, что это даст доктору Штамеру ещё один день, но по завершению заслушивания ходатайств о свидетелях, дело подсудимого Геринга начнется без дальнейшей задержки.

Трибунал хочет дать понять, что никакие дальнейшие ходатайства о задержке или отложении со стороны подсудимых не будут рассматриваться, оставаясь только в исключительных случаях.

Симерс: От имени подсудимого Рёдера, я хочу ходатайствовать сначала о свидетеле который должен свидетельствовать о характере подсудимого.

Максвелл-Файф: Милорд, если будет удобно, я могу сначала указать взгляды обвинения, и затем доктор Симерс рассмотрит это.

Обвинение не возражает следующим свидетелям, вызываемым для устных показаний: номер 3, министр в отставке Зеверинг[468]; номер 5, вице-адмирал Шульце-Монтинг[469]; номер 6 уже заявлялся, и не имел возражений от обвинения – свидетель для подсудимого Дёница; номер 10, адмирал Бём[470].

Затем, в отношении следующих свидетелей обвинения предложенных для письменных показаний следующая процедура: номер 2, вице-адмирал Ломан[471]…

Председатель: Вы имеете в виду письменные показания или опросные листы?

Максвелл-Файф: Что же, в данном случае я предпочитаю письменные показания, потому что это всего лишь история о событиях прошлого.

---

[468] Карл Зеверинг (1875-1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Пруссии.

[469] Эрих Шульце-Монтинг (1897-1976) — немецкий вице-адмирал. 1939-1944 начальник штаба командующего флотом

[470] Герман Бём (1884-1972) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 апреля 1941 года)

[471] Вальтер Георг Ломан (1891-1955) — офицер немецкого флота. Вице-адмирал (1942). Во время Второй мировой войны командующий рядом региональных командований военно-морских сил Германии.

Председатель: Очень хорошо. Письменные показания, в каком случае?

Максвелл-Файф: В случае номера 2 – Ломана.

Затем в отношении номера 4 – то есть адмирала Альбрехта[472] – его доказательства охватывают такую же основу как номер 5. Может быть, что будут более удобными опросные листы, но это будет вопросом, о котором решать моим друзьям.

Затем, следующий свидетель, номер 7. Это доктор Шухтинг, который является инженером, и есть пожелание, чтобы он выступил по Англо-германскому морскому договору и техническим вопросам. Обвинение здесь предлагает письменные показания, потому что видимо желательно, чтобы он выступил по техническим вопросам.

Номер 8, фельдмаршал фон Бломберг, мне сказали, он всё ещё болен. Я думаю, что доктор Симерс уже представил вопросы и получил ответы. С ним нужно разобраться с помощью опросных листов. Наверное, это самый простой способ для фельдмаршала и самый удобный.

Председатель: Это не предлагалось в деле одного из подсудимых?

Максвелл-Файф: Фон Бломберг, да. Я отмечаю, что защитники представили вопросы. Я не совсем уверен был это доктор Симерс или другой защитник. Я думаю, это был доктор Нельте от Кейтеля.

Председатель: Думаю да. Это номер 8.

Максвелл-Файф: Затем следующий, фон Вайцзеккер[473], который являлся государственным секретарём министерства иностранных дел. Его просят в связи с делом «Athenia[474]». Сейчас я не могу понять смысл, из-за которого защита хочет этого господина, но я предлагаю, что если она получит письменные показания от Вайцзеккера мы должны узнать о чём он может высказаться.

Затем ещё один, это номер 14, полковник Зольтман. Он нужен, чтобы представить результаты допроса неких британских военнопленных в Лиллехаммере. Кажется, что предметом просто является предоставление дальнейших доказательств которые будут кумулятивными в отношении заявлений в германской «Белой книге» и поэтому обвинение предлагает письменные показания.

Есть два свидетеля, о которых обвинение считает, что они находятся на пограничной линии между допустимостью и письменными показаниями. По сути, они, по соображению обвинения, свидетели, не относящиеся к делу, но трибунал

---

[472] Конрад А́льбрехт (1880 — 1969), немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 апреля 1939 года). В 1938-1939 командующий морской станцией «Восток».

[473] Эрнст фон Вайцзеккер (1882 — 1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. Государственный секретарь министерства иностранных дел Германии в 1938-1943. Осуждён американским трибуналом к 7 годам лишения свободы

[474] «Атения» — британский пассажирский лайнер. 3 сентября 1939 года, всего через несколько часов после объявления правительством Соединённого Королевства войны Германии, подводная лодка U-30 под командованием оберлейтенанта Фрица-Юлиуса Лемпа потопила «Атению», приняв её по ошибке за вспомогательный крейсер. «Атения» стала первым судном, потопленным немецкими подводными лодками во Второй мировой войне.

может рассмотреть вопрос. Это номер 1, морской каппелан, который выступит об общем моральном и религиозном облике подсудимого Рёдера. Это, по соображению обвинения, по сути, не относится к делу и по большей части будет вопросом для письменных показаний. Позиция обвинения заключается в том, что это действительно не относится к делу, но, разумеется, это должны быть не более чем письменные показания, если возобладает иная точка зрения.

Второй это номер 16, адмирал Шульце. Он выступит о беседе с покойным адмиралом Дарланом[475] и обвинение полагает, что это не относится к делу, если есть какие-либо подходы к относимости – которых обвинение не смогло увидеть – почему бы тогда этому не быть предметом письменных показаний.

Обвинение полагает, что следующее не является необходимым: номер 11…

Председатель: Сэр Дэвид, рассматривая номер 16, не будет ли более подходящим рассмотреть опросные листы? 9 февраля трибунал одобрил опросные листы по этому делу, но я полагаю, что они пока не были представлены.

Максвелл-Файф: Какой?

Председатель: Номер 16.

Максвелл-Файф: Да. Что же, если трибунал считает, что это является вопросом который должен быть раскрыт, я согласен с тем, что будут подходящими опросные листы.

Затем, милорд, те по которым обвинение заявляет возражения, это:

Номер 11, вице-адмирал Бюркнер, потому что он кумулятивен с номерами 5 и 10; номер 12, коммандер Шрайбер, потому что 21 февраля доктор Симерс сказал о том, что он не хочет вызывать этого свидетеля если номер 5, Шульце-Монтинг будет допущен; номер 13, Лакорн, который является норвежским торговцем который предположительно расскажет о союзных планах, не заявив о средствах получения этих сведений. 21 февраля от этого свидетеля временно отказались; номер 15, как я понимаю ходатайство, Альф Вист[476], который являлся секретарём по коммерции в кабинете Квислинга. Не имеется указания на то, почему этот свидетель является компетентным в выступлении по вопросу репутации подсудимого Рёдера; и номер 16 уже рассмотрели; номер 17 это полковник Гольденберг, который являлся переводчиком на встрече между подсудимым Рёдером и Дарланом. Подсудимый Рёдер даст показания, и адмирал Шульце ответит на опросный лист. Кажется, что эта беседа хорошо раскрыта.

Председатель: Да, доктор Симерс?

Симерс: Я благодарю сэра Дэвида за рассмотрение индивидуальных пунктов, в следствие чего я могу, как я предполагаю, рассчитывать на одобрение трибуналом

---

[475] Жан Дарлан (1881 — 1942) — французский адмирал флота, один из лидеров вишистского режима в 1940—1942 годах. Убит в результате покушения.

[476] Альф Вист (1880 – 1962) – норвежский предприниматель и деятель фашистского движения. Норвежским судом был приговорён к пожизненным каторжным работам. Помилован в 1952.

пунктов с которыми согласился сэр Дэвид, не приводя конкретных причин.

Председатель: Трибунал считает, что лучшим курсом для вас, было бы пройтись по тем с которыми не согласился сэр Дэвид в вызове в качестве устных свидетелей, и наверное потом можно будут разобраться с теми с кем он согласился. Я начну в том порядке, в котором он их рассматривал – 2, 4, 7, 8, 9 – если вам удобно.

В случае номера 2 он предложил письменные показания.

Симерс: Номер 2 это вице-адмирал Ломан. В этой связи я хочу сослаться на последнюю страницу моего обзора, где я обсуждаю документы под «III». Там я заявил о том, что я предложил британской делегации, чтобы мы пришли к какому-то соглашению о цифрах относительно Версальского договора и морского договора. Британская делегация пообещала мне, что такое соглашение возможно и между тем связалось по данному вопросу с британским адмиралтейством в Лондоне. Если о том, чего я ожидаю, будет достигнута договорённость, я согласен на письменные показания вице-адмирала Ломана, так как тогда ему придётся свидетельствовать по небольшому количеству положений. Поэтому, я прошу о том, чтобы в настоящее время он был одобрен, и я не буду пытаться его вызвать, если указанное соглашение будет достигнуто с обвинением. Если эта договоренность не будет достигнута, доказательства о некоторых важных цифрах будут очень трудными, и я не смогу сделать это без Ломана, который хорошо информирован о цифрах, в противном случае я смогу.

Председатель: Что вы на это скажете сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Я направил своим коллегам записку и просьбу доктора Симерса о договорённости, и также направил это в адмиралтейство, и я надеюсь, что мы сможем предоставить сведения, и наверное согласимся в этих вопросах, но я ожидаю подтверждения от адмиралтейства Британии, таким образом, думаю, если мы отложим вопрос об этом свидетеле до того как поймем возможна ли договорённость которая удовлетворит доктора Симерса…

Председатель: Да. Тогда, если вы не сможете договориться, наверно нужно будет вызвать свидетеля?

Максвелл-Файф: Да. Я могу дать знать доктору Симерсу, существуют ли разногласия по данному моменту, собираюсь ли я оспаривать то, что он предлагает. Если я стану оспаривать это, очевидно я не смогу возражать вызову свидетеля.

Симерс: В таких обстоятельствах, я буду удовлетворён представлением письменных показаний. Я написал адмиралу Ломану, попросив его ответить на другие короткие вопросы, и относительно основных пунктов, о которых сказал сэр Дэвид я буду их придерживаться.

Председатель: Очень хорошо.

Симерс: Свидетель номер 4, адмирал Альбрехт, являлся одним из ближайших сотрудников гросс-адмирала Рёдера. С 1926 по 1928 он являлся начальником штаба Рёдера в Киле; с 1928 по 1930 начальником управления личного состава ОКМ. Затем

он был командующим в Киле и наконец, командующим группой флота «Восток» в 1939.

В связи этим я хочу заметить, что в этот последний год, он также поступил, по предложению командира группы безопасности, в эту организацию, и с этой точки зрения он также кажется важным для меня. Насколько я знаю адмирал Альбрехт также напрямую написал трибуналу по этой причине.

Альбрехт столько знает подсудимого Рёдера, что он хорошо знаком с его основными идеями и таким образом ориентируется в основных обвинениях. Он знает о направлении мысли Рёдера с 1928, то есть, с того времени, когда начинаются обвинения против Рёдера. Я прошу учитывать то, что масштабные обвинения в отношении Рёдера охватывают период 15 лет. Я не могу опровергнуть все обвинения одним или двумя свидетелями. Разница между показаниями является настолько большой, что в таком случае нельзя говорить о «кумулятивности».

Кроме того, я прошу отметить тот факт, что до сих пор я не смог поговорить с вице-адмиралом Шульце-Монтингом, который был одобрен трибуналом и обвинением.

Трибунал также пока не проинформировал меня о том где находится Шульце-Монтинг. Я предполагаю, что он находится в лагере военнопленных в Англии, но окажется ли он действительно в моём распоряжении и смогу ли я вовремя с ним поговорить.

Председатель: Вы рассматриваете адмирала Конрада Альбрехта, не так ли? Вы рассматриваете номер 4?

Симерс: Нет. Об адмирале Альбрехте, нам известно, что он находится в Гамбурге. Я просто отметил, что не будет кумулятивным если и Альбрехт и Шульце-Монтинг будут заслушаны судом.

Председатель: Поймите, сэр Дэвид предложил опросный лист, в случае адмирала Альбрехта и письменные показания в случае адмирала Шульце-Монтинга.

Максвелл-Файф: Я согласен, чтобы адмирал Шульце-Монтинг был вызван устно.

Председатель: Прошу прощения. Я перепутал номера. Да, правильно, вызвать одного и получить опросные листы от другого. Вы имеете этому какое-либо возражение?

Симерс: Да, прошу о том, чтобы мне позволили вызвать обеих свидетелей, потому что Шульце-Монтинг должен свидетельствовать о более позднем периоде, а Альбрехт о более раннем периоде, который последовал за Версальским договором. У обеих положение совершенно разное. В дополнение, как я уже отмечал, трибунал пока не проинформировал меня о том, могу ли я с абсолютной уверенностью рассчитывать на свидетеля Шульце-Монтинга, будет ли он найден, известно ли где он находится.

Председатель: Наша информация о Шульце-Монтинге заключается в том, что он не найден.

Симерс: У меня пока нет информации.
Председатель: Минуточку. Я не уверен в том, что прав. Да, он обнаружен в лагере военнопленных в Соединённом Королевстве. Я так думаю.

Да, у меня есть документ, который показывает, что он находится в лагере военнопленных в Соединённом Королевстве.
Симерс: Я вам крайне благодарен. Я этого не знал. В таких обстоятельствах я готов в отношении адмирала Альбрехта, принять письменные показания или опросный лист, с учётом того, что Шульце-Монтинг явиться.

Номер 7, доктор Шухтинг. В этой связи сэр Дэвид предлагает письменные показания для того, чтобы ускорить процесс. Я удовлетворён письменными показаниями.
Председатель: Да.
Симерс: И снова, однако, с одним замечанием о том, что вопрос цифр будет урегулирован между мной и британским обвинением в соответствии с моим письмом которое уже обсуждалось в связи с адмиралом Ломаном, мне кажется, что сэр Дэвид согласен с этим.
Председатель: Трибунал хочет знать как, по вашему мнению, вопросы судостроения связанные с германо-английскими морскими соглашениями 1935 и 1937 относятся к каким-либо обвинениям предъявленным здесь?
Симерс: Подсудимый Рёдер обвиняется в невыполнении Версальского договора и морского соглашения. Такое нарушение договора в основном является вопросом судостроения. Соответственно я должен продемонстрировать, что можно было строить согласно Версальскому договору и морскому соглашению, и что в действительности было построено, и какие мысли и приказы флота имеются в связи с этим. Однако, как я сказал меня, удовлетворят письменные показания.
Председатель: Очень хорошо, трибунал рассмотрит аргументацию об этом.
Симерс: Номер 8, фельдмаршал фон Бломберг. Обвинение предложило письменные показания или опросный лист. Учитывая состояние здоровья фон Бломберга, я согласен на это простоты ради. Поскольку он не включает большое количество вопросов, я предлагаю письменные показания.

Номер 9, посол, барон фон Вайцзеккер. 8 февраля я представил ходатайство и пока не знаю о позиции трибунала. Во время случая с «Athenia» Вайцзеккер являлся государственным секретарём в рейхсминистерстве иностранных дел. Тогда, в сентябре 1939, Вайцзеккер говорил с американсим послом по предмету «Athenia». Вайцзеккер говорил с Гитлером и с Рёдером. Ему известны подробности, и он должен быть выслушан об этих подробностях. Мне не кажется, что будет достаточно письменных доказательств. Сначала позвольте мне заметить, что я не знаю где находится Вайцзеккер. Но помимо этого, обвинение которое предъявлено против подсудимого Рёдера в случае «Athenia» настолько морально тяжёлое, что хотя в ином случае это не являлось бы важным положением, я придаю особое

значение этому моменту.

Британская делегация уделило особое внимание случаю с «Athenia», и в связи с этим делом сделала оскорбительные нападки на подсудимого. В интересах абсолютно безупречной жизни моего клиента, я считаю себя обязанным полностью разъяснить этот случай. Это может сделать только Вайцзеккер.

Председатель: Доктор Симерс, пока оглашается ходатайство, в нём нет ничего, что показывает, кроме должности предлагаемого свидетеля, о том, что он, что-нибудь знал об этом. В таких обстоятельствах, не будут ли наилучшим выходом опросные листы? Вы вообще не показали, что он об этом, что-то знал. Все, что сказано в ходатайстве это то, что он был государственным секретарём рейсхминистерства иностранных дел.

Симерс: Я могу отметить, что я заявил в своём ходатайстве о том, что свидетель имеет сведения о событиях связанных с делом «Athenia».

Председатель: Вы говорите, что он должен об этом знать в связи с тем, что он был государственным секретарём.

Симерс: Американский посол обратился к Вайцзеккеру сразу же после случая «Athenia» для того, чтобы выяснить дело. Соответственно Вайцзеккер разговаривал с Рёдером, однако, только после того как уже сказал американскому послу о том, что не замешана никакая германская подводная лодка. Вопрос о том замешана ли германская подводная лодка разрешился только после возвращении подводной лодки. До этой даты подсудимый Рёдер также этого не знал. Германская подводная лодка вернулась 27 сентября, потопление было 3 сентября.

Председатель: Вы заявляли о фактах бесед между американским послом и государственным секретарём Вайцзеккером в одном из своих предыдущих ходатайств?

Симерс: Да, 6 февраля, я представил ходатайство и также в общих фразах упомянул случай с «Athenia». Я могу добавить, что Вайцзеккер также знает о последующих событиях. Вайцзеккер знает точно, что флот, и в частности подсудимый Рёдер не имели ни малейшего отношения к статье которую министерство пропаганды опубликовало в газетах. Вайцзеккер был возмущён этой статьей также как и подсудимый Рёдер. Но именно в этом заключаются обвинения против Рёдера.

Председатель: Что же, трибунал рассмотрит то, что вы сказали.

Симерс: Позвольте, мне добавить, что я допустил ошибку. Я только, что услышал, что Вайцзеккер ещё находится в Ватикане, в Риме, другими словами известно где он находится.

Председатель: Да.

Симерс: Номер 14, полковник Золтман. Насколько мне известно, полковника Золтмана попросит в качестве свидетеля подсудимый Йодль и письменные показания или опросный лист уже направлены ему. Поэтому я соглашаюсь с сэром Дэвидом, в том, что письменных показаний от Золтмана будет достаточно, с учётом

согласия, или ходатайств от защитника генерала Йодля.

Председатель: Кажется, его пока не обнаружили.

Симерс: Да – свидетеля Золтмана? Я указал его адрес в своём ходатайстве.

Председатель: Разве?

Симерс: Это Фалькенберг рядом с Мозахом в Верхней Баварии.

Номер 16, адмирал Шульце находится в Гамбурге, и это простой вопрос, чтобы он лично свидетельствовал здесь в Нюрнберге. Обвинение вменило подсудимому Рёдеру участие в национал-социалистической политике завоеваний. Это обвинение необоснованно. Рёдер, и в Норвегии и во Франции, постоянно направлял свои усилия на достижение мира, другими словами, не с целью окончательного завоевания этих стран. В этом Рёдер оказался в жесткой оппозиции к Гитлеру, и только после сильных призывов, Рёдер смог добиться ведения переговоров с Дарланом в Париже по вопросу заключения мира. Мне кажется, что такое положительное вмешательство для быстрого завершения войны во Франции является достаточно важным, на процессе подобном этому, для того, чтобы свидетель явился лично. Я не могу понять, как на взгляд сэра Дэвида на обвинения, можно говорить, что это не относится к делу. Обвинение постоянно заявляет о том, что подсудимый Рёдер призывал к войне.

Председатель: Мне не кажется, что сэр Дэвид говорил, что это не относится к делу.

Симерс: Я сделал заметку о том, что сэр Дэвид сказал, что свидетель не относится к делу, но, что он уступает, соглашаясь на письменные показания.

Председатель: Значит, я ошибся.

Симерс: Я просто хотел пояснить свою позицию по вопросу, относится или нет этот свидетель к делу.

Председатель: Вы хотите этого свидетеля? Вы не согласны на письменные показания или опросный лист? Правильно?

Симерс: Я прошу трибунал заслушать Шульце в качестве свидетеля здесь в Нюрнберге, потому что, по моему мнению в виду принципов обвинительного заключения, жизннено важным является отношение Рёдера ко всей проблеме с учётом фактов преобладавших тогда, а не сегодняшних утверждений и заявлений.

Сейчас я дошёл до свидетеля, которому возражает сэр Дэвид, свидетелю номер 11, адмиралу Бюркнеру. Я попросил его 31 января. До сих пор я не получил ответа. Я попросил, чтобы мне разрешили поговорить со свидетелем Бюркнером для того, чтобы ознакомиться с деталями. В беседе отказал, пока он не одобрен в качестве свидетеля. Поэтому для того, чтобы поговорить с ним, я завишу от его одобрения в качестве свидетеля. Если окажется, что его доказательства являются кумулятивными, я готов отказаться от свидетеля. Я полагаю, что сэр Дэвид согласен с этим.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал не совсем понимает, почему представитель не смог встретиться с этим офицером который находится в тюрьме Нюрнберга, по

причине безопасности.

Максвелл-Файф: Мы не возражаем тому, чтобы представитель встретился с адмиралом Бюркнером. Я думаю, что до сих пор обвинение считало, что доктор Симерс хотел увидеть его для того, что не относилось к делу. Я не думаю, что трибунал распоряжался об этом.

Председатель: Взгляд трибунала заключается в том, что представитель защиты вправе связываться со свидетелями заранее, для того, чтобы понять могут ли они дать относящиеся к делу доказательства или нет. Они не могут привести доказательства или относимость к делу, пока они не знают о том, что может сказать свидетель.

Максвелл-Файф: Не будет сделано никакого возражения, и доктор Симерс может договориться, что касается обвинения, встретиться с адмиралом Бюркнером, как только пожелает.

Симерс: Я благодарен трибуналу за разъяснение этого вопроса. Этот вопрос крайне затруднял работу защиты. Я ждал больше месяца, чтобы поговорить с Бюркнером. По той же самой причине четыре недели я не мог поговорить с адмиралом Вагнером. Я также хочу поговорить с остальными, кто находятся в судебной тюрьме. В этом мне отказали, потому что трибунал пока не одобрил их в качестве свидетелей. Мне кажется, что сейчас вопрос решился.

Председатель: Продолжайте доктор Симерс.

Симерс: Вполне возможно, что после разговора со свидетелем, я не буду вызывать его для дачи показаний, в частности, поскольку я услышал о том, что Шульце-Монтинг может быть вызван и с учётом того, что одобрен Бём.

Председатель: Кто одобрен?

Симерс: Бём, номер 10.

Председатель: О, да. Единственное возражение сэра Дэвида было номеру 11, не так ли, что он кумулятивен к 5 и 10?

Симерс: Номер 12, капитан Шрайбер. Сэр Дэвид правильно отметил, что я уже говорил о возможности того, что я откажусь от этого свидетеля. Пока так и есть, если свидетель Шульце-Монтинг и свидетель Бём действительно явятся, свидетель Шрайбер не нужен.

Номер 13, свидетель Лакорн в Лейпциге. Перед оккупацией Норвегии у Лакорна было дело в Осло. Он не имел никакого отношения к военным. Чисто случайно он узнал в отеле «Bristol» в Осло о том, что неминуема высадка британских войск. Этот момент является важным, потому что можно судить об отношении подсудимого к норвежскому предприятию если рассматривать общую обстановку в Норвегии. Однако общая обстановка в Норвегии означает, отношения Норвегии с Германией, Англией, Швецией и всеми другими странами соседствующими с Норвегией. Неправильно, в таком решающем вопросе, говорить только о небольшой относящейся к делу части. Однако, я согласен, что свидетеля не

нужно здесь заслушивать. Поэтому, я, ожидая решения обвинения, написал свидетелю для того, чтобы получить письменные показания. Поэтому я согласен с тем, чтобы представить здесь только письменные показания. Его не требуется одобрять в качестве свидетеля.

Председатель: Сэр Дэвид, вы не рассматривали этот аспект вопроса, с письменными показаниями.

Максвелл-Файф: Что же, милорд, боюсь взгляд обвинения заключается в том, что история, которая видимо, началась за барной стойкой отеля в Осло не является действительно допустимым доказательством, или имеющим какую-либо весомость в вопросе такого рода. Этот взгляд мы полностью разделяем.

Председатель: Доктор Симерс, из ходатайства которое есть у нас видно, что вы изначально попросили об этом свидетеле 19 января 1946, в весьма общих словах, и что 14 февраля трибунал распорядился, о том, что вы должны подготовить дополнительные подробности о доказательствах которые вы хотите получить вызовом этого свидетеля. Впоследствии, 21 февраля, вы отозвали своё ходатайство.

Сейчас вы снова представляете ходатайство, не приводя никаких подробностей, просто говоря о том, что свидетель имел дело в Осло и получил сведения о неминуемой высадке союзных сил в Норвегии. Что же, это совершенно общее заявление, такое же общее как изначальное заявление. Это не может рассматриваться как выполнение распоряжений трибунала.

Симерс: 21 февраля, я отозвал своё ходатайство, из-за точки зрения, которую я представил суду.

Я отметил, что, по моему мнению, от защиты нельзя ожидать каждой детали, когда с нами три месяца не консультировались ни малейшим словом, ни одним словом, ни об одном свидетеле обвинения. Когда мы, защита, не имели никакой возможности даже занять позицию об относимости к делу её свидетелей…

Председатель: Я уже отмечал по нескольким поводам, что причина, почему защитники должен представлять ходатайства о свидетелях заключается в том, что они не могут доставлять своих свидетелей сами и потому что они обращаются к трибуналу за получением своих свидетелей и своих документов. Это работа очень большого масштаба, искать и доставлять свидетелей в Нюрнберг.

Я понял вас, что в связи с этим свидетелем вы сейчас пытаетесь получить от него письменные доказательства.

Симерс: Да. В любом случае я попытаюсь. Получу ли я вовремя ответ из Лейпцига, который находится в русской зоне, посмотрим. Между тем, для того, чтобы упростить дело и избежать отсрочки, я написал свидетелю Лакорну.

Председатель: Да.

Симерс: Надеюсь, письменные доказательства будут доступны вовремя.

По этой причине я отказываюсь от его дачи показаний здесь.

Председатель: Если вы получите письменные показания, вы сможете привести

трибуналу подробности о доказательствах которые даст свидетель, а также показать их обвинению, которое того сможет высказаться о том желает ли оно доставить сюда свидетеля для перекрёстного допроса.

Симерс: Разумеется.

Председатель: Что же, трибунал рассмотрит это ходатайство.

Симерс: Свидетель номер 15 это норвежец, Альф Вист, бывший секретарь по коммерции. Решением суда от 14 февраля в нём отказано как не относящемся к делу.

Вист может дать показания о том, что репутация германского флота в Норвегии была очень хорошей весь период оккупации, и что в Норвегии жалобы направлялись исключительно против гражданской администрации, но не против германского флота. Как и всякому другому норвежцу, Висту точно известно, что флот не участвовал ни в одном незаконном или преступном мероприятии в Норвегии во время оккупации.

Если это не считается относящимся к делу, я полагаю, что сэр Дэвид имеет в виду, что флот, в ходе оккупации Норвегии, вёл себя корректно. Конечно, это является вопросом который следует резко разграничивать от вопроса, который я буду обсуждать позже, то есть, вопроса оккупации и нападения на Норвегию. Сейчас я говорю только о времени после осуществления оккупации.

Максвелл-Файф: Смысл обвинения заключается в следующем: какими бы не были факты, предположив на секунду, что фактом было то, что германский флот вёл себя с поразительной корректностью во всех смыслах, взгляд господина Альфа Виста, который являлся секретарём по коммерции в кабинете Квислинга в Норвегии, на то как германский флот вёл себя не имеет ни малейшего интереса или относимости или весомости для кого-либо. Таков взгляд обвинения.

Симерс: Я надеялся на то, что сэр Дэвид пояснит свою позицию о том предъявлены в связи с этим обвинения флоту. Сэр Дэвид говорит о немцах в целом. Я обращаю внимание на тот факт, что вся администрация в Норвегии являлась гражданской администрацией, и что в юрисдикции Тербовена[477], флот не имел никакого отношения к администрации, если я назвал одного свидетеля, когда мог назвать тысячи, я сделал это для того, чтобы представить трибуналу картину того как вели себя адмирал Бём, флот и Рёдер.

Председатель: Трибунал это рассмотрит доктор Симерс.

Симерс: Спасибо.

Председатель: Затем остаётся номер 17, переводчик.

Симерс: Относительно подполковника Гольденберга, точка зрения сэра Дэвида заключается в том, что он не нужен, если качестве свидетеля одобряется адмирал Шульце-Монтинг, письменных показаний Гольденберга будет достаточно, потому

---

[477] Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 – 1945. Покончил жизнь самоубийством.

что Гольденберг присутствовал как бесстрастный переводчик на каждой конференции которая проходила между Дарланом и Рёдером. В таком случае будет достаточно письменных показаний.

Председатель: Я думаю, теперь вы можете перейти к своим документам. Я должен обратить ваше внимание на замечание в конце вашего ходатайства, которое направлено на вызов одного или больше свидетелей. Кто они?

Симерс: Трибунал заявил о том, что детали о свидетелях должны представляться сильно заранее только, потому что, трибунал должен доставлять свижетелей. Когда это вопрос приезда свидетеля в Нюрнберг по собственной инициативе, я буду обязан за решение в связи с моей защитой, о том допускает или нет трибунал такого свидетеля.

Председатель: Доктор Симерс, я заявил, что одной из принципиальных причин, почему защита должна заявлять ходатайства и другой принципиальной причиной является ускорение процесса – ускорение и безопасность. Вопрос безопасности является важным, и поэтому мы должны настаивать на том, чтобы говорилось о том кто является свидетелем, которого вы хотите вызвать доктор Симерс. По-другому вы не сможете их вызвать.

Симерс: Я обязан это делать даже, когда свидетель уже находится в здании?

Председатель: Разумеется, как я сказал, на скамье подсудимых есть 20 или 21 подсудимый, и мы стараемся, и делаем этот процесс как можно более скорым и поэтому мы не можем разрешить им вызывать столько свидетелей сколько они хотят. Но если стоит вопрос отсутствия у вас имён свидетелей, разумеется вы можете обозначить их после короткого перерыва или завтра.

Симерс: Я вскоре представлю информацию об этом вопросе. Я не хочу называть свидетеля, не поговорив с ним заранее.

Председатель: Доктор Симерс, у трибунала нет возражения тому, чтобы вы ходатайствовали в отношении других свидетелей, с учётом того, что вы сделаете это завтра.

Симерс: Хорошо, я знаю, что сейчас, спорный свидетель не находится в Нюрнберге, поэтому я не смогу с ним сейчас поговорить. Я прошу трибунал извинить меня за такую осторожность. Трибунал поймёт тот факт, что свидетелей задерживают. Я не могу брать на себя ответственность за чей-нибудь арест, потому что я назвал его в качестве свидетеля. Причина в этом. Однако, я уведомлю трибунал как только свидетель окажется в Нюрнберге и у меня получиться с ним поговорить. Я сделаю это за 24 часа. Это вопрос показаний, который займут 10 минут как самое большее. Поэтому, мне не кажется, это не сильно обременит трибунал.

Председатель: Очень хорошо.

Симерс: Затем я хочу добавить, что я могу дать адрес свидетеля Зеверинга, рейхсминистра в отставке. Я получил его вчера по телеграфу. Свидетель Зеверинг это номер 3 и обвинение согласно на его заслушивание. Я представлю адрес в

письменном виде генеральному секретарю. Он находится в Бильфельде и может быть найден без проблем.

Председатель: Да. Если вы дадите его генеральному секретарю, это всё, что требуется. И, наверное, мы прервёмся на 10 минут.

Додд: Ваша честь. Есть вопрос об адмирале Бюркнере. Насколько мне известно, доктор Симерс некоторое время тому назад попросил адмирала Бюркнера, и тогда ему сказали, как я понимаю, что адмирал Бюркнер должен быть вызван в качестве свидетеля обвинения, и поэтому мы не считали правильным, чтобы он говорил с адмиралом Бюркнером до того как мы вызовём его в качестве свидетеля.

До самого последнего времени в презентации нашего дела, мы обдумывали вызов адмирала Бюркнера. Я думаю, на него делалась ссылка, фактически, в трибунале, в связи со свидетелем Лахузеном. И по этой причине мы сказали доктору Симерсу о том, что мы считаем, что он не должен разговаривать со свидетелем пока он не даст показания или не будет принято решение в связи с его показаниями. Но мы всё время пытались сотрудничать с защитой и предоставлять тех людей которые находятся здесь под арестом для того, чтобы она могла с ними говорить.

Председатель: Мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Симерс: Могу я кое-что добавить в отношении свидетелей? По поводу свидетеля номер 1, каппелана Ронненбергера[478], я согласен использовать письменные показания как предложил сэр Дэвид. По поводу свидетеля Бюркнера, я хочу отметить, что заявление господина Додда основано на ошибке. Мне не разрешали говорить со свидетелем, потому что он пока не был одобрен трибуналом в качестве моего свидетеля. Никакую другую причину не приводили.

Председатель: Мы не думаем, что требуется дальнейшее обсуждение об этом свидетеле. Я уже сказал о том, как распорядись члены трибунала.

Симерс: Я не понимаю, согласился ли господин Додд с моим разговором со свидетелем Бюркнером сейчас.

Председатель: Думаю, он это сказал. Он сказал, что обвинение завершило своё дело ,и теперь у него больше нет возражения вашей встрече со свидетелем.

Симерс: Тогда последняя ремарка. Трибунал заметил, что я не попросил ни одного свидетеля о морской войне и подводной войне. Причина заключается в том, что я согласился с доктором Кранцбюлером в том, что доктор Кранцбюлер рассмотрит весь комплекс морской войны и подводной войны, хотя, в этом отношении, это не только затрагивает гросс-адмирала Дёница, но также в значительной степени гросс-адмирала Рёдера в качестве главнокомандующего флотом. Таким образом, постольку поскольку интересы гросс-адмирала затрагиваются в данном вопросе,

[478] Фридрих Ронненбергер (1886 – 1968) – капеллан морской станции Северного моря германского флота.

доктор Кранцбюлер также представит их.

Я хочу лишь отметить очень важное ходатайство относительно вопросов адмиралу Нимицу, не только затрагивающее гросс-адмирала Дёница, а в частности, гросс-адмирала Рёдера и помимо этого, организацию генерального штаба, в той части, которая касается флота.

Могу я перейти к документам?

Максвелл-Файф: В отношении документа номер 1, военных дневников Seekriegsleitung[479] и B.d.U.[480], помощник доктора Кранцбюлера доктор Мекль, поехал в Лондон для работы в адмиралтействе.

В отношении номера 2, «Морского дневника» Вэйера и ежегодника «Nautikus[481]», нет возражения о получении их доктором Симерсом. Он как обычно укажет на отрывки, которые хочет использовать.

В отношении доклада генерала Маршалла[482] от 10 октября 1945, я сейчас не вижу отношения к делу, но если доктор Симерс укажет на то какую часть он планирует использовать, то можно будет её обсудить, когда её представят трибуналу.

Теперь номер 4, документы британского адмиралтейства, май 1939 по апрель 1940, которые требуются в отношении подготовки высадки в Скандинавии и Финляндии. Хотя, строго говоря, относится к делу то, что было известно подсудимому Рёдеру, я сделаю запросы об этих документах, и если трибунал даст мне немного времени, надеюсь я смогу сообщить о них трибуналу.

Я хочу дать понять, что я, конечно же, не могу, пытаться приводить подробности о документах союзников, но я надеюсь на то, что смогу представить кое-какие документы которые могут помочь трибуналу компетентно их рассмотреть. Сейчас я не смогу сказать о подробностях.

Симерс: Я согласен с сэром Дэвидом, я надеюсь, что вскоре я получу эти книги, которые относятся к номеру 2 и номеру 3, потому что иначе возникнет задержка. Доклад генерала Маршалла от 10 октября является, как я могу судить по фрагментам, важным по той причине, что генерал Маршалл занимает, по разным пунктам, совершенно иное отношение, нежели судья Джексон. Мне кажется, что сравнение двух выдающихся мнений имеет достаточное значение для получения доклада Маршалла. По поводу номера 4, я ожидаю окончательного решения обвинения.

У меня ещё одна просьба, и я прошу меня извинить, поскольку, по ошибке, я не привёл номер 5. Он следующий: обвинение постоянно представляло цитаты из

---

[479] «Штаб руководства войной на море» (нем.)

[480] Аббр. с нем. «Befehlshaber der UnterseeBoote – командующий подводными лодками.

[481] «Морской» (нем.)

[482] Джордж Мршалл-мл. (1880 — 1959) — государственный и военный деятель США, генерал армии (18 декабря 1944), инициатор плана Маршалла, лауреат Нобелевской премии мира. Занимал посты начальника Генштаба, государственного секретаря и министра обороны.

книги «Mein Kampf» Адольфа Гитлера и сделало из этого вывод о том, что каждый из подсудимых занимавших ведущее положение, уже в 1933 должен был быть знаком с этой книгой, ещё до 1933 зная о том, что Гитлер собирается начать агрессивные войны. Я заметил, что все цитаты в документальной книге которую представили в ноябре взяты из издания которое было опубликовано в 1933. Однако, издание 1933 во многом отличается от оригинального издания. К сожалению, лично я не имею издания опубликованного после 1933. Для того, чтобы сверить эти цитаты, то есть, чтобы понять, что мог каждый прочесть в этой книге в 1928, а не в 1933, я прошу обвинение попытаться приобщить копию первого издания. Насколько мне известно, первое издание было опубликовано в 1925, а второе в 1927, издательской фирмой Франца Эгера.

Максвелл-Файф: Мы постараемся получить более раннее издание, для того, чтобы доктор Симерс смог сверить отрывки.

Председатель: Вы собираетесь рассматривать страницу 2 своего документа? Сэр Дэвид, вы её не рассматривали, не так ли?

Максвелл-Файф: Нет. Ваша светлость, я полагаю, что доктор Симерс, надлежащим образом, укажет на фрагменты, которые собирается использовать. Мы сможем обсудить это, когда он их представит, имеет ли обвинение какое-либо возражение.

Председатель: Да. Доктор Симерс вы планируете, как я полагаю, указать на фрагменты на которые вы будете полагаться в вашей документальной книге?

Симерс: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Мы уже обсудили пункт на странице 3, это вопрос построенного тоннажа, и так далее – я сказал, что сделаю запросы в отношении этого.

Председатель: Сэр Дэвид, моё внимание обратили, на параграф 4 B на странице 2. Вы предлагаете, чтобы трибунал обеспечил его документами о германской политике безо всякого ограничения?

Максвелл-Файф: Я виноват. Это недосмотр. Я понимаю, что это включает слова на странице:

> «Дополнительно, я представлю документы и письменные показания, часть из которых находятся в моём распоряжении, и часть из которых я лично получу без содействия обвинения».

Я понимаю, что доктор Симерс имел некоторые документы о германской политике и укажет на фрагменты, которые собирается использовать. Я виноват, что не сказал об этом.

Председатель: Означает ли эта часть ходатайства в отношении всех этих документов, что доктор Симерс имеет их и не желает каких-либо дальнейших действий с ними?

Симерс: Да.

Председатель: Я вызываю представителя подсудимого фон Шираха.

Максвелл-Файф: Доктор Заутер предлагает, что будет удобнее, если я укажу на взгляд обвинения.
Председатель: Да.
Максвелл-Файф: Могу я попросить трибунал заметить, что доктор Заутер просит о свидетелях с 1 по 8, за исключением свидетеля 5, в качестве устных свидетелей, то есть, он просит о семерых устных свидетелях, и номера 5 и 9-13 путём письменных показаний.

Обвинение предлагает, что касается устных свидетелей, чтобы у подсудимого были номер 1 или номер 2, то есть Визехофер или Гёпкен, потому что эти свидетели, кажется охватывают одинаковый вопрос, чтобы у него был номер 3, свидетель Лаутербахер[483], который являлся начальником штаба молодёжного руководства Рейха, а также, о том, что у него может быть номер 8, то есть профессор Генрих Гофман[484], который как я думаю, является отчимом – поскольку описание его доказательств занимает пять страниц ходатайства, очевидно, он является очень важным свидетелем.

Затем обвинение предлагает, чтобы были письменные показания от номера 5, Шарицера[485], который являлся заместителем гауляйтера Вены; номер 11, которая госпожа Вассо; номер 12, господин Шнеебергер[486] и номер 13, фельдмаршал фон Бломберг.

Свидетели по которым обвинение сложно убедить в необходимости: прежде всего, номер 4, госпожа Гёпкен – в ходатайстве не приводятся подробности, за исключением того, что она являлась секретаршей фон Шираха; номер 6, свидетель Хайнц Шмидт, который видимо повторяет слово в слово часть доказательств свидетеля Лаутербахера; номер 7, доктор Шлюндер, который также слово в слово повторяет свидетеля Лаутербахера и номер 9, доктор Клингспор который выражает личный взгляд на подсудимого, что по соображению обвинения, не является помогающим доказательством и наконец, доктор Рёзен, номер 10, который говорит об изолированном случае доброты подсудимого к семье музыканта Рихарда Штраусса[487].

Такую позицию занимает обвинение в отношении свидетелей.
Заутер: Уважаемый суд, я, в деле Бальдура фон Шираха, также как можно сильнее ограничиваю свои доказательства. Для личного заслушивания в трибунале, я

---

[483] Хартман Лаутербахер (1909 — 1988) — партийный, политический и государственный деятель эпохи «Третьего Рейха», заместитель рейхсюгендфюрера НСДАП, начальник штаба Гитлерюгенда (22 мая 1934 года — 8 августа 1940 года), гауляйтер Южного Ганновера — Брауншвейга (2 декабря 1940 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), группенфюрер СА (20 апреля 1940 года), обергебитсфюрер (5 июля 1933 года).
[484] Генрих Гофман (1885 — 1957) — немецкий фотограф и издатель. Национал-социалист, близкий друг Адольфа Гитлера, его личный фотограф. Немецким судом был приговорён к 4 годам лишения свободы.
[485] Карл Шарицер (1901 – 1956) – австрийский нацистский политик. Бригадефюрер СС. В 1938-1945 заместитель гауляйтера Вены.
[486] Карл Шнеебергер (1899 – 1971) – австрийский нацистский политик. Член городского совета Вены в 1939-1945.
[487] Рихард Штраус (1864 — 1949) — немецкий композитор эпохи позднего романтизма, яркий представитель немецкого экспрессионизма, особенно прославился благодаря своим симфоническим поэмам и операм. Был также выдающимся дирижёром.

предложил в качестве свидетелей, номера 1, 2, 3, 6, 7 и 8 и должен честно просить вас, уважаемый суд, одобрить мне этих свидетелей.

Сложность в деле Шираха, в отношении представления доказательств заключается в том, что должны быть подготовлены и представлены доказательства по двум совершенно разным комплексам. Один это деятельность подсудимого фон Шираха в качестве рейхсюгендфюрера и второй, его деятельность в Вене, в период с 1940 по 1945, в котором он также осуществлял некоторые функции в молодёжном руководстве помимо основных обязанностей. Поэтому, мне необходимы свидетели этих видов деятельности подсудимого фон Шираха.

В дополнение к этой трудности есть ещё одна. Подсудимый фон Ширах являлся рейхсюгендфюрером, и это подразумевало, что практически все его сотрудники были относительно молодыми людьми которые во Второй мировой войне отслужили долгое время в армии. Поэтому, вполне возможно, что за несколько лет мировой войны один свидетель вообще может ничего не знать, ввиду того, что он не работал в штабе подсудимого фон Шираха в это время, и таким образом, в это время, другой сотрудник Шираха должен быть вызван, для того, чтобы предоставить информацию о его деятельности.

Уважаемый суд, в ранних письменных ходатайствах я просил больше свидетелей, но я опустил этих дополнительных свидетелей в самом начале ходатайства представленного вам, для того, чтобы, таким образом, насколько я могу способствовать ускорению разбирательства. Но, уважаемый суд, эти шестерых свидетелей которых я попросил доставить в трибунал, должны мне разрешить, если нужно представить ясную картину о деятельности Шираха. Я не могу отказаться ни от кого из них. Я могу также отметить, чо все эти шестеро свидетелей которых я привёл под номерами, в целях их вызова, уже одобрены трибуналом, таким образом новое одобрение будет, состоят только в повторении вашего собственного более раннего решения.

Свидетель Визехофер, уважаемый суд, который приводится под номером 1, с 1940 по 1945 являлся адъютантом подсудимого фон Шираха, то есть в период охватывающий деятельность подсудимого фон Шираха в качестве гауляйтера Вены и рейхсштатгальтера.

Этот сотрудник, который ежедневно находился рядом с подсудимым Ширахом и который знал его очень хорошо, назван мной в частности с целью свидетельства – при том, что конечно, он также свидетельствует о других вещах – о том, что Ширах в качестве гауляйтера Вены следовал совершенно другой политике чем его предшественник, бывший гауляйтер Бюркель[488], что он, в отличие от Бюркеля стремился создать корректные отношения с католической церковью и что с этой целью он успешн влиял и инструктировал своих сотрудников и подчинённых.

[488] Йозеф Бюркель (1895 — 1944) — деятель нацистского режима, гауляйтер. В 1938-1938 занимал руководящие должности в Австрии.

Я скажу успешно, потому что усилия подсудимого фон Шираха добиться удовлетворительных отношений с католической церковью также постоянно признавались со стороны церкви, а также католического населения Вены.

Кроме этого, свидетель Визехофер также подтвердит, что подсудимый фон Ширах вообще не имел никакого отношения к депортации евреев из Вены, что этот вопрос евреев…

Председатель: Разве номера 1 и 2, Визехофер и Гёпкен не касаются по сути одного и того же предмета? Разве не будет достаточно вызвать одного свидетеля, если другой даст показания путём опросного листа?

Заутер: Господин председатель, я так не думаю, потому что свидетель Гёпкен, который приводится под номером 2, являлся сотрудником подсудимого фон Шираха еще в 1938 в молодёжном руководстве Рейха и поэтому он, предположительно предоставит информацию в особенности о деятельности подсудимого фон Шираха в качестве рейхсюгендфюрера, и в частности также о его усилиях для достижения взаимопонимания и дружбы с молодёжью других стран, таких как, например Англия и Франция. Уважаемый суд, мне кажется, что в связи с особым значением конкретных вопросов, следует здесь признавать отношение подсудимого фон Шираха при назначении свидетелей, и чтобы одобрили не одного свидетеля, а обоих. Я представил трибуналу адрес обеих свидетелей. Они находятся в лагере, и мне кажется, уважаемый суд, императивом является вызов обеих свидетелей для установления фактов.

Председатель: Я так и не понял в чём существенная разница между двумя.

Заутер: Господин председатель, я только, что отметил, что свидетель номер 2, Гёпкен имел руководящее положение в молодёжном руководстве Рейха и поэтому свидетель номер 2, Гёпкен в состоянии предоставить информацию в особенности о деятельности подсудимого фон Шираха в качестве рейхсюгендфюрера.

Председатель: Но доктор Заутер, вы заявили о том, что Визехофер, номер 1, являлся адъютантом Шираха в качестве рейхсляйтера по воспитанию молодёжи, таким образом он находился в таком же тесном контакте с подсудимым в вопросе воспитания молодёжи как и Гёпкен.

Заутер: Да, но молодёжное воспитание являлось одной из основных задач Гёпкена, в то время как деятельность Визехофера ограничивалась в основном работой в качестве адъютанта подсудимого фон Шираха, в основном в качестве гауляйтера Вены. В этом состоит основное различие, и свидетели которые могут предоставить информацию о его деятельности в Вене это Визехофер и в меньшей степени, также Гёпкен. Но мне нужен Гёпкен, всеми средствами, как я сказал, для разъяснения деятельности Шираха в молодёжном руководстве Рейха.

Господин председатель, могу я также отметить, что у подсудимого фон Шираха многое стоит на кону, и что с точки зрения суда, может не быть большой разницы, в вопросе настолько важном для Шираха, вызывать ли того или иного

свидетеля.

Уважаемый суд, я смог бы предложить наверное четырёх свидетелей в надежде на то, что их одобрят. Если сейчас, от имени подсудимого фон Шираха, я предлагаю вызвать только двоих свидетелей, я не думаю, что будет справедливо если в одном из этих двух свидетелей откажут.

Председатель: Трибунал рассмотрит сказанное вами.

Заутер: Кроме того, уважаемый суд, в третью очередь, я должен просить о Хартмане Лаутербахере. Если я правильно понял, обвинение с этим согласно, поэтому я буду краток.

Свидетель Лаутербахер, который являлся начальником штаба рейхсюгендфюрера, в состоянии представить информацию, в особенности о том факте, что подсудимый Ширах никоим образом не готовил психологически и педагогически молодёжь к войне, и никакими средствами к агрессивной войне. Кроме того, он может свидетельствовать о том, что утверждения в польском докладе – представленные русским обвинением на одном из заседаний в феврале, как мне кажется 9 февраля 1946 – абсолютно ложные. Согласно этому докладу Гитлерюгенд использовал шпионов и парашютных агентов в Польше. И это ложь, и свидетель Лаутербахер это опровергнёт.

Председатель: Доктор Заутер, Сэр Дэвид сказал, что не возражает вызову номера 3 в качестве свидетеля, но что он возражает 6 и 7, о которых вы также просите, в качестве устных свидетелей, потому что он сказал о том, что они повторяют сказанное Лаутербахером – номера 6 и 7, это Шмидт и Шлюндер.

Заутер: Господин председатель, и снова имеется трудность, которую я отмечал ранее. Из доклада польского правительства, который оглашался советским обвинением 9 февраля 1946, нельзя понять в какой период имела место деятельность Гитлерюгенда по агентам и шпионам.

Может получиться, что если у меня будет только один свидетель, он будет утверждать, что это было в какое-то другое время, наверное во время, когда свидетель был в армии, и вот почему, в интересах полного прояснения этих фактов, я попросил также заслушать свидетеля номер 6. Это свидетель Шмидт.

Председатель: Что же, если вы так говорите, разве не видно, что, в связи со Шлюндером, его сотрудничество с подсудимым распространялось с 1933 по 1945 и поэтому если вызвать его или предоставить возможность письменных показаний или опросного листа и Лаутербахера, который затрагивает только с 1933 по 1940, вы охватите весь период, и вы сможете исключить Шмидта?

Заутер: Если я правильно понимаю, господин председатель, вы ссылаетесь на опросный лист в случае Лаутербахера.

Председатель: Нет, сэр Дэвид был готов к вызову Лаутербахера в качестве свидетеля.

Заутер: Лаутербахер должен быть вызван и Шмидт должен получить опросный

лист?

Председатель: Он сказал о том, что Шмидт и Шлюндер являются кумулятивными. Затем вы сказали о том, что они не относятся к одинаковому периоду, как я вас понял, и это может вызвать сложность. Следовательно, я заметил вам, что номер 7 относится ко всему периоду, то есть, с 1933 за рамками периода Лаутербахера, и продолжается до 1945, и поэтому если мы вызовем, это охватит весь период, и если вы вызовете Лаутербахера и Шлюндера и уберёте Шмидта.

Заутер: Вы имеете в виду получение опросного листа для Шмидта? Я согласен с этим.

Председатель: Заявления, которые вы делаете в отношении Шмидта и Шлюндера практичеки идентичные.

Заутер: Да, только они относятся к разным периодам, так как каждый из них был в армии. Если придёт один, он не сможет сказать чего-либо, за время, когда он был в армии. Он не сможет предоставить информацию о том использовались в годы его военной службы агенты.

Председатель: Я не знаю об этом. Вы заявили о том, что они являлись сотрудниками подсудимого с 1938 по 1945 в одном случае, и с 1933 по 1945 в другом случае, и поэтому, если это так, они не могли быть в армии, они не могли принимать активное участие в армии.

Максвелл-Файф: Я должен совершенно согласиться с предложением вашей светлости, что это охватывает весь период. Если и Лаутербахер и Шлюндер будут вызваны, это бы исключило необходимость в Шмидте.

Заутер: Господин председатель, могу я отметить, что в любом случае мне нужен Шлюндер, который, кстати, несколько недель назад был арестован, потому что он являлся специалистом по физической подготовке в молодёжном руководстве Рейха, и поэтому я хочу подтвердить в особенности посредством доктора Шлюндера, что воспитание молодёжи, под руководством подсудимого фон Шираха абсолютно не имело ничего экстраординарного ни милитаристкого. Подсудимый фон Ширах таким образом, за всё время своих допросов…

Председатель: Думаю, в действительности есть фактическое согласие между вами и сэром Дэвидом в том, чтобы номер 1 и номер 3 были вызваны и чтобы номер 7 был вызван, но я не знаю, согласен ли сэр Дэвид с тем, чтобы письменные показания или опросный лист были вручены по номеру 6.

Максвелл-Файф: Милорд, не возражаю этому.

Председатель: По сути это то, что вы хотите доктор Заутер?

Заутер: Да, сэр.

Председатель: Очень хорошо, тогда продолжайте.

Заутер: Уважаемый суд, тогда, в дополнение, под номером 4, приводятся письменные показания свидетельницы, Марии Гёпкен. Я представлю эти письменные показания, которые уже имеются у меня, трибуналу и обвинению

вместе со своей документальной книгой, заблаговременно.

Затем у меня имеются письменные показания, если я могу сказать, сейчас от двух свидетелей: номер 9, доктор Клингспор и номер 10 доктор Рёзен. Также дело обстоит и здесь. Трибунал и обвинение получат эти письменные показания вовремя вместе с моей документальной книгой.

По поводу номера 8, свидетеля Гофмана, обвинение согласно вызвать его в качестве свидетеля, поскольку этот свидетель находится в Нюрнберге. Поэтому мне кажется, что я не должен делать каких—либо подробных заявлений по поводу этого свидетеля.

Тоже самое относится к номеру 12 и номеру 13. Это двое свидетелей: один гауобманн Шнеебергер из Вены, который в основном проинформирует нас об отношении подсудимого к вопросу иностранных рабочих во время его деятельности в качестве гауляйтера Вены; номер 13, фельдмаршал фон Бломберг, который проинформирует нас об отношении подсудимого фон Шираха к вопросу допризывной подготовки молодёжи, по вопросу физической подготовки и вопросу патриотического воспитания молодёжи. Обвинение согласно на опросные листы от этих двух свидетелей – что уже предложено мною.

И теперь, уважаемый суд, я подхожу к тому пункту в моём списке, который является самым близким сердцу моего клиента и моему собственному. Это номер 13 – это ходатайство о допросе француженки по имени Ида Вассо. Об этой свидетельнице мы впервые услышали в суде, когда советское обвинение представило комиссионное «Сообщение о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Львовской области» как гласит заголовок – документ номер СССР-6.

Документ содержит предложение о том, что француженка, Ида Вассо, которая работала в детском доме во Львове, сообщила о том, что Гитлерюгенд совершал особые жестокости во Львове. Утверждалось, что из гетто продавали маленьких детей, однако, не было раскрыто кем и кому этих детей продавали, и пока, само собой разумеется, говорится о том, что Гитлерюгенд был тем кто использовал этих детей в качестве мишеней.

Уважаемый суд, мы полностью осведомлены о том, что такие события представляют собой совершенно экстраординарную жестокость, и я могу сказать вам, что ни одна из презентаций обвинения в ходе последних трёх месяцев так не расстроила подсудимого Шираха как это заявление. Подсудимый Ширах всегда, уже на более ранних допросах утверждал, что признаёт полную ответственность за воспитание и подготовку германской молодёжи, руководимой им, и что он готов и стремится, даже будучи подсудимым здесь, объяснить трибуналу какими принципами он руководствовался, какие имел цели, и какого успеха добился. Например, он, никогда не отрицал, что эта молодёжная подготовка основывалась на патриотизме…

Председатель: Доктор Заутер, вы ходатайствуете о свидетелях, не так ли? Поймите,

вы согласны в своём ходатайстве на письменные показания…
Заутер: Господин председатель, я не понимаю?
Председатель: Я указал на то, что это всего лишь ссылка на свидетелей в вашем ходатайстве, и в своём ходатайстве вы говорите: «Однако, учитывая отдаленность свидетеля от Нюрнберга, я согласен с тем, чтобы сначала были вручены письменные показания».
Заутер: Да.
Председатель: Сэр Дэвид согласился с тем, что должны быть подготовлены письменные показания. Таким образом, вы согласились, и я не понимаю, почему мы должны затруднять себя дальнейшим ходатайством.
Заутер: Однако, господин председатель, я кое-что добавил к своему ходатайству. Я написал о том, что личная явка этого свидетеля в трибунал будет полезной, чтобы она могла быть допрошена, потому что её показания важны для суждения о Гитлерюгенде в целом. Я также добавил…
Председатель: Ваше ходатайство говорит о том, что вы оставляете за собой это право. Что же, вы можете подготовить письменные показания и затем направить их свидетелю, и затем вы сможете понять, хотите ли вы этого свидетеля для перекрёстного допроса. И сэр Дэвид согласился с этим методом.
Заутер: Господин председатель, мой клиент придаёт настолько большое значение конкретному случаю по следующим причинам: ГЮ, то есть Гитлерюгенд, который он возглавлял, включал около 8 миллионов членов. Поэтому он был больше чем…
Председатель: Но доктор Заутер, трибунал полностью понимает почему подсудимый заинтерсован в данном вопросе. Но ему кажется, что будет полностью удовлетворительным, если свидетелю будут подготовлены и направлены письменные показания, и тогда вы сможете понять, хотите ли вы, чтобы свидетель чьё местонахождение неизвестно, был доставлен лично.
Заутер: Господин председатель, мой клиент особо уведомил меня об одной вещи, то есть, о том, что среди 8 миллионов членов случилась единственная жестокость о которой он вообще ничего не слышал в молодёжном руководстве Рейха. Однако, я согласен получить письменные показания по причинам своевременности, по справедливости я должен оставить за собой право вызвать свидетеля, если письменных показаний будет недостаточно.
Председатель: Это касалось свидетелей, и нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, в отношении документов о которых

просит доктор Заутер, обвинение следует обычной линии о том, что не имеется возражения использованию фрагментов, но на данной стадии оно оставляет за собой право оспаривать допустимость фрагментов по основанию относимости к делу.

Оно в особенности тщательно смотрит на номер 9, книгу под названием «Взгляд, сердце Европы» и комментарий к ней покойного лорда Ллойд-Джорджа, но оно понимает, что эти конкретные вопросы, удобнее рассмотреть когда оно увидит документальную книгу и фрагменты перед собой.

Заутер: Господин председатель, я могу очень коротко выразить свою позицию по поводу документов. В основном это вопрос книг, речей и очерков подсудимого фон Шираха. Эти литературные труды находятся в моем распоряжении, и я представлю их обвинению вместе со своей документальной книгой. Вместе с документальной книгой я представлю трибуналу и обвинению отдельные фрагменты, которые я предлагаю приобщить в качестве доказательства, для того, чтобы обвинение могло сделать любые заявление какие пожелает в отношении отдельных фрагментов.

Мне кажется, это всё, что я могу сказать об этом предмете.

Зейдль: Господин председатель, 28 февраля, я заявил дополнительное ходатайство от имени подсудимого Гесса, я буду благодарен если трибунал проинформирует меня о том желает ли он заслушать аргументацию в отношении этого ходатайства сейчас или позже, поскольку я не знаю имеет ли трибунал перевод моего ходатайства.

Председатель: Трибунал пока не видел ходатайства, поэтому я думаю, что вам лучше отложить представление аргументации до того как трибунал увидит ходатайство.

Зейдль: Хорошо, господин председатель.

Серватиус: От имени подсудимого Заукеля я предложил ряд свидетелей, и в своих предварительных замечаниях о списке я разделил их на различные группы.

Примечательность этих доказательств, как представляется, лежит в том факте, что в данном случае может проясниться мозаика из небольших фактов. В деле против Заукеля обвинение ограничилось представлением общего инкриминирующего материала, и не разработало полные подробности о назначениях СС проводимых согласно предпочтениям трудовой службы и похожие вопросы.

Было установлено очень мало фактов в отношении сферы деятельности Заукеля в целом. Соответственно, я вынужден представить его штаб, его сотрудников и их сферы деятельности. На первый взгляд, список моих свидетелей может показаться кумулятивным, но более тщательное изучение показывает, что он представляет различные сферы. Некоторые из них были экспертами по восточным делам, другие занимались Западом или Югом. Существует вопрос руководства рабочей силой, снабжением, проживанием и властью над отдельными людьми. Вербовка рабочих в зарубежных странах попадает в другое направление и по этому

предмету должны также заслушиваться свидетели.

В деле Заукеля, вопрос рабочей силы является особо важным, так что заговор является вторым вопросом. Мне кажется, я могу полагаться в очень большой степени на заявления, которые можно ожидать от остальных в числе обвиняемых и от их свидетелей.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, обвинение старается согласиться с доктором Серватиусом в рассмотрении предложенных свидетелей по различным направлениям.

Первый свидетель, посол Абец, попадает в класс самого себя. Защитник хочет вызвать свидетеля по вопросу соглашений между ним и Лавалем. Обвинение полагает, что это разумеется не может повлиять на положение оккупированной Франции, и предлагается, что этот свидетель, по сути, не относится к делу по главным обвинениям которые предъявлены в отношении подсудимого. Однако мои французские коллеги, если так хочет доктор Серватиус дадут ему знать о допросе посла Абеца по данному предмету. Я не хочу комментировать это сейчас, потому что очевидно это вопрос который доктор Серватиус должен рассмотреть до того как делать какие-либо комментарии в суде. Но, если он позволит мне так сказать, я думаю, что будет полезно если он рассмотрит эту мысль до того как придёт к какому-либо решению.

Затем, следующая группа это свидетели 2-8. Все они из рейхсминистерства труда, и они вызваны, чтобы в целом высказаться об отношении подсудимого, его ограничениях в вопросе вербовки, и его личных занятиях с нарушителями. Обвинение предлагает, что доктору Серватиусу было бы разумнее выбрать двух лучших из восьми для устных показаний и ещё двум дать письменные показания.

Следующие трое, номер 9, 10 и 11, были членами штаба подсудимого Заукеля, которые должны быть вызваны для того, чтобы дать показания о его усилиях по достижению хороших условий. И снова, обвинение предлагает отбор, и высказывается за одного свидетеля и одни письменные показания.

Номер 12, свидетель Гофман, вызван с целью, сказать о том, что ДАФ, Deutsche Arbeitsfront следил за социальным обеспечением иностранных рабочих по согласованию с покойным доктором Леем. Обвинение полагает, что этот свидетель будет кумулятивным, и возражает ему, так как этот предмет уже охвачен.

Затем есть серия свидетелей, номера 13-18, которые рассматривают взаимоотношения между подсудимым Заукелем и ДАФ. По сути это тоже самое, и обвинение предлагает, что одного свидетеля и одних письменных показаний из этой группы будет достаточно.

Следующий свидетель, номер 19, Карл Гётц[489], директор банка, рассматривает вопрос зарплат, а также перевода денег иностранными рабочими домой. Обвинение предлагает, это такого рода материал, который уместнее

[489] Карл Гётц (1885 – 1965) – председатель наблюдательного совета «Дрезднер банка» в 1936-1945.

рассмотреть письменными показаниями или опросным листом, по желанию доктора Серватиуса.

Номер 20, Бекрутц, затрагивает особые условия иностранных рабочих на предприятиях Густлоф[490]. Этот предмет подробно охватывается предыдущими свидетелями и обвинение предлагает, что этот конкретный свидетель является кумулятивным.

В отношении Франца Зельдте[491], из рейхсминистерства труда, он затрагивает разделение полномочий между Заукелем и Леем и утверждение о том, что Заукель не имел никакого отношения к рабочей силе из концентрационных лагерей. И снова, обвинение предлагает, чтобы письменные показания, показали насколько свидетель Зельдте говорит просто о рутинных вопросах, таких как приказы и прочее, и насколько он рассматривает отдельные и личные вопросы. Если он фактически рассатривает индивидуальные и личные вопросы и беседы, тогда я предлагаю, чтобы доктор Серватиус мог повторно заявить своё ходатайство на счёт этого.

Свидетель Дарре[492], который является бывшим рейхсминистром продовольствия и сельского хозяйства, нужен для того, чтобы рассказать об усилиях подсудимого добиться более высоких пайков для иностранных рабочих, в особенности в восточных районах. Обвинение предлагает, что такой свидетель также кумулятивен, и оно указывает на ряд других свидетелей и документов касающихся этого.

По номеру 23, генералу Рейнеке возражения не имеется.

Номер 24, полковник Франтц, нужен, чтобы сказать о том, что французские военнопленные обменивались на добровольных рабочих. Обвинение возражает на основании отсутствия отношения к делу.

По номеру 25, не имеется возражения доктору Ламмерсу, который вызван, как я думаю, каждым подсудимым или практически каждым подсудимым.

Следующий, 26, свидетель Пикерт, снова затрагивает административное положение и исполнительный аппарат Заукеля, что уже рассматривается другими свидетелями и обвинение возражает ему по кумулятивности.

Номер 27, губернатор Фишер, начальник труда в Генерал-губернаторстве, вызван, чтобы сказать о том, что Заукель не имел никаких дел с СС в отношении переселения. И снова, если он говорит о правилах и приказах которые были приняты, мы предлагаем письменные показания.

---

[490] Предприятия Густлоф – государственный промышленный концерн Германии. Основан в 1933. Имущество концерна формировалось за счёт конфискации имущества евреев.

[491] Франц Зельдте (1882 — 1947), государственный и политический деятель Германии, один из руководителей организации «Стальной шлем» («Stahlhelm»), рейхсминистр труда (июнь 1932 — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СА (1933), прусский государственный советник. Умер находясь под арестом.

[492] Рихард Дарре (1895 — 1953) — руководитель Главного расово-поселенческого управления СС. Рейхсминистр продовольствия (1933—1942). Обергруппенфюрер СС (9 ноября 1934). Американским военным трибуналом приговорён к 7 годам лишения свободы, досрочно освобождён в 1950.

Как я понимаю, следующий свидетель, доктор Вильгельм Егер, запрошён для перекрёстного допроса по его письменным показаниям. Это экземпляр номер USA-202 и ссылки на расшифровке 1322-1327[493] и 3057[494]. Никакой просьбы до настоящего времени не заявлялось, и оставляю на доктора Серватиуса пояснение его позиции, перед тем как рассматривать этот момент.

Следующие два, доктор Фосс и доктор Шарманн, затрагивают аспект общественного здравоохранения для иностранных рабочих. Они затрагивают разные районы. Обвинение полагает, что этот вопрос можно рассмотреть одними письменными показаниями.

Что касается следующих трёх свидетелей, 31, 32 и 33, я думаю, позиция такая, что доктор Серватиус хочет одного из трёх для оспаривания неких доказательств представленных 28 января господином Дюбостом о том, что подсудимый разрешил эвакуацию Бухенвальда. Я взглянул на страницы 3466-3492 стенограммы[495], я не смог найти доказательств о которых думает доктор Серватиус, и наверное он будет любезен показать это трибуналу.

В отношении 34, Скорцени который вызван, чтобы показать, что подсудимый в качестве гауляйтера не имел никакого отношения к концентрационным лагерям, мы не заявляем возражения.

В отношении Шварца[496], для подтверждения таблицы о партии представленной трибуналу как неправильной в одном отношении, мы предлагаем допустить.

В отношении госпожи Заукель, которая нужна для того, чтобы она могла высказаться о склонности к благотворительности независимой от партии, обвинение предлагает, что это не относится к вопросам стоящим перед трибуналом.

Я думаю в данном случае, милорд, невозможно закончить со свидетелями не попросив трибунал взглянуть на документы, так как они взаимосвязаны.

Есть ходатайство о 97 сборниках документов, и в целом они состоят из того, что мы в Англии называем всеобщими статутными нормами и приказами, то есть, субсидиарным законодательством принятом в отношении деятельности подсудимого. Откровенно говоря, я должен сказать трибуналу о том, что у меня не было возможности прочесть подлинные приказы. Я прочёл только сводку, которую доктор Серватиус был любезен представить в своём ходатайстве. Но, довольно ясно, эти документы снова в мельчайших деталях охватывают различные проблемы

[493] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2019. — (Первопубликация); стр. 464 – 469.

[494] Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, 2018. — (Первопубликация) — (Первопубликация); стр. 516.

[495] Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том V / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, 2019. — (Первопубликация) — (Первопубликация); стр. 240-263.

[496] Франц Ксавер Шварц (1875 — 1947) — деятель Третьего рейха, заведующий финансами НСДАП. Рейхсляйтер (1935). Обергруппенфюрер СА (9.11.1933), Обергруппенфюрер НСКК (23.2.1935), Оберстгруппенфюрер СС (20 апреля 1942 года). Умер в американском лагере для интернированных.

которые рассмотрят разные группы вызванных свидетелей, и по соображению обвинения они дают хороший повод для того, чтобы на честной основе значительно ограничить устных свидетелей.

Есть некоторые документы, по которым у меня и моих коллег имеются значительные возражения, и я могу назвать два или три из них.

Номер 45 касается законов Рейха о санитарной мясной инспекции, и представлен, чтобы доказать, что немецкое гражданское население также получало мясо оцениваемое как второсортное, что следовательно нельзя рассматривать как несъедобное мясо. Если не вдаваться в сравнение калорийности и другие характеристики мяса, то будет очень сложно получить какую-либо пользу из доказательств, если вдаваться в это. Для трибунала это является излишней детализацией.

Если трибунал перейдёт к номерам 80 и 81, доктор Серватиус хочет подтвердить отдельными советскими приказами, видимо с целью показать, что советские методы мобилизации противоречат Гаагской конвенции и таким образом доказательства про Гаагскую конвенцию являются устаревшими. Я полагаю, что два небольших примера из этих доказательств указывают на то, что это должно быть обширным исследованием фактов окружающих их, и они не могут являться основанием обоснованной аргументации о том, что конвенция утратила силу. Возможно, что в редких случаях международные соглашения могут утрачивать силу в виду завоевания. Но доказательства такого рода, по моему покорному соображению, не должны быть основой такой аргументации.

Затем идут номера 90 и 91, которые папки письменных показаний. И снова очень трудно без серьёзного и длительного рассмотрения обстоятельств, при которых давались письменные доказательства, оценить ценность сшивов письменных показаний такого рода.

Номер 92 это фильм об иностранных рабочих, и я предлагаю, что было бы разумнее, если сначала этот фильм покажут представителям обвинения, перед его показом в суде – я думаю также было сделано в связи с фильмом о концентрационных лагерях – потому что, конечно, не вдаваясь в аргументацию, вопрос пропаганды является серьёзным, что должно учитывать обвинение. Я прямо воздержусь от дальнейших комментариев, но я думаю, трибунал поймёт то о чём я думаю, и надеюсь, посчитает разумным, чтобы мы заранее посмотрели фильм перед тем как его комментировать.

Я взял только несколько примеров из документов, потому что очевидно они будут рассматриваться в деталях, когда мы увидим текст, и обвинение должно оставить за собой право на возражение. Но я могу в целом отметить – и надеюсь трибунал обдумает, что так будет честно, и я надеюсь, доктор Серватиус не подумает, что я преуменьшаю значение его работы, я подчеркиваю старание и внимание которое он показал делая её – что при таком огромном составе

документации, свидетелей в данном случае хочется сократить.

Председатель: Перед тем как рассмотреть то о чём сказал сэр Дэвид, доктор Серватиус, я должен сказать, для сведения остальных защитников и других заинтересованных лиц, что трибунал предлагает отложить заседание в 4 часа вместо 5.

Сэр Дэвид, я хотел спросить вас, в ходе обсуждения, я думаю, вы сослались на письменные показания. Вы стремитесь охарактеризовать письменные показания как противоположные опросному листу?

Максвелл-Файф: Нет, милорд. Не хочу. Извиняюсь. Я не хотел делать разницы. Это письменные доказательства на которые должны ссылаться, как письменные показания так и опросный лист, как пожелает доктор Серватиус.

Председатель: И ещё один вопрос. В виду того, что вы сказали о документах, не будет ли правильно обвинению получить немного больше времени для рассмотрения документов? И тогда, наверное, оно сможет лучше помочь своим взглядом на документы.

Максвелл-Файф: Милорд, так и есть, но ваша светлость заметит, что в последние недели мы значительно загружены, и в последние несколько недель невозможно охватить их все, но мы были бы рады небольшому времени для того, чтобы вникнуть в документы.

Председатель: Наверное, вы сможете встретиться с доктором Серватиусом после отложения.

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: И в течение дня или двух, дадите нам знать.

Максвелл-Файф: Да, мы сможет это сделать.

Председатель: Теперь, доктор Серватиус вы рассмотрите свидетелей?

Серватиус: Свидетель номер 1, посол Абец. Я называю этого свидетеля, чтобы показать субъективную концепцию Заукеля на допустимость распределения рабочей силы с точки зрения международного права. На основе договоров и при отсутствии какого-либо протеста правительств других стран – а именно Франции – он был вправе полагать, что это было легитимным. Однако, я хочу допуска свидетеля Штотфанга[497], который в качестве заместителя Заукеля постоянно вёл переговоры с Лавалем. Если бы его допустили, я бы отказался от свидетеля Абеца. Другими словами, я отказываюсь от свидетеля номер 1, если мне разрешают свидетеля номер 9.

Председатель: Да, понятно. Что насчёт свидетелей 2-8?

Серватиус: Свидетели из штаба Заукеля. Сложно отказаться от кого-либо из этих свидетелей и один свидетель абсолютно необходим для графической иллюстрации способа, которым приказы воплощались на практике. Трибуналу будет очень трудно читать огромное количество законов, и проще заслушать свидетелей по важным

[497] Вальтер Штотфанг (1902 – 1961) – немецкий экономист. В 1926-1945 сотрудник министерства труда Германии.

пунктам нежели много зачитывать. Свидетель Тимм[498] является наиболее важным, так как во всех практических смыслах он был ответственным за так называемый европейский отдел, который был ответственным за непосредственное распределения рабочих сил.

Председатель: Минуточку, доктор Серватиус. Прежде всего, вы, несомненно вызываете самого подсудимого Заукеля?

Серватиус: Да, я хочу вызвать его последним, так как он является подсудимым и его заявления являются менее ценными, нежели свидетельские.

Председатель: Эти свидетели будут подтверждать его доказательства о его администрировании. В таких обстоятельствах, не будет ли достаточно двух из них, как предлагает сэр Дэвид, из восьми, и двух письменных показаний?

Серватиус: С юридической точки зрения, от свидетеля Бейзигеля можно отказаться, но другие свидетели нужны, потому что они обладают фактическими сведениями об использовании зарубежной рабочей силы. До сих пор, у меня был только один свидетель который действительно может сказать об использовании рабочей силы на Востоке. Этот свидетель должен описать саму процедуру, так как законы сами по себе имеют мало смысла, если мы не знаем о том, как они применялись. Для Востока имеется свидетель Летч[499] – очень важный свидетель, а для Запада, свидетель Гильдебрандт, который может свидетельствовать о том как постепенно менялись условия во Франции вследствие движения сопротивления.

Свидетель Кёстнер не найдён и я отказываюсь от него.

Свидетель номер 7, доктор Гейсллер, имеет огромное значение, потому что он может свидетельствовать по вопросу инспекций. Основная мысль заключается в том какой период работали эти рабочие и какие нормы создал Заукель для их обеспечения в Германии. Для уверенности в том, что правила Заукеля – которые, я утверждаю, являлись образцовыми в своём роде – действительно применялись на практике, существовала серия инспекций. Свидетель номер 7, Гейсллер, был ответственным за инспекцию Рейха, орган созданный Заукелем. Я считаю его обязательным.

Председатель: Почему номер 3 и номер 6 не являются кумулятивными?

Серватиус: Я назвал номер 8 для того, чтобы особо подчеркнуть вопрос заработной платы. До сих обвинение не рассматривало очень подробно индивидуальные пункты. В таком случае я окажусь в трудном положении в связи с нехваткой доказательств, когда позднее акцент сместится на вопрос заработной платы. Только свидетель номер 8 может свидетельствовать об этом. Свидетель номер 3 может свидетельствовать по вопросу норм в целом, и в частности о том, что Заукель постоянно улучшал условия до последнего, для того, чтобы положение иностранных рабочих значительно улучшалось путём законодательства и продолжало

---

[498] Макс Тимм (1898 – 1964) – немецкий чиновник. В 1933-1945 сотрудник министерства труда Германии.

[499] Вальтер Летч (1895 – 1965) – немецкий чиновник. В 1939-1945 сотрудник министерства труда Германии.

улучшаться. Это можно видеть из всех правил, которые я аккуратно собрал с этой целью.

Свидетель номер 9, доктор Штотфанг являлся консультантом Заукеля, его личным советником и проводил много переговоров, в частности с Францией. По этой причине я назвал его в качестве замены свидетеля номер 1, Абеца. В частности он вёл переговоры по поводу ограничений так называемого Weisungsrecht[500], ограничения, то есть права Заукеля вербовать рабочих. С самого начала деятельности Заукеля, было понятно, что никакая официальная административная зона не допустима для вмешательства со стороны Заукеля, что с практической точки зрения они не могли допустить этого и его полномочия быстро сворачивались посредством регулирования. Свидетель Штотфанг даст показания по этому предмету.

Председатель: Почему 9 и 10 не являются кумулятивными?

Серватиус: Я отказываюсь от номера 10. Я хочу сказать кое-что о другом вопросе.

Председатель: Да.

Серватиус: Свидетель номер 11 знает условия. Он был экспертом прессы, и если я должен отказаться от какого-то свидетеля, я лучше оставлю его, чем кого-либо ещё. Он действительно знает, какими были условия. Он написал книгу «Работа Европы в Германии» и подготовил фильм, и может сказать о том, что эти фотографии не подделаны, а являются подлинными фотографиями. По этой причине он является важным, так как его показания являются вспомогательными к книге и фильму.

Следующий свидетель относится к Трудовому фронту. Трудовой фронт был ответственным за социальное обеспечение всех иностранных рабочих, также как и немецких рабочих. Положение в этом отношении никогда не менялось и свидетели могут дать показания о том какие нормы применялись в разных случаях, в отношении строительства лагерей, снабжения, одежды и всего, что происходило.

Свидетель номер 13 был бы наиважнейшим свидетелем, но он не найден. По этой причине я придаю особое значение свидетелю номер 14, который работал с ним. Свидетель Гофман был ответственным и знает о том какими были условия в лагерях.

Это были свидетели которые работали с Заукелем при посредничестве Трудового фронта. Остальные свидетели дадут показания о практической работе которую выполняли сами рабочие.

Ситуация такая: доктор Лей уже здесь не появится, поэтому вся сфера Лея стала частью дела против Заукеля и формирует дальнейшее обвинение против Заукеля пока вопрос не выяснен. Есть много обвинений, и они должен быть разъяснены.

Председатель: В чём разница между 15 и 16?

---

[500] Право управления (нем.) - право работодателя издавать инструкции, основанные на трудовом договоре с работником.

Серватиус: 15 это ошибка стенографиста, 15 тоже самое, что свидетель 12. Свидетель 16, Менде из главного управления особо важен, потому что он должен был следить за организациями в Трудовом фронте.

Председатель: Вы имеете в виду 15, не так ли?

Серватиус: Да.

Председатель: Да.

Серватиус: Свидетель 17, доктор Хупфаер[501], может свидетельствовать о происхождении свода правил в целом, и о направлении в котором работал Заукель.

Председатель: Почему он не является кумулятивным с номером 14, которого вы хотели вместо 13? Обвинение в негуманности относится к ним обоим.

Серватиус: Ввиду того, что свидетель 14 затрагивает практическую сторону, а свидетель 17 затрагивает законодательную сторону. Свидетель 18 был ответственным за практическое применение в Трудовом фронте. Нужно разграничивать друг от друга эти различные сферы. Заукель имел небольшое ведомство, которое входило в состав министерства труда. Он издавал правила с целью постоянного улучшения дел. Я приобщаю доказатеьства того, что они имели социальную ценность и докажу путём расследования, что они безупречные.

Затем нам нужно рассмотреть другую сторону вопроса – практическое применение, за которое был ответственным Трудовой фронт и вербовку. У меня есть специальные свидетели затрагивающие эти темы.

Следующие свидетели являются членами штаба специалистов Заукеля. Свидетель 20, Беккуртц, являлся управляющим предприятий Густлоф и один из самых близких сотрудников Заукеля. Он подтвердит, что обращение и размещение рабочих на этой фабрике Густлоф было образцовым.

Свидетель 21 даст показания о степени полномочий осуществляемых Леем и Заукелем соответственно. Большое значение имеет, знать являлся ли Заукель лично ответственным или же было другое ведомство ответственное за практическую сторону.

Председатель: Почему нельзя рассмотреть это письменными показаниями или опросными листами?

Серватиус: Здесь я буду удовлетворён письменными показаниями. Я пока не говорил со свидетелями лично и по этой причине, я привожу его в качестве свидетеля.

Свидетель 22, рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства. Он даст показания о том, что с момента назначения Заукеля, он прилагал все усилия для улучшения условий иностранных рабочих и о том, что он продолжал уделять этому особое внимание. Особое значение имеет взгляд обвинения о том, что иностранные рабочие голодали. Посредством этого я смогу добавить доказательства о том, что

---

[501] Тео (Теодор) Хупфаер (1906 — 1993) — высокопоставленный чиновник нацистской Германии, в конце войны, согласно политическому завещанию Гитлера был назначен министром труда.

иностранным рабочим, отчасти – я говорю отчасти – было лучше чем немецким рабочим.

Свидетель 23…

Председатель: Его уже одобрили для другого подсудимого.

Серватиус: О, да. Тогда я могу от него отказаться.

Следующий свидетель пока не найден. Он даст показания по вопросу обмена военнопленных на французских рабочих. Я понимаю, что рейхсминистр Ламмерс уже одобрен для других подсудимых.

Свидетели 26 и 27 являются важными, потому что они могут представить сведения о способе которым вербовались рабочие на восточных территориях. Они могут свидетельствовать о степени полномочий Заукеля, являлись ли они исполнительными или иначе, полномочиями предоставленными полиции, и в какой мере организация отличалась от СС. Свидетель 26 не найден. Соответственно я ограничу себя свидетелем номер 27, губернатором Фишером, который был одобрен.

Председатель: Что насчёт письменных показаний от 27?

Серватиус: Я не считаю, что могу отказаться от его вызова в качестве свидетеля. Важней всего иметь свидетеля который может сказать какими в действительности были условия на Востоке.

Свидетель, доктор Егер. Мы имеем подробные письменные показания, но они чрезвычайно не точные. Они были представлены как документ номер D-288, экземпляр USA-202. Я также получил немецкий перевод.

Председатель: Доктор Серватиус, не было бы правильным перекрёстно допросить доктора Егера, когда оглашились его письменные показания?

Серватиус: Я признавал их как точные, так как тогда я не был знаком с условиями в спорном районе. С того времени я сделал запросы и могу представить доказательства, показывающие, что его заявления не только очень сильно преувеличены, но и во многих случаях по сути ложные. Правда, видна из указов при подробном изучении почти полудюжины заявлений под присягой которые я получил. Крупп имел 60 лагерей. Свидетель рассматривает три или четыре из них, когда воздушная война достигла своего пика – факт, который не упоминается. Я не предвижу большой сложности в подтверждении его заявлений как неправильных. Я хочу оставить за собой право представить дальнейшие письменные показания, которые могут быть предъявлены этому свидетелю, если он явиться лично. Я также заявил ходатайство, которое пока не одобрено, об отпуске для использования ряда медицинских докладов подготовленных на самих этих фабриках, которые сами по себе подтверждают, что показания доктора Егера являются неточными. Моя главная сложность заключалась в получении этих доказательств, отсюда задержка. Иначе бы, я смог предоставить их раньше. Я придаю большое значение доктору Егеру в качестве свидетеля.

Следующие свидетели, доктор Фосс и доктор Шарман, покажут об этом

же предмете, но каждый в связи с различными районами. Они присутствовали в лагерях в качестве врачей и могут дать показания о том, что условия были безупречными и хорошими. Я мог бы назвать много таких врачей, если бы у меня было время и возможность встретиться с ними. Я знаю их обоих, и они подтвердят то какими были условия в действительности.

Председатель: Если это так, почему им обоим нельзя дать письменные показания?

Серватиус: Они находятся в лагере. Мне сложно связаться с ними, было бы проще доставить свидетелей сюда. Наверное, доктор Фосс сможет явиться сюда, для того, чтобы одного из свидетелей можно было заслушать.

Следующие трое свидетелей названы с этой целью.

Максвелл-Файф: Милорд, поскольку я дал пояснение, у меня была возможность сверить английский текст с французским текстом и кажется есть ошибка в английском тексте, которая гласит:

> «Он выглядел впечатлённым и объяснил тяжесть сообщения переданного Шидловски[502]. Шидловски отдал приказ о том, чтобы ни один заключённый не остался в Бухенвальде».
>
> Французский текст, если я могу перевести:
>
> «Он казался очень смущенным и дал такое объяснение: губернатор Тюрингии Заукель дал приказ, чтобы ни один заключенный не оставался в Бухенвальде»

Таким образом, видимо, когда я говорил трибуналу о том, что мы смогли найти эту ссылку, я рассматривал английский текст, и кажется, что такая ссылка есть во французском тексте. Поскольку господин Дюбост вызывал свидетеля, вероятно, что французский текст правильный, и в виду доказательств о том, что Заукель отдал приказ, я думаю, на взгляд обвинения будет честным сказать о том, что должен быть разрешён один свидетель по этому вопросу, конечно об этом решать трибуналу.

Серватиус: Я согласен с обвинителем и нуждаюсь только в одном из трёх свидетелей. Если никого из них не найдут, у меня в документальной книге есть письменные показания одного из сыновой Заукеля который также присутствовал на совещании.

Свидетель 34, Скорцени, даст показания об общей связи между гауляйтунгом и концентрационными лагерями, другими словами, в какой мере гауляйтунг, в виду своего официального положения, имел сведения о том, что происходило в концентрационном лагере.

Свидетель 35, казначей НСДАП, Шварц. Этот вопрос разрешён. Я получил опросный лист с ответами.

Свидетельница 36, госпожа Заукель, ранее была одобрена трибуналом. Я

---

[502] Герхард Шидловски (1906-1947) – немецкий врач. В 1941-1943 врач концентрационного лагеря Равенсбрюк. В 1947 году казнён по приговору британского военного трибунала.

могу понять, что можно заявить определённые возражения, но основной момент заключается в следующем: помимо прочего, свидетельница постоянно слышала о том, что подсудимого Заукеля критиковали за слишком хорошее обращение с иностранными рабочими и выражение интернационального нежели националистического отношения. Это один момент. Другой момен заключается в том, что касается заговора, а именно о том, что Заукель оставался в стороне и имел очень мало взаимодействий с остальными членами партии. Соответственно он работал сам по себе и знал очень мало о главных событиях в политике.

На этом список моих свидетелей заканчивается.

Председатель: Доктор Серватиус, вы наверное понимаете, что вы попросили гораздо больше свидетелей чем остальные представители, и поэтому, я спрашиваю вас о том, кого вы считаете наиболее важными свидетелями. Может быть, будет необходимо ограничить количество, так как вам известно, что мы руководствуемся ускоренным процессом и поэтому будьте любезны вручить мне список тех свидетелей которых вы считаете наиболее важными.

Серватиус: Если у меня будет время до завтра, чтобы обдумать, я попытаюсь сократить количество. Это сложно, потому что сфера большая. Также я не получил судебный обзор о Заукеле подробно определяющий детали, поэтому я должен быть готов к любым последствиям. Я должен определить свою позицию в отношении многих положений: еда, заработные платы, отпуск, рабочие, транспорт, болезни и есть много аспектов, на которые я должен сослаться.

Председатель: Не забывайте, что многие из подсудимых затронут различные аспекты, и они при этом не просили о таком количестве свидетелей и им их не разрешили.

Серватиус: Могу я сейчас перейти к документам?

Председатель: Что же, я скорее думаю, что, наверное, сэр Дэвид собирается связаться с вами после отложения и, наверное вы сможете рассмотреть документы более успешно.

Максвелл-Файф: Я думаю так будет полезнее, милорд, если трибунал разрешит.

Председатель: Да.

Я вызываю доктора Экснера от имени подсудимого Йодля.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, доктор Экснер и профессор Яррейс были любезны обратиться к обвинению по данному вопросу и представили некоторые соображения, включающие имена свидетелей которым придают наибольшее значение, и в значительной части которых у нас нет никаких разногласий. По некоторым вопросам есть принципиальное разногласие, о котором я сейчас скажу трибуналу, но суть, если я могу пробежать по ходатайству заключается в том, что обвинение не имеет никаких возражений генералу Винтеру[503]

[503] Август Винтер (1897 – 1979) – генерал горных войск Вермахта. В декабре 1944 – мае 1945 заместитель начальника оперативного штаба Вермахта.

который расскажет об организации ОКВ и соответствующих обязанностях подсудимых Кейтеля и Йодля. Оно не имеет возражений майору, профессору Шрамму[504], при том, что необходимость в его показаниях не кажется столь очевидной. С другой стороны, в отношении номера 3, доказательства майора Киппа, о том, что связывание или заковывание пленных происходило в Дьеппе[505] и о причине расстрельного приказа о коммандос, обвинение полагает, что эти вопросы не относятся к делу. В отношении майора Бухса[506], доктор Экснер сказал мне, что он будет удовлетворён опросными листами. Обвинение не возражает.

В отношении номера 5, генерала фон Буттлара[507], профессор Экснер предлагает, чтобы был свидетель и обвинение не возражает.

В отношении номера 6, обвинение утверждает, что должны быть опросные листы.

В отношении вице-адмирала Бюркнера, обвинение готово не заявлять возражений.

Затем в отношении номера 8, генерала Буле[508], направлен опросный лист.

В отношении номера 9, предлагается, что должны быть опросные листы.

Номер 10, опросные листы.

В связи с номерами 11-21, трибунал в каждом случае допустил допрос, и во многих случаях направлены опросные листы, и поэтому обвинение не может возражать на данной стадии исполнению предложения трибунала. Это означает, что подсудимый Йодль будет иметь четырёх устных свидетелей, помимо многих опросных листов уже одобренных трибуналом. Возражение обвинения номеру 3 сохраняются.

Экснер: Прежде всего, я хочу сказать о номере 3, Киппе. Обвинение имеет возражения этому свидетелю. Нам он нужен для предоставления информации о том как возник приказ Гитлера от 18 октября 1942, то есть приказ Гитлера в отношении коммандос. Этот приказ стал основой весьма инкриминирующего обвинения против Йодля и его большая значимость заключается в том, чтобы выслушать о том как возник этот приказ. Это касается убийства коммандос выброшенных с самолётов, или высадившихся с лодок. Как я понимаю, возражение этому свидетелю и в целом этому предмету заключается в том, что это по большей части затрагивает события в Дьеппе, вследствие которых был отдан приказ. Но мы не занимаемся тем, что

---

[504] Перси Шрамм (1894 – 1970) – немецкий историк. В 1941-1944 начальник архивной службы в составе ОКВ.

[505] Битва за Дьеп, также операция «Раттер», позднее — операция «Юбилей» — морской десант вооружённых сил Великобритании и Канады на французское побережье Ла-Манша и атака на оккупированный немцами порт Дьеп на севере Франции в 1942 году. Целью операции, согласно официальной версии, было завладение и удержание порта Дьеп в течение времени, достаточного для того, чтобы можно было собрать сведения от военнопленных и оценить немецкую реакцию, а также разрушить прибрежные оборонительные сооружения, портовые здания и другие объекты.

[506] Герберт Бухс (1913 – 1996) – майор Вермахта. В 1943-1944 адъютант Альфреда Йодля в ставке верховного главнокомандования Вермахта.

[507] Хорст фон Буттлар-Брандфельс (1900-1990) – генерал-майор Вермахта. В августе – ноябре 1944 заместитель начальника оперативного штаба Вермахта.

[508] Вальтер Буле (1894 — 1959) — немецкий военный деятель, генерал пехоты. Начальник штаба сухопутных войск при ОКВ.

воссоздаём точный портрет того, что действительно случилось в Дьеппе. Свидетель Кипп, в любом случае, не сможет этого сделать, поскольку он находился в ОКВ и не был очевидцем этих событий. Мы затрагиваем другую вещь, а именно, тот факт, что некоторые доклады, представляемые в ОКВ привели к этому приказу. Кроме того мы затрагиваем следующие факты о которых может свидетельствовать Кипп.

Когда поступили эти доклады о событиях в Дьеппе, фюрер разгневался и приказал предпринять строгие меры против этих коммандос. Йодль отказался отдать или подготовить проект приказа как того требовал фюрер. Под давлением, он сказал о том, что не знает по какой причине он смог бы отдать такой приказ.

Затем Йодль передал вопрос для изучения майору Киппу, так как он был весьма трудным с юридической точки зрения, и Кипп являясь профессором права, что-то должен понимать в правовых вопросах.

Кроме того, своего рода опрос был провёдн в ведомстве Йодля в оперативном штабе Вермахта, и были собраны мнения других ведомств по спорному вопросу. Различные мнения были получены от Ausland Abwehr[509], юридического управления, и т.д. Так как между тем прошло 10 дней, Гитлер потерял терпение, сел и подготовил весь приказ лично, также как и дальнейший указ приводивший причины для приказа. Таким образом, Йодль не являлся автором этого приказа. Всё, что он сделал, это выразил о нём свои сомнения. История возникновения приказа от 28 октября 1942, который, как я сказал, стала основой тяжкого обвинения против Йодля, имеет большое значение. Кипп покажет об этом. Далее, уже говорилось о том, что не имеется возражения свидетелю номер 5, Буттлару.

Что касается номера 4, я удовлетворён письменными показаниями или опросным листом, но я должен оставить за собой право вызвать его в качестве свидетеля, если опросный лист будет неадекватным или непонятным. Однако, надеюсь этого не произойдёт.

По поводу свидетеля номер 7, вице-адмирала Готтлиба Бюркнера, я хочу отметить, что он, тот же самый адмирал Бюркнер, который обсуждался этим утром в связи со свидетелями подсудимого Рёдера. Наверное, это показало сложности у Рёдера.

По поводу номера 8, опросный лист уже направлен. Однако мы, естественно, оставляем за собой право обратиться к устным показаниям если опросный лист окажется неудовлетворительным. Иначе, мне больше нечего сказать по предмету и у обвинения нет оснований протестовать.

Я только, что получил записку говорящую о том, что я рассчитываю на явку Бухса в качестве свидетеля и таким образом почему я не прошу его. Она от имени подсудимого Геринга, не так ли? Я оставляю решение на трибунал. Фактически я планировал вызвать Бухса в качестве свидетеля и согласился

509 «Зарубежная контрразведка» (нем.)

отказаться от его личной явки в ходе обсуждения.

Председатель: О каком свидетеле вы говорите?

Экснер: Свидетель номер 4.

Председатель: Вы сказали, что вы просили его в качестве устного свидетеля?

Экснер: Его также попросил Геринг в качестве свидетеля.

Председатель: Его разрешили подсудимому Герингу?

Экснер: Он рассчитывал на то, что я вызову его в качестве свидетеля, на его допуск и возможность опросить его. Он здесь в Нюрнберге. Могу я теперь перейти к документам?

Председатель: Да.

Экснер: Относительно пунктов 1 и 4, обвинение не имеет возражений. Я понимаю, что это означает, что я включаю в свою документальную книгу фрагмент который зачитаю. Я представлю полный документ трибуналу без перевода чего-либо за исключением части которую собираюсь зачитать и которая касается важного момента, который должен быть выяснен. Если я рассмотрю большой документ и мне потребуется только один абзац, достаточно если я представлю трибуналу подлинник полностью и включу в свою документальную книгу конкретный абзац и его перевод.

Председатель: Правильно.

Экснер: По поводу пунктов 5 и 6, обвинение возражает, и я отзываю эти два документа.

Пункт 7 довольно любопытный. Это документ номер PS-532, представленный обвинением и которому я своевременно заявил возражение. Документ исключили из протокола, и теперь я сам обращаюсь за повторным представлением этого документа. Этому есть следующая причина: документ это приказ который был представлен Йодлю в виде проекта. Йодль не одобрил его, перечеркнул и направил обратно без подписания. Этот проект был представлен обвинением, и я возражал его представлению, так как он должен был быть подписан Йодлем. Я хочу представить сейчас этот приказ для подтверждения того, что Йодль сделал невозможным исполнение этого приказа, не дав силы незаконному приказу.

По поводу пунктов 8-15 обвинение также не имеет возражения.

Максвелл-Файф: Пункты 16 и 17 являются предметов возражения обвинения. Пункт 16 относится к английским «Правилам ближнего боя» 1942 года и 17 это английский приказ об операции в Дьеппе того же года. В отношении «Правил ближнего боя», единственная относимость к делу заключается в возражении к форме подготовки, и по соображению обвинения это не относится к вопросу приказа коммандос.

В отношении вопроса связывания, я думаю самым простым способом разобраться с этим будет отметить, что обвинение, как отметил мой друг господин Додд, не представило вопроса со своей стороны, и поэтому кажется, что английский

приказ не относится к делу. Помимо двух общих возражений ни один из этих доводов не выглядит относящимся к сути дела.

Я могу лишь отметить номер 20 которому есть другое возражение на той же основе, как и старому документу, который, как я думаю, ранее был у трибунала – утверждение германского министерства иностранных дел о нарушениях международного права, и как увидит трибунал это предназначено в качестве доказательств докладов которые делались высшему командованию Вермахта и это приводило к мерам репрессалий.

Затем похожее основание по номеру 21, история белорусской партизанской войны, которая предназначена в качестве доказательства того, что опасность бандитской войны давала повод для проведения мер по зачистке.

Эти возражения можно сгруппировать вместе. Они подпадают в общее возражение о доказательствах tu quoque о которых обвинение заявляет на процессе.

Экснер: Могу я кое-что об этом сказать? Что касается 16 и 17, мы просто хотим видеть эти документы. Мы хотим видеть их для того, чтобы судить о том хотим мы их приобщать в качестве доказательств или нет. Я заявил об этом внизу страницы.

По поводу отношения к делу, мы не говорим о том, что мы считаем эти приказы незаконными. Но если, например, в «Правилах ближнего боя», английским солдатам приказывали совершать действия за которые осуждают наших солдат, это будет являться несоответствием определённого значения. Так как в этом случае будет очевидно, что британское правительство относилось к таким методам войны как к законным. Если, однако, такие методы являются законными для них, они должны быть также законными в нашем случае, поскольку невозможно иметь два стандарта в этих вопросах. Для того, чтобы установить это, мы хотим видеть эти «Правила ближнего боя». Это номер 18.

Номер 19 это похожий случай, но я больше готов понять отказ в нём, так как это может быть секретный приказ. Номер 20, «Белая книга»…

Председатель: Сэр Дэвид не рассматривал 19, не так ли? Он только рассмотрел 16, 17, 20 и 21.

Экснер: Да. 18 и 19 нет возражений.

Председатель: Как я понял его возражение, по 16 и 17 было то, что в обвинительном заключении не было жалобы на германские силы, ни в связи с ближним боем ни в связи со связыванием.

Экснер: Если эти «Правила ближнего боя» должны включать иллюстрации – там действительно есть картинки – о связывании пленных и приказы так делать, то следует говорить о том, что британское правительство не считает такого рода обращение незаконным, и что если это случалось с нашей стороны, нас нельзя в этом обвинять. Мне сложно оценить их значение для нас, потому что у меня нет этих «Правил ближнего боя» на руках. Если бы они у меня были, я мог бы заявить ходатайство. Я хочу знать могу ли я включить их в свои доказательства или этого не

требуется.

Никакого возражения нет 18 и 19. Что касается 20, эти «Белые книги» уже одобрены Герингу. Соответственно мне не нужно их просить для себя.

По поводу пункта 21, я убеждён в том, что нельзя это рассматривать как обвинение tu quoque. Это русская книга, описывающая партизанскую войну. Автор этой книги русский, который, лично участвовал в партизанской войне несколько лет в качестве начальника штаба, и он пишет по личному опыту.

Мы не утверждаем, что русские делали тоже самое, что делали мы, что являлось бы аргументом tu quoque. Я хочу эту книгу по другой причине. Чтобы понять и оценить наши правила о партизанах, нужно знать кто такие партизаны. Нужно иметь знания и опыт об их методах и оценивать опасность, которую они представляли. Эта русская книга всё это описывает, и поэтому она важная. Сам автор как говорится, играл активную роль в войне ведущейся партизанами.

В обвинительном заключение сказано: «Война против партизан являлась оправданием для уничтожения евреев, славян и так далее». Эта книга показывает, что война против партизан была реальной войной, а не оправданием с нашей стороны.

Если книгу невозможно получить, я прошу разрешения огласить короткий отчёт о её содержании в «The Stars and Stripes[510]». Заканчивая, нужно подчеркнуть, что книга написана советским русским и по этой причине не может признаваться имеющей антирусскую направленность.

На этом я завершаю свою презентацию.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал хочет знать вашу аргументацию в связи с 21.

Максвелл-Файф: Я возражаю этому по той причине которая приводилась. Запрошенная книга должна доказывать, что опасность бандитской войны привела к принятию мер по зачисткам.

Итак, в целом дело обвинение заключается в том, что контрмеры против партизан составляют жестокости, и доказательства такого рода представлены. По моему соображению, нет никакой защиты в жестокостях против партизан, в подобных доказательствах, о том, что война велась в большом масштабе или очень яростно или отважно. Это просто один из аргументов tu quoque – из-за того, что с вами сражаются партизаны, следовательно, вы можете сжигать их деревни, расстреливать их женщин и убивать их детей. Такая аргументация не относится к делу и недопустима.

Милорд, я хочу сказать, что у меня нет возражения, если какой-либо из этих документов будет получен, чтобы доктор Экснер посмотрел на документы, этому моменту обвинение придаёт особое значение, думаю я прав – и я знаю мои коллеги этого хотят – чтобы я дал понять о нашей позиции.

---

[510] «Звёзды и полосы» — неоф. название флага США — ежедневная газета Министерства обороны США. Издаётся с 1861 года. Предназначена для контингентов Вооружённых сил США, дислоцированных за рубежом.

Председатель: Доктор Экснер, на этом ваше выступление завершено?

Экснер: Могу я кое-что добавить по последнему положению. Конечно же, я полностью осведомлён о том, что жестокости описанные здесь, нельзя оправдывать деятельностью партизан, но чем более жестокими были действия партизан, тем жестче – при необходимости, были немецкие контрмеры, поэтому, в конце концов, существует связь между этими вопросам.

Председатель: Трибунал рассмотрит ваши аргументы.

Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 7 марта 1946*]

День семьдесят шестой

Четверг, 7 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Я вызываю представителя подсудимого фон Папена.
Максвелл-Файф: Если трибунал одобряет, я укажу взгляды обвинения на свидетелей, запрошенных доктором Кубушоком.
Председатель: Очень хорошо.
Максвелл-Файф: Первый свидетель это фон Лерзнер[511] и здесь нет возражения. Этот свидетель призван охватить, помимо прочего, период последовавший за приходом к власти гитлеровского правительства, что является временем имеющим материальное значение в деле против фон Папена.

Если трибунал рассмотрит следующих трёх свидетелей, есть небольшой пункт: свидетель Чиршки[512], как я понял, являлся личным секретарём фон Папена с 1933 по февраль 1935. То есть, он охватывает период восхода власти нацистской партии. И он также охватывает немного австрийского периода.

Следующий свидетель, фон Кагенек[513], также является личным секретарём. Он не охватывает период восхождения к власти, но охватывает весь австрийский период.

Следующий свидетель, Эрбах, являлся советником посольства в Вене, то есть он охватывает период с 1934 по 1938.

Обвинение всегда неохотно возражает вызову секретарей которые могут содействовать памяти подсудимого, но нам кажется, что свидетель Чиршки является кумулятивным и к периоду восхождения к власти и к австрийскому периоду, и что в данном случае будет достаточно опросных листов. Таким образом, обвинение

---

[511] Курт фон Лерзнер (1883 – 1954) – немецкий дипломат и политик. Один из руководителей немецкой делегации при заключении Версальского договора.
[512] Фриц фон Чиршки (1900 — 1980) — немецкий дипломат и политик. Представитель консервативного сопротивления национал-социализму. В 1933-1935 референт Франца фон Папена. Эмигрант.
[513] Ганс фон Кагенек (1902 – 1996) – В 1935-1938 помощник Франца фон Папена.

помимо этого, не возражает фон Кагенеку и Эрбаху.

Председатель: То есть, вы предлагаете опросные листы для 2 и вызов 3 и 4?

Максвелл-Файф: Да, милорд, опросные листы и вызов 3 и 4.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: И в отношении номера 5, свидетель Кролль[514], обвинение полагает, что он не относится к делу. Он вызван по периоду, когда подсудимый являлся послом в Турции, и он предположительно должен сказать о том, что фон Папен не имел агрессивных мыслей в отношении России. Обвинение полагает, что фон Папен является лицом которое сможет высказаться по подобному вопросу и обвинение не имеет никаких доказательств какой-либо подрывной деятельности нацистской партии в Турции, что является другим пунктом о котором должен рассказать свидетель.

Затем следующие пятеро свидетелей, 6,7,8, 9 и 10; трибунал одобрил опросные листы, и пока вопрос ограничен опросными листами обвинение не имеет возражений.

И номер 11, баронесса де Нотом: обвинение возражает доказательствам об актах вмешательства за членов движения сопротивления, и индивидуальных актах подобного рода, по мнению обвинения это не относится к вопросам стоящим перед судом.

В отношении архиепископа Грёбера[515], если трибунал не забудет посмотреть на номер 12 ходатайства, по мнению обвинения затронутые вопросы не относятся к делу. Первый это: «Являлись ли переговоры по конкордату[516] между Германией и Святым престолом собственной инициативой подсудимого фон Папена?». Вторая часть вопроса, вкратце: «Предпринимал ли фон Папен усилия перед Гитлером по вопросу заключения конкордата?». Что же, конкордат был заключён, и трибунал в действительности интересуют нарушения конкордата о которых обвинение представило письменные показания.

Второй вопрос – боюсь, что я не понял его, и в нынешней форме, я полагаю он не относится к делу, помимо расплывчатости: «Руководствовался ли подсудимый в своей деятельности после заключения конкордата своим положительным религиозным отношением?».

Затем третий вопрос: «Приветствовал ли немецкий епископат заключение конкордата?». Я не думаю, что это действительно поможет.

И четвёртый: «Предоставил ли конкордат юридическую поддержку церкви в религиозной борьбе последней?» - и - «Могла ли церковь, в конце, опираться на конкордат?».

Конкордат имеется и говорит за себя, как я скажу, вопрос заключается в

---

[514] Ганс Кролль (1898 – 1967) – немецкий дипломат. В 1936-1943 сотрудник немецкого посольства в Турции.

[515] Конрад Грёбер (1872 — 1948) — епископ Мейсена, архиепископом Фрайбурга (1932—1948).

[516] Конкордат 1933 года — договор (конкордат), заключённый 20 июля 1933 года между нацистской Германией и Святым Престолом и определявший статус Римско-католической церкви в Германии.

нарушении конкордата, не в его содержании. Поэтому мы возражаем номеру 12.

Номер 13, свидетель фон Белью – тут очень коротко, если трибунал будет любезн взглянуть:

> «Я представлю письменные показания свидетеля, которые затрагивают вмешательство подсудимого в качестве председателя Юнион клуба в интересах евреев».

Обвинение полагает, что вмешательство гоночного клуба в интересах евреев не является вопросом относящися к делу, даже в еврейском вопросе.

Номер 14, свидетель Йостен[517] – доктор Кубушок просит использовать заявление которое было направлено трибуналу. Обвинение по возможности предпочтёт форму письменных показаний или опросного листа.

Председатель: Это 14, не так ли?

Максвелл-Файф: Да, милорд, 14.

Затем 15, Его Величество, король Швеции. Это новое ходатайство и в целом и по охвату. Сложно судить, что может дать король Густав[518], и поэтому обвинение не возражает опросным листам.

Председатель: Сэр Дэвид, в 14 доктор Кубушок говорит о том, что он просит о том, чтобы ему было предоставлено заявление подготовленное свидетелем юридическому отделу штаб-квартиры военного правительства, Дюссельдорф. Вы возражаете такому оформлению?

Максвелл-Файф: Нет, я думаю, что оно у меня есть.

Кубушок: Я получил его утром.

Максвелл-Файф: Доктор Кубушок говорит о том, что получил его сегодня утром.

Председатель: Вы возражаете его приобщению в качестве доказательства.

Максвелл-Файф: Нет, я лишь говорю о том, что мы предпочтём его в форме письменных показаний или опросного листа, если это можно сделать. Я не сильно возражаю.

Кубушок: В отношении свидетелей я хочу сказать следующее: свидетель номер 1, барон Лерзнер – трибунал сначала одобрил только опросный лист. Обвинитель сегодня согласился на вызов свидетеля в трибунал. Я также решительно прошу допросить свидетеля в трибунале.

Свидетель являлся председателем германской мирной делегации в Версале. Он очень известный германский дипломат, который с 1932 очень близко работал с подсудимым фон Папеном. Такой человек как Лерзнер, конечно же особо понимает всякую агрессивную политику. Поэтому, очень важно, чтобы этот со-работник подсудимого фон Папена был заслушан и ему было разрешено рассказать нам о том, как он наблюдал за деятельностью подсудимого до 1944. Особо важно то, что Лерзнер, по инициативе подсудимого фон Папена смог поехать в Турцию.

[517] Конрад Йостен (1912 – 1994) – историк науки. В 1934-1935 сотрудник Франца фон Папена.
[518] Густав V (1858 — 1950) — король Швеции в 1907 – 1950.

Председатель: Доктор Кубушок, сэр Дэвид согласен, как я думаю, с номером 1.
Кубушок: Да, если трибунал также согласен, тогда вопрос решён.

Второй свидетель, Чиршки – Чиршки был личным секретарём подсудимого с 1933 по 1935, первым секретарём, когда подсудимый был вице-канцлером. Он является человеком, который лично преследовался Гестапо и вынужден был уехать в 1935, где он и сейчас. Он является человеком, который может представить исчерпывающую информацию обо всём периоде с 1933 по 1935 в отношении внешней деятельности подсудимого и его личном отношении.

Мне кажется, что, в особенности о времени с начала 1933, мы не получим подробной картины если мы лично не заслушаем этого ближайшего сотрудника подсудимого. Другие свидетели затрагивают в основном разные периоды. Только в некоторых случаях они накладываются на деятельность этого свидетеля.

Номер 5, Кролль…

Председатель: Предположим, что трибунал посчитает правильным одобрить вам номер 2 в качестве устного свидетеля, нельзя ли тогда отказаться от одного из 3 или 4 и получить опросные листы от одного из них и вызвать другого? Они затрагивают нечто похожее.
Кубушок: Нам определённо нужны 3 по следующим причинам:

Свидетель Кагенек присутствовал, когда Гитлер поручал Папену австрийскую миссию. Это очень важный пункт, поскольку обвинение утверждает, что эта миссия поручалась ему с теми целями в которых его обвиняют. Свидетель покажет о том, что Папен принял миссию только после чёткой гарантии о смысле миссии. Кроме того, граф Кагенек также находился в Вене после 1935, то есть с 1935 до аншлюсса, и в этот период у нас не будет других свидетелей. Кагенек также может подтвердить очень важный момент, то есть, что ему была поручена доставка дипломатических документов в Швейцарию и обеспечение их сохранности, поскольку эти документы подтверждали деятельность подсудимого в Вене. Таким образом, по моему мнению, от свидетеля Кагенека также нельзя отказаться.

Если мы можем отказаться от какого-либо свидетеля, то это будет свидетель номер 4, Эрбах, в отношении которого я прошу разрешения использовать опросный лист, потому что здесь также, должны быть заданы вопросы на которые не смогут ответить другие свидетели.

Свидетель номер 5, посланник Кролль – Папен обвиняется в заговоре для агрессивной войны. Обвинительное заключение не ограничивается временем. По большей части, а именно 1938-1944, Папен находился на должности которая в особенности предназначалась для деятельности направленной на подрыв мира. Турция длительное время являлась важным столпом в военных и, следовательно, политических соображениях. Таким образом, огромный интерес имеет то использовал ли Папен свою должность для какой-либо деятельности имеющей характер заговора.

Более того, я хочу представить доказательства противоположного. Тот факт, что его деятельностью руководило сохранение мира, и что он в частности, был против какого-либо расширения войны посредством военных мер против России и был против всяких политических мер по разрушению отношений между Турцией и союзными державами.

Свидетель за время турецкого периода, был ближайшим сотрудником подсудимого. Таким образом, он в состоянии дать нам сведения обо всём периоде.

Баронесса де Нотом – я попросил в данном случае представить письменные показания или опросный лист. Я хочу…

Председатель: Какой номер вы рассматриваете?

Кубушок: Номер 11.

Председатель: Вы не рассматривали 6-11?

Кубушок: Нет, мы согласны по 6-10.

Председатель: Очень хорошо, 11.

Кубушок: Номер 11, баронесса де Нотом – в этом случае я попросил опросный лист или разрешение представить письменные показания. Предметом доказательств является:

В течение 1940-1944 подсудимый постоянно поддерживал свидетельницу в её вмешательстве за преследуемых членов французского сопротивления. Настоящим я хочу подтвердить, что подсудимый фон Папен снова показывал, в данном случае, что он сильно интересовался мирным урегулированием германо-французских отношений, и что во время войны он всегда обдумывал послевоенное время, когда яд исчезнет из этих отношений. Вмешательство со стороны подсудимого также являлось результатом общечеловеческих соображений. Это имеет немалое значение в связи с обвинением в заговорщической деятельности.

Номер 12, архиепископ Гробер – обвинительное заключение утверждает, что подсудимый фон Папен использовал своё положение как видного немецкого католика для грязного дела обмана, и что заключение конкордата, как таковое, повлияло на ход политики направленной против церкви, что заключение конкордата не планировалось всерьёз, что можно видеть из последующих нарушений конкордата. Архиепископ Гробер тогда вёл переговоры по поводу конкордата, в Святом престоле. Он присутствовал во время всех переговоров. Ему известно о том, что инициатива начать переговоры поступила от фон Папена, который не получал одобрения Гитлера. Он знает о том, что проект который подготовил фон Папен для конкордата сильно не одобрялся Гитлером, и о том, что Папен смог предложить этот проект только после сильной борьбы. Свидетель очень хорошо знает подсудимого фон Папена. Ему также известно, какое внутреннее отношение занимал по католическому вопросу подсудимый при заключении конкордата. В качестве влиятельного священнослужителя, он также может судить о последствиях конкордата. Он в состоянии судить о том, что содержание конкордата позже также

оказывало защиту церковным интересам и из его сведений о личных отношениях подсудимого и всех отношениях с церковью в Германии, он сможет свидетельствовать о том имел ли подсудимый какое-либо отношение к нарушениям конкордата.

Председатель: Доктор Кубушок, разве свидетель номер 2 не рассматривает тоже самое? Вы говорите в своём обсуждении предмета доказательств о том, что свидетель номер 2 сопровождал подсудимого в Рим для заключения конкордата – он может свидетельствовать о том, что вопреки сильной оппозиции Гитлера он добился успеха, в последнюю минуту заключив конкордат? Тогда свидетель присутствовал во время всех его речей?

Кубушок: Свидетель Чиршки был включён в переговоры по конкордату подсудимым. По моему мнению, очень важно изучить также свидетеля, который присутстовал на переговорах в качестве представителя другой стороны. В частности, свидетель, архиепископ Гробер, может также выразить мнение в отношении последующего периода, нарушений конкордата. Он может судить обо всей ситуации с позиции церкви лучше чем личный секретарь Чиршки. Он также может представить значительно более достоверную картину личности фон Папена, что является вопросом тесной связи с его политической деятельностью. Я был очень умеренным в своих запросах, но в данном случае, я хочу решительно просить, чтобы опросный лист или письменные показания архиепископа Гробера были одобрены, так как они нужны для прояснения обвинения в том, что видный католик использовал своё положение с целью обмана являющегося очень серьёзным и подсудимый также весьма заинтересован в разъяснении этого вопроса, в рамках схемы обвинительного заключения и помимо неё.

Свидетель номер 13 – письменные показания господина фон Белье, который даст показания о том, что подсудимый, в своей должности председателя очень крупной и заметной немецкой организации, вмешивался до самого конца за её не арийских членов, как тогда использовался этот термин. Всё, что представлет значение в суждении о деле Папена находится, по большей части в субъективной сфере. Мы увидим очень мало настоящих действий в деле Папена. Обвинения, по большей части, основаны на том, факте, что он присутствовал. Таким образом, относительно трудно представлять доказательства и следовательно контрдоказательства должны в большей мере иметь субъективный характер. Для суждения о деятельности человека в целом, не менее важно знать, например, о его отношении в 1938 к вопросу обращения с евреями, так как, если Папен чётко отклонялся от генеральной линии проводимой Гитлером и нацистами, можно точно сделать вывод о том действительно ли он был убеждённым сторонником Гитлера как пытается показать его обвинительное заключение.

Свидетель номер 14 – я сегодня получил заявление. Я пока его не смотрел. Я представлю либо заявление, либо письменные показания, которые я постараюсь

получить.

Номер 15 – опросный лист Его Величеству королю Густаву Шведскому, будет доставлен любым доступным способом. Это является очень важным вопросом. Он затрагивает главный пункт защиты, а именно, насколько возможно для человека не запутанного идеями нацизма в некоторой степени сотрудничать. В какой мере мог он надеется, в результате своей личной деятельности, изменить вещи или хотя бы улучшить их? Если, на основе представленных доказательств, мы докажем, что фон Папен не только исчерпал свои средства с этой целью служа Германии, но также, помимо этого, использовал свои внешнеполитические связи с этой целью, тогда, как мне кажется, это должно важным образом, показывать картину о характере подсудимого. Эта сильная деятельность в интересах мира является такой, что, по моему мнению, просто на основе такой деятельности, абсолютная ложность и несостоятельность этого обвинения в том, что подсудимый в любое время одобрял цели агрессивной политики в рамках заговора становится очевидной.

Максвелл-Файф: Могу я, с позволения трибунала в связи с документами номер 1-8, обвинение просит доктора Кубушока представить фрагменты и затем мы сможем рассмотреть относимость. Я думаю, что у доктора Кубушока есть номер 9.

Кубушок: Я имею только фотокопию, которую я получил от обвинения.

Максвелл-Файф: Извиняюсь. Надо было сказать у него была фотокопия, но обвинение удостоверило фотокопию. Подлинник сейчас недоступен. Если он поступит в наше распоряжение, мы дадим знать доктору Кубушоку.

Третий момент заключается в том, что доктор Кубушок говорит о том, что у него может быть дополнительное ходатайство о возвращении господина фон Папена младшего. Это конечно вопрос для него и трибунала. Обвинение не возражает.

Председатель: В связи с 1-8, у доктора Кубушока имеются книги?

Кубушок: Да.

Председатель: Очень хорошо. Тогда он будет готов отметить какие части из них…

Кубушок: Да, сэр. Я просто хочу добавить один пункт в список. Вчера я получил от обвинения доклад Гитлеру от фон Папена за время его деятельности в Вене – номер 9, также доклад Гитлеру. Я также получил его в форме фотокопии. Я также представлю этот доклад в качестве доказательства.

Председатель: Я вызываю представителя подсудимого Зейсс-Инкварта.

Максвелл-Файф: Можем ли мы выразить нашу позицию?

С позволения трибунала, в отношении данного подсудимого, положение первых четырёх свидетелей такое, что они рассматривают австрийскую часть дела. 2 декабря, трибунал разрешил этому подсудимому выбрать четверых из девяти. Он выбрал Гляйсе-Хорстенау[519], который являлся министром австрийского

[519] Эдмунд Гляйсе-Хорстенау (1882 – 1946) – австрийский политик и военный. Министр внутренних дел Австрии в

правительства; Гвидо Шмидта[520], который был министром иностранных дел во время беседы Шушниг[521]-Гитлер-Риббентроп; Скубля[522], который был полицай-президентом и государственным секретарём безопасности в Вене и Райнера, который известный нацист и впоследствии был гауляйтером Каринтии.

Обвинение не возражает этим свидетелям.

Затем мы переходим к голландскому периоду и обвинение не возражает Виммеру[523] и Швебелю[524], но оно возражает вызову Болле в качестве устного свидетеля. Позиция заключается в том, что 26 января трибунал отказал ему. После отказа были представлены опросные листы, но они почти полностью охватываются опросными листами направленными свидетелю вон дер Вензе, который является вторым в письменных показаниях. Я думаю из 20 вопросов предлагаемых для Болле, есть только два которые не охвачены фон дер Вензе, что номера 17 и 18, и два других которые кажется затрагивают самые очевидные моменты. В этом заключается возражение Болле и обвинение полагает, что он будет по сути кумялитивным и не нужным. Оно не возражает Фишбоку[525], которые выскажется о евреях, финансовой администрации, культурных ценностях и принудительном труде. Оно не возражает Хиршфельду, который выступит о конфискациях и разрушении фабрик и продовольственной ситуации. Таким образом, по устным свидетелям, имеется возражение только Болле.

В отношении письменных показаний нет возражения – или даже, это должны быть опросные листы. Все они одобрены трибуналом 26 января и в таких обстоятельствах обвинение им не возражает.

Председатель: Да, доктор Штейнбаэур.

Штейнбауэр: Господин председатель, уважаемый суд, мой клиент, доктор Зейсс-Инкварт сначала попросил о большом количестве свидетелей и затем, по моей рекомендации и согласно пожеланию трибунала значительно уменьшил это количество.

Я прошу о том, чтобы свидетель, прораб Болле, был допущен в трибунал, потому что, по моему мнению, возражение заявленное обвинением о том, что это кумулятивный свидетель, не совсем верное. Болле, в период оккупации являлся директором порта Гамбурга и затем в течение всех лет оккупации он был директором транспортного управления в Голландии.

1936 – 1938. Находясь в американском плену покончил жизнь самоубийством.

520 Гвидо Шмидт (1901 — 1957) — австрийский дипломат и политик, министр иностранных дел Австрии с 1936 по 1938 год.

521 Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

522 Михаэль Скубль (1877 – 1964) – австрийский деятель полиции и политик. В 1937-1938 государственный секретарь безопасности Австрии.

523 Фридрих Виммер (1897 – 1965) – австрийский юрист. В 1940-1944 генеральный комиссар Нидерландов по вопросам администрации и правосудия.

524 Эрнст Швебель (1886 – 1955) – немецкий юрист и судья. Комиссар провинции Южная Голландия в администрации Зейсс-Инкварта в 1940-1945.

525 Ганс Фишбок (1895 – 1967) – австрийский банкир. Министр финансов оккупированных Нидерландов в 1940-1945.

В частности он может свидетельствовать о железнодорожной и судоходной забастовке в октябре 1944. Эта глава истории оккупации крайне важна, потому что эта забастовка привела к блокированию движения, что привело к эмбарго. Однако, обвинительное заключение утверждает, что причина последующей голодной катастрофы в Голландии, как мы можем её называть, восходит к мерам которые подсудимый Зейсс-Инкварт предпринял в октябре 1944. Совершенно понятно, вооружённые силы хотели использовать небольшие средства транспорта которые ещё функционировали, в своих собственных целях. однако Однако именно допрос свидетеля Болле подтвердит, что Зейсс-Инкварт стремился, насколько возможно, смягчить влияние мер предпринятых Вермахтом в этом случае. В опросном листе нельзя исчерпывающим образом рассмотреть этот комплекс вопросов.

Господа, я прошу вас понять, что здесь мы рассматриваем допрос об управлении королевством с 9 миллионами за пятилетний период. Если мы прочтём доклад представленный голландской делегацией, мы увидим, только в отношении финансовых последствий, что предполагаемый ущерб, который причинён администрацией с одной стороны и событиями войны с другой, короче, оккупацией Голландии Германией составляет цифру в 25 725 000 000 голландских гульденов, учитывая разницу цен между 1938 и сейчас, мы должны добавить 175 процентов.

Я хочу заметить, что мы рассматриваем здесь исследование административных, правовых, финансовых и экономических мер за период пяти лет. Поэтому мне кажется, что просьба подсудимого об этом свидетеле должна быть признана совершенно оправданной.

По поводу письменных показаний, я возьму смелость заявить ещё два ходатайства которые пока не удовлетворили. Это на последней странице, очень короткие письменные показания барона Линдхорста-Гормана. Он был комиссаром провинции Гронинген и должен быть допрошен в отношении одного положения, в отношении обращения с так называемыми заложниками в лагере заложников, а также в отношении того факта, что никто из этих заложников не был расстрелян.

В дополнение к получению этих письменных показаний, я также попросил о том, чтобы получить некоторые официальные объявления, объявления высшего руководителя СС и полиции Раутера[526] по вопросу казней для того, чтобы подтвердить, кто делал эти вещи, то есть, о том, что точка зрения подсудимого заключается в том, что эти печальные меры предпринимала полиция, а не гражданская администрация.

Я также намерен представить два письменных показания которые уже имеются у меня. Одни из них это письменные показания германского судьи,

[526] Ганс Раутер (1895 — 1949) — один из руководителей нацистского оккупационного режима в Нидерландах, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21 июня 1943 года), генерал войск СС (1 июня 1944 года). Казнён по приговору голландского суда.

камергерихтсрата Рудольфа Фрича. В администрации Зейсс-Инкварта он был ответственным за апелляции. Он сможет рассказать о том как Зейсс-Инкварт руководил этой важной частью судопроизводства.

Ещё одни письменные показания имеющиеся у меня поступили от доктора Вальтера Штрикера. Они приводятся в документе номер 30. Доктор Вальтер Штрикер был адвокатом в Вене и в 1938 эмигрировал в Австралию. Он служил в австралийской армии и, без спроса, направил мне письменные показания, нотариально удостоверенные австралийским нотариусом, в которых он свидетельствует об условиях в Вене в критические дни октября и ноября 1938. Я также прошу о том, чтобы эти письменные показания были допущены. Что касается документов, как я уже сказал сэру Дэвиду, я представлю точный список.

Председатель: Минуточку, перед тем как вы этим займётесь. Сэр Дэвид сказал о том, что в связи с письменными показаниями, которые указаны на странице 2, их следует называть опросными листами. Я не знаю, хотите ли вы именно письменные показания, которые отличаются от опросных листов.

Штейнбауэр: Да, сэр.

Председатель: Вы хотите письменные показания?

Штейнабауэр: Опросные листы, сэр.

Председатель: Будут ли какие-либо возражения, чтобы письменные показания адвоката из Австралии показали обвинению, для того, чтобы оно могло понять хочет ли оно перекрёстные опросные листы для этого свидетеля? Австралия очень далеко отсюда для доставки его для перекрёстного допроса.

Штейнбауэр: Разумеется.

Максвелл-Файф: Мне только, что вручили письменные показания свидетеля Штрикера, а также номер 6, голландские вопросы от судьи Фрича и если сделать тоже самое в отношении барона Линдхорста-Гормана, я с готовностью их тоже рассмотрю.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: В отношении остальных документов как обычно, я прошу защиту составить фрагменты и показать их нам.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Есть один момент на который я обращаю внимание трибунала. Может помочь то, что номер 28, документ номер D-571, уже приобщён как экземпляр USA-112. Я не знаю, хочет ли защита номер 3. Я его не буду сейчас рассматривать, но обвинение полагает, что он действительно не нужен и не относится к делу, но я думаю удобнее всего, чтобы мы могли обсудить его, когда придёт черед.

Председатель: Да. Тогда в отношении номера 2, под заголовком по голландскому вопросу, будет ли удовлетворительным, если он будет в форме письменных показаний и представлен вам, для того, чтобы вы могли представить перекрёстные

опросные листы, если захотите?

Максвелл-Файф: Так было бы весьма удовлетворительно.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, у вас есть письменные показания указанные в параграфе 2 последнего заголовка?

Штейнбауэр: Нет, сэр. Я пока их не получил. Но я попросил трибунал, чтобы трибунал опросил свидетеля.

Председатель: Не будут ли опросные листы более удобной формой?

Штейнбауэр: Да, сэр.

Председатель: Тогда мы вас не затрудняем документами.

Штейнбауэр: У меня есть только одна просьба, если возможно, нужно достать две книги отсутствующих у меня: документ номер 8, Гвидо Цернатто «Правда об Австрии» и номер 9, книга «Пакт с Гитлером – австрийская драма» Мартина Фухса. Австрийцы сказали мне о том, что обе эти книги содержат ценную информацию поясняющую события 1937 и 1938. Обе книги, конечно же, были запрещены в Австрии во время нацистского режима и поэтому я не смог их получить.

Вторая книга также находится в списке представленном французским обвинением и из неё я узнал о том, что книга была издана издательской фирмой Плёна в Париже. Наверное, возможно, при содействии обвинения своевременно получить эти книги. Все другие документы у меня имеются.

Председатель: Вы сказали номер 2? Вы сказали 8 и 9, но вы также сказали номер 2?

Штейнбауэр: Номер 2, «Три времени Австрии» Шушнига.

Председатель: Я подумал, вы упоминали третью книгу. Вы сказали, что у вас нет номеров 8 и 9, и я подумал вы сказали про третью.

Штейнбауэр: Нет, сэр, только две книги.

Председатель: Очень хорошо. Тогда, несомненно, обвинение поможет вам получить их.

Максвелл-Файф: Милорд, мы сделаем запросы, и мы свяжемся с ним.

Председатель: Да. Я вызываю представителя подсудимого Шпеера.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, подсудимый Шпеер запросил 22 свидетеля, которые все должны ответить в письменном виде. Он также попросил о том, чтобы суд назначил экспертную комиссию для допроса ряда свидетелей о том, что названо «экономическими вопросами». Итак, я думаю, будет удобно если я подытожу в четырёх предложениях пункты защиты на странице 26 и следующих страницах ходатайства, потому что если трибунал обдумает это то ему будет проще рассматривать свидетелей.

Есть четыре пункта. Номер 1 должен показать ответственность Шпеера. Подсудимый Шпеер говорит о том, что не был ответственным за мобилизацию, распределение и обращение с рабочей силой. Второй пункт должен доказать, что его функции являлись лишь техническими, а не политическими. Третий пункт, должен доказать его действия по остановке импорта иностранной рабочей силы и

обращение с рабочей силой из концентрационных лагерей на фабриках вооружений, которые являлись его заботой. Четвёртый пункт это его усилия, в конце войны, по остановке разрушения в Германии и таким образом помощь союзникам и Германии после войны.

Итак, из свидетелей, следующие из его министерства, номера 1-6, 8, 10 и 12. Обвинение полагает, что девять это довольно большое количество для рассмотрения деятельности министерства. Они по многим положениям являются кумулятивными и мы должны предложить, чтобы представитель выбрал троих, чтобы можно было охватить эту часть дела.

Итак, следующие свидетели, номера 15-21, предназначены для того, чтобы показать отношение подсудимого в конце войны. Есть ряд документов по этому пункту, и снова обвинение полагает, что можно сократить количество свидетелей до двух или трёх.

Итак, рассматривая оставшихся свидетелей, номер 7, фельдмаршал Мильх, который уже допущен для подсудимого Геринга, таким образом, здесь нет вопроса.

И номер 9, доктор Мальзахер[527], при том, что и не сотрудник министерства подсудимого, он был ответственным за вооружения на юго-востоке, и он будет кумулятивным по отношению к сотрудникам министерства.

Номер 11 это посредник между министерством и ОКВ и также кажется кумулятивным, до тех пор пока представитель не укажет какое-либо особое положение которое упустило обвинение.

Номер 13 по сути кумулятивен номеру 12, говоря о том, же о чём выскажется госпожа Кемпф.

Номер 14 это врач подсудимого, выступающий о периоде болезни. И снова, пока в этом есть что-то, чего не заметило обвинение, оно полагает, что подсудимый и его секретарша смогут высказаться о периоде болезни.

Наконец, номер 22, Готтлоб Бергер[528], предназначенный для информирования трибунала об общих взглядах Гитлера на обстановку в апреле 1945 и это кажется не относящимся к делу. Я думаю, единственный смысл заключается в том, чтобы показать, что это как-то повлияло на речь по радио которую хотел произнести подсудимый. Это взгляды обвинения в отношении свидетелей. В отношении комиссии экспертов, обвинение покорно заявляет о том, что вопросы снабжения рабочей силой и вооружением являются вопросами, которые сейчас общеизвестны и о которых представлено много доказательств, и что они являются значимыми вопросами которые трибунал может рассмотреть при решении вопроса о

[527] Ганс Мальзахер (1896 – 1974) – австрийский горнодобытчик. В 1945 заместитель министра вооружений.

[528] Готтлоб Кристиан Бергер (1896 — 1975) — один из руководителей СС, начальник Главного управления СС (1 апреля 1940 года — 8 мая 1945 года), государственный секретарь министерства восточных оккупированных территорий (20 августа 1943 года — 20 января 1945 года), командующий резервными войсками и руководитель службы по делам военнопленных в Германии 31 октября 1944 года — 8 мая 1945 года, начальник штаба германского фольксштурма 25 сентября 1944 года — 8 мая 1945 года, обергруппенфюрер СС (15 августа 1940 года) и генерал войск СС (21 июня 1943 года). Американским трибуналом был приговорён к 25 годам лишения свободы.

фактах. Они не являются настолько специализированными вопросами, чтобы заслуживать создания трибуналом специальной комиссии для их рассмотрения. Такие у обвинения взгляды на вопрос свидетелей.

Председатель: Да, доктор Флекснер.

Флекснер: Разрешите мне, господин председатель, начать с последнего вопроса, о котором говорил обвинитель, а именно — с вопроса о том, вызывает ли дело Шпеера необходимость заслушать в суде эксперта о круге его задач, который мог бы многое объяснить. Господин представитель обвинения считает, что представленных до сих пор доказательств достаточно для того, чтобы полностью осветить суду методы, ход и последствия действий в вопросах, подведомственных подсудимому Шпееру, в их общей связи.

Но, к сожалению, я должен заметить, что то описание деятельности Шпеера, которое до сих пор здесь приводилось обвинением, не соответствует действительному положению вещей и частично неполно.

И действительно, трудно рассмотреть работу и методы министерства, которое в нормальное время в государстве не существует. Во всех ведущих войну государствах министерства вооружения или производства вооружения создавались во время войны. Круг задач этих министерств устанавливался от случая к случаю. Также и в отношении министерства, которым руководил подсудимый Шпеер.

Ведь не только министерство подсудимого Шпеера занималось всеми теми вопросами, которые здесь были представлены для сведения суда обвинением, ими в первую очередь занимались и другие управления государственного аппарата. Полномочия перекрещивались, и эти полномочия во многих случаях вообще нельзя было отграничить, и решение должно было приниматься в каждом отдельном случае. Все эти вопросы чрезвычайно важны, если трибунал хочет представить себе точную картину того, насколько обоснованны утверждения обвинения, в особенности в отношении использования иностранных рабочих. К этому еще надо добавить, что тот подсудимый, который вначале также был запутан в комплекс экономических вопросов и который мог бы разъяснить различные полномочия, а именно подсудимый Лей, который как руководитель Германского трудового фронта играл важную роль в вопросе распределения рабочей силы и обеспечения этих рабочих и т. д., — что этот подсудимый Лей уже больше не присутствует на процессе. Итак, вопрос об использовании иностранных рабочих, который в значительной степени вменяется в вину подсудимому Шпееру должен быть лучше выяснен. Поэтому я и просил, чтобы эти чисто технические вопросы распределения рабочей силы для оказания помощи трибуналу и были бы разъяснены экспертом.

Но выбрать такого эксперта нелегко. Я предложил пригласить сюда одного из господ, которые занимаются вопросами экономики в Департаменте сельского хозяйства в Вашингтоне, для рассмотрения этого вопроса о министерстве Шпеера и выступления здесь перед трибуналом в качестве эксперта. Как я слышал, это

учреждение ликвидировано, и эти люди, которые, по мнению Шпеера, при допросе действительно понимают положение вещей, уже не находятся в нашем распоряжении. Но есть, наверное, союзное учреждение, которое занимается экономическими вопросами, и, может быть, есть возможность найти среди этих сотрудников подходящее лицо, которое для оказания помощи суду могло бы выяснить этот вопрос.

Сейчас я перехожу к вопросу свидетелей. Прежде всего я должен поправить ошибочное впечатление, которое может возникнуть из-за обвинения. Если оно сказало свидетелям 1-5 – нет, 1-6, 8 и 10 и 12…

Председатель: Если вы сейчас закончили вопрос комиссии экспертов, то будет удобно прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Флекснер: Господин председатель, сейчас я перехожу к вопросу свидетелей и хочу сделать общее замечание перед тем как начну:

Доказательства которые должны быть представлены свидетелями, как я уже попросил в письменном виде, являются довольно обширными по той причине, что те самые свидетели которые бы имели самые подробные сведения не могут быть вызваны. Это генерал Фромм[529] и Шибер[530], который многие годы являлся начальником центрального управления в министерстве Шпеера. Имена, которые я включил в свой список, являются отчасти, людьми которые лишь позднее были призваны к этим задачам. Свидетель Гупфаер, например, приведённый под номером 1, действовал в этом качестве только с 1 января 1945 – то есть едва 4 месяца – в качестве начальника центрального управления, управления ранее возглавляемого Шибером.

Мне хорошо известно, что если я называю ряд свидетелей которые работали в министерстве Шпеера, соответственно возникает то, что эти свидетели могут быть кумулятивными, потому что их опрашивали по одинаковым вопросам. В действительности, дело не обстоит таким образом. На самом деле, при том, что свидетели действовали в министерстве Шпеера, они не действовали как обычные чиновники, то есть, как профессиональные гражданские служащие ведомства.

Министерство Шпеера являлось военным учреждением организованном в чертах совершенно других нежели обычное министерство. Основные функции были делегированы промышленникам, которые занимались этим по совместительству. Роланд[531], свидетель номер 2, например был по профессии директором Vereinigte

[529] Фридрих Фромм (1888 — 1945) — немецкий военный деятель, генерал-полковник. Командующий армией резерва (1939—1944). Казнён за участие в заговоре против Гитлера.
[530] Вальтер Шибер (1896 – 1960) – немецкий химик. В 1942-1944 начальник управления в министерстве вооружения. Был уволен за коррупцию.
[531] Вальтер Роланд (1898 – 1981) – немецкий промышленник. В 1940-1945 возглавлял крупные промышленные

Stahlwerke AG[532]; свидетель номер 4 был директором Zellwell A.G.; свидетель номер 6, промышленник и владелец текстильной фабрики; свидетель номер 9, директор верхнесилезских горнодобывающих предприятий Hutten A.G. В дополнение к этим функциям у них имелись специальные функции в министерстве Шпеера. Таким образом, они могут дать показания только о небольшом фрагменте, а именно, тех функциях которые им делегировали. Таким образом, я не могу согласиться с обвинением в том, чтобы выбрать только двух господ.

Я не знаю о том насколько каждый из этих господ информирован по вопросам которые я им представлю. У меня нет благоприятной позиции обвинения, которое может опрашивать своих свидетелей заранее и выяснять то, что оно хочет знать. Я должен полагаться на опросные листы, и могу только надеяться, что они в состоянии ответить на поставленные вопросы. Если я соглашусь с предложением обвинения и выберу только двух или трёх из этих господ, очень может быть, что я выберу неправильных людей, тех, кто ничего не знает. Поэтому я не могу сказать, что я отказываюсь от кого-либо из этих свидетелей, которые должны быть здесь по основному вопросу в деле против подсудимого Шпеера, а именно, использованию иностранных рабочих.

В списке свидетелей я кратко упомянул подробности по которым должны быть заслушаны эти свидетели. Мне кажется, что мне не нужно делать дальнейшие заявления на эту тему. Мне кажется, мои причины очевидны.

Теперь я перехожу к вопросу о свидетеле номер 7. Этот свидетель уже одобрен мне. Мне не кажется, что требуются дальнейшие пояснения.

Что касается Мальзахера, свидетеля номер 9, обвинение утверждает, что этот свидетель будет кумулятивен свидетелю номер 1. Но это не так. Основной вопрос который должен быть задан этому свидетелю заключается в том как распределение рабочей силы производилось управлением рабочей силы. Второй вопрос, заключается в том, была ли и в какой мере у управлений министерства Шпеера и промышленности возможность влиять на распределение доступной рабочей силы. Этот свидетель имеет решающее значение в отношении данного вопроса. У меня есть ещё вопросы к этому свидетелю, и я должен включить их в опросный лист, который в частности касается разрушения и т.д.

Я хотел, чтобы мой список был как можно более кратким и поэтому указал только основные пункты. Поэтому я прошу о том, чтобы этот свидетель был допущен, поскольку я до сих пор пользуюсь опросным листом, так как свидетели могут заявить в них нечто, что действительно относится к делу. Если опросный лист возвратиться ко мне без относящегося к делу материала, я, конечно же, воздержусь от траты времени и терпения трибунала и не буду представлять опросный лист.

концерны.

[532] «Объединение стали» - немецкий производственный конгломерат по производству стали, угля, железа. Существовал в 1926-1945.

По мнению обвинения, свидетели 12 и 13 являются кумулятивными. Это неправильно. Наверное я слишком коротко высказался о тех фактах о которых свидетели должны дать показания.

Обвинение, видимо случайно, представило документ PS-3568, который содержит допрос который приводит информацию о членстве Шпеера в СС. Этот документ, согласно подсудимому Шпееру не исходит от него, и поэтому я называю его секретаршу в качестве свидетеля по данному факту, то есть она должна получить опросный лист.

Свидетель 13 должен показать о совершенно другом вопросе. Рейхсфюрер СС Гиммлер имел намерение сделать Шпеера эсэсовцем и взять его в свой личный штаб. Свидетель Вольф получил от Гиммлера официальное заявление, которое он должен был вручить Шпееру. И Вольф даст показания о том, что это заявление никогда не передавали Шпееру, так как не стоял вопрос о членстве Шпеера в СС.

Даже если, судить по обвинительному заключению, это небольшой момент, но его следует учитывать, поскольку документ PS-3568 представлен обвинением и использовался в качестве доказательства.

Я согласен с обвинением, что от допроса свидетеля номер 22 можно отказаться, и я это сделаю.

Что касается опроса остальных свидетелей, я прошу разрешить использовать опросные листы.

Председатель: Могу я вас спросить, что вы можете сказать о 14? Разве секретарша может сказать о том факте, что подсудимый болел весной 1944?

Флекснер: Да, господин председатель, я не включил этот вопрос в опросный лист, но я могу добавить это, и мы можем отказаться от свидетеля 14.

Председатель: Сэр Дэвид, вы не считаете, что ускорит дело или поможет защитнику если ему разрешат направить все опросные листы и затем рассмотреть их с вами и понять, что является кумулятивным?

Максвелл-Файф: Да, я совершенно готов сделать это. Все эти свидетели дают свои показания в письменном виде, поэтому я готов…

Председатель: Что же, трибунал рассмотрит этот аспект.

Максвелл-Файф: Если трибунал считаем уместным, я буду очень рад оказать содействие.

Председатель: Тогда доктор Флекснер может рассмотреть документы, или же сэр Дэвид.

Максвелл-Файф: Милорд, документы 1-8 затрагивают отказ подсудимого Шпеера от импорта в Германию иностранной рабочей силы и они кажутся относящимися к делу, за исключением номера 1, который кажется довольно non sequitur[533], так как количество используемое в промышленности вооружений, кажется не имеет

---

[533] Non sequitur (с лат. — «не вяжется»)[1] — нерелевантный довод, термин для обозначения логической ошибки, где предоставленный довод не связан с заключением

никакой связи, как мы можем видеть, с конвенцией о военнопленных 1929. И номер 6 о призыве женщинам Германии, кажется довольно отдалённым. Но, наверное, эти вопросы удобнее рассмотреть, когда представитель захочет приобщить документы.

Номера 9-13 показывают общее отношение подсудимого Шпеера к обращению с иностранными рабочими и таким образом выглядят относящимися к делу. Номер 14 касается пункта, о котором желают получить показания от свидетеля Мильха.

Номера 15-18 являются докладами показывающими безнадёжность экономической ситуации в Германии с июня 1944 и после. Обвинение сейчас не возражает. Конечно же, все эти вопросы должны быть рассмотрены, когда будет использоваться документ. И все номера 19-41 затрагивают усилия подсудимого Шпеера предотвратить разрушение мостов и железных дорог и водного транспорта и подобное, во время последних недель войны. Они могут иметь значение для приговора и поэтому обвинение не возражает.

Наверное, учёный представитель составит цитаты, которые он хочет допустить в этом отношении. Это не является вопросом по которому обвинение приведёт какое-либо опровергающее доказательство и поэтому, если представитель укажет на то какие вопросы он хочет представить, может быть, мы согласимся и сократим презентацию.

В отношении документов 38-41, говорится о том, что они находятся в распоряжении французской делегации. Их сейчас нет у французской делегации, но их запросили.

Я думаю такова наша позиция по документам.

Флекснер: Я хочу коротко прокомментировать один фактор. Документ номер 1 представляет ценность, только если трибунал решит вызвать эксперта по общим темам, которые я описал трибуналу до перерыва.

Эксперт – в практических целях промышленный эксперт – может сделать из старого плана распределения выводы, которые юрист в целом не сможет сделать. Если трибунал считает эксперта излишним, тогда документ номер 1 также излишний – я так понимаю.

Остальные документы запрошенные мною являются важными, но не потому что, как кажется, признаёт обвинение, я пытаюсь представить доказательства того факта, что мы не хотели никаких иностранных рабочих, нужно это категорически отметить.

Подсудимый Шпеер имел задачу производства вооружений и ему требовались для этого рабочие. Нет ничего более отдалённого от его намерений, чем каким-либо образом отрицать или уменьшать свою ответственность за это. Но я считаю важным – и с этой целью эти документы, который я запрашиваю, являются существенными – это задача определения масштаба за который является ответственным подсудимый.

Мне кажется, этим объясняется вопрос документов.

Председатель: Мне не совсем ясно, предлагаете ли вы, чтобы трибунал назначил комиссию экспертов, или вы сами хотели бы избрать членов для этой комиссии?

Флекснер: Выбор эксперта я предлагаю произвести суду. Лично у меня нет в данный момент возможности найти подходящее лицо, но я знаю, что в военно-экономическом отделе были лица, которые крайне подходили бы для роли эксперта и имели те знания, которые необходимы для оценки этого вопроса.

Председатель: Таким образом, если мы предположим, что трибунал не примет вашего предложения относительно назначения комиссии экспертов, вам некого дополнить к списку лиц, которым вы направили опросные листы?

Флекснер: Я думаю, что нет, господин председатель. У меня есть ещё одна просьба. Этот эксперт должен озвучить мнение о том подтвердятся ли цифры приведённые господином Деуссом в его письменных показаниях – документе номер PS-2250 – при более близком исследовании. В этих письменных показаниях господи Деусс статистически заявил о том сколько из всех рабочих использовавшихся в Германии были иностранными рабочими в промышленности вооружений, и т.д.

Важные технические возражения можно заявить методу расчёта использованному господином Деуссом. Если трибунал не одобрить использование эксперта по данному вопросу, я прошу разрешения представить некоторые вопросы господину Деуссу, в форме опросного листа, естественно, для того, чтобы дать ему возможность проверить свои цифры.

Письменные показания господина Деусса и заявления содержащиеся в них обвинение посчитало относящимся к делу, я полагаю, что возражения цифрам господина Деусса также будут относится к делу. Я должен просить разрешения обратить внимание господина Деусса, путём опросного листа, на эти моменты, которые по моему мнению являются технически неверными.

Председатель: Спасибо.

Покровский: Я не успел обменяться мнением с моим другом сэром Дэвидом и с остальными коллегами. Поэтому сейчас я высказываю только точку зрения советской делегации по вопросу об экспертизе.

Я не думаю, чтобы назначение экспертизы было таким способом решения вопроса, который следует признать правильным. Мы возражали бы против того, чтобы к выяснению обстоятельств, интересующих подсудимого Шпеера и его защитников, так как они указаны в поданном ими документе, были привлечены эксперты. Мы не считаем правильным, чтобы такой вопрос, как порядок подачи заявок на рабочую силу для министерства Шпеера, утверждения этих заявок Заукелем и распределения рабочих местными управлениями труда, требовал заключения экспертизы. Мы не считаем правильным, чтобы вопрос о производственно-технических задачах министерства Шпеера требовал заключения экспертизы.

То же я могу сказать и в отношении остальных пунктов. Мы склонны защищать ту точку зрения, что все эти вопросы могут быть в достаточной мере выяснены высоким трибуналом и без привлечения экспертизы. Поэтому советское обвинение возражает против удовлетворения этого ходатайства и просит суд отказать в назначении экспертизы.

Председатель: Я вызываю представителя подсудимого фон Нейрата.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, в отношении свидетелей подсудимого фон Нейрата, обвинение не имеет возражения номеру 1, доктору Кепке, который являлся директором политического отдела министерства иностранных дел.

Затем, номер 2, доктор Гаусс, это свидетель который уже одобрен для подсудимого Риббентропа.

В отношении третьего, доктора Дикхофа[534],19 декабря трибунал одобрил этого свидетеля, но обвинение рассмотрев основания настоящего ходатайства, покорно предлагает, что это может быть охвачено опросными листами.

Людингхаузен: Господин председатель, я согласен, и уже подготовил опросный лист, который будет представлен сегодня генеральному секретарю, но я хочу оставить за собой право попросить при определённых обстоятельствах, чтобы, когда опросный лист вернётся ко мне, вместе с тем свидетель был заслушан лично перед трибуналом. Принципиально, я, однако, согласен, с его заслушиванием посредством опросного листа.

Максвелл-Файф: Весьма обязан. И такой же взгляд у обвинения по номеру 4, свидетелю Прюферу, и снова кажется это в основном исторический вопрос и оно предлагает опросный лист. Нет возражения чтобы для дачи показаний свидетель был доставлен в суд.

Людингхаузен: Этот опросный лист уже представлен мною генеральному секретарю несколько недель назад. Я полагаю, что его возвратят мне с ответами, в разумный срок.

Максвелл-Файф: Затем, номер 5 это граф Шверинг фон Крозиг, который длительный период был министром финансов в правительстве Рейха. Если трибунал будет любезен взглянуть на ходатайство, которое заявил доктор фон Людингхаузен: он говорит, что этот свидетель наиболее точно проинформирован о личности подсудимого, его политических точках зрения, а также основных мыслях и целях мирной политики проводимой подсудимым, и его избегания использования силы, также как о его стремлениях по сохранению мира, даже после пребывания министром иностранных дел, и о его мнении про национал-социализм и про события на заседании кабинета 30 января 1937.

Обвинение считает, что эти вопросы, по сути подчёркивают положения о которых выскажется подсудимый и трудно понять как графа Шверина фон Крозига можно спрашивать о таком вопросе. Таким образом, опять, оно предлагает, что

[534] Ганс-Генрих Дикхоф (1884 – 1952) – немецкий дипломат. Посол Германии в США в 1937-1938.

опросного листа будет достаточно в целях защиты.
Людингхаузен: Мне не кажется, что опросный лист послужит цели, которую я хочу выполнить, как то, рассмотреть несколько секторов деятельности подсудимого фон Нейрата, в отношении чего свидетель предоставит нам информацию.

Например обвинительное заключение утверждает, что подсудимый фон Нейрат действовал в качестве некого рода пятой колонны в консервативных рядах, то есть, Германской национальной партии. В отношении того факта, что это не является правдой, свидетель названный мной, граф Шверин фон Крозиг, может предоставить обширную информацию, и я придаю значение представления этого в трибунале таким образом, чтобы трибунал могу понять атмосферу в рядах правых партий в то время.

Дальнейшим предметом заслушивания является поразительная манера в которой подсудимый фон Нейрат вмешался, при том, что уже не являлся министром иностранных дел, для того, чтобы добиться Мюнхенской конференции в сентябре 1938 и меры которыми он повлиял на итог этой конференции, который тогда, в целом, считали обнадёживающим.

Я должен рассматривать вызов в трибунал этого свидетеля, который находится в Нюрнберге, и которого, таким образом, не нужно доставлять из другого города.

Максвелл-Файф: Я больше ничего не хочу говорить об этом.

Затем, фельдмаршал фон Бломберг, как мы понимаем болен и будет опросный лист.

Номер 7, доктор Гвидо Шмидт, это тот же самый свидетель, которого рассматривали этим утром по делу Зейсс-Инкварта. Он бывший австрийский министр иностранных дел. Я не возражал по делу Зейсс-Инкварта и не возражаю здесь.

Лорд Галифакс относится к опросным листам.

Людингхаузен: Опросный лист уже направлен лорду Галифаксу, как мне сказал генеральный секретарь.

Максвелл-Файф: Доктор Мастны[535], который был чехословацким послом в Берлине, оказался в деле посредством того, что обвинение приобщило письмо от Яна Масарика[536] описывающее визит доктора Мастны к подсудимому фон Нейрату. Конечно, если есть какой-то вопрос по поводу доклада – что это неправда – тогда будет причина вызвать его в качестве свидетеля, но если это просто вопрос пояснительного характера, мне кажется, опросного листа будет достаточно.

Людингхаузен: В данном случае я согласен на опросный лист.

---

[535] Войцех Мастны (1874 – 1954) – чехословацкий дипломат. Посланник Чехословакии в Берлине в 1932 – 1939.

[536] Ян Масарик (1886 — 1948) — чехословацкий дипломатический и государственный деятель. В 1940—1948 годах — министр иностранных дел Чехословакии. Сын первого президента Чехословакии Томаша Масарика. Посол Чехословакии в Великобритании в 1925 – 1935.

Максвелл-Файф: Затем в отношении следующего свидетеля, доктора Штролина[537] – если трибунал рассмотрит вместе с номером 12, доктором Вюрмом[538] – я понимаю, что трибунал 19-го декабря одобрил номер 12, в качестве альтернативы Штролину, предоставив выбор между свидетелем Штролином и свидетелем Вюрмом. Доктор Штролин это обербургомистр Штутгарта. Я не знаю, может ли сказать доктор Зейдль трибуналу тот ли это самый доктор Штролин которого он хочет по делу Гесса.

Людингхаузен: Да.

Максвелл-Файф: Доктор фон Людингхаузен рассказал мне о том, что он, как может заметить трибунал – этого свидетеля также просит доктор Зейдль по делу Гесса – и поэтому я предлагаю, чтобы мы оставили это сейчас не решённым. Если трибунал одобрит его по делу Гесса, конечно, доктор фон Людингхаузен автоматически сможет воспользоваться этим свидетелем, а если его не одобрят – и я не знаю, сильно ли настаивает доктор фон Людингхаузен на его личном присутствии – я не суд – я сам не настаиваю. Вы хотите, чтобы вас выслушали?

Людингхаузен: Я полностью согласен с тем, что я должен принять решение тогда, когда будет решаться вопрос о том, допускается свидетель или нет. Я хочу заметить следующее…

Председатель: Минуточку. Какой свидетель?

Максвелл-Файф: Номер 10, доктор Штролин.

Председатель: Если доктор Штролин одобряется, вам вообще потребуется доктор Вюрм, номер 12?

Людингхаузен: Господин председатель, я не настаиваю на заслушивании доктора Вюрма в Нюрнберге. Епископ Вюрм уже сказал мне о том, что предоставит мне запрошенную информацию в виде письменных показаний. Я прошу разрешения представить эти письменные показания трибуналу. Я не настаиваю на его личном заслушивании.

Максвелл-Файф: Это просто кумулятивно номеру 10, но если считается, что письменные показания помогут – они будут в таких же чертах – я не настаиваю на возражении.

Итак, номер 11. Обвинение считает в отношении свидетеля Циммермана, что он, по сути, говорит о состоянии мыслей подсудимого. Позволю прочесть первые пять строк:

> «Свидетель в состоянии предоставить информацию о личности, характере и философии подсудимого, а также том факте, что он вошёл в кабинет только по прямой просьбе рейхспрезидента фон Гинденбурга, и что он оставался в кабинете после смерти последнего,

[537] Карл Штролин (1890 – 1963) – нацистский политик. Бургомистр Штутгарта в 1933-1945.
[538] Теофил Вюрм (1868 -1953) – протестантский священник, с 1933 по 1948 епископ евангелической церкви Вюртемберга.

> потому что он был убеждённым сторонником мира и противником любой политики направленной на силу или войну, и что ввиду этой причины он вручил свою отставку с должности рейхсминистра иностранных дел после 5 ноября 1937, а также о причинах почему он, заявил о готовности принять должность рейхспротектора Богемии и Моравии».

Кажется, что всё это является вопросами, о которых доктор Циммерман мог слышать от подсудимого. Я не думаю, что это действительно поможет делу подсудимого. Таким образом, обвинение считает, что этот свидетель не относится к делу.

Людингхаузен: Я хочу попросить, чтобы его здесь заслушали. Свидетель был очень близким другом подсудимого фон Нейрата, многие, многие годы. Подсудимый считал его кем-то вроде отца исповедника и информировал его обо всём, что его подавляло. Из этой информации свидетеля складывается очень чёткое впечатление о событиях и происшествиях. Таким образом, этот адвокат, доктор Циммерман, очень подробно информирован об инцидентах, которые происходили в сентябре 1932, когда фон Нейрат вошёл в новый кабинет фон Папена по прямому пожеланию рейхспрезидента фон Гинденбурга. Свидетель проинформирован о том факте, что подсудимый фон Нейрат не хотел следовать призыву, и что со стороны рейхспрезидента фон Гинденбурга потребовалось честное убеждение о его патриотическом и личном долге, перед тем как подсудимый принял должность министра иностранных дел. Этот свидетель также знает о мотивах из-за которых подсудимый после смерти рейхспрезидента посчитал своим долгом, в ответ на волю выраженную рейхспрезидентом оставаться в должности, и таким образом выполнять пожелания рейхспрезидента.

Он также очень хорошо знает о том какой опустошающий эффект произвело на фон Нейрата 5 ноября 1937, когда Гитлер впервые вывел на первый план военный замысел. Свидетель Циммерман также очень точно знает причины которые привели подсудимого к принятию после длительного размышления поста рейхспротектора. Свидетель также хорошо информирован не только о трудностях возникших перед должностью рейхспротектора, но также об отношении подсудимого к проблемам рейхспротектората. Все эти вопросы имеют решающее значение для суждения о подсудимом, и мне не кажется, что даже письменные показания или протоколы допросов которые в большой степени проработаны могут иметь такую же весомость как личное заслушивание свидетеля. По этим причинам я прошу, чтобы свидетель который дал мне заверение в том, что он будет рад прибыть сюда из Берлина, был одобрен. Нам не нужно его искать, он является практикующим адвокатом и нотариусом в Берлине.

Максвелл-Файф: Я не хочу чего-либо добавлять. Милорд, остаётся один момент, двое свидетелей, 13 и 14. Первый, доктор Фолькерс, был начальником кабинета

подсудимого фон Нейрата в Праге. Он не найден. Второй, фон Голлебен, был…

Людингхаузен: Этот свидетель находится в лагере интернированных вНоймюнстере, я указал точный адрес.

Максвелл-Файф: Тогда я думаю, соображение обвинения заключается в том, что подходящим является один свидетель, и что не нужно вызвать второго свидетеля, доктора Фолькерса.

Людингхаузен: Я полностью согласен, но я прошу вас согласиться с заслушиванием консула фон Голлебена путём опросного листа.

Председатель: Сейчас четверть 1, мы прервёмся до 2.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Кажется вероятным, что трибунал закончит с ходатайствами о свидетелях и документах в конце сегодняшнего заседания, но он не предлагает продолжать с делом подсудимого Геринга до завтра. Он рассмотрит это дело завтра в 10 часов.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, в отношении документов о которых ходатайствует подсудимый фон Нейрат, параграф 1 не требует комментариев.

Параграф 2 ссылается на документы, которые доктор фон Людингхаузен имеет в своём распоряжении. Если рассматривать их обычным способом и делать фрагменты, мне больше нечего добавить.

Затем мы подходим к документам, которых пока нет в распоряжении. Номер 1 и номер 4 это стенограмма Конференции по разоружению в 1932, и в мае 1933 соответственно. Боюсь я не знаю, в чём заключается сложность получить эти документы и если обвинение как-нибудь может помочь, оно это сделает.

Людингхаузен: По вопросу документа номер 1, я смог найти, между делом, в одном из документов ссылку на Конференцию по разоружению, копия этого документа, которая является важной для меня, а именно, резолюция о равенстве прав для Германии. Если документ о котором, я попросил сейчас не находится здесь, я вместе с тем смогу представить фрагмент из немецкой книги. Однако, это не относится к номеру 4, и я хочу получить его.

Максвелл-Файф: Номер 2 это просьба о допросе Карла Германа Франка.

Трибунал распорядился о том, чтобы только фрагменты допросов подсудимых использовавшихся обвинением можно было использовать повторно. Использовались какие-либо фрагменты из этого допроса советским обвинением, я

признаюсь…

Председатель: Сэр Дэвид, пожалуйста, одну минуту. Как я вас понял, вы не совсем верно сказали о нашем распоряжении.

Максвелл-Файф: Виноват, милорд.

Председатель: Я думаю, наше распоряжение заключалось в том, что если обвинение приобщает какую-либо часть допроса подсудимого, тогда у подсудимого должна быть возможность использовать любую другую часть допроса, рассматривая допрос как один документ.

Максвелл-Файф: Я благодарен вашей светлости. Такое правило относилось к подсудимым, но Карл Герман Франк не является подсудимым.

Председатель: О, да.

Максвелл-Файф: И любой фрагмент который использовали обычным образом появлялся в документальной книге какая бы делегация его не использовала. Конечно основной допрос, был проведён, не только в целях обвинения на данном процессе, но также с целью процесса чешского правительства над самим Карлом Германом Франком. Поэтому, что я предлагаю, это, чтобы доктор Людингхаузен направил Карлу Герману Франку опросные листы, по любым доводам, о которых хочет заявить. Обвинение этому не будет возражать.

Людингхаузен: Господин председатель, могу я ответить следующее?

Эти протоколы четырёх допросов Карла Германа Франка упоминались при обсуждении экземпляра номер СССР-60, который мне вручили и который содержит обвинительное заключение, предъявленное чешским правительством.

Я не могу судить о том, в какой мере эти допросы являются важными в связи с моим клиентом, подсудимым фон Нейратом, в качестве рейхспротектора, или же они относятся к последующему периоду. По этой причине я попросил о том, чтобы мне предоставили протоколы. Я знаю о том, что Карла Германа Франка также допрашивали о документе по вопросу совещания в Праге о политике германизации чешской страны. К этому документу, который был представлен, то есть, который содержит отчёт генерала Фридерици[539], имеется ссылка в соответствующем протоколе.

Я знаю о том, что однажды Франк подготовил для рейхспротектора доклад в котором он обозначил все мнения и предложения – которые в действительности, никогда не осуществлялись на практике – смехотворными и заявил об их невозможности. Таким образом, для меня важно знать, что сказано в этих стенограммах на которых строится чешское обвинительное заключение. Если ничего из того, что содержится в нём, тогда, я конечно, откажусь от этих протоколов, но я должен их лично изучить. Поэтому, для меня важно хотя бы увидеть эти протоколы и затем представить из них то, что имеет для меня какое-

---

[539] Эрих Фридерици (1885 – 1968) – немецкий военачальник. Генерал пехоты. В 1942-1945 представитель Вермахта в Протекторате Богемии и Моравии.

нибудь значение.

Председатель: Сэр Дэвид, нет ли у вас возражения, чтобы представитель фон Нейрата увидел эти допросы?

Максвелл-Файф: Я должен проконсультироваться с чешским правительством прежде чем смогу согласиться, потому что, откровенно говоря, я не вникал в те части, которые не касались настоящего дела, и я не знаю на каких предметах основан допрос.

Председатель: Но рассматривая вопрос в принципиальном смысле, если использовался определенный документ или часть документа не должно быть доступным для подсудимых использовать остальное из документа?

Максвелл-Файф: Милорд, я должен считать, что это принципиальный вопрос, только если есть связанные части. Я думаю это является общим правилом применяемом, скажем, к допросам в английских судах. Например, предположив, что однажды Карл Герман Франк был допрошен о ранних днях Протектората, а в другой день его допросили о конкретном моменте в конце Протектората. Тогда я не должен считать, что эти две вещи достаточно тесно связаны.

Милорд, мне напомнили о том, что есть другой момент, который господин Баррингтон довёл до моего внимания. Эти допросы являлись основой для чешского правительственного доклада. Они не представлялись как допросы, но, как мне сказали, в качестве части доклада лица, которое его подготовило. Это не является материалом который мы в состоянии представить в качестве допросов. Они поступили в качестве правительственного доклада от чешского правительства.

Биддл: Если получиться, что это относится к делу, может ли обвинение возражать представлению этого материала?

Максвелл-Файф: Нет. Если оно может получить материал, но материал является имуществом чешского правительства.

Биддл: Тогда ваша позиция заключается в том, что его нет в ваших руках, и решать чешскому правительству.

Максвелл-Файф: Конечно.

Биддл: Понятно.

Максвелл-Файф: Ещё один документ это договор между Францией и Советским Союзом в 1935[540]. Этот документ разрешён генеральным секретарём 29 января и если есть какая-либо сложность в получении копии, я попытаюсь сделать, что-нибудь, что могу, оставив право возражать его отношению к делу, когда буду знать, что его собираются использовать.

Людингхаузен: Могу я добавить несколько слов об этом?

В течение последних нескольких дней, я получил от разных сторон,

---

[540] Франко-советский пакт о взаимопомощи — соглашение о военной помощи между Францией и СССР, заключённое 2 мая 1935 года. Договор знаменовал существенный сдвиг в советской политике от позиции противодействия Версальскому договору к более прозападной политике.

предложения об информации, которая выглядит важной для моей защиты, но я пока не имел возможности проверить эту информацию и понять имеет ли она значение для ведения защиты. Поэтому, могу я просить, если так случиться, и если должны быть один или два других свидетеля или документы которые я могу найти позднее, чтобы мне разрешили заявить ходатайство о дополнении списка свидетелей который я вручил сегодня.

Председатель: Я вызываю представителя подсудимого Фриче.

[*Доктор Фриц подходит к трибуне*]

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, есть только два свидетеля о которых ходатайствуют в данном деле.

Первый из них фон Ширмайстер[541], который был сотрудником покойного доктора Геббельса в министерстве пропаганды. Обвинение не имеет возражения этому свидетелю.

В отношении второго свидетеля, доктора Отто Крика[542], ходатайство говорит о том, что он получал свою информацию и инструкции от подсудимого Фриче, и он может высказаться о директивах издававшихся для журналистов. Предположив, что это были более или менее официальные директивы которые он принимал при исполнении обязанностей, я снова, не думаю, что у обвинения может быть какое-либо возражение. Но я не знаю, о чём думает доктор Фриц по поводу опросных листов, или же отстаивает взгляд на вызов доктора Крика. Как я понимаю, это является более или мене синопсисом отданных директив, но в виду самых умеренных размеров ходатайства, я не хочу быть необоснованным если есть какая-то особая причина вызвать доктора Крика.

Фриц: Уважаемый суд, я представил весьма ограниченный список доказательственного материала и буду благодарен если личная явка второго свидетеля, доктора Крика будет одобрена, по следующим причинам: во-первых, свидетель фон Ширмайстер назван, потому что он должен предоставить нам информацию о внутренних задачах которые были у подсудимого Фриче в министерстве пропаганды, в особенности о его взаимоотношениях с доктором Геббельсом. Что касается ежедневных пресс-конференций подсудимого Фриче, этот первый свидетель фон Ширмайстер, в них не участвовал. С субъективной точки, в особенности, важно знать какие директивы подсудимый Фриче давал журналистам, в особенности большинству важных немецких журналистов которых ежедневно собирали на его пресс-конференциях.

В качестве дальнейшей причины для своей просьбы о разрешении личной

[541] Мориц фон Ширмайстер (1901 – 1946) – немецкий журналист и государственный деятель. В 1933-1945 сотрудник министерства пропаганды Германии.

[542] Отто Крик (1892 – 1945, объявлен умершим в 1952) – немецкий журналист. Казнён по приговору советского суда.

явки свидетеля, я отмечаю, что сборник документов или даже два сборника документов, 1 и 2 из моего списка пока недоступны для меня, поэтому есть различные моменты которые я хочу подтвердить, представив документы или цитаты из них, что я надеюсь подтвердить опросом этих двух свидетелей.

Максвелл-Файф: Я не настаиваю на письменных показаниях, я оставляю это трибуналу.

В отношении документов, номер 1 это радиопередачи подсудимого Фриче и нет возражения у обвинения.

Номер 2 это архивы отдела германской скоростной службы. И снова мы не возражаем на данной стадии. Наверное, мы рассмотрим отчёты, когда их получим.

Есть небольшая трудность по третьей группе, показаниям под присягой или письмам, которые содержат объективные наблюдения со стороны авторов о поступках подсудимого Фриче. Если бы это были официальные доклады или нечто подобное, конечно, возражения бы не было, если бы это были современники, но порядок, который покорно предлагает обвинение трибуналу заключается в том, что мы ожидаем и посмотрим на них в документальной книге и тогда мы сможем рассмотреть их и заявить любые возражения.

Фриц: Я согласен с таким порядком. Мне кажется, что мне нечего сказать о документах 1 и 2 после заявления сэра Дэвида.

Председатель: Сэр Дэвид, защитник хочет заявить дополнительные ходатайства. Можете ли вы рассмотреть их сейчас.

Максвелл-Файф: Наверное, ваша светлость позволит мне посовещаться с моими коллегами, так как мы рассмотрим всё, если есть дополнительное мнение.

Председатель: Разумеется. Я думаю у доктора Зейдля есть дополнительные ходатайства.

Зейдль: Господин председатель, уважаемый суд, 28 февраля 1946 я представил трибуналу дополнительное ходатайство в интересах подсудимого Рудольфа Гесса. Ходатайство было необходимо по следующим причинам: в своём первом ходатайстве я упоминал свидетеля Боле, бывшего гауляйтера Auslands-Organisation НСДАП, по ряду предметов, среди которых связь с германским зарубежным институтом и деятельность зарубежного союза немцев. Когда я заявлял спорное ходатайство о свидетеле Боле у меня не было возможности поговорить со свидетелем. Однако после одобрения трибунала, я смог это сделать, и обнаружил, что свидетель Боле, при том, что он сделал очень конкретные заявления о Auslands-Organisation, не обладает информацией из первых рук о деятельности германского зарубежного института и деятельности зарубежного союза немцев.

Поэтому я прошу о том, чтобы были одобрены дополнительные свидетели: первый, доктор Карл Штролин, бывший обербургомистр Штутгарта и тогдашний президент германского зарубежного института. Свидетель находится в Нюрнберге в качестве заключённого в ожидании процесса и это тот же самый свидетель,

которого запросил подсудимый фон Нейрат в своём деле.

Максвелл-Файф: Милорд наверное, будет удобнее, если доктор Зейдль укажет на окончательную позицию об этих свидетелях. Как я понимаю, он уже не хочет господина Боле. Это так? Мне не ясно, является ли этот свидетель дополнительным или заменяет господина Боле.

Зейдль: В отношении свидетеля доктора Штролина, это дополнительный свидетель. Боле всё ещё нужен в качестве свидетеля, но только по вопросу деятельности Auslands-Organisation. Свидетель Штролин, поскольку свидетель Боле не обладает информацией из первых рук о зарубежном институте, должен выступить об этом.

Максвелл-Файф: Если я понимаю, это означает, что доктор Зейдль сейчас просит о господине Боле, господине Штролине, докторе Хаусхофере[543] и письменных показаниях, как я думаю, от Альфреда Гесса.

Я не уверен в том, что здест нет кумулятивности свидетелей, и с точки зрения обвинения, наверное сужается смысл чего не сознаёт доктор Зейдль. Обвинение сказало о том, что Auslands-Organisation использовалась для поощрения пятой колонны, но это было выражено так: что используя Auslands-Organisation, прежде всего, есть полный отчёт и организация членов партии за рубежом; во-вторых, разведывательная служба этой организации, сообщавщая обо всех немецких чиновниках каждого отдела правительства которые выезжали за рубеж и проверявшая их работу, помимо немецких граждан и ввиду этой разведывательной службы, эти немцы были готовы к использованию и фактически использовались, когда возникал вопрос вторжения в страну.

Не предполагалось того, что существовали прямые приказы, отданные напрямую организацией, например, взрывать мосты или совершать акты саботажа, что является логичным вопросом функционирования организации которую я описал.

Я говорю это только из-за того, что это должно помочь доктору Зейдлю понять дело. Обвинение никогда не доказывало прямые приказы о саботаже.

Зейдль: Судебный обзор в его деле обвиняет Рудольфа Гесса в том факте, что под его руководством, Auslands-Organisation НСДАП, а также зарубежный институт и зарубежный союз немцев развивали свою деятельность почти одинаково с пятой колонной. Правильно, что лично в изначальном обвинительном заключении подсудимого Гесса, нет никаких деталей которые означали демонстрацию его деятельности и кроме того вину Гесса в отношении деятельности этих организаций.

Однако, пока Auslands-Organisation и зарубежный институт и зарубежный союз немцев обвиняются в наличии какой-либо связи с деятельностью пятой колонны, подсудимый Гесс имеет разумный интерес в желании пояснить, первое, какого рода деятельность осуществляли эти организации и, второе, какие приказы или директивы он отдавал этим организациям.

---

[543] Карл Хаусхофер (1869 — 1946) — немецкий географ и социолог, основоположник германской школы геополитики. Покончил жизнь самоубийством.

Свидетель Боле в состоянии дать очень чёткие заявления в отношении Auslands-Organisation. Тоже самое необходимо для германского зарубежного института о котором доктор Штролин, находящийся в Нюрнберге сможет сделать аутентичные заявления и для зарубежного союза немцев, о котором выскажется доктор Хаусхофер.

Однако, я согласен, в отношении физического состояния доктора Хаусхофера, чтобы для этого свидетеля использовали только опросный лист.

Максвелл-Файф: Я не возражаю допросу доктора Хаусхофера.

Председатель: Есть ещё один кого вы хотите?

Зейдль: Да, сэр, третий. Перед тем как перейти к третьему свидетелю, которого я хочу назвать в качестве дополнительного свидетеля, я хочу сообщить трибуналу, что я не настаиваю на личном заслушивании свидетельницы Ингеборги Шпеер, которая уже одобрена судом. Вместо этого, я представлю короткие письменные показании, которые уже находятся в документальной книге, которую я уже вручил генеральному секретарю.

Вместо свидетельницы Шпеер, я, однако, прошу, чтобы был вызван свидетель Альфред Лейтген[544]. Лейтген многие года до его полёта в Англию был адъютантом Рудольфа Гесса.

Я не мог ходатайствовать об этом свидетеле раньше, потому что я только сейчас обнаружил этого свидетеля. Мне кажется, что личное заслушивание свидетеля является настолько важным, что нельзя от него отказаться.

Максвелл-Файф: Оба момента которые указал доктор Зейдль кажутся относящимися к делу, и в виду того факта, что он подготовил отказ от секретарши, обвинение не возражает этому свидетелю.

Председатель: Есть ещё какие-либо ходатайства?

Максвелл-Файф: Меня интересует, позволит ли мне ваша светлость сказать одну вещь. Доктор Серватиус уже провёл определённые беседы с сотрудником моего штаба. Я думаю, они окажутся полезными и помогут в тех чертах, которые предложил ваша светлость, и если трибунал будет любезен, обеспечить права доктора Серватиуса на день или два, мы надеемся на то, что получиться, что-то практичное и полезое для представления трибуналу.

Председатель: Вы говорите об организациях?

Максвелл-Файф: Нет, в связи с подсудимым Заукелем.

Председатель: О, да.

Максвелл-Файф: Ваша светлость вспомнит, что вы позволили отсрочить вопрос. Мы работали в тех линиях, которые предложил ваша светлость, но я боюсь у меня не было времени вникнуть, и понять результат.

Председатель: Понимаю.

---

[544] Альфред Лейтген (1902 – 1977 или 1988) – нацистский политик. Пресс-секретарь Рудольфа Гесса. В 1941-1944 находился в концентрационном лагере Заксенхаузен.

Серватиус: При обсуждении свидетелей, я предложил ограничение представленное суду в письменном виде. По поводу документов, я практически договорился о том как с ними работать. Однако, есть два принципиальных ходатайства, которые я хочу представить и которые пока не упоминались. Но мне кажется, что трибунал должен принять принципиальное решение в этом отношении. Ходатайства о документах 80 и 81.

Документ 80 это фотокопия приказа о депортации, который был принят в городе Ольс местным советским командиром, по которому местное взрослое население должно было явиться для депоратции, и из этого приказа можно видеть, что это депортация с целью работы. Я хочу представить его, чтобы показать, что Гаагское соглашение о сухопутной войне советской армией рассматривается как устаревшее. У меня есть только один приказ о депортации. Поэтому я должен предложить, чтобы трибунал воспользовался статьей 17 (а) устава и направил на место судью для установления масштаба депортации, и я хочу соответственно показать этим, что это не только в городе Ольс, но похожим образом это происходит в большом масштабе в городах Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Население депортируется в больших количествах с целью работы и если сведения, которые я получил, верны, часть населения Кёнигсберга сегодня находится в горах Урала. Я не в состоянии представить документы обо всех этих вещах, ввиду почтовых трудностей и вообще получения новостей с Востока. Но трибунал должен быть в состоянии установить, запросив бургомистров и других чиновников правильно ли то, о чём я сказал.

Документом 81 я представляю письменные показания о городе Саац в Чехословакии. Там 10000 жителей города Сааца были помещены в лагерь и до рождества 1945 они бесплатно работали. Мне кажется это также является доказательством того факта, что Гаагское соглашение о сухопутной войне рассматривается как устаревшее и изменённое в отношении использования рабочей силы.

Кроме того, документ 90 и 91. Это две книги с письменными показаниями означают замену расследованию. Не будет относиться к делу если я представлю одно или два письменных показания по вопросу условий в трудовых лагерях. Можно возражать этому как не относящемуся к делу, в виду большого количества фабрик и лагерей которые существовали, мало доказательств представлено этими письменными показаниями. Эти массовые условия нужно рассмотреть юридически. Таким образом, устав допускает правительственные доклады. Я не в состоянии просить помочь мне в этом вопросе. Следовательно, я долже найти замену сбору письменных показаний и сгруппировать их в логическую форму в блокноте для того, чтобы представить трибуналу. В этом заключается цель моего предложения представить презентацию доказательств которая является новшеством и сложной для меня, но соответственно такие же возражения являются оправданными в

отношении расследования. Расследование имеет большую слабость, в особенности если оно проводится односторонним способом без участия тех кто заинтересован с другой стороны. В случае моих письменных показаний опасность значительно меньше, потому что трудно найти кого-либо кто бы заполнил эти письменные показания не имея очень серьёзных причин это делать. Поэтому я прошу трибунал решить о моём ходатайстве о документах 90 и 91. Этот вопрос я хотел здесь поставить, остальное я обсужу с обвинением.

Максвелл-Файф: С позволения трибунала, я уже намекал на основания по которым обвинение возражает документам 80 и 81. Чтобы протестировать их допустимость легче всего признать, что доктор Серватиус подтвердил факты. И если это сделать они не будут, по моему мнению, подпадать под доказывание того, что статья 52 устарела, и их иллюстративный характер опасен, который я стремлюсь отметить трибуналу в отношении двух аргументов – расплывчатое и гипотетическое предложение о том, что есть какие-то доказательства того, что статья 52 устарела. Этим предлагается, что трибунал должен судить о поведении Советского Союза в отношении трудовых условий, и как понимаю, направить комиссию для сбора доказательств этого. И я не хочу повторять аргументы, но обвинение наиболее решительно возражает предложению и говорит о том, что не указано ничего, чтобы создавало основу для этого.

В отношении 90 и 91, действительно чувствую, что лучшим способом был бы Solvitur ambulando[545]. Давайте посмотрим на письменные показания и узнаем об их содержании и источнике сведений, и тогда обвинение сможет решить о них. На данной стадии я не хочу ничего делать, чтобы исключать их и они получат самое большое внимание от моих коллег и меня когда их предъявят.

Председатель: Мне сказали, что есть ещё дополнительные ходатайства от подсудимого Шахта и подсудимого Кейтеля. Думаю может быть ошибка.

Представитель подсудимого Бормана здесь?

Бергольд: Да.

Председатель: Вы готовы с чем-нибудь разобраться?

Бергольд: Нет.

Председатель: Я думаю, трибунал приказал о том, чтобы отсрочить ваши ходатайства на три недели. Вы пока не готовы? Мне сказали, что все ваши документы здесь. Это так?

Бергольд: Господин председатель, мои документы здесь, насколько мне известно. Однако, поскольку я должен собрать свою собственную информацию из книг, я не могу сказать трибуналу все ли это мои документы. Поэтому я попросил разрешения поговорить с секретаршей, Вюндерлих, которая долгое время была секретаршей, а также с ещё одной секретаршей. Только от этих двух я получу удовлетворительную информацию. Бормана не найти. Поэтому, по практическим причинам, я прошу

---

[545] «По ходу дела» (лат.)

разрешения представить всё позже.

Председатель: Очень хорошо. Тогда трибунал сейчас – мне сказали, что есть ходатайства от подсудимых Кейтеля, Розенберга…

Бергольд: Господин председатель, защитники Кейтеля и Розенберга отсутствуют. Наверное, сегодня можно не ждать их ходатайств. Может быть, это можно сделать завтра до начала дела Геринга.

Председатель: Что же, трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 8 марта 1946*]

